

О.А.Отпрышко

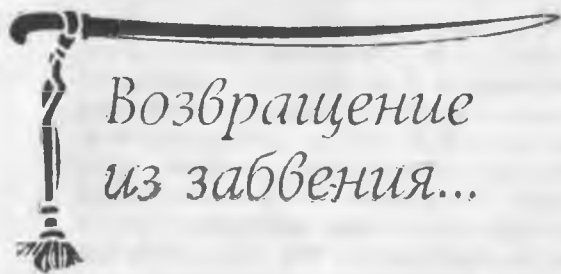
Кавказская
конная
дивизия

Возвращение
из забвения...

О. Л. Опрышко

Кавказская
конная дивизия
1914-1917

*Возвращение
из забвения...*

СП 58-208-286

Олег Леонидович Опрышко, уроженец Кабардино-Балкарской Республики. Окончил Московский государственный историко-археологический институт. Заслуженный работник культуры Кабардино-Балкарии. Член Союза писателей Российской Федерации.

Автор десяти документально-публицистических книг об истории Кабардино-Балкарии (XVI—начало XX века) и о событиях периода Великой Отечественной войны на Северном Кавказе.

В новой книге О. Л. Опрышко рассказывается о жизни кабардинских горцев, прославившейся в годы Первой мировой войны, о всадниках и офицерах входивших в ее состав Кабардинского, 2-го Дагестанского, Чеченского, Ингушского, Черкесского и Татарского полков.

58
208
286

0 4702010204-037
M125(03)-99 63-99

© О. Л. Опрышко, 1999

ISBN 5-7680-1441-1

От автора

Эта книга рассказывает о сынах Кавказа, прославивших себя на полях сражений Первой мировой войны в 1914—1917 годах. В то время из добровольцев Кабарды и Балкарии, Адыгеи и Черкесии, Карачая и Абхазии, Ингушетии, Чечни и Дагестана, татарских провинций в Закавказье и азербайджанцев были сформированы шесть конных полков, объединенных в дивизию с официальным наименованием «Кавказская туземная конная дивизия».

Как сама дивизия, так и входившие в ее состав полки — Кабардинский, 2-й Дагестанский, Чеченский, Татарский, Черкесский и Ингушский — стали гордостью российской армии. Это было поистине уникальное воинское соединение по своей организации, многонациональному составу всадников и офицеров, по царившему между ними духу воинского братства, солидарности и взаимовыручки, что в наше трудное время должно служить для всех нас непреходящим уроком взаимопонимания, человечности и уважения друг к другу.

Много лет спустя после Первой мировой войны, находясь в эмиграции во Франции, бывший офицер Кабардинского конного полка Алексей Алексеевич Арсеньев в очерке «Кавказская Туземная Конная Дивизия», опубликованном в 1958 году парижским эмигрантским журналом «Военно-исторический вестник», писал: «Начавшаяся в июле 1914 года Первая мировая война вызвала появление в составе Императорской Российской конницы новой боевой единицы, и притом — территориального характера: Кавказской Туземной Конной Дивизии, именованной в военном обиходе «Дикой»; она вскоре же прославилась своими боевыми действиями в такой степени, что некоторые полки ее, в том числе родной полк пишущего эти страницы — Кабардинский конный... имели [право] получить Георгиевские штандарты, чем были бы сравнены в своем достоинстве со славными и старейшими полками. Помешала этому — «Великая и Бескровная» — Февральская революция 1917 года.

Говоря о многонациональном составе всадников и офицеров в полках дивизии, Арсеньев скажет, что

«в Дагестанском полку были люди приблизительно 20 наречий, в Кабардинском (вместе с кабардинцами) были и их соседи — балкарцы...».

Придя на службу в Кавказскую конную дивизию в начале 1917 года, корнет Алексей Арсеньев обратит внимание на добрые отношения, сложившиеся здесь между офицерами разных национальностей: «Племенной состав офицеров в полках был смешанный: например, в Ингушском, кроме русских и ингушей, было много грузин; в Кабардинском — были и кабардинцы, и осетины, и балкарцы, и грузины. В полковой офицерской среде все были равны и никому в голову не могло прийти считаться каким-либо образом с национальностью другого — все были членами единой полковой семьи...»

Три года Кавказская конная дивизия, завоевавшая поистине легендарную воинскую славу, находилась в Действующей армии на Юго-Западном и Румынском фронтах. О ее геройских делах хорошо знали в российской армии и по стране. Но потом, после Октябрьской революции, по идеологическим соображениям боевая история дивизии и ее полков, подвиги всадников и офицеров будут преданы полному забвению и вычеркнуты из истории народов Кавказа...

И только в наше время мы можем сказать правду о той, фактически оставшейся для нас неизвестной, Первой мировой войне, о доблести в боях кавказских полков, об одном из которых — Кабардинском — мне в последние годы уже довелось частично рассказать в книгах «Бывают странные сближения...» (1993) и «На изломе времен...» (1996). Публикация же этого нового документального повествования, надеюсь, будет способствовать «возвращению» к нам из долгого забвения всей Кавказской конной дивизии с ее замечательной боевой историей, с героями — всадниками и офицерами, имена которых мы должны знать и помнить. Ведь все они, люди разных национальностей, скрепленные фронтовым братством, в одном строю доблестно сражались за наше общее Отечество и, не щадя жизни, защищали его от врага.

Книга «Кавказская конная дивизия» написана на основе документальных материалов Российского государственного военно-исторического архива, Центрального государственного архива Кабардино-Балкарской Республики, других хранилищ документов, а также на основе публикаций российских газет и журналов за 1914—1917 годы, журналов и книг, изданных за рубежом в эмигрантских издательствах.

РОЖДЕНИЕ ДИВИЗИИ

В летние дни 1914 года в слободе Нальчик — центре Нальчикского округа (нынешняя Кабардино-Балкария) — станет известно о том, что 19 июля (1 августа по новому стилю) Германия объявила войну России.

Сообщение об этом содержалось в телеграмме, которую начальник Нальчикского округа подполковник Султанбек Касаевич Клишбиев получил 20 июля из Владикавказа от начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска генерал-лейтенанта Флейшера. В тот же день он направил к «старшинам селений Большой и Малой Кабарды и Пяти Горских обществ» Балкарии конных курьеров с известием о начале войны и его распоряжением о срочном созыве съезда их доверенных.

Начальник Нальчикского округа Султанбек Касаевич Клишбиев был яркой, деятельной и целеустремленной личностью. Уроженец селения Клишбиевского (ныне Нартан), он, согласно послужному списку, родился 5 ноября 1867 года, происходил «из дворян — кабардинских узденей Нальчикского округа, Терской области». На военной службе находился с 4 августа 1889 года, вступив рядовым «на правах вольноопределяющегося» в расположенный на Северном Кавказе 46-й драгунский Переяславский полк, откуда 8 августа и был командирован на учебу — «для прохождения курса наук» — в широко известное тогда на всю Россию Елизаветградское кавалерийское училище.

Окончив училище по 1-му разряду, корнет Клишбиев вернулся в Переяславский полк, а с 1893 года он служил в Одесском военном округе в 17-м драгунском Волынском полку. С постижением армейской жизни приходил к нему и командирский опыт. И в результате, 10 октября 1898 года штабс-ротмистр Клишбиев был направлен в Петербург в знаменитую в дореволюционной России Офицерскую кавалерийскую школу «для усовершенствования техники кавалерийского дела».

По завершении двухлетнего курса обучения служба Клишбиева вновь проходила в рядах 17-го драгунского Волынского полка (переименованного позже в 6-й уланский) на Украине, затем в Грузии. Он возглавлял полко-

вую учебную команду, был командиром эскадрона, состоял членом полкового суда. 3 сентября 1908 года ротмистр Султанбек Касаевич Клишбиев приказом по Тифлисскому губернскому правлению «командирован с разрешения и. д.* заместника Его Императорского Величества на Кавказе для временного управления Тифлиским уездом со всеми правами и обязанностями уездных начальников».

10 октября последует приказ по Военному ведомству о переводе ротмистра Клишбиева в «ведомство Министерства внутренних дел» с оставлением «по армейской кавалерии», а 29 октября он будет назначен начальником Сигнахского уезда Тифлиской губернии. Два месяца спустя, в декабре того же 1908-го, его «перемещают» для несения службы на Северный Кавказ, в Терскую область, где Султанбек Касаевич допускается к временному исполнению, а затем и утверждается в должности начальника Хасав-Юртовского округа.

С осени 1910 года ротмистр Клишбиев возглавил Нальчикский округ. Позже в свидетельстве, выданном врачебным отделением Терского областного правления, будет сказано, что у него «в течение 1910—1912 годов наблюдалось несколько раз горловое кровотечение... почему Клишбиев и перевелся из России на службу в Нальчик — курорт легочных больных». И здесь же о Султанбеке Касаевиче отмечено: «Свидетельствуемый высокого роста, правильного сложения, хорошего питания».

Регулярное лечение помогало ему всегда быть в форме, и болезнь никоим образом не отражалась на его служебных обязанностях.

Как явствует из послужного списка, 26 февраля 1911 года Высочайшим приказом императора Николая II Клишбиеву был присвоен чин подполковника. Здесь же содержится запись и о его семейном положении — «женат на дочери генерал-лейтенанта Шипшева, девице Кябахан Темирхановне Шипшевой», имеет детей — «сыновей: Саладина, родившегося 12 января 1907 года, Мурадина — 17 июня 1908 года и Мухамеда — 11 июля 1910 года».

Подполковник Клишбиев, находясь во главе Нальчикского округа, проявил недюжинные способности руководителя и администратора, ведь на нем лежало решение буквально всех вопросов и проблем, связанных с жизнью слободы Нальчик, сел и аулов Кабарды и Балкарии. Это

---

* Исполняющего должность.

во многом благодаря ему в Нальчике будет возведено фундаментальное здание реального училища *, одного из лучших на Северном Кавказе, в 1913 году проложат железнодорожную ветку от слободы до станции Котляревской с выходом по Владикавказской железной дороге в Центральную Россию и Закавказье, в Долинске начнется курортное строительство, а в селах и аулах округа откроются новые школы.

И вот теперь с началом войны, в июле 1914-го, Султанбек Касаевич намеревался вынести на созываемый им съезд доверенных Кабарды и Балкарии вопрос о формировании в Нальчикском округе конного полка для участия в боевых действиях в составе российской армии. Подобный недавний пример уже был в Японскую кампанию. Тогда в 1904 году из Нальчика ушла на фронт, в Маньчжурию, Кабардинская сотня, состоявшая из кабардинцев и балкарцев и входившая в состав Терско-Кубанского конного полка. Почти половина ее всадников за храбрость в боях с японцами получила в награду знаки отличия Военного ордена — Георгиевские кресты.

Уже 23 июля в Нальчик стали съезжаться из кабардинских селений и балкарских обществ доверенные — почетные представители. А в середине следующего дня в актовом зале реального училища подполковник Клишбиев открыл съезд. Прежде чем перейти к основному вопросу повестки дня, он известил собравшихся, что получил экстренное сообщение из Владикавказа от начальника Терской области о том, что вслед за Германией и ее союзница Австро-Венгрия объявила России войну.

И вот постановление почетных представителей Кабарды и Балкарии:

«1914 года, июля 24 дня. Слобода Нальчик.

Доверенные от селений Большой и Малой Кабарды и Пяти Горских обществ Нальчикского округа, собравшись сего числа в слободе Нальчик для обсуждения вопросов, связанных с существующим положением Российского Государства, вознеся Господу Богу молитвы о здравии и благоденствии Его Императорского Величества Государя Императора и Всего Царствующего Дома, единогласно постановили — обратиться к начальнику Терской области и наказному атаману Терского казачьего войска с просьбой по телеграфу:

---

* В наши дни в этом здании находится медицинский факультет Кабардино-Балкарского государственного университета.

«...Просить Государя Императора разрешить населению Кабарды и Пяти Горских обществ выставить за счет населения на театр военных действий Кабардинский конный полк четырехсотенного состава».

Составленный текст телеграммы одобрить и просить начальника округа отправить таковую за своей подписью».

Вечером 24 июля начальник Терской области Флейшер получил из Нальчика срочную телеграмму и сразу же телеграфом передал ее текст в Тифлис заместнику царя на Кавказе генералу от кавалерии графу Иллариону Ивановичу Воронцову-Дашкову. А наместник, в свою очередь, немедленно известил царя Николая II о намерении «населения Большой и Малой Кабарды и Пяти Горских обществ» сформировать конный полк.

В те же дни о решении, принятом в Нальчике, узнали по всей России. Санкт-Петербургское (переименованное вскоре в Петроградское) телеграфное агентство, являвшееся официальным правительственным каналом распространения информации, передало для публикации в печати сообщение, которое 26 июля 1914 года было напечатано в газете «Кавказ», издаваемой в Тифлисе: «Владикавказ. Представители Большой и Малой Кабарды и Пяти Горских обществ, выразив верноподданные чувства, постановили просить разрешение Белого Царя сформировать за счет населения Кабарды и Горских обществ конный полк из четырех сотен для отправления на войну».

Утром 26 июля в Нальчикской почтово-телеграфной конторе приняли срочную телеграмму с пометкой «по мобилизации», присланную подполковнику Клишбиеву из Владикавказа от начальника Терской области генерал-лейтенанта Сергея Николаевича Флейшера с известием: «Наместник разрешил сформировать за счет населения Кабарды и Пяти Горских обществ один конный полк четырехсотенного состава».

Немедленно приступить к составлению списков посотенно и формированию применительно штату, который высылается. Подробности денежного довольствия, офицерского состава запрошены в штабе округа.

Душевно поздравляю. Глубоко убежден, что полк покроет себя славною доблестью, выполнит ожидания Государя Императора».

А наступившей ночью 26 июля подполковник Клишбиев получил еще одну телеграмму от Флейшера: «Госу-

дарь Император вполне одобрил и утвердил распоряжения относительно сформирования Кабардинского полка и рад горячему порыву населения Кабарды и Горских обществ».

* * *

Итак, Кабардинский конный полк получил право на жизнь, став в 1914 году первой на Северном Кавказе национальной воинской частью, личный состав которой формировался на добровольных началах из горцев — кабардинцев и балкарцев Нальчикского округа. И именно этот факт, ставший известным в стране и на всем Кавказе и одобренный самим царем, послужит главным основанием к принятию 9 августа в штабе Кавказского военного округа в Тифлисе, а затем и в высших правительственных и военных кругах России решений о формировании других добровольческих полков из горского населения Кавказского региона.

Так с момента создания Кабардинского конного полка произойдет рождение уникального в своем роде воинского соединения...

23 августа был объявлен Высочайший приказ Николая II о создании «Кавказской туземной конной дивизии» трехбригадного состава из шести полков: Кабардинского, 2-го Дагестанского, Чеченского, Татарского, Черкесского и Ингушского. В то время в составе российской армии уже находились Кавказская кавалерийская (конная) дивизия и пять Кавказских казачьих дивизий. Поэтому, когда произошло рождение нового воинского соединения исключительно из горцев Кавказа, было принято решение назвать его — «Кавказская туземная конная дивизия», чем подчеркивалось исключительно ее местное, кавказское происхождение. Ведь, согласно словарю Владимира Ивановича Даля, слово «туземный» объясняется как «принадлежность какой-либо стране, земле».

Об исключительном внимании императора Николая II и Верховного Главнокомандующего великого князя Николая Николаевича к новой дивизии кавказских горцев свидетельствует тот факт, что командиром ее тогда же, 23 августа, назначается младший брат царя генерал-майор Свиты Его Величества великий князь Михаил Александрович, родившийся 22 ноября 1878 года. Известный русский генерал Алексей Алексеевич Брусилов в книге «Мои воспоминания» так скажет о нем: «Я

очень его любил, как человека безусловно честного и чистого сердцем... стремившегося лишь к тому, чтобы жить честным человеком, не пользуясь прерогативами императорской фамилии... Он был храбрый генерал и скромно, трудолюбиво выполнял свой долг».

Согласно Высочайшему приказу от 23 августа, в должность начальника штаба дивизии вступил сорокадвухлетний полковник Яков Давидович Юзефович, «литовский татарин», происходивший из тех крымских татар, которых еще в средневековье короли Великого княжества Литовского пригласили к себе на службу. И там, на польских и литовских землях, многие из них навсегда и осели, сохранив при этом свой язык и веру. В послужном списке указано, что Юзефович «магометанского вероисповедания, потомственный дворянин Гродненской губернии». Он участвовал в русско-японской войне 1904—1905 годов. Потом служил в Генеральном штабе, а с июля 1914-го — в Ставке Верховного Главнокомандующего.

Сам факт формирования «Кавказской туземной конной дивизии» из добровольцев стал ярким и знаменательным событием в истории установления новых взаимоотношений России с кавказскими горцами. Ведь к 1914 году прошло всего пятьдесят лет с того времени, как окончилась продолжительная Кавказская война, которую российские правители вели на Кавказе, покоряя многие из его народов силой оружия. И то, что теперь целая горская дивизия, насчитывавшая более 3000 всадников и офицеров, вливалась в состав русской армии, конечно же говорило о том, что в сложившейся исторической обстановке горцы искренне шли на фронт, чтобы защитить от врага Россию, ставшую и для них общим с другими народами Отечеством.

Вот что в связи с этим писал бывший офицер Кабардинского конного полка, юрист по образованию, Алексей Алексеевич Арсеньев в очерке «Кавказская Туземная Конная Дивизия»:

«Целый ряд народов и народностей в Империи Российской были свободны от воинской повинности... В то же время представители этих народов, желавшие вступить в военную службу, пользовались полными правами к этому и достигли даже высоких постов; примерами — генерал Маннергейм — финн, генерал Мехмандаров — кавказский татарин, генерал Хагондоков — кабардинец и бесконечное число других, преданно и доблестно служивших России...

И — странное дело! Поставленные судьбой в необходимость покориться России и узнать Ее, люди и народы, дотоле бывшие Ее врагами, — переставали быть ими!

Последний Имам Чечни и Дагестана — Шамиль — вел в продолжение десятилетий ожесточенную войну с Россией. Взятый в 1859 году в плен (в знак уважения к его доблести ему было оставлено его оружие), он был отведен в г. Калугу, где содержался со всей своей семьей, окруженный почетом... Жизнь свою он окончил в Мекке, куда ему — полувековому вождю кровавой борьбы — было разрешено ехать на поклонение, а его сын был назначен флигель-адъютантом к Императору Александру II.

Последний владетельный князь Карачая — Шамхалов — вел упорную борьбу с Россией еще в 70—80-х годах: я видел ущелье, где происходило последнее сражение. Его сын, с которым мне пришлось познакомиться в 1914 году, — князь Мурзакул Крымшамхалов — был в Русско-Японской войне командиром полка и кавалером ордена Св. Георгия.

Большинство туземцев славной «Дикой Дивизии» были или внуками, или — даже сыновьями бывших врагов России. На войну они пошли за Нее, по своей доброй воле, будучи никем и ничем не принуждаемы; в истории «Дикой Дивизии» — нет ни единого случая даже единичного дезертирства!»

* * *

В Нальчикском округе началась работа по формированию Кабардинского конного полка. Уже 27 июля подполковник Клишбиев пошлет во Владикавказ генерал-лейтенанту Флейшеру телеграмму о том, что капитан Мамышев и прапорщик Докшоков «просят назначения в формируемый полк. Прошу ходатайства Вашего Превосходительства о назначении названных офицеров».

Капитан Барасби Саляхович Мамышев служил помощником начальника Нальчикского округа и председателем Горского словесного суда, призванного рассматривать судебные дела кабардинцев и балкарцев. Как видно из «Краткой записки о службе», он родился 10 февраля 1875 года, «сын узденя Нальчикско-Клишбиевского селения Терской области». Отцом капитана Мамышева был юнкер Салях Мамышев, житель селения Вольный Аул (называемого тогда Нальчикско-Клишбиевским), а матерью — Хаблахан, дочь балкарского таубия (князя) Балкарокова из Чегемского общества.

Об образовании Барасби Саляховича известно: «Окончил курс в Екатеринодарской гимназии и в Тифлисском пехотном юнкерском училище».

На военной службе Мамышев состоял с 1898 года, поступив вольноопределяющимся в 82-й пехотный Дагестанский полк *. После окончания в марте 1901-го военного училища его служба проходила в Туркестане, затем с февраля 1908-го — в Терской области, где он занимал должности начальника участков во Владикавказском и Назрановском округах. В сентябре 1911 года Барасби Саляхович назначается помощником начальника Нальчикского округа. Незадолго до начала войны он был произведен в чин капитана.

В «Краткой записке о службе» указано также, что Мамышев «женат на девице Силикамского купеческого сына Варваре Барановой» и на 1914 год имел дочь восьми лет и четырехлетнего сына.

Характеризуя капитана Мамышева и поддерживая его стремление вступить в формируемый полк, начальник Нальчикского округа Клишбиев в письме к высокопоставленному чиновнику в администрации наместника Кавказа князю Асельдер-беку Казаналипову писал: «Скажу коротко, что офицер этот вполне достоин быть в рядах полка... Будучи случайно пехотинцем, он, как природный кабардинец, служа в Кабардинском конном полку, во всех отношениях не уступит ни одному самому лихому кавалеристу... Ручаюсь перед Вами, что мне не придется краснеть за этого офицера, т. к. по служебным и нравственным качествам он выше всяких похвал».

Ходатайствовал о зачислении в Кабардинский конный полк и тридцатидесятилетний прапорщик Хакяша Кучукович Докшоков, кабардинский «уздень 1-й степени», уроженец селения Докшоково (Старый Черек). Он получил образование в Нальчикской горской школе, работал сельским учителем. В 1904 году добровольцем вступил в Кабардинскую сотню, участвовал в боях с японцами в Маньчжурии и за храбрость был награжден Георгиевским крестом 4-й степени, затем произведен в чин юнкера. По возвращении с войны Хакяша Докшоков поступил на службу в Терскую постоянную милицию, состоя в которой получил чин прапорщика. В 1914 году он находился в должности помощника начальника 1-го участка Нальчикского округа.

---

* Многие полки русской армии в XVIII — начале XX века носили названия по местам их нахождения.

Капитан Мамышев и прапорщик Докшоков будут зачислены в состав Кабардинского конного полка. Но Барасби Саляховичу в связи с болезнью, видимо распространенным тогда тифом, не придется уйти со своими земляками на фронт. Когда же он поправится, то начальник Терской области генерал Флейшер назначит капитана Мамышева командиром запасной сотни Чеченского конного полка, в связи с чем в декабре 1914-го он и выедет из Нальчика в Грозный...

3 августа из Владикавказа от начальника штаба Терского казачьего войска генерал-майора Федора Григорьевича Чернозубова Клишбиев получил телеграмму с сообщением: «Командиром Кабардинского полка Высочайше назначен полковник граф Воронцов-Дашков Илларион». Это был сын кавказского наместника, служивший адъютантом младшего брата царя великого князя Михаила Александровича. Он приходился правнучатым племянником Екатерине Романовне Дашковой, урожденной Воронцовой, знаменитой сподвижнице императрицы Екатерины II, ставшей президентом Петербургской (Российской) академии наук.

В середине августа полковник Воронцов-Дашков прибудет из Петрограда в Нальчик. 23 августа Высочайшим приказом Николая II состоялось его утверждение полковым командиром, а 24-го из Тифлиса в Нальчик на имя подполковника Клишбиева пришла телеграмма от наместника на Кавказе графа Воронцова-Дашкова: «Радуюсь назначением моего сына командиром Кабардинского полка. Сердечно тронут оказанным ему приемом кабардинским народом — моими старыми кунаками. С полком пойдут мои лучшие пожелания благополучия и отличия в боях».

В обязанности начальника Нальчикского округа подполковника Клишбиева, в связи с формированием Кабардинского конного полка, входила чрезвычайно важная задача — обеспечить сбор добровольцев-«охотников» по селениям Кабарды и аулам Балкарии. 3 августа он направил распоряжение «старшинам селений и обществ Нальчикского округа», в котором уже детально обговаривались вопросы набора всадников «ввиду последовавшего Высочайшего разрешения сформировать четырехсотенный полк на счет населения Большой и Малой Кабарды и Пяти Горских обществ». Здесь указывались и требования, предъявляемые к тем, кому предстояло служить в полку: «Всадниками могут быть кабардинцы и горцы

[балкарцы] Нальчикского округа возрастом от 18 до 40 лет, вполне здоровые, без физических недостатков, могущие переносить тяготы походной и боевой службы, не лишенные прав и не судившиеся...»

Тем же распоряжением подполковника Клишбиева предписывалось в каждом кабардинском селении и балкарском обществе создать комитеты для записи добровольцев. Для наблюдения же за их деятельностью он назначил специальные комиссии. Среди их членов были представители от Большой Кабарды — прапорщик князь Таусултан Наурузов и уздень Кучук Докшонов, «от Малокабардинцев» — уздени Альбакит Астемиров и Магомет-Гери Хапцев, «от Горских обществ» — ветеран службы в Собственном Его Величества конвое прапорщик таубий Шакман Шакманов и таубий Чопе Урусбиев.

По селениям Кабарды и обществам Балкарии началась работа по набору всадников-добровольцев. Как правило, каждый из них должен был подать заявление «по начальству»; за неграмотных писали их односельчане или сельские писари. Вот несколько таких заявлений, относящихся к лету 1914 года, написанных собственноручно подавшими их «охотниками».

«Старшине селения Ахлово.

Заявление.

Имея ревностное желание поступить добровольцем во вновь формируемый Кабардинский конный полк, прошу г-на старшину ходатайствовать перед кем следует о зачислении меня в названный полк.

К сему подписуюсь Али Инароков.
1914 г. 27 июля».

Двадцатилетний Али Жанхотович Инароков будет зачислен всадником в Кабардинский конный полк. За храбрость в боях он получит в награду четыре Георгиевских креста, а позже, состоя в офицерском чине, — пять орденов.

«Господину начальнику Нальчикского округа.

Жителя селения Кармово сына поручика Хабижа Хажибекировича

Абдурахманова и жителя селения
Докшукино Актола Измаиловича
Шипшева

Заявление.

Сим имеем честь заявить Вашему Высокоблагородию о нашем желании вступить в ряды добровольцев, формируемых из кабардинцев Нальчикского округа для несения службы во время войны Его Императорского Величества.

К сему Хабиж Хажибекирович Абдурахманов
и Актол Измаилович Шипшев.

1 августа 1914 г.»

Кабардинские уздени тридцатипятилетний Хабиж Абдурахманов и его младший товарищ, двадцатитрехлетний Актол Шипшев, будут приняты в состав Кабардинского полка. В боях заслужат Георгиевские кресты, производство в офицерские чины, награждения орденами.

«Его Высокоблагородию г-ну
начальнику Нальчикского ок-
руга.

Жителя Балкарского общест-
ва таубия Ибрагима Азамато-
вича Биева

Заявление.

Желая поступить добровольцем в формируемый Кабардинский конный полк, имею честь просить ходатайства Вашего Высокоблагородия о зачислении меня всадником в сказанном полку.

К сему Ибрагим Биев.

1914 года августа 4-го дня».

Балкарский таубий Биев служил переводчиком при начальнике 2-го участка Нальчикского округа, в 1913-м был награжден медалью «В память 300-летия царствования Дома Романовых». В двадцать четыре года Ибрагим Азаматович станет всадником Кабардинского полка. За боевые отличия получит Георгиевский крест и медаль «За храбрость», будет произведен в чин прапорщика и удостоен ордена.

«Старшине селения Хапцева.
Жителя селения Хапцева узденя
Кургоко Азапшева

Заявление.

Желая поступить добровольцем в формируемый в данное время Кабардинский конный полк, прошу Вас зачислить меня в списки добровольцев.

К сему заявитель Кургоко Азапшев.
8 августа 1914 г.».

Кабардинскому дворянину Кургоко Алиевичу Азапшеву в то время исполнилось двадцать четыре года. Всадником Кабардинского полка он заслужит в боях Георгиевский крест и медаль «За храбрость». Произведенный в офицеры, будет награжден тремя орденами.

* * *

Шло укомплектование полка и офицерскими кадрами... В начале августа по распоряжению начальника округа представителем от Большой Кабарды в комиссию, связанную с набором добровольцев, был назначен сорокачетырехлетний прапорщик князь Таусултан Наурузов, сын подпоручика, участника войны с Турцией в 1877—1878 годах. «Князь Таусултан Магометович Наурузов происходит из родовитых кабардинских князей, сын офицера, в течение многих лет несет по выбору службу депутата Нальчикского горского словесного суда, видный конезаводчик» — так характеризовал его Султанбек Касаевич Клишбиев.

В августе 1912 года князь Таусултан Наурузов как представитель Нальчикского округа был командирован в «город Москву на празднование столетия Бородинского сражения». Спустя полгода, в феврале 1913-го, в составе депутации от округа он побывал и в Петербурге, где участвовал «в празднествах по случаю трехсотлетнего царствования Дома Романовых». В связи с этим будет награжден медалью «В память 300-летия царствования Дома Романовых» и произведен в чин прапорщика.

В конце августа 1914 года Таусултан Магометович Наурузов пошлет телеграмму заместнику на Кавказе графу Воронцову-Дашкову: «Ваше Сиятельство, покойный отец мой, Магомет, сражался вместе с Вами. Осчастливьте меня сражаться вместе с Вашим сыном». Ответ из

Тифлиса гласил: «Зачислить в штат полка». Вместе с князем Таусултаном Наурузовым в полк вступит всадником и его двадцатитрехлетний сын Науруз...

В 1914 году далеко от Нальчика, в Сибири, комендантом города Иркутска нес службу войсковой старшина (подполковник) Федор Николаевич Бекович-Черкасский, происходивший из старинного кабардинского княжеского рода. Его прапрадед, генерал-майор Эльмурза Черкасский, приходился младшим братом известному в российской истории близкому сподвижнику Петра I, капитану лейб-гвардии Александру Бековичу Черкасскому (Девлет-Гирею Бекмурзину), составителю первой правильной карты Каспийского моря, трагически погибшему в Хиве при выполнении важной для России дипломатической миссии.

Князь Федор Николаевич Бекович-Черкасский родился 14 мая 1870 года в родовом имении Бековичей, находившемся в Малой Кабарде на правом берегу Терека, близ Моздока. Его прадед Касбулат Эльмурзович еще в XVIII веке принял христианство и получил имя Александра. С того времени он, как и его потомки, считался православным. Но, нося христианские имена, они имели и кабардинские. Так, Федор Бекович-Черкасский по-кабардински назывался Темботом, а его отец — полковник Николай Бекович-Черкасский — Жанхотом. И поэтому когда в 1917 году он вновь примет «религию своих предков» — ислам, то станет известным, как Тембот Жанхотович.

В юношеские годы Федор Бекович-Черкасский учился в Ставропольской гимназии, в то время самом авторитетном учебном заведении на Северном Кавказе. Делом своей жизни, как и многие мужчины в его роду, он избегает военную службу в рядах российской армии. 14 августа 1891 года двадцатиоднолетний князь Бекович-Черкасский на правах вольноопределяющегося вступит в 46-й драгунский Переяславский полк Кавказской кавалерийской дивизии, откуда позже его направят на учебу в Елизаветградское кавалерийское училище.

По завершении курса наук «по 1-му разряду», с сентября 1894 года, он нес службу в той же дивизии в составе 45-го драгунского Северского короля датского Христиана IX полка, стоявшего в Пятигорске. Довелось Федору Бековичу-Черкасскому быть заведующим полковым оружием, полковым адъютантом, начальником полковой свитской команды, когда ему приходилось со

своими драгунами состоять в почетных эскортах при высоких особах, приезжавших на курорты Кавказских минеральных вод. Один из них — эмир бухарский — летом 1896 года даже вручил корнету князю Бековичу-Черкасскому «Бухарский орден Восходящей звезды 3-й степени». А через шесть лет, в связи с 200-летним юбилеем драгунского Северского полка, носившего имя датского короля Христиана IX, ему был пожалован «королем Датским кавалерский крест ордена Данеброга».

Бековича-Черкасского хорошо знали в Кавказской кавалерийской дивизии как лихого кавалериста и искусного наездника. В его послужном списке отмечено, что он неоднократно завоевывал высокие призы «на окружных скачках» с «искусственным препятствием» и при «испытании офицерских лошадей», проводимых командованием Кавказского военного округа от имени военного министра.

29 сентября 1901 года поручик Бекович-Черкасский направляется в Петербург на учебу в Офицерскую кавалерийскую школу. Два года он будет проходить здесь высшую науку «кавалерийского дела». В чине штабс-ротмистра со свидетельством об успешном окончании учебы покинет Федор Николаевич Офицерскую школу. Вернувшись в 45-й драгунский полк, он вскоре примет под свое командование эскадрон. Потом придет 1904 год, январь которого для России ознаменуется началом войны с Японией. А 4 марта в штабе Кавказского военного округа в Тифлисе был принят приказ о назначении штабс-ротмистра Бековича-Черкасского командиром сотни, формируемой в Нальчике. «19 марта 1904 года командирован в г. Владикавказ в распоряжение начальника Терской области,— сказано в его послужном списке.— Назначен командиром Кабардинской сотни Кавказской конной бригады, формируемой для войны с японцами». Кабардинская сотня войдет в состав Терско-Кубанского конного полка, который, наряду со 2-м Дагестанским полком, составит отдельную Кавказскую конную бригаду.

До середины января 1905 года подъесаул (переименованный из штабс-ротмистров) Бекович-Черкасский командовал Кабардинской сотней, участвуя во многих боях с японцами, затем служил в отдельном дивизионе разведчиков при главнокомандующем. 3 марта «за отличия в делах против неприятеля» его досрочно произведут

в чин есаула (ротмистра) и назначат командиром сотни в разведдивизионе.

Сражался князь Бекович-Черкасский храбро и менее чем за год участия в боевых действиях на Японской войне заслужил шесть орденов, о чем в его послужных документах записано:

«Участвовал в походах и делах против японцев в 1904—1905 годах... Ранен ружейной пулей и осколком снаряда».

Имеет награды за кампанию 1904—1905 годов:

Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» *.

Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом.

Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом.

Св. Станислава 2-й ст. с мечами.

Св. Анны 2-й ст. с мечами.

Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом.

Светло-бронзовую медаль «В память русско-японской войны 1904—1905 гг.».

Говоря о наградах, заслуженных Федором Николаевичем Бековичем-Черкасским в боях с японцами, необходимо подчеркнуть, что по значимости выше всех из них стоял орден св. Владимира 4-й степени, так как сам этот орден занимал особое положение в российской наградной системе.

После окончания войны ротмистр Бекович-Черкасский вновь вернулся в полк, из которого ушел на фронт, но именуемый теперь 18-м драгунским Северским и находившийся в составе Кавказской кавалерийской дивизии в городе Тифлисе. В должности командира эскадрона, состоя также членом общества офицеров и полкового суда, служил он в Грузии до осени 1911 года, когда 8 сентября последовал его перевод в сибирский город Верхне-Удинск (нынешний Улан-Удэ). «...Переведен в 1-й Верхне-Удинский полк Забайкальского казачьего войска с переименованием в есаулы», — гласит запись в послужном списке. Прибыв в полк в конце ноября, Федор Николаевич получит под свое командование сотню.

Пройдет около пяти месяцев, и 5 апреля 1912 года за отличия по службе последует назначение есаула Бекови-

---

* Орден св. Анны 4-й степени прикреплялся на эфес сабли или рукоять шашки, на которые повязывался специальный орденский темляк из Анненской ленты — красной с белыми полосами по краям.

ча-Черкасского командиром отдельной Иркутской казачьей сотни, развертываемой в военное время в трехсотенный дивизион. А 26 августа Высочайшим приказом он был произведен в чин войскового старшины.

14 декабря 1913 года приказом по Иркутскому военному округу князь Бекович-Черкасский назначается военным комендантом города Иркутска...

Летом 1914-го, когда в Нальчикском округе шло формирование Кабардинского конного полка, штаб Кавказского военного округа обратился с ходатайством в Военное министерство о переводе Бековича-Черкасского из Иркутска в Нальчик. И 21 августа ему вручается приказ начальника 12-й Сибирской стрелковой дивизии генерал-лейтенанта Сулимова: «Войсковому старшине князю Бековичу-Черкасскому. Предписываю Вам, по сдаче должности коменданта города Иркутска, отправиться в Кабардинский конный полк, формируемый в слободе Нальчик Терской области, о выезде мне донести».

Уже на следующий день Федор Николаевич налегке, семьи у него не было, выезжает из Иркутска поездом в Москву, откуда в начале сентября добирается до Нальчика. Здесь Бекович-Черкасский узнал о том, что еще 3 августа назначен помощником командира Кабардинского конного полка по строевой части. Опытный боевой офицер, он сыграл чрезвычайно важную роль в окончательном формировании полка, в его становлении и обучении всадников военному делу.

С началом формирования полка решались и вопросы, связанные с назначением в его состав врача и муллы. 8 августа из правления начальника Терской области Клишбиев получил телеграмму с запросом: «Телеграфируйте, желает ли врач Шогенов быть назначенным старшим врачом в Кабардинский полк». Ответ во Владикавказ гласил: «Лично выедет Шогенов для переговоров».

Сорокалетний доктор Бекмурза Муссович Шогенов, происходивший из кабардинских узденей селения Верхнее Кожоково (Жемтала), в 1904 году окончил медицинский факультет Киевского университета. В Нальчике заведовал окружной больницей — приемным покоем. Получив предложение занять должность старшего врача Кабардинского полка, что, по сути, являлось поступлением на военную службу, связанную с участием в боевых действиях, Бекмурза Муссович дал на это согласие. И 31 августа в своем рапорте № 1 «Его Сиятельству командиру Кабардинского конного полка» он известил: «Доношу, что сего числа прибыл во вверенный Вам полк».

С того дня на целых три года жизнь доктора Шогенова окажется связанной с Кабардинским конным полком, с его всадниками и офицерами, многим из которых ему лично доведется оказывать медицинскую помощь под вражеским огнем на поле боя...

В связи с тем, что Кабардинский полк формировался из кабардинцев и балкарцев, исповедовавших ислам, в штате его командного состава (как это будет и во всех полках Кавказской конной дивизии) была предусмотрена должность полкового муллы, роль которого во фронтовых условиях считалась чрезвычайно важной, подобно тому, какая отводилась полковым священникам в русских частях. По рекомендации подполковника Клишбиева командир полка граф Воронцов-Дашков предложил возложить на себя эту ответственную должность кади Горского словесного суда Нальчикского округа Алихану Шогенову, уроженцу Кабардинского селения Атажукино 3 (Куба), носившему среди мусульман почетный титул хаджи, как знак того, что этот человек совершил хадж — паломничество к святыням ислама в Мекку.

Это был умный, образованный человек, пользовавшийся большим авторитетом в Нальчикском округе. О широте мышления и культуре Алихана Шогенова весьма красноречиво говорит его выступление 20 октября 1913 года при освящении Кабардино-Горского реального училища в слободе Нальчик, построенного на средства «кабардинского народа и горских обществ», во время его открытия. «Народный кади хаджи Алихан Шогенов», как писалось в газете «Терские ведомости», обратился к ученикам-реалистам — кабардинцам и балкарцам — с проникновенными словами, звучащими весьма актуально и сегодня: «Пользуйтесь со рвением всеми предоставленными вам удобствами и учитесь, набирайтесь знания, памятуя, что учение — свет, а знание — сила. Не может быть успеха ни в чем без знания, и непросвещенные народы играют жалкую роль и неизбежно будут в подчинении у других, более культурных. Но, приобретая высокие знания, не забывайте религии, не забывайте о существовании над всем видимым и познаваемым все создавшего Бога. Не поддавайтесь гордыне, которая погубила многих. Религия — это твердая почва под ногами, а без религии человек подобен листку, носимому по воле ветра.

Итак, учитесь и растите на радость родным, стараясь быть полезными членами своего народа и всего великого государства Российского, дорога перед вами открыта».

Вот так мыслил хаджи Алихан Шогенов, ставший

духовным наставником для своих земляков-единоверцев — кабардинцев и балкарцев, которым вскоре предстояло оказаться на полях сражений вдали от родных мест и близких людей...

О семейном положении Алихана Шогенова известно только то, что жену его звали Тута Касботовна и она все годы войны жила в Нальчике. Были ли у них дети, выяснить не удалось.

* * *

5 сентября полковник Илларион Илларионович Воронцов-Дашков направил в Тифлис в штаб Кавказского военного округа телеграмму: «Люди и лошади снаряжением собраны в Нальчике и комиссией приняты... Винтовки присылаются на днях, примем. Арбяно-вьючный обоз заказан в Москве, скоро будет готов. Прошу скорее выслать все необходимое для медицинского и ветеринарского лазаретов... Конский состав полка хорош.

Из офицеров налицо подполковники князь Бекович-Черкасский, Кетхудов, ротмистр Нефедьев, штабс-ротмистр Туганов*, поручики Хан Эриванский, Мистулов**, Фон-Кубе, прапорщики Мартынов, Докшоков, Наурузов, врачи Шогенов и Мантейфель (ветеринарный врач)».

Во всех четырех сотнях Кабардинского полка насчитывалось 615 всадников, из них — 431 кабардинец и 75 балкарцев. Зарубежный русский военный историк Владимир Владимирович Звегинцев в книге «Хронология русской армии. 1700—1917 гг.», вышедшей в 1962 году в Париже, скажет, что «Кабардинский конный полк формировался из кабардинцев верховьев Терека» и что в составе одной из сотен (4-й) был «взвод балкарцев».

В числе всадников находился и пятидесятипятилетний урядник Хажисмел Шолохович Кодзоков, награжденный за храбрость на Японской войне Георгиевским крестом 4-й степени. В списке добровольцев кабардинского селения Тамбиево I (Дугулубгей), составленном сельским старшиной, о нем сказано: «Служил добровольцем в турецкую и русско-японскую войну». Хажисмел Кодзоков был в Кабардинском конном полку единственным ветераном войны с Турцией 1877—1878 годов, во время которой он служил всадником в Кабардино-Кумыкском

* Штабс-ротмистр Асланбек Кубатиевич Туганов, уроженец Осетии, в Кабардинский полк вступил добровольно. До этого служил во Владикавказе при окружном правлении.

** Поручик Хаджи-Омар Асланбекович Мистулов, уроженец Осетии.

конно-иррегулярном полку и участвовал в боевых действиях на Кавказском фронте.

В ряды Кабардинского полка также были зачислены русские, украинцы, белорусы, осетины. Основная их часть до этого находилась на кадровой службе в кавалерийских и казачьих частях. В их задачу входило обучение всадников военному делу и «кавалерийскому строю». Аналогичным образом происходило комплектование и других полков Кавказской конной дивизии.

5 сентября полковник Воронцов-Дашков послал из Нальчика телеграмму в Гатчину, под Петроградом, где в своем дворце находился командир Кавказской конной дивизии великий князь Михаил Александрович: «Доносу Вашему Императорскому Высочеству — Кабардинский полк сформирован и приступает к занятиям. Понедельник полк выступает лагерь Прохладная в трех верстах от станции. Прошу известить день выезда».

В Нальчике, выстроившись посотенно на пустыре около железнодорожной станции, всадники, кабардинцы и балкарцы, приняли присягу, поклявшись на Коране свято соблюдать воинский долг, подчиняться приказам своих командиров, беречь воинскую честь и хранить военную тайну. А в понедельник, 8 сентября, полк, своим ходом, на лошадях, выступил в Прохладную, находящуюся в шестидесяти верстах от Нальчика. В казачьем лагере под станицей Прохладной Кабардинский полк проходил военное обучение, получив из Георгиевского оружейного склада винтовки, револьверы, боеприпасы. Ведь, согласно «Таблице предметов, которые всадники Кабардинского конного полка обязаны иметь при себе в военно-походное время», каждый из них, помимо обязательных с момента формирования шашки и кинжала, получал на вооружение: «винтовку трехлинейную казачьего образца, 3-х линейный револьвер, существующий в казачьих частях», с обязательным запасом патронов — «боевые патроны в патронташах по 30-ти» и «в накладных на черкесках для газырей карманчиках» — «в нагрудных газах по 28-ми».

Так же будут вооружены и всадники всех других полков Кавказской конной дивизии.

Некоторые из добровольцев, принятые в Кабардинский полк, оказались с шашками, которыми их снабдили, закупив «у разных лиц», сельские комитеты, осуществлявшие запись и снаряжение «охотников кабардинцев и горцев». И в связи с вооружением всадников холодным оружием начальник Нальчикского округа подпол-

ковник Клишбиев уже 12 сентября, на четвертый день пребывания полка в лагере у станицы Прохладной, «Экстренно. Циркулярно» обращается с предписанием к старшинам селений Большой и Малой Кабарды и Пяти Горских обществ:

«Его Сиятельство командир Кабардинского конного полка граф Воронцов-Дашков телеграммой сообщил мне, что при осмотре оружия, имеющегося у всадников вверенного ему полка, клинки шашек, приобретенных Комитетами у разных лиц, за исключением тех клинков, которые были взяты ими из старинного отцовского оружия, — признаны совершенно негодными.

Вследствие этого, предписываю Вам теперь же озаботиться приобретением и доставкой в станицу Прохладную всадникам полка отцовских клинков-шашек (в крайнем случае без ножен)...

О времени, когда будут отправлены клинки для всадников в Прохладную, донести в управление округа с извещением. За всякое промедление в скором исполнении настоящего распоряжения виновные старшины будут мною строго наказаны».

И конечно же, в ближайшие дни это распоряжение Клишбиева было исполнено старшинами кабардинских селений и балкарских обществ.

Первым адъютантом Кабардинского конного полка стал поручик лейб-гвардии Кирасирского полка Керим-Аббас-Кули Хан Эриванский, потомок персидского Эриванского наместника — сардара. В его обязанности входило ведение штабной работы и дел, связанных с офицерским составом. В середине сентября из станицы Прохладной Хан Эриванский отправит телеграмму в Петроград, в Академию Генерального штаба, на имя штабс-ротмистра Соколовского: «Вы назначены в Кабардинский конный полк по предписанию главнокомандующего Кавказской армии. Командир полка приказал Вам явиться на станцию Прохладную».

Вольдемар Константинович Соколовский родился 20 октября 1884 года, происходил «из дворян Витебской губернии». Воспитывался в Полоцком кадетском корпусе, в 1905-м окончил Николаевское кавалерийское училище в Петербурге, службу проходил в драгунских полках, а затем «определен на службу во 2-й запасной кавалерийский полк», где готовились кадры для кавалерии. 1 сентября 1914 года штабс-ротмистр Соколовский поступил в Академию Генерального штаба, откуда, прервав курс учебы, и прибыл в Кабардинский полк.

В середине сентября был зачислен в полк хорунжий, переименованный в корнеты, Георгий Никифорович Серебряков, уроженец Моздока, происходивший из кабардинского дворянского рода Даутоковых, сын войскового старшины Терского казачьего войска. Летом 1913 года он окончил Елизаветградское кавалерийское училище и прибыл во Владикавказ. Службу проходил в 1-м Сунженско-Владикавказском казачьем полку. И вот теперь Георгий Серебряков стал офицером Кабардинского полка.

В сентябрьские дни в лагерь под станицей Прохладной прибывали и другие офицеры, назначенные на службу в Кабардинский конный полк. Из Петрограда приедет подполковник Гавриил Алексеевич Бертрэн, француз по национальности, из Ставрополя — офицер Ставропольской губернской стражи поручик Георгий Александрович Махатадзе, а из Тифлиса — штабс-ротмистр Михаил Филаретович Леус, офицер 5-го Кубанского пластунского батальона.

22 сентября из Владикавказа в Прохладную приехал начальник Терской области и наказной атаман Терского казачьего войска Сергей Николаевич Флейшер с целью провести смотр Кабардинского полка. А на следующий день, 23-го, подполковнику Клишбиеву из Тифлиса пришла срочная «по военным обстоятельствам» телеграмма от наместника на Кавказе генерала от кавалерии графа Иллариона Ивановича Воронцова-Дашкова: «Сейчас получил от генерала Флейшера телеграмму, что он осматривал Кабардинский конный полк и нашел личный состав и конский состав очень хорошим. Духовно-нравственную сторону прекрасной, и видит в деле формирования полка планомерную и чрезвычайно добросовестную работу. Такой важности результат формирования полка, который наказной атаман относит к Вашей работе, меня исключительно радует, и я считаю долгом службы выразить Вам благодарность».

В конце сентября, завершая боевую подготовку, Кабардинский полк, согласно приказанию начальника штаба Кавказской конной дивизии полковника Юзефовича, готовился к отправлению в Действующую армию. Но перед этим, как станет известно полковнику Воронцову-Дашкову, «Кабардинский полк будет смотреть» комдив — великий князь Михаил Александрович. В те дни специальным поездом он следовал из Петрограда во Владикавказ, чтобы оттуда на автомобиле проехать по Военно-Грузинской дороге в Тифлис, в штаб Кавказского округа.

«27 сентября Его Высочество имел остановку на станции Прохладная, где почетные старики-станичники поднесли хлеб-соль и две девицы казачки — букет цветов», — лаконично говорилось 30 сентября 1914 года в газете «Терские ведомости». По обстоятельствам военного времени, в интересах сохранения военной тайны, ничего не сообщалось о том, что в тот же день великий князь Михаил Александрович в лагере под станицей Прохладной «смотрел» и принял Кабардинский конный полк. На состоявшемся затем торжественном обеде почетные представители от Нальчикского округа преподнесли ему пашку.

Пройдет всего лишь три дня после смотра полка командиром дивизии, и с утра 1 октября со станции Прохладной начнется пошелонно его отправление на запад, к фронту.

Еще 13 августа, в дни, когда начиналось формирование Кабардинского конного полка, начальник штаба Терского казачьего войска генерал-майор Чернозубов поднимет вопрос о полковом стяге и в связи с этим обратится к начальнику округа Султанбеку Касаевичу Клишбиеву с телеграммой: «Где хранится Кабардинское знамя? Может ли быть взято Кабардинским полком или необходимо ходатайствовать о новом?»

Генерал Чернозубов имел в виду «почетное знамя», пожалованное в 1844 году императором Николаем I «кабардинским жителям» и о котором в Высочайшей грамоте говорилось, что это знамя может быть «употребляемо» и «при ополчении» в период военных действий. В своем ответе подполковник Клишбиев сообщил: «Кабардинское знамя хранится на квартире начальника округа. В Турецкую войну Кабардинский полк брал его с собою. Полагаю, взять нужно и теперь».

Под этим знаменем Кабардинский конный полк и ушел в четырнадцатом году на фронт.

* * *

В сентябре 1914 года «Кавказская туземная конная дивизия» была полностью сформирована в составе трех бригад (шесть полков).

1-я бригада состояла из Кабардинского и 2-го Дагестанского конных полков. Кабардинский полк ставился первым полком всей дивизии, чем, безусловно, воздавалось должное его ведущей роли в деле рождения этого замечательного воинского соединения.

2-й Дагестанский конный полк формировался в цент-

ре Дагестанской области, городе Темир-Хан-Шуре (ныне Буйнакск), на базе квартировавшего здесь кадрового национального Дагестанского конного полка, считавшегося 1-м. Из его состава в новую часть войдут офицеры, вахмистры, урядники, многие из которых участвовали в русско-японской войне 1904—1905 годов. Как говорится в справке к фонду 2-го Дагестанского конного полка, хранящемуся в Российском государственном военно-историческом архиве, формирование его «началось 16 августа 1914 года в г. Темир-Хан-Шуре».

23 августа последовал Высочайший приказ о назначении командиром нового полка подполковника князя Гиви Ивановича Амилахвари, служившего адъютантом наместника на Кавказе Воронцова-Дашкова.

Помощником командира 2-го Дагестанского полка по строевой части был назначен боевой офицер ротмистр Арацхан Хаджимуратович Хаджи Мурат. Согласно послужному списку, он родился 15 августа 1880 года, происходил «из дворян Салатавии Дагестанской области». Окончил Темир-Хан-Шуриное реальное училище, затем 9 августа 1900 года — Киевское военное училище по 1-му разряду. Подпоручиком направлен на службу в 82-й пехотный Дагестанский полк, откуда в октябре 1901-го переводится в Дагестанский конный полк.

Во время войны с Японией, когда началось формирование 2-го Дагестанского конного полка для отправления на Дальний Восток, в Маньчжурию, подпоручик Арацхан Хаджи Мурат по его ходатайству 26 марта 1904 года «переведен во 2-й Дагестанский конный полк с переименованием в хорунжие». С июля участвовал в боевых действиях против японцев; вскоре его произвели в чин сотника, и он назначается полковым адъютантом. За мужество и воинскую доблесть Арацхан Хаджимуратович Хаджи Мурат на Японской войне был награжден шестью орденами. Его послужной список свидетельствует, что за кампанию 1904—1905 годов он

«имеет ордена:

св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом,

св. Анны 2-й степени с мечами,

св. Анны 3-й степени с мечами и бантом и

4-й степени с надписью «За храбрость»,

св. Станислава 2-й степени с мечами и

3-й степени с мечами и бантом.

Награжден медалью «Красного Креста» в память

участия в деятельности Общества во время русско-японской войны».

Сразу же по возвращении с театра боевых действий сотник Хаджи Мурат 15 апреля 1906 года «Высочайшим приказом переведен в Собственный Его Величества конвой» в Петербург и зачислен в «лейб-гвардии 3-ю Терскую казачью сотню». Через два года службы он производится в чин подьесаула (штабс-ротмистра) и назначается преподавателем в школе подхорунжих при Собственном Его Величества конвое. 5 апреля 1913 года с производством в ротмистры Арацхан Хаджи Мурат Высочайшим приказом назначается офицером для поручений при военном губернаторе Дагестанской области, с зачислением по армейской кавалерии.

Как видно из послужного списка, на 1914 год тридцатичетырехлетний ротмистр Хаджи Мурат — «холост»...

В конце сентября четырнадцатого года, когда уже были сформированы 2-й Дагестанский и Татарский полки, в Тифлис приехал командир Кавказской конной дивизии великий князь Михаил Александрович. 29 сентября во дворце наместника он принимал приветствовавшие его «депутации». По свидетельству газеты «Кавказ», «первою представилась депутация мусульман». В ее составе находились уроженцы Дагестана, один из инициаторов формирования 2-го Дагестанского конного полка «штаб-майстер Высочайшего Двора действительный статский советник Асельдер-бек Казаналипов и хан Тарковский — от Северного Кавказа», «депутаты» от города Баку, Елизаветпольской и Эриванской губерний.

«Помещик» Елизаветпольской губернии Фарруз-бек Везиров, сыгравший видную роль в деле формирования Татарского конного полка, как сообщалось в газете «Кавказ», обратился к великому князю Михаилу Александровичу «с речью», в частности сказав: «Ваше Императорское Высочество! Мусульмане Закавказья и Дагестана возложили на нас высокую честь приветствовать Вас и выразить свое глубокое счастье по поводу назначения Вас начальником Кавказской мусульманской дивизии... Смело решаемся доложить Вашему Высочеству, что все мусульмане Кавказа готовы, как один человек, принести в жертву состояние свое и жизнь на благо дорогого отечества...»

В ответ Михаил Александрович «изволил сказать»: «Передайте всем мусульманам Мою благодарность. Я тронут и вполне убежден, что мусульмане оправдают Мою в них уверенность».

В начале октября 1914 года 2-й Дагестанский конный полк эшелонами отбыл на Украину, где в районе городов Проскурова (ныне Хмельницкий) и Винницы сосредоточивались все части Кавказской конной дивизии.

Командиром 1-й бригады Высочайшим приказом от 23 августа 1914 года назначался пятидесятилетний генерал-майор князь Дмитрий Петрович Багратион, служивший в Петербурге помощником начальника Офицерской кавалерийской школы. Он происходил из грузинского царского рода, к которому принадлежал и герой войны 1812 года генерал от инфантерии Петр Иванович Багратион.

Генерал-майор Дмитрий Петрович Багратион был известен в российской армии, и прежде всего среди офицеров-кавалеристов, тем, что в 1906-м основал и до 1914 года издавал в Петербурге журнал «Вестник Русской конницы», где помещал и свои статьи по военным проблемам. Вместе с тем он перевел на русский язык весьма ценную для кавалерийских офицеров книгу француза Филиса «Основы езды и выездки», в дореволюционное время выдержавшую ряд изданий.

* * *

Во 2-ю бригаду входили Чеченский и Татарский конные полки.

Формирование Чеченского полка проходило с 9 августа 1914 года. По данным справки к фонду документов этого полка в Российском государственном военно-историческом архиве, известно, что «согласно штату в состав полка входило 22 офицера, 3 военных чиновника, полковой мулла и 643 нижних чина».

Полк формировался в городе Грозном из чеченцев Грозненского и Веденского округов. В течение августа окружные начальники: Грозненский — подполковник Иван Давидович Джапаридзе и его помощник капитан Салимбек Абдухалим Тамаев, Веденской — подполковник князь Соломон Георгиевич Каралов со своим помощником коллежским секретарем Генардуко Доховичем Мальсаговым — организовали по всем десяти участкам округов запись «охотников» — добровольцев в Чеченский полк. В Грозном ждали полкового командира, который должен был завершить его окончательное формирование.

Высочайшим приказом от 29 августа 1914 года командиром Чеченского конного полка назначается подполковник Александр Сергеевич Святополк-Мирский,

«из дворян Витебской губернии, уроженец Терской области», родившийся 17 января 1879 года.

Он родился в семье офицера 1-го Кавказского саперного батальона, находившегося в Терской области, в которой и прошло его раннее детство. Затем были годы учебы в Киевском кадетском корпусе и Константиновском артиллерийском училище в Петербурге. Вся дальнейшая военная служба Святополк-Мирского окажется связанной с конницей. В 1900—1901 годах он участвовал в подавлении «боксерского восстания» в Китае. Потом, несколько лет спустя, в чине сотника 1-го Читинского полка Забайкальского казачьего войска сражался с японцами в Маньчжурии. Получив ранение в руку, остался в строю. В мае 1904 года во время разведки «был взят в плен», позже совершит побег и вернется в свой полк.

За мужество в боях с японцами Александр Сергеевич Святополк-Мирский был награжден пятью орденами и в их числе самой почетной военной наградой России — офицерским Георгиевским крестом 4-й степени.

После войны с Японией он служил в Туркестанском военном округе, где получил в награду орден «Бухарской золотой звезды». В октябре 1909 года выехал в Петербург для прохождения курса в Офицерской кавалерийской школе. По окончании обучения вновь продолжил службу в Туркестанском военном округе в должности помощника командира казачьего полка.

В апреле 1912 года войсковой старшина Святополк-Мирский направляется в Монголию как военный инструктор и там получит под свое командование 1-й конный полк Монгольской бригады. Более полутора лет проходила его служба в этой азиатской стране. А в ноябре 1913-го «по климатическим условиям» он был «откомандирован из состава русских военных инструкторов в Монголии» и переведен на Северный Кавказ в Кубанскую область. Здесь Александр Сергеевич станет командиром 3-го Черноморского полка Кубанского казачьего войска.

1 сентября 1914 года, «согласно телеграмме штаба Кавказского военного округа», он сдал полк и выехал из Екатеринодара в город Владикавказ. Оттуда с предписанием начальника Терской области генерал-лейтенанта Флейшера незамедлительно отгравляется в Грозный для формирования Чеченского конного полка.

И вот заключительная запись в послужном списке подполковника Святополк-Мирского, составленном в октябре 1914 года: «Прибыл с полком в состав Кавказской

туземной конной дивизии и вступил в исполнение своих обязанностей — 1914-го сентября 6».

Из послужного списка известно, что Святополк-Мирский был женат на Ольге Михайловне Сандоровской, но в 1913 году брак его расторгнут. И здесь же записано: «Имеет сына Сергея, родившегося 22 октября 1907 года».

Полковым адъютантом Чеченского полка штаб Кавказского военного округа назначил уроженца Чечни поручика Абдул-Меджида Арцуевича Чермоева. В дивизионном списке офицеров о нем записано: «Состоял в запасе с 1907 года. Зачислен на службу 1914-го августа 8-го. Штабс-ротмистр с 1914-го ноября 5-го. Полковой адъютант».

Призванный в армию из запаса в связи с начавшейся войной, Чермоев получит назначение в Чеченский конный полк и сыграет важную роль в его формировании. Во многом благодаря ему эта новая воинская часть к приезде полкового командира подполковника Святополк-Мирского уже была собрана в городе Грозном.

Абдул-Меджид, известный и как Тана Чермоев, представляет собой яркую, выдающуюся личность в политической истории Кавказа. Он родился в 1882 году в Грозном. Его отцом был генерал-майор Арцу Чермоев, в послужном списке которого в графе «Из какого звания происходит и какой губернии уроженец» записано — «Кавказской уроженец, из почетной Белготоевской фамилии».

Арцу Чермоев участвовал в походах на Кавказе и проявил геройство в войне с Турцией в 1877—1878 годах. Тогда на Кавказском театре боевых действий отважно сражался добровольческий Чеченский конно-иррегулярный полк, награжденный императором Александром II «за подвиги мужества и храбрости, оказанные в продолжение Турецкой войны», особым почетным знаменем. Состоя при главнокомандующем Кавказской армией и командуя Чеченским полком, генерал-майор Чермоев вместе со своими земляками из Чечни принимал участие в боях под Карсом и Эрзерумом.

Как указано в послужном списке, в числе его многочисленных наград были ордена св. Георгия 4-й степени, св. Анны 1-й степени с мечами, св. Станислава 1-й степени с мечами, Золотое Георгиевское оружие — шашка с надписью «За храбрость».

Генерал Чермоев скончался в Грозном в 1895 году и «Высочайшим приказом исключен из списков умер-

шим — 1895-го октября 19». По сведениям послужного списка, Арцу Чермоев «женат был на трех женах», от которых имел шестерых сыновей и пять дочерей. Самому младшему из сыновей, Абдул-Меджиду, в год смерти отца исполнилось только тринадцать лет. Пройдет еще четыре года, и в сентябре 1899-го он поступит в Петербурге в привилегированное Николаевское кавалерийское училище. Записи в «Послужном списке юнкера эскадрона Николаевского кавалерийского училища Абдул-Меджида Арцуевича Чермоева», сделанные в 1901 году в связи с окончанием курса учебы, свидетельствуют:

«Родился 3 марта 1882 года.

Из какого звания происходит?— Сын генерал-майора (из чеченских узденей).

Какого вероисповедания?— Магометанского.

Где воспитывался?— В Николаевском кавалерийском училище, окончил курс по 1-му разряду.

Прохождение службы в училище:

В службу вступил по свидетельству Николаевского кавалерийского училища — 1899 сентября 18.

Произведен в унтер-офицерское звание — 1901 июня 20.

По окончании полного курса по 1-му разряду Высочайшим приказом 1901 года августа 13 дня произведен в корнеты Осетинского конного дивизиона — 1901 августа 13».

В сентябре 1901 года корнет Чермоев прибудет в Пятигорск, где в то время стоял Осетинский конный дивизион, позже переведенный в Ставрополь, и приступит к службе. Но вскоре он вновь окажется в Петербурге, зачисленный в Собственный Его Величества конвой. В 1907 году выйдет в запас, став известным на Северном Кавказе нефтепромышленником, собственником значительных нефтеносных участков в Грозненском округе.

В 1899 году, когда Абдул-Меджид Чермоев поступил в Николаевское кавалерийское училище, 23 декабря последовало принятие Правительствующим Сенатом указа о пожаловании права потомственного дворянства сыновьям и внукам генерал-майора Арцу Чермоева, с записью «в дворянскую родословную книгу Ставропольской губернии». Право на это давали его генеральский чин и высокие российские ордена. В том перечне имен наследников генерала Чермоева — «Чермоевы, сыновья умершего генерал-майора Арцуя...» — значился и его младший сын: «Абдул-Меджид, рождения 3 марта 1882 года».

Но как сам Абдул-Меджид Арцуевич, так и его родственники узнают об этом позже, когда указ Сената получит Высочайшее утверждение императором Николаем II. Именно поэтому в послужном списке, составленном в Николаевском кавалерийском училище в 1901 году, не окажется отмеченной принадлежность Чермоева к потомственному российскому дворянству...

Пройдут десятилетия, и в 1937 году в издаваемом в Париже эмигрантском журнале «Кавказ» увидит свет статья-некролог «Абдул-Меджид Чермоев», написанная уроженцем Дагестана Гайдаром Бамматом, политическим соратником и другом Абдул-Меджида (Тапы) Чермоева.

«Отпрыск одной из самых знатных фамилий Чечни, сын генерал-майора Арцу Чермоева, Тапа, родился в г. Грозном,— читаем в журнале «Кавказ»,— и после окончания Владикавказского реального училища получил обычное для его среды и эпохи военное образование в Николаевском кавалерийском училище... Большая часть его, в общем недолгой, военной службы протекала в Лейб-гвардии Собственном Его Величества конвое.

Этот период ничем особенным не примечателен. Несколькими лет довольно обычной для гвардейской молодежи рассеянной светской жизни в Петербурге и в царских резиденциях были данью, отданной молодости. Богато одаренная натура, жаждавшая живой и полезной деятельности, не могла удовлетвориться внешним блеском этой праздничной жизни.

В 1906 году Тапа женился на ханше Хавар Ханум Ибрагимбековой, а в 1908 году* в чине поручика, еще совсем молодым человеком выходит в запас и с увлечением отдается хозяйственно-промышленной деятельности. Как представитель семьи, обладавшей крупными интересами в Грозненской нефтяной промышленности, он, естественно, оказался в ней одним из самых активных деятелей, а во многом она обязана своим развитием его большому природному уму и кипучей энергии.

На этом же поприще Тапа впервые выступил и в качестве общественно-политического деятеля...»

И далее, Гайдар Баммат, вспоминая 1914 год и начавшуюся войну с Германией, особо подчеркнул в статье: «На войну Тапа пошел в чине штабс-ротмистра Чеченского конного полка, находясь в знаменитой Кавказской туземной конной дивизии, которой командовал брат Государя, великий князь Михаил Александрович. Полу-

---

* Документально — в 1907 году.

ченные им многочисленные военные отличия свидетельствуют, что свой долг солдата Тапа выполнил с честью...»

В начале октября 1914 года полностью сформированный и прошедший предварительный курс военного обучения в лагере под Грозным Чеченский конный полк под командованием подполковника Александра Сергеевича Святополк-Мирского отбыл из Чечни на Украину, к месту сбора всех частей Кавказской конной дивизии. А 18 октября начальник Терской области генерал-лейтенант Сергей Николаевич Флейшер издал приказ № 1649 по Терской области, направленный им начальникам Грозненского и Веденского округов для сообщения по чеченским селениям и аулам и затем 4 ноября 1914 года обнародованный газетой «Терские ведомости»:

«От командира Чеченского конного полка мною получена телеграмма следующего содержания:

«Чеченский полк осчастливлен следующей телеграммой Великого князя начальника дивизии: «Поздравляю Чеченский полк праздником Курбан Байрам. Желаю чинам полка и оставшимся дома их ближним полного благополучия.

Михаил».

Татарский конный полк формировался в Закавказье из татар Елизаветпольской губернии и Борчалинского уезда Тифлисской губернии. Служили в его рядах и азербайджанцы.

Для формирования Татарского полка Военное министерство направило из Петрограда в город Елизаветполь (ныне Гянджа в Азербайджане) подполковника Петра Александровича Половцева, Высочайшим приказом от 1 сентября 1914 года назначенного полковым командиром. Родился он 30 мая 1874 года в Петербурге, в семье действительного тайного советника, происходил «из дворян Бессарабской губернии». В послужном списке указано, что Половцев получил образование — «общее в гимназии Санкт-Петербургского Историко-филологического института», военное — окончил Николаевское кавалерийское училище и Академию Генерального штаба. Женат — «на уроженке Каменец-Подольской губернии Елене Францевне Заруцкой. Детей нет».

Участвовал в русско-японской войне 1904—1905 годов. За отличия, проявленные в боях, награжден четырьмя орденами. С сентября 1909 года подполковник Половцев служил в должности начальника штаба 2-й гвардейской пехотной дивизии. «Зачислен в запас Генерального

штаба по Петроградскому уезду 1911 года февраля 27-го. Призван по мобилизации 1914 года июля 18-го», — записано в послужном списке. Позже командир Кавказской конной дивизии великий князь Михаил Александрович в своем приказе отметит, что Петр Александрович Половцев, «приступив к формированию Татарского полка тотчас после последовавшего о сем распоряжения, с выдающейся энергией осуществил это трудное дело».

В составе Татарского конного полка будет служить уроженец Осетии, бывший офицер конвоя царя, штабс-ротмистр Михаил Хоранов, переведенный из 3-го Кизлярско-Гребенского полка Терского казачьего войска; из запаса пришел в полк штабс-ротмистр Николай Казбек (Казбеги), происходивший из известного грузинского дворянского рода, участник войны с Японией в 1904—1905 годах. Офицерами Татарского полка станут племянник великого писателя Льва Николаевича Толстого по жене корнет Андрей Александрович Берс, абхазский князь прапорщик Хаитбей Шервашидзе, потомок владетелей Нахичеванского ханства в Азербайджане корнет Джамшид Хан Нахичеванский.

В рядах Татарского конного полка находился и персидский принц полковник Фазула-Мирза Каджар, до этого состоявший на службе в 16-м драгунском Тверском полку Кавказской кавалерийской дивизии. Он был участником войны с Японией, заслужил в боях три ордена...

Высочайшим приказом от 1 сентября 1914 года командиром 2-й бригады «Кавказской туземной конной дивизии» назначается полковник Константин Николаевич Хагондоков, окончивший Академию Генерального штаба, талантливый военный, человек исключительной храбрости, к тому времени уже прошедший через две войны, кавалер ордена св. Георгия 4-й степени и Золотого Георгиевского оружия. Он родился 14 сентября 1871 года — «сын войскового старшины из узденей Кабарды, уроженец Терской области». Отец его, офицер Исмаил Хагондоков, женившись на русской женщине, принял православие и получил имя Николай. Служа в гусарском полку, он будет произведен в майоры, а в чине войскового старшины продолжит службу в Кубанском казачьем войске.

В девятилетнем возрасте Константин Хагондоков лишился отца, умершего еще довольно молодым. Мать, Александра Ивановна, определит сына в кадетский корпус, что скажется на всем его дальнейшем жизненном

пути как военного, на котором Хагондоков достигнет высокого положения и известности.

По завершении учебы в кадетском корпусе Константин Николаевич поступил во 2-е военное Константиновское училище, готовившее офицеров-артиллеристов, и, согласно послужному списку, его армейский «общий срок службы следует считать — с 1889-го сентября 1». По окончании по 1-му разряду «полного курса наук», 5 августа 1891 года он выпущен из училища в чине подпоручика и назначен в Финляндский военный округ в 7-ю бригаду крепостной артиллерии в Свеаборге, являвшемся одной из главных баз Балтийского флота.

Только два года прослужит Хагондоков в Свеаборгской крепости, а потом с берегов Балтики его переведут в Среднюю Азию в «3-ю отдельную горную Закаспийскую батарею», к месту дислокации которой на границе с Афганистаном он прибыл в январе 1894-го. В дальнейшем его служба будет проходить в Центральной России и даже на Северном Кавказе — в «полевой пешей артиллерии по Новороссийскому уезду Кубанской области». В декабре 1897 года Константина Николаевича вновь направят в Свеаборгскую крепость. Но он только успеет приехать в Свеаборг, как последует приказ о его новом назначении: «Зачислен на службу в охранную стражу Китайско-Восточной железной дороги — 1898-го января 1».

24 мая 1898 года поручик Хагондоков, сам пожелавший служить на Дальнем Востоке, по Великому Сибирскому железнодорожному пути прибыл во Владивосток, откуда и выехал на Китайско-Восточную железную дорогу (КВЖД), идущую из России на Харбин и далее к Порт-Артуру — базе русской армии и флота на территории Китая. Эта важная транспортная артерия непрерывно подвергалась нападениям банд вооруженных маньчжурских хунхузов, и надлежало обеспечивать ее надежную охрану. О том, насколько опасную службу избрал тогда для себя Константин Хагондоков, говорит тот факт, что для офицеров и нижних чинов «два дня службы в охранной страже КВЖД считались за три дня действительной службы».

С 11 сентября 1898 года Хагондоков стал служить на КВЖД в должности командира конвоя, затем, произведенный в штабс-капитаны, командовал 12-й конной сотней, 3-й конно-горной батареей. В составе отряда охранной стражи он «участвовал в усмирении восстания в Маньчжурии», когда русские войска совместно с контингентом пяти европейских стран, США и Японии при-

няли участие в подавлении «боксерского восстания» в Северном Китае. Тогда в особо угрожающем положении оказалась КВЖД и обслуживающий ее российский персонал.

За время службы в охранной страже и за участие в военной кампании в Китае Константин Николаевич заслужил свои первые награды, о которых в послужном списке записано: «Награжден орденами св. Станислава 3-й ст. и 2-й ст. с мечами, св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом, медалью «За поход в Китай 1900—1901 гг.».

В конце ноября 1901 года, после более чем трехлетней, сопряженной с постоянными опасностями службы в Северо-Восточном Китае, он снова переводится в Европейскую Россию, на берега Балтики, в Свеаборг, в ту же 7-ю бригаду крепостной артиллерии, где начинал офицерскую службу. В январе девятьсот второго он прибывает в Свеаборгскую крепость, а в августе командировается в Петербург «для держания экзамена» в Николаевскую Академию Генерального штаба. Экзамены успешно выдержаны, и Константин Николаевич «зачислен слушателем в академию».

В начале августа 1904 года штабс-капитан Хагондоков окончил двухлетний академический курс по 1-му разряду и приказом по Генеральному штабу будет переведен на «дополнительный курс», окончание которого считалось высшей ступенью академического образования. Но в это время, в связи с тем, что с января уже шла на Дальнем Востоке война с Японией, Константин Николаевич принимает решение уйти на фронт, и, как сказано в послужном списке, «отчислен по случаю мобилизации от академии по собственному желанию с предоставлением права по окончании военных действий вновь поступить на дополнительный курс без экзаменов».

В конце сентября Хагондоков прибыл в Маньчжурию, вновь оказавшись в Китае, и получил назначение в конный отряд генерала Павла Ивановича Мищенко, позже переименованный в Сводный кавалерийский корпус, где состоял в должности старшего адъютанта штаба по строевой части. Будучи уже в чине капитана, он многократно принимал участие в боях с японцами и за мужество был награжден орденами св. Анны 2-й степени с мечами, св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом. Но самое главное то, что Константин Николаевич Хагондоков стал на Японской войне кавалером ордена св. Георгия 4-й степени и Золотого Георгиевского оружия — сабли с над-

писью «За храбрость» и темляком из орденской Георгиевской ленты, что возвысило его над офицерами и даже генералами — ведь подобные факты, когда один человек имел две эти самые почетные награды России, были весьма редкими.

Героем войны возвращается капитан Хагондоков в Петербург, восстанавливается в Академии Генерального штаба на дополнительный курс и в мае 1906 года завершает учебу. Теперь его служба проходит при штабе войск Гвардии и Петербургского военного округа. 24 февраля 1907 года Константин Николаевич будет назначен старшим адъютантом штаба 1-й гвардейской пехотной дивизии, а в ноябре «за отличия по службе» производится в подполковники.

В том же году в Петербурге вышел в свет труд Хагондокова «Тактика конницы» как учебное пособие для кавалерийских училищ, написанное им в основном на опыте боевых действий конных частей в Японской кампании. Это поставило его в ряд военных теоретиков России, так как целый комплекс вопросов «кавалерийского дела» им рассматривался впервые. «Тактика кавалерии» составлена мной по отделу «кавалерия» новой программы, принятой для военных училищ в этом году, — писал Хагондоков в предисловии. — ...Руководствуясь вообще при составлении труда «Учебником тактики», часть 1, К. Н. Дурова и лекциями «Конница» генерала Грязнова, мной разработаны самостоятельно вопросы о значении конницы, о ружьях, пулеметах в коннице, об атаке лавами, об атаке кавалерии на пехоту (первая часть), об отражении пехотой кавалерийской атаки и о случаях употребления спешенной конницы».

30 марта 1908 года последовало назначение подполковника Хагондокова штаб-офицером для особых поручений при штабе Гвардейского корпуса в Петербурге, и теперь по службе он непосредственно соприкасался с командующим войсками Гвардии и Петербургского военного округа великим князем Николаем Николаевичем. И несомненно, что по его рекомендации Константин Николаевич окажется введенным в особую государственную комиссию. В результате работы в ее составе, 19 апреля 1909 года Хагондокову «Высочайшим приказом объявлено Высочайшее благоволение за особые труды по пересмотру статута ордена св. Великомученика и Победоносца Георгия».

В России каждый из орденов имел свой день, отмечаемый как праздник всеми его кавалерами. 26 ноября

считалось праздником ордена св. Георгия Победоносца. В этот день каждый год в Петербурге, в Зимнем дворце, царь Николай II устраивал торжественные приемы, на которые приглашались все служившие и жившие в столице офицеры и генералы — Георгиевские кавалеры, награжденные орденом св. Георгия и по значимости следовавшим сразу за ним Георгиевским оружием.

Естественно, что бывал на таких царских приемах и Константин Николаевич Хагондоков. И там произошло его представление, как то полагалось, императору Николаю II и императрице Александре Федоровне, на которую произвел впечатление отважный офицер, герой войны с Японией, происходивший с Кавказа, из кабардинских дворян. Как штаб-офицеру для особых поручений при штабе Гвардейского корпуса Хагондокову по делам службы приходилось и в другое время бывать в Зимнем дворце и в Царском Селе, где в то время в основном жила царская семья, и он даже несколько раз удостоился аудиенции у императрицы. Александре Федоровне интересно было беседовать с этим умным, образованным и уже много повидавшим в своей жизни офицером, благодаря чему позже, в одном из своих писем жене, Николай II охарактеризует Хагондокова как «твой друг Хагондоков*»...

А военная судьба вновь забрасывает Константина Николаевича в Среднюю Азию, где ему предстояло выполнить важное правительственное задание. Там он назначается командиром Туркменского (Текинского) конно-иррегулярного дивизиона, входившего в Закаспийскую казачью бригаду. И во главе текинцев «секретно командирован в город Астрабад». После выполнения задания в Персии Хагондоков вернется в Петербург.

Лето 1911 года принесло новые перемены в его службе — 19 августа «за отличия по службе» Константин Николаевич производится в полковники «с назначением командиром 1-го Читинского полка Забайкальского казачьего войска». Он хорошо знал этот полк по Японской войне, как входивший в отряд генерала Мищенко, и тогда познакомился со служившим в его составе сотником Александром Святополк-Мирским. Десять лет спустя, в 1914-м, судьба вновь сведет их — на этот раз в Кавказской конной дивизии. Во 2-й бригаде, возглавляемой

---

* Так писалась фамилия Хагондокова в переписке Николая II и его жены.

Хагондоковым, подполковник Святополк-Мирский будет командовать Чеченским конным полком...

В октябре 1911 года полковник Хагондоков, прибыв в Читу, к месту нового служения, примет под свое начало 1-й Читинский казачий полк, а вскоре вступит во временное командование Забайкальской казачьей бригадой.

7 декабря 1912 года последует новое назначение Константина Николаевича — Высочайшим приказом он утверждается командиром 1-го Семиреченского казачьего полка в Туркестанском военном округе. На этот раз ему предстояло нести службу в пограничной с Китаем Семиреченской области, находившейся на юго-востоке нынешнего Казахстана. В те декабрьские дни полковник Хагондоков находился в командировке, выполняя важное задание Генерального штаба на границе с Турцией, в районе города Батуми. Там и узнает он о своем назначении на службу в Семиреченское казачье войско.

Возвращаясь из Закавказья, Константин Николаевич в январе 1913 года заедет в Нальчик, и здесь начальник Нальчикского округа подполковник Клишбиев сообщит ему о том, что он включен в состав делегации от округа, которой в феврале предстояло выехать в Петербург для поздравления «лично Его Императорского Величества по случаю празднования трехсотлетия Дома Романовых». Так Хагондоков вновь окажется в Петербурге и побывает на приеме у Николая II и Александры Федоровны.

19 марта он прибудет к новому месту службы в Семиречье и примет 1-й Семиреченский казачий полк. А в мае телеграммой из Петербурга его известят о том, что за заслуги по службе он награжден орденом св. Владимира 3-й степени, носимым на шейной ленте.

И вот последняя, предвоенная запись в послужном списке командира 1-го Семиреченского казачьего полка 1-й Туркестанской казачьей дивизии полковника Хагондокова: «Уволен от службы по домашним обстоятельствам с мундиром и пенсией — 1914-го января 5».

И еще одна запись в послужном списке Константина Николаевича, которую невозможно обойти, ведь она характеризует его чисто по-человечески, как любящего мужа и отца, главу большого семейства: «Женат на потомственной дворянке, дочери генерал-майора Елизавете Эмильевне Бредовой, уроженке С.-Петербургской губернии; имеет дочерей: Нину, родившуюся 1895 г. августа 3, Галю, родив. 1898 г. февраля 6, Артемию, родив. 1899 г. декабря 10, Александру, родив. 1901 г.

октября 14, Тамару, родив. 1903 г. мая 11, и сыновей: Константина, родив. 1906 г. сентября 19, Георгия, родив. 1908 г. марта 27, Измаила, родив. 1910 г. августа 9*.

Выйдя со службы в запас, Хагондоков жил с семьей в Кисловодске, там его близкие оставались и в годы Первой мировой войны. Был у Константина Николаевича и свой дом в родном кабардинском селении Кармово (ныне Каменноостское), куда, как только представлялась возможность, он приезжал с женой и детьми, встречаясь со своими родственниками и земляками...

Начало войны с Германией застало полковника Хагондокова в Кисловодске. Но в Петрограде помнили о нем, как помнил о нем и великий князь Николай Николаевич, назначенный царем Верховным Главнокомандующим российской армией. И 1 сентября 1914 года последовал Высочайший приказ, согласно которому полковник Хагондоков был «назначен командиром 2-й бригады Кавказской туземной конной дивизии», поставленный тем самым на генеральскую должность. И уже 4 сентября, извещенный о новом своем назначении спешной телеграммой из Ставки Верховного Главнокомандующего, он «вступил в командование бригадой», приехав в Грозный, где формировался Чеченский конный полк, входивший во 2-ю бригаду.

* * *

3-я бригада Кавказской конной дивизии состояла из Черкесского и Ингушского полков.

По данным Владимира Владимировича Звегинцева, содержащимся в книге «Хронология русской армии. 1700—1917 гг.», начало формированию Черкесского конного полка положено 9 августа 1914 года. Именно тогда приказом командующего Кавказским военным округом заместителя на Кавказе графа Воронцова-Дашкова последовало объявление о создании новой воинской части из горского населения Кубанской области — черкесов, родственных кабардинцам, и карачаевцев, родственных балкарцам.

Вслед за этим начальник Кубанской области и наказной атаман Кубанского казачьего войска генерал-лейтенант Михаил Павлович Бабыч получил из штаба округа приказ приступить к формированию Черкесского конного четырехсотенного полка. Он срочно разослал соответствующие распоряжения атаманам Екатеринодарского, Майкопского и Баталпащинского отделов, где компактно проживали горцы, возложив на них ответ-

ственность за призыв добровольцев в черкесских и карачаевских аулах.

В то же время в Тифлисе штабом Кавказского военного округа подбирался командный состав Черкесского полка. Высочайшим приказом от 23 августа его командиром был назначен подполковник князь Александр Захаревич Чавчавадзе, бывший с 1905 года адъютантом наместника на Кавказе графа Воронцова-Дашкова. Он родился 4 июля 1870 года, происходил «из дворян Тифлисской губернии». Окончил Тифлисский кадетский корпус и Пажеский корпус в Петербурге. Согласно «Краткой записке о службе командира Черкесского конного полка подполковника Чавчавадзе», составленной в сентябре 1914 года, он был женат на фрейлине императрицы, «дочери шталмейстера Высочайшего Двора девице Марии Павловне Родзянко; имеет сына Павла, родившегося 15 июня 1899 года».

Тем временем атаманы отделов в Кубанской области с помощью старшин черкесских и карачаевских аулов проводили запись всадников-добровольцев. Как сообщал в штаб округа, в Тифлис, начальник Кубанской области генерал-лейтенант Бабыч, желавших вступить в Черкесский полк оказалось много и предварительное формирование сотен в отделах шло успешно. Весьма показательна в этом отношении заметка, опубликованная в конце августа 1914 года тифлисской газетой «Кавказ»:

«Житель аула Козет урядник Хаджи Баток Лиш послал губернатору Кубанской области генерал-лейтенанту М. П. Бабычу прошение о зачислении его в Действующую армию добровольцем. Просителю 93 года. Он провел всю свою жизнь в боях, сражаясь вместе с абадзехами против бжедугов, принимал участие в войнах против русских во время покорения Кавказа; уже будучи русским подданным, сражался в рядах русской армии в русско-турецкую войну 1877 г., участвовал в русско-китайской, во время боксерского восстания и, наконец, принимал участие в русско-японской войне.

В своем прошении Хаджи Баток Лиш говорит, что он не может равнодушно смотреть на происходящие события и должен сражаться с дерзким врагом русского государя и родины...»

В те же дни из сообщений генерал-лейтенанта Бабыча в штаб округа в Тифлисе станет известно о том, что многие абхазы, жители Сухумского округа, соседнего с Кубанской областью, изъявляют горячее желание вступить добровольцами в Черкесский конный полк.

И в связи с этим он запрашивал штаб о возможности их записи в формируемую из черкесов и карачаевцев воинскую часть. Из Тифлиса последовал положительный ответ, доведенный до сведения командира полка подполковника Чавчавадзе, которому в связи с этим надлежало направить в Сухуми своего офицера для отбора добровольцев. Туда спешно выехал штабс-ротмистр Генрих Бьерквист.

И в начале сентября он уже сообщил подполковнику Чавчавадзе, что им собрана целая сотня добровольцев-абхазов. При окончательном формировании полка эта сотня станет 4-й и получит официальное наименование Абхазской, что и будет указано на специальном, типографски отпечатанном сотенном бланке для рапортов и донесений.

Как видно из документов Черкесского конного полка, 27 августа в Тифлисе подполковник Чавчавадзе из прибывших в его распоряжение офицеров произвел назначения сотенных командиров.

Командиром 2-й сотни стал черкес штабс-ротмистр Келеч (Клыч) Шаханович Султан-Гирей, родившийся в марте 1880 года. Как свидетельствует послужной список, он происходил «из потомков крымского хана». Образование получил «в Санкт-Петербургской Ларинской гимназии и в Елизаветградском кавалерийском училище по 1-му разряду». В 1911 году окончил на «отлично» и курс в Офицерской кавалерийской школе.

Перед войной штабс-ротмистр Келеч Султан-Гирей служил в Кавказском запасном кавалерийском дивизионе, находившемся в Армавире, и «за отличную подготовку молодых солдат награжден золотым жетоном с соответствующей надписью».

За отличия по службе имел «награды мирного времени» — орден св. Станислава 3-й степени и орден св. Анны 3-й степени.

В конце августа 1914 года штабс-ротмистр Султан-Гирей переводится в Черкесский конный полк, где «1914-го августа 27 назначен командиром 2-й сотни». В полковом списке о его семейном положении сказано: «Холост».

Исходя из критериев исторической истины, не считаю вправе исключить из повествования имя и документальные свидетельства о боевых делах офицера Келеча (Клыча) Султан-Гирея в связи с его действиями в более поздние периоды жизни. Ведь в книге рассказывается о воинах Кавказской конной дивизии в период Первой

мировой войны, когда все они, и в их числе Султан-Гирей, рискуя жизнью и не щадя себя, отважно сражались с врагом, защищая наше Отечество.

4-ю сотню Черкесского полка — Абхазскую — возглавит штабс-ротмистр Генрих Федорович Бьерквист, который сам непосредственно с помощью местных властей и офицеров-абхазов сформирует ее в Сухуми. Он родился 3 апреля 1880 года в Великом Княжестве Финляндском. Дворянин. По национальности швед. Военное образование получил в «специальном Финляндском кадетском корпусе».

В Сухуми в Абхазскую сотню добровольно вступил и 56-летний прапорщик абхаз Иосиф (Шахан) Хасанович Лакербай, о котором в списке офицеров Черкесского полка отмечено: «Младший офицер с 27 августа 1914 г. в 4-й сотне». Он происходил «из дворян Сухумского округа», образование получил «домашнее». На военную службу поступил еще 16 января 1876 года, «прапорщик милиции — с 8 августа 1881 г.». Участвовал в русско-турецкой войне — «кампания 1877—1878 гг., в сражениях был». О семейном положении Иосифа Хасановича Лакербая в списке указывалось: «Женат. 2 сына — 26 и 23 лет».

1 сентября в Тифлисе младшим офицером в 3-ю сотню Черкесского полка был зачислен прапорщик Мурза-Бек Идрисович Лоов, родившийся в 1877 году, «из абазинских князей Кубанской области». Образования «домашнего». Участвовал в русско-японской войне, вступив всадником-добровольцем в Кубанскую сотню Терско-Кубанского полка. За мужество в боях с японцами Мурза-Бек Лоов награжден знаком отличия Военного ордена — Георгиевским крестом 4-й степени и производством в чин прапорщика.

На места сбора всадников-добровольцев в отделах Кубанской области подполковник Чавчавадзе направил из Тифлиса своих офицеров, чтобы там произвести их окончательный отбор в сотни и затем вывезти в военный лагерь под городом Армавиром для боевой подготовки перед отправкой на фронт.

Значительную помощь офицерам Черкесского полка при отборе добровольцев-карачаевцев оказал помощник атамана Баталпашинского отдела корнет Мисост Кучукович Абаев, участник русско-турецкой войны 1877—1878 годов, награжденный тогда за боевые отличия Георгиевским крестом 4-й степени. Он был известен и как балкарский просветитель, автор первого истори-

ческого труда «Балкария», опубликованного в 1911 году в Париже журналом «Мусульманин». В те же самые сентябрьские дни четырнадцатого года, когда формировался Черкесский полк, четверо родственников Мисоста Кучуковича из рода таубиев Абаевых, жителей Балкарского общества, стали всадниками Кабардинского конного полка.

К середине сентября все сотни Черкесского конного полка прошли стадию формирования. Согласно сведениям историка Звегинцева, приведенным в книге «Хронология русской армии. 1700—1917 гг.» (уточненным по документальным данным), известно, что 1-я сотня состояла «из черкесов Екатеринодарского отдела», 2-я — «из черкесов Майкопского отдела», 3-я — «из карачаевцев» Баталпашинского отдела, 4-я — из абхазов Сухумского округа.

Газета «Кавказ» 18 сентября 1914 года поместила информацию о смотре, который устроил в те дни 1-й сотне атаман Екатеринодарского отдела полковник Павел Никифорович Камянский: «Недавно атаманом Екатеринодарского отдела был произведен смотр сотне добровольцев-черкесов, снаряженных близлежащими аулами. Атаман отдела поздравил черкесов за бравый и боевой вид. Черкесы дружно отвечали: «Берекет берсин» (покорно благодарю). Все черкесы приведены муллою-кадием к присяге и отслужили молебен о даровании победы русскому воинству».

В военном лагере под городом Армавиром завершилось окончательное формирование Черкесского конного полка. Там же полковому командиру подполковнику Александру Захарьевичу Чавчавадзе представлялись прибывшие на службу офицеры — корнет князь Станислав Антонович Радзивилл, из родовитых польских аристократов, который Высочайшим приказом «из отставки назначен в Черкесский конный полк», и поручик итальянский маркиз Делли Альбицци. А 4 октября, буквально накануне отправления эшелонов полка на Украину, Чавчавадзе встретится с назначенным к нему в полк муллою — тридцатидевятилетним Мишаостом Джамботовичем Набоковым, происходившим «из горцев Кубанской области», получившим духовное образование в «Арабском университете при мечети Эль-Азхар в Каире».

О формировании Ингушского конного полка из родственных чеченцам ингушей Назрановского округа также было объявлено 9 августа 1914 года. Значитель-

ная роль на первоначальном этапе формирования полка до приезда его командного состава принадлежала старшему помощнику начальника Назрановского округа уроженцу Ингушетии подполковнику Эдиль-Султану Беймурзаеву. Он сам лично объезжал все ингушские селения, беседовал с их жителями на сходах, и во многом благодаря ему уже в скором времени в окружное управление поступили списки добровольцев. Окончательное же решение по каждому из них надлежало принять командиру полка и старшим полковым офицерам.

11 сентября во Владикавказ, где в то время находилось местопребывание начальника Назрановского округа, из Петербурга прибыл полковник Георгий Алексеевич Мерчуле, назначенный Высочайшим приказом командиром Ингушского конного полка. Абхаз по национальности, он родился 6 декабря 1864 года. Согласно «Краткой записке о службе», происходил «из дворян Кутаисской губернии». «Мерчуле Георгий (Паша) Алексеевич из села Илори Кодорского участка Сухумского отдела (Абхазия), отец его абхазец, известный во всей округе учитель», — пишет Езут Кичович Габелиа в книге «Абхазские всадники», вышедшей в Сухуми в 1990 году.

В ранней биографии Георгия Алексеевича Мерчуле интересен тот факт, что он учился в Ставропольской гимназии на Горском отделении (Горский пансион), давшем путевку в жизнь многим горцам Северного Кавказа, ставшим известными просветителями. После Ставрополя его путь лежал в Петербург, где он поступил в военное училище. «В службу вступил по свидетельству общего отделения дополнительного класса Горского отделения Ставропольской гимназии от 16 июня 1884 г. за № 861 прикомандированным к Николаевскому кавалерийскому училищу — 1884-го сентября 1», — записано в «Записке» о службе Мерчуле.

После окончания Николаевского кавалерийского училища, в чине корнета, Георгий Алексеевич направляется на Северный Кавказ в 45-й (позже 18-й) драгунский Северский полк; службу здесь проходили многие офицеры, которым в 1914-м предстояло попасть в «Кавказскую туземную конную дивизию». Десять лет прослужил он в этом полку, и 20 октября 1896 года в чине штаб-ротмистра был командирован в Офицерскую кавалерийскую школу для прохождения курса. «Окончил курс

«успешно» и отчислен из школы обратно в полк — 1898-го сентября 24».

Из Петербурга Георгий Алексеевич, пользуясь предоставленным месячным отпуском, поехал на родину, в Абхазию, откуда в конце октября и прибыл в Северский драгунский полк на Кавминводы. Но в Офицерской кавалерийской школе помнили о Мерчуле, как об опытном наезднике, умелом офицере, который с полным правом мог стать преподавателем в этом престижном военном учебном заведении. И уже вскоре, 27 декабря, последовал Высочайший приказ о зачислении штабс-ротмистра Мерчуле «в постоянный состав Офицерской кавалерийской школы». В наступившем 1899 году он прибыл в школу и сразу же получил назначение помощником заведующего «курсом обучающихся наездников», а с 5 октября стал помощником заведующего «курсом обучающихся офицеров в офицерском отделе». В январе 1903-го Мерчуле производится в ротмистры.

13 июня 1905 года начальник Офицерской кавалерийской школы генерал-майор Алексей Алексеевич Брусилов, в будущем прославленный военачальник периода Первой мировой войны, подписал свое ходатайство и краткую записку о службе состоящего в постоянном составе Офицерской кавалерийской школы ротмистра Мерчуле, представленного к переименованию в подполковники — ранее выслуженного срока, «за отличия по службе».

Известно, что на 1 января 1910 года подполковник Георгий Алексеевич Мерчуле уже занимал должность начальника отдела в Офицерской кавалерийской школе. 18 апреля того же года он получил чин полковника. За отличия по службе в «мирное время» был награжден тремя орденами — св. Станислава 3-й и св. Анны 3-й степени, св. Анны 2-й степени...

И вот теперь с 11 сентября 1914 года полковник Мерчуле стал командиром Ингушского конного полка. Служивший под его командованием корнет Анатолий Львович Марков в своих воспоминаниях «В Ингушском конном полку», изданных в парижском эмигрантском журнале «Военная Быль» в 1957 году, так напишет о нем: «Полковник Георгий Алексеевич Мерчуле, офицер постоянного состава Офицерской кавалерийской школы из знаменитой «смены богов», как в кавалерии называли офицеров-инструкторов Школы, получил полк при его формировании и им командовал до расформирования... Это был сухой, небольшого роста абхазец, с острой бо-

родкой «а-ля Генрих 4-й». Всегда тихий, спокойный, он произвел на нас прекрасное впечатление».

Рядовым всадником в том же сентябре четырнадцатого в Ингушский полк вступит родной младший брат Георгия Алексеевича — Дорисман Мерчуле, который в боях заслужит два Георгиевских креста и производство в чин прапорщика...

Опытным боевым офицером пришел в полк штабс-ротмистр Гуда Алиевич Гудиев, уроженец Ингушетии, «сын юнкера милиции Терской области», назначенный командиром 1-й сотни. Он родился 12 февраля 1880 года. Общее образование получил во Владикавказском реальном училище, военное — в Елизаветградском кавалерийском училище, окончив его в 1903 году. Корнетом Ингушской сотни Терско-Кубанского конного полка Гуда Гудиев вступил в войну с Японией. Как сказано в «Списке офицерским чинам Кавказской туземной конной дивизии», он «в сражениях был, ранен и контужен не был. Имеет награды за кампанию 1904—1905 годов:

- св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом,
- св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость»,
- св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом,
- св. Станислава 2-й ст. с мечами,
- св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом».

В чин штабс-ротмистра Гудиев произведен 1 сентября 1910 года.

Из Офицерской кавалерийской школы вместе с полковником Мерчуле прибыл в полк и подполковник Владимир Давидович Абелов, «потомственный дворянин Тифлисской губернии», ставший помощником полкового командира.

Весьма колоритной и яркой личностью в Ингушском полку, да и во всей дивизии, являлся полковник французский принц Наполеон Мюрат, правнук знаменитого наполеоновского маршала, короля Неаполитанского Иоахима Мюрата, женатого на сестре Наполеона Бонапарта — Каролине. И в связи с этим родством полковник Ингушского полка принц Мюрат был правнучатым племянником императора Франции.

Как странно и необъяснимо складываются порой человеческие судьбы. Прадед принца Наполеона Мюрата маршал Иоахим Мюрат вместе с Наполеоном Бонапартом в 1812 году шел с армией, чтобы покорить Россию. Их же потомок, связав свою жизнь с этой страной, стал офицером российской армии и героически сражался с ее противниками.

Еще в 1904 году Наполеон Мюрат добровольно ушел на Японскую войну, проявил мужество в боях, был тяжело ранен и вернулся с Дальнего Востока в Петербург с шестью боевыми орденами.

После войны принц Мюрат служил в лейб-гвардии Конном полку, затем в постоянном составе Офицерской кавалерийской школы, где, по словам хорошо его знавшего, известного в дореволюционной России журналиста и писателя Николая Николаевича Брешко-Брешковского, готовил «из молодых поручиков и штабс-ротмистров таких же центавров, каким он был сам, достойный правнук великолепного Иоахима Мюрата». Позже, выйдя в запас, он уехал в Америку, «но с первыми же раскатами Великой войны умчался в Россию и вступил в ряды Дикой дивизии».

Принц Мюрат вновь пошел сражаться за Россию, а то, что он добровольно вступил в Кавказскую конную дивизию, было для него вполне естественным — ведь по матери, грузинской княжне Дадиани, он имел самое непосредственное отношение к Кавказу...

3-ю бригаду Кавказской конной дивизии возглавил генерал-майор князь Николай Петрович Вадбольский.

* * *

Итак, в сентябре 1914 года завершилось формирование дивизии кавказских горцев, а в октябре эшелоны повезут ее полки на Украину, в Подольскую губернию, откуда в скором времени и предстояло им вступить в боевые действия на Юго-Западном — австрийском фронте.

В Кавказской конной дивизии рядовых называли не «нижними чинами», как то было принято в российской армии, а «всадниками». Так как у горцев не существовало обращения на «вы», то к своим офицерам, генералам, и даже к командиру дивизии великому князю Михаилу Александровичу, всадники обращались на «ты», что нисколько не умаляло значения и авторитета командного состава в их глазах и никак не отражалось на соблюдении ими воинской дисциплины.

«Отношения между офицерами и всадниками сильно отличались от таковых в регулярных частях, — вспоминал офицер Ингушского полка Анатолий Марков. — В горцах не было никакого раболепства перед офицерами, они всегда сохраняли собственное достоинство и отнюдь не считали своих офицеров за господ — тем более

за высшую расу». Подчеркивает это и в очерке «Кавказская Туземная Конная Дивизия» офицер Кабардинского конного полка Алексей Арсеньев: «Отношения между офицерами и всадниками носили характер совершенно отличный от отношений в полках регулярной конницы, о чем молодые офицеры наставлялись старыми. Например — вестовой, едущий за офицером, иногда начинал петь молитвы или заводил с ним разговоры. В общем уклад был патриархально-семейный, основанный на взаимном уважении, что отнюдь не мешало дисциплине; брани — вообще не было места...

Офицер, не относящийся с уважением к обычаям и религиозным верованиям всадников, терял в их глазах всякий авторитет. Таковых, впрочем, в дивизии не было».

Весьма интересны и следующие обобщения, сделанные русским офицером Арсеньевым о горцах — его боевых товарищах по Кабардинскому полку и дивизии: «Чтобы правильно понять природу Дикой Дивизии, нужно иметь представление об общем характере Кавказцев, ее составлявших.

Говорят, что постоянное ношение оружия — облагораживает человека. Горец — с детства был при оружии: он не расставался с кинжалом и шашкой, а многие — и с револьвером или старинным пистолетом. Отличительной чертой его характера было чувство собственного достоинства и полное отсутствие подхалимства. Выше всего ценилась ими храбрость и верность; это был прирожденный воин...»

Алексей Алексеевич Арсеньев, говоря о высокой дисциплине, существовавшей в дивизии, подчеркивает, что в первую очередь это было связано с тем, что «всякий мусульманин воспитан в чувстве почтения к старшим — это поддерживалось «адатами» — горскими обычаями».

Очень ярко и эмоционально напишет о Кавказской конной дивизии Николай Николаевич Брешко-Брешковский в своей книге-«романе» «Дикая Дивизия», вышедшей в начале тридцатых годов в эмигрантском издательстве в Риге. Он неоднократно бывал на фронте в дивизии и ее полках, близко знал многих ее офицеров, встречался с всадниками.

В то время горцы Кавказа и «степные» народы Туркестана, пишет Брешко-Брешковский, «не отбывали воинской повинности», однако при любви их «к оружию и к лошади, любви пламенной, привитой с раннего

детства, при восточном тяготении к чинам, отличиям, повышениям и наградам, путем добровольческого комплектования можно было бы создать несколько чудесных кавалерийских дивизий из мусульман Кавказа и Туркестана. Можно было бы, но к этому не прибегали».

«Почему?» — ставит вопрос Брешко-Брешковский и сам же отвечает на него: «Если из опасения вооружить и научить военному делу несколько тысяч инородческих всадников — напрасно! На мусульман всегда можно было вернее положиться, чем на христианские народы, влившиеся в состав Российского Царства. Именно они, мусульмане, были бы надежной опорой власти и трона.

Революционное лихолетье дало много ярких доказательств, что горцы Кавказа были до конца верны присяге, чувству долга и воинской чести и доблести...»

И вот, когда в 1914 году «вспыхнула Великая война, — читаем в книге «Дикая Дивизия», — решено было создать туземную конную Кавказскую дивизию.

С горячим, полным воинственного пыла энтузиазмом стозвались народы Кавказа на зов своего Царя. Цвет горской молодежи поспешил в ряды шести полков дивизии — Ингушского, Черкесского, Татарского, Кабардинского, Дагестанского, Чеченского. Джигитам не надо было казенных коней — они пришли со своими; не надо было обмундирования — они были одеты в свои живописные черкески. Оставалось только нашить погоны. У каждого всадника висел на поясе кинжал, а сбоку шашка. Только и надо было казенного, что винтовки...

Чтобы поднять и без того приподнятый дух горцев, во главе дивизии поставлен был брат Государя, великий князь Михаил Александрович, высокий, стройный, сам лихой спортсмен и конник. Такой кавалерийской дивизии никогда еще не было и никогда, вероятно, не будет».

Удивительным был состав офицеров дивизии, состоявший из людей разных национальностей, для которых служба в Кавказской конной дивизии стала делом чести, все они гордились принадлежностью к ней и в жестоких боях доказали, что они, как и их боевые товарищи — природные горцы, достойны того, чтобы называться тоже кавказцами.

«Спешно понадобился офицерский состав, — пишет Брешко-Брешковский, — и в дивизию хлынули все, кто еще перед войной вышел в запас или даже в полную отставку. Главное ядро, конечно, кавалеристы, но, прельщенные экзотикой, красивую кавказскую форму,

а также и обаятельной личностью Царственного командира, в эту конную дивизию пошли артиллеристы, пехотинцы и даже моряки, пришедшие с пулеметной командой матросов Балтийского флота...

Вообще, Дикая дивизия совмещала несовместимое. Офицеры ее переливались, как цвета радуги, по крайней мере двумя десятками национальностей. Были французы — принц Наполеон Мюрат и полковник Бертрен; были двое итальянских маркизов — братья Альбицци. Был поляк — князь Станислав Радзивилл и был персидский принц Фазула-Мирза. А сколько еще было представителей русской знати, грузинских, армянских и горских князей, а также финских, шведских и прибалтийских баронов...

И многие офицеры в черкесках могли увидеть имена свои на страницах Готского альманаха.

Дивизия сформирована была на Северном Кавказе... и в четыре месяца обучили ее и бросили на австрийский фронт. Еще только двигалась она на запад эшелон за эшелон, а уже далеко впереди этих эшелонов неслась легенда. Неслась через проволочные заграждения и окопы. Неслась по венгерской равнине к Будапешту и Вене... Говорили, что на русском фронте появилась страшная конница откуда-то из глубин Азии...»

В течение первой половины октября 1914 года все полки дивизии с мест своего формирования воинскими эшелонами были передислоцированы в Подольскую губернию и временно разместились в городах Виннице, Проскурове (ныне Хмельницкий) и в их районах. Здесь предстояло завершить окончательную боевую подготовку всадников, начатую еще на Кавказе.

В связи с выдвижением кавказских полков в тыловые районы Действующей армии, 16 октября царь Николай II направил из Петрограда телеграмму в Винницу, в штаб Кавказской конной дивизии, ее командиру великому князю Михаилу Александровичу: «Передайте представителям племен, формировавших полки Кавказской конной туземной дивизии, Мою радость по поводу выступления частей в поход, а также и Мою уверенность, что полки проявят на деле воинскую доблесть».

В тот же день Михаил Александрович по телеграфу передал текст царской телеграммы в Тифлис заместителю на Кавказе графу Воронцову-Дашкову, сопроводив ее словами: «Прошу Ваше Сиятельство сообщить вышеуказанным племенам Кавказа о таком внимании к ним Его Императорского Величества».

И эта просьба великого князя незамедлительно была исполнена. Так, уже 17 октября начальник Терской области генерал-лейтенант Флейшер получил из Тифлиса от наместника срочное телеграфное сообщение «о полученной от Его Величества телеграмме». И в тот же день по этому знаменательному поводу издал приказ с текстом телеграммы Николая II, направив его начальникам Нальчикского, Назрановского, Грозненского и Веденского округов, где формировались Кабардинский, Ингушский и Чеченский полки. 20 октября о царской телеграмме, связанной с «Кавказской конной дивизией», сообщило на всю страну Петроградское телеграфное агентство...

А дивизия между тем усиленно готовилась к боям. Дополнительно к конным полкам в ее состав вошли части и подразделения поддержки, медицинские учреждения:

2-й конно-горный артиллерийский дивизион,
пулеметный отряд Балтийского флота,
конно-подрывной отряд,
команда связи при штабе дивизии,
автомобильный отряд,
мотоциклетный отряд,
передовой перевязочный отряд,
22-й передовой санитарный отряд.

В то время русские войска Юго-Западного фронта, в составе которого теперь находилась и Кавказская конная дивизия, успешно проводя наступательные операции в Галиции (Западная Украина), взяли в осаду мощную неприятельскую крепость Перемышль с многотысячным австро-венгерским гарнизоном, юго-западнее Львова. В связи с этими событиями во всех частях дивизии прошли торжественные моления. 26 октября в городе Проскурове адъютант Черкесского конного полка поручик Михаил Бучкиев извещал полковых офицеров и сотенных командиров: «По приказанию командира полка сообщаю, что сегодня, в Воскресенье, 26-го сего октября, по случаю получения известия об отступлении австрийцев на всем Галицийском фронте... в 4 часа пополудни полковому мулле в помещении 3-й сотни совершить благодарственное моление, на котором присутствовать всем всадникам магометанского вероисповедания».

И вот командир дивизии генерал Свиты Его Величества великий князь Михаил Александрович получил приказ главнокомандующего армиями Юго-Западного

фронта — с 15 ноября начать переброску частей дивизии из Подольской губернии ко Львову и оттуда следовать на передовые позиции, где войти в состав 2-го кавалерийского корпуса генерал-лейтенанта Гуссейна Хана Нахичеванского.

26 ноября Кавказская конная дивизия через Львов начала «проходное выдвижение» в юго-западном направлении к городу Самбору. В тот день в столице Галиции, Львове, свидетелем шествия частей дивизии по его улицам стал граф Илья Львович Толстой, сын Льва Николаевича Толстого. Он, как журналист и писатель, приехал в этот город, всего лишь месяц назад освобожденный русскими войсками от австрийцев. О своих впечатлениях и чувствах, вызванных увиденными им кавказскими полками, Илья Львович расскажет в очерке «Алые башлыки», опубликованном в начале 1915 года в московском журнале «День Печати» и перепечатанном газетой «Терские ведомости».

«Первое мое знакомство с Кавказской туземной конной дивизией, — писал Толстой, — произошло во Львове, когда командир корпуса производил ее смотр.

Это было в самом центре города, против лучшего отеля, в 12 часов дня, когда улицы были запружены народом и когда жизнь большого города кипела в полном разгаре.

Полки проходили в конном строю, в походном порядке, один за одним, один красивее другого, и весь город в продолжение целого часа любовался и дивился невиданным дотоле зрелищем...

Под скрипучий напев зурначей, наигрывающих на своих дудочках свои народные воинственные песни, мимо нас проходили нарядные типичные всадники в красивых черкесках, в блестящем золотом и серебром оружии, в ярко-алых башлыках, на нервных, точеных лошадях, гибкие, смуглые, полные гордости и национального достоинства.

Что ни лицо, то тип; что ни выражение — выражение свое, личное; что ни взгляд — мощь и отвага...»

Восхищенный кавказскими всадниками, влившимися добровольцами в ряды российской армии, Илья Львович вспомнил и трагические страницы истории взаимоотношений России и Кавказа: «60 лет тому назад эти люди упорно с нами воевали, а теперь они настолько слились с Россией, что сами добровольно пришли сюда для того, чтобы общими усилиями сломить упорство нашего, теперь уже общего, опасного и сильного врага.

Как тогда Кавказ боролся и все приносил в жертву своей независимости, так теперь он выслал к нам лучших своих представителей для того, чтобы вместе с нами стать на защиту независимости не только нашей родины, но тем самым и всей Европы от губительного нашествия новых варваров...

Весь состав дивизии — вольные всадники, вооруженные своим оружием, сидящие на своих конях, добровольно и сознательно записавшиеся в ряды войск...»

Далее Илья Львович Толстой говорит в статье о том, что после того, как он увидел всадников и офицеров кавказских полков на улицах Львова, его «потянуло» к этим «интересным, сильным людям» и ему удалось познакомиться с офицерами и всадниками. «С тех пор я полтора месяца провел в ближайшем соприкосновении с этими частями и не только полюбил весь их состав, начиная с высшего и до последнего рядового, но и научился глубоко его уважать. Я видел людей и в походе, и на стоянках, и в боях.

Их называли «дикими», потому что на них надеты страшные мохнатые папахи, потому что они завязывают на голове башлыки, как чалмы, и потому что многие из них... — абреки, земляки знаменитого Зелимхана... *

Я жил целый месяц в халупе в центре расположения «диких полков», — рассказывал Толстой, — мне указывали людей, которые на Кавказе прославились тем, что из мести убили несколько человек, — и что же я видел?

Я видел этих убийц, нянчивших и кормящих остатками своего шашлыка чужих детей; я видел, как полки снимались со своих стоянок и как жители жалели об их уходе, благодарили их за то, что они не только платили, но и помогали своими подаваниями; я видел их выполняющими самые трудные и сложные военные поручения; и я видел их в боях дисциплинированных, безумно отважных и непоколебимых. Много у меня от этого времени осталось впечатлений, самых интересных, которые я берегу в своей душе, как ценные воспоминания и как дорогой психологический материал.

К сожалению, нескольких моих друзей теперь уже нет в живых. Одни пали еще при мне. О смерти других я узнал недавно, уже здесь, в Москве...»

---

* Зелимхан Гушмазакаев — чеченский абрек, легендарная личность, тип горского Робин Гуда. Прославился на весь Кавказ своими бесстрашными набегами и неуловимостью. Погиб 26 сентября 1913 года.

Илья Львович, с любовью рассказывая о Кавказской конной дивизии, в условиях войны не мог назвать имен знакомых ему офицеров, как не мог сказать и о том, что в середине декабря 1914 года его родной брат, прапорщик Михаил Толстой, будет зачислен на службу во 2-й Дагестанский полк...

После торжественного прохода дивизии через Львов ее полки, совершив семидесятикилометровый переход по австро-венгерской территории, занятой российской армией, вышли к городу Самбору, где 28 ноября, как свидетельствует штабной документ, полностью «закончилось сосредоточение дивизии». Отсюда кавказские полки выходили на боевой участок в Карпатских горах, куда в том году пришла ранняя зима с обильными снегопадами и морозами.

Наступил декабрь 1914 года, и с него начался отсчет славного героического боевого пути Кавказской конной дивизии...

В КАРПАТАХ

В Карпатских горах, юго-западнее Самбора, на берегах реки Сан, Кавказская конная дивизия вступила в боевые действия с неприятелем, действуя вначале в составе 8-й, а затем 9-й армии Юго-Западного фронта. До начала февраля 1915 года ее полки вели тяжелые бои в горах и долинах Карпат, у галицийских и польских городков и деревень. Наступательные операции и разведка боем чередовались с отражением контратак крупных сил неприятеля, пытавшегося в зимние месяцы прорваться с юга к блокированной русской армией неприятельской крепости Перемышль со 120-тысячным гарнизоном. И кавказские полки с честью выполнили свою боевую задачу — там, где стояли они, враг не прошел, там, где наступали, враг был повержен...

Документы полков и штаба Кавказской конной дивизии донесли до нас имена героев боев, описание их подвигов и связанных с ними боевых эпизодов на всем протяжении войны с 1914-го по 1917 год. В тот период через службу в дивизии прошло более 7000 всадников — уроженцев Кавказа (полки, понесшие потери в боях и сокращавшиеся за счет отчисления «вовсе от службы» всадников по ранениям и болезням, четырежды пополнялись приходом с мест их формирования запасных сотен). Около 3500 из них были награждены Георгиевскими крестами и Георгиевскими медалями «За храбрость», а все офицеры удостоены орденов. К сожалению, рассказать обо всех героях Кавказской конной дивизии в этой книге не представляется возможным, и в ней названы имена лишь немногих из них, но сделавших очень многое, порой ценой собственной жизни, в деле защиты нашего Отечества...

Полки 3-й бригады — Черкесский и Ингушский — уже 8 декабря первыми из состава дивизии вступили в столкновение с неприятелем. Наградные представления и данные из приказов о награждении дают нам возможность увидеть, как отважно сражались всадники и офицеры кавказских полков в далекие от нас дни зимы 1914/15 года, заброшенные военной судьбой далеко от родных мест в Карпатские горы...

Черкесского конного полка. Награждены Георгиевскими крестами:

«Юнкер милиции Асланбек Шарданов — 3 ст. № 24875.

8 декабря 1914 г. у дер. Терки находился на разведке под действительным огнем противника, пока не выполнил возложенной на него задачи».

Асланбек Шарданов в составе Терско-Кубанского конного полка в 1904—1905 годах участвовал в войне с Японией, за боевые отличия был награжден Георгиевским крестом 4-й степени и произведен в чин юнкера.

♥ «Всадник Крым Айсанов — 4 ст. № 159477.

Всадник Бесса Куруа — 4 ст. № 159482. ✓

В боях 9 декабря 1914 г. в районе у дер. Терки и Волковья под сильным огнем добыли и доставили ценные сведения о силах и расположении противника. Всаднику Куруа пришлось переправляться вброд под огнем».

«Юнкер милиции Зачерий Хапачев — 3 ст. № 24876.

13 декабря 1914 г. у дер. Волковья доставил особо важные приказания под сильным пулеметным огнем, чем предупредил обход противником фланга нашего отряда».

Зачерий Хапачев — участник русско-японской войны. В боях с японцами заслужил Георгиевский крест 4-й степени и чин юнкера милиции.

«Мл. урядник вольноопределяющийся Пшимаф Ажигоев — 4 ст. № 159473.

Приказный Сеит-Бий Крымшамхалов — 4 ст. № 159476.

В бою 13 декабря 1914 г. у дер. Рыбни — Горожанка под сильным пулеметным огнем противника неоднократно доставляли важные донесения, чем вывели из трудного положения наш отряд».

«Мл. урядник Леон Дудов — 4 ст. № 159478.

13 декабря 1914 г. в бою у дер. Горожанки бросился на 4-х австрийцев и совместно с другими силою взял их в плен».

В боях придет январь 1915 года, и имена новых Георгиевских кавалеров Черкесского полка, заслуживших награды в те дни, объявит в своем приказе командир 2-го кавалерийского корпуса:

«Юнкер Муса Джарим — 3 ст. № 15565.

Командуя взводом, пробился к своим».

Муса Джарим, участник войны с Японией, был на-

гражден Георгиевским крестом 4-й степени и чином юнкера.

«Мл. урядник Магомет-Гери Крымшамхалов — 4 ст. № 183986.

Доставил важное приказание».

«Всадник Учужук Почешхов — 4 ст. № 184006.

Всадник Хаджи-Мурат Чомаев — 4 ст. № 184008.

Всадник Бекир-Бий Крымшамхалов — 4 ст. № 184009.

Личным мужеством содействовали успеху».

«Всадник Василий Маги — 4 ст. № 184022.

Охотником добыл важные сведения».

В числе награжденных за мужество в декабрьских и январских боях 1915 года медалями «За храбрость» 4-й степени были и всадники Черкесского конного полка:

Рамазан Шхалахов. «Вывел разъезд из-под огня».

Джати Байрамуков. «Вынес раненого».

Николай Анчабадзе (Ачба). «Произвел важную разведку и сообщил точные сведения».

Отважно сражались в Карпатских горах и офицеры Черкесского полка. Орденом св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом был награжден его командир подполковник Александр Захарьевич Чавчавадзе, ордена св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» получили прапорщики *Мурза-Бек Лоов* и *Давлет-Мурза Бжегаков*.

Старейший по возрасту офицер Черкесского конного полка пятидесятишестилетний прапорщик 4-й Абхазской сотни Иосиф Хасанович Лакербай за мужество, проявленное в декабрьских боях, будет удостоен ордена св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость». И вот новое наградное представление на него, составленное сотенным командиром штабс-ротмистром Генрихом Бьерквистом после боя, происшедшего 9 января 1915 года в Карпатах, на берегу реки Сан, у деревни Царицынка, когда противник потеснил Черкесский полк:

«*Прапорщик Иосиф Лакербай.* Под перекрестным огнем во время отхода от Царицынка стойко держался на своих позициях полусотни, отходившей перекатами, и в высокой степени способствовал задержанию подавляющих сил неприятеля у дер. Царицынка.

Представляется к ордену св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом».

В числе первых офицеров дивизии 9 января 1915 года орденом св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом

будет награжден и командир 2-й сотни штабс-ротмистр Келеч (Клыч) Султан-Гирей «за отличия в делах против неприятеля с 11 по 19 декабря 1914 года».

За январские бои командование дивизии представит штабс-ротмистра Султан-Гирея к награждению Георгиевским оружием. Вот что писал о его боевых делах командир полка подполковник Чавчавадзе: «Занимал со 2-й сотней позицию под дер. Кривка, целые сутки удерживал натиск превосходящих сил неприятеля на сотню и отбил ночью с 13 на 14 января последовательно три штыковые атаки австрийцев».

«Штабс-ротмистр Клыч Султан-Гирей. Проявляя самую энергичную, кипучую деятельность, руководил в разведке путей на Цуриповку, на высотах 1297—1244, куда пришлось пробираться его полусотне через сугробы снега, без дорог, по грудь в снегу, в мороз и вьюгу для того, чтобы установить постоянное наблюдение за неприятелем».

* * *

Ингушский конный полк начал боевые действия в Карпатах у села Рыбне. Позже в наградных представлениях на его командира полковника Георгия Алексеевича Мерчуле, в сведениях «Награды за текущую кампанию», первым будет указан орден св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом, которым его наградят, согласно Высочайшему приказу от 9 января 1915 года, «за бой при селе Рыбне 13 декабря 1914 года».

За отвагу, проявленную в бою за село Рыбне, будут награждены Георгиевскими крестами:

«Мл. урядник Ахмет Оздоев — 4 ст. № 159485.

В бою 13 декабря 1914 г. вызвался охотником, несмотря на полученное ранение, добыл и доставил важные сведения о расположении противника».

«Вахмистр светлейший князь Грузинский Михаил — 4 ст. № 159498.

13 декабря 1914 г. в бою у сел. Рыбне под сильным огнем противника доставил важное донесение и восстановил утраченную связь».

Князь Михаил Николаевич Грузинский — в дальнейшем офицер Ингушского полка — будет награжден пятью орденами.

Анатолий Львович Марков спустя многие годы после Первой мировой войны, находясь в эмиграции во Франции, в своих воспоминаниях «В Ингушском конном пол-

ку», рассказывая об однополчанах, скажет и о том, что «фамилия Мальсаговых в полку была столь многочисленна, что при сформировании полка на Кавказе был даже проект создать из представителей этой фамилии особую сотню».

Были Мальсаговы и среди тех, кто отличился храбростью в первых боях Ингушского полка у деревни Рыбне и в числе первых удостоен Георгиевских крестов:

«Всадник Бахауддин Хаджукович Мальсагов — 4 ст. № 159500.

Мл. урядник Юнус Хутиевич Мальсагов — 4 ст. № 159486.

Всадник Ахмед Артаганович Мальсагов — 4 ст. № 159494.

В бою 13 декабря 1914 г., будучи разведчиками, с явной опасностью для жизни добыли и доставили важные сведения о расположении противника».

Бахауддин Мальсагов — сын начальника «Ингушской охранной стражи», коллежского регистратора (прапорщика) Хаджуко Мальсагова, который в составе Терско-Горского конно-иррегулярного полка участвовал в войне с Турцией в 1877—1878 годах, «в Европейской Турции» — на Балканах, и был награжден знаками отличия Военного ордена — Георгиевскими крестами 3-й и 4-й степени и румынским крестом «За переход через Дунай».

В Ингушском конном полку служил и старший брат Бахауддина — *всадник Муса Мальсагов*. За мужество, проявленное в январских боях в Карпатах, он получит Георгиевский крест 4-й степени, а именно за то, что в ожесточенном бою во время контратаки австрийцев под шквальным огнем «восстановил связь» между своей 4-й сотней и командиром полка.

Ахмед Мальсагов — сын прапорщика Артагана Мальсагова, участника русско-турецкой войны 1877—1878 годов. Его старший брат подпоручик Созерко Мальсагов в это же время служил в стрелковом полку на Юго-Западном фронте и с августа 1914-го участвовал в боях.

Отличится в Карпатском сражении в январские дни пятнадцатого года и *урядник Мурат Мальсагов* — в критический момент боя он «доставил важное приказание» полковника Мерчуле командиру сотни, и за это его награждают Георгиевским крестом 4-й степени.

Урядник Асмибек Мамагиев в составе Ингушской сотни Терско-Кубанского полка в 1904—1905 годах участвовал в войне с Японией и за храбрость был награжден

ден тремя Георгиевскими крестами. И теперь в тяжелых декабрьских боях на берегах реки Сан, в заснеженных Карпатах, он вновь выделился своим мужеством, служа примером доблести для однополчан. И командование по достоинству оценило боевые заслуги Асмибека Маматиева — приказом командира 2-го кавалерийского корпуса за № 75 от 20 июля 1915 года он первым в Ингушском полку будет удостоен Георгиевского креста 1-й степени № 1629 за то, что, как лаконично сказано в наградном представлении, «в бою 29 декабря доставил важные сведения о противнике».

Урядник Хаджи-Мурат Заурбекович Местоев свою первую награду получил за декабрьские бои в Карпатах. Позже, в ноябре 1915 года, в списке «Всадники Ингушского конного полка, имеющие Георгиевские кресты всех 4-х степеней», о нем будет сказано: «Хаджи-Мурат Местоев — 4-я ст.— за бои в декабре 1914 года, 3-я ст.— в феврале, 2-я ст.— в мае и 1-я ст.— августа месяца 1915 года».

Всадник Ингушского полка Осман Магометович Аушев приказом командира 2-го кавалерийского корпуса генерал-лейтенанта Хана Нахичеванского был награжден медалью «За храбрость» 4-й степени за то, что «в боях с 11 по 13 декабря 1914 г. у сел. Рыбне под огнем противника выказал выдающееся мужество и храбрость».

В декабрьских боях заслужил Георгиевский крест 4-й степени *всадник Паша Беков*, который, находясь «старшим в секрете, обнаружил противника» и предупредил об этом командира сотни.

Старший урядник Ингушского полка Алисхан Плиев в январских боях, «командуя взводом, удержал пункт», дав возможность своей сотне отбить контратаку неприятеля, и был награжден Георгиевским крестом 4-й степени. Месяц спустя заслужит он и медаль «За храбрость». «В боях с 13 по 19 февраля 1915 г. у дер. Цу-Бабино,— сказано о Плиеве в наградном приказе,— под огнем противника выказал выдающееся мужество и храбрость».

И конечно же образцом мужества и воинской доблести в боях служили офицеры. Командир 1-й сотни штабс-ротмистр Гуда Алиевич Гудиев, награжденный на Японской войне пятью орденами, за храбрость в декабрьских боях в Карпатах командующим армией будет удостоен ордена св. Анны 2-й степени с мечами, а «за январские бои» ему объявлено Высочайшее благоволение — личная благодарность императора Николая II.

Прапорщики ветеран Японской кампании Муса

Аушев, Эльмурза Гулиев и Кагерман Дудаев за подвиги, совершенные в декабрьских боях, получают в награду ордена св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость». После объявления в январе 1915 года приказа об их награждении пройдет несколько месяцев, и затем из штаба 2-го кавалерийского корпуса офицер для поручений доставит в штаб дивизии пакет с извещением и орденами:

«Начальнику штаба Кавказской туземной конной дивизии.

Препровождаются орденские знаки, присланные из штаба IX армии для выдачи офицерам, поименованным на обороте:

Ингушского конного полка

Штабс-ротмистр Гудиев — св. Анны 2-й ст. с мечами.

Прапорщик Дудаев — св. Анны 4-й ст. с надп. «За храбрость».

Прапорщик Аушев — св. Анны 4-й ст. с надп. «За храбрость».

Прапорщик Гулиев — св. Анны 4-й ст. с надп. «За храбрость».

Орденом св. Владимира 3-й степени с мечами за бои в Карпатах будет награжден *полковник Ингушского полка принц Наполеон Мюрат* (орден св. Владимира 4-й степени он получил в период русско-японской войны). Об одном из боевых эпизодов во фронтовой жизни этого удивительного человека рассказал в книге «Дикая Дивизия» Николай Николаевич Брешко-Брешковский: «Здесь, в Карпатах, он спасает положение всей бригады, почти отрезанной, когда на лямках ему были поданы пулеметы... Он с горстью своих людей находился на такой круче — подняться к нему никакой возможности не было! Тогда Мюрат приказал спустить длинные-длинные веревки, и на этих веревках его люди подтянули пулеметы. Из них он открыл такой огонь — австрийцы бежали в панике!»

Вполне вероятно, что именно за этот подвиг Наполеон Мюрат и стал кавалером ордена св. Владимира 3-й степени, который давался офицерам, состоявшим в чине начиная от полковника.

А 15 февраля 1915 года командир полка Георгий Алексеевич Мерчуле представил принца Мюрата к еще более высокой награде и в своем рапорте командиру 3-й бригады писал: «Прошу Вашего ходатайства о на-

граждении принца Наполеона Мюрата за рекогносцировку с 2 по 9 января с. г. высот Устрижижи-Горны Георгиевским оружием».

Но взамен Георгиевского оружия Мюрату было «объявлено Высочайшее благоволение за отличия в боях».

«Этот рожденный для войны офицер переживал трагедию,— писал о принце Наполеоне Мюрате Брешко-Брешковский, встречавшийся с ним летом 1915 года.— Его последние трофеи и подвиги были в буквальном смысле последними. Он все еще силен, все еще может гнуть монеты, но уже постепенно лишается ног. Дают знать себя подагра мирного времени, и ревматизм трех войн, и, самое главное, зимние бои в Карпатах, с их стужей, когда ему отморозило обе ноги».

В ноябре 1915 года, когда здоровье полковника Наполеона Мюрата еще более ухудшится, он вынужден будет расстаться со своим полком и однополчанами и выедет с Юго-Западного фронта в Тифлис для «прикомандирования в распоряжение Главнокомандующего Кавказской армией».

В должности адъютанта Ингушского конного полка служил *корнет Александр Николаевич Баранов*, потомственный дворянин, из выпускников Пажеского корпуса, участник похода в Китай в 1900—1901 годах и последовавшей вскоре русско-японской войны, отмеченный боевыми наградами. В Кавказскую конную дивизию он пришел из запаса. Хорошо его знавший писатель Брешко-Брешковский в книге «Дикая Дивизия» скажет о нем: «Баранов, единственный из русских в Ингушском полку... безусловно мог носить кавказскую форму. Его тонкая талия была создана для черкески, и в ней, будучи среднего роста, он казался много выше».

Сражался корнет Александр Николаевич Баранов отважно. Как видно из документов, уже в декабре и январе он заслужил два ордена: св. Анны 3-й степени с мечами и бантом — «за бой у села Полянчики 11 декабря 1914 года» и св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом — «за бой у сел Кривка, Цу-Кривка 23—24 января 1915 года».

А за доблесть, проявленную корнетом Барановым 13 декабря 1914 года у карпатского села Рыбне, командир полка полковник Мерчуле представит его к награждению Георгиевским оружием. Наградное представление раскрывает перед нами подробности боя, который в тот день вели Ингушский и Черкесский полки: «В бою 13 декабря 1914 г. при наступлении 3-й бригады Кавказ-

ской туземной конной дивизии на высоту с белым домом, когда австрийцы, засевшие в окопах, открыли по нашим цепям сильный и действительный огонь, адъютант Ингушского конного полка корнет Баранов верхом, взяв в ляжку пулемет, под пулеметным огнем вывез его галопом на линию цепей, а затем таким же образом вывез другой пулемет и, кроме того, два раза подвозил к ним патроны.

Неоднократно подвергая свою жизнь явной опасности этой доблестной, самоотверженной деятельностью, корнет Баранов не только доставил нашим цепям возможность быстро двигаться вперед, но и парировать начавшийся обрисовываться обход нашего фланга противником и, таким образом, содействовал достижению цели, поставленной всей бригаде.

Будучи лично свидетелем описанного подвига корнета Баранова, ходатайствую о награждении сего обер-офицера Георгиевским оружием».

Наградой корнета Баранова «за бой при селе Рыбне 13 декабря 1914 года» станет объявленное ему Высочайшее благоволение.

* * *

В «Конспекте боевых действий Кавказской туземной конной дивизии» отмечено: «17 декабря. Бой 1-й бригады у дер. Ветлино».

Деревня Ветлино находилась в узкой долине реки Ветлинка, впадающей в Сан. Слева и справа от нее протянулись горные хребты высотой до 1300 метров с крутыми заваленными снегом и густо поросшими буком и ельником склонами. Там, у обороняемой значительными силами австрийцев деревни Ветлино, и примет свой первый бой Кабардинский конный полк.

Командир 1-й бригады генерал-майор князь Дмитрий Петрович Багратион, как сказано в документе, «во время движения дивизии к Цисне был выдвинут с бригадой 17 декабря для занятия деревни Береги-Горне и обеспечения выхода дивизии в долину реки Ветлинка».

Первым по долине реки Ветлинка в тот день, 17 декабря, двигался Кабардинский конный полк. За ним шел 2-й Дагестанский. В авангарде Кабардинского полка с целью разведки следовала 4-я сотня штабс-ротмистра Вольдемара Константиновича Соколовского, сформированная в основном из жителей Малой Кабарды и Балкарии. Уже затемно, наступившим вечером, сотня по-

дошла к деревне Ветлино. После проведенной разведки штабс-ротмистр Соколовский решил внезапно атаковать засевших в ней австрийцев с пулеметами, понимая, что днем это будет сделать намного труднее. И спешенная 4-я сотня пошла в атаку на деревню. Завязался тяжелый ночной бой.

В полку, в то время остановившемся на бивуак, услышали грохот ружейных и пулеметных выстрелов, доносившихся со стороны деревни Ветлино. Стало ясно, что сотня Соколовского ведет бой. Тут же, немедленно, из полкового лагеря к Ветлино выступили две сотни. Вели их командир полка полковник Илларион Илларионович Воронцов-Дашков и его помощник по строевой части подполковник Федор Николаевич Бекович-Черкасский...

После того боя командир бригады генерал-майор Багратион составит наградные представления, из которых перед нами предстает полная картина первой боевой схватки, которую выдержал Кабардинский конный полк.

Полковник Воронцов-Дашков. «Прибыв на помощь к сотне Кабардинского конного полка, находящейся в тяжелом положении боя против 4-х рот тирольских стрелков Австро-Венгерской армии, занимавших окопы с пулеметами у дер. Ветлино в Карпатских горах, в ночь с 17 на 18 декабря привел с собой две сотни вверенного ему Кабардинского конного полка и умелыми действиями и личным примером мужества выбил противника из деревни и окопов его левого фланга, взяв 15 нижних чинов, оружие, амуницию и патроны...

Весь бой шел в спешенном строю с 8¹/₂ вечера до 3 часов ночи под дождем и снегом. Из строя выбыл 1 обер-офицер и 20 всадников убитых, раненых и контуженых.

Представляется к награждению Георгиевским оружием».

Подполковник Бекович-Черкасский. «В ночь с 17 на 18 декабря 1914 года три спешенные сотни Кабардинского конного полка у деревни Ветлино выбили противника силой в один батальон тирольских стрелков с 4-мя пулеметами из деревни и окопов севернее этой деревни, при самых неблагоприятных для атакующих условиях, взяв пленных, оружие, и удержали деревню до подхода подкрепления. Подполковник князь Бекович-Черкасский в деле командовал дивизионом *. Примером

---

* В дивизион обычно входили две сотни.

личной храбрости ободрял всадников и увлек их за собой.

Представляется к награждению за боевые отличия чином полковника».

Командир бригады генерал-майор Вагратион, говоря в наградном листе на Бековича-Черкасского о том, что всадники и офицеры Кабардинского полка «удержали деревню до подхода подкрепления», имел в виду три сотни 2-го Дагестанского полка, которые по его приказу той ночью подошли к деревне Ветлино и участвовали в отражении контратак противника.

За тот бой у деревни Ветлино полковник Воронцов-Дашков, командир 4-й сотни штабс-ротмистр Вольдемар Константинович Соколовский («контужен в ночь с 17 на 18 декабря у дер. Ветлино. Остался в строю»), командир 3-й сотни Андрей Савельевич Нефедьев Высочайшим приказом от 9 января 1915 года награждались орденами св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом, а полковой адъютант поручик Керим Хан Эриванский — орденом св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость».

К наградам были представлены и другие офицеры Кабардинского полка...

Вскоре после боя за деревню Ветлино в Нальчик пойдут две телеграммы на имя начальника Нальчикского округа подполковника Султанбека Касаевича Клишбиева. «Рад сообщить о блестящей ночной схватке, — сообщал Бекович-Черкасский. — Взяты нами пленные, оружие. Батальон противника понес большие потери. Паника. Бросив оружие, отступил».

Вторую телеграмму направил в Нальчик командир 4-й сотни штабс-ротмистр Соколовский: «В ночь с 17 на 18 декабря четвертая сотня Кабардинского полка имела славный 9-часовой бой с превосходящей численностью пехотой, укрепленной в окопах. Рад сообщить представителям Малой Кабарды и Горского общества, что их сыны с честью и славой поддержали своих предков.

Смертью храбрых пали: Хату Анзоров, Асланбек Абаев, Амуш Шакманов, Исмаил Орков, Ибрагим Максидов, Люта Тумов, Диго Ходов и Хагуро Шагиоров...»

Родственникам всадников, погибших у деревни Ветлино, в Нальчикский округ отправлялись специальные извещения. В архиве сохранилось одно из них:

«Удостоверение.

Дано сие от Кабардинского конного полка землевладельцу сел. Верхнее Кожоково, Нальчикского округа, Терской области, Джанхоту Кургоковичу Абаеву в том,

что брат его Асланбек Кургокович Абаев в бою с 17 на 18 декабря 1914 года у деревни Ветлино убит и 18 декабря похоронен у деревни Береги-Горне, в чем подписью и казенной печатью удостоверяется.

5 января 1915 года. Действующая армия.

Командир полка полковник граф Воронцов-Дашков.
Полковой кадий Шогенов».

После боя за деревню Ветлино первыми в Кабардинском конном полку девятнадцать всадников будут награждены Георгиевскими крестами, четырнадцать — медалями «За храбрость».

Из приказа о награждении Георгиевскими крестами: «Юнкер милиции Исмаил Тамбиев — 3 ст. № 19454. В бою 17 декабря 1917 г. у дер. Ветлино, будучи ранен, оставался в строю».

Исмаил Тамбиев в составе Кабардинской сотни в 1904—1905 годах участвовал в русско-японской войне, награжден Георгиевским крестом 4-й степени и чином юнкера.

«Ст. урядник Исмаил Келеметов — 4 ст. № 159461.

При взятии укрепленных позиций личной храбростью содействовал успеху атаки».

«Мл. урядник Магомет Абаев — 4 ст. № 159468.

Под сильным огнем доставил на место боя патроны».

«Мл. урядник Али Инароков — 4 ст. № 159465.

Мл. урядник Султан Инароков* — 4 ст. № 159457.

Будучи старшими в секрете, открыли наступление неприятеля и своевременно донесли».

«Всадник Бекмурза Маремкулов — 4 ст. № 159466.

Будучи опасно ранен, остался в строю и принимал участие в бою».

Бекмурза Салиевич Маремкулов (уроженец кабардинского селения Хату-Анзорово (Старый Урух) из дивизионного санитарного отряда будет направлен в Царское Село под Петроградом, где его поместят на лечение в «Царскосельский № 54 лазарет Таврических мусульман». В один из январских дней 1915 года раненых воинов-мусульман посетил царь Николай II, и, как свидетельствует отношение старшего врача лазарета, «всадник 4-й сотни Кабардинского конного полка Бекмурза Маремкулов собственноручно Государем Императором награжден Георгиевской медалью 4 ст. № 141401».

* Али и Султан Инароковы — родные братья.

«Всадник Крым Абаев — 4 ст. № 159464.

При штыковой схватке личным мужеством и храбростью содействовал успеху атаки».

Крым Омарович Абаев (уроженец Балкарского общества) в бою у деревни Ветлино был тяжело ранен, получив «три огнестрельные раны: задней части шеи, сквозное ранение грудной клетки и левого плечевого сустава». После госпиталя вновь вернется в полковой строй.

«Всадник Иналуко Бетрозов — 4 ст. № 159469.

При штыковой схватке личным мужеством и храбростью содействовал успеху атаки».

С гордостью носили на груди всадники Кабардинского конного полка и медали «За храбрость» 4-й степени, которыми их наградили как героев боя при взятии деревни Ветлино...

Всадник Аслан-Гери Инароков.

Всадник Кургоко Азапшев.

Всадник Кургоко Темтиров.

Всадник Берд Хапцев.

«В бою 17 декабря 1914 г. у дер. Ветлино проявили выдающуюся храбрость, мужество и самоотвержение, врываясь в ряды противника и увлекая за собой в бой товарищей, чем способствовали успеху атаки».

Всадник Каракиши Атабиев.

Всадник Ахмед Дзамихов.

Всадник Каурбек Татаров.

«17 декабря 1914 г. у дер. Ветлино, вызвавшись охотниками, проникли ночью в дер. Ветлино, занятую противником, где сожгли мост, чем помешали противнику своевременно перестроить свои силы».

* * *

Из «Конспекта» боевых действий Кавказской конной дивизии: «19—22 декабря. Сосредоточение 1-й и 3-й бригад в районе Лутовиска — Ломна — Боберка, во исполнение новой задачи — прекращение противнику доступа в промежуток между 7-м и 8-м корпусами и разведка на Балиград — Цисна, Береги-Горне и Устрижинка-Горны...

26 декабря. Бой за Береги-Горне 1-й бригады и частей 2-й бригады».

В конце декабря Кабардинскому конному полку

совместно с сотней 2-го Дагестанского полка доведется участвовать в ожесточенном бою у деревни Береги-Горне, недалеко от памятного Ветлино, на гористых берегах той же реки Ветлинки. Об этой странице полковой истории донес до нас свидетельство наградной лист на полковника Иллариона Илларионовича Воронцова-Дашкова, составленный командиром 1-й бригады генерал-майором Багратионом.

Командир Кабардинского конного полка граф Воронцов-Дашков, «получив приказание начальствовать отрядом, наступающим со стороны деревни Устурских-Горне, искусно направлял свой полк, сотню Дагестанцев*, две пехотные роты с пулеметами и двумя конногорными орудиями, 26 декабря 1914 г. занял деревню Береги-Горне, выбив из нее батальон альпийских стрелков и держался до 4-х часов дня в снежную бурю, по пояс в снегу, ведя наступление по крутому подъему, доведя атаку до конца деревни. Но с командной позиции противник открыл своими резервами и 8-ю пулеметами губительный огонь. Далее удержаться не представлялось возможным и полковник граф Воронцов-Дашков отступил с незначительными потерями в полном порядке...»

За декабрьские бои командир Кабардинского полка полковник Воронцов-Дашков представил ряд офицеров к наградам. Позже, в январе, он напомнит об этом своим рапортом командиру 1-й бригады Багратиону, в котором, в частности, говорилось: «Прошу ходатайства о награждении подполковника князя Бековича-Черкасского, штабс-ротмистра Туганова... прапорщика Докшокова и старшего врача Шогенова, представленных к различным наградам 29 декабря 1914 года».

Направив рапорт Воронцова-Дашкова командиру дивизии, генерал Багратион напишет на нем: «Ходатайствую».

И уже в первом наградном приказе за 1915 год командующего 9-й армией генерала Платона Алексеевича Лечицкого, под командованием которого теперь действовала Кавказская конная дивизия, будет назван и врач Кабардинского конного полка Бекмурза Муссович Шогенов. «Старший врач вверенного мне полка Бек-Мурза Шогенов приказом войскам армии от 1 янва-

---

* В военных документах при неполном наименовании полков было принято их называть сокращенно, так, в Кавказской конной дивизии — Кабардинцы, Дагестанцы, Чеченцы, Татары, Черкесы, Ингуши.

ря с. г. за № 1, за отличия в делах против неприятеля, награжден орденом св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом,— сказано в приказе полковника Воронцова-Дашкова,— награду эту внести в послужной список названного врача».

Это был первый боевой орден из четырех, полученных доктором Шогеновым за мужество, проявленное им при оказании помощи раненым всадникам и офицерам «на поле боя под действительным огнем неприятеля».

«За особые отличия в боях в течение декабря месяца» получают награды и офицеры, названные в рапорте Воронцова-Дашкова: Федор Николаевич Бекович-Черкасский Высочайшим приказом от 31 января 1915 года — чин полковника, командир 2-й сотни штаб-ротмистр Асланбек Кубатиевич Туганов — орден св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом, прапорщик Хакяша Кучукович Докшоков — орден св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость»...

В наступившем новом 1915 году Кабардинский конный полк в составе дивизии продолжал боевые действия в Карпатских горах. И там с утра 10 января командир 3-й сотни ротмистр Андрей Савельевич Нефедьев повел два своих конных взвода на разведку неприятельского расположения. Продвигаясь гористо-лесистой местностью, полусотня вышла в район деревни Бережки, где проходила узкоколейная железная дорога. И тут из окопов, оказавшихся за железнодорожной насыпью, австрийцы открыли ружейный огонь по всадникам.

Ротмистр Нефедьев приказал полусотне спешиться и вступить в бой. Но буквально через несколько минут сотенный командир и его помощник корнет Георгий Серебряков увидели, как слева и справа их обходят вражеские альпийские стрелки и полусотне грозит окружение. Огонь неприятеля еще более усилился, теперь уже с трех сторон. В этой ситуации ротмистр Нефедьев отдал приказ на отход.

Под ружейно-пулеметным огнем противника по глубокому снегу полусотня стала уходить в сторону леса. Но вот упал с коня корнет Георгий Серебряков, оставшись лежать под вражеским огнем. К нему бросился урядник Темиркан Хурзанов. «Младший урядник Темиркан Хурзанов,— говорится в полковом документе,— в бою 10 января 1915 года у деревни Бережки вынес убитого у высоты 668 корнета Серебрякова, оставленного в 20 метрах от вражеских окопов».

Вслед за этим пулеметная очередь сразила ротмистра Андрея Савельевича Нефедьева и взводного унтер-офицера Александра Диву, отходивших последними вместе с десятью всадниками, многие из которых оказались ранеными. Шквал вражеского огня был настолько сильным, что вынести с поля боя командира сотни Нефедьева и унтер-офицера оказалось невозможным.

«В бою у деревни Бережки 10 января 1915 года, — свидетельствует документ, — когда был тяжело ранен и остался на поле сражения ротмистр Нефедьев, а корнет Серебряков убит, урядник Исмаил Тхазеплов не растерялся, принял командование полусотней, примером личной храбрости воодушевил полусотню, вступил в бой и, несмотря на превосходящую во много раз численность противника, в порядке отступил...»

Двадцатитрехлетний урядник Исмаил Умарович Тхазеплов, уроженец кабардинского селения Нижнее Кожково (Нижний Черек) в том бою сам получил ранение в ногу, но оставался в строю и до возвращения полусотни на позиции полка продолжал командовать всадниками.

В «Списке военным чинам Кабардинского конного полка, убитым, пропавшим без вести и взятым в плен, а также раненым и контуженым» за январь 1915 года сказано:

«Ротмистр Андрей Савельевич Нефедьев. Женат. Без вести пропал, будучи ранен при перестрелке на узкоколейной железной дороге перед дер. Бережки 10 января 1915 года.

Корнет Георгий Никифорович Серебряков. Сын войскового старшины Терского казачьего войска. 10 января 1915 года у дер. Бережки во время перестрелки убит».

В графе списка «Где погребен» указано — «На родине, в Моздоке».

Тело корнета Георгия Серебрякова, происходившего из кабардинских узденей Даутоковых, было отправлено в Моздок, где он родился и где жили его близкие, и там погребено на городском кладбище. А несколько месяцев спустя в полк пришлют орден св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», которым корнет Серебряков награждался за боевые отличия в декабрьских боях.

В те же декабрьские дни 1914 года, как стало известно из архивных источников, его старший брат хорунжий 1-го Сунженско-Владикавказского полка Терского казачьего войска Александр Никифорович Серебряков, позже ставший известным в событиях Гражданской войны как Заурбек Даутоков-Серебряков, отважно сражался с тур-

ками на Кавказском фронте и, проявив храбрость в боях за Сарыкамыш, получил в награду орден св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом...

В «Конспекте» боевых действий Кавказской конной дивизии отмечено, что с 12-го по 14 января сотни Кабардинского конного полка совместно с ротами Ольгопольского, Ваврского и Таганрогского пехотных полков вели оборонительный бой на фронте высот 668, 693, 700 в районе городка Боберка на правобережье Сана. В то же время производилась «разведывательная деятельность и оборона Сана в районе Журовина частями 1-й и 2-й бригад».

С 15 января части дивизии с приданными ей пехотными батальонами прикрывали «направление Боберка, Жукотин, Лутовиска, Ломна» и с 18 января в том же районе вели активные бои.

Утром 19 января подполковник князь Бекович-Черкасский получил приказ выступить с дивизионом Кабардинского полка к высоте 633 для содействия наступлению частей 12-й кавалерийской дивизии, входившей вместе с Кавказской конной дивизией во 2-й кавалерийский корпус. В пути, при следовании по горной долине, в двух верстах от села Хашува его встретил командир Татарского конного полка подполковник Петр Александрович Половцев. От него Бекович-Черкасский и узнал, что он со своими сотнями поступает в его распоряжение и вместе с Татарами его дивизиону предстоит вести наступление на левом фланге 12-й кавалерийской дивизии.

После произведенной лично полковником Половцевым разведки противника, он, как затем напишет в рапорте Федор Николаевич Бекович-Черкасский, «сказал нам, что решил, не выжидая продвижения вперед соседних частей, выбить противника с гребня, что восточнее села Кривка, пока противник недостаточно на нем укрепился».

Сотни Кабардинского и Татарского полков спешили, и подполковники Половцев и Бекович-Черкасский повели своих всадников в атаку. «Под сильным артиллерийским и ружейным огнем, по глубокому снегу, Татары и Кабардинцы, подойдя к гребню, что восточнее села Кривка, стремительно атаковали его. Противник был выбит с гребня, Татары и Кабардинцы его заняли и в течение трех суток отбивали австрийцев, наступавших на гребень».

26 января происходит передислокация частей Кавказской конной дивизии: «Переход 2-й бригады в Мшанец и Быстре. Ингушский полк в Лопушанках Лехи;

1-я бригада в Ломна; Черкесский полк на правом фланге боевого участка 65-й дивизии».

29 января, как говорится в «Конспекте» боевых действий, генерал Багратион с полками своей бригады — Кабардинским и 2-м Дагестанским — выдвинулся «для связи между пехотой генерала Деникина и генерала Постовского».

Генерал-майор Антон Иванович Деникин, в будущем командующий белой Добровольческой армией на Юге России, в то время командовал 4-й Железной стрелковой бригадой, сражавшейся в Карпатских горах. Именно с его «пехотой» и взаимодействовала с 29 января 1-я бригада Кавказской конной дивизии. Позже Деникин в своей книге «Путь русского офицера», вышедшей в 1953 году в Нью-Йорке, уже после его смерти, напишет, что «из северокавказских горцев, не привлекавшихся к воинской повинности (чеченцы, ингуши, черкесы, дагестанцы), была сформирована на добровольческих началах Кавказская Туземная дивизия, известная больше под названием «Дикая»... Временно одна бригада «Дикой» дивизии была подчинена мне и охраняла мой фланг». И здесь же генерал Деникин подчеркивает «храбрость ее воинов» в боях.

С 30 января по 5 февраля совместно с 4-й бригадой генерала Деникина спешенные сотни Кабардинского, 2-го Дагестанского, а затем и Черкесского полков вели наступление «в районе Журовина и на высотах 771 и 871».

23 февраля 1915 года командир 2-го кавалерийского корпуса генерал-лейтенант Гуссейн Хан Нахичеванский подписал приказ № 21 о награждении Георгиевскими крестами и медалями всадников Кабардинского конного полка, отличившихся в декабре в бою за село Береги-Горне, а также в боях в январе и начале февраля. Вчитаемся в этот приказ, в фамилии награжденных, в скупые строки описаний их подвигов, вместившие всего несколько лаконичных слов, за которыми тяжелые, кровопролитные бои в занесенных снегом Карпатских горах и долинах, смертельный риск...

Награждаются Георгиевскими крестами:

«Юнкер милиции Оли Гетаов» — Георгиевский крест 1-й степени № 1744.

В бою «принял командование взводом и удержал порядок во взводе за убылью офицера».

Оли Белимготович Гетаов родился в 1872 году в кабардинском селении Атажукино 1 (Заюково). Участник Японской кампании, заслужил в боях с японцами три Георгиевских креста. В Кабардинском конном полку стал первым полным Георгиевским кавалером.

«Юнкер милиции Мисост Коголкин — 3 ст. № 19455. В бою охотником вынес тело убитого офицера».

Мисост Коголкин участвовал в русско-японской войне 1904—1905 годов, за боевые отличия награжден Георгиевским крестом 4-й степени и чином юнкера.

«Мл. урядник таубий Али-Султан Шакманов — 4 ст. № 146180. В бою под сильным огнем противника добыл важные сведения».

Тем же приказом Шакманов награжден и Георгиевским крестом 3-й степени за то, что «в бою, вызвавшись охотником, произвел разведку противника».

«Мл. урядник князь Науруз Наузов — 4 ст. № 146155.

Всадник Абдул-Азис Шипшев — 4 ст. № 146157. В бою восстановили связь».

«Всадник Аубекир Созаев — 4 ст. № 146156. В бою примером подбадривал товарищей».

«Мл. урядник Кушби Ахатов — 4 ст. № 184099. В бою добыл важные сведения».

«Мл. урядник Хабиж Абдурахманов — 4 ст. № 184100. В бою восстановил утраченную связь».

«Мл. урядник Келлет Ульбашев — 4 ст. № 146172.

Всадник Аубекир Байсултанов — 4 ст. № 146174. В разведке добыли важные сведения».

«Всадник Назрун Куантов — 4 ст. № 146175. Ранен и остался в строю».

Награждаются Георгиевскими медалями «За храбрость» 4-й степени:

Всадник Тлостанби Маремов.

Всадник Хатокишко Коголкин. «Захватили пленных и добыли важные сведения».

Младший урядник Кеккез Мисаков. «Под огнем неприятеля выполнил успешно возложенное на него поручение».

Сотенный медицинский фельдшер Григорий Опрышко *. «С явной опасностью для жизни перевязывал раненых в цепи».

---

* Медицинский фельдшер 1-й сотни Григорий Алексеевич Опрышко — родственник автора этой книги. Житель Моздокского отдела Терского казачьего войска, он с 1913 года служил в казачьем 1-м Горско-Моздокском полку. В августе 1914-го направлен в Кабардинский конный полк и все годы войны находился в его

Уже 17 декабря участвовали в боевых действиях всадники и офицеры 2-го Дагестанского конного полка. Тогда, в ночь на 18-е, три его сотни пришли на помощь Кабардинскому полку, ведущему тяжелый бой за деревню Ветлино. Потом совместно им довелось вести наступление и на село Береги-Горне. И вот представления к наградам на офицеров 2-го Дагестанского конного полка, составленные полковым командиром подполковником Гиви Ивановичем Амилахвари.

Подпоручик милиции Магомед Ширвани Лачуев, младший офицер 2-й сотни. Имеет знак отличия Военного ордена 4-й степени — Георгиевский крест, награжден 4 ноября 1904 года в Японской кампании. Подпоручик с декабря 1913 года. Служил в Дагестанском конном полку.

«Представлен к ордену св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» за бой у дер. Ветлино в ночь с 17 на 18 декабря 1914 г.

В боях 24, 25 и 26 декабря у дер. Береги-Горне, доблестно ведя цепи, являл собой пример храбрости. При наступлении на деревню делал наблюдение и давал указания о расположении неприятеля.

Ходатайствую о награждении этого достойного офицера орденом св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом».

Одним из старейших офицеров 2-го Дагестанского конного полка являлся поручик *Гамидула-бек Мирза Векилов*. В чин прапорщика его произвели еще в 1892 году. Служба Векилова проходила в кадрах Дагестанского конного полка в городе Темир-Хан-Шуре. В 1913 году «за отличия по службе» он был награжден орденом св. Станислава 3-й степени.

«Представлен к награждению мечами к имеющемуся ордену св. Станислава 3-й степени за бой в ночь с 17 на 18 декабря 1914 г. у дер. Ветлино.

В бою 25 декабря он, поднявшись на вершину 1228, по колено в снегу, с 4-мя всадниками, произвел оттуда рекогносцировку и своевременно сообщил сведения о рас-

составе. За мужество, проявленное при оказании на поле боя помощи раненым всадникам и офицерам, был награжден Георгиевскими крестами 3-й и 4-й степени и двумя медалями «За храбрость».

положении неприятеля на позиции у дер. Береги-Горне и на перевале. Исследовав вершину и все подступы к ней, он 26 декабря своими указаниями облегчил подъем на вершину взвода пехоты.

Ходатайствую о награждении его орденом св. Анны 3-й степени с мечами и бантом».

Прапорщик милиции Али Хаджиов, младший офицер 1-й сотни. В офицерском чине с 8 ноября 1914 года. «Имеет знаки отличия Военного ордена 2-й ст., 3-й ст. и 4-й ст. — за русско-японскую войну.

Представлен к ордену св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» за бой в ночь с 17 на 18 декабря 1914 г. у дер. Ветлино.

Будучи в наступающей цепи на дер. Береги-Горне в дни 25 и 26 декабря, неоднократно пробирался под огнем противника разведать расположение неприятеля, чем и давал возможность при атаке верно направить цепи.

Ходатайствую о награждении его орденом св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом».

В наградном приказе командующего 9-й армией генерала Лечицкого от 1 января 1915 года значились и офицеры 2-го Дагестанского конного полка: «за отличия в делах против австрийцев» подпоручик Магомед Ширвани Лачуев и прапорщик Али Хаджиов были награждены орденами св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», поручик Гамидула-бек Векилов — мечами * к ордену св. Станислава 3-й степени.

Но подпоручик Лачуев заслуженную им награду, к сожалению, не получил — в начале января в одном из боев он пропал без вести...

В связи с тем, что ротмистр Кабардинского полка Андрей Савельевич Нефедьев и подпоручик 2-го Дагестанского полка Магомед Ширвани Лачуев числились без вести пропавшими, начальник штаба Кавказской конной дивизии полковник Юзефович в конце января сделал запрос в Министерство иностранных дел, чтобы по дипломатическим каналам выяснить, нет ли этих офицеров среди военнопленных в Австро-Венгрии.

15 марта 1915 года в штаб дивизии на имя комдива великого князя Михаила Александровича поступила те-

---

* В подобных случаях награжденному офицеру вручался сам орден с мечами.

леграмма из Министерства иностранных дел России от гофмейстера Ильина, в которой говорилось о том, что «от императорского посланника в Бухаресте получено уведомление, что офицеры Кавказской туземной конной дивизии, входящей в состав армии, действующей на австрийском фронте, ротмистр Андрей Савельевич Нефедьев и корнет Ширвани Лачуев в числе военнопленных, находящихся в Австро-Венгрии, не значатся». Это означало, что ротмистр Нефедьев и подпоручик Лачуев отныне считались погибшими...

Наградные материалы свидетельствуют и о храбрости всадников 2-го Дагестанского полка, проявленной в Карпатских горах. Среди награжденных Георгиевскими крестами указаны:

«Мл. урядник Хадис Гаджиев — 3 ст. № 44353.

Всадник Абдул-Паша Паталиев — 3 ст. № 44352.

10 января 1915 г., будучи окружены противником, побились и присоединились к своим».

А всадник Али-Нур Магома получит в награду медаль «За храбрость» 4-й степени. Он «10 января 1915 г. у дер. Дзвиняче во время конной атаки упал со смертельно раненной лошади с вывихом ноги, ночью прополз через расположение противника и присоединился к своим».

Во второй половине декабря во 2-й Дагестанский конный полк прибыл на службу поручик Абдурагим Хаджимирзаев, до этого состоявший в рядах 7-го драгунского Кинбурнского полка 7-й кавалерийской дивизии, воевавшей там же, на Юго-Западном фронте, где вела боевые действия и Кавказская конная дивизия. В «Кратком послужном списке», присланном 21 декабря командиром Кинбурнского полка начальнику дивизионного штаба полковнику Юзефовичу, сказано:

«Поручик Абдурагим Сулейманович Хаджимирзаев.

Родился 1887-го марта 9. Вероисповедания — магометанского.

Сын сельского учителя Дагестанской области.

Образование: общее — в Темир-Хан-Шурином реальном училище, военное — Елисаветградское кавалерийское училище.

Нижним чином с 1908-го сентября 30.

Корнетом — с 1910-го августа 6.

Поручиком — с 1914-го сентября 10.

Холост.

1914 г. — награжден орденом св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом».

И вот сведения о поручике Абдурагиме Хаджимирзаеве из «Краткой записки», составленной о нем позже, во 2-м Дагестанском конном полку. Тогда уже станет известно о том, что за мужество в первые месяцы войны этот офицер, происходивший «из узденей» Дагестана, награжден тремя орденами: «Находясь в 7-м драгунском Кинбурнском полку, участвовал в боях с 25 июля по 18 декабря 1914 года.

За боевые отличия имеет:

св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» — 1914 г.

св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом — 1914 г.

св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом — 1914 г.».

В составе 2-го Дагестанского конного полка поручик Абдурагим Хаджимирзаев проявит отвагу в боевых действиях в конце декабря и в январские дни 1915 года и заслужит орден св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом.

В середине декабря офицером 2-го Дагестанского конного полка станет тридцатипятилетний прапорщик граф Михаил Львович Толстой, сын писателя Льва Николаевича Толстого. Он имел университетское образование, до войны жил в Тульской губернии, в Крапивинском уезде, принимал активное участие в работе уездных и губернских земских учреждений — выборных органов местного самоуправления. Еще в 1900 году, двадцатидвухлетним, Михаил Толстой, прослужив несколько месяцев вольноопределяющимся в армейской кавалерии, сдал экзамен на офицерский чин, его произвели в прапорщики, и вскоре он вышел в запас.

В августе 1914-го прапорщик запаса граф Михаил Львович Толстой был «призван Крапивинским воинским начальником» в армию и направлен на службу в 15-й драгунский Переяславский полк Кавказской кавалерийской дивизии. В его составе на Северо-Западном фронте он вступил в бои с немцами. За проявленное мужество будет награжден орденом св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом.

Любовь Льва Николаевича Толстого к Кавказу и горцам передалась и его сыну Михаилу. Он направляет командованию рапорт с просьбой о переводе его в Кавказскую конную дивизию и именно во 2-й Дагестанский полк, в котором служили внуки и даже сыновья тех, кто знал легендарного мюрида Хаджи-Мурата, ставшего героем знаменитой повести его великого отца.

Военное ведомство в Петрограде удовлетворило ходатайство прапорщика Михаила Львовича Толстого. Он

узнал об этом в конце ноября, находясь по приказу командира драгунского полка в командировке в тылу, где формировался маршевый эскадрон с пополнением. «Прапорщика графа Толстого, перемещенного приказом армиям Северо-Западного фронта в ноябре 1914 года из 1-го маршевого эскадрона 15-го драгунского Переяславского полка во 2-й Дагестанский конный полк, числить в списках означенного полка», — гласил приказ по Кавказской конной дивизии.

Так с декабря 1914-го прапорщик граф Толстой вошел в ряды Дагестанцев. И что удивительно, Михаилу Львовичу доведется во 2-м Дагестанском конном полку служить и участвовать в боях вместе с офицером Хаджи Муратом, ставшим одним из самых прославленных героев Кавказской конной дивизии, а ведь так звали и того знаменитого Хаджи-Мурата, чье имя обессмертил своим пером его отец...

Прапорщик Михаил Толстой уже в январе проявит отвагу в боевых действиях и будет награжден орденом св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», о чем в послужном документе появится запись: «За январские бои в Карпатах 1915 года».

С первых же боев геройски сражался с неприятелем и помощник по строевой части командира 2-го Дагестанского полка *ротмистр Арацхан Хаджимуратович Хаджи Мурат*, награжденный еще на Японской войне шестью орденами. Полковой командир подполковник Амилахвари представил его, как «особо отличившегося в январских боях в районе Береги-Горне — Дидово — Боберка — Ломна», к Георгиевскому оружию. Но в тот раз при рассмотрении наградных представлений командующий дивизией великий князь Михаил Александрович в своем заключении напишет: «2-го Дагестанского конного полка Арацхана Хаджи Мурата полагал бы соответственно наградить взамен Георгиевского оружия — к которому он представлен командующим полком — чином подполковника».

* * *

В «Конспекте» боевых действий дивизии отмечено, что начиная с 12 декабря 2-я бригада в составе Чеченского и Татарского конных полков под командованием полковника Константина Николаевича Хагондокова проводила усиленную разведку в гористой местности в районе сел Волосате, Буковиц, у высоты 1251 и в районе Шанд-

ровец, «обеспечивая правый фланг 7-го стрелкового корпуса».

Из приказа командира 2-го кавалерийского корпуса генерал-лейтенанта Хана Нахичеванского о награждении всадников за боевые отличия «в декабре месяце 1914 года» Георгиевскими крестами мы узнаем имена первых героев Чеченского конного полка.

«Мл. урядник Абдул-Муслим Борщиков — 4 ст. № 159405.

Всадник Амал Зубайраев — 4 ст. № 159408.

14 декабря 1914 г., вызвавшись охотниками в разведку у дер. Буковиц, выполнили таковую весьма успешно, доставив ценные сведения о противнике, причем Зубайраев был тяжело ранен».

«Мл. урядник Чингис-Хан Эльмурзаев — 4 ст. № 159412.

Ст. урядник Семен Григорьевич Рыжев — 4 ст. № 159406.

Всадник Эльмурза Магомадов — 4 ст. № 159417.

Всадник Сайпудин Джамалдинов — 4 ст. № 159411.

Вызвавшись охотниками в разведку 16 декабря 1914 г. у дер. Волосате, под личным руководством командира полка, ворвались в деревню и, несмотря на сильный ружейный огонь неприятеля из окон халупы, выбили его из таковой и взяли в плен 12 человек».

«Ст. урядник Шахид Борщиков — 4 ст. № 159403.

Мл. урядник Али Чапанов — 4 ст. № 159407.

Всадник Гамбулат Умалатов — 4 ст. № 159409.

16 декабря 1914 г., будучи в разведке у высоты 1251, заметили обход противника, о чем донесли и вступили с ним в перестрелку, дав этим возможность подошедшим резервам не только отбить наступление противника, но и заставить его отступить».

Среди награжденных генерал-лейтенантом Ханом Нахичеванским всадников Чеченского полка медалями «За храбрость» 4-й степени был и «всадник Даулетмурза Дарзаев», который «16 декабря 1914 г. у дер. Волосате под огнем пулеметов вынес тело убитого урядника, явно рискуя жизнью».

18 декабря командир 2-й бригады полковник Хагондоков получил приказ командующего дивизией — «оказать содействие наступлению отряда генерала Боташева» с целью отбросить противника, проникшего в районе деревни Верховина-Быстра и высоты 1251 в тыл частям 65-й пехотной дивизии и угрожавшего общему положению на занимаемой ее полками позиции.

«Полковник Хагондоков предпринял с вверенной ему бригадой глубокий обход противника, — будет позже сказано в наградном представлении за подписью командующего дивизией великого князя Михаила Александровича, — движение бригады было сопряжено с чрезвычайными трудностями горного перехода, при глубоком снеге, по крутым скалам, без дорог и в бурю.

19 декабря полковник Хагондоков обрушился на противника, оказавшегося в тылу Жлобинской позиции, занятой Кишиневским пехотным полком, и стремительным ударом обратил австрийцев в бегство, причем взято было в плен 9 офицеров и 458 нижних чинов. За означенное дело полковник Хагондоков был представлен к производству в генерал-майоры. Таковая награда заменена пожалованием мечей к ордену св. Владимира 3-й степени».

Потом в одном из своих приказов, давая характеристику Константину Николаевичу Хагондокову, великий князь Михаил Александрович напишет, что он, «приняв начальствование над бригадой в самом начале ее формирования, со свойственной ему энергией и знанием дела, в короткое время обучил бригаду и привил ей те высокие боевые качества, которые бригада показала в ряде блестящих дел.

Руководя лично действиями 2-й бригады, Хагондоков с самого начала повел ее к блестящим успехам, так, боевое крещение бригады 19 декабря у дер. Верховина-Быстра было увенчано взятием в плен 9 офицеров и около 500 нижних чинов».

В период декабрьских боев «за начальника штаба бригады» полковник Хагондоков назначил корнета Тарского полка Андрея Александровича Берса, племянника Льва Николаевича Толстого. Несмотря на невысокий чин, этот храбрый офицер оказался способным штабным работником. Корнет Берс и вел в те дни «Полевую книжку командира 2-й бригады полковника Хагондокова».

20 декабря, на следующий день «после перехода через высоту 1251» и большого успеха 2-й бригады в бою у села Верховина-Быстра, он записал в «книжку» донесение полковника Хагондокова командиру 65-й пехотной дивизии генералу Постоковскому. Особо выделяя в нем действия Чеченского конного полка, Хагондоков подчеркнет: «Доблестные офицеры и азартно храбрые всадники — все состязаются в деле. Не могу найти слов, чтобы достойно очертить поразительную храбрость, гро-

мадную настойчивость, отличную распорядительность и твердость в признательство подполковнику Святополк-Мирскому. Вне всякого сомнения, что успехом нашего первого боя мы обязаны превосходной деятельности командующего Чеченским полком подполковника Святополк-Мирского, проявившего и громадную личную храбрость, и блестящую подготовленность к командованию...»

В ответ командир 65-й пехотной дивизии генерал Постовский поздравил Константина Николаевича Хагондокова с успешным боем и поблагодарил за спасение его частей, в частности оказавшегося в окружении Кишиневского пехотного полка.

В тот же день, 20 декабря, в 7 часов 30 минут вечера корнет Андрей Берс, находясь с бригадой в селе Верховина-Быстра, пошлет очередное донесение полковника Хагондокова генералу Постовскому:

«Вторая бригада счастлива... почтительнейше благодарит Ваше Превосходительство за лестную оценку ее посильной деятельности в помощь Вашим войскам.

Бригадой взято: 1 полковник, 1 майор, 7 обер-офицеров и 458 нижних чинов в плен и около 400 винтовок.

Все мы рады были содействовать доблестным Кишиневцам и страшно боялись не суметь оказать им товарищескую поддержку.

Сегодня утром 1 сотня Чеченцев выступила в составе авангарда полковника Черкасова на дер. Стадна, которая к вечеру и занята нами (авангардом), а Татарский полк двинулся от Верховины-Быстра на дер. Загроб для действия во фланг и тыл противника.

2 сотни Чеченцев, 2 горных орудия и 2 пулемета держу у себя в ядре (резерве).

По возвращении Татарского полка полагаю возвратиться к своей дивизии...»

Днем 20 декабря полковнику Хагондокову, находившемуся в деревне Верховина-Быстра, сообщат из штаба Кавказской конной дивизии, что для его бригады — Чеченского и Татарского полков — из Петрограда от императрицы Александры Федоровны присланы подарки. В связи с этим Константин Николаевич через корнета Берса направляет записку командиру Чеченского конного полка подполковнику Святополк-Мирскому: «Многоуважаемый Александр Сергеевич! Прошу Вас, убедившись, что подарки Государыни присланы для 2-й бригады, лично поровну разделить их между полками. Выделить часть их для нашей артиллерии (56 человек).

...Штаб корпуса и дивизии нашими боевыми действиями довольны», — сообщил здесь же Хагондоков.

Из наградных приказов на всадников Чеченского конного полка.

Награждены Георгиевскими крестами:

«Мл. урядник Алсултан Турлов — 4 ст. № 159415.

Всадник Индерби Эльдаров — 4 ст. № 159416.

19 декабря 1914 г. при переходе через высоту 1251, вызвавшись охотниками, установили связь с пехотным Кишиневским полком, чем способствовали общему успеху дела».

Награждены медалями «За храбрость» 4-й степени:

Всадник Таша Вагапов.

Всадник Магомет Берсанов. «В бою 19 декабря 1914 г. у высоты 1251, вызвавшись охотниками, доставили по открытому месту на передовую линию патроны, когда в них была сильная нужда, рискуя при этом жизнью».

Всадник Магомет Газимагомедов.

Всадник Муса Кунаев. «В бою 19 декабря 1914 г. на высоте 1251, вызвавшись охотниками, выносили раненых товарищей с передовой линии, явно рискуя жизнью».

Участник войны с Японией прапорщик Чеченского полка Мухарбий Берсанов еще в 1905 году, служа в Чеченской сотне Терско-Кубанского полка, за мужество в боях заслужит Георгиевский крест 4-й степени и производство в офицерский чин. Он станет одним из героев боев в декабре 1914-го, свидетельством чего служит телеграмма начальника штаба Кавказской конной дивизии полковника Юзефовича в штаб 2-го кавалерийского корпуса: «Прапорщик Чеченского полка Мухарбий Берсанов награжден орденом Анны 4-й степени приказом 8 армии первого января № 1».

О награждении отличившихся в декабрьских боях офицеров Чеченского полка говорится и в отношении, препровожденном в 1915 году из штаба 9-й армии в штаб 2-го кавалерийского корпуса: «При сем препровождаются два орденских знака, пожалованные приказом войскам IX армии от 1 января с. г. за № 1, — св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом, для нехристиан установленный, — штабс-ротмистру Чеченского конного полка Абдул-Меджиду Кужуеву и прапорщику того же полка Магомету Вагапову».

С середины января пятнадцатого года там же, в Карпатах, 2-я бригада вела бои на правобережье Сана и в самых верховьях Днестра, в районе населенных пунктов Ломна и Лутовиска. В то время полковник Хагондоков был назначен командиром отряда, состоявшего из двух его полков — Чеченского и Татарского, а также Варнавского пехотного полка и четырех орудий 2-го горно-артиллерийского дивизиона, — с задачей прикрыть от контратакующих крупных сил противника, спускавшегося с Карпатских гор, пути от сел Лутовиска, Журавин на городок Ломну в верховьях Днестра.

В наградном листе на полковника Константина Николаевича Хагондокова, подписанном великим князем Михаилом Александровичем, сказано, что «в период январских боев в районе Ломна — Лутовиска полковник Хагондоков командовал отрядом... Верной оценкой, искусным распределением своих сил и личным руководством войсками полковник Хагондоков в течение нескольких дней сдерживал напор значительно сильнеего противника, обеспечил фланг наступавших правее его стрелков 4-й стрелковой бригады [генерала Деникина] и прикрыл направление на Ломну.

Действия полковника Хагондокова в период январских боев оказали существенное влияние на благоприятный исход действий вверенных мне частей в районе Лутовиска».

За январские бои 1915 года Высочайшим приказом императора Николая II полковник Хагондоков будет награжден орденом св. Станислава 1-й степени с мечами, знак которого вручался вместе со звездой и широкой орденской лентой, носимой через плечо.

И в период январских боев корнет Татарского полка Андрей Берс находился рядом с Хагондоковым, который «прикомандировал» его к штабу возглавляемого им отряда, назначив старшим адъютантом по строевой и хозяйственной части. А после завершения боевой операции Константин Николаевич сам лично составил на племянника Льва Николаевича Толстого наградной лист и 2 февраля направил его командиру Кавказской конной дивизии великому князю Михаилу Александровичу.

«Корнет Берс... — читаем в наградном представлении, — в боях с 14 по 22 января 1915 года у дер. Хащув, высоте 700, дер. Цу-Кривка проявил много доблести, энергии, самоотвержения и стремления успешно выполнить все и везде поручения и часто по своей инициативе необходимое делал. Неоднократно подвергаясь явной

опасности под огнем орудийным, пулеметным и ружейным, будучи контужен в спину разрывом артиллерийского снаряда, он с полной доблестью выполнил все возложенные на него поручения по управлению войсками в боях, по ведению артиллерийского огня...»

Далее полковник Хагондоков отмечал в наградном листе, что корнет Берс как старший адъютант отряда своевременно осуществлял в трудных горных условиях снабжение боеприпасами, подачу «хлеба и овса к позициям», вывоз с поля боя раненых.

Подытоживая свое представление на корнета Андрея Берса, полковник Хагондоков укажет, что он вместе с начальником штаба отряда «являлся действительно незаменимым, толковым и горячим моим помощником по ведению успешно законченной операции с целью: 1) Задержать и отбить наступление противника против высоты 700, дороги из дер. Хащув — Лутовиска и 2) Перейти в наступление на дер. Цу-Кривка.

На основании вышеизложенного § 29 статута Георгиевского оружия, прошу о награждении Берса Золотым оружием».

Но не доведется корнету Андрею Александровичу Берсу стать кавалером Георгиевского оружия — на наградном листе, составленном командиром 2-й бригады Хагондоковым, комдив великий князь Михаил Александрович укажет: «Татарского конного полка корнета Андрея Берса полагал бы соответственно наградить, взамен Георгиевского оружия, к коему он представлен, — орденом св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом».

Известно, что в дальнейшем поручик Берс служил в прикомандировании к Ингушскому конному полку, а в мае семнадцатого вновь вернется в Татарский полк...

Отважно действовал во всех боях 2-й бригады и Татарский конный полк, возглавляемый подполковником Петром Александровичем Половцевым. За боевые отличия в Карпатах два офицера из его состава заслужат *Георгиевское оружие* * — *штабс-ротмистр Михаил Иосифович Хоранов, уроженец Осетии, и штабс-ротмистр Николай Казбек (Казбегу), родом из высокогорного села Казбек на Военно-Грузинской дороге.*

---

* Удостоенным Георгиевского оружия вручался миниатюрный золотой знак ордена св. Георгия, который крепился на эфесе сабли или рукояти шашки с темляком из орденской ленты с чередующимися продольными черными и желтыми полосами.

Приказ об их награждении командующий 8 й армией объявит 11 августа 1915 года. Но получить почетную награду штабс-ротмистру Николаю Казбеку, родственнику известного грузинского писателя Александра Казбеги, не доведется. Он погибнет в январских боях в Карпатах. А 25 января 1915 года владикавказская газета «Терские ведомости» поместила скорбное извещение: «Прибытие тела штабс-ротмистра Татарского полка Н. Г. Казбека, убитого 18-го января в бою с неприятелем. Из Владикавказа прах будет отвезен в селение Казбек для погребения в фамильном склепе...»

И как бы итогом боевой деятельности Кавказской конной дивизии в Карпатской операции станет награждение Высочайшим приказом от 3 марта 1915 года по представлению Георгиевской Думы Юго-Западного фронта орденом св. Георгия 4-й степени ее командира великого князя Михаила Александровича. Он награждался за то, что, командуя отрядом, состоявшим из частей дивизии и приданных пехотных полков, «в период январских боев за обладание проходами в Карпатах, подвергая свою жизнь явной опасности и будучи под шрапнельным огнем противника, примером личной храбрости и мужества воодушевлял и ободрял войска своего отряда, причем выдержал с 14-го по 25-е января натиск превосходящих сил противника на весьма важное направление — на Ломна — Старое Место, а затем при переходе в наступление активным действием содействовал успешному его развитию».

В приказе по дивизии № 33 от 3 марта 1915 года великий князь Михаил Александрович, в связи с полученной им телеграммой о награждении его орденом св. Георгия, делился «этой радостью с дивизией», заявив при этом, «что этой высокой боевой наградой Я всецело обязан самоотверженной работе всех чинов дивизии, от генерала до последнего всадника, которым за их доблестную службу выражаю самую сердечную благодарность».

Безусловно, что очень большая роль в успешных действиях Кавказской конной дивизии в Карпатах принадлежала начальнику штаба полковнику Якову Давидовичу Юзефовичу, как уже говорилось, происходившему из «литовских татар». Его боевые заслуги будут высоко оценены командованием и царем Николаем II — «за декабрьские бои 1914 года» он получит мечи к имеющемуся у него ордену св. Владимира 3-й степени, а «за

январские бои 1915 года» будет удостоен ордена св. Георгия 4-й степени.

31 января Высочайшим приказом командиру Чеченского конного полка подполковнику Александру Сергеевичу Святополк-Мирскому был пожалован чин полковника. И в тот же день командир 2-й бригады Константин Николаевич Хагондоков, находясь в карпатской деревне Быстре, направил рапорт командующему дивизией с ходатайством о награждении его за бои в Карпатах орденом св. Георгия 3-й степени (Георгиевский крест 4-й степени Святополк-Мирский имел еще за Японскую войну).

А за три дня до этого, 28 января, полковник Хагондоков получил от командира Чеченского полка Святополк-Мирского донесение об успешной вылазке, проведенной Чеченцами на позиции неприятеля: «Вчера в 4 1/2 часа вечера было взято в плен 8 здоровых и 3 раненых австрийца, которые сданы в 13-й стрелковый полк. Пленные принадлежат к 13-му Имперскому полку».

* * *

5 февраля, в связи с предпринятым неприятелем наступлением в Прикарпатье — Восточной Галиции, Кавказская конная дивизия получила новую боевую задачу и начала передислокацию на другой участок боевых действий. Кавказские полки вышли из гор и 7 февраля, два месяца спустя, вновь сосредоточились в городе Самборе. Отсюда дивизия совершила переход в район Дрогобыча, с дальнейшим выходом к городу Болехову, откуда ее частям и предстояло вести наступление к востоку и юго-востоку в сторону Днестра, в направлении городов Станиславова (ныне Ивано-Франковск) и Тлумача.

12 февраля бригады выдвинулись к городу Калушу, ранее занятому русскими войсками. В тот же день «на фронте Калуш — Превозие» началось столкновение полковых разведывательных партий с австрийцами и венграми. В последующие дни дивизия развернула боевые действия северо-западнее Станиславова...

С 13 февраля вступил в боевые действия на новом участке фронта и Кабардинский конный полк. С утра того дня полковник Федор Николаевич Бекович-Черкасский получил приказание командира бригады генерал-майора Багратиона: с отрядом в составе четырех полковых сотен и одной роты пехоты занять «важный пункт нашей позиции» — деревню Подгорку — и упорно оборо-

нять переправу через реку Ломницу от контратакующего противника, стремившегося остановить наступление частей Кавказской конной дивизии в направлении Станиславова.

«Полковник князь Бекович-Черкасский в течение 13 и 14 февраля 1915 г., невзирая на ураганный артиллерийский огонь противника, выпустившего в течение 14-го февраля не менее 500 снарядов по дер. Подгорки, упорно удерживался в названной деревне,— писал в наградном листе командир полка полковник Илларион Илларионович Воронцов-Дашков.— Все попытки противника перейти в наступление были отражены ружейным и пулеметным огнем.

Полковник князь Бекович-Черкасский все время находился в огневой сфере, своим примерным хладнокровием и мужеством поддерживал среди нижних чинов полка доблестный дух, и благодаря умелой распорядительности его, несмотря на страшный огонь противника, потери отряда выразились всего в 3 убитых и 29 раненых.

Операция окончилась отступлением австрийцев, очистивших дер. Вистово, причем было взято 37 нижних чинов и 1 обер-офицер».

Командир Кабардинского полка Воронцов-Дашков представил полковника Бековича-Черкасского к ордену св. Георгия 4-й степени. «Ходатайствую»,— написали на представлении командир 1-й бригады генерал-майор Багратион и командующий дивизией великий князь Михаил Александрович.

Однако за тот бой Федор Александрович Бекович-Черкасский Высочайшим приказом от 12 августа 1915 года будет награжден орденом св. Владимира 3-й степени с мечами.

При обороне деревни Подгорки проявил мужество мулла Кабардинского полка Алихан Шогенов, этот удивительный человек, духовный наставник своих земляков-мусульман в самом высоком понимании этого слова. Он вместе с всадниками находился под шквальным вражеским огнем и поддерживал их в самые трудные моменты боя. Высоко оценивая мужество муллы Алихана Шогенова, командир полка полковник граф Воронцов-Дашков представил его, как не имевшего офицерского чина, к «солдатскому» Георгиевскому кресту. И 29 марта 1915 года командир 2-го кавалерийского корпуса Хан Навичеванский издал приказ № 28, в котором говорилось: *«Кабардинского конного полка полковой кадий Алихан*

Шогенов. Награжден Георгиевским крестом 4-й степени № 184112. Вызвавшись охотником, в бою у деревни Подгорки 13 февраля сопровождал полк и под действительным артиллерийским и ружейным огнем личным примером и словом ободрял нижних чинов».

Бригады Кавказской конной дивизии развивали успешное наступление на правом берегу реки Ломницы в направлении Станиславова. В течение двух дней — 16-го и 17 февраля — Кабардинский полк вел бои по овладению крупным селом и железнодорожной станцией Майдан. Противник, оказывая упорное сопротивление, предпринимал контратаки против сражавшихся в пешем строю кавказских сотен.

Из наградных приказов на всадников Кабардинского конного полка.

Награждены Георгиевскими крестами:

«Юнкер милиции Докшуко Астемиров — 1 ст. № 1628.

Ст. урядник Измаил Келеметов — 3 ст. № 44248.

Мл. урядник Николай Миронович — 3 ст. № 44249.

Мл. урядник Тита Баждугов — 4 ст. № 273789.

В бою 16 февраля 1915 г. у дер. Майдан, вызвавшись охотниками, под действительным огнем противника успешно выполнили ответственное поручение и доставили важные сведения о расположении частей противника».

«Юнкер милиции Докшуко Астемиров — 2 ст. № 5732.

В бою 17 февраля 1915 года у дер. Майдан, за выбытием из строя офицера, принял командование взводом и выбил противника из занимаемых им окопов, проявив при этом выдающуюся храбрость и мужество».

Докшуко Исламгиреевич Астемиров родился в 1872 году в селении Астемирово (Верхний Акбаш). «Из кабардинских узденей». В составе Кабардинской сотни Терско-Кубанского полка участвовал в войне с Японией, был награжден Георгиевскими крестами 3-й и 4-й степени.

«Ст. урядник Магомет Абаев — 3 ст. № 20339.

В бою 17 февраля 1915 г. у дер. Майдан, командуя взводом, проявил выдающуюся храбрость и мужество, увлекая за собой товарищей и подчиненных, и выбил противника из занимаемых им окопов».

«Мл. урядник Исмаил Тхазеплов — 4 ст. № 259707.

Ст. урядник Михаил Тимохин — 4 ст. № 259709.

17 февраля 1915 г. у дер. Майдан, будучи в разведке, уничтожили неприятельский пост из 3 человек».

«Мл. урядник Ахмед Бицуев — 3 ст. № 20338.

Всадник Бороко Броев — 4 ст. № 259708.

В бою 17 февраля 1915 г. у дер. Майдан, будучи дозорными, своевременно обнаружили обход противника, своевременно донесли и продолжали наблюдать, несмотря на явную опасность».

Ахмед Турович Бицуев, уроженец селения Догужоково (Аушигер). Участвуя в русско-японской войне, был награжден Георгиевским крестом 4-й степени. Приказом командующего 9-й армией от 1 августа 1915 года «за мужество и храбрость, оказанные в боях с неприятелем в период с 26 апреля по 8 июля 1915 г.», старший урядник Ахмед Бицуев удостоен «Георгиевского креста 2-й степени № 3181».

Награждены медалями «За храбрость»:

Младший урядник Азамат Бетрозов — 4-й степени.

Младший урядник Тита Баждугов — 3-й степени.

«В бою 14 февраля 1915 г. у дер. Подгорки проявили выдающуюся храбрость и мужество, ободряя и увлекая за собой товарищей и подчиненных, чем содействовали успеху боя».

Всадник Ибрагим Биев — 4-й степени. Совместно с двумя всадниками «17 февраля 1915 г. у дер. Майдан, вызвавшись на разведку охотниками, проникли в расположение противника, где заметили приготовления противника к наступлению, выяснили его силы и расположение».

В середине февраля сотни 2-го Дагестанского конного полка вели бои в направлении города Станиславова у населенных пунктов Холин, Кропивин, Цу-Бабино в районе Майдана. Это там, проявив героизм, заслужили Георгиевские кресты:

«Юнкер Шах-Булат Молла — 2 ст. № 5335.

Юнкер Абдул-Манап Магомаев — 3 ст. № 44354.

16 февраля 1915 г., находясь в секрете, обнаружили скрытое наступление противника, о чем и донесли, и продолжали наблюдение до конца боя».

Шах-Булат Молла «Георгиевские кресты 3-й и 4-й ст. получил в русско-японскую кампанию».

Абдул-Манап Магомаев Георгиевским крестом 4-й степени награжден в русско-японскую войну.

«Юнкер милиции Шамсудин Маргимов — 2 ст. № 5733.

18 февраля 1915 г. под сильным огнем своевременно открыл обход фланга противником, своевременно донес и продолжал наблюдать, несмотря на опасность».

Шамсудин Маргимов, участник войны с Японией, был награжден Георгиевскими крестами 3-й и 4-й степени.

* * *

В «Конспекте» боевых действий Кавказской конной дивизии за 13 февраля сказано, что 2-я бригада вела оборонительные действия против контратакующего противника у сел Холин, Кропивин, северо-западнее города Станиславова.

В тот день, 13 февраля, вела бой и 1-я сотня Чеченского конного полка под командованием штабс-ротмистра Сергея Михайловича Топоркова. «Сын казака Забайкальской области», он участвовал в русско-японской войне, получив за храбрость «все 4 степени Георгиевского креста» и производство в офицерский чин. Перед Первой мировой войной служил в Кубанском казачьем войске, откуда при сформировании Кавказской конной дивизии был переведен в Чеченский конный полк. В январе 1915 года назначен командиром 1-й сотни.

В три часа дня 13 февраля командир Чеченского полка полковник Святополк-Мирский приказал штабс-ротмистру Топоркову с его сотней спешно занять южную опушку леса, расположенную «в расстоянии 700 шагов впереди деревни Пойко», и, знакомя с обстановкой, сказал ему, что «из деревни Пойко, желая сделать прорыв, наступают более батальона пехоты австрийцев при двух эскадронах венгерской кавалерии. Сознавая серьезность положения,— скажет затем в «Описании боя» Топорков,— успехом выполнения этой задачи полковник Святополк-Мирский считал, если названная сотня хотя бы временно задержит превосходящие силы противника».

Посланная в помощь Чеченцам 2-я сотня Татарского полка заблудится в лесу и не выйдет на свою позицию, а расположенная левее сотня кубанских казаков отойдет после первой же атаки противника, «получив от своего прямого начальника особую задачу».

Так 1-я сотня Чеченского полка останется одна, ведя бой с намного превосходящим ее по численности неприятелем. Три атаки отобьют чеченские всадники, продержавшись до наступления полной темноты.

Ночью штабс-ротмистр Топорков послал в деревню Пойко две группы разведчиков-добровольцев. Они вернулись с важными сведениями о расположении против-

ника. И тогда Топорков около четырех часов утра, когда еще стояла непроглядная зимняя ночь, повел сотню в атаку на деревню Пойко и внезапно ударил по засевшим в ней австрийцам. После скоротечного боя Чеченцы заняли деревню.

На рассвете к ним подошел с двумя сотнями кубанских казаков подполковник Чеченского полка Платон Руднев, и после этого сотня Топоркова вместе с казаками, удерживая от контратаковавших австрийцев и венгров деревню Пойко, продержалась здесь до ночи 14 февраля.

Когда 1-я сотня, сдав позиции в деревне Пойко подошедшей пехоте, вернулась в расположение полка, полковник Святополк-Мирский, как напишет в «Описании боя» штабс-ротмистр Сергей Михайлович Топорков, «поблагодарит сотню за доблестную службу, благодаря которой удалось не только задержать наступление австрийцев, но и выбить их из дер. Пойко, и приказал мне в присутствии всей сотни за этот славный бой представить штабс-ротмистра Абдул-Меджида Кужуева и поручика Николая Флерина, которые во время боя были моими помощниками в достижении успеха, к награждению орденом св. Владимира 4-й степени.

Присутствие штабс-ротмистра Кужуева, как чеченца, ободряющего во время боя своих соотечественников,— подчеркивает в «Описании боя» Топорков,— сыграло не малое значение в этом деле...

Оба эти офицера достойны и вполне заслужили награды как этим боем, так и предыдущей боевой смелой службой».

В заключение «Описания» сотенный командир укажет, что «списки нижних чинов, ходивших охотниками в эту рискованную разведку и достойных награждения за этот бой, будут мною представлены дополнительно».

Командование дивизии за бой 13-го и 14 февраля представило штабс-ротмистра Топоркова к ордену св. Георгия 4-й степени. Но Высочайшим приказом от 23 июля 1915 года как он сам, так и штабс-ротмистр Абдул-Меджид Кужуев и поручик Николай Флерин будут награждены орденами св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом...

Из приказа о награждении всадников Чеченского конного полка Георгиевскими крестами за бой при деревне Пойко:

«Мл. урядник Али Чапанов — 3 ст. № 15541. Охотником произвел смелую разведку».

«Всадник Мамад Исламгиреев — 4 ст. № 172538. Охотником произвел разведку».

«Всадник Муцур Иноркаев — 4 ст. № 172542. Произвел важную разведку и доставил ценные сведения».

«Всадник Магомет Андемиров — 4 ст. № 172539.

Всадник князь Мавлет Бекович-Черкасский — 4 ст. № 172540. Произвели важную разведку и доставили сведения».

* * *

Интересная история связана с названным в этом наградном приказе всадником Чеченского конного полка князем Мавлетом Бековичем-Черкасским, «из чеченцев», признанным «князем из потомственных дворян Кавказа». Его дед — кабардинский князь Муртазали Бекович-Черкасский — приходился внуком генерал-майору Эльмурзе Черкасскому, младшему брату знаменитого сподвижника Петра Великого — офицеру лейб-гвардии князю Александру Бековичу Черкасскому.

Поручик князь Муртазали Бекович-Черкасский жил в Малой Кабарде, а в конце сороковых годов XIX века, после развода с женой, переселился на жительство в чеченский аул Новый Юрт, где вскоре женился на чеченке. У них родился сын Эдилъхан. После 1851 года Муртазали скончался. Оставшегося малолетним Эдилъхана воспитали в чеченской семье. Сам он, став взрослым, тоже взял себе в супруги чеченскую девушку. И два их сына, Мавлет и Магомет, уже считали себя настоящими чеченцами.

Поэтому вполне естественным стало и то, что в сентябре 1914 года князь Мавлет Эдилъханович Бекович-Черкасский вступил добровольцем в Чеченский конный полк. За храбрость в боях он будет награжден двумя Георгиевскими крестами и затем произведен в прапорщики. Младший брат Мавлета — Магомет окончил Елизаветградское кавалерийское училище по 1-му разряду и Высочайшим приказом от 1 декабря 1914 года произведен в прапорщики. В начале января пятнадцатого года он прибыл в штаб 2-го кавалерийского корпуса, но здесь получил назначение не в Чеченский полк, как о том ходатайствовал, а в запасную сотню Ингушского конного полка и направлен в Назрановский округ для сбора и подготовки добровольцев.

Весной Магомет Эдильханович подает рапорт командованию с просьбой о его переводе в Чеченский полк. В этом его поддержали командир Кавказской конной дивизии великий князь Михаил Александрович и начальник дивизионного штаба полковник Юзефович, который 10 апреля 1915 года направит в Главный штаб в Петроград телеграмму: «По предписанию командира дивизии прошу о переводе прапорщика запасной сотни Ингушского конного полка князя Бековича-Черкасского в Чеченский конный полк».

Из Главного штаба, неделю спустя, в штаб дивизии поступило сообщение: «Высочайшим приказом 17 апреля прапорщик запасной сотни Ингушского конного полка князь Бекович-Черкасский переведен в Чеченский конный полк».

В июле 1915 года во время отсутствия адъютанта Чеченского полка штабс-ротмистра Абдул-Меджида Чермоева прапорщик Магомет Бекович-Черкасский будет исполнять его обязанности. За боевые заслуги он получит в награду четыре ордена и производство в чины корнета и поручика...

* * *

Говоря о боевых действиях 2-й бригады в феврале 1915 года, обратимся к наградному листу на *полковника Константина Николаевича Хагондокова*, которого командир дивизии великий князь Михаил Александрович представлял к чину генерал-майора — «за трехмесячную боевую службу». «...Во время действий разведки в районе Калуша,— говорится в том документе,— на 2-ю бригаду выпала первоначально задача по обеспечению фланга 74-й пехотной дивизии, каковую полковник Хагондоков выполнил в полной мере успешно, сдерживая натиск противника на деревни Холин, Кропивин и др.

15 февраля, когда дивизии приказано было перейти в решительное наступление, 2-я бригада была направлена для атаки дер. Бринь. Несмотря на превосходство сил противника, крайнее его упорство, трудно пересеченную местность и сильнейший огонь противника, 2-я бригада, лично руководимая полковником Хагондоковым, находившимся в передовой линии, повела энергичное наступление и, выбив противника из дер. Бринь, утвердилась в ней».

И далее, характеризуя полковника Хагондокова, Свиты Его Величества генерал-майор великий князь Михаил

Александрович писал, что этот офицер принял участие в целом ряде боевых дел и всегда успешно выполнял порученные ему боевые задания. «Беззаветной личной храбростью, обладающий хорошей военной подготовкой и боевым опытом, твердой волей и с высоко развитым чувством долга, полковник Хагондоков являлся во всех случаях деятельности дивизии ценным для меня помощником».

Пока это наградное представление будет идти по инстанциям, чтобы дойти до царя Николая II — ведь производство в чин генерал-майора, как и в другой чин, осуществляется только его Высочайшим приказом, — полковник Хагондоков за февральские бои будет представлен к ордену св. Анны 1-й степени с мечами.

В «Конспекте» боевых действий Кавказской конной дивизии за 15 февраля записано: «Наступательный бой 2-й бригады в лесу за сел. Бринь. Рядом удачных рукопашных схваток противник выбит из окопов».

В тот день Чеченский и Татарский полки 2-й бригады вели наступательный бой на село Бринь, находящееся в двадцати километрах северо-западнее города Станиславова, на пути к этому важному центру Восточной Галиции.

Позже об ожесточенном бое у деревни Бринь командир дивизии великий князь Михаил Александрович в своем приказе № 128 от 7 апреля 1916 года, специально посвященном Константину Николаевичу Хагондокову, в то время уже генералу, скажет: «Во время февральских боев в районе Калуша на долю генерала Хагондокова выпало блестящее дело 15 февраля у дер. Бринь, когда он, руководя лично бригадою, выбил сильного противника из укрепленной деревни, доведя дело до работы кинжалами и шашками. Во время этого редкого по трудности и упорству боя пал смертью храбрых сподвижник генерала Хагондокова, доблестный командир Чеченского конного полка полковник Святополк Мирский».

О чрезвычайном накале и ожесточенности того боя за село Бринь, который вели Чеченский и Татарский полки, свидетельствуют и другие дошедшие до нас в архивах документы...

Командир Татарского конного полка подполковник Петр Александрович Половцев по представлению комбрига Хагондокова был награжден орденом св. Георгия 4-й степени. «В бою у дер. Бринь 15 февраля 1915 г. атаковал в лесу австрийцев, выбил их из ряда окопов и, несмотря на охват левого своего фланга, на дважды

повторенное решение отойти, упорно держался на захваченном месте и своим упорством дал возможность разбить колонну австрийцев, обходящих правый фланг, чем обеспечил взятие деревни Бринь».

Полковник персидский принц Фазула-Мирза Каджар, участник Японской кампании, до войны служил в 16-м драгунском Тверском полку в Тифлисе, а с сентября 1914-го состоял в прикомандировании к Татарскому конному полку. Это ему, блестящему и отважному офицеру, после гибели командира Чеченского конного полка полковника Александра Сергеевича Святополк-Мирского доведется принять командование над Чеченцами. Но тогда в бою за село Бринь полковник Фазула-Мирза Каджар сражался в рядах Татарского полка и за храбрость по представлению полковника Хагондокова был удостоен ордена св. Георгия 4-й степени «за то, что 15 февраля 1915 г., приняв по собственной инициативе команду над 4-мя сотнями Уманского казачьего полка, имевшими только одного офицера, повел их в решительное наступление под сильным ружейным и пулеметным огнем, дважды возвращал отступавших казаков и благодаря решительным действиям способствовал занятию дер. Бринь».

Умелые и решительные действия полковника Каджара в том бою, его способность организовать и вести за собой людей сыграли главную роль в его назначении на должность командира Чеченского конного полка, что и произойдет 17 февраля 1915 года.

А накануне этого дня скончался от смертельных ранений, полученных в бою у села Бринь, полковник Александр Сергеевич Святополк-Мирский. 15 февраля он сам лично вел спешенный Чеченский полк, идущий в атаку по глубокому снегу, под ураганным вражеским огнем. И это был его последний бой...

Еще раньше за мужество, проявленное Святополк-Мирским в декабрьских и январских боевых действиях, полковник Хагондоков представил его к ордену св. Георгия 3-й степени. И теперь, после кончины Александра Сергеевича, командир дивизии, отправляя наградной лист в вышестоящий штаб, сделал к нему приписку: «Ходатайствую. При этом присовокупляю, что и в последующие бои полковник Святополк-Мирский, находясь впереди своих спешенных сотен и руководя действием своего полка в бою, окончившегося успехом для нас, получил три раны, из коих две смертельные, от которых и скончался, не приходя в себя».

3 ноября 1915 года последует Высочайший приказ о посмертном награждении полковника Святополк-Мирского орденом св. Георгия 3-й степени. В декабре об этом станет известно командованию 2-го кавалерийского корпуса, начальником штаба которого тогда был генерал-майор Константин Николаевич Хагондоков. Он и поручит принцу Фазула-Мирзе Каджару, командиру Чеченцев, «орденский знак покойному полковнику Святополк-Мирскому» отправить с офицером Чеченского полка в Киев, чтобы «передать матери покойного».

Проявил отвагу при взятии села Бринь и адъютант Чеченского конного полка *штабс-ротмистр Абдул-Меджид Чермоев*, награжденный за тот бой орденом св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость». Высочайший приказ о его награждении последует 15 июня 1915 года, а позже из штаба 9-й армии в полк пришлют и предназначенный ему орденский знак с Анненским темляком на рукоять шашки.

«15 февраля. Во исполнение приказа — содействовать 12-й кавалерийской дивизии, — записано в «Конспекте» боевых действий Кавказской конной дивизии, — 3-я бригада с Дагестанским полком атакует дер. Цу-Бабино, выбит батальон противника, захвачена переправа...»

День 15 февраля 1915 года стал одним из самых ярких в боевой истории дивизии, овладевшей тогда важными опорными пунктами неприятеля на северо-западных подступах к городу Станиславоу — селами Бринь и Цу-Бабино.

С утра Ингушский полк и часть сил Черкесского полка переправились через реку Ломницу и начали наступление на Цу-Бабино. Важную роль во взятии села сыграют Ингуши. И их полковой командир *полковник Георгий Алексеевич Мерчуле* «за атаку деревни Цу-Бабино 15 февраля 1915 года» будет удостоен *Георгиевского оружия*.

Кавалером Георгиевского оружия станет и прапорщик Ингушского полка Эльмурза Дударович Гулиев, о подвиге которого свидетельствует наградной лист: «В бою 15 февраля 1915 г. у деревни Цу-Бабино, командуя взводом в конном строю, под сильным огнем противника прошел вплавь реку Ломницу, прорвал окопы противника и зашел ему в тыл, благодаря чему произвел в рядах противника панику и заставил бежать, понеся большие потери; спешив взвод, продолжал преследовать противника, чем содействовал успешному действию полка».

Особо отличилась в бою за Цу-Бабино 4-я сотня Ин-

гушского полка под командованием *штабс-ротмистра князя Михаила Георгиевича Химшиева*, участника русско-японской войны, в 1901 году окончившего Николаевское кавалерийское училище, в котором он проходил курс обучения в одном эскадроне вместе с Абдул-Меджидом Чермоевым. О мужестве как самого сотенного командира, награжденного за тот бой орденом св. Георгия 4-й степени, так и его всадников Ингушей говорит наградное представление, составленное на Химшиева полковником Мерчуле: «В бою 15 февраля 1915 г. у села Цу-Бабино атаковал в конном строю австрийцев, выбил их из окопов у опушки леса у села Цу-Бабино, ворвался в деревню и истребил в рукопашной схватке роту пехоты, чем оказал содействие овладению селом Цу-Бабино».

Юнкер милиции Эсаки Дзагиев в 1904—1905 годах в составе Ингушской сотни участвовал в русско-японской войне, получив в награду Георгиевский крест 4-й степени. Теперь же, состоя в рядах Ингушского конного полка, он «за бой 15 февраля 1915 года» будет награжден Георгиевским крестом 3-й степени.

Старший урядник Хаджи-Мурат Местоев заслужил 3-ю степень Георгиевского креста «за дело у деревни Цу-Бабино». В феврале он совершит и еще один подвиг — «27—28 февраля выполнил разведку и донес важные сведения и, вызвавшись охотником, вывез на позицию пулемет», — за который 5 августа 1915 года великий князь Георгий Михайлович «от имени Государя Императора» наградит Хаджи-Мурата Местоева Георгиевским крестом 1-й степени № 5797...

Из приказа о награждении всадников Ингушского полка Георгиевскими медалями «За храбрость» 4-й степени:

Младший урядник Була Осканов.

Всадник Идрис Аушев.

Всадник Боч Беков.

Всадник Ахмат Плиев.

«В боях с 13 по 19 февраля 1915 г. у сел. Цу-Бабино под огнем противника выказали выдающееся мужество и храбрость».

Отважно сражались в бою за село Цу-Бабино и сотни Черкесского конного полка под командованием подполковника Александра Захарьевича Чавчавадзе.

Из приказов о награждении всадников Черкесского полка Георгиевскими крестами:

«*Всадник Атлы Шаманов — 4 ст. № 273413.*

15 февраля 1915 г. у дер. Цу-Бабино, будучи ранен в голову, оставался в строю и только после боя перевязал свою рану».

«*Юнкер Тох Джанчатов — 2 ст. № 5725.*

15 февраля 1915 г. бросился в атаку, переправившись через р. Ломницу, вызвался пойти в дозор и осмотрел местность, причем был ранен. Возвратившись, доложил ценные сведения о расположении противника».

Тох Джанчатов — участник войны с Японией. В боях с японцами награжден Георгиевскими крестами 3-й, 4-й степени и чином юнкера.

«*Ст. урядник Стефан Швайковский — 2 ст. № 5724.*

Всегда неустрашимый, всегда впереди, на посту, в день 15 февраля 1915 г. во время атаки героически выбивал противника из дер. Цу-Бабино и там, где никто не отважился пойти вперед под выстрелы засевшего во дворе противника, он первый ринулся вперед и был сражен на месте, явив тем пример отличной храбрости, воинской доблести и самоотвержения».

«*Всадник Мусса Салпагаров — 4 ст. № 273415.*

«*Всадник Сохта Татаркулов — 4 ст. № 273416.*

«*Всадник Магул-Али Шукаев — 3 ст. № 44379.*

15 февраля 1915 г. во время конной атаки у дер. Цу-Бабино, соскочив с коней, вызвались охотниками уничтожить австрийцев, засевших в хате (первым соскочил Салпагаров), после долгой и упорной рукопашной схватки изрубили 7 засевших австрийцев».

«*Мл. урядник Сагид Геды — 3 ст. № 44374.*

15 февраля 1915 г. у дер. Цу-Бабино во время атаки, будучи дозорным, выяснил под сильным огнем расположение противника, о чем и донес».

«*Вахмистр Максим Сафронов — 1 ст. № 2902.*

15 февраля 1915 г. в бою у дер. Цу-Бабино вызвался охотником и повел в атаку полусотню, был ранен и после перевязки с полным вооружением вернулся обратно в строй и принял участие в бою».

* * *

Во 2-й сотне Черкесского полка служил молодой всадник-доброволец Туркбий Боджоков, уроженец Хакуриловского аула, Майкопского отдела, Кубанской области. В бою при взятии села Цу-Бабино он получил тяжелое ранение и на следующий день, согласно списку

потерь Черкесского полка, «умер от ран, полученных в бою 15 февраля 1915 года». Боевые товарищи и земляки похоронили Туркбия Боджокова в деревне Юмановке, недалеко от Цу-Бабино.

Командир полка и полковой мулла Мишаост Набоков сообщили в Хакуриловский черкесский аул в Прикубанье Каранефу Боджокову — отцу умершего от ран всадника — о месте его захоронения. Пройдет около двух месяцев, и весной с далекого Северного Кавказа в Восточную Галицию, в район западноукраинского города Станиславова, приедет отец Туркбия Боджокова. О его приезде на могилу сына и связанных с этим обстоятельствах станет известно в штабе Кавказской конной дивизии. И великий князь Михаил Александрович обратится тогда в Петроград, в Главный штаб Военного министерства, с ходатайством в отношении черкеса Каранефа Боджокова.

Ответом на его обращение стало сообщение Дежурного генерала Главного штаба генерал-майора Архангельского от 31 октября 1915 года, направленное начальнику штаба Кавказской конной дивизии: «Главный штаб доносит для доклада Его Императорскому Высочеству великому князю Михаилу Александровичу, что горец Кубанской области, Майкопского отдела, аула Хакуриловского, Каранеф Боджоков, в поощрение выдающихся патриотических чувств, выразившихся в том, что, приехав помолиться на могилу умершего от ран сына, всадника Черкесского конного полка, он привез с собой второго сына, которого и просил зачислить в строй полка, награжден приказом по IX армии за № 306 золотой медалью с надписью «За усердие» для ношения на груди на Анненской ленте...»

По «Ведомости нижним чинам Георгиевским кавалерам Черкесского конного полка», составленной в октябре 1915 года, значатся два всадника по фамилии Боджоковы — Али, награжденный 1 августа Георгиевским крестом 4-й степени, и Битлюстан, удостоенный 20 июля Георгиевского креста 4-й степени. Один из них и был сыном Каранефа Боджокова, занявшим в полковом строю место своего погибшего брата...

* * *

После успешно завершеного боя за село Цу-Бабино комдив великий князь Михаил Александрович представил командира Черкесского полка подполковника Александра Захаревича Чавчавадзе, проявившего мужество

и командирское умение при «атаке 15 февраля на укрепленную деревню Цу-Бабино», к ордену св. Георгия 4-й степени.

Но высшее командование, как это часто случалось на фронте, при рассмотрении наградных представлений на офицеров, посчитало необходимым вместо «белого» Георгиевского креста, о котором мечтал каждый офицер, отметить его другой наградой.

За доблесть, проявленную при «атаке на деревню Цу-Бабино», по представлению подполковника Чавчавадзе, орденом св. Станислава 2-й степени будет награжден *корнет 4-й сотни Константин Иосифович Лакербай*. Сын прапорщика Черкесского полка Иосифа Хасановича Лакербая, он происходил «из потомственных дворян Сухумского округа». Родился 8 января 1891 года в селении Лыхны, Сухумского округа. Окончил Воронежский кадетский корпус, затем — Елизаветградское кавалерийское училище по 1-му разряду и произведен в корнеты — «1913-го августа 6».

В войну корнет Лакербай вступил в августе 1914 года в составе 16-го драгунского Тверского полка Кавказской кавалерийской дивизии. Менее чем за четыре месяца боевых действий на Северо-Западном фронте Константин Иосифович получил в награду «за отличия в боях против германцев» три ордена, приказы о награждении которыми объявлены командованием в декабре 1914 года:

«св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом — 5 декабря 1914 г.,

св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом — 11 декабря 1914 г.,

св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» — 18 декабря 1914 г.».

В тех боях с «германцами» корнет Лакербай был ранен.

С момента формирования Кавказской конной дивизии Константин Лакербай стремился попасть на службу в ее ряды. И с 13 ноября 1914 года, после Высочайшего приказа о его переводе, зачисляется офицером в 4-ю Абхазскую сотню Черкесского конного полка.

В полковом списке о семейном положении корнета Лакербая сказано: «Холост».

17 февраля подполковник Чавчавадзе подписал наградной лист и на *прапорщика милиции Давлет-Мурзу Бжегакова*, из которого следует, что он 1879 года рождения, происходил «из горцев Кубанской области». Окон-

чил курс в «Майкопском городском училище». Холост. Участвовал «в кампании 1904—1905 годов», чин прапорщика получил за боевые отличия. С 27 августа 1914 года служил младшим офицером во 2-й сотне Черкесского полка.

Далее в наградном листе о Давлет-Мурзе Бжегакове говорилось: «Имеет: Георгиевский крест 4-й ст.— 1905 г.; св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость», 1 января 1915 г.— за отличия в делах против австрийцев с 11 по 19 декабря 1914 г.

15 февраля 1915 г. своей распорядительностью содействовал взятию укрепленной деревни Цу-Бабино. Ходатайствую о награждении орденом св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом».

Приказом командующего 9-й армией прапорщик Давлет-Мурза Бжегаков будет награжден «испрашиваемым» для него орденом...

Отгремел оставшийся памятным для всадников и офицеров Черкесского полка бой за Цу-Бабино, ставший в боевой истории дивизии одной из ее славных страниц. И отголоском этого события стал документ, датированный 10 августа 1916 года. И хотя к тому времени после боя за село Цу-Бабино прошло уже полтора года, новый командир Кавказской конной дивизии генерал Дмитрий Петрович Багратион, в связи с приближавшейся ее двухлетней годовщиной (день формирования дивизии отмечался 23 августа), обращается в штаб 2-го кавалерийского корпуса с ходатайством:

«Надпись на надписи командира 3-й бригады от 9 августа с. г. о награждении Черкесского конного полка Георгиевским штандартом за бой 15 февраля у Цу-Бабино.

Командиру 2-го кавалерийского корпуса.

Ходатайствую по изложенному в рапорте командира Черкесского конного полка.

Начальник дивизии генерал-лейтенант князь Багратион».

* * *

О боевых делах Кавказской конной дивизии, отваге ее всадников и офицеров шла слава по всему Юго-Западному фронту, где сражались кавказские полки, по России и родному для них Кавказу. 16 апреля 1915 года

ежедневная литературно-политическая газета «Кавказ», выходявшая в Тифлисе, поместила очерк «Кавказцы», перепечатанный со страниц одной из центральных российских газет, предварив его вступительными словами: «В «Новом Времени» напечатано подробное и весьма интересное описание боевой работы подвизавшейся на Западном фронте Кавказской мусульманской дивизии».

Неизвестный нам корреспондент, побывавший на фронте в Кавказской конной дивизии, весьма красочно и выразительно, с чувством искреннего восхищения рассказывал о героях-кавказцах и конкретно о двух, проведенных ими в феврале, боевых операциях — по взятию «деревни Ц.» — Цу-Бабино и «города С.» — Станиславова.

«Дела Кавказской дивизии у всех на устах, — читаем в очерке «Кавказцы». — Дивизия работает в непрерывных боях и стычках с середины января, и каждое ее выступление в целом или отдельных полков — это сплошной героический подвиг, проявление высшего мужества.

Появление «людей в папахах» вблизи неприятеля сразу же производит должное действие. Немедленно принимаются исключительные меры обороны, укрепляются позиции, подвозят орудия и выдвигают тысячи людей против сотен. Но все это в большинстве случаев не имеет результата. Достаточно одного, двух безумно смелых натисков горцев, — и австрийцы бросают свои позиции, орудия, раненых и бегут...»

И далее корреспондент газеты «Новое Время» в подтверждение своих слов рассказывает о «последних боевых эпизодах» из фронтовой жизни дивизии, озаглавив первый из них, как «Бой под Ц.», где 15 февраля сражались Ингушский и Черкесский полки и где на долю их сотен «выпало занятие сильно укрепленной позиции при селении Ц.» — Цу-Бабино.

«Накануне атаки произведенная разведка выяснила, что селение занимают два полных батальона пехоты при восьми орудиях и шести пулеметах и пред деревней, на верхнем склоне горы, устроены прочные окопы, защищенные проволочными заграждениями. Взять в конном строю эту сильную нагорную позицию, господствующую над окружающей местностью, представлялось почти невозможным. Поэтому решили атаковать в пешем рассыпном строю в наиболее уязвимом месте — левой околице Ц.».

Зимний день, 15 февраля, как пишет автор очерка, выдался на редкость ясным и солнечным. С утра сотни в полной боевой готовности двинулись вперед и лавой

стали переправляться «через первую речку» (всего речек было три). Переправа через первую реку «удалась». Но уже при переходе через вторую неприятель открыл по сотням огонь, и в результате «переправа через последнюю речку» (это была река Ломница) далась особенно тяжело — в это время «огонь орудий, пулеметов и винтовок достиг высшего напряжения. Над головами рвались шрапнели, неслись пули, лошади стали нервничать. Однако и здесь не последовало приказа отступить».

Река Ломница преодолена, и тут на ее правом берегу под шквальным огнем противника «настал самый трудный момент — спешивания. Люди разгорячились, лошади, напуганные канонадой, с трудом слушались всадников». Но выполнен приказ полковых и сотенных командиров, и первые цепи спешенных всадников Ингушского и Черкесского полков устремились вперед, к деревне Цу-Бабино, «через холм, увлекая за собой всю остальную массу. С криком «Алла! Алла!», заглушавшим временами канонаду, перескочили сотни холм и понесли на кручу, встречаемые залпами и идя, как казалось, на верную гибель. Сдержать людей уже не было возможности».

«С неимоверной быстротой», читаем в очерке, спешенные сотни оказались у «проволочных заграждений, прорвали их, через упавших перескакивали следующие всадники и, наконец, достигли окопов. Проскочили их и ворвались в Ц.» — Цу-Бабино.

Австрийцы дрогнули и в панике заметались, продолжая оказывать сопротивление. А в это время горячий бой шел в самой деревне. «Горцы работали кинжалами и винтовками, охотились за убегающим неприятелем, выволакивали оставшихся в окопах и выбивали австрийцев из домов».

Не выдержав натиска сотен Ингушского и Черкесского полков, австрийцы в панике отступили из Цу-Бабино. «Через полчаса поле сражения представляло такую картину — австрийцы были окончательно разбиты, всюду валялись убитые и раненые, — свидетельствовал автор очерка. — Одних убитых насчитали 370 человек, причем с смертельными кинжальными ранами из них оказалось 130 человек...

За это дело наиболее отличившиеся получили Георгиевские кресты, а сотням выражена благодарность от имени высшего командования».

После взятия частями Кавказской конной дивизии селений Бринь и Цу-Бабино, 16 февраля, как говорится

в «Конспекте» боевых действий, шло «сосредоточение 4-х полков в районе Бринь» с целью дальнейшего продвижения на юго-восток к Станиславу, до которого оставалось около 25 километров пути.

17 февраля шел «наступательный лесной бой» 1-й бригады и сводного дивизиона 2-й бригады на левом фланге 12-й кавалерийской дивизии.

«Неприятель, вторгшийся в Восточную Галицию, приостановлен,— говорилось в те дни в сообщении из Ставки Верховного Главнокомандующего, переданном Петроградским телеграфным агентством.— На пути от Калуша к Станиславу австрийцам нанесено значительное поражение, после которого обозначился их отход».

17 февраля Петроградское телеграфное агентство передало из Ставки официальную телеграмму, в которой речь шла о «кавказских горах» в связи с их боевыми делами в рядах Кавказской конной дивизии:

«В Восточной Галиции события развиваются повсюду согласно нашим предположениям.

Наши кавказские горцы наводят страх на венгров... Горцы решительно отказываются уступить кому-либо первенство под неприятельским огнем.

Никто не должен получить право утверждать, что горец сражается за его спиной. Психология горцев в отношении боевых порядков решительно сближает их с рыцарями, которых можно было заставить сражаться лишь на началах боевого равенства в одношеренговом строю».

«18 февраля. Движение к Станиславу. 3-я бригада ведет разведку у Станислава,— записано в «Конспекте» боевых действий дивизии.— 19 февраля. Вступление частей дивизии в г. Станислав».

Из приказов о награждении всадников Черкесского полка за взятие города Станислава.

Награждены Георгиевскими крестами:

*«Мл. урядник Константин Когоня — 4 ст. № 273417.
Ст. урядник Дмитрий Ефремов — 3 ст. № 44376.»*

При взятии г. Станислава 19 февраля 1915 г. сняли пост противника около бензинного склада и тем предотвратили пожар города».

Награждены медалями «За храбрость» 4-й степени:
Всадник Борен Киков.

Всадник Ахмет Этлешев.

«В ночь с 18 на 19 февраля 1915 г., вызвавшись охотниками, вплавь переправились через р. Быстрицу у г. Станислава и доставили ценные сведения о противнике».

Всадник Алджерий Бжегаков.

Всадник Узеир Байрамуков.

Всадник Хасжи-Мурат Чомаев.

Всадник Чанта Маги.

«За мужество и храбрость, проявленные в боях с неприятелем при взятии г. Станиславова 19 февраля 1915 г.».

Из приказов о награждении всадников Ингушского полка Георгиевскими крестами за взятие города Станиславова:

«Юнкер Муса Мальсагов — 3 ст. № 44276.

Будучи охотником, выполнил опасное полезное предприятие».

«Всадник Ахмет Алдиев — 4 ст. № 281277.

Всадник Боч Беков — 4 ст. № 281278.

Всадник Муртазали Албогачиев — 4 ст. № 281279.

Будучи в разведке, выяснили силу противника».

«Вахмистр Бек-Султан Бекмурзиев — 2 ст. № 5813.

Командуя взводом, выбил противника из железнодорожной станции г. Станиславова».

И вновь обратимся к очерку «Кавказцы», опубликованному в «Новом Времени» и перепечатанному в апреле 1915 года газетой «Кавказ». «Взятие С.» — так называлась его вторая часть, посвященная взятию города Станиславова.

«В победном шествии на С. участвовала и Кавказская дивизия», — рассказывает в очерке. «Природным всадникам» пришлось вместе с пехотными войсками «спешенной конницей» под градом пуль и снарядов «постепенно рассыпным строем, перебежками отнимать у неприятеля пядь за пядью землю. Горцы ходили на окопы — в штыки, вернее, в кинжалы, несли сильные потери, но дух их не упал даже в этой совсем необычной для них обстановке».

Командование австро-венгерскими войсками, понимая, что Станиславова, к которому подходили значительные силы российской армии — пехоты и конницы, удержать не удастся, вывело свои главные силы из города, оставив там значительный гарнизон. И тогда произошло удивительное событие, участниками которого стали всадники и офицеры Черкесского и Ингушского полков 3-й бригады Кавказской конной дивизии.

«Для выяснения количества оставшихся в городе австрийцев посланы два конных разъезда горцев,—

продолжает рассказ корреспондент газеты «Новое Время». — Видимо, австрийцы заметили их, но ничем не выдали своего присутствия, подпустили эту кучку людей к самому городу. Горцы предположили, что он совсем оставлен неприятелем, спокойно вошли на мост и затем в город. Здесь их встретили залпами с разных сторон. Вместо того чтобы отступить на мост, горячие кавказцы опять прибегли к своему самому необычному оружию, и на улицах закипел кинжальный бой. Плохо ли стреляли австрийцы, или их обуял страх при виде горцев, но и на этот раз последние победили, не потеряв ни одного человека, кроме нескольких раненых.

Перестрелку услышали ближайšie четыре сотни и бросились на помощь своим...»

Очерк «Кавказцы» заканчивался словами о том, что «в составе дивизии есть уже немало храбрецов, награжденных Георгием. Георгия горцы называют «Джигитом» и очень чтут его...».

И действительно, святой Георгий Победоносец, покровитель российских воинов, изображение которого помещалось на лицевой стороне Георгиевского креста — он восседал на коне и копьём поражал дракона, символизовавшего врага, — у горцев Кавказа ассоциировался с незнающим страха джигитом, каким, в сущности, и являлся каждый всадник Кавказской конной дивизии.

«Боевые награды всадниками очень ценились, — скажет в своем очерке «Кавказская Туземная Конная Дивизия» Алексей Арсеньев, — но, принимая крест, они настойчиво требовали, чтобы он был — не с птицами, а — с «джигитом»; кресты для иноверцев Императорской Армии чеканились с двуглавым орлом, а не с Георгием Победоносцем».

Необходимо отметить, что еще с 1844 года в России Высочайшим приказом установлено, чтобы ордена для офицеров, а также и Георгиевские кресты для нижних чинов — тех, кто исповедовал ислам — «магометанство», выдавались не с изображениями святых, в честь которых учреждались награды, а с Государственным гербом — двуглавым орлом. Такие награды именовались, как «для нехристиан установленные».

Были случаи, когда кавказские всадники-мусульмане даже отказывались «принять Георгиевские кресты, на которых вместо св. Георгия был выбит Государственный герб, как в начале войны это делалось для лиц нехристианского вероисповедания, — напишет в воспоминаниях «В Ингушском конном полку» бывший корнет Ингуш-

ского полка Анатолий Марков.— К счастью, скоро правительство отменило это правило и все Георгиевские кавалеры стали награждаться одинаковыми для всех знаками отличия Военного ордена».

* * *

С 20 февраля, на следующий день после занятия Станиславова, полки Кавказской конной дивизии вели преследование и разведку противника «за Станиславоном на фронте Богородчаны — Марковцы», выдвигаясь в юго-восточном направлении на город Тлумач.

«21 февраля. Бой за Тлумач 2-й и 1-й бригад,— отмечено в «Конспекте» боевых действий дивизии,— преследование противника и усиленная разведка его главных сил, отступивших на Езержаны*».

Описание боя, проведенного в тот день полками Кавказской конной дивизии, приводится в наградном листе на ее командующего великого князя Михаила Александровича, согласно которому он получил в награду Георгиевское оружие.

21 февраля 1915 года, свидетельствует наградной лист, Михаил Александрович, получив приказание командира 2-го кавалерийского корпуса наступать со вверенной ему дивизией на Тлумач, занятый частями австро-венгерской армии, «поставил себе задачей выбить противника из местечка Тлумач, для чего выдвинул вперед весь Татарский конный полк, а затем на поддержку к высоте 307 и Чеченский конный полк, а сам с 1-ю бригадою (Кабардинский и Дагестанский полки) безостановочно смело двинулся к Тлумачу и энергично повел атаку; находясь в сфере ружейного и артиллерийского огня и лично руководя боем, овладел важным пунктом неприятельского расположения, выбив австрийцев из местечка Тлумач».

Командир дивизии великий князь Михаил Александрович, как говорится далее в наградном листе, развивая успех наступления и «притянув двигавшуюся из города Станиславова 3-ю бригаду» — Ингушский и Черкесский конные полки, направил их на село Езержаны, находившееся в 10 километрах южнее Тлумача, «имея целью одновременными действиями окончательно отбросить разбитого неприятеля. Противник силою более 2-х батальонов был разбит и поспешно отступил за Езержаны, след-

* Известно и под названием Езераны.

ствием чего явилось не только занятие Тлумача, но и всей впереди лежащей полосы, одновременно с занятием 12-ю кавалерийской дивизией местечка Калинце».

12-й кавалерийской дивизией, входившей (наряду с Кавказской конной дивизией) во 2-й кавалерийский корпус, с 16 февраля 1915 года командовал генерал-майор Свиты Его Величества барон Карл Густав Маннергейм, будущий главнокомандующий и президент Финляндии. Как видно из документов, он высоко ценил храбрость всадников и офицеров кавказских полков, постоянно взаимодействовавших в боях с его кавалеристами.

22 февраля полки 3-й бригады проводили «усиленную с боем» разведку противника к югу от Тлумача. В тот день одним из разведывательных разездов Ингушского полка командовал корнет Крым-Султан Базоркин.

Его отец, генерал-майор Банухо Базоркин, был участником боевых кампаний на Кавказе, Крымской войны 1853—1856 годов — против турок на Кавказском фронте и участвовал «в походе в Европейскую Турцию в 1877—1878 гг.». За отличия в боях удостоен семи орденов, среди которых на особом месте стояли ордена св. Владимира 3-й степени и св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом, ведь награжденный орденом св. Владимира даже четвертой степени до начала XX века имел право на получение потомственного российского дворянства. В 1888 году «в сем достоинстве» утвержден Правительствующим Сенатом и пятидесятипятiletний подполковник Банухо Базоркин. В 1904-м, по выходе в отставку, он получит чин генерал-майора.

Крым-Султан Базоркин, родившийся в 1886 году, после окончания Тверского кавалерийского училища служил в драгунском полку. В сентябре 1914-го получил направление в Кавказскую конную дивизию. Так корнет Базоркин стал служить вместе со своими земляками в Ингушском конном полку, в который в те дни добровольно вступил всадником и его старший брат Мухтар.

Крым-Султан Базоркин проявит храбрость в январских боях и, согласно приказу командующего 9-й армией за № 324 от 5 июля 1915 года, получит свою первую награду — «орден св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом (для нехр. устанowl.)».

А 3 марта 1915 года полковник Георгий Алексеевич Мерчуле направил командующему дивизией новое наградное представление на *корнета Крым-Султана Базоркина*: «Корнет Базоркин, посланный 22 февраля 1915 г. с разездом в сел. Езержаны и далее до соприкосновения

с противником, и, найдя окраину деревни занятой австрийской пехотой, атаковал ее в конном строю, выбил из Езержаны, захватил семь человек пленными и, оставаясь в соприкосновении с превосходящими силами противника в течение двух суток, давал точные и верные сведения о его силах и маневрировании, чем способствовал в значительной степени успешным действиям поисков бригады.

Ходатайствую о награждении корнета Крым-Султана Базоркина Георгиевским оружием».

Наградное представление пойдет по командным инстанциям и когда дойдет до командующего Юго-Западным фронтом, то по его приказу корнет Ингушского полка Базоркин вместо Георгиевского оружия будет награжден орденом св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом...

К концу февраля части 2-го кавалерийского корпуса, в его составе и Кавказская конная дивизия, выполнили свою боевую задачу в Карпатской наступательной операции войск Юго-Западного фронта. Кавказские полки, их всадники и офицеры прошли через многие бои, получили великолепную боевую закалку. Позже, вспоминая те трудные дни становления дивизии, великий князь Михаил Александрович в своем приказе по дивизии скажет: «Памятны Мне первые дни тяжелых зимних боев в Карпатах, дело у Полянчика, Рыбне, в долине Ветлины, славный бой у Верховины-Быстра и упорная кровопролитная борьба на Сане в декабре 1914 года и январе 1915 года в районе Ломна — Лутовиска, когда дивизия доблестно отражала наступление врага к Перемышлю; вспоминаю ряд выдающихся дел в феврале на реке Ломнице, бой у деревень Бринь и Цу-Бабин, занятие Станиславова и Тлумача...»

НА ДНЕСТРЕ И ПРУТЕ

Со 2 марта полки Кавказской конной дивизии вышли на новые позиции, заняв оборонительный участок по левому берегу Днестра — от района южнее впадавшей в него реки Стрыпи до окрестностей города Залецики. На противоположном высоком берегу находился неприятель. «Со 2 марта на дивизию возложено обеспечение линии Днестра», — отметит в «Конспекте» боевых действий начальник штаба дивизии полковник Юзефович.

По его же записям в «Конспекте» можно видеть, как проходили дни «на охране реки Днестра».

14 марта. На фронте дивизии от дер. Возилув до дер. Печарна редкая ружейная перестрелка. Неприятельская батарея от фольварка у высоты 291 обстреливала район деревни Жежава.

15—16 марта. Редкая ружейная перестрелка.

17 марта. Неприятель усиленно обстреливал наши посты на высоте 272 и у дер. Жежава. Против постов на высоте 288 небольшая неприятельская партия пыталась переправиться на наш берег, но была отбита огнем. Наблюдались окопные работы противника южнее и западнее высоты 270».

В те мартовские дни «Кавказская туземная конная дивизия», только что прошедшая через ожесточенные бои в Карпатах и Прикарпатье, где всадники и офицеры проявили высокое мужество, удостоится благодарности императора Николая II. Об этом 21 марта объявит в приказе по дивизии великий князь Михаил Александрович, известивший, что получил от своего царственного брата письмо и в нем сказано: «Благодарю твою славную дивизию за ее геройскую службу».

А незадолго до этого в Кабардинском конном полку станет известно официальное сообщение из канцелярии царского Двора, помещенное в российской прессе: «Третьего марта имел счастье представиться Его Величеству государю императору корреспондент Главного Управления государственного коннозаводства по Терской области статский советник Владимир Николаевич Кудашев».

Владимир Николаевич (Эльбуздуко Канаметович) Кудашев, уроженец селения Докшоково (Старый Черек), происходивший «из кабардинских узденей», в чине стат-

ского советника * занимал высокий пост в Главном Управлении государственного коннозаводства, являясь его официальным представителем по Терской области. Известный общественный деятель и кабардинский историк, он в 1913 году издал в Киеве свой труд «Исторические сведения о кабардинском народе» с посвящением «К 300-летию Дома Романовых». И конечно же при представлении императору Николаю II 3 марта 1915 года он преподнес ему свою книгу...

В Кабардинском полку служили и родственники Владимира Николаевича Кудашева. Один из них — его двоюродный брат Туган Кудашев, проявивший в боях отвагу, награжденный Георгиевским крестом 4-й степени и производством в чин юнкера.

Той весной в состав Кавказской конной дивизии влились новые офицеры — одни из них направлялись из воинских частей, другие, и таких было большинство, переводились в действующие полки из прибывших в марте с Кавказа первых запасных сотен, сформированных из добровольцев...

«Прибыл с запасной сотней в Кабардинский конный полк и зачислен во 2-ю сотню 1915-го марта 6», — сказано в «Краткой записке о службе» двадцатитрехлетнего *корнета Константина Крым-Султановича Кодзаева*. «Житель селения Гизель, Владикавказского округа, Терской области», он в августе 1913 года окончил Тифлисское военное училище и выпущен подпоручиком в 83-й пехотный Самурский полк. В его составе Кодзаев летом и осенью 1914 года участвовал в боях на Северо-Западном фронте и был награжден орденом св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом. «Переведен в запасную сотню в Кабардинский полк — 1914-го декабря 1» и переименован в корнеты, сказано о нем в «Краткой записке о службе».

Тогда же, в марте, из запасной сотни переводится в 4-ю действующую сотню Кабардинского полка прапорщик Николай Алексеевич Иванов.

10 марта в городке Глусте, на берегу Днестра, командир Кабардинского полка полковник Воронцов-Дашков подпишет рапорт, направив его начальнику 1-й бригады генерал-майору Багратиону: «Представляю при сем список урядников вверенного мне полка:

---

* Чин статского советника по «Табели о рангах» относительно военных званий находился между чинами полковника и генерал-майора.

*Кургоко Азапшева,
Измаила Келеметова,
Магомета Абаева.*

Ходатайствую о производстве в прапорщики милиции, за боевые отличия в январе и феврале месяцах».

Это было первое представление на производство в офицерский чин урядников Кабардинского полка, проявивших храбрость в боях и умение в боевой обстановке командовать подчиненными им всадниками.

Пройдет два месяца, и последует приказ командующего Юго-Западным фронтом: «Чином прапорщика награждены 12 мая 1915 года:

*урядники Кургоко Азапшев,
Измаил Келеметов,
Магомет Абаев».*

Прапорщик Кургоко Алиевич Азапшев родился в 1890 году в селении Хапцево (Хамидие). «Из кабардинских узденей». Награжден Георгиевским крестом 4-й степени за то, что в феврале в одном из боев «доставил важное приказание под огнем противника», и медалью «За храбрость» 4-й степени.

Прапорщик Измаил Хангериевич Келеметов, балкарский таубий, родился в 1886 году в Чегемском обществе. Сын прапорщика, участвовавшего в составе Кабардино-Кумыкского конно-иррегулярного полка в войне с Турцией в 1877—1878 годах на Кавказском театре военных действий. Награжден двумя Георгиевскими крестами.

Прапорщик Магомет Таусултанович Абаев, балкарский таубий, родился в 1884 году в Балкарском обществе. Награжден двумя Георгиевскими крестами.

12 марта 1915 года полковник Воронцов-Дашков направил командованию дивизии второе представление на младших урядников вверенного ему полка — «князя Науруза Наурузова, Абдула Шипшева, Ахмат-Хана Эльдарова, Хабижа Абдурахманова», с ходатайством об их производстве «в прапорщики милиции за боевые отличия в январе и феврале месяцах сего года».

К чину прапорщика в марте был представлен и сорока-трехлетний юнкер Докшуко Астемиров, участник русско-японской войны, полный Георгиевский кавалер.

Пройдет пять месяцев, и командир Кабардинского конного полка в своем приказе объявит: «Высочайшим приказом 16 августа с. г. утверждено производство Главнокомандующим армиями Юго-Западного фронта

10 июля 1915 года за отличия в делах против неприятеля в прапорщики вверенного мне полка:

*Юнкера милиции: Докшуко Астемирова,
урядников: Ахмат-Хана Эльдарова,
князя Науруза Наурузова,
Абдула Шипшева и
Хабижа Абдурахманова».*

Прапорщик Ахмат-Хан Эльдаров был прикомандирован к Кабардинскому полку из 1-го Дагестанского конного полка, сражавшегося на Юго-Западном фронте в составе 3-й Кавказской казачьей дивизии. За храбрость в боях награжден Георгиевским крестом 4-й степени. 25 апреля 1915 года полковник Бекович-Черкасский направит «по военным обстоятельствам» телеграмму: «Командиру 1-го Дагестанского конного полка. Прошу сообщить, не встречается ли препятствий переводу в Кабардинский конный полк охотника Ахмат-Хана Эльдарова, в утвердительном случае прошу о высылке на него письменных сведений».

«Препятствий» на перевод в Кабардинский полк не было, и командир 1-го Дагестанского конного полка выслал запрашиваемые «письменные сведения». Позже прапорщик князь Ахмат-Хан Эльдаров перейдет на службу в Чеченский конный полк.

Прапорщик князь Науруз Наурузов, 24 года, уроженец селения Наурузово (Исламей). Сын известного кабардинского коннозаводчика и общественного деятеля прапорщика Таусултана Магометовича Наурузова, служившего офицером в Кабардинском конном полку. Награжден Георгиевским крестом 4-й степени.

Прапорщик Абдул-Азис Измаилович Шипшев, уроженец селения Докшукино (Кахун). 24 года. Кабардинский уздень. Награжден двумя Георгиевскими крестами.

Прапорщик Хабиж Хажибекирович Абдурахманов. Уроженец селения Кармово (Каменномостское). 37 лет. Кабардинский уздень. Награжден Георгиевским крестом 4-й степени.

Все они, произведенные за боевые отличия в прапорщики, станут достойным пополнением офицерского состава Кабардинского полка.

Запасную сотню 2-го Дагестанского конного полка в Галицию, на левобережье Днестра, привез эшелонами из Дагестана ротмистр князь Нух-бек Тарковский...

Поздней осенью 1914 года, когда 2-й Дагестанский конный полк в составе Кавказской конной дивизии начнет выдвижение на передовую линию фронта, в Темир-Хан-Шуре приступят к формированию 1-й запасной сотни всадников для предстоящего пополнения полкового состава. Тогда и будет удовлетворена просьба штаб-офицера для поручений при военном губернаторе Дагестанской области ротмистра Нух-бека Тарковского о переводе его на службу в армию. Но первоначально он останется в тылу, на своей родине, в Дагестане, так как 25 ноября 1914 года получит назначение на должность командира запасной сотни 2-го Дагестанского конного полка.

Из «Краткой записки о службе ротмистра запасной сотни 2-го Дагестанского конного полка Нух-бека князя Тарковского», составленной весной 1915 года, видно, что он родился 15 мая 1878 года. Происходил «из владетельных князей Шамхалов-Тарковских Дагестанской области». «Воспитывался в Симбирском кадетском корпусе, окончил полный курс и в Николаевском кавалерийском училище по 1-му разряду», откуда и выпущен 9 августа 1899 года.

Окончив в чине корнета Николаевское кавалерийское училище, князь Нух-бек Тарковский начнет службу в Дагестанском конном полку, где на девятьсот пятый год состоял полковым адъютантом. Шло время, а вместе с ним и повышение в чинах. «Ротмистром с 1910 года ноября 19», — записано в «Краткой записке» о службе Тарковского. Затем последует его назначение в штат управления военного губернатора офицером для поручений. За отличия по службе «в мирное время» Нух-бек Тарковский был награжден орденами — св. Станислава 3-й и 2-й степени и св. Анны 3-й и 2-й степени (без медей).

В марте 1915-го он прибудет со сформированной им запасной сотней на фронт, и той же весной состоится его перевод в основной состав полка. Так начнется служба ротмистра Нух-бека Тарковского в рядах Кавказской конной дивизии.

Несколько позже командир 2-го Дагестанского конного полка подполковник Гиви Иванович Амилахвари

в полковом приказе даст такую характеристику офицеру Тарковскому: «С первых же дней прибытия в полк ротмистр князь Тарковский принимал участие во всех делах полка, являя примерную доблесть и храбрость. Лично ведя всегда поручаемые ему части, он увлекал своих подчиненных на безусловно лихие дела, покрывая полк славой.

Отличный начальник, отзывчивый и добрый товарищ — он завоевал себе любовь и уважение как среди товарищей г.г. офицеров, так и среди всадников».

Из запасной сотни в действующий состав 2-го Дагестанского полка весной 1915 года будет переведен и прапорщик Абдул-Важид Имам Газалиев. В «Краткой записке» о его службе сказано, что он родился 3 января 1893 года, «из дворян, уроженец Гунибского округа, Дагестанской области». Воспитывался — «в Петровском Полтавском кадетском корпусе и в Тверском кавалерийском училище».

В декабре 1914 года, окончив четырехмесячный ускоренный курс обучения по 1-му разряду, прапорщик Газалиев получил назначение в запасную сотню 2-го Дагестанского полка в город Темир-Хан-Шуру; там вместе с ротмистром Тарковским участвовал в ее формировании, а затем и прибыл с пополнением на фронт.

В конце апреля 1915 года, в период обороны на Днестре, в состав 2-го Дагестанского полка войдет и тридцатипятилетний подполковник Джамалутдин Мусалаев. «Подполковник 1-го Дагестанского конного полка Мусалаев прикомандировывается к вверенному мне полку. Названного штаб-офицера зачислить в списки полка прикомандированным и полагать налицо с 26 сего апреля», — укажет в приказе полковой командир Амилахвари.

Так, числясь за 1-м Дагестанским полком, входившим в 3-ю Кавказскую казачью дивизию, Джамалутдин Мусалаев начнет свою службу во 2-м Дагестанском. Участник войны с Японией, он за храбрость в боях был награжден шестью орденами. С начала августа 1914 года участвовал в боях на Юго-Западном фронте.

* * *

Запасной сотней Чеченского конного полка командовал ротмистр Барасби Саляхович Мамышев, бывший помощник начальника Нальчикского округа. С началом

формирования Кабардинского конного полка он был зачислен в его состав, но по болезни не смог выехать с полком в Действующую армию. А затем приказом начальника Терской области генерал-лейтенанта Флейшера от 2 декабря 1914 года капитан Мамышев назначается «командиром запасной сотни Чеченского конного полка». И уже в середине декабря он прибывает в Грозный, где приступит к формированию сотни. Вскоре же последует его переименование из пехотных капитанов в ротмистры по кавалерии.

В «Краткой записке» о службе ротмистра Мамышева, составленной 1 декабря 1915 года, «на предмет его перевода в Чеченский конный полк» из запасной сотни записано: «Прибыл с запасной сотней в Чеченский конный полк и сдал сотню для занятий, с назначением младшим офицером в 3-ю сотню — 1915-го марта 6-го». И далее: «Командирован для формирования 2-й очереди — 1915-го апреля 13».

Это значит, что весной Барасби Саляховичу не удалось перейти в основной состав Чеченского полка, чтобы принять участие в боевых действиях. Он вновь вернется в город Грозный...

В начале марта 1915 года на службу в Чеченский полк переводится подпоручик 187-го пехотного Аварского полка Магомет-Батыр Султанович Тукаев, переименованный в корнеты по кавалерии. Согласно «Краткой записке о службе», он родился 23 октября 1892 года, «сын капитана из чеченцев». Полученное образование — «окончил полный курс во Владикавказском реальном училище» и Александровское пехотное училище в Москве по 1-му разряду. Холост.

В составе 187-го пехотного полка Магомет-Батыр Тукаев «участвовал в боевых действиях в Балиградской операции с 12 по 21 декабря 1914 года и в боях за обладание проходами Карпат — с 9 января 1915 года», то есть сражался в тех же местах, где вела бои и Кавказская конная дивизия. В первом же приказе по 8-й армии о награждении от 1 января 1915 года значился и подпоручик Тукаев, который «за отличия в делах против австрийцев награжден орденом св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость». За доблесть в боях в Карпатах он получит и орден св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом.

Весной 1915 года приехал из Грозного на службу в Чеченский полк тридцатипятилетний штабс-ротмистр Мартазан Мусаевич Куриев. «Офицер Терской охранной

стражи штабс-ротмистр Куриев переводится в Чеченский конный полк», — сказано в документе.

В то время в полку уже служил его родственник, прапорщик Умат-Гирей Куриев, который в боях заслужит три ордена и производство в чин поручика.

* * *

В составе запасной сотни Ингушского конного полка, прибывшей в марте пятнадцатого года с пополнением в Кавказскую конную дивизию, находился подпоручик Созерко (по документам Сосырко) Мальсагов, уроженец селения Альтиево в Ингушетии.

Его отец, прапорщик Артаган Орцу-Хаджиевич Мальсагов, помощник командира сотни Терской постоянной милиции, происходил «из почетных жителей Терской области». Являлся ветераном службы в лейб-гвардии Кавказском эскадроне, входившем в конвой императора Александра II. В рядах Терско-Горского конно-иррегулярного полка он участвовал в войне с Турцией (на Балканах) — «в Европейской Турции в 1877 и 1878 годах». В боях прапорщик Мальсагов заслужил ордена св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» и св. Анны 3-й степени с мечами и бантом, «для нехристиан установленные», а также был награжден румынским крестом «За переход через Дунай».

В послужном списке прапорщика Артагана Мальсагова, составленном 12 октября 1911 года, в разделе о семейном положении, записано: «Вдов, имеет сыновей: Магомета, родившегося 12 января 1885 года, Сосырко — 17 июня 1895 года и Ахмеда — 1 января 1888 года...»

Сын Артагана, подпоручик Созерко Мальсагов — уже прошедший через бои офицер, стремился перевестись из запасной сотни в боевой строй, и командир Ингушского полка полковник Мерчуле в начале мая 1915 года составил «Краткую записку о службе подпоручика запасной сотни Ингушского конного полка Сосырко Артахановича Мальсагова, представляемого к переводу в Ингушский конный полк».

Из сведений, приведенных в «Записке», следует, что родился он в 1895 году. «Сын прапорщика, уроженец Терской области». Холост.

«В службу вступил из кадет Воронежского Михайловского кадетского корпуса» юнкером в Александровское военное училище 31 августа 1912 года. По окончании «курса наук» по 1-му разряду произведен в подпо-

ручки с направлением на службу в 29-й Сибирский стрелковый полк 12 июля 1914 года. «Прибыл в полк — августа 21 того же года».

И сразу же довелось подпоручику Мальсагову стать участником боевых действий на Северо-Западном фронте. Месяц спустя, 19 сентября, он «был ранен в бою с германцами и эвакуирован на излечение в военный госпиталь». За «отличия в делах против германцев» Созерко Мальсагов награждается «орденом св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом». После госпиталя, на основании телеграммы штаба Кавказского военного округа от 1 декабря 1914 года, он будет направлен в запасную сотню Ингушского полка.

И вот теперь, в мае 1915-го, подпоручик Мальсагов, переименованный в корнеты, переводится в боевой строй Ингушского конного полка, в рядах которого служил его старший брат Ахмед, к этому времени награжденный Георгиевским крестом 4-й степени за декабрьские бои и медалью «За храбрость» 4-й степени, заслуженной им в феврале при взятии деревни Цу-Бабино за то, что «у села Цу-Бабино под огнем противника выказал выдающееся мужество и храбрость». Весной того же пятнадцатого года Ахмед Артаганович Мальсагов заслужит еще два Георгиевских креста и производство в чин вахмистра.

Из запасной сотни в Ингушский полк весной 1915 года будет переведен и подпоручик Дунда Добриев.

«Краткая записка о службе подпоручика Дунды Арсанаквича Добриева», составленная в марте 1915 г. в связи с переводом его «из запасной сотни в полк», о нем свидетельствует:

«Родился 1894 г. 7 ноября. Сын прапорщика Терской милиции. Окончил курс во Владикавказском кадетском корпусе и в Павловском военном училище по 1-му разряду.

В боях с августа 1914 г. в 41-м Сибирском стрелковом полку. Награжден — св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» — 9 декабря 1914 г.

Был контужен в голову 27 сентября 1914 г.

Высочайшим приказом 13 февраля 1915 г. переведен на службу в запасную сотню Ингушского конного полка».

Итак, с весны 1915 года подпоручик Дунда Добриев, переименованный в корнеты, служил в Ингушском полку, в составе которого находился его отец — прапорщик Арсанак Добриев, участник войны с Японией; позже войдут в полковой строй после окончания военных учи-

лиц его родной брат, прапорщик Дудар Добриев, и родственник, прапорщик Камбулат Добриев.

За боевые отличия в рядах Ингушского конного полка офицер Дунда Добриев будет награжден четырьмя орденами.

* * *

Весной 1915 года пополнился и офицерский состав Черкесского конного полка.

В конце апреля с Северо-Западного фронта прибыл переведенный из 3-й кавалерийской дивизии ротмистр 3-го гусарского Елизаветградского полка Крым Селетович Султан-Гирей — представитель широко известного на Северном Кавказе черкесского рода Гиреев, происходящих от крымских ханов, родственник уже служившего в Черкесском полку Келеча (Жлыча) Султан-Гирея. В его послужном списке в пункте «Из какого звания происходит» указано — «Из потомков крымских Гиреев».

Родство Крыма Султан-Гирея, известного в документах и как Султан Крым-Гирей, с крымскими ханами у его сослуживцев по Кавказской конной дивизии ассоциировалось с княжеским происхождением. Вот как писал о нем офицер Ингушского полка Анатолий Марков в своих воспоминаниях, опубликованных в парижском журнале «Военная Быль» (он знал Крыма Селетовича по совместной службе в 3-й бригаде): «...князь Султан Крым-Гирей... был старшим в черкесском княжеском роде Гиреев, пользовался среди своих единоплеменников огромным авторитетом и имел, как и все Гирей, чрезвычайно представительную внешность».

Крым Султан-Гирей родился в одном из адыгских аулов на Кубани 21 ноября (по другим данным 28 ноября) 1876 года. Как указано в послужном списке, общее образование он получил «домашнее». Как и большинство представителей рода Гиреев, Крым Селетович посвятил себя военной службе, и в неполные двадцать лет, 28 августа 1896 года, как того требовали правила, вначале вступает «на правах вольноопределяющегося рядового звания» в 9-й драгунский Елизаветградский полк, находившийся в Виленском военном округе. А уже 3 сентября полковой командир направляет его для прохождения курса учебы в Тверское кавалерийское училище.

Окончив по 1-му разряду училище, в чине корнета

Крым Султан-Гирей вернется в свой полк. Весной 1903 года последовало его производство в поручики, а осенью, согласно приказанию штаба Виленского округа, он был «прикомандирован по климатическим условиям на 1 год к 1-му Екатеринодарскому полку Кубанского казачьего войска, куда и отправился — 1903-го октября 8».

Но в своих родных местах, на Кубани, ему доведется прослужить немногим более полугода. В связи с начавшейся войной России с Японией и формированием двух Кубанских сотен (из черкесов и карачаевцев), вошедших наряду с Кабардинской, Осетинской, Чеченской и Ингушской сотнями в Терско-Кубанский полк Кавказской конной бригады, поручик Крым Султан-Гирей весной 1904 года «Высочайшим приказом переведен в Терско-Кубанский конный полк с переименованием в сотники».

1 июля вместе с полком он прибыл в китайский город Ляоан. Спустя несколько дней уже участвовал в боях с японцами и менее чем за год боевых действий в Маньчжурии был награжден шестью орденами. Обратимся к послужному списку Крыма Селетовича Султан-Гирея, где содержатся и записи, связанные с его подвигами в боях против японцев:

«...За отличия в делах 18—19 июля 1904 г. у Лагоулина награжден орденом св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» — 1904-го сентября 18.

...За отличия в делах против японцев с 25 сентября по 3 октября на р. Шахэ награжден орденом св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом — 1904-го ноября 18.

...За отличия в бою под Ляолином с 12 по 25 августа награжден орденом св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом — 1904-го ноября 3.

...За разносторонние отличия в делах против японцев награжден орденом св. Станислава 2-й ст. с мечами — 1905-го мая 19.

...За отличия в боях с японцами при набеге отряда генерал-адъютанта Мищенко на Факумын с 2 по 11 мая 1905 г. награжден орденом св. Анны 2-й ст. с мечами — 1905-го июня 26.

...За отличия в делах с японцами 8 февраля 1905 г. при взрыве Ханченского железнодорожного моста награжден орденом св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом».

По завершении Японской кампании Крым Султан-Гирей в феврале 1906 года прибыл с полком в город

Владикавказ — «место расформирования полка» и уже наступившей весной, 10 апреля, Высочайшим приказом вновь переводится на службу в 9-й драгунский Елизаветградский полк, с переименованием в поручики. 1 сентября последовало его производство в штабс-ротмистры.

Вся дальнейшая служба Султан-Гирея проходила в 9-м драгунском, с 1907 года — 3-й гусарский Елизаветградский полк в Виленском военном округе. Он возглавлял полковую учебную команду. Затем, как отмечено в послужном списке, был «командирован в Офицерскую кавалерийскую школу и сдал должность начальника учебной команды — 1911-го октября 24». По окончании курса учебы в школе вернулся в полк.

Во всех послужных документах, известных по ноябрь 1915 года, о семейном положении Крыма Султан-Гирея записано: «Холост».

С сентября 1914-го Крым Селетович в рядах 3-го гусарского Елизаветградского полка участвовал в боях с немцами на Северо-Западном фронте, в октябре назначен командиром эскадрона. А в начале ноября начальник 3-й кавалерийской дивизии получил из Петрограда из Главного штаба телеграмму: «Штабс-ротмистр гусарского Елизаветградского полка Султан-Гирей Высочайшим приказом 2 ноября сего года произведен в ротмистры».

После этого пройдет около четырех месяцев, и в середине февраля 1915-го за героизм, проявленный в боях у города Гродно, командир 3-й кавалерийской дивизии представит его к награждению чином подполковника. Высочайший приказ об этом последует 18 июня, а в Черкесский конный полк Крым Селетович прибудет в конце апреля, еще будучи в чине ротмистра. Позже полковой адъютант корнет Иван Игнатьевич Верига сообщит в штаб Кавказской конной дивизии: «На № 2540. Подполковник Султан-Гирей получил чин за защиту Свято-янского моста на реке Неман у Гродно 9 и 10 февраля 1915 года...»

30 апреля последует приказ командующего Юго-Западным фронтом о награждении за боевые отличия чином прапорщика по Черкесскому конному полку: участника войны с Японией адыгского узденя юнкера Асланбека Шарданова и урядников Сеит-Бия Крымшамхалова и Магомет-Гери (Магомет-Гирея) Крымшамхалова, происходивших из карачаевского княжеского рода. В полковом списке офицеров, по данным с 5 июня по август 1915 года, о них приведены следующие сведения:

«Прапорщик милиции Аслан-Бек Шарданов.

Родился — 1874 г. сентября 1. Магомеданского вероисповедания.

Из дворян, уроженец Кубанской области. Образование — общее — 2-го разряда. Холост.

Нижний чин — 1893 г. Юнкер милиции — 1907 г. Прапорщик — 1915 г. 30 апреля.

Младший офицер с 18 мая 1915 г. в 3-й сотне.

1904 г. — Георгиевский крест 4-й ст.

1915 г. — Георгиевские кресты 2-й и 3-й ст.

1915 г. — орден св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом».

В дальнейшем прапорщик Асланбек Шарданов за отвагу в боях заслужит ордена св. Анны 3-й степени с мечами и бантом и св. Станислава 2-й степени с мечами.

Прапорщик милиции Сеит-Бий Крымшамхалов.

Родился — 1888 г. мая 15. Магомеданского вероисповедания.

Из дворян Кубанской области. Образование домашнее. Холост.

Нижний чин — 1914 г. 11 сентября. Прапорщик — 30 апреля 1915 г.

Младший офицер 3-й сотни.

1915 г. — Георгиевские кресты 3-й и 4-й ст.».

В 1916 году Сеит-Бий Крымшамхалов, за боевые отличия произведенный в подпоручики милиции, Высочайшим приказом будет переименован в корнеты по кавалерии. В боях заслужит шесть наград, став кавалером Георгиевского оружия.

«Прапорщик милиции Магомет-Гери Крымшамхалов.

Родился — 1888 г. февраля 16. Магомеданского вероисповедания.

Из дворян Кубанской области. Холост. Образование общее — 2-го разряда.

Нижний чин — 1914 г. сентября 11. Прапорщик — 1915 г. апреля 30.

Георгиевские кресты 3-й и 4-й ст. — 1915 г.

Младший офицер 3-й сотни».

В 1916 году, произведенный за отвагу в боях в подпоручики милиции, Магомет-Гери Крымшамхалов Высочайшим приказом переименовывается в корнеты по кавалерии. Будет удостоен пяти наград, став кавалером ордена св. Георгия 4-й степени и Георгиевского оружия.

В апреле 1915 года, в дни «обеспечения линии Днестра», произошли некоторые изменения в командном составе дивизии. В связи с переходом на место новой службы командира 3-й бригады генерал-майора Николая Петровича Вадбольского, награжденного за мужество в декабрьских боях Георгиевским оружием, «Высочайшим приказом, последовавшим 1 апреля с. г., командующий 10-м Донским казачьим полком генерал-майор Краснов назначен командующим 3-й бригадой Кавказской туземной конной дивизии», — говорилось в приказе по 9-й армии.

Петр Николаевич Краснов происходил из донских казаков, участник русско-японской войны. С августа 1914-го в чине полковника командовал в боях с немцами 10-м Донским казачьим полком, в ноябре за боевые отличия произведен в генералы. И вот теперь сорокашестилетний генерал-майор Краснов стал командиром Кавказской бригады, состоявшей из Черкесского и Ингушского конных полков.

22 апреля командующий Кавказской конной дивизией генерал-майор Свиты Его Величества великий князь Михаил Александрович издаст приказ № 88, в котором объявлялось: «Отъезжая сего числа на некоторое время с разрешения командующего корпусом в Россию, предписываю на время Моего отсутствия во временное командование дивизией вступить генерал-майору князю Багратиону, во временное командование 1-й бригадой — полковнику графу Воронцову-Дашкову и во временное командование Кабардинским конным полком — полковнику Бековичу-Черкасскому».

Итак, шел апрель 1915 года. Полки Кавказской конной дивизии стояли на охране левобережья Днестра. Отбивались попытки групп противника переправиться на занимаемый ими берег реки, проводилась разведка. К тем дням относятся события, отображенные в приказе командира 2-го кавалерийского корпуса о награждении Георгиевскими крестами всадников дивизии.

Черкесского конного полка:

«Всадник Рамазан Шхалахов — 4 ст. № 273531.

С 25 на 26 апреля, находясь в секрете на берегу реки

Днестра, у села Котельники, и обнаружив попытку противника переправиться на наш берег, своевременно дал знать об этом на заставу, открыл огонь по лодке противника и заставил ее спешно вернуться обратно».

«*Ст. урядник Ибрагим Тлехас — 4 ст. № 273506.*

Стоя в секрете, отразил наступление противника».

Кабардинского конного полка:

«*Мл. урядник Берд Хапцев — 4 ст. № 259632.*

В разведке, будучи окружен противником, с риском для жизни пробился к своим».

«*Мл. урядник Абдул Шипшев — 3 ст. № 44368.*

Мл. урядник Кушби Ахохов — 3 ст. № 44369.

17 апреля, вызвавшись охотниками, произвели точную разведку противника, своевременно о том сообщили и не допустили противника приблизиться к берегу Днестра».

«*Ст. урядник Исмаил Гемуев — 4 ст. № 272999.*

Ст. урядник Маша Мидов — 4 ст. № 273000.

Вызвавшись охотниками, успешно выполнили опасную разведку».

26 апреля в районе расположения частей Кавказской конной дивизии 33-й армейский корпус, а за ним 3-й кавалерийский, входившие в 9-ю армию, форсировали Днестр и начали успешное наступление в юго-западном направлении по территории Буковины к Пруту. Вслед за ними переправилась на днестровское правобережье 12-я кавалерийская дивизия генерала Маннергейма из состава 2-го кавалерийского корпуса. Кавказские полки продолжали «нести службу по охране своих участков».

Но вот генерал-майор Багратион получил приказ, и в ночь на 29 апреля переправилась вплавь через Днестр «у Ивание некоторая часть 1-й бригады, — свидетельствует «Конспект» боевых действий дивизии. — Выслана разведка на Городницу и Поточиску. Днем у Усечко по наведенному понтонному мосту переправилась 2-я бригада.

И в первый же день боев на правобережье Днестра проявили героизм всадники Кабардинского конного полка, награжденные, согласно представлению полковника Бековича-Черкасского, Георгиевскими крестами:

«*Мл. урядник Али-Султан Шакманов — 2 ст. № 7901.*

Всадник Шохай Боттаев — 4 ст. № 281591.

Всадник Хаджимуса Соттаев — 4 ст. № 281592.

Будучи 29 апреля в разъезде у деревни Городнице,

увидели 7 германских кавалеристов, захвативших 2 гродненских гусар; по собственной инициативе бросились в атаку и освободили из плена гусар. Мл. урядник Али-Султан Шакманов 29 апреля, будучи ранен, оставался в строю до конца боя».

В списке потерь Кабардинского конного полка на конец апреля 1915 года будет указан и балкарский таубий «младший урядник Шакманов Али-Султан, Хуламского общества. Тяжело ранен в бою у дер. Городнице. Отправлен в передовой перевязочный отряд при Кавказской туземной конной дивизии». А из свидетельства о ранении «старшего урядника Кабардинского конного полка Али-Султана Шакманова, 33 лет от роду», выданного позже «комиссией 72-го Сводного эвакуационного госпиталя Нахичевани-на-Дону» — в пригороде Ростова, становится известно, что в бою 29 апреля на правом берегу Днестра он получил перелом верхней части левого бедра «вследствие огнестрельного ранения в области бедра».

После госпиталя врачебная комиссия направит Шакманова на полгода на родину «для поправления здоровья», но тяжелое ранение более не позволит ему вернуться в полк. 20 декабря 1915 года приказом командующего Юго-Западным фронтом кавалеру трех Георгиевских крестов уряднику Али-Султану Шакманову «за оказанные им в делах против неприятеля отличия» присваивается чин юнкера милиции.

«Мл. урядник Тита Баждугов — 1 ст. № 13139.

Мл. урядник Берд Ханцев — 3 ст. № 44632.

Ст. урядник Келлет Ульбашев — 3 ст. № 44633.

При переправе через Днестр 29 апреля 1915 г., будучи в разъезде, смело ворвались в деревню Прилипча, выяснили, что она занята эскадронном противника, и под сильнейшим огнем неприятеля захватили 3 пленных, которых и доставили в полк».

Урядник Тита Кягович Баждугов, награжденный Георгиевским крестом 1-й степени, родился в 1884 году в селении Муртазово (Дейское) в Малой Кабарде...

* * *

Всадник Кабардинского полка Жамалдин Шуков за отвагу, проявленную 29 апреля при форсировании Днестра, полковником Бековичем-Черкасским был представлен к медали «За храбрость» за то, что он, как и пятеро его однополчан во главе с корнетом Констан-

тином Кодзаевым, «при форсировании переправы через Днестр первыми... вызвались охотниками переправиться через Днестр, что и выполнили с явную опасностью для жизни».

Приказ командира 2-го кавалерийского корпуса о награждении всадников Кабардинского полка, отличившихся при форсировании Днестра и в боях на его правом берегу, будет объявлен 1 августа 1915 года. Но всадник Жамалдин Шуков уже не узнает о том, что награжден медалью «За храбрость» 4-й степени, как и о том, что приказом по корпусу от 3 мая ему пожалован Георгиевский крест 4-й степени за спасение в бою «раненого командира сотни». Это произошло еще в Карпатах в ночь с 17-го на 18 декабря 1914 года при штурме деревни Ветлино, когда был ранен командир 2-й сотни штабс-ротмистр Михаил Филаретович Леус.

В «Списке военным чинам Кабардинского конного полка, убитым, пропавшим без вести и взятым в плен неприятелем, а также раненым и контуженым» в апреле — мае 1915 года сделана и вот эта запись: «Шуков Жамалдин — 3-е Атажукино. В бою 29 апреля у дер. Городнице пропал без вести».

Из приказа по Кавказской конной дивизии исполнявший обязанности командира Кабардинского конного полка полковник Федор Николаевич Бекович-Черкасский знал, что еще 23 марта 1915 года Верховный Главнокомандующий российской армией великий князь Николай Николаевич объявил всем военным «начальствующим лицам, чтобы Георгиевские кресты и Георгиевские медали, оставшиеся после убитых в сражениях нижних чинов, при малейшей к тому возможности отправлялись на родину нижнего чина для вручения его родителям» или близким родственникам.

Исходя из этого, Бекович-Черкасский 4 июня направил в Нальчик начальнику округа подполковнику Клишбиеву отношение. В нем говорилось, что «при сем» препровождается Георгиевский крест 4-й степени, который он просит «выдать» родителям урядника вверенного ему полка Жамалдина Шукова, «тяжело раненого и оставшегося на поле сражения у дер. Городнице 29 апреля сего года».

Из Нальчика Султанбек Касаевич Клишбиев направил награду со своим предписанием в селение Атажукино 3 (Куба) для «выдачи» Георгиевского креста «родителям урядника Кабардинского конного полка Жамалдина

Шукова». Сельский старшина вручит награду его матери Дасусе Шуковой.

Потом она направит прошение Пятигорскому уездному воинскому начальнику: «Родной мой сын, Жамалдин Шуков, поступил добровольцем в Кабардинский конный полк и в бою при дер. Городнице пропал без вести. На поданное мною заявление Военно-справочное бюро сообщило, что сын мой в числе пленных не значится.

...Мне прислан Георгиевский крест 4-й степени за № 259620, пожалованный моему погибшему сыну».

И далее в прошении Дасусы Шуковой говорилось: «Доложив сказанное, я покорнейше прошу Ваше Высокоблагородие возбудить ходатайство о выдаче мне, как матери названного сына, согласно Высочайше утвержденному 10 августа 1913 г. Георгиевского статута, установленной годовой пенсии».

Пятигорский уездный начальник полковник Григорий Антонович Аджемов прошение Дасусы Шуковой со своим ходатайством о назначении ей пенсии за погибшего сына направит в Действующую армию — в Кабардинский конный полк. В начале 1916 года оттуда в Нальчикский округ будет прислан соответствующий «Аттестат» с правом на получение пенсии матерью Жамалдина Шукова, «по имеющемуся у него Георгиевскому кресту 4-й степени за № 259620, пожалованному за спасение раненого командира сотни...».

* * *

30 апреля продолжалось наступление российских войск на правобережье Днестра к западу и юго-западу в направлении на города Коломыя и Снятын на Пруте. Активно участвовал в боевых действиях и 2-й кавалерийский корпус. О событиях 30 апреля в «Конспекте» боевых действий Кавказской конной дивизии записано: «Конный отряд генерала Маннергейма двигался на Гвоздец.

Кавказская туземная конная дивизия преследовала противника через Киселевку на Веренчанку. Бой 1-й и 2-й бригад дивизии со спешенной конницей противника у Веренчанки. Захвачено — 31 пленный, 1 бомбомет, 60 бомб и 120 ручных гранат».

1 мая кавказские полки, преодолевая ожесточенное сопротивление австрийских и германских войск, выходят к реке Прут в районе города Снятын. «2-я бригада заняла

дер. Неполокуту. 1-я и 3-я бригады — заняли дер. Белелуя и Устье-над-Прутом. Противник отошел на заблаговременно сильно укрепленную позицию по высотам к югу от линии р. Прут», — записано в «Конспекте» боевых действий дивизии.

* * *

В один из тех дней в боях на правобережье Днестра всадники Кавказской конной дивизии взяли в плен двадцатитрехлетнего солдата австро-венгерской армии, хорвата по национальности, Иосипа Броз Тито (в рядах неприятельских войск на Юго-Западном фронте находились многие мобилизованные на войну югославы, чехи, словаки, входившие в состав Австро-Венгерской империи).

Историк Самир Хамидович Хотко в книге «Черкесские мамлюки», вышедшей в 1993 году в Майкопе, приводит отрывок из воспоминаний Тито, с описанием факта его пленения: «На том участке фронта, где находился мой батальон, русские были остановлены ружейным огнем, но соседний батальон, на правом фланге, не устоял. Здесь был осуществлен прорыв черкесской конницей из «дикой дивизии».

Черкесы окружили нас... и с пиками в руках атаковали с тыла наши окопы. Мы даже и не заметили, как они появились и ринулись прямо в наши окопы. Один из них с двухметровой пикой кинулся на меня, однако я, как искусный фехтовальщик, отразил нападение штыком. Вдруг я почувствовал страшный удар в спину. Обернувшись, увидел искаженное лицо другого черкеса и огромные черные глаза под густыми бровями...»

В «Советской Военной Энциклопедии» об этом событии в жизни Иосипа Броз Тито сказано: «Весной 1915 г. был ранен, попал в плен в Россию».

И кто знает, как сложилась бы дальнейшая судьба Тито, не оказавшись он в тот весенний день плененным всадниками черкесами. Находясь же в России, он станет на сторону Советской власти и будет участвовать в Гражданской войне в Сибири. В 1920-м убежденным революционером вернется на родину. В будущем Иосип Броз Тито — генеральный секретарь югославской компартии, маршал, президент Социалистической Федеративной Республики Югославии...

2 мая 2-й кавалерийский корпус атаковал позиции противника на правом берегу реки Прут. В тот же день части 3-й бригады Кавказской конной дивизии овладели важными опорными пунктами врага — деревнями Видинов (Видиново) и Карлув (Карлов).

3 мая, как сказано в «Конспекте», «отбита неприятельская атака против сел. Карлув».

4 мая происходили стычки разъездов Чеченского конного полка «с неприятелем у дер. Бергомет», на южном берегу Прута, а сотня Чеченского полка атаковала в конном строю неприятельский эскадрон у Завалье и «опрокинула его».

В тот день, 4 мая, командир Чеченского конного полка полковник Фазула-Мирза Каджар приказал командиру 1-й сотни штабс-ротмистру Сергею Михайловичу Топоркову отбить у противника деревню Завалье, на южном берегу Прута. Скрытно, оврагом, поросшим густым кустарником, Чеченцы проникли в деревню и, зная из данных своих разведчиков о расположении в ней австрийских пехотинцев и германских кавалеристов, завязали уличный бой.

Войдя в деревню и точно зная расположение неприятеля, напишет потом в донесении штабс-ротмистр Топорков, «я рассыпал в цепь своих людей, заранее спешенных, и повел в наступление с востока на запад, обеспечив свой левый фланг разъездом в 7 человек под командой урядника Абубакара Эльдирханова, а с правой стороны разъездом в 6 человек под командой приказного Гавриила Тищенко, имея сзади пост для наблюдения за опушкой деревни, оставленный под командой всадника Багды Чараева.

Неприятель встретил наше наступление сильным ружейным огнем. Завязалась перестрелка...».

Бой за Завалье шел около часа, и Чеченская сотня уже почти овладела деревней, когда «старший поста Багда Чараев» спешно прислал всадника с известием, что с южной стороны к деревне «на помощь своим» приближается неприятельский эскадрон. Для отражения его атаки Топорков направил часть своих людей, которые вместе с разъездом урядника Абубакара Эльдирханова открыли ружейный огонь по германским кавалеристам. В то же время с другой стороны к деревне вышло около взвода пеших австрийцев. Заметив противника, «наш разъезд под командованием приказного Тищенко бро-

сился на него в атаку в конном строю, смял его и обратил в бегство».

Воспользовавшись обстановкой, писал в донесении штабс-ротмистр Топорков, «я обдал эскадрон частым огнем, заставив его повернуть, сам же с полусотней бросился вперед и обратил неприятеля в бегство, после чего деревня окончательно осталась за нами...».

В три часа ночи на 5 мая помощник командира 2-го Дагестанского конного полка ротмистр Арацхан Хаджимуратович Хаджи Мурат привел к деревням Карлов и Видиново на правом берегу Прута дивизион из двух сотен и, как он напишет в донесении командиру полка подполковнику Амилахвари, «занял деревни Карлов — Видиново, после отбитой Кабардинцами атаки неприятеля на первую из них». С приходом Дагестанцев всадники Кабардинского полка отошли на другую позицию.

Ротмистр Хаджи Мурат расставит свои сотни — 1-ю ротмистра Ираклия Андроникова и 2-ю штабс-ротмистра Аркадия Микашивидзе по боевым участкам. В семь часов утра противник пехотой пошел в первую атаку «на левую половину участка Карлов, начальником коего был корнет Имам Газалиев».

Далее в своем донесении ротмистр Хаджи Мурат укажет, что в результате энергичного наступления, «засылав наши передовые части ружейным огнем, противнику удалось занять несколько халуп, находящихся впереди участка корнета Имама Газалиева у полотна железной дороги. Корнет Газалиев, руководимый опытным своим командиром штабс-ротмистром Микашивидзе, с помощью подошедших из моего резерва 10 спешенных всадников... перешел в смелую контратаку и не только отбил атаку, но и выгнал противника из халуп, что у полотна железной дороги, занял их, нанеся серьезные потери противнику, причем был убит при поспешном отступлении из халуп австрийский унтер-офицер (3 звездочки на воротнике)...».

В течение всего дня 5 мая противник вел ружейный и артиллерийский огонь по позициям Дагестанских сотен, а около девяти часов вечера вновь пошел в наступление пехотой и конными группами. И снова его главный удар пришелся на «участок корнета Имама Газалиева». Но и в этот раз наступление «было им вновь отбито, и к 2 часам ночи» противник отошел «обратно». А в четыре часа утра 6 мая дивизион 2-го Дагестанского пол-

ка, возглавляемый ротмистром Хаджи Муратом, был сменен другой частью.

В своем донесении командиру полка Хаджи Мурат, отмечая блестящее поведение в бою офицеров и всадников, особо выделит «лихость молодого корнета Имама Газалиева с опытным руководством штабс-ротмистра Микашивидзе».

Из «Конспекта» боевых действий Кавказской конной дивизии:

5 мая. Частями 1-й бригады отбиты атаки противника на деревни Видиново и Карлов.

6 мая. Дивизии поручено обеспечить обороной участок по левому берегу Прута от деревни Видиново до района Снятын. Правее — 9-я кавалерийская дивизия. Левее — отряд генерала Можнина.

На фронте артиллерийский огонь и ружейная перестрелка.

9 мая. Отбита атака неприятеля у деревни Карлов.

11—14 мая. Дивизии поручено обеспечивать участок от Видиново до деревни Будулув. На фронте обычный артиллерийский огонь.

Наши разведчики прошли до проволочных заграждений противника.

15 мая. Обычная перестрелка. В 7 часов вечера неприятельская тяжелая артиллерия разрушила железнодорожную станцию Видиново.

Усиленная разведка 3-й бригады...

После тех событий пройдут три месяца. И когда 5 августа 1915 года великий князь Георгий Михайлович от имени царя Николая II вручит ряду всадников Ингушского конного полка Георгиевские кресты, то награды эти будут как за ту «усиленную разведку», проведенную 15 мая на берегах Прута, так и за другие совершенные ими боевые отличия в те апрельские и майские дни.

«Вахмистр Ахмед Мальсагов — 2 ст. № 12697.

Ст. урядник Алисхан Плиев — 2 ст. № 12684. Под огнем противника исполнили важное поручение.

Мл. урядник Ахмет Оздоев — 3 ст. № 80074. Вызвался охотником и донес важное донесение.

Ст. урядник Гусейн Костоев — 3 ст. № 80073. Будучи старшим в секрете, обнаружил наступление противника.

Ст. урядник Дорисман Мерчуле — 3 ст. № 80079.

Ст. урядник Муса Мальсагов — 3 ст. № 80100. Разведали и доставили важные сведения.

Ст. урядник Хаспот Кортюев — 3 ст. № 80065. За убыльню офицеров поддерживал порядок в своем взводе...»

16—24 мая. Обычная артиллерийская и ружейная перестрелка на участке обороны дивизии, записано в «Конспекте» боевых действий. Велись в те дни и поиски разведывательных партий.

Из приказов о награждении всадников Кабардинского полка.

Награждены Георгиевскими крестами:

«Приказный Хачеф Аваров — 4 ст. № 406251.

Приказный Атту Черкесов — 4 ст. № 406364.

В бою 20 мая, будучи старшими в вылазке, уничтожили неприятельские посты».

Награждены медалями «За храбрость» 4-й степени:

Всадник Ибрагим Бабитов.

Всадник Мурат Махотлов.

Всадник Гиса Шаов.

«В ночь с 23 на 24 мая под Видиновым вызвались охотниками на разведку неприятельской позиции и под сильнейшим огнем противника дошли до проволочного заграждения и доставили ценные сведения о числе и расположении противника».

Ситуация на берегах Прута складывалась сложная. В штабе Кавказской дивизии из донесений разведчиков знали, что противник накапливает силы и в любой день возможен его переход в наступление. Но и в той тревожной ситуации начальник дивизионного штаба полковник Яков Давидович Юзифович, прошедший через Японскую войну, награжденный тогда пятью орденами (среди которых св. Владимира 4-й степени) и прекрасно знавший цену и значение на фронте наградам, 24 мая извещает командира Чеченского полка полковника принца Фазула-Мирзу Каджара о прохождении представлений к наградам на его офицеров за боевые отличия в «разновременных боях»:

«Вверенного Вам полка штабс-ротмистры: Кужуев, Топорков и Чермоев, корнеты: Тукаев и Пошев*, пра-

---

* Корнет Абдул-Азис Пошев за храбрость, проявленную в декабрьских боях 1914 года, был представлен к Георгиевскому оружию, которое было заменено награждением орденом св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом.

порщик милиции Берсанов и прикомандированный к вверенному Вам полку поручик Флерин представлены Августейшим командиром дивизии к награждению орденом св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом.

Наградные представления направлены командиру 2-го кавалерийского корпуса при рапорте командующего дивизией».

23 июля 1915 года последует Высочайший приказ Николая II о награждении орденами офицеров Кавказской конной дивизии. Среди них будут и те, кого 24 мая полковник Юзефович называл в своем отношении к командиру Чеченского конного полка:

«Государь император Все милостивейше соизволил пожаловать за отличия в делах против неприятеля ордена:

Св. Равноапостольного князя Владимира 4-й степени с мечами и бантом:

Чеченского конного полка:

Штабс-ротмистрам: Абдул-Меджиду Кужуеву,

Сергею Топоркову,

Абдул-Меджиду Чермоеву.

Призванному из запаса армейской кавалерии в Чеченский конный полк поручику Николаю Флерину.

Корнетам: Абдул-Азису Пошеву и

Магомету Тукаеву;

Прапорщику Мухарбию Берсанову».

* * *

После 2 мая наступление российских войск в междуречье Днестра и Прута неприятелем было остановлено. И даже прорыв на южный берег Прута уже не мог способствовать их продвижению по Буковине, в связи с общей обстановкой, складывающейся на всем Юго-Западном фронте, и главным образом на его южном фланге. Здесь с 19 апреля крупные силы германских и австро-венгерских войск начали Горлицкий прорыв в направлении на Перемышль и Львов и, вновь заняв их, устремились на восток, заставляя отступать русские корпуса и дивизии.

Удар, предпринятый в конце апреля войсками 9-й армии, в том числе и Кавказской конной дивизией, по форсированию Днестра и продвижению к Пруту, имел конечно же главной целью отвлечь на себя часть сил неприятеля и как-то сдержать его наступление на главном направлении. В течение недели наступательных боев в Буковине российские войска добились здесь значительных успехов. Но затем вынуждены были остановиться и

перейти к обороне по левому и правому берегу Прута, противостоя противнику, наращивавшему свои силы.

И вот запись в «Конспекте» боевых действий Кавказской конной дивизии за 25 мая: «Переход неприятеля в общее наступление. Бой 1-й и 3-й бригад у дер. Видинов (Видиново) и дер. Тулава».

Первый удар с утра приняли на себя четыре сотни Кабардинского и 2-го Дагестанского полков, занимавшие позиции на правом — южном — берегу Прута у деревень Видиново и Карлов, на другой стороне которого находились деревни Тулава и Устье-над-Прутом. Вначале на них обрушился огонь вражеской артиллерии, потом ударили пулеметы, а затем пошла в наступление германская и австро-венгерская пехота. До полудня всадники Кабардинского и Дагестанского полков отбивали атаки неприятеля, пока на их правом фланге не начала отходить на левый берег Прута Саратовская ополченская дружина, не выдержавшая вражеского натиска. Буквально «на плечах дружинников» противник переправился через Прут и занял деревни Волчковце и Орелец, а часть его — около батальона пехоты — «стала обходить по берегу Прута правый фланг Кабардинцев», намереваясь окружить их и отрезать им путь отхода с правого берега на левый. Угроза окружения нависла и над сотнями 2-го Дагестанского полка.

Ввиду сложившейся тяжелой и угрожающей обстановки, командующий 1-й бригадой полковник Воронцов-Дашков отдал приказ полковнику Бековичу-Черкасскому и подполковнику Амилахвари начать отход с правобережья Прута на позицию на его левом берегу. «Первыми в конном строю стали отходить Дагестанцы к броду у деревни Устье-над-Прутом, — говорится в «Описании боевых действий» дивизии, — за Дагестанцами, шаг за шагом, под натиском противника отходили Кабардинцы. Перейдя Прут в пешем строю, 1-я сотня Кабардинского полка с двумя пулеметами заняла окопы у южной опушки деревни Тулавы».

Отход всадников Кабардинского полка прикрывала 4-я сотня штабс-ротмистра Вольдемара Константиновича Соколовского, контуженного в том бою, но оставшегося в строю. А потом на пути врага у деревни Видиново остался только взвод всадников во главе с прапорщиком Николаем Алексеевичем Ивановым, всего лишь немногим более двух месяцев назад зачисленным в полк из запасной сотни. «Здесь прапорщик Иванов со своим взводом,

расстреляв все патроны, — свидетельствует «Описание боевых действий» дивизии, — бросился на неприятеля в шашки, на время приостановил его, но сам был смертельно ранен в грудь тремя пулями. Всадникам, бывшим около него, прапорщик Иванов не позволил выносить себя, говоря: «Уходите, я все равно убит».

Благодаря стремительной атаке взвода противник задержался, что дало возможность сотням отойти и присоединиться к полку».

Посмертно прапорщик Николай Иванов будет награжден орденом св. Георгия 4-й степени.

Из «Краткой записки о службе» прапорщика Кабардинского конного полка Николая Алексеевича Иванова известно, что он родился 27 декабря 1894 года в городе Саратове, сын подполковника. Окончил Симбирский кадетский корпус, а 1 декабря 1914 года — ускоренный, в связи с войной, четырехмесячный курс обучения в Тверском кавалерийском училище, откуда и был направлен в Нальчик, в запасную сотню Кабардинского полка...

За доблесть, проявленную в бою у деревни Видиново, на берегу Прута, заслужит высокую награду — Георгиевский крест 1-й степени — двадцатиднолетний урядник Кабардинского полка Али Жанхотович Инароков, «из кабардинских узденей», о подвиге которого в наградном приказе скупно сказано:

«Мл. урядник Али Инароков — 1 ст. № 5803.

В бою 25 мая 1915 года произвел смелую разведку и доставил сведения, будучи старшим в секрете, открыл наступление неприятеля и своевременно донес об этом».

Для поддержки Кабардинского и 2-го Дагестанского полков, ведущих бой уже на левом берегу Прута, генерал-майор Багратион направил Черкесский конный полк, но ввиду все осложнявшегося положения в связи с начавшимся отходом частей 9-й кавалерийской дивизии, «в 8 часов вечера двинул всю 3-ю бригаду генерала Краснова». В бой вступил и Ингушский конный полк. Таким образом, своими отважными действиями всадники и офицеры Кабардинского, 2-го Дагестанского, Черкесского и Ингушского полков днем 25 мая и ночью на 26-е, дав отпор противнику, «спокойно отошли на главную позицию» и тем спасли положение русского отряда, состоявшего из пехоты и терских казаков, оборонявшегося в Снятыне.

Известно, что тогда Кабардинский полк потерял одного офицера погибшим и 22 всадника убитыми, ранеными и пропавшими без вести. В Ингушском конном

полку в течение ночи погибло пятеро всадников, четверо были ранены.

«26 мая. Арьергардный бой 1-й и 3-й бригад у села Устье-над-Прутом и деревни Тулава», — говорится в «Конспекте» боевых действий дивизии.

2-я бригада — Чеченский и Татарский полки — в то время находились в деревне Русов, на левом берегу Прута, составляя резерв командира 2-го кавалерийского корпуса.

26 мая тяжелый бой пришлось выдержать группе всадников Ингушского полка, проявивших героизм при отходе их части на новые позиции и приказом по 2-му кавалерийскому корпусу от 1 августа 1915 года награжденных Георгиевскими крестами:

«Урядник Сосланбек Каригов — 4 ст. № 281703.

Всадник Магомет Каригов — 4 ст. № 281705.

Урядник Хаджибекир Мальсагов — 4 ст. № 281706.

Всадник Хамзат Мальсагов — 4 ст. № 281708.

Вахмистр Бек-Султан Бекмурзиев — 1 ст. № 2913.

Всадник Паша Беков — 3 ст. № 64562.

Вызвавшись охотниками в бою 26 мая, отвлекли внимание противника и привлекли на себя его огонь...»

В те очень трудные для Кабардинского конного полка дни проявили в боях мужество поручик Даниил Сеоев, уроженец Осетии, служивший в полку с 1914 года, прапорщики Хакяша Докшочков и совсем недавно произведенные в офицеры Измаил Келеметов и Магомет Абаев.

5 июня командир Кавказской конной дивизии великий князь Михаил Александрович направит командующему 2-м кавалерийским корпусом рапорт: «Представляя при сем 4 наградных листа на офицеров Кабардинского конного полка, ходатайствую о награждении за боевые отличия, оказанные ими во время боев 26, 30 и в ночь с 26 на 27 мая».

К сожалению, этих наградных листов (как и многих других) в архивах разыскать не удалось. Сохранился «Список офицеров Кавказской туземной конной дивизии, представленных к награждению за боевые отличия», подписанный великим князем Михаилом Александровичем и начальником штаба полковником Юзефовичем, в котором указаны и представленные по Кабардинскому конному полку:

«Поручик Даниил Сеоев — к ордену св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом.

Прапорщик Хакяша Докшоков — к ордену св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом.

Прапорщик Измаил Келеметов — к ордену св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость».

Прапорщик Магомет Абаев — к ордену св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость».

Позже последуют приказы командующего 9-й армией генерала Лечицкого о награждении названных в списке офицеров Кабардинского полка «предназначенными» им орденами...

27 мая продолжался отход от Прута к Днестру войск 9-й армии. С боем оставляла свои позиции и Кавказская конная дивизия. Последним из ее частей отходил Ингушский полк. Еще в самом начале мая Ингуши после ожесточенного боя захватили весьма важное в стратегическом отношении село Устье-над-Прутом, откуда вели удобные броды для перехода на южный берег реки. Командир полка полковник Георгий Алексеевич Мерчуле «за бой у села Устье-над-Прутом 2 мая 1915 года» будет награжден орденом св. Владимира 3-й степени с мечами.

«Со 2-го мая на части Кавказской туземной конной дивизии, в том числе и на Ингушский конный полк, была возложена задача удерживать нами выдвинутую позицию на правом берегу Прута,— говорится в наградном листе на полковника Мерчуле.— Противник неоднократно пытался сбить полк с позиций, но всякий раз, благодаря инициативе и распорядительности командира полка полковника Мерчуле, терпел неудачу. Так продолжалось до 25 мая, когда противник обошел наш правый фланг и полки Кавказской туземной конной дивизии получили приказ прикрывать отход наших сил на позиции у Днестра.

На долю Ингушского полка выпало быть арьергардным полком дивизии. Тут во всей мере проявил свою воинскую доблесть полковник Мерчуле...»

К полудню 27 мая 3-я бригада дивизии, прикрывая отход частей от Прута, подошла к селу Ясенево-Польному, где полковник Юзефович приказал Георгию Алексеевичу Мерчуле остановиться с полком и здесь держаться до вечера, чтобы дать возможность отойти из городка Городенки штабу 2-го кавалерийского корпуса, обозам, медицинским отрядам и тыловым учреждениям.

Около двух часов дня батальон австрийской пехоты численностью свыше 400 человек занял село Топоронцы, находившееся на возвышенности, и, развернувшись

в густые цепи, стал спускаться к Ясеневу-Польному. В это время «жидкие цепи» спешенных Ингушей оказались под сильным огнем вражеской артиллерии. Под ее прикрытием австрийский батальон шел вперед, все ближе подходя к позициям, занимаемым Ингушским полком, и в любую минуту мог устремиться в атаку.

Видя это, полковник Мерчуле лично повел две сотни в конную атаку на австрийскую пехоту и настолько ошеломил противника, что «заставил австрийскую пехоту показать тыл. Преследуя бегущего противника, Ингуши истребили до 70 человек неприятеля, потеряв в этом деле 17 всадников и 9 коней».

«Лихая конная атака полковника Мерчуле», как свидетельствует наградное представление, заставила неприятеля приостановить наступление, и до самого вечера он больше атаковать не решился. А тем временем штаб 2-го кавалерийского корпуса и все «части наши успели очистить Городенку и переправиться за Днестр», на его левый берег. «Таким образом, благодаря исключительной доблести полковника Мерчуле, его личной отваге и мужеству, была блестяще выполнена задача, возложенная на 3-ю бригаду»,— писал в наградном листе исполнявший обязанности командира дивизии генерал Багратион.

В ночь на 28 мая Ингуши, последними из частей 2-го кавалерийского корпуса, переправились на левый берег Днестра, и полковник Мерчуле получил приказ взять своим полком под охрану участок «по линии Днестра»— «от Усечки до Залещиков». Вслед за ними подошли к Днестру австрийцы и немцы. Но «все попытки противника переправиться на наш берег были отбиты, причем полковник Мерчуле обходил лично позиции, ободрял до крайности измученных 4-х дневными непрерывными боями людей. Сам командир полка так же все эти 4 дня не отдыхал».

За период боевых действий Ингушского полка, свидетельствовал командир дивизии генерал-майор Багратион, «полковник Мерчуле обнаружил недюжинный военный талант, проявил редкую храбрость. Своим хладнокровием и настойчивостью он неоднократно выручал полк из крайнего положения.

Ходатайствую о награждении чином генерал-майора».

Наградное представление поддержит и командующий 2-м кавалерийским корпусом, но из штаба 9-й армии его возвратят, мотивируя тем, что за бои в мае полковник Мерчуле «уже был награжден орденом св. Владимира

3-й ст. с мечами и мечами к ордену св. Анны 2-й степени».

В ночь на 29 мая Ингушский полк был сменен другими частями дивизии. В то время на этом участке по Днестру уже находились 1-я бригада и Черкесский полк 3-й бригады.

2-я бригада в составе Чеченского и Татарского полков, начиная с дней отступления от Прута, действовала в отрыве от Кавказской конной дивизии, будучи приданной армейскому корпусу*.

* * *

Той же ночью на 29 мая под покровом темноты противник сосредоточил значительные силы пехоты в районе деревни Городницы и на рассвете, воспользовавшись густым туманом, начал переправу на понтонах на левый берег Днестра, высаживаясь у деревни Жежава. Австрийцев и немцев встретили огнем посты Дагестанской сотни и два пулемета прапорщика Муженкова, но, расстреляв все патроны и оказавшись обойденными слева и справа неприятелем, «сотня Дагестанцев и пулеметы стали отходить к роще, севернее леса», говорится в «Описании боевых действий» дивизии.

В то же время противник, заняв лес севернее деревни Жежава, стал там укрепляться, продолжая непрерывно переправлять на левый берег Днестра свою пехоту, продвигаясь к югу, в сторону города Залецики. «Таким образом, около 6 часов утра наша тонкая линия передовых наблюдательных частей, расположенных вдоль Днестра от Усечки до Залецики, оказалась прорванной противником».

Первым о переправе неприятеля на левый берег Днестра узнал полковник Илларион Илларионович Воронцов-Дашков, который немедленно «собрал по тревоге четыре сотни Кабардинцев и Дагестанцев» и спешно повел их в конном строю через фольварк Глушка к деревне Жежава.

Когда же о прорыве противника стало известно в штабе дивизии, великий князь Михаил Александрович, вновь принявший командование, приказал генералу Краснову «принять начальствование над 3-й и 1-й бригадами и во что бы то ни стало остановить противника, не

---

* Наградных документов, связанных с боевой деятельностью 2-й бригады в тот период, разыскать не удалось.

давая ему распространяться вглубь от линии Днестра».

Уже в девять часов утра 29 мая, по приказу генерал-майора Петра Николаевича Краснова, три спешенные сотни Ингушского полка (одна осталась в резерве) с четырьмя дивизионными пулеметами вышли к Жежаве «на усиление цепи Кабардинцев и Дагестанцев», занимавших окопы «у леса к северу от Жежавы».

Спешенные сотни Кабардинского, 2-го Дагестанского и Ингушского полков, насчитывавшие до 350 всадников, заняв «линию свыше 3-х верст от высоты 292 и далее к полотну железной дороги», ведущей к станции Дзвиняч, первыми стали на левом берегу Днестра, на пути во много раз превосходившего их численностью противника. Вскоре к ним присоединится и еще одна сотня Дагестанцев. В то же время «четыре спешенные Черкесские сотни, всего около 200 всадников», находились на позиции «по высотам севернее Залещики» с задачей обороны города Залещики.

Почти до полудня кавказские сотни вели под Жежавой тяжелый, неравный бой, с трудом удерживая свою позицию и отбивая атаки пехоты австрийцев и немцев, поддержанных артиллерийским огнем. И только с 11.30 в дело против неприятеля на Жежавском участке вступили подошедшие батареи 2-го конно-горного дивизиона, приданного Кавказской конной дивизии. Ожесточенный бой продолжался. Враг, переправляя на левый берег Днестра все новые силы, предпринимал атаку за атакой, чтобы развить свое наступление...

Бой шел и на участке у города Залещики, обороняемом Черкесским полком. Положение здесь складывалось особенно тяжелое. Противник установил на занятых им высотах у города пулеметы и артиллерийскую батарею и начал сильным огнем «выбивать Черкесские заставы», а затем бросил на них свыше батальона пехоты.

С севера близ города Залещики находилась небольшая деревня Печарна. Здесь во главе 2-й спешенной сотни вел бой поручик Иван Георгиевич Франц, замещавший еще с 5 мая раненого сотенного командира штабс-ротмистра Келеча Султан-Гирея. Ружейным огнем его всадники отбивали наступление австрийцев, отразив три их атаки. Потом, когда уже не оставалось возможности удерживать позицию, поручик Франц «приказал сотне отходить по одному к ложине», сам же под шквальным огнем врага, «распоряжаясь уборкой раненых, был убит».

Поручик Иван Георгиевич Франц, уроженец Дагестанской области, служивший в Черкесском конном

полку с 27 августа 1914 года, будет посмертно удостоен ордена св. Георгия 4-й степени.

Наступление неприятеля на позиции Черкесского полка продолжалось. Бой уже шел в самом городе Залещики и на железнодорожной станции. После полудня вместе с Черкесским полком участвовали в бою и всадники 4-й сотни Кабардинского полка. К тому времени, как сказано в «Описании боевых действий» дивизии, «убыль в Черкесском полку составляла убитыми, ранеными и контуженными 7 офицеров, 94 всадника, т. е. около 50 % спешенной части». И тогда временно командовавший полком подполковник Михаил Васильевич Екимов отдал приказание: «Полку постепенно отходить к коноводам и идти дальше вдоль шоссе на позицию у деревни Дзвиняч».

Преследуя отходившие сотни Черкесского полка, враг продвинулся к западу от Залещиков, и в семь часов вечера «его цепи стали угрожать тылу отряда генерала Краснова», оборонявшегося в районе деревни Жежава. И тогда ринулась в атаку подошедшая к месту боя 3-я бригада Заамурской пограничной конной дивизии в составе двух полков, которые лично повел на врага генерал-майор Краснов. «В атаке 6-й сотни Заамурцев приняло участие присоединившихся некоторое число всадников Черкесского полка», — отмечено в «Описании боевых действий». Они скакали впереди Заамурской сотни и давали «направление атаки».

За кавалеристами устремились в атаку у Жежавы и сотни Кабардинского, 2-го Дагестанского, Ингушского полков, а также подошедшие к ним в полдень ополченцы 214-й и 215-й Саратовских пехотных дружин...

«Боем 29 мая волна австро-германского наступления на фронте 2-го кавалерийского корпуса, перекатившаяся через Днестр у Жежавы была остановлена, — сказано в «Описании боевых действий» Кавказской конной дивизии. — План противника прорвать наше расположение и принудить к отступлению — не удался».

13 сотен Кавказской конной дивизии, Заамурцы и две ополченские дружины под огнем шести вражеских батарей, говорится далее в «Описании», «сдержали натиск 12-ти батальонов австро-германской пехоты дивизии генерала германской службы Кейзера. Из числа этих войск 29 мая нами уничтожены целиком два батальона, причем в плен взято более 100 человек».

А 1 июня Петроградское телеграфное агентство передало сообщение штаба Верховного Главнокомандующего:

«На левом берегу Днестра на фронте Жежава — Залеци-ки. 29.V была произведена исключительная по лихости контратака, в течение коей были почти полностью изрублены и рассеяны несколько рот тирольских стрелков и двадцатый егерский батальон».

В тот день, 29 мая, «части дивизии потеряли: офицеров убито — 1, ранено — 9... Убыло нижних чинов — 170, лошадей выбыло из строя — 61». Наибольшие потери понес Черкесский конный полк.

Документы Кавказской конной дивизии и ее полков донесли до нас имена героев боя, разгоревшегося 29 мая на днестровском берегу...

Из приказов о награждении всадников Кабардинского полка Георгиевскими крестами:

«Ст. урядник Исмаил Тамбиев — 1 ст. № 2911.

В бою 29 мая 1915 г. у дер. Жежава под сильным ружейным и артиллерийским огнем противника восстановил связь между спешенными сотнями Кабардинского полка и пехотой, наступавшей на Жежавский лес».

Полный Георгиевский кавалер урядник Исмаил Магометович Тамбиев родился в 1876 году в селении Тамбиево 2 (Алтуд), «из узденей Кабарды».

«Подпрапорщик Николай Миронович — 1 ст. № 2909.

29 мая 1915 г. в бою у дер. Жежава вызвался охотником и выяснил, под сильнейшим обстрелом, обходное движение противника, угрожавшее правому флангу подполковника Екимова (Черкесский полк), благодаря чему явилась возможность принять меры против обхода».

Подпрапорщик Николай Карпович Миронович, уроженец Черкасского уезда, Киевской губернии. В Кабардинском полку служил с августа 1914 года.

«Всадник Суфиян Гергоков — 4 ст. № 406303.

29 мая 1915 г. в бою у Жежавского леса под действительным огнем противника, вызвавшись охотником, доставил важное известие в огневую линию пехоты».

«Всадник Маша Бинашаров — 4 ст. № 281593.

В бою 29 мая был ранен, после перевязки возвратился в строй и продолжал сражаться».

«Всадник Хамирза Кандуров — 4 ст. № 281618.

В бою 29 мая у Жежавы вызвался охотником занять гребень высоты над самой дер. Печарна и под сильнейшим ружейным и артиллерийским огнем противника достиг назначенного рубежа».

Из приказов о награждении всадников 2-го Дагестанского полка Георгиевскими крестами:

«Юнкер милиции Шамсудин Маргимов — 1 ст. № 2906. В бою 29 мая, будучи ранен, командовал взводом до конца боя».

«Вахмистр Абдул-Манап Магомаев — 2 ст. № 7907. В бою 29 мая, командуя полусотней, восстановил положение и сдержал противника».

«Мл. урядник Петр Хоранов — 2 ст. № 7921. 29 мая произвел смелую разведку».

Приказом командующего 9-й армией генерала Лечицкого от 24 августа 1915 года, Высочайше утвержденного Николаем II, помощник командира 2-го Дагестанского конного полка ротмистр Арацхан Хаджимуратович Хаджи Мурат был награжден Георгиевским оружием «за то, что

1) В бою 29 мая 1915 года у дер. Жежава, получив приказание поддержать с сотнями конные части, удерживавшие наступление противника, принял над тремя сотнями командование, приостановил дальнейшее наступление противника и, заняв этими сотнями с пулеметом хребет у высоты 292 и круглую рощу, удерживал позицию до подхода главных наших сил;

2) Когда наша пехота, не выдержав ужасного артиллерийского огня с применением снарядов с двойным разрывом, начала отход, ротмистр Хаджи Мурат выехал вперед, ободрил и остановил отходящих и вместе со своими сотнями, все время находясь впереди под убийственным огнем противника, являя личный пример храбрости и воинской доблести, повел их вперед и удержал позиции».

Из приказов о награждении всадников Ингушского конного полка Георгиевскими крестами:

Вахмистр Гусейн Костоев — 1 ст. № 13144. «За боевые отличия» в майских боях.

«Урядник Заули Цороев — 2 ст. № 7914.

Юнкер Муса Мальсагов — 2 ст. № 7915.

В бою 29 мая, вызвавшись охотниками, привлекли на себя огонь противника».

«Всадник Мурат Мальсагов — 3 ст. № 64563. Находясь в секрете, донес о наступлении противника».

О командире 1-й сотни Ингушского конного полка штабс-ротмистре Гуде Алиевиче Гудиеве, участнике войны с Японией, награжденном тогда пятью орденами, в списке офицеров Кавказской конной дивизии указано:

«Награды за текущую кампанию: св. Анны — 2-й ст. с мечами — 1915 г.

Представлен: к Высочайшему благоволению — за январские бои, к Высочайшему благоволению — за 25—29 мая 1915 г.».

О его дальнейшей службе становится известно из официального документа, относящегося к марту 1916 года: «Производится, за отличия в делах против неприятеля, из штабс-ротмистров в ротмистры — состоящий в Ингушском конном полку, ныне переведенный на службу в ведомство Министерства внутренних дел, с зачислением по армейской кавалерии, — Гудиев».

Отвагу проявил в боях в конце мая и корнет Ингушского полка Созерко Артаганович Мальсагов. «За боевые отличия, оказанные во время боев 25, 26, 27, 28 и 29 мая 1915 года», командир Кавказской конной дивизии представил его к ордену св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость»...

Вчитаемся в дошедшие до нас наградные представления на офицеров Черкесского полка, отличившихся в бою 29 мая у города Залецки.

Ротмистр Крым Султан-Гирей, «командуя 1-м дивизионом Черкесского конного полка в бою 29 мая у мест. Залециков, находясь под ураганным артиллерийским и пулеметным огнем противника, проявил необходимую энергию и распорядился лично управлением дивизиона, переходя от одной сотни к другой. В 14 часов дня, когда огонь противника достиг необычайного напряжения, получил контузию всего тела и, несмотря на это, продолжал командовать своим дивизионом до подхода пехоты и отхода всего полка в 7¹/₂ час. вечера на вторую боевую линию.

Потери дивизиона убитыми 19 всадников, ранеными 41...».

«За бой 29 мая 1915 года у местечка Залецки» Крыму Селетовичу Султан-Гирею объявлено Высочайшее благоволение.

19 июля подполковник Султан-Гирей будет назначен помощником командира Черкесского конного полка по строевой части.

Прапорщик Магомет-Гери Крымшамхалов. «Как дежурному по полку ему было поручено казенное имущество на станции железной дороги (интендантское) и посты, охраняющие их. Посты эти были сняты им своевременно и все порученное имущество предано огню...

По приказанию ротмистра Султан-Гирея был послан для наблюдения за восточной окраиной гор. Залецки

с дозором, что и было им исполнено под ружейным огнем».

Прапорщик Магомет-Гери Крымшамхалов будет награжден орденом св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом.

Из приказов о награждении всадников Черкесского полка Георгиевскими крестами:

«Юнкер Муса Джарим — 2 ст. № 7911.

25 мая, будучи ранен осколком снаряда, остался на посту и раненым принимал участие в бою».

«Мл. урядник из вольноопределяющихся Пшимаф Ажигоев — 2 ст. № 7913.

В бою 29 мая, будучи ординарцем у командира сотни, поддерживал связь с цепью и ободрял товарищей».

«Всадник Леон Дудов — 2 ст. № 12597.

Всадник Бекир-Бий Крымшамхалов — 3 ст. № 80051.

В бою 29 мая, будучи старшими в секрете, обнаружили своевременно наступление противника, чем способствовали успеху дела».

«Всадник Учужук Почешхов — 3 ст. № 25091.

В бою 29 мая, будучи ранен, остался в строю до конца боя».

«Всадник Байзет Султан-Гирей — 3 ст. № 44643.

29 мая, будучи ординарцем у командира сотни и несмотря на убийственный огонь противника, передавал приказания командира — цепи, словами подбадривал товарищей, так же относил донесения к соседней, с левой стороны, сотне, причем, будучи тяжело контужен шрапнелью в правое бедро, скрыл от своих товарищей полученную контузию и продолжал исполнять приказания быстро и толково до конца боя».

По сведениям краснодарского историка Анатолия Дмитриевича Вершигоры, Байзет Султан-Гирей приходился родным младшим братом офицеру Черкесского полка Келечу (Клычу) Султан-Гирею.

«Всадник Джатий Байрамуков — 3 ст. № 44648.

29 мая в бою, вызвавшись охотником, под сильным и действительным артиллерийским, пулеметным и ружейным огнем противника доставил патроны сотне в то время, когда в сотне кончились патроны, чем дал возможность остановить атаку противника, после этого, вызвавшись охотником, под убийственным огнем противника прорвался сквозь цепи неприятеля, отправившись в мест. Залещики, занятое противником, поджег интен-

дантские склады с фуражом и провиантом и только утром 30 мая возвратился в свою сотню».

«Всадник Давид Хасая — 4 ст. № 406286.

Всадник Василий Лакоба — 4 ст. № 406365.

Всадник Константин Когония — 3 ст. № 30071.

29 мая, будучи в секрете, открыли наступление противника, а затем, будучи окружены им, пробились к своим».

«Вольноопределяющийся Джамальбий Каблахов — 3 ст. № 44647.

Всадник Хамид Байрамуков — 3 ст. № 44649.

В бою 29 мая, вызвавшись охотниками, вместе с Заамурцами бросились в атаку».

В тот день неприятелю удалось занять деревню Ивание, вблизи Жежавы. На рассвете 30 мая шестеро всадников Кабардинского полка совершили успешный налет на австрийцев, удостоившись за это Георгиевских крестов; среди них были и будущие полные Георгиевские кавалеры:

«Мл. урядник Исмаил Тхазеплов — 3 ст. № 44630.

Юнкер милиции Мисост Коголкин — 2 ст. № 7904.

Вызвались 30 мая охотниками выбить противника, засевшего в крайних домах дер. Ивание, что и выполнили под сильнейшим огнем противника».

Два месяца спустя после памятного для Кавказской конной дивизии боя у деревни Жежава, приказом командующего 9-й армией от 31 июля 1915 года состоялось награждение орденом св. Георгия 4-й степени командира 3-й бригады генерал-майора Петра Николаевича Краснова за то, что «в бою 29 мая 1915 года у мест. Залещики и сел. Жежава на Днестре, где, умело предводительствуя своей бригадой с приданными к ней ополченскими частями и конной Заамурской пограничной бригадой, находясь под сильнейшим действительным огнем и при сильном натиске австро-германской дивизии, он, видя потерю нашими войсками части позиции, вызвавшей неизбежность отступления по всему фронту, для выручки своих от грозившей им опасности, лично предводительствуя 3-м и 4-м Заамурскими конными полками, произвел блистательную атаку на нерасстроенную пехоту противника, увенчавшуюся полным успехом. Изрублено более 500 человек и взято в плен 100 человек».

В конце июня 1-я бригада, временно возглавляемая полковником Илларионом Илларионовичем Воронцовым-Дашковым, находилась «на укреплении тыловых позиций» в 40 километрах от Днестра, в районе города Ягельницы, где разместился штаб 2-го кавалерийского корпуса. 1 июля «в 1 час 45 минут дня» начальник штаба дивизии полковник Юзефович спешно передал ему «приказание командира 2-го кавалерийского корпуса следовать с 1-й бригадой через Бильче на Юриамполь», к берегу Днестра, где в междуречье впадавших в него Ничлавы и Серета «на наш берег» 30 июня прорвались значительные силы неприятеля.

«Через полчаса, несмотря на полную неожиданность такого распоряжения и разбросанность стоянки бригады, Кабардинцы и Дагестанцы со своим обозом уже вытягивались по дороге на Бильче», — напишет полковник Воронцов-Дашков в боевом донесении от 5 июля командиру дивизии великому князю Михаилу Александровичу.

К семи часам вечера, в жару, по пыльным проселочным дорогам Восточной Галиции бригада пришла в местечко Юриамполь, где и расположилась на ночлег. Наступившей ночью разразилась гроза с проливным дождем. А в половине двенадцатого ночи полковнику Воронцову-Дашкову доставили новое приказание командира 2-го кавалерийского корпуса: немедленно выступить в деревню Шупарка, лежащую в пяти километрах от Днестра, где и поступить в распоряжение командира 1-й бригады 9-й кавалерийской дивизии генерал-майора Туманова. «Переход этот был совершен в непроглядную тьму под проливным дождем», — отметит в донесении Воронцов-Дашков.

Уже далеко за полночь, бригада прибыла в Шупарку. К этому времени, как оказалось, противник значительными силами продвинулся в глубь «нашего берега» от Днестра. По телефону генерал Туманов приказал Воронцову-Дашкову немедленно следовать в район высоты 281 и вести наступление на высоты у реки Днестр, «держа связь» — вправо с ротами Новоузенского, а слева с ротами Корсунского пехотных полков, ведущих наступление в том же направлении.

На рассвете Воронцов-Дашков со взводом всадников выдвинулся вперед для ознакомления с обстановкой. «Проведенная мною лично рекогносцировка в районе высоты 276 убедила меня, что данное мне задание явля-

ется весьма тяжелым, — скажет он в донесении. — На моих глазах цепи австрийцев вели наступление на фронте — в лес у высоты 272 — высоты 276, заняли наши окопы по гребню указанного рубежа и взяли в плен занимавшие эти окопы части Корсунского полка».

Около пяти часов утра во исполнение полученного приказа командир бригады «двинул в пешем строю: 4-ю сотню Кабардинского полка штабс-ротмистра Соколовского и 1-ю сотню штабс-ротмистра Леуса под общим начальством ротмистра Гвахария и 4-ю и 3-ю сотни Дагестанского полка под общим начальством ротмистра Тарковского».

Итак, ранним утром 2 июля южнее деревни Шупарка пошли в наступление две сотни Кабардинского полка, возглавляемые ротмистром Алексеем Матвеевичем Гвахария, только в конце мая переведенным в полк из Елизаветградского кавалерийского училища, и две — 2-го Дагестанского под командованием ротмистра князя Нух-бека Тарковского. «В 1-й линии шли: 4-я сотня Кабардинского и 4-я сотня Дагестанского полков. К наступающим сотням был придан пулеметный взвод подпоручика Ашехманова».

Наступавшие цепи спешенных всадников, вышедшие из-за холмов, вскоре обнаружил противник, открыв по ним сильный пулеметный и ружейный огонь. Неся потери, они продолжали продвигаться вперед, при этом «командиры сотен и все офицеры шли впереди, — укажет Воронцов-Дашков, — увлекая всадников своей беззаветной храбростью». Австрийцы, видя все ближе подходившие к ним цепи кавказских всадников, силу ближнего удара которых они хорошо знали, начали поспешно уходить из занятых ими окопов Корсунцев. Передняя цепь всадников прошла «Корсунские окопы» и, не останавливаясь, продолжала наступление по совершенно открытой местности. Австрийцы открыли яростный ружейный и пулеметный огонь. Сотни приостановили атаку и залегли на южных склонах высоты 276.

И тут же неприятель под прикрытием своего огня устремился в контратаку на залегшие на открытом месте спешенные сотни, но «меткий огонь наших цепей заставил противника прекратить наступление и залечь во ржи, шагах в 200» выше по склону возвышенности с высотой 276. «Началась сильная ружейная и пулеметная перестрелка, — свидетельствует донесение Воронцова-Дашкова великому князю Михаилу Александровичу. — Сотни несли тяжелые потери, но с удивительной стой-

костью выносили убийственный огонь противника. Офицеры, бывшие в цепи, с полным презрением к опасности, под градом пуль, корректировали стрельбу всадников и наблюдали за действиями противника. Здесь был убит наповал пульей в голову прапорщик Келеметов...»

Так погиб в бою двадцатидевятилетний прапорщик Кабардинского полка Измаил Хангериевич Келеметов. В полковом списке потерь будет сказано: «Прапорщик Келеметов Измаил. Холост. Чегемского общества. Убит в бою у дер. Шупарка 2 июля 1915 года. Поступил в полк добровольцем, затем произведен в прапорщики...»

Меткий огонь всадников и поддерживавших их двух пулеметов наносил значительные потери австрийцам, передвигавшимся перебежками по склону высоты, «покрытому трупами австрийцев по 2—3 человека, что свидетельствует о массовых потерях противника».

В ожесточенной перестрелке прошло более получаса. И тогда «неприятель, пораженный стойкостью наших всадников», стал отходить назад. К тому времени в 4-й сотне заканчивались патроны, но сотенный командир штабс-ротмистр Вольдемар Константинович Соколовский, «с нетерпением ожидавший момента, чтобы броситься в стремительную атаку и смять противника, выхватил шашку и с криком «ура» ринулся на противника, увлекая за собой сотню». Одновременно с всадниками Кабардинского полка бросились в атаку и Дагестанцы во главе с поручиком Абдурагимом Хаджимирзаевым.

Под сильным вражеским огнем всего лишь «10—15 шагов» успел пробежать штабс-ротмистр Вольдемар Соколовский в своей последней атаке и упал тяжело раненный пулями в живот и руку. «Несмотря на тяжелую рану, штабс-ротмистр Соколовский имел силу отдать последние распоряжения, и затем его вынесли из цепи,— укажет в донесении Воронцов-Дашков.— Когда его поднесли ко мне, он был еще в полном сознании...»

Полковник Воронцов-Дашков дал указание немедленно на автомобиле отправить Вольдемара Константиновича в город Борцев, в дивизионный «подвижной лазарет». И там через несколько часов после прибытия он скончался. «В лице штабс-ротмистра Соколовского Кабардинский полк понес невознаградимую потерю,— скажет в донесении Воронцов-Дашков,— это был не только доблестный и отважный офицер, не только прекрасный, всеми любимый, но и выдающийся во всех отношениях сотенный командир, сумевший дать в короткое время велико-

лепную строевую подготовку своей сотне и — что всего важнее — внушить людям доблестный дух, полное презрение к опасности и высокое понимание воинского долга».

Вольдемар Константинович Соколовский с осени 1914 года служил в Кабардинском конном полку и командовал 4-й сотней, состоявшей из кабардинских и балкарских добровольцев, для которых он стал близким и дорогим человеком. Более полугода он шел с полком и своими всадниками по трудным дорогам войны, служа для них примером мужества и доблести, дважды был контужен и оставался в строю, а за боевые отличия в первом же бою у деревни Ветлино в Карпатах получил орден св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом. И вот теперь в полковом списке потерь появится запись: «Штабс-ротмистр Соколовский Вольдемар Константинович. Женат. Из дворян Витебской губернии. Умер 2 июля от ран, полученных в бою 2 июля при дер. Шупарка».

После ранения Соколовского 4-ю сотню Кабардинского полка возглавил поручик Василий Зуев. «...Приняв на себя командование сотней, я продолжил атаку с горсткой всадников, — напишет он в донесении командиру полка, — так как половина сотни выбыла за ранеными и убитыми, а $\frac{1}{4}$ сотни в качестве носильщиков раненых. Грозное «ура» и сильный натиск сотни заставил противника оставить свои окопы и обратиться в паническое бегство. По убегающим я расстрелял последние патроны и тем не допустил противника занять вторую линию окопов».

И далее поручик Зуев в своем донесении пишет, что «сотня вела наступление и бой в самых неблагоприятных условиях, так как все были промокли от сильного дождя, а, наступая по полю, еще больше промокли в высокой жниве, ноги вязли в рыхлой, пропитанной дождем земле, что сильно затрудняло наступление».

Затем, лежа в цепи на горе, в страшной грязи, сотня несла громадные потери. Но, несмотря на это тяжелое положение, сотня твердо держалась...».

Вслед за двумя передовыми сотнями Кабардинского и 2-го Дагестанского полков бросились в атаку и две спешенные сотни из второй боевой линии. «Противник, ошеломленный нашей стремительной атакой, бросился бежать в полном беспорядке, преследуемый Дагестанцами и Кабардинцами, — писал в донесении Воронцов-Дашков, — и укрылся за свой последний опорный пункт

в ряде строений у берега реки Днестра и в фольварке».

Казалось, еще одно усилие соседей — справа Корсунского, а слева Новоузенского пехотных полков, и противник будет окончательно сломлен. Но как раз на участках их наступления перешедший в контратаку крупными силами враг остановил пехотинцев и заставил их отступить. «Положение моих цепей, сильно поредевших от понесенных тяжелых потерь, выдвинутых уступом вперед всего отряда генерал-майора князя Туманова и обходимых одновременно справа и слева, стало крайне тяжелым, — читаем в донесении полковника Воронцова-Дашкова. — ...Мои цепи потеряли всякую связь справа и слева и оказались совершенно изолированными от соседних частей».

В такой сложной обстановке полковник Воронцов-Дашков в восемь часов утра отдал приказание сотням Кабардинского и 2-го Дагестанского полков отойти к высоте 281, «задерживая шаг за шагом противника, и, таким образом, успех, достигнутый ценою крупных потерь, — с горечью констатировал он, — был парализован отходом соседних частей».

Сотни отходили в полном порядке, унося с поля убитых и раненых. Австрийцы же в результате удара Кабардинского и 2-го Дагестанского полков «были настолько расстроены нашими стремительными атаками», что даже не пытались их преследовать. На участке боевых действий кавказских сотен «противник был уже настолько расстроен — потери он понес огромные: все поле покрыто было австрийскими трупами...».

Продолжая в своем донесении великому князю Михаилу Александровичу описание боя 2 июля, полковник граф Воронцов-Дашков, восхищенный отвагой всадников Кабардинского и 2-го Дагестанского конных полков, писал: «С чувством особого удовлетворения должен отметить геройскую работу полков вверенной Вашему Императорскому Высочеству дивизии. Промокшие от проливного дождя, идущего всю ночь, ослабевшие от 4х дневной «уразы», всадники, по вязкой от дождя земле, стойко и стройно шли вперед под градом пуль, почти не залегая, и трепет обнимал противника, не выдержавшего такого стремительного наступления. Некоторые всадники — Дагестанцы, чтобы быстрее наступать, снимали сапоги и босиком бежали в атаку.

Пленных почти не брали: всадники были озлоблены поведением австрийцев, поднимавших руки, выкидывавших белые флаги и затем расстреливавших наших с близ-

ких дистанций; офицерам с трудом удалось вырвать из рук всадников около 20 австрийцев, принадлежащих ко всем четырем батальонам 97-го Имперского полка, к 7-му драгунскому и 11-му гусарскому полкам.

Не буду говорить про поведение гг. офицеров: их отвага, доблесть и полное презрение к опасности слишком хорошо известны Вашему Императорскому Высочеству. Однако не могу не упомянуть о ротмистре князе Тарковском, отлично управляющем Дагестанским дивизионом, а также о ротмистре Кабардинского полка Гвахария, принявшем в этот день свое первое боевое крещение...»

В бою 2 июля под деревней Шупарка 1-я бригада понесла значительные потери — два офицера убиты, трое ранены. Из строя выбыло 70 всадников — убитыми и основная часть ранеными, «большинство — тяжело, разрывными пулями, многие смертельно», подчеркнет в донесении полковник Воронцов-Дашков.

Наиболее тяжелые потери оказались в 4-й сотне Кабардинского полка. Как видно из донесения поручика Василия Зуева, в тот день «в пешем строю было выведено 65 всадников при 4-х офицерах, в том числе командире сотни». Потери сотни составили: погибли штабс-ротмистр Вольдемар Соколовский и прапорщик Измаил Келеметов, один офицер ранен. Убито и ранено — 28 всадников, один контужен.

Геройски проявил себя в бою 2 июля южнее деревни Шупарка мулла Кабардинского конного полка Алихан Шогенов. Полковник Бекович-Черкасский собственноручно напишет наградной лист на *«Кабардинского конного полка полкового муллу Алихана Шогенова»*: «Ходатайству о производстве в прапорщики милиции за то, что в бою 2 июля сего года при наступлении полка от деревни Шупарка под артиллерийским и ружейным огнем проходил по наступающим частям сотни и подбадривал всадников-магометан, вследствие чего всадниками Кабардинцами была проявлена в бою у деревни Шупарка особенно фанатичная храбрость. Влияние муллы еще более возрастет по производстве его, ибо к офицерским поганам горцы привыкли относиться с особым уважением...»

Из приказов о награждении всадников Георгиевскими крестами за бой 2 июля.

По Кабардинскому конному полку:
Младший урядник Кушби Ахохов — 5 августа 1915 года великим князем Георгием Михайловичем награжден

Георгиевским крестом 1-й степени № 5854 за то, что «2 июля 1915 г. у дер. Шупарки, вызвавшись охотником на опасное предприятие, совершил оное с полным успехом».

Урядник Кушби Гиреевич Ахохов, 1891 года рождения. «Из кабардинцев селения Куденетово 2» (Чегем II). Уздень.

«Ст. урядник Исмаил Тамбиев — 2 ст. № 11026.

В бою 2 июля 1915 г. у дер. Шупарки под действительным огнем противника доставил важное донесение и восстановил связь».

Всадник Каракиши Атабиев — 4 ст. № 161826.

«2 июля, будучи раненым, остался в строю до конца боя».

«Мл. урядник Али Инароков — 2 ст. № 7888.

Мл. урядник Хагуцира Блаев — 4 ст. № 161919.

В бою 2-го июля спасли жизнь своего раненого офицера».

Во время атаки 4-й сотни тяжелое ранение в ногу получил взводный командир прапорщик Павел Захаров. Его и вынесли из-под огня урядники Али Инароков и Хагуцира Блаев.

«Мл. урядник Аслан-Али Эфендиев — 4 ст. № 161824.

2 июля 1915 г. с явной опасностью для жизни доставил важные сведения о противнике».

По 2-му Дагестанскому конному полку:

Юнкер милиции Гайдарбек Магома — 5 августа 1915 года награжден великим князем Георгием Михайловичем Георгиевским крестом 1-й степени № 5861 за то, что «1915 г. 2 июля у дер. Шупарки, вызвавшись охотником на разведку, с явной личной опасностью под губительным огнем неприятеля осмотрел проволочные заграждения, нашел в них проход и выяснил подступы к окопам противника».

«Урядник Шахбулат Молла — 1-я степень № 5786.

1915 г. 2 июля в бою у дер. Шупарки, будучи послан разведать расположение окопов противника, подобрался к самым проволочным заграждениям и точно выяснил расположение окопов и своевременно донес об этом».

«Всадник Ибрагим Магилаев — 4 ст. № 406360.

1915 г. июля 2 в бою у дер. Шупарки, вызвавшись охотником, с явной опасностью подошел к неприятелю, произведя в окопе его панику ручными гранатами».

«Всадник Будун Осман — 4 ст. № 406314.

1915 г. 2 июля у дер. Шупарки, вызвавшись охотниками, зашли в тыл австрийцам, залегшим на флангах сотни и приносивших своим фланговым огнем большой вред, бросились на них и частью зарубили, частью разогнали».

* * *

К утру 3 июля сотни 1-й бригады занимали позицию южнее деревни Шупарка. Правее стояли спешенные эскадроны Киевского гусарского полка, левее — эскадроны Бугского уланского полка, далее — роты Корсунского пехотного полка. Противостоявшие им части противника, удерживая плацдарм на левом берегу Днестра, «занимали фронт» южнее Шупарки в деревнях Дунинов — Выгода, Выгодский лес, на ряде высот и в деревне Колодробка, где всю прошедшую ночь спешно укреплялись на своих позициях.

В одиннадцать часов дня полковник Воронцов-Дашков получил приказ генерал-майора Туманова, в котором ставилась боевая задача 1-й бригаде Кавказской конной дивизии — «с переходом в наступление Заамурской пехотной дивизии атаковать противника в полной связи с Заамурцами, с целью отбросить его за Днестр».

В половине третьего Киевский гусарский полк начал наступление, в то же время вперед «двинулись по оврагу Кабардинцы и Дагестанцы», чтобы скрытно приблизиться к позициям неприятеля. До высоты 267 полковник Воронцов-Дашков вел Кабардинский и 2-й Дагестанский полки в конном строю и уже оттуда в 15.30 выслал в первую боевую линию четыре спешенные сотни — «две от Кабардинцев и две от Дагестанцев». Общее командование «спешенными частями» 1-й бригады он возложил на ротмистра 2-го Дагестанского полка Арацхана Хаджи Мурата, которому придавался пулеметный взвод «при 3-х пулеметах» во главе с сотником Уральского казачьего полка Георгием Завьяловым, прикомандированным к пулеметному отряду Балтийского флота.

Не успели спешенные сотни отойти от высоты 267, как полковнику Воронцову-Дашкову доставили срочное сообщение от подполковника Киевского гусарского полка (9-й кавалерийской дивизии), наступавшего правее 1-й бригады, у высоты 276, тремя эскадронами гусар и ротой пехоты: «Наш левый фланг от дер. Колодробка

обходит около роты противника. Мои эскадроны и рота пехоты лежат под австрийскими окопами, встать не можем — с фронта проволочные заграждения. Спасите гусар и роту пехоты ударом во фланг. Подполковник Апсеитов».

Эта просьба о помощи заставила Воронцова-Дашкова немедленно изменить направление движения цепей и двинуть их к высоте 276. Невзирая на сильный огонь противника, передовые сотни — 3-я Кабардинского полка под командованием штабс-ротмистра Георгия Махатадзе и 1-я Дагестанского полка, возглавляемая корнетом Гамидула-беком Векиловым, — ударили по засевшим еще накануне в окопах тирольским стрелкам и, выбив их, смяли и отбросили вышедшую во фланг гусарам австрийскую пехоту.

Неприятель «осыпал градом пуль» кавказские сотни, спасавшие оказавшихся в критическом положении русских товарищей по оружию. «Сотни несли значительные потери, — сообщал в донесении Воронцов-Дашков, — но цель была достигнута — критическое положение Киевцев сразу облегчилось, и они имели возможность отойти на несколько сот шагов назад и окопаться».

Под натиском двух сотен Кабардинского и 2-го Дагестанского полков неприятель поспешно отступил к своим основным силам, находившимся на скатах высоты 276 в окопах, укрепленных тремя рядами заграждений из колючей проволоки.

И как раз в это время разразилась «ужасная гроза» с проливным дождем и градом. «Пользуясь ураганом, доблестные всадники Кабардинского и Дагестанского полков ринулись в атаку на главную позицию австрийцев, — описывал бой командующий 1-й бригадой полковник Илларион Илларионович Воронцов-Дашков.

На участке Дагестанцев цепи наши подошли по густой ржи к самым проволочным заграждениям. Противник поднял руки и выбросил белый флаг. Увлекаемые корнетом Имамом Газалиевым и прапорщиком Николаем Вырубовым, Дагестанцы бросились к окопам, и тут только обнаружилась предательская низость врага: австрийцы сразу спустились в окопы и стали почти в упор расстреливать ружейным и пулеметным огнем наших доверчивых всадников, не подготовленных к подобным приемам ведения войны».

Одним из первых пал корнет Абдул-Важд Имам Газалиев, «сраженный пулей в голову». 1-я сотня Даге-

станцев, потеряв в результате вероломства австрийцев более половины своего состава убитыми и ранеными, залегла во ржи, всего лишь в нескольких десятках шагов от неприятельских окопов. В то же время 3-я сотня Кабардинского полка «с полным презрением к опасности» подошла к окопам австрийцев «шагов на 100», но дальше продвинуться не смогла из-за шквального огня противника и, понеся потери, тоже залегла во ржи.

Подоспевший к залегшим всадникам сотник Георгий Завьялов с пулеметом открыл с правого фланга огонь по австрийцам. Под его прикрытием и огнем подошедшей 2-й сотни Дагестанцев под командованием штабс-ротмистра Аркадия Микашивидзе, «передовая цепь стала отходить назад, вынося массу убитых и раненых».

«Тело убитого корнета Газалиева, к сожалению, вынести не удалось, — сообщал в донесении командиру Кавказской конной дивизии великому князю Михаилу Александровичу полковник Воронцов-Дашков, — от австрийских окопов он лежал всего в каких-нибудь 15 шагах, и все попытки его вынести не имели успеха, и лишь увеличивались и без того весьма тяжкие потери Дагестанцев. Удалось только снять с него оружие и папаху, пробитую насквозь пулей.

Не вернулся также и прапорщик Николай Вырубов: о его судьбе, к сожалению, ничего неизвестно. Одно лишь с уверенностью можно сказать, что этого храбреца врагу не удалось взять живым и невредимым».

Получив сведения о тяжелых потерях, понесенных «Кабардинцами и в особенности Дагестанцами», Воронцов-Дашков выслал им в поддержку на склоны высоты 276 4-ю сотню Дагестанского полка под командованием поручика Абдурагима Хаджимирзаева и 1-ю сотню Кабардинского полка штабс-ротмистра Михаила Леуса, которые в девять часов вечера «влились в цепь» и заменили «сильно поредевшую 3-ю сотню Кабардинцев и 1-ю Дагестанскую сотню, переставшую совершенно существовать как боевая единица».

Всадники находились на склонах высоты 276, частью в вырытых ими «наспех окопах». Противник же, накапливая силы, неоднократно предпринимал контратаки. Но всадники-кавказцы, «ведя непрерывно сильную перестрелку», отбивали австрийцев.

После полуночи, когда уже наступило 4 июля, неприятельская пехота, освещая местность ракетами, вышла из своих окопов и двинулась в наступление по всему фронту

обороны бригады. Почти в течение часа длился «ураганный и ожесточенный бой». Австрийцы, понеся потери и оставив перед позициями сотен Кабардинского и Дагестанского полков «груду тел убитых и раненых», отступили обратно в свои окопы.

До рассвета противник еще дважды предпринимал атаки, свидетельствовал в донесении полковник Воронцов-Дашков, «но оба раза с тяжелыми потерями отбит метким ружейным и пулеметным огнем всадников, которые, промокшие, продрогшие, в одних летних рубашках, невзирая на голод и смертельную усталость, продолжали стойко и спокойно отбивать повторные атаки противника, не проявляя ни тени смущения, ни признака усталости».

Пришло утро 4 июля. К восьми часам к высоте 276 подошла на смену сотен Кабардинского и Дагестанского полков спешенная Заамурская конная бригада и заняла их позиции. Согласно полученному приказу, Воронцов-Дашков отвел свою бригаду к высоте 233 — в резерв отряда генерала Туманова. А в четыре часа дня «1-я бригада удостоилась посещения Августейшего командующего дивизией» — великого князя Михаила Александровича, поблагодарившего Кабардинский и 2-й Дагестанский полки «за боевую работу».

Вечером 1-я бригада Кавказской конной дивизии отошла к северу, в Юриамполь, войдя в резерв командира 2-го кавалерийского корпуса. Всего за два дня боев «при деревне Шупарка» ее общие потери составили: «офицеров убито — 4, ранено — 4 и без вести пропал — 1», всадников убито и в большинстве ранено — 155, «причем многие ранены весьма серьезно».

Подводя итоги боев в районе деревни Шупарка, полковник Воронцов-Дашков напишет в донесении командиру дивизии: «Как ни тяжелы понесенные 1-ю бригадою потери, но и достигнутые результаты нельзя признать не важными. В первый день боев при Шупарке, 2 июля, противник был смят, отброшен в беспорядке к Днестру, и если бы полки 1-й бригады нашли какую-нибудь поддержку в своих соседях, то весьма возможно, что противник был бы вынужден очистить левый берег Днестра. Результаты, достигнутые 3—4 июля, могут быть также признаны немаловажными: противник был сбит из занятых им окопов, многочисленные контратаки были отражены, дальнейшее его распространение на восток от высоты 276 было приостановлено и, наконец, Киевский

гусарский полк был выручен из весьма критического положения».

И в заключение своего донесения полковник Воронцов-Дашков писал, что результаты, достигнутые во время боя 3—4 июля, он «приписывает» «умелому руководству ротмистра Хаджи Мурата... а также всех г.г. офицеров и всадников, проявивших при исключительно трудной обстановке, изумительную стойкость, отвагу и хладнокровие».

29 октября 1915 года приказом № 578 командующий 9-й армией генерал Платон Алексеевич Лечицкий «по Высочайше предоставленной власти» — по удостоению армейской Георгиевской Думы — *наградил помощника командира 2-го Дагестанского конного полка ротмистра Арацхана Хаджимуратовича Хаджи Мурата орденом св. Георгия 4-й степени.*

В наградном листе говорилось, что ротмистр Хаджи Мурат в бою 3 июля 1915 года, получив «приказание от командующего 1-й бригадой Кавказской туземной конной дивизии вступить в командование 1-й и 3-й сотнями Кабардинского и 1-й и 2-й сотнями Дагестанского полков и наступая с ними на высоту 276 в охват расположенных здесь австрийских окопов, перед проволочными заграждениями коих залегли цепи спешенных Киевских гусар, которые вследствие сильнейшего пулеметного и ружейного огня противника не имели возможности ни продвинуться вперед, ни окопаться и несли громадные потери, обходимые к тому же ротою австрийцев с левого фланга, находились в критическом положении, он, несмотря на убийственный огонь противника, стремительно наступал со своими сотнями, смял превосходящие силы противника на северных склонах высоты 276 и заставил его отойти на сильно укрепленную позицию на южных склонах той же высоты, чем и достиг поставленной его отряду цели — выручить Киевских гусар от грозящей им опасности».

Ротмистр 2-го Дагестанского конного полка Арацхан Хаджи Мурат, удостоенный ордена св. Георгия 4-й степени и Георгиевского оружия, станет в рядах Кавказской конной дивизии первым из офицеров-горцев Северного Кавказа, отмеченным двумя самыми почетными военными наградами России.

Награждение 4-й степенью ордена св. Георгия уже считалось высочайшей честью для офицера, удостоенного этого знака отличия. Оно несло с собой высокие почести и давало право потомственного дворянства.

Приказом командующего 4-й армией от 17 марта 1917 года «за отличия в делах против неприятеля награждены»:

орденом св. Станислава 2-й степени с мечами

«Конных полков:

2-го Дагестанского — *подпоручик милиции Петр Хоранов;*

Черкесского — *корнет Магомет-Гирей Крым-шамхалов;*

Ингушского — *поручик Варлаам Шенгелай и корнет Дудар Добриев».*

«Приказом войскам IV армии от 25 марта 1917 года за отличия в делах против неприятеля награждены:

Кабардинского конного полка

орденом св. Анны 2-й степени с мечами

Штабс-ротмистр Керим Хан Эриванский;

орденом св. Анны 3-й степени с мечами и бантом

Корнет Али Инароков;

орденом св. Станислава 2-й степени с мечами

Подпоручик князь Науруз Наурузов».

В середине марта в Черкесский полк вернулся его командир полковник Александр Захарьевич Чавчавадзе, отсутствовавший с 3 января по болезни, а затем бывший в служебной командировке. «Полковника князя Чавчавадзе полагать налицо с 15 сего марта, — гласил приказ командующего дивизией. — Полковнику Султан Крым-Гирею обратиться к исполнению прямых своих обязанностей». И здесь же генерал Багратион объявил: «За отличное командование Черкесским конным полком от лица службы сердечно благодарю полковника Султан Крым-Гирея».

В конце марта Кавказская конная дивизия была перебазируется из Бессарабии в Подольскую губернию, на Украину. Генерал Багратион со своим штабом разместился в городе Проскурове (Хмельницкий), а по селам — полки и все дивизионные части.

В то время начальник штаба дивизии полковник Петр Александрович Половцев находился в командировке в Петрограде, куда отбыл еще 12 февраля. Приказом Временного правительства по Армии и Флоту от 7 апреля, «согласно Георгиевскому статуту», ему, как награжденному орденом св. Георгия и Георгиевским оружием, присваивался чин генерал-майора. А 11 апреля Половцев вернулся в штаб дивизии. Как видно из приказа

генерала Багратиона от 13 апреля, «начальник штаба вверенной мне дивизии генерал-майор Половцев с 28 февраля по 3 апреля состоял при Военном министре для выполнения служебных поручений, каковые сведения занести в послужной список названного генерала».

Эта поездка Половцева в Петроград и его вхождение в правительственные круги в скором времени дадут ему возможность получить новое высокое назначение...

«Приказом Русским войскам Румынского фронта от 11 апреля с. г. за № 352, — объявлялось в приказе по дивизии, — нижепоименованные юнкера милиции Кабардинского конного полка за оказанные ими отличия в делах против неприятеля произведены в прапорщики милиции:

*Темиркан Хурзанов,
Кургоко Темтиров,
Ибрагим Биев,
Султан Инароков».*

Все четверо новопроизведенных офицеров вступили добровольцами в полк в 1914 году, храбро сражались с неприятелем, заслужили в боях Георгиевские кресты и чины юнкеров.

* * *

В те весенние дни семнадцатого года командиры полков Кавказской конной дивизии в преддверии новых боевых действий готовили документы на своих всадников, отличившихся «в делах против неприятеля», представляя их к производству в юнкера и прапорщики.

Оформлялась наградная документация и в Кабардинском конном полку. В марте—апреле полковником Всеволодом Дмитриевичем Старосельским к чину юнкера милиции были представлены:

«Старший урядник Измаил Хагундоков, из кабардинцев селения Ашабово» (Малка). 1880 года рождения. Женат. Имеет награды: «Знак отличия Военного ордена 4-й степени за № 1803 получил в русско-японскую войну. Георгиевская медаль 4-й степени № 235207, награжден в 1915 году. Зачислен на службу в Кабардинский конный полк 31 августа 1914 года. Звание старшего урядника получил в русско-японскую войну...»

«Наградной лист.

Старший урядник Измаил Кайтукович Хагундоков представляется в юнкера милиции за то, что:

1) 29 мая 1916 года в конной атаке у деревни Шепенице (Галиция), будучи начальником боевого разъезда, выдвинутого перед правым флангом 1-й сотни, несмотря на сильный ружейный и артиллерийский огонь неприятеля, выполнил возложенную на него задачу, найдя выгодный для удара проход между усадьбами деревни, первый начал рубить австрийских стрелков, являя редкий пример боевого порыва, и прорвал их цепь.

2) В ночь на 25 декабря того же года у села Византия-Розаска (Румыния), будучи послан со взводом на рекогносцировку села Византия-Монастрынке, пользуясь темнотой, произвел неожиданное нападение на противника, чем сбил его передовую заставу и произвел панику, благодаря которой удалось точно определить расположение и силы занявшего с вечера позицию противника.

Вообще, старший урядник Хагундоков, участник второй кампании, неоднократно проявлял выдающееся понимание боевой обстановки, проявляя инициативу, решительность».

Старший урядник 4-й сотни Аслан-Али Эфендиев. Происходил из Хуламского общества Балкарии. В Кабардинский полк вступил 31 августа 1914 года, как житель «селения Кашкатао, Нальчикского округа». Родился в 1895 году. Холост. Грамотен. Награжден Георгиевскими крестами 2-й, 3-й и 4-й степени и медалью «За храбрость». «Был в походах и делах против австро-германцев в 1914—1917 годах». В боях дважды ранен: «18 августа 1916 года у реки Быстрица и 13 декабря 1916 года у высоты Спиделе в Румынии...»

«Наградной лист.

Старший урядник Кабардинского конного полка Аслан-Али Абдурахманович Эфендиев представляется в юнкера милиции за то, что во всех боях, в которых участвовал полк, командуя взводом, проявлял выдающуюся храбрость, мужество и самоотвержение, ободряя и увлекая в бой товарищей и подчиненных. 18 августа 1916 года на реке Быстрице, несмотря на полученное ранение, оставался в строю, продолжая командовать взводом.

В бою 13 декабря 1916 года у высоты Спиделе, будучи ранен, также оставался в строю до конца боя, проявляя выдающуюся храбрость и пренебрежение к опасности.

Порученные ему разведки выполнял с выдающимся пониманием возложенной на него задачи, неоднократно

пробирался в занятые противником деревни и добывал важные сведения о силах и расположении неприятеля».

«Младший урядник Кургоко Жамборов, из кабардинцев селения Кучмазокино» (Старая Крепость). 1883 года рождения. Женат, грамотен. С августа 1914 года служит во 2-й сотне. Награжден Георгиевским крестом 4-й степени и медалью «За храбрость». «Участвовал в делах и походах против австро-германцев в 1914—1917 годах...»

«Наградной лист.

Младший урядник Кургоко Бекирович Жамборов представляется к производству в юнкера милиции за то, что в боях против неприятеля оказал следующие отличия:

1) В конной атаке у деревни Доброполе 10 сентября 1915 года, несмотря на полученное ранение, продолжал оставаться в строю, руководя взводом, проявляя выдающееся мужество и увлекая за собой в бой товарищей, чем способствовал общему успеху атаки.

2) В конной атаке у деревни Лужаны 29 мая 1916 года, командуя взводом, смело бросился в атаку, держась все время впереди взвода. В этом бою проявил выдающуюся храбрость, увлекая за собой подчиненных. Взводом взято около 40 пленных.

В остальных боях, пользуясь высоким авторитетом среди своих единоверцев, служит им образцом мужества».

«Младший урядник Крым Абаев, из горцев селения Балкарского, Нальчикского округа, Терской области». 1898 года рождения. Холост. Зачислен на службу в Кабардинский конный полк, в 4-ю сотню, 31 августа 1914 года. Награжден Георгиевским крестом 4-й степени. «Участвовал в походах и делах против австро-германцев в 1914—1917 годах... В бою у деревни Ветлино 17 декабря 1914 года ранен».

«Наградной лист.

Младший урядник Крым Омарович Абаев представляется к производству в юнкера милиции за то, что в боях против неприятеля оказал следующие отличия:

1) В бою 17 декабря 1914 года у деревни Ветлино, несмотря на полученное ранение, оставался в строю и принимал деятельное участие в бою, ободря товарищей и подавая пример стойкости в выполнении долга.

2) В бою у деревни Майдан 17 февраля 1915 года, будучи со взводом в заставе, отбил наступление развед-

чиков противника, превышающих численностью, захватив при этом двух пленных, давших важные сведения.

В последующих боях в Румынии также проявил выдающуюся храбрость и мужество, служа для всех образцом мужества и высокого сознания долга».

Приказами командующего Юго-Западным фронтом все представленные урядники будут произведены в чин юнкера.

* * *

В начале мая командир Кабардинского конного полка полковник Старосельский направил в штаб 1-й бригады документы на производство в прапорщики юнкера Кушби Ахохова.

Послужной список Кушби Гиреевича Ахохова свидетельствует, что он происходил «из кабардинцев Терской области, Нальчикского округа, селения Куденетово II» (Чегем 2). Родился 12 апреля 1891 года. Холост. Грамотен. Имеет «свидетельство Нальчикской окружной горской школы от 3 июня 1909 года № 410». Зачислен в Кабардинский полк 31 августа 1914 года.

За боевые отличия награжден Георгиевскими крестами 1-й, 2-й, 3-й, 4-й степени. «В бою 23 декабря 1914 года у деревни Береги-Горне ранен пулей в ногу».

Наградной лист юнкера Кушби Ахохова.

«Представляется к производству в чин прапорщика за то, что 13 декабря 1916 года, исполняя обязанности командира взвода, после отхода румынских частей против деревни Спиделе под нажимом германцев, будучи послан с правого фланга расположения Кабардинского конного полка восстановить связь с 4-м румынским пехотным полком, успешно выполнил возложенное на него поручение под действительным пулеметным и ружейным огнем противника; и за то, что 23 того же декабря при отходе полка с позиций по линии выс. 795, 855, 827, у селения Буриле, оставался со взводом 1-й сотни, прикрывая с ней отступление полка на выс. 855, несмотря на яростный нажим противника, под сильным огнем орудий Гочкиса, поставленных противником на прямое попадание, а также нескольких пулеметов, держался на занимаемой позиции до приказа отойти, хотя фланг был уже глубоко обойден неприятелем».

17 августа 1917 года приказом командующего Юго-Западным фронтом Кушби Гиреевич Ахохов будет произведен в чин прапорщика.

В конце мая состоялось представление к офицерскому чину и подпрапорщика Кабардинского полка Исмаила Умаровича Тхазеплова, «из кабардинцев селения Нижне-Кожоково» (Нижний Черек), имевшего от роду 26 лет, холостого, грамотного. Зачислен в полк, в 3-ю сотню, 31 августа 1914 года.

Имеет награды: «Георгиевские кресты 4-й, 3-й, 2-й и 1-й степени и Английскую медаль». «В бою 10 января 1915 года у деревни Бережки ранен».

«Наградной лист.

Подпрапорщик Исмаил Умарович Тхазеплов представляется к производству в прапорщики за то, что, участвуя в боях, всегда проявлял выдающуюся храбрость, самоотвержение и способность разбираться в боевой обстановке, например: ...в конной атаке у деревни Доброполе 10 сентября 1915 года, командуя взводом, проявил особенную храбрость, несясь впереди взвода в атаку; после того как противник был сбит и бросился убежать, он смело бросился его преследовать, выбивая из сараев и домов, причем своим взводом захватил 43 пленных.

В конной атаке 29 мая 1916 года у Лужаны проявил также не меньше храбрости, захватив своим взводом 37 пленных.

В остальных боях — в Румынии также отличался храбростью и самоотвержением, неоднократно вызывался охотником на опасные предприятия, проникая в расположение противника и добывая важные сведения о его расположении».

Приказом командующего Юго-Западным фронтом от 5 августа 1917 года подпрапорщик Кабардинского конного полка Исмаил Тхазеплов будет произведен в чин прапорщика...

* * *

Войска Юго-Западного фронта готовились к новому наступлению. Шло пополнение частей личным составом и вооружением. И в связи с этим уже 6 марта генерал-лейтенант Багратион в приказе по Кавказской конной дивизии объявил: «Пулеметную команду Осетинской пешей бригады в составе 4-х обер-офицеров, 144 нижних чинов и 85 лошадей при 12 пулеметах полагать прибывшей в состав вверенной мне дивизии». А 15 апреля в распоряжение командира дивизии прибыла и вся «Осетинская пешая бригада в составе 3-х батальонов

и 3-х пеших сотен» под временным командованием подполковника Такоева. В конце мая он «сдаст» бригаду полковнику Алексею Баеву, до этого бывшему командиру 12-го Финляндского стрелкового полка...

С середины апреля начали прибывать в полк «кадра запаса» Кавказской конной дивизии, в город Проскуров, запасные сотни, сформированные на Кавказе для пополнения ее частей.

«Запасную сотню 4-й очереди» Кабардинского полка эшелоном из Нальчика привез поручик Александр Серебряков, кавалер четырех орденов, заслуженных им в боях на Кавказском фронте. Он, как и все офицеры запасных сотен, числился по дивизионному «кадру запаса». И поэтому «по кадру запаса» 8 мая 1917 года в городе Проскурове будет отдан приказ, один из пунктов которого относился к поручику Серебрякову: «Временно командующий Кабардинской запасной сотней поручик Александр Никифорович Серебряков с 5 сего мая перешел в религию предков — мусульман, получив имя Заурбек, отчество Асланбек с прибавлением фамилии деда Даутоков-Серебряков, что и внести в послужной список названного офицера». В то время Заурбеку Даутокову-Серебрякову было тридцать два года...

* * *

Устойчивая и стабильная обстановка, сохранившаяся после Февральской революции в Кавказской конной дивизии, не поддававшейся пораженческой пропаганде и псевдореволюционной демагогии, далеко не всем была по душе. И нашлись лица, развернувшие через ряд российских газет кампанию нападок на ее офицеров и всадников. В связи с этим и выступил на страницах газеты «Кубанский курьер» живший в то время в Екатеринодаре уроженец Кабарды, юрист Пшемахо Тамашевич Коцев, в ближайшем будущем один из организаторов Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана.

Вот о чем писал в «письме в редакцию» газеты «Кубанский курьер», вышедшей 24 марта 1917 года, член временного Кубанского областного Гражданского Комитета присяжный поверенный Пшемахо Коцев: «В первые дни великой русской революции вместе с известиями о падении старого режима и о событиях на улицах Петрограда в обществе стали циркулировать слухи, а затем в некоторых газетах появились заметки о том, что будто некоторые части Кавказской туземной

кавалерийской дивизии (так называемой «Дикой») были истребованы с фронта для подавления революционного выступления и они стреляли в народ, причем будто и сами были расстреляны другими войсковыми частями, перешедшими на сторону Исполнительного Комитета Государственной Думы.

Подобные слухи, естественно, взволновали горское население, и представители последнего приняли все меры к тому, чтобы получить самые достоверные известия об участии и роли их единоплеменников — частей так называемой «Дикой Дивизии» — в событиях на улицах Петрограда.

По полученным самым точным и достоверным сведениям оказалось, что ни одна из частей Кавказской тузем. кавал. дивизии в Петрограде в революционные дни не была и ни один воин названной дивизии в революционный народ не стрелял. Вся эта дивизия с первых дней войны и по настоящее время находится на своем боевом посту на позициях Западного фронта и наравне с другими сынами Великой России защищает общую родину от внешнего врага.

Прошу другия газеты перепечатать».

А в штабе Кавказской конной дивизии, в городе Проскурове, ситуация складывалась все более тревожная. И 15 апреля распоряжением военного министра, переданным из Петрограда по телеграфу командующему Юго-Западным фронтом, генерал-лейтенант Багратион был отстранен от ее командования. 17 апреля в связи с этим он издаст приказ по дивизии.

«За время с 5 марта периодически поступали ко мне сведения в виде слухов, телеграмм и газетных статей о якобы враждебном настроении командного состава вверенной мне дивизии, не исключая и лично меня, против Временного Правительства», — говорилось в приказе генерала Багратиона. Но все это, продолжал он, не соответствовало действительному положению дел, и подтверждением тому служат «распоряжения, объявленные приказом по дивизии и личные мои указания начальникам частей, а равно беседы мои с представителями от частей». «Наконец, принесенная 19 марта во главе со мною всею дивизиею присяга» на верность Временному правительству свидетельствует о поддержке всадниками и офицерами дивизии новой российской власти. Но это не успокоило «тех из немногих темных и безрассудных лиц, — с горечью сообщал Багратион, — которые пола-

гали, что к клятве перед Богом и своей совестью на 54-м году жизни и 37-м году службы мне можно относиться легкомысленно, играя своей честью старого слу-жаки».

В заключение приказа Дмитрий Петрович Багратион, обращаясь к офицерам, военным врачам, полковым муллам и всадникам дивизии, сказал: «Расставаясь с глубокой скорбью о потерянной чести командования Вами... храбрые орлы Кавказа, неустрашимые Кабардинцы, Дагестанцы, Татары, Чеченцы, Черкесы, Абхазцы и Ингуши... прошу принять мою задушевную благодарность за честную службу, дружбу и радости. Не поминайте лихом искренне любившего Вас кунака».

Генерал-лейтенант Багратион отчислялся в резерв чинов Киевского военного округа. К командованию дивизией с 18 апреля был «допущен» командир 3-й бригады генерал-майор Александр Васильевич Гагарин. И, согласно его приказу, предписывалось «командиру Ингушского конного полка полковнику Мерчуле вступить во временное командование 3-й бригадой с совмещением обязанностей по командованию полком».

На фоне событий, связанных с жизнью дивизии и обстановкой в ее рядах после Февральской революции, весьма интересным и во многом показательным является письмо, напечатанное 9 апреля 1917 года в газете «Бессарабская жизнь», за подписью секретаря «N-ского комитета общественной безопасности» молдавского священника Петра Хохора. В приказе по дивизии от 25 апреля генерал-майор Гагарин, сообщив об этой газетной публикации, связанной со 2-м Дагестанским полком, привел и ее текст:

«Привет «Дикой дивизии»... В связи с появившимися заметками о «Дикой дивизии», считаем своим долгом сообщить, что большая часть этой дивизии и передовой перевязочный отряд долгое время простояли и находились в нашем районе. Во все время их пребывания у нас порядок царил образцовый.

Благодаря неусыпным заботам командира князя Амилахвари и коменданта корнета Акчурина, население не терпело обид и стеснений со стороны войска, которое по уходе своем оставило лучшую о себе память.

Шлем вдогонку сердечное спасибо и привет нашего населения «Дикой дивизии»...»

И вновь в штабе дивизии, как об этом объявлено генералом Гагариным, был получен приказ командующего

4-й армией, на этот раз от 27 марта 1917 года, о награждении орденами офицеров, отличившихся в декабрьских боях против неприятеля на земле Румынии. В их числе были названы:

«...орденом св. Анны 2-й степени с мечами
Конных полков:
Черкесского — *подполковник Генрих Бьерквист,
корнет Сеит-Бий Крымшамхалов...*
Чеченского — *подпоручик милиции Умат-Гирей
Куриев...*
орденом св. Станислава 2-й степени с мечами
Татарского — *корнет граф Николай Бобрин-
ский...»*

* * *

1 мая далеко от украинской Подолии, в центре Терской области — городе Владикавказе, состоялось открытие первого съезда «горских племен Кавказа», на который, по сообщению газеты «Терский вестник» за 3 мая 1917 года, «приехали представители: от чеченцев, ингушей, кумыков, дагестанцев, ногайцев, туркмен, кабардинцев, балкарцев, черкесов, осетин и пр. Представителей прибыло более 300 человек».

Одним из главных инициаторов созыва «собрания горцев Кавказа» стал ротмистр Чеченского конного полка Абдул-Меджид (Тапа) Арцуевич Чермоев, которого в то время командование Юго-Западным фронтом откомандировало из Действующей армии в Терскую область. На том съезде горских народов был создан Союз горцев Северного Кавказа и Дагестана, избран его Центральный Комитет, в состав которого, наряду с другими видными политическими и общественными деятелями горских народов, вошли присяжные поверенные кабардинец Пшемахо Тамашевич Коцев и балкарец Басият Абаевич Шаханов.

Председателем ЦК Союза горцев избирается Абдул-Меджид (Тапа) Чермоев.

Гайдар Баммат, сподвижник Чермоева по ЦК Союза горцев, в своей статье «Абдул-Меджид Чермоев», напечатанной в 1937 году в эмигрантском парижском журнале «Кавказ», так напишет об этом периоде в жизни своего друга и соратника: «Как только началась революция и над необъятной империей пронеслось дуновение духа свободы, и в сердцах подъяремных народов России

забилась надежда на возможное освобождение, — Тапа оказался в первом ряду патриотов, поставивших своей задачей политическое объединение и эмансипацию народов Северного Кавказа.

Состоявшийся 1 мая 1917 года съезд объединенных горцев Кавказа почти всецело обязан своим созывом Тапе. Он не только был одним из его инициаторов и членом Комитета по организации, но и взял на себя все расходы как по устройству съезда, так и по содержанию выделенного им Исполнительного органа — Центрального Комитета Союза Объединенных Горцев».

И вот тогда, 3 мая, на первом съезде горцев Северного Кавказа и Дагестана, по предложению Абдул-Меджида Чермоева, «председатель съезда» Басият Абаевич Шаханов направляет телеграмму, одобренную всеми делегатами, в Проскуров командиру Кавказской конной дивизии: «Представители всех горских племен Северного Кавказа и Дагестана, собравшиеся во Владикавказе на свой первый съезд для организации постоянного Союза объединенных горцев, написав на своем красном знамени борьбу всеми силами против реакции и за торжество федеративной демократической республики, шлют свой сердечный привет своим родным полкам Кавказской мусульманской конной дивизии, мужественно, как истинные сыны гордого любовью к свободе Кавказа, отстаивающим грудью неприкосновенность, честь, свободу отныне дорогого нам всем Отечества — России».

Эта телеграмма, полученная генерал-майором Гагариным из Владикавказ, по его приказу зачитывалась во всех полках дивизии.

* * *

И вновь обратимся к приказам по дивизии...

4 мая. «Приказом Русским войскам Румынского фронта от 14 апреля 1917 года Черкесского конного полка подпоручик милиции Аслан-Мурза Егибоков за отличия в делах против неприятеля награжден орденом св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом».

6 мая. «Приказом Русским войскам Румынского фронта от 5 апреля 1917 года Ингушского конного полка поручик Дунда Добриев награжден орденом св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом», а приказом Армии и Флоту 4 апреля 1917 года он произведен в штабс-ротмистры.

11 мая. «Приказом Русским войскам Румынского

фронта от 30 апреля с. г. за № 426 Чеченского конного полка юнкер милиции Муцур Иноркаев за оказанные им в делах против неприятеля отличия произведен в прапорщики милиции».

Муцур Иноркаев с 1914 года служил в Чеченском полку. Награжден тремя Георгиевскими крестами.

11 мая. Приданного Кавказской конной дивизии «командир 752-го транспорта полковник Супруненко, вернувшийся из командировки,— объявлял в приказе по дивизии генерал-майор Гагарин,— донес, что во время шестидневного железнодорожного путешествия в Полтаву и обратно всюду в вагонах 1-го класса толпились солдаты, сидевшие в расстегнутой одежде, курившие и не обращавшие никакого внимания на офицеров. Только один солдат попросил у полковника Супруненко разрешения закурить, и это оказался приказный Чеченского конного полка Умар-Хаджи Даймасханов.

Считаю отрядным для всей дивизии явлением, что среди всеобщей распущенности наши кавказские всадники не поддались вредному искушению и, как природные воины, поняли, что без чинопочитания и уважения к старшим не может существовать армия.

От лица службы благодарю приказного Даймасханова...».

12 мая. «§ 1. Сего числа начальник штаба дивизии генерал-майор Половцев отбыл в распоряжение Военного министра. Во временное исполнение обязанности начальника штаба вступить ротмистру Кабардинского конного полка (Дохчико) Кубатиеву».

«§ 6. Приказом Армии и Флоту 1 апреля с. г. 2-го Дагестанского конного полка подполковник Хаджи Мурат на основании приказа по Военному ведомству... произведен в полковники».

«§ 23. Прибывший 5 сего мая в Чеченский конный полк прапорщик 223-го пехотного запасного полка Чермоев временно прикомандировывается, впредь до перевода, к Чеченскому конному полку».

Юсуп Чермоев, родственник Абдул-Меджида Чермоева, с 1914 года служил в Чеченском полку. За отвагу в боях награжден медалями «За храбрость» 2-й, 3-й, 4-й степени. В чине урядника направлен на учебу в школу прапорщиков. По завершении «курса обучения» попал в 223-й запасной пехотный полк, а оттуда переведен в Чеченский конный полк.

13 мая. «Приказом Армии и Флоту 7 сего мая командир Чеченского конного полка полковник принц

Фазула-Мирза Каджар за боевые отличия произведен в генерал-майоры».

18 мая. Через месяц после своего отстранения от командования в дивизию вновь вернулся генерал-лейтенант Дмитрий Петрович Багратион, с которого сняты все несправедливые обвинения в приверженности к «старому режиму» и нелояльности к Временному правительству. В связи с этим он предписал генералу Гагарину вновь вступить в командование 3-й бригадой, а полковнику Мерчуле — Ингушским полком.

* * *

В майские дни произойдут значительные изменения в командном составе бригад и полков дивизии.

Еще 7 мая, в связи с отъездом в «кратковременный» отпуск командира 2-го Дагестанского полка полковника Гизи Амилахвари, в командование Дагестанцами вступил полковник Джамалутдин Мусалаев. Полмесяца спустя, 21 мая, когда командующий 1-й бригадой генерал-майор Михаил Андреевич Кобиев, «на основании свидетельства врачей, отбыл на группы Пятигорья» для лечения, комдив Багратион в приказе от 27 мая укажет: «Во временное командование бригадой вступить временно командующему 2-м Дагестанским конным полком полковнику Мусалаеву, с исполнением обязанностей по командованию полком».

14 мая приказом Временного правительства Армии и Флоту объявлялось о новом назначении командиров двух полков Кавказской конной дивизии:

«Кабардинского — полковник Старосельский назначен командиром гвардейского Конного полка.

Татарского — полковник князь Бекович-Черкасский назначен командиром гвардии 1-го Кирасирского полка».

До Февральской революции эти части, являвшиеся элитными в российской армии, именовались — лейб-гвардии Конный полк и лейб-гвардии Его Величества Кирасирский полк. Их командиров назначал лично царь...

С 24 марта 1916 года командовал Кабардинским полком полковник Всеволод Дмитриевич Старосельский. И теперь, в семнадцатом, он уходил на новое место службы. 23 мая в местечке Копайгород, где стоял Кабардинский полк, полковник Старосельский обратился к всадникам и офицерам со своим последним приказом:

«...14 месяцев войны я имел счастье стоять во главе Вас. Много тяжелых дней и положений пережили мы

вместе, много голода, холода и горя видели мы, но и счастье улыбалось славному Кабардинскому полку за это время. Я душою сроднился с Вами.

Расставаясь с Вами, я могу лишь горячо поблагодарить Вас за добрые чувства, которые Вы мне не раз доказывали, и особенно за ту чересчур лестную оценку моей личности, которую огласили свободные представители полка от Вашего имени. Это отношение я считаю высочайшей наградой за мои посильные труды и заботы, посвященные Вам.

Желаю, чтобы Кабардинский полк возвратился домой стройный и мощный своим единением, с сознанием честно выполненного долга перед Богом, совестью и Родиной. Чтобы было ясно всем, что дело, взятое Вами на себя, доведено до конца.

Опасайтесь розни в Вашей среде, которая только ослабит Вас. Да благословит Вас Бог на дальнейший бранный путь, и да покроется славой наш родной полк...»

21 июня генерал-лейтенант Багратион издает приказ № 150 по Кавказской конной дивизии, специально посвященный полковникам Старосельскому и Бековичу-Черкасскому — отважным офицерам, боевые дела которых составляют славу и гордость легендарной «дивизии кавказских орлов».

«Служба полковника Старосельского в боях — сплошной путь побед непосредственно подчиненных ему частей, — сказано в приказе, — геройские дела в Карпатах в 1914 и 1915 годах в рядах Татар справедливо приковали сердца всадников и офицеров к личности Всеволода Дмитриевича; победный бой Татар 15 февраля 1915 года в один голос всеми участниками признан делом его рук; лихая конная атака Кабардинцев 29 мая 1916 года у Лужан, когда взято было одних пленных 1300 австрийцев, — блестящая страница истории Кабардинского конного полка в период командования им полковником Старосельским.

Обе эти победы должны были украсить грудь этого храбреца Георгиевскими крестами, к которым он представлен, но, к сожалению, еще не получил...

Кабардинский полк за время командования полковником Старосельским всегда был в блестящем состоянии... дисциплина же и высокочытарские устои в этом доблестном полку всегда твердо держатся...

От лица службы сердечно благодарю полковника Старосельского за командование Кабардинским полком».

По случаю назначения полковника князя Бековича-

Черкасского «на должность командира гвардии 1-го Кирасирского полка» командующий дивизией утвердил, как это требовалось, специальную комиссию. «...Председателем комиссии по сдаче и приему Татарского полка назначен полковник Черкесского конного полка Султан Келеч-Гирей и членом — Татарского конного полка штабс-ротмистр Хан Нахичеванский».

И уже позже, в другом приказе, генерал-лейтенант Багратион укажет: «Председатель комиссии по приему Татарского конного полка полковник Султан Келеч-Гирей рапортом от 28 мая за № 36 донес, что конский состав этого полка, несмотря на отрицательные стороны 3-х летней походной жизни, производит весьма отличное впечатление. От лица службы приношу искреннюю благодарность бывшему командиру полка полковнику князю Бековичу-Черкасскому, сотенным командирам и всадникам за любовь к лошадям».

Полковник Федор Николаевич Бекович-Черкасский покидал Татарский полк, уже имея свое кабардинское имя и отчество. Незадолго до нового назначения он принял религию своих предков — ислам и стал теперь официально именоваться князем Темботом Жанхотовичем Бековичем-Черкасским.

И вот пункт второй приказа № 150, отданного по Кавказской конной дивизии генералом Багратионом:

«Командир Татарского конного полка полковник князь Бекович-Черкасский приказом Армии и Флота 14 мая сего года назначен командиром 1-го гвардейского Кирасирского полка и сдал Татарский полк, которым он командовал с 25 февраля 1916 года, а с основания дивизии служил в рядах родных ему Кабардинцев.

При его непосредственном участии как помощника командира полка по строевой части сформирован Кабардинский полк, в который он вложил свою благородную душу и боевой опыт Маньчжурской кампании. Во всех отраслях службы и в частной жизни князь Бекович-Черкасский пользуется высоким авторитетом.

Конные атаки дивизиона Кабардинцев 10 сентября 1915 года (у деревни Доброполе) и взятие деревни Тышковцы конной атакой Татар 31 мая 1916 года под его командованием отмечены: первая орденом св. Георгия 4-й степени, а за вторую — представлен к Георгию 3-й степени.

Этого достаточно, чтобы отметить заслуги полковника князя Бековича-Черкасского, блестящего сына Кав-

казских боевых орлов общей нашей Родины — России и дивизии кавказцев.

От лица службы сердечно благодарю полковника князя Бековича-Черкасского за отличное командование полком».

11 июня новым командиром Кабардинского конного полка будет назначен полковник Владимир Давидович Абелов, родившийся 20 января 1876 года, «потомственный дворянин Тифлисской губернии». В 1895-м он окончил Николаевское кавалерийское училище. До войны служба Абелова проходила в Петербурге, в знаменитой Офицерской кавалерийской школе, где он являлся «помощником заведующего курсом обучения офицеров». С сентября 1914 года Владимир Давидович был зачислен в Ингушский конный полк на должность старшего офицера, затем станет помощником полкового командира. К маю 1917 года за боевые отличия Абелов получил в награду четыре ордена, среди которых св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом, и чин полковника.

Офицер Анатолий Марков в воспоминаниях «В Ингушском конном полку» скажет и о Владимире Давидовиче Абелове, с которым впервые встретился в 1915 году, будучи зачисленным в Ингушский полк: «...подполковник Абелов, высокий, стройный грузин с резкими чертами лица и густыми бровями... Это был тип прекрасного, выдержанного кавалерийского офицера, причем он, как и большинство грузин, выделялся своей прирожденной вежливостью и тактом».

Командиром Татарского полка был назначен полковник князь Леван Лаурсабович Магалов, «из дворян города Тифлиса», окончивший военный класс в Пажеском корпусе, участвовавший «в походах против китайцев в 1900 г. и в кампании против японцев в 1904—1905 гг.» и тогда награжденный четырьмя орденами. За боевые отличия на Румынском фронте полковник Магалов заслужил орден св. Владимира 3-й степени с мечами.

В мае 1917 года произошла и смена командира Ингушского конного полка. 22 мая полковник Георгий Алексеевич Мерчуле направил рапорт командующему дивизией о том, что он «того же числа заболел», и вскоре, согласно заключению врачебной комиссии, отбыл на лечение.

Во главе Ингушского полка с 25 мая стал полковник Асланбек Байтиевич Котиев, «сын ингушского почетного старшины Байти Парагуловича Котиева, села Кантышевского». Согласно документам о службе, он родился

2 апреля 1867 года, происходил «из узденей Терской области». Общее образование получил «в доме родителей», военное — в Елизаветградском кавалерийском училище, которое окончил в 1895-м в чине корнета. Почти вся служба Котиева в довоенное время, да в значительной степени и в военное, прошла в 1-м Дагестанском конном полку. В его рядах в 1908 году он в чине ротмистра уже командовал 3-й полковой сотней.

За отличия по службе Асланбек Байтиевич Котиев имел награды «мирного времени» — ордена св. Анны 3-й степени, св. Станислава 2-й степени и св. Станислава 3-й степени.

Из списка офицеров Дагестанского полка на 1912 год следует, что Котиев был женат и «имел 4-х сыновей: 16, 12, 10 и 5 лет».

С августа 1914-го в составе 1-го Дагестанского конного полка подполковник Асланбек Котиев участвовал в боях на Юго-Западном фронте. Сражался отважно. И уже в январе 1915 года получил в награду ордена св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом и св. Анны 2-й степени с мечами. В декабре производится в чин полковника. Потом Высочайшим приказом 9 мая 1916 года «Дагестанского конного полка полковнику Котиеву» будет пожалован орден св. Владимира 3-й степени с мечами.

На май 1917 года полковник Асланбек Байтиевич Котиев состоял командиром стрелкового дивизиона 3-й Кавказской казачьей дивизии. С этой должности он и был назначен временно командующим Ингушским полком, который принял 25 мая, а 7 июня, на основании телеграммы из штаба Юго-Западного фронта, «полковник Котиев Главкомандующим армиями допущен к командованию Ингушским конным полком на законном основании».

В той же телеграмме из штаба фронта указывалось, что полковник Мерчуле, по возвращении в дивизию после выздоровления, должен будет состоять в распоряжении ее командующего — генерал-лейтенанта Багратиона.

Последуют в те дни и другие изменения в командном составе дивизии. 22 мая начальник дивизионного штаба генерал-майор Петр Александрович Половцев назначается «Главкомандующим войсками Петроградского военного округа». Во временное исполнение должности начальника штаба вступил ротмистр Кабардинского конного полка Дохчику Кубатиев. Он нес эту службу до 21 июня, потом передал дела новому начальнику штаба Кавказ-

ской конной дивизии полковнику Владимиру Гатовскому. Комдив генерал Багратион объявит ротмистру Дохчику Кубатиеву «сердечную благодарность» за «выдающееся знание и ревностное исполнение» обязанности «начальника штаба дивизии».

«Приказом Армии и Флоту 30 мая сего года, — объявлял по дивизии Багратион, — командир 2-й бригады вверенной мне дивизии генерал-майор Дробязгин переведен в резерв чинов Киевского военного округа. Вместо него назначен командир Чеченского полка генерал-майор принц Фазула-Мирза Каджар, а командиром названного полка назначен 1-го Дагестанского конного полка полковник Мусалаев».

Так полковник Джамалутдин Мусалаев вновь вернулся в Чеченский конный полк, став на этот раз «на законном основании» его командиром. Впервые он временно, менее месяца, с 10 декабря 1916 года командовал Чеченцами, вступив в эту должность после ранения в Румынии полковника Каджара.

Согласно послужному списку, Джамалутдин Мусалаев родился 10 февраля 1880 года в Темир-Хан-Шуринском округе, Дагестанской области, «из дворян». Общее образование получил в Темир-Хан-Шуринском реальном училище, военное — в Московском пехотном училище «по 1-му разряду». Служба его проходила в Дагестанском конном полку в городе Темир-Хан-Шуре.

В составе сформированного во время русско-японской войны 2-го Дагестанского конного полка поручик Джамалутдин Мусалаев участвовал в боевых действиях в Маньчжурии «с 11 июля 1904 г. по 14 августа 1905 г.». «Контужен в ногу осколком шрапнели — 14 января 1905 г.». За храбрость в боях с японцами, как свидетельствует послужной список, составленный 28 января 1913 года, он был награжден шестью орденами:

«Имеет ордена:

«Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом — 20 ноября 1904 г.

Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» — 9 января 1905 г.

Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом — 1 апреля 1905 г.

Св. Станислава 2-й ст. с мечами — 27 апреля 1905 г.

Св. Анны 2-й ст. с мечами — 27 апреля 1905 г.

Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом — 8 апреля 1906 г.».

После Японской войны Джамалутдин Мусалаев вновь

продолжил службу в Дагестанском конном полку. На 1913 год в чине ротмистра он командовал одной из полковых сотен.

Из послужного списка известно и то, что Джамалутдин Мусалаев был женат на чеченке — «дочери жителя г. Грозного Геха Мадиева — Зейнаб Геха Мадиевой». Имел «сына Зияутдина, родившегося 21 июня 1911 года».

С начала Первой мировой войны в рядах Дагестанского конного полка (переименованного в 1-й Дагестанский) Джамалутдин Мусалаев принимал участие в боях на Львовском направлении Юго-Западного фронта. За проявленное мужество произведен в чин подполковника и удостоен Высочайшего благоволения. Служа с 26 апреля 1915 года, будучи «прикомандированным», во 2-м Дагестанском полку, он также неоднократно отличался в боевых действиях и удостоен наград — Высочайшим приказом от 1 апреля 1916 года «Дагестанского конного полка подполковник Мусалаев произведен в полковники», а 21 августа ему был пожалован орден св. Владимира 3-й степени с мечами.

* * *

И вновь обратимся к приказам генерал-лейтенанта Багратиона по дивизии за 1917 год...

28 мая. «Приказом Русским войскам Румынского фронта от 14 мая сего года за № 472 Чеченского конного полка поручик князь Магомет Бекович-Черкасский за отличия в делах против неприятеля награжден орденом св. равноапостольного князя Владимира 4-й степени с мечами и бантом, для нехристиан установленным».

8 июня. «Дагестанского конного полка поручик Мальсагов временно прикомандировывается, впредь до перевода, к Ингушскому конному полку».

Пройдет полтора месяца, и в приказе Армии и Флоту от 23 июля будет объявлено: «1-го Дагестанского конного полка поручик Мальсагов переведен в Ингушский конный полк».

В данных приказах речь идет о двадцатидвухлетнем поручике Созерко Артагановиче Мальсагове. С августа 1914 года в составе 29-го Сибирского стрелкового полка он участвовал в войне, за боевые заслуги награжден орденом св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом. «Был ранен в бою с германцами». В декабре того же года переведен на службу в Ингушский конный полк, вначале в запасную сотню, а весной пятнадцатого в его

основной состав в Действующей армии. В боях заслужил ордена св. Анны 3-й степени с мечами и бантом и 4-й степени с надписью «За храбрость». Затем 10 февраля 1916 года Высочайшим приказом переведен из Ингушского полка на службу в 1-й Дагестанский полк, входивший в 3-ю Кавказскую казачью дивизию.

Офицер Созерко Мальсагов и в рядах 1-го Дагестанского конного полка был отмечен боевыми орденами. Об этом, в частности, свидетельствует приказ по войскам 8-й армии от 27 октября 1916 года, согласно которому «за отличия в делах против неприятеля» в период Брусиловского наступления «1-го Дагестанского конного полка поручик Сосырко Мальсагов» награжден «орденом св. Станислава 2-й степени с мечами, для нехристиан установленным».

Разыскать сведения о других наградах Мальсагова за время его службы в Дагестанском полку, к сожалению, не удалось. По данным Российского государственного военно-исторического архива, «фонда 1-го Дагестанского конного полка в архиве нет, а документы 3-й Кавказской казачьей дивизии, куда входил указанный полк, сохранились только до 1915 года».

О Созерко Мальсагове в период его службы в 1-м Дагестанском полку известны и данные, связанные с производством в чин поручика, а затем — штабс-ротмистра.

Высочайшим приказом от 21 апреля 1916 года «за отличия в делах против неприятеля» производился «из корнетов в поручики 1-го Дагестанского конного полка Мальсагов, со старшинством с 17 декабря 1915 года». Это значит, что свой подвиг Созерко Артаганович совершил именно в тот декабрьский день, когда еще служил в Ингушском полку.

Из архивного «Списка по старшинству генералов, штаб- и обер-офицеров конных полков» российской армии видно, что на осень 1917 года Мальсагов уже состоял в чине штабс-ротмистра — «штабс-ротмистр Ингушского конного полка Мальсагов Сосырко, имеет старшинство в чине с 14 февраля 1917 г.».

* * *

В приказе по дивизии от 8 июня № 136 объявлено: «Команда всадников Черкесского конного полка, оставленная в сел. Хреновка, Могилевского уезда, Подольской губернии, для поимки разбойников и охраны жителей, с полным сознанием своего долга по исполнению возложенного на всадников поручения, неоднократно отра-

жала нападения шайки разбойников, и всякий раз предупреждались насилия, чинимые там грабителями.

За воспитание таких молодцов-всадников объявляю сердечную благодарность командиру Черкесского конного полка полковнику князю Чавчавадзе и всему Черкесскому полку».

* * *

Приказом командующего Юго-Западным фронтом от 13 июня 1917 года «нижепоименованные нижние чины, за оказанные ими в делах против неприятеля отличия, произведены в прапорщики милиции:

Ингушского конного полка — *подпрапорщики Абдул-Азис Холухоев, Мурат Мальсагов и Хаджи-Бекир Мальсагов.*

Чеченского конного полка — *подпрапорщик Изнаур Дубаев и юнкер милиции Абдул-Муслим Мударов.*

Черкесского конного полка — *юнкер милиции Пшимаф Ажигоев.*

Кабардинского конного полка — *юнкер милиции Пшемахо Абуков».*

Все названные в приказе юнкера и подпрапорщики были награждены Георгиевскими крестами и медалями «За храбрость». Двое из них — Мурат Мальсагов и Изнаур Дубаев — являлись полными Георгиевскими кавалерами, а юнкер Пшимаф Ажигоев имел три Георгиевских креста.

* * *

Весной 1917 года положение в стране ухудшалось буквально с каждым днем. Все более усиливавшаяся анархия, рост преступности, неповиновение властям самым непосредственным образом отражались на армии, все более подвергавшейся под воздействием пораженческой пропаганды разложению. В результате этого из повиновения командиров выходили многие полки, дивизии и даже корпуса. И все более усиливалось в армии дезертирство.

Генерал от кавалерии Алексей Алексеевич Брусилев, ставший с 22 мая 1917 года Верховным Главнокомандующим российской армией, вспоминая о том времени, писал в книге «Мои воспоминания»: «К маю войска всех фронтов совершенно вышли из повиновения, и ни-

каких мер воздействия предпринимать было невозможно. Да и назначенных комиссаров слушались лишь постольку, поскольку они потворствовали солдатам, а когда они шли им наперекор, солдаты отказывались исполнять их распоряжения. Например, 7-й Сибирский корпус, отодвинутый с позиций в тыл на отдых, наотрез отказался по окончании отдыха вернуться на фронт... Таких случаев на фронтах было много».

Но и в той сложной для России обстановке, в обществе, как и в рядах армии, были люди и силы, считавшие своим священным долгом защитить Отечество от противника, оставшиеся верными воинскому долгу. Ярким примером этого могут служить всадники и офицеры Кавказской конной дивизии, сохранявшие в своих рядах высокую дисциплину, выдержку и способность противостоять пораженческим настроениям.

В конце мая в газетах России, да и Северного Кавказа, в листовках, распространяемых на позициях Юго-Западного фронта, было напечатано «Воззвание Кавказской туземной конной дивизии». 31 мая его опубликовала и газета «Терский вестник»:

«Кавказская туземная конная дивизия обратилась к солдатам и офицерам с воззванием, в котором говорится:

«Наш долг теперь же дать немцу почувствовать наши народные силы, чтобы он видел, что мы не допустим разгрома наших союзников французов и англичан, за которым неизбежен разгром нас.

Наши братья по оружию, наши боевые товарищи! Кавказская туземная конная дивизия шлет вам свой клич: сплотимся нерушимой стеной в одну могучую силу, установим у себя порядок и справедливую дисциплину и будем готовы во всякую минуту по зову наших начальников идти в наступление на врага, попирающего нашу свободу».

Пройдет неделя, и в полках дивизии будут зачитывать текст телеграммы, полученной из Владикавказа, за подписью председателя ЦК Союза горцев Абдул-Меджида (Тапы) Чермоева:

«Центральный комитет Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана горд сознанием, что наша славная дивизия, состоящая из свободных сынов Кавказа, обратилась с воззванием, приглашающим своих боевых товарищей — солдат Западного фронта — к наступлению, — благословляет Вас, гордых и смелых орлов, на это смелое и красивое ратное дело... Мы, Ваши братья, заявляем

Вам, что родина всегда готова Вас поддержать всей боевой мощью горских народов.

Смело вперед и не дайте погибнуть той свободе, которая дорогой ценой гражданам России дана, а нам возвращена Русской революцией».

Тогда же ЦК Союза горцев направил телеграмму военному и морскому министру Александру Федоровичу Керенскому:

Центральный Комитет Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана горд сознанием, что на Ваш мужественный призыв наступлением защитить свободу одними из первых откликнулись и пошли вперед наши братья — сыны свободы, воины Кавказской туземной конной дивизии, едва залечившие раны от тяжелых потерь, понесенных на Румынском фронте. Центральный Комитет выражает уверенность, что и впредь в деле защиты свободы Вы встретите твердый оплот в лице горских народов Кавказа.

Председатель Комитета ротмистр Чеченского полка
Тапа Чермоев».

До начала нового наступления войск Юго-Западного фронта оставались считанные дни. Кавказская конная дивизия, вошедшая в состав 8-й армии под командованием генерал-лейтенанта Лавра Георгиевича Корнилова, спешно перебрасывалась воинскими эшелонами из района Проскурова в Галицию, в район города Станиславова. 11 июня кавказские полки высадились на станции Заблотов, на левом берегу Прута, юго-восточнее города Коломыя. Отсюда дивизии предстояло своим ходом выйти к Станиславову, до которого оставалось 90 километров пути.

Здесь, на станции Заблотов, 12 июня и состоялся смотр Кавказской конной дивизии командующим 8-й армией генералом Корниловым, известным в войсках своей храбростью и решительностью.

Перед нами два свидетельства о том памятном в истории дивизии событии. Одно из них — статья «Смотр Кавказской туземной (дикой) дивизии», опубликованная 11 июля 1917 года газетой «Терский вестник», другое — публикация «Корнилов и горцы» в журнале «Донская волна», вышедшем в конце 1917 года в Ростове-на-Дону. На их основе и дается картина того смотра...

«Косыми послеполуденными лучами жаркое июньское солнце освещает огромную площадь, отделяющую

железнодорожную станцию Заблутув (Галиция) от самого города...»

В те «послеполуденные» часы 12 июня бывший до этого безлюдным пустырь ожил и огласился говором на многих «горских наречиях». И расцвел яркими нарядами горцев — «здесь собралась Туземная Кавказская дивизия», чтобы «показаться» командующему армией — «легендарному генералу Корнилову».

Но не могут горцы спокойно стоять и ждать. И вот появились полковые зурначи, и начались танцы — «причем в каждом из полков свой мотив и своя лезгинка. Танцуют, подоткнув полы черкесок, поблескивая глазами и холодной сталью обнаженных кинжалов, и всадники и офицеры».

Но вот прискакавший дозорный сообщил командиру дивизии Багратиону, что генерал Корнилов с офицерами своего штаба на лошадях приближается к пустырю. По сигналу комдива командиры полков командуют своим сотням: «По коням! Смирно!»

Дивизия выстроилась на пустыре около железнодорожной станции «четырёхугольником»: с трех сторон — Чеченский, Ингушский, Кабардинский, 2-й Дагестанский, Черкесский и Татарский полки. С четвертой стороны стали входившие в состав дивизии артиллеристы 8-го Донского казачьего дивизиона и пулеметчики отряда Балтийского флота. «Выстроенные части представляли из себя красивую картину; особенно выделялись Чеченцы и Ингуши с желтыми и синими башлыками, а также и 4-я сотня Черкесского конного полка, состоящая из абхазцев и бывшая в своих национальных головных уборах (головы обвязаны белыми башлыками)».

При приближении генерала Корнилова к выстроившейся для встречи с ним дивизии трубачи всех полков играют встречный марш. Ровно в четыре часа пополудни командарм на коне «въехал в четырёхугольник» и стал объезжать выстроившиеся части, «здоровается с ними и заговаривает с двумя-тремя всадниками каждого полка». Затем, остановившись посредине дивизионного «четырёхугольника», Лавр Георгиевич Корнилов произнес «следующую речь»:

«Орлы Кавказа! Я не ожидал, но я счастлив видеть вас в таком изумительном порядке. В вас сохранился еще тот дух, который начинают терять наши войска.

Когда вернетесь к себе на Кавказ, передайте от меня поклон и большое спасибо вашим отцам, что сумели воспитать и вдохнуть в вас ту внутреннюю дисциплину,

что предохраняет вас от развала. Сейчас я зову вас на ратный подвиг и убежден, что славная история вашей дивизии обогатится еще многими страницами. Еще раз спасибо вам, славные горцы, за службу!»

Площадь оглашается ответными одобрительными и приветственными криками нескольких тысяч человек на многих языках народов Кавказа и русском, затем раздается мощное «ура!». При этом шесть полковых «хоров» заиграли революционную «Марсельезу».

И вот началось прохождение частей Кавказской конной дивизии церемониальным маршем перед командующим армией генералом Корниловым. «Стройно, полк за полком, под звуки музыки прошли кавказцы, за ними загрохотали пушки, а за этими последними прошли пулеметчики...»

«Первыми проходили Кабардинцы в черных черкесках с синими башлыками и синими же верхами черных папах, на сухих, выносливых кабардинских конях, стремя в стремя, голова в голову, за ними — Дагестанцы в красных чангирах, с красными башлыками и верхами папах.

Генерал Корнилов пропускает их мимо себя разными аллюрами, и лицо его горит восторгом при виде порядка и стройности движений, свойственной регулярной коннице.

Затем проходит вторая бригада: желтые Чеченцы и красные Татары, и наконец третья — красные Черкесы и синие Ингуши...»

Смотр закончился традиционной «кавказской лезгинкой под звуки зурны», после чего генерал Корнилов покинул дивизию.

О том памятном для всех всадников и офицеров смотре вспоминает и бывший корнет Кабардинского полка Алексей Алексеевич Арсеньев: «Высшей оценкой царившего в Дивизии духа являются слова самого генерала Корнилова, произведшего нам смотр перед общим наступлением в г. Заблотове 12. VI. 1917 года и сказавшего нашему начдиву генералу князю Багратиону: «Я наконец дышал военным воздухом!»

ЧЕРЕЗ ВОЕННЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ БУРИ

Боевые действия на Юго-Западном фронте начались утром 18 июня. С рубежей на реке Стрыпи, юго-западнее Тернополя, в направлении Львова развернули наступление корпуса 7-й и 11-й армий, но уже вскоре германские и австро-венгерские войска остановили их продвижение и заставили перейти к обороне.

23 июня начали активные боевые действия части 8-й армии генерала Корнилова. В тот день южнее Станиславова перешел в наступление 16-й армейский корпус. А 25 июня на направлении главного удара 8-й армии — от Станиславова к городам Калушу и Долине — устремился 12-й армейский корпус генерал-лейтенанта Владимира Андреевича Черемисова, в составе которого сражалась и Кавказская конная дивизия.

Главная тяжесть боев в последнем наступлении российской армии выпадет на долю 8-й армии, оказавшейся в той ситуации разложения и нестабильности самой крепкой и боеспособной из войск Юго-Западного фронта. В двухдневных ожесточенных боях дивизии генерала Корнилова прорвали оборону неприятеля и продвинулись вперед.

«В Долинском направлении 25 июня около полудня после артиллерийской подготовки войска генерала Корнилова атаковали укрепленные позиции противника западнее Станиславова на фронте Ямницы — Загвоздь, — говорилось в сообщении из Ставки. — Прорвав передовую главную позицию противника, наши войска, двигаясь с боем, овладели местечком Юзеполь и деревнями Циенжув, Павельче и Рыбно и ст. Лысец. Брошенная в преследование отступающего противника конница достигла реки Луквы.

Трофеи дня — 131 офицер, 7000 солдат, 48 орудий, из них 12 тяжелых, и много пулеметов».

В успехе наступления «войск генерала Корнилова» был значительный вклад и Кавказской конной дивизии, в сообщении из Ставки названной «конницей».

В течение дня 26 июня, говорилось в очередном сообщении из Ставки, войска армии генерала Корнилова продолжали наступление в Галиции, к западу от города Станиславова. «Австро-германцы оказывали энергичное

сопротивление, переходя в ожесточенные контратаки... Противник отходит к реке Ломнице.

..Поведение и дух в войсках выше всякой похвалы, офицеры везде впереди.

Таким образом, в результате двухдневного наступления западнее Станиславова нами прорваны позиции противника на протяжении 20 верст по фронту и 10 верст в глубину».

Документы донесли до нас свидетельства о боевых делах кавказских полков и подвигах всадников и офицеров в тот день — 26 июня.

Кабардинский конный полк, как сообщал перед наступлением в штаб дивизии полковой командир Владимир Давидович Абелов, имел в своем составе: «офицеров 27, шашек (всадников) 470, сотен 4».

В рядах 1-й сотни служил двадцатидвухлетний юнкер Исмаил Абезыванов, происходивший «из кабардинских узденей селения Коново». В 1915-м он получил в награду Георгиевский крест 4-й степени, позже произведен в юнкера.

«Юнкер Исмаил Абезыванов 26 июня 1917 года был послан с разъездом в 12 рядовых в направлении Павельче — Рыбно — Калуш,— напишет в наградном листе полковник Абелов, представляя его к чину прапорщика.— У высоты 362, что около Рыбно, он нагнал прикрывавшую отступление противника часть, встретившую его пулеметным и ружейным огнем. Юнкер Абезыванов, желая продолжить преследование и пройти в расположение главных сил противника, спешил взвод, вступил в бой, заставил эту часть отойти.

Этим достиг возможности неотступно преследовать противника и давать точные важные сведения о нем в указанном для разъезда направлении...»

В период июньского наступления право награждения Георгиевскими медалями «За храбрость» было дано командирам дивизий. И поэтому генерал Багратион, не ожидая довольно долгого прохождения наградных представлений по Георгиевским крестам, своей властью награждает героев боев медалями.

В направлении города Калуша 26 июня наступал и 2-й Дагестанский полк, ведя бой за деревню Майдан, о чем сказано в приказе о награждении медалями «За храбрость» 4-й степени всадников Дагестанцев:

«Всадник Молла Гусейн Исак. В бою 26 июня 1917 г. у дер. Майдан доставлял патроны в цепь под

сильным артиллерийским и ружейным огнем, чем способствовал успеху».

«Всадник Магома Раджаб. 26 июня 1917 г. у дер. Майдан примером отличной храбрости ободрял своих товарищей и увлекал их за собой при взятии деревни».

26 июня станет памятным днем для Черкесского полка тем, что трое офицеров 2-й сотни—Байзет Султан-Гирей, Пшимаф Ажигоев и Магомет-Рауф Агиров, проявившие в тот день мужество в бою под Калушем, заслужат Георгиевское оружие. Приказ об их награждении будет объявлен командующим 8-й армией 2 сентября 1917 года.

Черкесского конного полка прапорщик Байзет Султан-Гирей, состоявший по армейской кавалерии, награждался Георгиевским оружием «за то, что в бою 26 июня 1917 г. у ст. Циенжув, командуя левофланговым взводом 2-й сотни, в атаке на передовые цепи врага, посланный со взводом в 17 человек вперед для обозначения левого фланга сотни, по собственной инициативе, пока неприятель не открыл наши намерения, бросился на него, прорвал цепь противника и вышел ему в тыл, где развил успех и освободил полуроту 7-й роты 76-го пехотного Кубанского полка и своими действиями способствовал блестящему завершению атаки сотни. Во время этого дела понес потери: 2 убитых и 7 раненых».

Прапорщик Пшимаф Ажигоев награжден Георгиевским оружием «за то, что в бою 26 июня 1917 г. у ст. Циенжув, командуя взводом 2-й сотни, он, совместно с сотней, под ураганным ружейным огнем в конном строю в лесу атаковал противника, чем сотня выручила из критического положения части 19-й пехотной дивизии и способствовала переносу боя в нашу пользу. Будучи послан с разведчиками установить связь сотни с соседней пехотой, под ураганным огнем выполнил данную ему задачу и заполнил образовавшийся прорыв, потеряв при этом 1 всадника убитым и 4 всадников и 5 лошадей ранеными».

Прикомандированный к Черкесскому конному полку прапорщик Магомет-Рауф Агиров награжден Георгиевским оружием «за то, что в бою 26 июня 1917 г. у ст. Циенжув, будучи послан командиром сотни в разведку со взводом в 15 человек, под действительным артиллерийским, пулеметным и ружейным огнем противника вошел с ним в непосредственное соприкосновение, произвел рекогносцировку местности, установил силы врага и его намерения, потеряв 1 убитым и 3 раненых,

и обо всем этом, вернувшись, доложил командиру сотни, чем содействовал общему успеху сотни атаковать противника в лесу, выйти в тыл ему и тем самым выручить 19-ю пехотную дивизию из критического положения».

В тот же день, 26 июня, в приказе по Кавказской конной дивизии извещалось: «Гвардии Гродненского гусарского полка штабс-ротмистр Султан-Гирей прикомандировывается, впредь до перевода, к Черкесскому конному полку».

Так в составе Черкесского полка оказался на службе и участвовал в боях тех дней еще один представитель известного черкесского рода штабс-ротмистр Мурат Султан-Гирей. Из «Краткой записки о службе», составленной в феврале 1916 года, известно, что он родился 20 февраля 1892 года, «сын поручика, уроженец Кубанской области».

С началом войны, 28 июля 1914-го, вступил добровольцем-«охотником» в 3-й Запорожский полк Кубанского казачьего войска. В летне-осенних боях заслужил Георгиевский крест 4-й степени, медаль «За храбрость» 4-й степени и в октябре — производство в чин прапорщика. Будучи в офицерском чине, Мурат Султан-Гирей в рядах 3-го Запорожского полка за боевые отличия в 1915 году был награжден орденами св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» и св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом.

В 1916-м Мурат Султан-Гирей переводится в Гродненский гусарский полк 3-й гвардейской кавалерийской дивизии...

Геройство проявила в бою у деревни и станции Циенжув 26 июня 4-я сотня Ингушского полка под командованием поручика Магомета Бек-Бузарова, о чем командир генерал-лейтенант Багратион объявит в приказе по дивизии: «26 июня сего года доблестная 4-я сотня Ингушского конного полка во главе с лихим командиром поручиком Бек-Бузаровым, ведя боевые действия с превосходящим по силам противником, атаковала по инициативе командира сотни неприятеля у сел. Циенжув, обратив его в беспорядочное бегство и захватив при этом 8-ми дюймовое орудие.

От лица службы приношу мою искреннюю благодарность поручику Бек-Бузарову, молодцам-всадникам славной сотни — сердечное спасибо».

В рядах 4-й сотни Ингушского конного полка служил полный Георгиевский кавалер подпрапорщик Муса Хад-

жукович Мальсагов, сын участника войны с Турцией в 1877—1878 годах. Согласно его послужному списку, он родился 13 августа 1888 года в селении Альтиево, Назрановского округа. Женат. Грамотен. По занятию — «земледелец».

Подпрапорщик Муса Мальсагов в бою 26 июня у села Циенжув проявил мужество, и уже 4 июля командир Ингушского полка полковник Асланбек Байтиевич Котиев представил его за боевые отличия к награждению чином прапорщика. В наградном листе он писал:

«...В бою 26 июня 1917 г. у с. Циенжув 4-я сотня полка с 3-х с половиной часов занимала позицию в пешем строю на северо-западной окраине селения (вправо от шоссе, ведущего на мест. Галич), имея задачей отбить наступавшего значительно превосходящими силами противника и во что бы то ни стало удержать за собой позицию. Несмотря на ураганный артиллерийский, пулеметный и ружейный огонь противника, изрешетившего всю площадь, занимаемую сотней, подпрапорщик Мальсагов все время боя, появляясь в самых опасных местах, то в одном, то в другом взводе, личной отвагой и полным презрением к смерти ободрял и воодушевлял всадников. Когда вследствие ураганного артиллерийского огня противника загорелась деревня и у коноводов произошло смятение, подпрапорщик Мальсагов бросился туда и, в течение нескольких минут ликвидировав смятение и восстановив порядок, возвратился снова на линию огня. В 16 часов энергичным огнем 3-й и 4-й сотен противник, занимавший укрепленную позицию и угрожавший прорывом у высот 292 и 353 и обходом в тыл правого фланга наступавшей 19-й пехотной дивизии, был сбит. Одним из первых подпрапорщик Мальсагов бросился вслед за убегающим противником, причем 4-й сотней было захвачено одно 8-дм. орудие.

Выдающиеся боевые качества подпрапорщика Мусы Мальсагова свидетельствуют о полной его подготовке к занятию офицерской должности, почему ходатайствую о производстве его в чин прапорщика милиции...»

4 июля 1917 года полковник Котиев представил к чину прапорщика и подпрапорщиков Ингушского полка — полного Георгиевского кавалера Ахмета Оздоева и награжденного тремя Георгиевскими крестами Исмаила Мальсагова, также проявивших героизм в бою у села Циенжув в Галиции.

Приказом по Армии и Флоту от 14 ноября 1917 года, когда уже почти три недели прошли после свершения

Октябрьской революции, но пока еще функционировал Главный штаб, объявлялось, что производятся за отличия в делах против неприятеля «в прапорщики милиции подпрапорщики Ингушского конного полка: Оздоев (Ахмет), Мальсагов (Муса) и Мальсагов (Исмаил)».

А в приказе командира Кавказской конной дивизии генерал-лейтенанта Багратиона среди награжденных медалями «За храбрость» всадников Ингушского полка, отличившихся в бою у села Циенжув, значатся:

«Вахмистр Исмаил Кодзоев — 3 ст. № 177323.

Всадник Ахмед Плиев — 3 ст. № 177338.

Всадник Магомет Коргоев — 3 ст. № 177327.

26 июня 1917 г. во время боя за село Циенжув, находясь в цепи, все время поддерживали связь между частями и выказали при исполнении таковой полную выдающуюся самоотверженность».

* * *

На 27 июня части 8-й армии продолжали преследовать отступавшего на северо-запад противника. «На фронте Юзеполь — Станиславов — Богородчаны в 12 часов дня наши доблестные войска, руководимые генералом Черемисовым, взяли город Галич... к вечеру наши войска достигли реки Ломницы, — сообщалось из Ставки. — На фронте устья реки Ломницы — Дубровлян переброшенные после короткого боя передовые части на ее левый берег заняли деревни Блудники и Бабина».

В тот же день частями 8-й армии был занят и город Калущ.

Особо значительных успехов достиг тогда 12-й армейский корпус генерала Черемисова, в составе которого наступали кавказские полки. Это и к их всадникам и офицерам относилась телеграмма командующего Юго-Западным фронтом генерала Гутора: «Душевно благодарю славные революционные войска 12 корпуса за их высокий подвиг и доблесть в выполнении своей боевой задачи».

Во второй половине дня 27 июня Кабардинский полк вместе с другими частями, преодолевая сопротивление противника, вышел к реке Ломнице. Это тогда всадники 2-й сотни, под сильным огнем немцев отыскав брод, способствовали переправе на западный береге реки пехотного полка. В связи с этим командир взвода поручик Науруз Наурузов подает рапорт командующему сотней поручику Павлу Захарову, который и вручит его полковнику Абелову со своим донесением: «Представ-

ляя при сем рапорт поручика князя Наурузова, согласно которому способствовали переправе через реку Ломницу 466-го пехотного полка всадники под командою подпорщика Измаила Тамбиева, имеющего всех четырех степеней Георгиевские кресты, ходатайству о представлении его в прапорщики, старшего урядника Михаила Логинова — к 3-й степени Георгиевского креста, младшего урядника Алихана Тлупова и приказного Нану Зеушева — к 4-й степени Георгиевского креста...»

За месяц до наступления прибыл на службу в Кабардинский полк корнет Григорий Мосолов, племянник генерал-лейтенанта Александра Александровича Мосолова, бывшего до осени 1916 года начальником Канцелярии Императорского Двора, а затем — послом в Румынии.

Как видно из послужного списка корнета Мосолова, он родился 26 января 1892 года. Происходил из потомственных дворян. Окончил Московский университет. Холост. 1 февраля 1916 года поступил в Пажеский корпус и 1 октября в чине прапорщика окончил курс обучения. Военную службу начал в рядах лейб-гвардии Конного полка на Юго-Западном фронте. Был награжден орденом св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» и произведен в корнеты. В мае 1917 года Мосолов, будучи в это время адъютантом командира Гвардейского кавалерийского корпуса, подает рапорт с просьбой перевести его на службу в Кабардинский конный полк.

По прибытии 17 мая в полк, корнет Григорий Мосолов был определен в 4-ю сотню. В ее составе он и участвовал в наступлении.

Утром 27 июня по приказу сотенного командира ротмистра Керима Хана Эриванского корнет Мосолов с разездом в 26 человек «при старшем уряднике Аслан-Али Эфендиеве» направляется для отыскания брода на реке Ломнице и проведения разведки в районе деревни Бабино.

Вся долина Ломницы, где продвигался с всадниками корнет Мосолов, находилась под ружейным, пулеметным и артиллерийским огнем неприятеля. На той стороне реки, занимаемой австрийцами и немцами, находилась деревня Бабино, и туда необходимо было выйти разезду 4-й сотни Кабардинского полка.

«...Корнет Мосолов, рассмотрев подступы к реке и рассыпав карьером разезд в лаву, бросился с Эфендиевым к реке, — говорилось в приказе командира Кавказской конной дивизии генерала Багратиона от 3 июля

тиону с рапортом, в котором говорилось: «Мулла Шогенов, участвуя во всех делах полка, до сих пор имеет только Георгиевский крест 4-й степени, в то время как муллы других полков получили офицерские награды. Было бы бесконечно приятно для всех чинов полка внимание, оказанное нашему мулле, и ходатайствуем о награждении его орденом св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом.

Прошу содействия Вашего Сиятельства об утверждении награды командиром корпуса».

Отвечая Бертрону, начальник дивизионного штаба Юзефович в своем отношении напишет: «Мулла Шогенов за бой 10 сентября представлен к ордену св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом. Наградное представление направлено командиру 2-го кавалерийского корпуса 30-го минувшего месяца».

Командующий 9-й армией генерал Лечицкий наградил муллу Кабардинского конного полка «испрашиваемым для него орденом»...

Высоко было оценено командованием и мужество, проявленное в бою 10 сентября всадниками Кабардинского конного полка. Из 196 участвовавших в атаке 69 всадников будут награждены Георгиевскими крестами, 55 — медалями «За храбрость».

Из приказов о награждении Георгиевскими крестами по Кабардинскому полку:

«Мл. урядник Актол Шипшев — 4 ст. № 463741.

Мл. урядник Хажумар Айдебулов — 4 ст. № 463553.

10 сентября 1915 года во время конной атаки личной храбростью и мужеством подбодряли своих товарищей, чем способствовали успеху атаки».

«Ст. урядник Калинин Рудас — 2 ст. № 7880.

Всадник Жамбулат Сидаков — 4 ст. № 273195.

10 сентября 1915 года под командованием прапорщика князя Наурузова (Науруза) в составе разъезда в 12 всадников в конном строю атаковали противника на высоте 392 и взяли в плен 22 австрийца».

«Всадник Нашхо Табухов — 4 ст. № 276216.

Всадник Хамид Алискеров — 4 ст. № 172524.

Всадник Тамаша Ахохов — 4 ст. № 291765.

10 сентября 1915 года во время конной атаки на дер. Доброполе показали беззаветную храбрость, увлекая за собой своих товарищей, и тем самым способствовали успеху. Первыми ворвались в дер. Доброполе, при этом порубив до 10 австрийцев».

«Всадник Магомет Хаупшев — 4-й ст. № 273224.

Всадник Владимир Краснопольский — 4-й ст.
№ 273748.

В бою 10 сентября, будучи в заставе, были ранены, остались в строю до конца боя».

«Всадник Жамалдин Ансоков — 4-й ст. № 161698.

Всадник Балкарук Керменов — 4-й ст. № 161699.

В бою 10 сентября были ранены, после перевязки возвратились в строй и продолжали сражаться».

«Мл. урядник Темиркан Кипов — 4-й ст. № 161627.

За отличие в конной атаке 10 сентября 1915 года».

«Медицинский фельдшер Григорий Опрышко —
3-й ст. № 195072.

В конной атаке 10 сентября 1915 года у дер. Доброполе перевязывал раненых под огнем противника».

«Кончился только к вечеру бой, собрались всадники в ряды сотен и, ведя пленных, захватив раненых и добычу, возвратились в Л[асковцы], — рассказывалось в корреспонденции с фронта в газете «Терские ведомости». — Но долго еще Кабардинские разъезды чутко следили, не предпринимает ли враг контрудар со стороны деревни Д[оброполе]. Но тихо было ночью. Только Кабардинский полк ликовал победу, и каждый участник конной атаки гордился славным делом...»

Алексей Алексеевич Арсеньев вспоминал в своем очерке «Кавказская Туземная Конная Дивизия», что в Кабардинском полку была своя песня «о бое под Ласковицей», сложенная после славной атаки 10 сентября 1915-го из Ласковиц на деревню Доброполе. Написал ее «вольноопределяющийся трубач 1-й сотни». «В моей памяти, — писал бывший корнет Кабардинского полка Алексеев, — сохранились лишь отрывки из этой песни:

Не гром гремел, не буря пела
Под Ласковицей по полям:
В атаку «первая» летела, —
Отдав поводья лошадям...

Франц Иосиф, царь австрийцев,
Будет помнить удальцов!
Он не забудет Кабардинцев —
Кавказа дикого сынов!»

* * *

В то время, когда сотни Кабардинского конного полка во главе с полковником Бековичем-Черкасским устремились в атаку на противника, занимавшего позиции вдоль

шоссе от деревни Доброполе до Хмелевки, командующий Сводным полком подполковник князь Амилахвари направил вперед дивизион 2-го Дагестанского полка в составе 2-й сотни под командованием корнета Ильи Павловского и 3-й сотни — штабс-ротмистра Александра Гольдгаара. Командовал дивизионом ротмистр князь Нух-бек Тарковский.

И вот, когда «внезапность и решительность ураганно-го налета Кабардинцев» сбила первую оборонительную линию неприятеля, «в образовавшийся между Кабардинцами прорыв подполковник князь Амилахвари направил лавой 3-ю сотню Дагестанцев, а для атаки окопов гонвендов у сел. Доброполе, из которых пулеметы поражали Кабардинцев в их левый фланг, направил 2-ю сотню Дагестанцев. Лично, оставив взвод от 3-й сотни Дагестанцев, шел в атаку с последней, подвергаясь смертельной опасности, но зорко следя за этим лихим боем».

Сотни 2-го Дагестанского полка вели бой одновременно с сотнями Кабардинского полка — «рубя и не давая опомниться гонвендам, ураганная эта атака доведена была на протяжении 6 верст до основных позиций гонвендов у реки Стрыпи, где встречена была пулеметным и артиллерийским огнем».

Под вражеским огнем Дагестанцы и Кабардинцы ворвались в деревню Доброполе и своими отважными действиями способствовали пехоте Старооскольского полка во взятии высоты 392.

В тот день потери Дагестанского полка составили 56 всадников убитыми и ранеными; из строя вышли и 58 лошадей.

Вечером, когда боевая задача была выполнена, подполковник Амилахвари отвел Сводный полк от позиций противника, «пользуясь складками местности, пересеченной болотистыми лощинами». Сотни Дагестанского полка отошли в фольварк Матеушевка, Кабардинского полка — в деревню Ласковцы.

За отвагу, проявленную в бою 10 сентября, подполковник Гиви Иванович Амилахвари, возглавлявший в тот день Сводный полк, который блестяще осуществил боевую операцию у деревни Доброполе, будет награжден орденом св. Георгия 4-й степени.

7 октября 1915 года подполковник Амилахвари направил рапорт командующему Кавказской конной дивизией, в котором сообщал: «Представляя при сем три списка с пятью наградными листами на офицерских чинов вверенного мне полка за конную атаку у дер. Добро-

поле 10 сентября 1915 г., прошу ходатайства о награждении их».

Среди этих офицеров был ротмистр Тарковский, представленный к Георгиевскому оружию:

«Наградной лист

2-го Дагестанского конного полка ротмистр Нух-бек князь Тарковский.

Вероисповедания магометанского.

Имеет награды:

св. Станислава 3-й ст.— 1905 г.

св. Анны 3-й ст.— 1908 г.

св. Станислава 2-й ст.— 1911 г.

св. Анны 2-й ст.— 1913 г.

св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом — 1915 г.

Мечи и бант к имеющемуся ордену св. Станислава 3-й ст.— 1915 г.

В запасе и отставке не был.

Представлен: к св. Анне 4-й ст. с надписью «За храбрость» — 1915 г. июля 12.

К чину подполковника — 1915 г. июля 14.

Ротмистр князь Нух-бек Тарковский в бою 10 сентября 1915 г. у дер. Доброполе, лично руководя дивизионом, под сильным огнем противника, с явной опасностью для жизни, умело повел сотни в атаку на укрепленную дер. Доброполе, довел дело до удара холодным оружием, забрал в плен 150 австрийцев, пулемет и выбил противника из укрепленной деревни...»

Представление командира 2-го Дагестанского полка поддержал командующий дивизией генерал-майор Багратион, написавший на наградном листе: «Удостоверяю сей подвиг, сопряженный со смертельной опасностью для жизни доблестного ротмистра князя Тарковского, во всех боях находящегося всегда впереди своего дивизиона, ходатайствую о награждении его **Золотым оружием**».

Приказом командующего 9-й армией 2 ноября 1915 года за № 586, по удостоению Георгиевской Думы, *ротмистр Нух-бек Тарковский был награжден Георгиевским оружием.* А 18 ноября последовал Высочайший приказ о присвоении ему «за отличия в делах против неприятеля» чина подполковника.

В успешный исход боя 10 сентября у деревни Доброполе внес значительный вклад и помощник командира 2-го Дагестанского полка по строевой части подполковник Арацхан Хаджи Мурат, принявший личное участие в атаке. Пройдет два месяца, и в полковом приказе под-

полковник Амилахвари объявит: «Высочайшим приказом 31-го минувшего октября Государь Император объявил Высочайшее благоволение подполковнику 2-го Дагестанского конного полка Хаджи Мурату...»

39 всадников Дагестанского полка «за лихую конную атаку у деревни Доброполе» были награждены Георгиевскими крестами, 33 — медалями «За храбрость».

«За успешное выполнение боевой разведки на реке Стрыпе» Георгиевское оружие получит командир Кабардинского конного полка полковник Илларион Илларионович Воронцов-Дашков, командовавший в тот день 1-й бригадой. Возглавив четыре сотни Кабардинского и 2-го Дагестанского полков, две роты пехоты и шесть орудий, он «успешно выполнил порученную ему разведку, причем взятие высоты 392 дало возможность прочно закрепиться дивизии на всем фронте...».

Два дня спустя об успешном бое, происшедшем 10 сентября у деревни Доброполе, на левобережье Стрыпи, южнее Тернополя, сообщит на всю страну Петроградское телеграфное агентство, передав официальную сводку от Штаба Верховного Главнокомандующего: «В окрестностях сел. Доброполе, юго-западнее Трёмбовли, наша конница лихо атаковала противника. Противник бежал. Преследуя, наша конница многих порубила и многих взяла в плен.

По предварительному подсчету, в плен взято около 500 нижних чинов при 17 офицерах, захвачено также два пулемета».

11 сентября, на следующий день после боя у деревни Доброполе, генерал-майор Дмитрий Петрович Багратион издал приказ по дивизии:

«Сердечно благодарю полковника князя Бековича-Черкасского, широко проявившего личную инициативу в избрании момента направления атаки и доведения ее до конца, а также и подполковника князя Амилахвари, умело воспользовавшегося в самые горячие минуты атаки своими сотнями для складывания успеха в нашу сторону.

Оба они с холодной головой и горячим кавалерийским сердцем повели в лихую атаку свои дивизионы на окопы гонвендов. Горячо благодарю подполковника Хаджи Мурата, ротмистра князя Тарковского, а также командиров сотен Кабардинцев и Дагестанцев... и взводных командиров; беззаветно лихим всадникам, проявившим блестящие качества природных воинов, объявляю спасибо...

Да будет вечная память вахмистру 2-го Дагестанского

конного полка подпрапорщику Нахибашеву, погибшему в лихой конной атаке в двух шагах от неприятельских пулеметов у сел. Доброполе, и всем храбрецам, жизнью своей добывших победу и славу Кавказской туземной конной дивизии в лихой конной атаке 10 сентября под сел. Ласковцы».

Подпрапорщик Татжутдин Нахибашев, погибший в бою 10 сентября, в 1904—1905 годах участвовал в войне с Японией, был награжден Георгиевским крестом 4-й степени. Потом, в четырнадцатом, в рядах 2-го Дагестанского полка он вновь добровольно уйдет на фронт. За майские бои на Пруте получит Георгиевский крест 3-й степени. А 5 августа великий князь Георгий Михайлович вручит Татжутдину Нахибашеву, в числе 23 всадников Дагестанцев, отличившихся в бою у деревни Шупарка, Георгиевский крест 2-й степени за то, что он «1915 г. 2 июля у дер. Шупарка, вызвавшись охотником на разведку, с явной личной опасностью под губительным огнем неприятеля осмотрел проволочные заграждения, нашел в них проходы и выяснил подступы к окопам противника».

12 сентября на имя командира «Кавказской туземной конной дивизии» поступила телеграмма от командующего Кавказской армией великого князя Николая Николаевича, бывшего с начала войны и до 23 августа 1915 года Верховным Главнокомандующим всей российской армией. На следующий день текст ее был объявлен в дивизионном приказе: «Несказанно обрадован известием о лихой конной атаке Кабардинцев и Дагестанцев. Передаю доблестным полкам, что Кавказская армия и Я будем гордиться их подвигом. Да даст Господь новые подвиги...»

Пришлет в Кабардинский полк поздравительную телеграмму начальник Терской области и наказной атаман Терского казачьего войска генерал-лейтенант Сергей Николаевич Флейшер, который поздравлял «господ офицеров и всех нижних чинов Кабардинского конного полка с лихим делом, одержанным ими над дерзким врагом 10 сентября».

Получат в Кабардинском полку и телеграмму от начальника Нальчикского округа подполковника Султанбека Касаевича Клишбиева, благодарившего полкового командира за радостное сообщение об атаке 10 сентября и просившего «передать молодцам берикет берсии за поддержание чести народа и пожелания дальнейших подвигов во славу Русского оружия».

Продолжая повествование, приведем документальную хронику некоторых событий лета и осени 1915 года, связанных с офицерами и всадниками дивизии и полков...

10 сентября Высочайшим приказом начальник штаба Кавказской конной дивизии полковник Яков Давидович Юзефович произведен в генерал-майоры «за бои у дер. Бринь и Цу-Бабино 15 февраля 1915 г.».

За полмесяца до этого, 24 августа, приказом командующего 9-й армией генерала Лечицкого, Юзефович был награжден Георгиевским оружием «за бои с 25 по 29 мая 1915 года в районе Снятын — Городенка».

А еще в начале августа 1915 года командующий 9-й армией издает приказ, в котором говорилось о жене Якова Давидовича. Согласно послужному списку, с 1914 года он был «женат первым браком на вдове действительного статского советника Вере Михайловне Станкевич». И когда полковник Юзефович в должности начальника штаба Кавказской конной дивизии оказался на Юго-Западном фронте, Вера Михайловна стала сестрой милосердия санитарного поезда имени великого князя Михаила Александровича. Она участвовала и в боевых действиях, которые в марте—апреле вели части 9-й армии с первым прорывом противника у города Залещики на Днестре. В состав «Залещикского отряда» входили тогда, наряду с пехотой и кавалерией, всадники и офицеры Кавказской конной дивизии. Значит, и им в те дни оказывала свою помощь сестра милосердия Вера Михайловна Юзефович, приказом по войскам 9-й армии от 4 августа 1915 года награжденная медалями «За храбрость».

«Сестра милосердия Вера Юзефович» — 4-й степени за то, что «в ночь с 11 на 12 марта 1915 года оказывала помощь раненым на станции Залещики под действительным ружейным и артиллерийским огнем неприятеля».

3-й степени — «за то, что, подвергая свою жизнь опасности, содействовала своевременной и быстрой эвакуации раненных во время боев под Залещиками в апреле месяце сего года».

Из послужного списка известно, что 21 января 1916 года у Якова Давидовича и Веры Михайловны Юзефовичей родится дочь Галина...

11 сентября в приказе командира Кабардинского конного полка указано, что прапорщик князь Таусултан Магометович Наурузов за отличия в боях с неприятелем командующим 9-й армией награжден орденом св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом*.

13 сентября в приказе командира Кабардинского полка сказано:

«Приказом армиям Юго-Западного фронта от 1 сентября 1915 г. № 1027, по Высочайше предоставленной власти, произведен за отличия в боях в прапорщики милиции юнкер вверенного мне полка Мисост Коголкин».

Мисост Тасултанович Коголкин — «из кабардинских узденей 1-й степени», полный Георгиевский кавалер.

Всадник Черкесского конного полка Хизыр Кошев. «13 сентября 1915 г., будучи в разведке у дер. Доброполе, с явной опасностью для жизни доставил важные сведения о противнике». Награжден Георгиевским крестом 4-й степени.

16 сентября великий князь Кирилл Владимирович «от имени» императора Николая II за боевые отличия в боях с неприятелем наградил Георгиевскими крестами всадников Черкесского полка. Среди них:

«Юнкер Муса Джарим — 1-я степень № 7635.

Ст. урядник Учужук Почешхов — 1-я степень № 7649.

Мл. урядник Василий Маги — 2-я степень № 16402».

«Кабардинского конного полка младшему уряднику *Кокосу Мисакову* Высочайше пожалован за отличия в боях в 1915 году Георгиевский крест 4-й степени за № 451894. Крестом этим Его Императорское Высочество великий князь Георгий Михайлович в Ставке Верховного Главнокомандующего 17 сентября лично наградил младшего урядника Мисакова».

Урядник *Кеккез Карачаевич Мисаков* происходил из таубиев Балкарского общества. Двадцатилетним в августе 1914 года добровольно вступил в Кабардинский конный полк. В февральских боях 1915 года заслужил медаль «За храбрость» 4-й степени. В сентябре в составе конвоя из представителей от полков Кавказской конной

---

* Осенью 1915 года прапорщик Таусултан Наурузов был переведен в слободу Нальчик на должность офицера запасной сотни и с того времени занимался подготовкой пополнения для Кабардинского полка.

дивизии сопровождал в Ставку великого князя Михаила Александровича.

Чеченского конного полка юнкер милиции Али Чапанов. «Приказом армиям Юго-Западного фронта награжден Георгиевским крестом 1-й степени № 13318 за то, что во время боя 18 сентября 1915 г. вызвался охотником произвести разведку о силах противника, проник в среду огня неприятеля, выполнил таковую успешно, дал точные сведения о противнике; при этом был тяжело контужен».

Приказом командующего Юго-Западным фронтом от 20 сентября 1915 года юнкер Али Чапанов за боевые отличия произведен в прапорщики.

Татарского конного полка младший урядник Алексей Цижба. «В бою 23 сентября 1915 г. у дер. Яновка, будучи старшим в отдельной заставе, открыл наступление противника, своевременно донес об этом и, несмотря на большую опасность, продолжал наблюдать, чем содействовал успеху, и наконец, когда был окружен противником, пробился к своим». Награжден Георгиевским крестом 2-й степени.

Урядник Алексей Мурзаканович Цижба родился 15 августа 1892 года, происходил из абхазских дворян Сухумского округа. Основное занятие до войны — «хлебопашество». В Татарский полк зачислен добровольцем 6 сентября 1914 года. В его рядах за декабрьские бои в Карпатах и майские — на Пруте награжден Георгиевскими крестами 4-й и 3-й степени. «Ранен 25 августа 1915 г. у села Новоселка-Костюково (Галиция) в правую ниже колена ногу». 6 апреля 1916 года будет переведен в Кабардинский конный полк.

23 сентября по приказанию генерал-майора Юзефовича из полков в штаб дивизии предоставлялись сведения о числе всадников, награжденных с начала боевых действий Георгиевскими крестами и Георгиевскими медалями «За храбрость». И вот как выглядят данные об этом, согласно трем дошедшим до нас документам*:

«Список нижним чинам Георгиевским кавалерам Кабардинского конного полка» на 23 сентября 1915 года. Георгиевскими крестами награждены 213 всадников,

---

* Многие всадники наряду с Георгиевскими крестами были награждены и медалями «За храбрость», но при общем учете эти награды проходили по отдельности.

из них 131 кабардинец и балкарец, медалями «За храбрость»—169, из них 130 кабардинцев и балкарцев.

В «Список» по Кабардинскому конному полку еще не включены 124 всадника, которые будут награждены за бой 10 сентября у деревни Доброполе.

«Ведомость нижним чинам Георгиевским кавалерам 2-го Дагестанского конного полка» на 23 сентября 1915 года. Всего награждено 375 всадников, из них 327 уроженцев Дагестана,—197 Георгиевскими крестами, 130 медалями «За храбрость».

«Список нижним чинам Чеченского конного полка, награжденным Георгиевскими крестами и медалями» на 23 сентября 1915 года. Георгиевскими крестами награжден 201 всадник, из них 144 чеченца, медалями «За храбрость»—199, из них 169 чеченцев.

* * *

16 сентября 1915 года великий князь Кирилл Владимирович вручал за боевые отличия всадникам Кавказской конной дивизии Георгиевские кресты. В списке награжденных по Ингушскому полку первым значился: *«Вахмистр Боров Заурбек — 2-я степень № 16418».*

Вахмистр Заурбек Темиркоевич Боров (Бек-Боров) являлся интереснейшей личностью, ему довелось пройти через похожие на легенду жизненные перипетии. Писатель Брешко-Брешковский в книге «Дикая Дивизия» говорит о «сухих стариках»—всадниках-ингушах, участниках русско-турецкой войны 1877—1878 годов, служивших в конвое императора Александра II,—им уже много лет, «но какие бойцы, как рубят, какие наездники!». И тут же называет одного из них: в полку «есть один пожилой всадник. Он командовал чуть ли не всей персидской армией. Ингуш Бек-Боров. Он красит бороду в огненный цвет...». И дальше Брешко-Брешковский пишет, что, несмотря на свой возраст, «Бек-Боров, всадник еще конвоя императора Александра II, сухой цепкий наездник...»

Из документа, датированного 16 июня 1876 года, известно, что отец Заурбека, Темирко Боров, в то время имел чин прапорщика милиции и жил в Назрановском округе, Терской области. Сын его, Заурбек, станет участником войны с Турцией в 1877—1878 годах, затем бу-

дет зачислен в конвой императора Александра II, позже окончит военное училище. Вернувшись в Терскую область, будет служить во Владикавказе военным чиновником при областной администрации.

В конце девяностых годов Заурбек Боров был переведен на службу в Туркестан, в город Ашхабад. И там в его жизни произошло событие, круто изменившее его судьбу,— Боров оказался под судом, был «лишен всех особенных прав и преимуществ», разжалован из офицеров и лишен заслуженных в боях и в мирное время наград. Видимо, все это произошло в 1908 году, как раз в то время его старший сын, Султан-Бек Боров, окончил Ашхабадскую гимназию и поступил в Елизаветградское кавалерийское училище.

Офицер Анатолий Марков с марта 1915 года служил в чине прапорщика в 4-й сотне Ингушского полка. Через много лет, в эмиграции, опубликовав в парижском журнале «Военная Быль» свои воспоминания «В Ингушском конном полку», он расскажет в них и о Заурбеке Борове, историю жизни которого хорошо знали его однополчане: «Вахмистр моей сотни Заурбек Бек-Боров, ингуш по происхождению, до войны служил полицмейстером в Ашхабаде. За какие-то административные превышения власти, после ревизии сенатора Гарина, он был отдан под суд, но бежал из-под стражи на Кавказ, а затем в Персию. Здесь тогда происходила гражданская война, в которой Заурбек принял участие и скоро стал во главе одной из сражавшихся армий. За все эти подвиги Бек-Боров был произведен в полные персидские генералы, но скоро принужден был покинуть свою армию и бежать вместе с шахом в Россию. Будучи в нелегальном положении разыскиваемого властями человека, Бек-Боров воспользовался амнистией, данной Государем горцам в начале войны, и поступил всадником в Туземную Дивизию, дабы заслужить прощение своей вины...»

Бывший полицмейстер Ашхабада и бывший шахский генерал всадник Заурбек Бек-Боров, продолжавший по персидской традиции красить хной бороду, сражаясь в рядах Ингушского полка, за свою храбрость был награжден Георгиевскими крестами 4-й и 3-й степени, а в сентябре 1915-го получил и «Горгия» 2-й степени.

Когда вахмистр Заурбек Боров стал кавалером трех Георгиевских крестов, командир Ингушского полка полковник Мерчуле обратился к командующему дивизией великому князю Михаилу Александровичу с ходатайством о производстве его за боевые заслуги в офицерский

чин, а тот уже напрямую вышел с докладом по «делу Борова» на царя.

И вот приказ по Кавказской конной дивизии № 98 от 14 марта 1916 года: «Государь Император по Всеподданнейшему докладу 10 февраля 1916 г. соизволил восстановить лишенного всех особенных прав и преимуществ вахмистра Ингушского полка Заурбека Темиркоева Борова в утраченных им по суду правах и преимуществах, за исключением одного чина... а также без возвращения ему знаков отличия, до суда ему пожалованных».

Алексей Марков в воспоминаниях напишет, что Заурбек Бек-Боров «к концу войны был произведен в офицеры и закончит ее поручиком, несмотря на свои 60 лет.

В полку одновременно с Заурбеком,— продолжал Марков,— служили офицерами также и его два сына — ротмистр Султан Боров, Георгиевский кавалер, убитый на войне, и корнет Измаил, младший офицер той сотни, где отец был вахмистром.

Из внимания к сыновьям старик, несмотря на свой вахмистрский чин, был принят у нас в сотенном офицерском собрании и сидел, по кавказским обычаям, согласно которым человека чтут по возрасту, а не по чину, на председательском месте».

Еще в мае 1915 года в штаб Кавказской конной дивизии с ходатайством обратился «юнкер Тверского кавалерийского училища Исмаил Бек-Боров». Он сообщал, что 1 июня завершает курс обучения, и просил принять его на службу в Ингушский полк, чтобы «служить вместе с отцом» — Заурбеком Боровым. Но пока начальник дивизионного штаба Юзефович вел переписку с вышестоящими инстанциями, прапорщика Исмаила Бек-Борова после окончания училища направили на службу в 16-й драгунский Тверской полк. Но вскоре, уже 18 августа, Юзефович получит из Петрограда от Дежурного генерала Главного штаба телеграмму: «Препятствий к переводу прапорщика драгунского Тверского полка Бек-Борова в Ингушский полк не встречается».

И в сентябре 1915 года в списке офицеров Ингушского полка уже будет значиться: «Прапорщик Исмаил Заурбекович Бек-Боров». Позже он получит чин корнета.

В то время старший сын вахмистра Заурбека Борова, Султан-Бек Боров, в чине штабс-ротмистра служил

в уланском полку на Западном фронте. С первых дней войны он участвовал в боях и к ноябрю 1915 года был награжден Георгиевским оружием и пятью орденами. С марта шестнадцатого Султан-Бек Заурбекович станет служить в Ингушском конном полку...

* * *

В конце сентября полки Кавказской конной дивизии продолжали вести боевые действия на левом берегу Стрыпи, отбивая атаки противника, производя успешную разведку. По представлению командира Чеченского полка полковника Фазула-Мирзы Каджара особо отличившиеся тогда полковые разведчики были награждены Георгиевскими крестами:

«Ст. урядник Альбури Магома — 3 ст. № 24885.

24 сентября 1915 г., будучи в разведке, добыл и доставил очень ценные сведения о противнике, чем способствовал нашему успеху».

«Ст. урядник Заур-Бек Ахушков — 4 ст. № 358269.

24 сентября 1915 г., будучи послан в разведку у дер. Доброполе, выполнил таковую блестяще, дал о противнике точные и важные сведения».

Так наградной приказ по 2-му кавалерийскому корпусу донес до нас документальное свидетельство об уряднике Чеченского конного полка Заурбеке Ахушкове...

Николай Николаевич Брешко-Брешковский в книге «Дикая Дивизия» называет его «ингуш Заур-Бек Охушков» и рассказывает о нем удивительную историю, «совсем необыкновенную биографию», удивительным образом перекликавшуюся с судьбой Заурбека Борова...

Заурбек Ахушков, пишет Брешко-Брешковский, после окончания Елизаветградского кавалерийского училища, приехал на службу в Ахтырский гусарский полк. А спустя месяц корнет Ахушков, «оскорбленный полковником Андреевым, на оскорбление ответил пощечиной. Ему грозила смертная казнь. Бежал в Турцию и, как мусульманин, был принят в личный конвой султана Абдул-Гамида. Потом, с производством в майоры, — он уже начальник жандармерии в Смирне. Но под турецким мундиром билось сердце, любящее Россию. Вспыхивало желание вернуться и, будь что будет, отдаться русским властям. А когда вспыхнула война, Заур-Бек в ужас пришел от одной мысли, что под давлением

немцев он вынужден будет сражаться против тех, кого никогда, ни на один миг не переставал любить.

И вот, спустя двадцать лет, новый побег, но тогда из России он бежал юношей, а теперь из Турции бежал усатый, поживший, с внешностью янычара, опытом умудренный мужчина. Высочайше помилованный, Заурбек принят был всадником в Чеченский полк, получил три солдатских креста, произведен был в прапорщики, затем в корнеты».

От рассказанного о Заурбеке Ахушкове военным корреспондентом журнала «Нива» и писателем Николаем Николаевичем Брешко-Брешковским обратимся к дошедшим до нас документам. Вот составленный 31 декабря 1907 года «Список потомственным дворянам... проживавшим и проживающим в Терской области, утвержденным в сем достоинстве Правительствующим Сенатом и записанным в дворянскую родословную книгу Ставропольской губернии». Под № 11 в нем значится: «Ахушков Хауда Шмакович — 50 лет, подполковник. Сыновья его: Дзаурбек и Алихан». В пояснении «Какой местности дворянин» указано — «в гор. Владикавказе». Утверждение Сенатом возведения подполковника Ахушкова в сословие потомственных дворян России произошло в октябре 1886 года и вторично в 1887-м.

В том «Списке» указаны и сыновья подполковника Хауда Ахушкова, которые вместе с ним получали права потомственных дворян. Старший из них «Дзаурбек» и есть Заурбек Ахушков, о котором ведется рассказ.

Из послужного списка отца Заурбека, «Хауда Шмакова Ахушкова, сына почетного старшины Владикавказского округа, Терской области», известно, что в сентябре 1885 года подполковник Хауда Ахушков «за безупречную выслугу в офицерских чинах 25 лет» был награжден орденом св. Владимира 4-й степени, а это награждение уже давало право на получение потомственного дворянства.

Высочайшим приказом в сентябре 1890 года Ахушков «произведен в полковники с увольнением по болезни, с мундиром и пенсией». В его послужном списке о составе семьи сказано, что у него трое сыновей и две дочери. Самый старший из них — Заурбек Ахушков, родившийся 13 февраля 1870 года...

Осенью 1915-го сорокапятилетний урядник Чеченского конного полка Заурбек Ахушков «за блестяще» проведенную разведку заслужит Георгиевский крест 4-й степени. По представлению полковника Фазула-Мир

зы Каджара он будет награжден и Георгиевским крестом 3-й степени за то, что «21 октября 1915 г. вызвался охотником произвести разведку дер. Доброполе, занятой противником, произвел таковую под сильным ружейным и артиллерийским огнем противника, добыл весьма ценные сведения о противнике».

А в 1916-м, во время знаменитого Брусиловского прорыва войск Юго-Западного фронта, старший урядник Заурбек Ахушков заслужит Георгиевский крест 2-й степени.

Мужество, проявленное в боях старшим урядником Заурбеком Ахушковым, и заслуженные им боевые награды дали право командиру Чечемского полка полковнику принцу Каджару обратиться к командующему Кавказской конной дивизией с ходатайством о его производстве в офицерский чин. Начальник дивизионного штаба Юзифович, поддержав полкового командира, направил соответствующие документы в Главный штаб. И 2 ноября 1916 года из Петрограда в Действующую армию «начдиву Кавказской туземной конной дивизии» пришла телеграмма: «Срочно вышлите штаб послужной список урядника Заур-Бека Ахушкова на производство коего в корнеты последовало Высочайшее соизволение».

* * *

Боевые действия на левобережье Стрыпи в районе деревень Доброполе, Ласковцы, Дзвиняч, Петликовце-Нове, фольварка Михалполе продолжались.

В семь часов утра 25 сентября из фольварка Михалполе подполковник Арацхан Хаджи Мурат направляет своего ординарца в деревню Гупала к командиру 3-й сотни штабс-ротмистру Александру Гольдгаару с сообщением: «Нам приказано выполнять прежнюю задачу, имея соприкосновение с противником и вправо с пехотой (Курский полк). В Доброполе и влево с 4-й сотней Кабардинцев...»

В тот же день около шести часов пополудни подполковник Хаджи Мурат шлет сообщение ротмистру Нухбеку Тарковскому, находившемуся с всадниками на высоте 360: «К нам подошли сотни 2-й бригады, и, видимо, они сменяют наши сотни для сторожевого охранения. Вашему дивизиону приказано продолжать выполнять свою задачу, войдя с сего момента под начало полковника Половцева. Из штаба дивизии сообщают, будто в болотистой ложине впереди Вас, между высотами

269—359, идет накапливание пехоты противника...
Имейте и Вы это в виду.

Выслан от Кабардинцев для выяснения этого вопроса прапорщик Докшоков...»

Днем 25 сентября корнет Черкесского конного полка Константин Лакербай со взводом 4-й Абхазской сотни провел успешную разведку боем. Абхазских всадников, как о том свидетельствуют данные из приказа о награждении, поддержали и их боевые товарищи — карачаевцы и черкесы из других полковых сотен.

Награждены Георгиевскими крестами:

«Мл. урядник Крым Айсанов — 3-й ст. № 64672. ✓

Мл. урядник Султан Салпагаров — 3-й ст. № 64673.

25 сентября 1915 г. совместно с другими всадниками заняли позицию, по собственному почину отвлекли на себя огонь противника, чем способствовали атаке корнета Лакербая».

Награждены Георгиевскими медалями «За храбрость» 4-й степени:

«Всадник Бекмурза Тамбиев — № 337551.

Всадник Атажук Абуков — № 337552.

25 сентября 1915 г. участвовали в разведке корнета Лакербая, выносили раненых под сильнейшим ружейным и шрапнельным огнем противника».

27 сентября пехотные части 11-го армейского корпуса 9-й армии, во взаимодействии с которыми вела боевые действия Кавказская конная дивизия, начали наступление в направлении деревни Гайворонки, находившейся на правом берегу Стрыпи и превращенной противником в мощный оборонительный узел. В наступлении участвовали и кавказские полки, которым предстояло вести бой в районе деревни Петликовце-Нове.

Части дивизии с приданным 2-м батальоном Староскольского пехотного полка утром 27 сентября повели наступление на укрепленную позицию противника «высота 375 — фольварк Пилава» у деревни Петликовце-Нове. Преодолевая упорное сопротивление австрийцев и венгров (мадьяр), находившихся в окопах за колючей проволокой и часто переходящих в контратаки, кавказские сотни медленно продвигались вперед по левому берегу реки Стрыпи.

О напряженности того дня дают представление документы о награждении всадников Георгиевскими крестами.

Кабардинского конного полка
«Всадник Нарт Малихов — 4 ст. № 463556.

Всадник Хаджиумар Дегешев — 4 ст. № 463557.

В бою у дер. Петликовце-Нове 27 сентября 1915 г. под действительным пулеметным и ружейным огнем вызвались охотниками, доставили в боевую линию полка патроны, когда в них была крайняя нужда».

Чеченского конного полка

«Мл. урядник Хумид Гавдаханов — 4 ст. № 273424.

27 сентября 1915 г., будучи в секрете за старшего, открыл наступление противника и вовремя донес об этом, чем дал возможность отразить наступающую роту».

Ингушского конного полка

«Вахмистр Исмаил Мальсагов — 2 ст. № 7674.

27 сентября 1915 г., при атаке 2-й сотней австрийских окопов перед сел. Петликовце-Нове в числе первых ворвался в окоп и личным мужеством и храбростью ободрял всадников и содействовал успеху».

Черкесского конного полка

«Мл. урядник Джамальбий Каблахов — 2 ст. №...*.

25 и 27 сентября 1915 г. проявил личную храбрость и тем содействовал нашему успеху атаки».

В тот же день, 27 сентября, южнее деревни Петликовце-Нове совершил свой подвиг двадцатичетырехлетний корнет Константин Иосифович Лакербай, офицер 4-й сотни Черкесского полка. Начав войну в составе 16-го драгунского Тверского полка, он за храбрость в первых боях был награжден тремя орденами. С 13 ноября 1914 года служил в Черкесском полку. Неоднократно проявлял в боях отвагу. И 16 сентября великий князь Кирилл Владимирович при награждении офицеров Кавказской конной дивизии вручит корнету Константину Лакербаю новую награду — орден св. Станислава 2-й степени с мечами.

Итак, 27 сентября, как свидетельствует наградной лист, корнет Лакербай со взводом спешенных всадников Абхазской сотни, «перейдя по пояс в воде труднопроходимую болотистую речку, под сильным ружейным и шрапнельным огнем атаковал противника, занимавшего позицию на высотах 359 и 363, что южнее дер. Петликовце-Нове. Будучи ранен в правую руку, бросил-

---

* Здесь и далее в наградных приказах не указаны номера некоторых наград.

ся вперед, наткнувшись на проволочные заграждения, стал рубить проволоку [шашкой] левой рукой и, прорав ее, первым вбежал на вал окопа...».

Увлеченные примером корнета Лакербая, возглавляемые им всадники «прорвали проволочные заграждения и бросились в неприятельские окопы, закрепив их за собой. Противник был изрублен, 24 мадьяра при офицере взяты в плен».

Командующий 9-й армией генерал Лечицкий приказом № 68 от 20 февраля 1916 года «по Высочайше представленной власти и по удостоению Георгиевской Думы» наградил *корнета Константина Иосифовича Лакербая орденом св. Георгия 4-й степени.*

В приказе командира 2-го кавалерийского корпуса от 13 февраля 1916 года названы имена 11 всадников из взвода корнета Лакербая, которых он вел в атаку 27 сентября и которые за свое мужество были награждены Георгиевскими крестами. Вот имена троих из них:

«Ст. урядник Василий Маги — 1 ст. № 5045.

Ст. урядник Нестор Сабекия — 2 ст. №... .

Мл. урядник Рамазан Шхалахов — 2 ст. №... .

27 сентября 1915 г. у дер. Петликовце-Нове, вызвавшись охотниками, взяли укрепленный неприятельский редут штурмом. Взяли в плен 1 офицера и 24 нижних чина и укрепление удержали за собой».

28 сентября бой на реке Стрыпи продолжался. Часть сил 2-го Дагестанского полка наступала на главном направлении действий 11-го корпуса — на Гайворонку. Особую удасть и отвагу проявила 4-я сотня под командованием поручика Владимира Петровича Копейшвили, удостоенного за этот бой ордена св. Георгия 4-й степени. В его наградном листе отображены события того дня и героизм всадников Дагестанцев, штурмовавших в конном строю укрепленную позицию противника. Вчитаемся в этот военный документ, ощутим горячее дыхание ожесточенного боя...

Сотня Дагестанцев под командованием поручика Владимира Копейшвили, устремившись в атаку, проскакала «под сильным фланговым артиллерийским, пулеметным и ружейным огнем проволочные заграждения, прорванные нашей пехотой», пробилась на правый берег реки Стрыпи в деревню Гайворонку, где «атаковала роту противника, изрубила ее и взяла в плен 146 нижних чинов при 3-х офицерах.

Появившись в тылу противника, своими лихими дей-

ствиями поручик Копейшвили вызвал сильную панику у него и нанес большие потери обозам и отступающим частям. Изрубив в тылу больше роты, захватил еще в плен 74 нижних чина, командира батальона, его адъютанта и 3-х офицеров, 62 вьючные лошади с пулеметами и артиллерийскими приборами, 8 телефонных аппаратов и много других вещей».

После того как пехотные части заняли отбитые у противника позиции, 4-я сотня Дагестанского полка с пленными и трофеями перешла обратно на левый берег Стрыпи.

В бою у села Гайворонки 28-го, а затем и 29 сентября также принимали участие 1-я и 2-я сотни 2-го Дагестанского полка.

Пройдет три дня после боя за Гайворонку, и 2 октября командир полка подполковник Амилахвари получит телефонограмму начальника штаба дивизии генерал-майора Юзезовича: «Государь Император жалует за бой 28 сентября у Гайворонки участвовавшим в бою до пяти Георгиевских крестов на каждую сотню вверенного Вам полка. Список нижним чинам, удостоенным награждения, прошу прислать в штаб дивизии».

На следующий день, 3 октября, подполковник Амилахвари направит в штаб дивизии «Список нижним чинам 2-го Дагестанского конного полка, представленных к наградам Георгиевскими крестами за бой 28 сентября 1915 года», в котором значилось 19 всадников. В ноябре им будут вручены Георгиевские кресты различных степеней.

Первым среди награжденных по тому списку «жалуемых Его Императорским Величеством» наград за бой 28 сентября проходил *младший урядник Бийглыч Бамматов, удостоенный Георгиевского креста 1-й степени № 5013.*

Еще 10 всадников 2-го Дагестанского полка «за мужество и храбрость, оказанные в бою у дер. Гайворонки 28 сентября 1915 года», были награждены Георгиевскими крестами приказом командующего 9-й армией. И среди них:

«1. Вахмистр Абдул-Манап Магомаев — 1-я степень № 9547.

2. Ст. урядник Батал Устаев — 1-я степень № 9548».

В связи с успешными боевыми действиями 2-го Дагестанского конного полка у Гайворонки 28-го и 29 сентября командир Кабардинского конного полка полков-

ник Илларион Илларионович Воронцов-Дашков направил поздравление подполковнику Гиви Ивановичу Амилахвари. 1 октября последовала ответная телеграмма: «Дагестанцы сердечно благодарят дорогих кунаков Кабардинцев за внимание. Шлем искренний привет».

* * *

С утра 29 сентября крупные силы противника при активной поддержке артиллерии перешли в наступление в направлении занимаемой кавказскими полками деревни Петликовце-Нове. Развивая свой успех, австрийские батальоны продвигались вперед, «угрожая сбросить 3-ю бригаду в болотистую долину Ольховца, выйти в тыл полкам 33-й пехотной дивизии и прорвать фронт на стыке 11-го и 33-го корпусов 9-й армии», как раз там, где стояли на позициях части Кавказской конной дивизии. Но доблесть и героизм ее всадников и офицеров не дали осуществиться плану неприятеля.

Генерал-майор Дмитрий Петрович Багратион, командовавший в тот день отрядом из 11 дивизионных сотен и пехотного батальона, «искусно маневрируя, упорно отстоял свой участок» в пункте удара противника на деревню Петликовце-Нове, решив исход боя в пользу Кавказской конной дивизии, — «деревня осталась за нами, противник был отброшен, и к вечеру того же дня левый фланг генерал-майора князя Багратиона, перейдя в наступление, отбросил австрийцев».

От этого общего описания боя 29 сентября, данного в наградном представлении на генерала Багратиона, который «за бои с 23 по 29 сентября на реке Стрыпе» был награжден Георгиевским оружием, обратимся к документам, связанным с боевыми подвигами всадников и офицеров у галицийской деревни Петликовце-Нове...

По Кабардинскому конному полку. Медалью «За храбрость» награжден:

«Мл. урядник Темиркан Кипов — 4 ст. № 410097.»

29 сентября 1915 г. в бою у дер. Петликовце-Нове, состоя ординарцем при начальнике отряда, передавал важные приказания командирам сотен, чем облегчил работу начальника отряда».

По 2-му Дагестанскому конному полку. Медалью «За храбрость» награжден:

«Всадник Мурат-Бек Хаджи Мурат — 4 ст. № 410092.»

В бою 29 сентября 1915 г., будучи послан для вос-

становления связи между частями, с успехом выполнил данное поручение».

Когда на исходе дня 29 сентября сотни дивизии, оставив наступление противника, сами бросились в атаку, устремились вперед и Дагестанцы. Тогда и был смертельно ранен полный Георгиевский кавалер Гайдарбек Магома. Командир 2-го Дагестанского полка подполковник Амилахвари в рапорте от 18 ноября 1915 года, направленном начальнику штаба дивизии генералу Юзефовичу, сообщал о том, что «имевший» Георгиевский крест 1-й степени «юнкер Гайдарбек Магома умер от ран 29 сентября с. г.».

В приказах о награждении названы и имена всадников Ингушского конного полка — героев боя у деревни Петликовце-Нове, отмеченных Георгиевскими крестами:

«Ст. урядник Муса Местоев — 2 ст. №... .

29 сентября 1915 г., при наступлении противника на сел. Петликовце-Нове, командуя отдельным взводом, проявил необыкновенное хладнокровие и мужество, отбив атаку пехоты не менее роты».

«Ст. урядник Мурат Мальсагов — 2 ст. №... .

В бою 29 сентября 1915 г. под сильным и действительным огнем противника, с явной опасностью для жизни доставлял приказания начальника боевого участка».

«Подпрапорщик Федор Алексеенко — 1 ст. № 5044.

В бою 29 сентября 1915 г. под сел. Петликовце-Нове проявил необыкновенное хладнокровие и распорядительность, причем под ним была ранена лошадь».

«Мл. урядник Арцо Бекмурзиев — 3 ст. № 64679.

В бою 29 сентября 1915 г. во время атаки, будучи контужен, остался в строю и примером личной храбрости ободрял своих товарищей и увлекал их за собой».

Наиболее полно о боевых действиях 27—29 сентября в районе деревни Петликовце-Нове мы можем судить по наградным представлениям на офицеров Черкесского конного полка, сохранившимся в Российском государственном военно-историческом архиве.

2 октября командир 3-й бригады полковник Веттер-Розенталь обратился с рапортом к командующему Кавказской конной дивизией, в котором подробно описал участие в боях у деревни Петликовце-Нове Черкесского полка и роль в них исполнявшего обязанности полкового

командира подполковника Крыма Селетовича Султан-Гирея.

«Доношу, что подполковник Султан-Гирей в трехдневных боях 27, 28 и 29 сентября с. г., находясь все время в боевой линии, будучи начальником боевого участка, подвергая свою жизнь опасности, — писал в рапорте Веттер-Розенталь, — отбил все настойчивые атаки противника в превосходящих силах и сам неоднократно переходил в контратаки.

27 сентября подполковник Султан-Гирей повел для активной обороны 3 сотни с 2 пулеметами временно командуемого полка с позиции, занимаемой им второй день на высотах 359 и 360 к югу от Петликовце-Нове, в атаку на сильно укрепленную и командную позицию противника с двухъярусными окопами и с заминированными проволочными заграждениями...

Эта энергичная и решительная атака удержала противника в тот день от наступления превосходящими силами.

28 сентября австрийцы силою в 3 роты перешли в наступление на линии Черкесского полка, каковые были отбиты ружейным и пулеметным огнем трех сотен с 2 пулеметами».

29 сентября в 8 часов утра «около бригады мадьярской пехоты», поддержанной сильным артиллерийским огнем, писал далее в рапорте полковник Веттер-Розенталь, перешло в наступление на соседний участок, занимаемый Ингушским полком у деревни Петликовце-Нове. Под напором превосходящих сил врага, оказывая ему яростное сопротивление, Ингуши вынуждены были отходить. Но с подходом сотни Татарского полка полковник Мерчуле повел их в контратаку.

В это время и подполковник Крым Султан-Гирей, «блестяще поддержав Ингушей», устремился с Черкесским полком и 1-й сотней Кабардинского полка «в контратаку под сильнейшим действительным, артиллерийским и ружейным огнем противника. Во время этой контратаки ранена 2-мя пулями лошадь подполковника Султан-Гирея, но он, быстро заменив ее лошадью ординарца, продолжил атаку до полного успеха».

Около двух часов дня значительные силы австро-венгерской пехоты вновь ударили по позициям Ингушского полка, «настал критический момент на участке Ингушей». И тогда подполковник Султан-Гирей «бросил свой последний резерв» — 1-ю сотню Кабардинского полка штабс-ротмистра Михаила Леуса с двумя пулеметами —

«на участок Ингушей», что помогло им выдержать наступление противника до подхода пехотного батальона.

Потом, к вечеру, подполковник Крым Султан-Гирей со своим полком участвовал в общем наступлении частей Кавказской конной дивизии — под вражеским огнем «он смело, стремительно и решительно перешел в контратаку, — свидетельствовал в рапорте полковник Веттер-Розенталь, — выбросившись впереди своей пехоты, облегчил подход ее по крайне неблагоприятной открытой местности. Этот смелый прорыв подполковника Султан-Гирея и его лихих сотен увенчался блестящим успехом...».

В трехдневных боях у деревни Петликовце-Нове участвовали три спешенные сотни (одна составляла резерв) Черкесского полка, насчитывавшие 173 всадника. Из них 45 выбыло из строя убитыми, ранеными и контужеными. Среди офицеров пятеро получили ранения и контузии.

Подчеркивая «выдающиеся способности» подполковника Крыма Султан-Гирея, проявленные в трехдневных боях у Петликовце-Нове, его «храбрость и решительность, полное пренебрежение к смерти», командир 3-й бригады полковник Генрих Генрихович Веттер-Розенталь, «на основании вышеизложенного», в своем рапорте укажет: «...полагаю, подполковник Султан-Гирей достоин награждения орденом св. Георгия 4-й степени».

Ходатайство командира 3-й бригады поддержит временно командующий Кавказской конной дивизией генерал-майор Багратион. А затем 22 ноября 1915 года начальник дивизионного штаба Юзефович известит командира Черкесского конного полка полковника Александра Захарьевича Чавчавадзе: «Сообщаю, что представление подполковника вверенного Вам полка Султан-Гирея к ордену св. Георгия 4-й степени за бои 27 и 29 сентября с. г. направлено командиру 2-го кавалерийского корпуса 21 сего ноября за № 5015».

На основании Высочайшего приказа, последовавшего в 1916 году, подполковник Крым Селетович Султан-Гирей за боевые отличия у деревни Петликовце-Нове будет награжден производством в чин полковника...

Из приказа командира 2-го кавалерийского корпуса № 10 от 13 февраля 1916 года о награждении всадников Черкесского полка Георгиевскими крестами:

«Ст. урядник Махмуд Беданокков — 2 ст. №... .

29 сентября 1915 г. под сильным огнем противника

установил и непрерывно поддерживал связь между 1-й и 4-й сотнями, находившимися в редуте под сел. Петликовце-Нове, причем своими действиями предотвратил неминуемое поражение».

«Приказный Махмуд Эбгутл — 4-й ст. № 358272.

Приказный Айдамир Дауров — 4-й ст. № 358273.

29 сентября под сильным огнем противника вынесли раненого офицера».

Медалями «За храбрость»:

«Всадник Полиоктор Пацурия — 2-й ст. № 10843.

Всадник Николай Анчабадзе — 2-й ст. № 8008.

Казак Дмитрий Мухин — 4-й ст. № 337554.

Мл. урядник Давид Саделиани — 4-й ст. № 337556.

28 сентября 1915 г. у дер. Петликовце-Нове вызвались охотниками для исполнения приказа командира полка и, подвергая свою жизнь явной гибели, под ураганным огнем перешли по пояс болото, и уничтожили неприятельский пост, и сожгли неприятельскую наблюдательную вышку».

Эту группу всадников 4-й сотни, совершивших удачную вылазку в расположение австрийцев, возглавлял уроженец абхазского селения Ачандара урядник Василий Маги, отличившийся и накануне, 27 сентября, когда в составе взвода корнета Лакербая он участвовал во взятии вражеской позиции.

О доблести офицеров Черкесского полка в бою у деревни Петликовце-Нове свидетельствуют наградные представления на них, составленные подполковником Крымом Султан-Гиреем и подписанные полковым командиром Чавчавадзе.

Командир 2-й сотни штабс-ротмистр Келеч Султан-Гирей — «29 сентября в бою у дер. Петликовце-Нове занимал средний, самый трудный участок полка. Для выручки соседнего полка, на который противник сильно напирал, штабс-ротмистр Келеч Султан-Гирей под сильнейшим орудийным, пулеметным и ураганным картечным огнем противника несколько раз бросался вперед, увлекая за собой свою сотню в атаку на густые цепи противника.

Последней лихой контратакой закрепил за собой позицию.

Ходатайствую о награждении орденом св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость».

Прапорщик Магомет-Гери Крымшамхалов — «29 сентября в бою у дер. Петликовце-Нове, когда под давле-

нием значительно превосходящего в силах противника полк, потеряв связь с 1-м Заамурским полком, вынужден был отойти, прапорщик Магомет-Гери Крымшамхалов, вышедший с разъездом для восстановления связи, находясь все время под действительным огнем противника, блестяще выполнил возложенную на него задачу.

Ходатайствую о награждении орденом св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость».

Прапорщик Сеит-Бий Крымшамхалов — «29 сентября в бою у дер. Петликовце-Нове примером личной храбрости ободрял чинов своей полусотни, а во время второй контратаки полка, несмотря на действительный ураганный огонь противника, безостановочно продвигаясь вперед, одним из первых закрепился на нашей старой позиции у высот 359—336.

Ходатайствую о награждении прапорщика Сеит-Бия Крымшамхалова орденом св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом».

Офицеры — штабс-ротмистр Келеч Султан-Гирей, прапорщики Магомет-Гери Крымшамхалов и Сеит-Бий Крымшамхалов — будут удостоены орденов, указанных в их наградных представлениях.

За время боевых действий дивизии отважным и умелым офицером показал себя и командир Черкесского конного полка Александр Захарьевич Чавчавадзе. В том, 1915 году «за текущую кампанию» он был награжден орденом св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом, мечами к имеющимся у него наградам «мирного времени» — св. Станислава 2-й степени «за бои в январе» и св. Анны 2-й степени «за бои 25—27 мая», представлен к ордену св. Георгия 4-й степени. В октябре Чавчавадзе получит чин полковника, а Высочайшим приказом от 20 декабря ему жалуются орден св. Владимира 3-й степени с мечами.

* * *

В ряду героев Кавказской конной дивизии, отличившихся в сентябрьских боях 1915 года на левобережье реки Стрыпи, по праву стоит и корнет граф Михаил Львович Толстой, сын великого писателя России. Наградной лист на него составит генерал-майор Багра-тион:

«Наградной лист на временно прикомандированного

к штабу Кавказской туземной конной дивизии *корнета 2-го Дагестанского конного полка графа Михаила Толстого.*

Награды: св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом — 1915 г.,
св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» — 1915 г.

Последняя награда: св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом — 1915 г. 26 августа, приказ IX армии № 429.

В период боев с 10 сентября по 30 октября, находясь в моем распоряжении, неоднократно выполнял ответственные поручения. 10 сентября во время наступления двух рот Старооскольцев и 4-х сотен Кабардинцев и Дагестанцев на деревни Доброполе и Петликовце-Новые и конной атаки этих сотен, находясь под действительным ружейным и артиллерийским огнем противника, корнет граф Толстой передавал приказания в боевую линию, чем способствовал успеху боя.

27—29 сентября, находясь на наблюдательном пункте, неоднократно был посылаем для передачи важных приказаний, а 29 сентября под ураганным артиллерийским огнем отправился в передовые окопы, где связался со мною телефоном, оставаясь во все время боя, докладывал о ходе его и тем ориентировал меня, способствуя успеху на участке дер. Михалполе.

Проявленное мужество и спокойствие и в этих горячих боях ставит меня в обязанность удостоить корнета графа Толстого к представлению о награждении его орденом св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом».

«Взамен» ордена св. Владимира 4-й степени корнет Михаил Львович Толстой будет награжден орденом св. Станислава 2-й степени с мечами. В августе 1916 года, отличившись в боях во время Брусиловского прорыва, он получит пятый орден — св. Анны 2-й степени с мечами, а затем и чин поручика.

* * *

1 октября 1915 года новым командиром 3-й бригады дивизии был назначен генерал-майор князь Александр Васильевич Гагарин, опытный кавалерийский начальник, участник Японской войны, награжденный тогда Георгиевским оружием. С августа 1914-го он находился в боях, заслужил производство в генеральский чин и орден св. Владимира 3-й степени с мечами, был отме-

чен Высочайшим благоволением. Это генерал-майор Гагарин, командуя бригадой Заамурской конной дивизии, в бою у деревни Жежава 29 мая атакой своих полков оказал важнейшую помощь частям Кавказской конной дивизии, вынужденным противостоять напору превосходящих сил противника.

«Генерал-майор Александр Гагарин... в июле, командуя бригадой (3-й и 4-й Заамурские полки) в районе Шупарки, проявляя инициативу и неизменно лично участвуя в боях,— сказано в боевой характеристике,— атаковал противника, взял окопы и 5 пулеметов».

«В октябре 1915 г., командуя 3-й бригадой Туземной дивизии,— указано в том же документе,— принял участие в ее боевых действиях на фронте 11-го корпуса в районе Доброполе».

По прибытии в бригаду генерал-майор Александр Васильевич Гагарин принял на несколько дней и командование над Кавказской конной дивизией. А 11 октября он направил рапорт командиру 11-го армейского корпуса: «Представляя при сем два наградных листа на прапорщиков Черкесского конного полка Максима Сафронова и Кабардинского конного полка Магомета Абаева, ходатайствую о награждении их за боевые отличия, оказанные ими в бою 29 сентября сего года,— орденом св. равноапостольного князя Владимира 4-й степени с мечами и бантом».

К сожалению, отсутствие в архивах наградных листов не дает нам возможности узнать о подвигах, совершенных этими офицерами. Но известно, что прапорщик Магомет Таусултанович Абаев будет награжден орденом св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом.

Вспоминая о днях своей службы в Кабардинском конном полку, Алексей Алексеевич Арсеньев писал и о Магомете Абаеве: «Бои выдвинули многих всадников в прапорщики, что открывало им дальнейшее продвижение в чинах... Так, в нашем полку был поручик-балкарец, весь израненный и все же оставшийся в строю; он имел орден св. Владимира с мечами — награда, выделявшая офицера не менее Георгиевского оружия и дававшая права потомственного дворянина».

6 октября 1915 года временно командовавший Кабардинским конным полком подполковник Гавриил Алексеевич Бертрэн объявил в своем приказе: «Высочайшим приказом 1-го сего октября числящиеся по армейской пехоте прапорщики Чепелло Урусбиев и Альбаксит Кодзоков переведены во вверенный мне полк».

Чепеллеу Урусбиев родился в 1889 году в балкарском ауле Урусбиево, происходил «из горских таубиев Терской области». Он приходился двоюродным племянником Александру Александровичу (Асланбеку Мурзакуловичу) Урусбиеву, начавшему в 1865 году военную службу оруженосцем «во 2-м взводе горцев лейб-гвардии Кавказского эскадрона Собственного Его Величества Конвоя», первому из балкарцев в 80-х годах XIX века получившему чин полковника российской армии. А другой его родственник, участник русско-японской войны, капитан 84-го пехотного Ширванского полка Ибрагим Хамзатович Урусбиев, с 1914 года находился в Действующей армии.

В 1915 году Чепеллеу Биасланович Урусбиев служил в должности «лесного кондуктора» в «Кабардинском лесничестве», а значит, был человеком грамотным и образованным.

Об Альбаксите Кодзокове известно, что он в предвоенное время, как о том свидетельствует «Алфавитный список Нальчикского реального училища на 1 января 1913 года», состоял учеником 5-го выпускного класса. Значит, в то время ему было лет восемнадцать-девятнадцать.

9 мая 1915 года начальник Нальчикского округа подполковник Султанбек Касаевич Клишбиев, являвшийся председателем «Общества по распространению образования среди кабардинцев и горцев Нальчикского округа», предписал казначею общества: «На основании постановления правления общества, состоявшегося сего числа, за № 2-м, прошу Вас выписать в расходы по денежной книге деньги восемьдесят рублей (80 р.) и таковые выдать Чепеллеу Урусбиеву и Альбакситу Кодзокову по 40 рублей каждому, ассигнованные им на расходы по поступлению в военное училище».

Чепеллеу Урусбиев и Альбаксит Кодзоков в том же мае 1915 года вместе поступят в Чугуевское пехотное училище. В связи с войной курс обучения и здесь был сокращен до четырех месяцев. Незадолго до выпуска из училища юнкер Урусбиев обратился в Главный штаб Военного министерства с просьбой направить его «по производству» в прапорщики на службу в Кабардинский конный полк. И в связи с этим, 21 августа от начальника дивизионного штаба последовал запрос: «Командиру Кабардинского конного полка. По требованию Дежурного Генерала Главного штаба прошу уведомить, в возможно непродолжительном времени, сколько юнкеров

военных училищ может быть выпущено, по производстве, во вверенный Вам полк и, кроме того, нет ли препятствий к выпуску юнкера Чугуевского военного училища Урусбиева».

24 августа командовавший полком полковник Бекovich-Черкасский ответил в штаб: «Препятствий к выпуску во вверенный мне полк Чугуевского военного училища юнкера Урусбиева нет».

Ходатайствовал об определении на службу в Кабардинский полк и юнкер Кодзоков. В результате и последовал Высочайший приказ от 1 октября, согласно которому прапорщики Чепеллеу Урусбиев и Альбаксит Кодзоков зачислялись в Кавказскую конную дивизию. Выехав из города Чугуева, под Харьковом, они 12 октября прибыли на левобережье Стрыпи, в деревню Ласковцы, где в то время находился дивизионный штаб и размещался Кабардинский полк. Представившись полковому командиру, прапорщики Урусбиев и Кодзоков вручили ему свои рапорты, в которых соответственно каждый из них написал: «Доношу, что я сего числа прибыл в полк».

Оба прибывших в полк прапорщика получили назначение в 1-ю сотню. В боях они проявят храбрость, заслужат ордена и дальнейшее повышение в чинах...

15 октября из Кабардинского конного полка выедет на учебу в Тифлисскую школу прапорщиков младший урядник Али Жанхотович Инароков, который в своей «Докладной записке» командованию полка с просьбой «о командировании» его для прохождения курса «в школу прапорщиков» указал: «...имею все 4 степени Георгиевского креста».

В послужном списке младшего урядника Али Инарокова, который он вез с собой в Тифлис, о нем говорилось: «Из кабардинцев селения Ахлово, Нальчикского округа, Терской области. Родился 16 августа 1893 года. Вероисповедания магометанского. Холост. Грамотный — свидетельство Нальчикской горской окружной школы от 5-го июня 1907 года за № 314...

По Высочайшему повелению приказом по корпусу 7-го августа 1915 года за № 89 награжден Георгиевским крестом 1-й степени № 5803.

В походах и делах против австрийцев в 1914 и 1915 годах. В бою у дер. Видинова 29 мая контужен и в бою у дер. Шупарка 2 июля ранен».

Через полгода прапорщик Али Инароков вернется в свой полк и продолжит службу офицером 4-й сотни...

В октябрьские дни 1915 года император Николай II, взявший на себя с 23 августа роль Верховного Главнокомандующего, приехал из своей Ставки в Могилеве на Юго-Западный фронт, чтобы ознакомиться с положением дел, провести смотр войскам. Его сопровождал и наследник цесаревич, одиннадцатилетний сын Алексей.

Побывал Николай II и в расположении 9-й армии, в состав которой входил 2-й кавалерийский корпус с Кавказской конной дивизией. И тогда, в Восточной Галиции, недалеко от передовой линии фронта, Верховный Главнокомандующий российской армии встретился с всадниками и офицерами прославивших себя в боях кавказских полков — Кабардинского, 2-го Дагестанского, Чеченского, Татарского, Черкесского и Ингушского. Их представлял царю исполнявший должность командира дивизии генерал-майор князь Багратион.

14 октября в приказе по дивизии он объявит: «13 октября в 4 часа дня 16-рядные взвода от каждой части дивизии имели счастье быть представлены Державному Вождю Русской Армии.

Его Императорское Величество Государь Император прибыл на место смотра с Наследником Цесаревичем и изволил лично благодарить представителей дивизии и по окончанию смотра повелел мне передать всем частям Кавказской туземной конной дивизии и народам Кавказа, пославшим своих сыновей, благодарность Его Императорского Величества за отличную боевую работу...»

В связи с тем, что уже довольно продолжительное время командир 1-й бригады генерал-майор Багратион находился в должности временно командующего Кавказской конной дивизией, последовал приказ командования о назначении исполняющим должность комбрига полковника 1-го Дагестанского полка Михаила Андреевича Кубиева. С 22 октября он вступил в должность командира 1-й бригады. Из послужного списка Кубиева известно, что родился он в 1862 году, происходил «из потомственных дворян» Кавказа. Значительная часть его военной службы прошла в городе Темир-Хан-Шуре в Дагестанском конном полку, куда в декабре 1904 года он был переведен из Кавказской кавалерийской дивизии на должность помощника полкового командира по строевой части.

С начала августа 1914 года, командуя 1-м Дагестанским конным полком, полковник Кубиев участвовал в боевых действиях на Львовском направлении

Юго-Западного фронта. За мужество в боях получил св. Владимира 3-й степени с мечами и еще два ордена. Но самой высшей наградой для Кобиева стало Георгиевское оружие, которым его наградит командующий 3-й армией. В наградном приказе, из которого явствует, как героически сражался Кобиев и возглавляемые им Дагестанцы, сказано: «Командир Дагестанского конного полка полковник Михаил Кобиев награжден Георгиевским оружием за то, что 27, 28 и 29 августа 1914 года в пешем строю удержал своим полком важный и чрезвычайно трудный боевой участок у деревень Вальдарф и Майдан; отбивал многочисленные атаки значительно превосходящих сил противника в исключительно трудной обстановке, не уступил противнику ни одного шага, несмотря на повторный переход противника в наступление».

И вот теперь, в октябре 1915-го, полковник Кобиев возглавил бригаду Кавказской конной дивизии, состоявшую из Кабардинского и 2-го Дагестанского полков...

В период оборонительных боев на реке Стрыпи вступает в ряды дивизии всадником Хазеша Увжукович Диков, «из кабардинцев селения Астемирово». Добровольцем он участвовал в русско-японской войне. А в августе 1915-го подает заявление начальнику округа Клишбиеву с просьбой направить его на службу в Кабардинский конный полк. Но так как к тому времени из Нальчика уже отбыли на фронт две сформированные запасные сотни, а на 3-ю еще приказа не поступало, то урядник Хазеша Диков сам с сопроводительным письмом окружного начальника выехал в Действующую армию.

В конце сентября Диков прибыл в штаб Кавказской конной дивизии на левобережье Стрыпи, в деревню Ласковцы, и там ему было объявлено, что «за неимением вакансии в Кабардинском полку» он направляется на службу в Татарский конный полк, в состав которого его и зачислил полковой командир полковник Петр Александрович Половцев.

Вскоре за боевые отличия Дикова произведут в старшие урядники, а затем он будет награжден Георгиевским крестом, о чем в наградном приказе сказано:

«Ст. урядник Хазеша Диков — 4 ст. № 504791.

Всадник Али оглы Теймир — 4 ст. № 504786.

23 октября 1915 г. у сел. Петликовце-Нове, будучи назначены разведчиками, с явной опасностью добыли важные сведения о силах противника».

В рядах Татарского полка Хазеша Диков прослужит

до весны 1916 года и 6 апреля вместе с урядником Алексеем Цижбой будет переведен в Кабардинский конный полк...

Полковые муллы в Кавказской конной дивизии занимали особое положение. Вышестоящее командование хорошо понимало их чрезвычайно важное значение в деле поддержания боевого и морально-психологического настроения всадников-мусульман. Поэтому и считало необходимым отмечать их боевыми наградами наравне с офицерами.

Удалось установить имена троих «военных мулл». Хаджи Алихан Шогенов — мулла Кабардинского полка. Как уже говорилось, его первой наградой стал Георгиевский крест 4-й степени. Затем он получил орден св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом. Позже будет произведен в прапорщики.

Хаджи Таубот Горбаков — мулла Ингушского полка. 16 сентября 1915 года великий князь Кирилл Владимирович при награждении офицеров Кавказской конной дивизии пожаловал ему орден св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом «за отличную и усердную службу при обстоятельствах военного времени».

Хаджи Мишаост Набоков — мулла Черкесского полка. К ноябрю 1915 года, как видно из полкового списка офицеров и чиновников, он уже имел ордена св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом и св. Анны 3-й степени с мечами и бантом. В феврале 1917 года мулла Набоков будет произведен в чин прапорщика...

* * *

Первые же ноябрьские дни принесли с собой холодное дыхание зимы со снежной порошей и морозами. А с полудня 4 ноября началась сильнейшая метель, бушевала она и весь следующий день, занося снегом дороги и окопы, в которых находились спешенные всадники Кавказской конной дивизии. В особенно тяжелом положении оказались тогда две сотни Татарского полка, занимавшие позиции в направлении реки Стрыпи, в районе фольварка Михалполе.

«5 ноября 1915 года, когда вверенный мне полк стоял в дер. Ласковце, 4-я сотня (Абхазская), исполняя свой очередной наряд, была выдвинута в сел. Петликовце-Нове в резерв, в распоряжение временно командующего Татарским конным полком подполковника Альбрехта, — напишет позже командир Черкесского конного

полка полковник Чавчавадзе в рапорте командующему 3-й бригадой генерал-майору Гагарину. — С 4-го ноября начала свирепствовать сильная снежная метель, достигая своего высшего напряжения к 5 ноября. Окопы Татарского полка были абсолютно занесены снегом. При сильнейшей вьюге, непроходимых сугробах снега и морозе, казалось, не было никакой физической возможности что-либо предпринять, дабы, с одной стороны, идти на выручку замерзающих Татар, с другой стороны, обеспечить от всяких случайностей благополучие боевого участка».

В той сложнейшей ситуации всадники и офицеры Черкесского полка с честью выполнили обе эти задачи. При этом вся тяжесть работ по спасению оказавшихся в бедственном положении Татар выпала на долю 4-й Абхазской сотни, и прежде всего «охотников» под командованием прапорщика Николая Эмухвари.

«Доношу, что 5-го сего ноября, вечером, — писал прапорщик Эмухвари командиру Абхазской сотни штабс-ротмистру Генриху Бьерквисту, — получил приказ командира Татарского конного полка, в распоряжении которого находилась наша сотня, — осветить* местность между нашим резервом расположения и линией наших окопов, занятых сторожевым охранением двух спешенных сотен Татарского полка, с которыми всякая связь была утрачена ввиду страшной снежной бури и порчи телефонной линии. Со слов пленных австрийцев предполагалось, что партии австрийцев прошли мимо сторожевого охранения занесенных снегом, замерзающих Татар.

Для исполнения приказа командира Татарского полка я выступил с охотниками из дер. Петликовце-Нове...»

На это крайне опасное дело, читаем далее в рапорте прапорщика Николая Эмухвари, «ввиду ужасной снежной пурги, вызвались охотниками» 15 всадников. Среди них были и Георгиевские кавалеры урядник Константин Когониа, приказный Джото Гарцкиа, служивший в 4-й сотне черкес урядник Рамазан Шхалахов.

Назвав в рапорте поименно всех пятнадцать всадников, которых прапорщик Эмухвари во второй половине дня 5 ноября в непроглядной слепящей снежной круговерти повел из деревни Петликовце-Нове к окопам Татар, он же напишет о них: «...названные всадники, преодолев разбушевавшуюся стихию, осветили всю указан-

* Разведать.

ную местность и еще вперед на полторы версты. Не встретив нигде неприятеля, названные всадники, рискуя быть занесенными снегом, откопали и привели всю первую сотню замерзающих Татар в дер. Петликовце-Нове».

Уже стояла ночь и идти на спасение второй сотни Татарского полка в тот момент было невозможно. А на рассвете 6 ноября прапорщик Эмухвари отправил на «поиски второй сотни Татарского полка, занесенной снегом в окопах», партию добровольцев — «охотников» из 12 человек.

«Названные всадники, в команде двух урядников Михаила Чиркбая и Омара Бапхоева, откопали и привели в деревню вторую сотню Татарского полка — 65 всадников с командиром сотни. Этот самоотверженно человеколюбивый подвиг,— по словам прапорщика Эмухвари,— был совершен еще при более трудных обстоятельствах, чем вечером 5-го ноября...»

В 12 часов дня 6 ноября, получив приказание, полковник Чавчавадзе с двумя сотнями Черкесского полка «среди бушующей метели» вышел из деревни Ласковцы и, несмотря на невероятные трудности, вечером достиг района фольварка Михалполе и занял боевой участок, где до этого стояли Татары.

«В доказательство той невероятной настойчивости и самоотверженности, которые были проявлены людьми Абхазской сотни для спасения замерзающих Татар,— свидетельствовал в своем рапорте командиру 3-й бригады полковник Чавчавадзе,— докладываю, что временно командующий Татарским конным полком подполковник Альбрехт благодарил меня и восторгался самозабвенной работой Абхазцев, поборовших стихию ради спасения боевых товарищей и общего дела».

И еще в своем рапорте полковник Чавчавадзе скажет об обращении к нему из штаба корпуса по телефону «генерал-майора Хагондокова, благодарившего г.г. офицеров и нижних чинов дивизиона Черкесского полка, достигшего Михалполя, с выражением удивления, что эта задача дивизионом была выполнена» в труднейших условиях свирепствовавшей «снежной бури».

Командир Черкесского полка полковник Александр Захарьевич Чавчавадзе, «на основании всего вышеизложенного», обратился к командующему 3-й бригадой генерал-майору Гагарину с ходатайством о награждении всех 27 всадников 4-й Абхазской сотни, участвовавших в спасении Татарских сотен, Георгиевскими крестами

различных степеней. И комбриг поддержал его, но вышестоящее начальство «нашло возможным» представить к наградам — медалям «За храбрость» — только пятерых всадников.

После этого полковник Чавчавадзе направил в штаб дивизии «Список нижним чинам Черкесского конного полка, представленным к награждению Георгиевскими медалями за ноябрьский бой:

Всадник Николай Анчабадзе — к 1 степени.

Всадник Джото Гарцкия — к 4 степени.

Всадник Василий Лакоба — к 4 степени.

Всадник Михаил Чиркбая — к 4 степени.

Всадник Теймираз Лакоба — к 4 степени».

В то же время прапорщик Николай Эмухвари «за дело 5—6 ноября 1915 г. по спасению Татар у Михалполя» был представлен к ордену св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом.

* * *

10 ноября в галицийской деревушке на левобережье Стрыпи временно командующий Кабардинским полком полковник Бекович-Черкасский издал приказ, объявляющий «Список офицеров с распределением по сотням».

Командиром 2-й сотни в «Списке» указан штабс-ротмистр Дохчко Кубатиев. Уроженец Владикавказского округа, происходивший из осетинского дворянского рода, он ранее служил в 20-м пехотном Ардагано-Михайловском полку и в его составе с августа 1914 года участвовал в боевых действиях на Северо-Западном фронте на территории Польши и Восточной Пруссии. За храбрость в боях получил три ордена. Весной 1915-го Кубатиев был переведен в 51-ю артиллерийскую бригаду на Юго-Западный фронт, где заслужил орден св. Анны 2-й степени с мечами за то, что, «управляя батареею, успешно руководил огнем и остановил атаку противника на редут № 6».

В середине мая штабс-капитан Дохчко Кубатиев был ранен, лечился во Владикавказском госпитале. В то время и решился вопрос о его переводе (по личному ходатайству) из артиллерийской бригады в Кабардинский конный полк. И 11 июля 1915 года комендант города Владикавказа полковник Михайлов направил свое предписание «штабс-ротмистру Кабардинского конного полка Кубатиеву», уведомляя его: «Согласно свидетельству комиссии врачей о Вашем выздоровлении, с полу-

чением сего предписываю Вам выехать в г. Киев в распоряжение этапного коменданта для направления Вас по месту службы».

20 июля штабс-ротмистр Дожико Кубатиев прибыл в Кабардинский конный полк и стал офицером 2-й сотни, возглавляемой его земляком из Осетии Асланбеком Тугановым. Осенью, после его ранения, он станет сотенным командиром...

20 ноября в штабе Кабардинского конного полка станет известно, что приказом командующего 9-й армией «за отличия в делах против неприятеля» награждены орденами полковые офицеры:

«Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом

Прапорщик Магомет Абаев (для нехр. установл.).

Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость»

Прапорщик Докшуко Астемиров (для нехр. установл.).

С момента учреждения Екатериной II 26 ноября 1769 года офицерского Военного ордена св. Георгия Победоносца был установлен и праздничный день для Георгиевских кавалеров, который отмечался в «достопамятный день 26 ноября». Позже, с появлением в России в начале XIX века знака отличия Военного ордена — Георгиевского креста для нижних чинов, носимого на такой же орденской ленте, что и орден св. Георгия, тот праздник 26 ноября стал общим для всех Георгиевских кавалеров.

Торжественно этот день отмечался и в Кавказской конной дивизии, где были офицеры, награжденные орденом св. Георгия и Георгиевским оружием, и где сотни всадников с гордостью носили на груди Георгиевские кресты.

Накануне праздничного дня командовавший Кабардинским полком полковник Бекович-Черкасский направил поздравительные телеграммы Георгиевским кавалерам — командующему дивизией великому князю Михаилу Александровичу в его резиденцию в Гатчине и начальнику штаба 2-го кавалерийского корпуса генерал-майору Константину Николаевичу Хагондокову. А 28 ноября в приказе по полку приводились их ответные телеграммы:

«Сердечно благодарю за присланное поздравление. Всех Георгиевских кавалеров с праздником.

Михаил».

«Сердечно благодарю за поздравление. Взаимно поздравляю всех Георгиевских кавалеров и имеющих Георгиевское оружие с праздником.

Хагондоков».

С середины июля 1915 года полковник Хагондоков исполнял обязанности начальника штаба 2-го кавалерийского корпуса, занимая генеральскую должность, в то же время все еще числясь формально командиром 2-й бригады Кавказской конной дивизии.

На исходе дня 22 октября в штаб корпуса, находившийся в городке Ягельницы, из Петрограда пришла телеграмма с пометкой «Экстренно, срочно»: «Высочайшим приказом 22 октября произведен генерал-майоры за боевые отличия командующий 2-й бригадой Кавказской туземной конной дивизией полковник Хагондоков...» Производство в генеральский чин Константин Николаевич заслужил за боевые отличия в декабрьских, январских и февральских боях.

И уже 9 ноября последовал Высочайший приказ об утверждении генерал-майора Хагондокова в должности начальника штаба 2-го кавалерийского корпуса.

Туда, в Ягельницы, в корпусной штаб, на имя Хагондокова придут из Петрограда и две телеграммы, извествавшие его о заслуженных им в боях наградах.

«Высочайшим приказом 13 минувшего ноября Вы награждены орденами св. Анны и св. Станислава первой степени с мечами».

«Высочайшим приказом 2 сего декабря Вам объявлено Высочайшее благоволение».

* * *

В приказе Кабардинскому полку от 28 ноября полковник Бекович-Черкасский объявит о том, что «15 сего ноября приказом за № 607» командующим 9-й армией награждены офицеры «вверенного мне полка» орденом:

«Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость»
Прапорщик Абдул Шипшев (для нехр. установл.) и прапорщик князь Науруз Наурузов (для нехр. установл.).

А за день до этого, 27 ноября, временно командующий полком полковник Бекович-Черкасский обратится с рапортом к командиру дивизии: «Прошу Вашего ходатайства о переводе во вверенный мне полк для со-

вместной службы с родным братом прапорщиком Абдулом Шипшевым прапорщика Актола Шипшева, произведенного приказом армиям Юго-Западного фронта 12 сего ноября № 149 Главкомандующим из урядников в прапорщики в 4-й пограничный Заамурский конный полк. Прапорщик Шипшев — кабардинец и принесет большую пользу, находясь в Кабардинском конном полку, как знающий язык и пользующийся большим влиянием среди всадников полка...»

Но не суждено будет братьям Шипшевым, начавшим в августе четырнадцатого службу в Кабардинском полку всадниками, продолжить ее вместе и офицерами. Актолу Шипшеву доведется воевать в других частях. И только в октябре 1917 года братья встретятся в слободе Нальчик, где в то время уже находился Кабардинский полк. В полковом приказе за 10 октября будет объявлено: «Прибывшего в полк корнета Черноморского конного полка Актола Шипшева полагать налицо с сего числа».

* * *

Меж тем обстановка на фронте обороны войск 9-й армии по левобережью реки Стрыпи к началу декабря окончательно стабилизировалась. В связи с этим, 10 декабря Кавказская конная дивизия из района действий южнее Тернополя вновь перебрасывается на левый берег Днестра, частично занятый противником еще в период весенне-летних боев. Здесь ее полкам отводилась оборонительная линия ниже впадения Стрыпи в Днестр, в районе деревень Латач, Шутроминце, Усечко.

Документы свидетельствуют о событиях, которые происходили в те декабрьские дни у этих населенных пунктов на участке обороны Кабардинского полка.

Старейший всадник полка Хажисмел Шолохович Кодзоков был участником войны с Турцией в 1877—1878 годах, а затем и Японской кампании, в которой он получил Георгиевский крест 4-й степени. И теперь старший урядник Кодзоков, находясь в рядах Кабардинского конного полка, на третьей для него войне, заслужит Георгиевский крест 3-й степени, которым его наградят за «разновременные совершенные им подвиги», о чем командир 2-й сотни штабс-ротмистр Дохчику Кубатиев напишет:

«В ночь с 13 на 14 декабря 1915 г., будучи старшим в секрете во время сторожовки у дер. Шутроминце, обнаружил наступление противника на фольварк Н.

Несмотря на действительный огонь противника, продолжал наблюдать и тем содействовал успеху».

«10 июня 1916 г. у дер. Вороново, будучи разведчиком, с явной личной опасностью добыл и доставил важное о противнике сведение для отражения его контратаки».

Позже, 29 марта 1917 года, приказом командующего Кавказской конной дивизией старший урядник Хажисмел Кодзоков «за боевые отличия, по ходатайству командира полка», будет произведен в подпрапорщики...

О боевых действиях 4-й сотни Кабардинского полка в декабрьских боях свидетельствует рапорт сотенного командира ротмистра Алексея Матвеевича Гвахария командующему полком: «15 декабря 4-я сотня, входя в состав отряда, имеющего задачей оттеснить противника, занимающего дер. Шутроминце и лес южнее этой деревни, атаковала в пешем строю дер. Шутроминце и, выбив противника из деревни, продолжала преследовать в Шутроминском лесу, захватив во время преследования 20 человек пленных. К трем часам дня противник, по словам пленных, силою в две роты оттеснен за реку Днестр.

Вся сотня в полном составе, имея в строю шесть офицеров, действовала энергично и решительно.

Наиболее отличившихся трудно выделить, представляю на Ваше благоусмотрение».

Представляя к Георгиевским крестам отличившихся в бою 15 декабря всадников 4-й сотни, ротмистр Гвахария ходатайствовал и о награждении прапорщиков Кургоко Азапшева и Альбаксита Кодзокова «за хорошее выполнение» задачи «по охранению и разведке занятых нами пунктов».

Из приказов о награждении Георгиевскими крестами всадников Кабардинского полка:

«Мл. урядник Мансур Алиев — 4 ст. № 617357.

Всадник Мажид Катханов — 4 ст. № 617358.

15 декабря, будучи разведчиками, под сильным огнем разведали противника и доставили ценные сведения. Во время разведки, заметив обходящую их заставу противника, сами атаковали ее и, зарубив 3-х человек, принудили остальных бежать в лес. При этом под Алиевым была убита лошадь, а под Катхановым — рана лошадь».

«Ст. урядник Кокос Гелястанов — 3 ст. № 62603.

15 декабря 1915 г. у дер. Шутроминце под сильным

и действительным огнем противника доставил важное донесение, чем способствовал успеху наступления».

«Приказный Лукман Набитов — 3 ст. № 62604.

Мл. урядник Султан Инароков — 3 ст. № 62605.

Мл. урядник Ибрагим Биев — 4 ст. № 618158.

15 декабря 1915 г. в бою у дер. Шутроминце под сильным огнем противника уничтожили проволочные заграждения, чем способствовали выбитию противника из окопов».

«Ст. урядник Николай Чинчеладзе — 1 ст. № 4984.

18 декабря 1915 г., командуя смешанным взводом пехоты и всадников, вытеснил противника из окопов и укреплений дер. Латач, личным примером храбрости довел взвод до штыка».

Позже, в марте 1916 года, новый командир 4-й сотни ротмистр князь Алексей Николаевич Амилахвари* подаст полковому командиру полковнику Воронцову-Дашкову рапорт, в котором речь будет идти и об урядниках Инарокове и Биеве, награжденных Георгиевскими крестами за бой у деревни Шутроминце.

«Старший урядник Кургоко Батокович Темтиров, младшие урядники Султан Джанхотович Инароков и таубий Ибрагим Азаматович Биев, из вольноопределяющихся, находясь почти во всех боях в рядах вверенной мне сотни,— сказано в рапорте ротмистра Амилахвари,— не раз выполняя задачи младшего офицера, своей распорядительностью, своим спокойствием и знанием службы — показали себя вполне достойными быть произведенными в юнкера милиции.

Ст. урядник Темтиров, командуя взводом в бою под г. Станиславов, огнем отбросил охватывающего нашу позицию неприятеля.

Мл. урядник Биев, будучи в разъездах во время боя под г. Станиславов в феврале 1915 г., присылал своевременно ценные донесения.

Мл. урядник Инароков 18 февраля 1915 г., когда был убит начальник разъезда, несмотря на сильный ружейный огонь неприятеля, не растерялся, распорядился вынести тело убитого офицера, сам с остальными всадниками разъезда продолжал выполнять возложенную задачу и выполнил ее.

---

* Ротмистр Алексей Амилахвари — двоюродный брат командира 2-го Дагестанского полка Гиви Амилахвари. В июле 1915 года добровольно перешел в Кабардинский конный полк из кавалерийской дивизии.

Донося о вышеуказанном, прошу ходатайства Вашего об их производстве».

К наградному представлению ротмистр Амилахвари приложил и послужные списки урядников Темтирова, Биева и Инарокова, в которых приводились сведения об их службе и наградах.

Старший урядник Кургоко Темтиров, «из кабардинских узденей 1-й степени» селения Боташево (Плановское), 1882 года рождения, холост, грамотен. В полку — с августа 1914 года. Награжден — Георгиевскими крестами 3-й и 4-й степени, медалями «За храбрость» 3-й и 4-й степени.

Младший урядник Ибрагим Биев, «из горцев Терской области Нальчикского округа, селения Балкарского», 1886 года рождения, женат, грамотен. В Кабардинский полк зачислен 31 августа 1914 года. Награжден — Георгиевским крестом 4-й степени и медалью «За храбрость» 4-й степени. «Ранен 21 февраля 1915 г. в ногу».

Младший урядник Султан Инароков, «из кабардинских дворян» селения Ахлово (Нижний Курп), 1895 года рождения, холост, грамотен — «окончил 4 класса Нальчикского реального училища». В полку с августа 1914 года. Награжден Георгиевскими крестами 3-й и 4-й степени.

18 марта командир Кабардинского полка полковник Воронцов-Дашков направит наградные материалы на урядников Кургоко Темтирова, Ибрагима Биева и Султана Инарокова в штаб дивизии...

С декабрьскими боями 1915 года на левом берегу Днестра связано представление к чину генерал-майора временно исполнявшего должность командира 1-й бригады полковника Михаила Андреевича Кобиева. В наградном листе сказано, что, командуя бригадой, он «неизменно проявлял выдающуюся храбрость» и умело руководил разведывательными поисками, «особенно оказал содействие в достижении успеха 15 декабря, когда Кабардинцы совместно с другими частями, выбили противника из Шутроминце и взяли лес южнее этой деревни».

К январю 1916 года относится событие, отраженное в рапорте полковому командиру временно командовавшего 1-й сотней корнета Дмитрия Николайчика: «Ходатайствую о награждении Георгиевским крестом 4-й степени всадника вверенной мне сотни Пейтала Науржанова за то, что 18 января с. г., будучи ранен в руку пулей навyleт с повреждением кисти в 2 часа ночи, отказался идти в перевязочный пункт и продолжал стоять на посту

до смены в 7 часов утра. За все это время, стоя на склоне обрывистого берега реки Днестра, он находился под непрерывным сильным и действительным ружейным огнем противника почти исключительно разрывными пулями. Несмотря на это, Науржанов не переставал обстреливать противника, препятствуя ему произвести окопные работы на реке...»

До мая 1916 года полки Кавказской конной дивизии продолжали нести охрану своего участка обороны по левому берегу Днестра, отбивая все попытки противника переправиться через реку и не давая ему возможности расширить свой плацдарм у деревень Усечко, Латач и Шутроминце.

* * *

В конце 1915 года в правительственных кругах в Петрограде рассматривался вопрос о новом назначении Константина Николаевича Хагондокова. Именно с этим обстоятельством и связана телеграмма, отправленная 23 декабря начальником штаба Кавказской конной дивизии генерал-майором Юзефовичем: «Петроград. Директору Департамента общих дел Министерства внутренних дел. Полковник Хагондоков ныне произведен генерал-майоры и состоит начальником штаба 2-го кавалерийского корпуса. Посему за высылкой послужного списка и аттестата благоволите обратиться к командиру названного корпуса».

10 января 1916 года генерал-майор Хагондоков, сдав должность начальника штаба 2-го кавалерийского корпуса, отбыл по вызову в Петроград, где уже был решен вопрос о его новой должности и месте службы.

Командир Кавказской конной дивизии Свиты Его Величества генерал-майор великий князь Михаил Александрович издаст специальный приказ, посвященный Константину Николаевичу Хагондокову, с высокой оценкой его деятельности: «Отсутствие мое из дивизии не дало Мне возможности своевременно проститься с бывшим командиром 2-й бригады генерал-майором Хагондоковым, покинувшим дивизию по случаю нового назначения.

Генерал-майор Хагондоков, приняв начальствование над бригадой в самом начале ее формирования, со свойственными ему энергией и знанием дела в короткое время обучил бригаду и привил ей те высокие качества, которые бригада показала в ряде блестящих дел».

И далее великий князь указывал, как геройски сражались полки 2-й бригады под командованием Хагондокова, начиная с «боевого крещения бригады 19 декабря у дер. Верховина-Быстра» и затем на всем протяжении боевых действий до лета 1915 года, когда он стал во главе штаба 2-го кавалерийского корпуса.

«С глубокой признательностью вспоминаю доблестную боевую работу генерала Хагондокова на пользу дивизии,— посчитал своим долгом сказать великий князь Михаил Александрович.— Желая глубокоуважаемому Константину Николаевичу полного благополучия и дальнейшего успеха».

Высочайшим приказом императора Николая II от 20 января 1916 года генерал-майор Хагондоков был назначен военным губернатором Амурской области и наказным атаманом Амурского казачьего войска. В феврале, приехав в областной центр Благовещенск, он приступил к своим обязанностям...

По службе в Кавказской конной дивизии Константин Николаевич близко знал великого князя Михаила Александровича, младшего брата царя. В то же время Хагондоков, «сын войскового старшины, из узденей Кабарды», как уже говорилось, был лично знаком с самими царем и императрицей Александрой Федоровной, которая в письме к Николаю II даже называла его своим другом.

В 1927 году в Москве — Ленинграде вышло пятитомное издание «Переписка Николая и Александры Романовых. 1916—1917 годы». И из переписки царственных супругов становится известно, что осенью 1916 года императрица Александра Федоровна предпринимала шаги, чтобы назначить Константина Николаевича Хагондокова Петроградским градоначальником, то есть лицом, облаченным правами губернатора столицы Российской империи. Должность эта находилась в непосредственном ведении Министерства внутренних дел, которое с 18 сентября 1916 года возглавлял Александр Дмитриевич Протопопов, а его товарищем — заместителем был князь Владимир Михайлович Волконский. С ним Хагондоков хорошо был знаком, так как через него шло его назначение на должность Амурского военного губернатора.

В конце сентября императрица Александра Федоровна узнает о планах князя Волконского назначить генерал-майора Хагондокова Петроградским градоначальником, о чем ей сообщила очень близкая к ней фрей-

лина Анна Александровна Вырубова. Поддерживая выдвижение кандидатуры «Хагандокова» (так пишет его фамилию императрица), она говорила о нем с «Другом» царской семьи Григорием Ефимовичем Распутиным. И уже 26 сентября Александра Федоровна шлет телеграмму в Могилев, в Ставку Николаю II: «Хагандокова рекомендуют на место, о котором я писала в письме, которое ты получишь сегодня. Согласно справке, возможно, что он будет наиболее подходящим».

Вслед за телеграммой император Николай II получил из Царского Села письмо от супруги, датированное 26 сентября: «Итак, Прот[опопов] обедал у Ани, она знакома с ним уже около года или двух, и он предложил на место Оболенского моего друга Конст. Ник. Хагандокова, т. е. В. Волконский предлагает его. У меня имеется полная справка о нем (хотя мы и знаем его), и она вполне благоприятная. Он сейчас состоит Военным губернатором и наказным атаманом Амурского казачьего войска, он проделал Китайскую кампанию, японскую и эту войну, участвовал в усмирении восстания в Манджурии в 1900 г. Он, вероятно, мой ровесник или даже моложе, в службе (офиц.) с 10 августа 1890 г., имеет все военные знаки отличия, какие только дают в его чине. Наш Друг говорит, что если он нам предан, то почему же не назначить его?»

Я страшно была изумлена, мне никогда не снилось, чтоб можно было назначить его на это место. Он в чине ген.-майора. Быть может, это лучше, чем Андр[иан], у которого, конечно, есть враги. Мне помнится, что Хагандоков говорил мне, что вышел в отставку из-за болезни почек, но эта служба не утомительна — требуется энергичный человек, а его белый [Георгиевский] крест тоже должен производить впечатление».

В тот же день из царской Ставки в Царское Село ушло письмо Николая II Александре Федоровне: «...ты задаешь мне столько вопросов, что я должен обдумать их, прежде чем ответить. В среду я приму Прот[опопова] и поговорю о Петроградском градоначальнике... Твой друг Хагандоков назначен атаманом Амурского казачьего войска! Всего лишь несколько месяцев назад! Я, правда, не знаю, как он был бы как градоначальник».

27 сентября Александра Федоровна вновь пишет супругу о Хагандокове, считая возможным отозвать его с поста Амурского военного губернатора: «Если бы можно было отпустить сюда Хагандокова, то было бы хорошо; по крайней мере его военные ордена подадут на то

надежду,— все же, может быть, ты найдешь другого на его место...»

Назначение Константина Николаевича Хагондокова на пост Петроградского градоначальника не состоялось. И одной из главных причин этого современники считали то, что, приехав в октябре по делам службы в Петроград, он где-то неодобрительно отозвался о всеильном Распутине, и это дошло до царицы, охладевшей к своему «другу Хагондокову». Но его имя еще дважды встречается в письмах Александры Федоровны Николаю II. 26 октября она писала, что ей в этот день предстоит принять несколько человек, в их числе и «Хагондокова».

На следующий день императрица в письме поделилась с супругом, как прошла ее встреча с Константином Николаевичем: «Хагондоков выглядит как и прежде, только похудел, и лицо у него хитрое,— он привел меня в смущение тем, что представил мне вести разговор. Я говорила исключительно о Сибири».

Как видим, в письмах царицы уже нет определения «мой друг», да и о назначении Хагондокова Петроградским градоначальником речи уже не шло. Его встреча с Александрой Федоровной, последняя перед предстоящей Февральской революцией и падением Дома Романовых, прошла без особых эмоций, фактически на официальном уровне. Константин Николаевич, чувствуя изменившееся к нему отношение императрицы, предпочел при их, как он сам понимал, последней встрече быть сдержанным в беседе. Отчего и пришлось ей самой «вести разговор» и говорить «исключительно о Сибири», чтобы, как видно, не касаться темы о несостоявшемся назначении генерал-майора Хагондокова на должность Петроградского градоначальника...

Из Петрограда Хагондоков вновь вернется в Благовещенск и вплоть до Февральской революции будет оставаться в должности военного губернатора Амурской области и наказного атамана Амурского казачьего войска.

* * *

И вновь вернемся в Кавказскую конную дивизию, вступившую в новый, 1916 год на своих позициях у Днестра...

Полки дивизии в то время еще не имели своих официально утвержденных штандартов, которые устанавли-

вались Высочайшим приказом. Их функции в определенной мере выполняли сотенные значки-вымпелы, учрежденные полковыми командирами. В Кабардинском же полку, как уже говорилось, стягом служило «почетное знамя», пожалованное еще в 1844 году императором Николаем I кабардинскому народу. Оно хранилось у начальника Нальчикского округа подполковника Клишбиева, и, когда полк отбывал в Действующую армию, он передал его полковнику графу Воронцову-Дашкову.

И вот, в связи с необходимостью иметь свое полковое знамя, 21 января 1916 года командир Чеченского полка полковник принц Фазула-Мирза Каджар обращается к командующему Кавказской конной дивизией с рапортом: «Представляя при сем справку Военно-исторического отдела при Штабе Кавказского военного округа, испрашиваю ходатайства о передаче вверенному мне полку знамени, пожалованного в 1879 году Чеченскому конно-иррегулярному полку, так как всадники вверенного мне полка являются прямыми потомками тех славных чеченцев, которые в войну с Турцией заслужили эту высокую награду.

Уверен, что под сенью этой священной родовой чеченской реликвии нынешние чеченцы проявят свою доблесть и выкажут себя достойными сынами своих славных предков».

В приложенной к рапорту полковника Каджара справке Военно-исторического отдела говорилось, что это знамя было пожаловано Чеченскому конно-иррегулярному полку Высочайшим приказом в январе 1879 года «в награду за подвиги мужества и храбрости, оказанные в продолжении Турецкой войны 1877—1878 годов, согласно ходатайства главнокомандующего Кавказской армией Его Императорского Высочества великого князя Михаила Николаевича и решения Местной Георгиевской Кавалерской Думы», и в настоящее время оно хранится у начальника Терской области.

Тогда же, в январе, в ответ на запрос, посланный начальнику Терской области генерал-лейтенанту Флейшеру, в штабе дивизии получили из Владикавказа справку, связанную со знаменем для Ингушского полка: «Ингушский народ, из представителей которого сформирован Ингушский конный полк, имеет следующие исторические отличия: 1) Почетное знамя, пожалованное Императором Николаем I в сороковых годах прошлого столетия. 2) Почетное знамя за мужество и храбрость в войне с Турцией в 1877—1878 годах».

И передача «почетных знамен» Чеченскому и Ингушскому полкам в ближайшее время безусловно бы состоялась, но уже вскоре произойдет событие, благодаря которому вопрос с полковыми штандартами будет решен во всех полках дивизии...

10 февраля исполняющий обязанности командира Кавказской конной дивизии командир 3-й бригады генерал-майор Александр Васильевич Гагарин получил из Ставки важное известие и в тот же день разослал в полки телеграммы, текст которых на следующий день будет оглашен перед всеми всадниками и офицерами: «21-го января Высочайше пожалованы всем полкам дивизии Штандарты. Поздравляю полки с Монаршей Милостью и уверен, что дарованные Штандарты полков покроются неувядаемой славой».

В наступившем 1916 году произойдут значительные изменения в командном составе дивизии. Уже 14 января командиром 2-й бригады был назначен генерал-майор Сергей Аркадьевич Дробязгин, бывший офицер лейб-гвардии Уланского полка, с начала войны находившийся в Действующей армии, награжденный за мужество в боях орденом св. Владимира 4-й и 3-й степени и генеральским чином.

4 февраля последовал Высочайший приказ о назначении великого князя Михаила Александровича командующим 2-м кавалерийским корпусом. Вслед за этим, 20 февраля, генерал-майор Дмитрий Петрович Багратион утверждается командиром Кавказской конной дивизии (12 июля 1916 года за боевые отличия он будет произведен в генерал-лейтенанты).

19 февраля генерал-майор Яков Давидович Юзефович стал начальником штаба 2-го кавалерийского корпуса, а дивизионный штаб возглавил командир Татарского полка полковник Половцев, как офицер, окончивший Академию Генерального штаба. Неделю спустя Высочайшим приказом от 25 февраля «полковник Кабардинского конного полка князь Бекович-Черкасский» назначается командиром Татарского конного полка.

В связи с тем, что комдив генерал-майор Багратион до 20 марта находился в отпуске, временно командующий дивизией генерал-майор Гагарин и объявит 17 марта приказ № 100 «Кавказской туземной конной дивизии», в котором приводился «приказ Августейшего бывшего командующего дивизией» великого князя Михаила Александровича.

«Высочайшим приказом 4-го февраля сего года Я назначен командующим 2-м кавалерийским корпусом,— начал Михаил Александрович свое обращение к дивизии, командуя которой заслужил орден св. Георгия 4-й степени, Георгиевское оружие и орден св. Владимира 3-й степени с мечами.— Полтора года тому назад волею Государя Императора Я был поставлен во главе Кавказской туземной конной дивизии, с которою отныне связан неразрывными узами совместной боевой службы Царю и Родине в переживаемые военные дни.

С глубоким волнением и сердечной благодарностью вспоминаю геройскую службу всех чинов дивизии, от генерала до последнего всадника и солдата, в течение истекшего с тех пор времени.

Памятны Мне... блестящие боевые действия весной на реках Днестре и Пруте... непрерывной цепью проходит в Моей памяти ряд боев в июле, августе и осенью 1915 года... у Шупарки, Новоселка-Костюкова, в районе Доброполе и Гайворонка, увенчанные блестящими конными делами, каковые составляют одну из лучших страниц Истории нашей конницы...»

Вспоминая о павших и раненных в боях офицерах и всадниках и отдавая должное памяти погибших, великий князь Михаил Александрович скажет: «О самоотверженной боевой работе дивизии свидетельствуют цифры понесенных ею потерь: за это время убито и умерло от ран 23 офицера, 260 всадников и нижних чинов, ранено и контужено 144 офицера, 1438 всадников и нижних чинов.

Вечная память героям, своей смертью в бою запечатлевшим великий подвиг служения Царю и Родине.

Неисчислимы все отдельные подвиги героев-кавказцев, представителей доблестных народов Кавказа, своей беззаветной службою явивших непоколебимую верность Царю и общей Родине и увековечивших неуываеваемой славою молодые кавказские полки, ныне закаленные в кровавых боях.

Пусть слава о них будет воспета в аулах родного Кавказа, пусть память о них навеки живет в сердцах народа, пусть заслуги их будут записаны для потомков золотыми буквами на страницах Истории. Я же до конца Моих дней буду гордиться тем, что был начальником горных орлов Кавказа, отныне столь близких моему сердцу...

Еще раз благодарю Вас всех, мои дорогие боевые соратники, за вашу честную службу...»

Жизнь в дивизии шла своим чередом. Ее слаженный военный организм функционировал четко и безостановочно, что проявлялось и в каждодневных приказах, в которых в значительной мере отражались сведения о назначениях и перемещениях офицерского состава.

«Высочайшим приказом 10 сего февраля, — объявлял 27 февраля в приказе по дивизии генерал-майор Гагарин, — переведены:

1) 1-го Сунженско-Владикавказского полка Терского казачьего войска сотник Серебряков (Александр) — в Кабардинский конный полк, с переименованием в поручики.

2) Ингушского конного полка корнет Мальсагов (Сосырко) в 1-й Дагестанский конный полк».

Александр Серебряков, родившийся в 1885 году в Моздоке, происходил из кабардинского дворянского рода Даутоковых (его кабардинское имя было Заурбек). Его отец Никифор (Асланбек) служил в Терском казачьем войске и в чине войскового старшины — подполковника — скончался в 1904 году.

С октября 1914-го, с началом боевых действий с турецкой армией на Кавказском фронте, хорунжий Александр Никифорович Серебряков в составе казачьего полка сражался с неприятелем. Особое мужество он проявил в декабрьских боях за город Сарыкамыш, где части русской армии выдержали натиск превосходящих сил неприятеля и, разгромив их, отбросили с большими потерями.

После Сарыкамышской операции последовал Высочайший приказ от 2 апреля 1915 года, согласно которому «Государь Император Всемилостивейше соизволил пожаловать за отличия в делах против неприятеля» ордена офицерам Кавказской армии. В приказе говорилось и о пожаловании ордена «св. равноапостольного князя Владимира 4-й степени с мечами и бантом 1-го Сунженско-Владикавказского полка Терского казачьего войска хорунжему Александру Серебрякову».

В дальнейших боях он заслужит еще три ордена — св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», св. Станислава 3-й степени и св. Станислава 2-й степени с мечами — и будет произведен в сотники.

10 января 1915 года на Юго-Западном фронте, в Карпатах, погибнет младший брат Александра, корнет Кабардинского конного полка Георгий Серебряков. Тело его будет перевезено на родину, в Моздок, и там предано земле.

Узнав о гибели брата, Александр Серебряков направит рапорт командиру Кавказской конной дивизии великому князю Михаилу Александровичу с просьбой принять его на службу в Кабардинский полк. Пока его ходатайство проходило по военным инстанциям, в одном из боев он получит тяжелое ранение. Несколько месяцев проведет в госпитале. Потом, в начале 1916 года, последует приказ о переводе сотника Серебрякова в Кабардинский конный полк. Но в связи с последствиями ранения его направят в слободу Нальчик офицером запасной сотни для подготовки пополнения. В Действующую армию поручик Александр Серебряков попадет только весной 1917 года.

В период службы в Нальчике поручик Серебряков (Даутоков) женится — его супругой станет Люца Мисакова, из рода балкарских таубиев Мисаковых.

Корнет Ингушского полка Созерко (Сосырко) Артаганович Мальсагов, из ингушских дворян, родился в 1895 году, окончил Воронежский кадетский корпус и Александровское военное училище в Москве. С августа 1914 года в составе стрелкового полка участвовал в боях и был награжден орденом св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом. После ранения служил в Ингушском конном полку.

За мужество в боях на Пруте и Днестре он получил в награду орден св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость». А в боевых действиях на реке Стрыпи заслужит орден св. Анны 3-й степени с мечами и бантом.

Теперь же, с 10 февраля 1916 года, корнет Созерко Артаганович Мальсагов переводился на службу в 1-й Дагестанский конный полк, сражавшийся на том же Юго-Западном фронте, где вела боевые действия и Кавказская конная дивизия. Пройдет немногим более двух месяцев, и 21 апреля в Высочайшем приказе Николая II, в разделе о производстве офицеров армии в новые чины, будет указано: производится «за отличия в делах против неприятеля из корнетов в поручики 1-го Дагестанского конного полка Мальсагов...».

В марте 1916-го произошла смена командования в Кабардинском конном полку. Полковник Воронцов-Дашков уходил на новое место службы. Высочайшим приказом от 24 марта он был «отчислен от должности командира полка» с переводом в адъютанты великого князя Михаила Александровича, «с зачислением по гвардейской кавалерии».

Полковник граф Илларион Илларионович Воронцов-

Дашков возглавлял полк с момента его формирования. В его рядах заслужил четыре ордена и Георгиевское оружие. И теперь, покидая полк, стоявший на берегу Днестра, в деревушке Олексинце, он объявит свой последний приказ.

«Кабардинцы! Сегодня я расстаюсь с Вами после двадцатимесячного командования полком» — так начал свое обращение к офицерам и всадникам Кабардинского конного полка, и в первую очередь к кабардинцам и балкарцам, полковник Воронцов-Дашков, напомнив им о том, как с началом войны их «народ, движимый чувством высокого патриотизма и горячей любви к Царю и Родине, собрал своих лучших сынов, и более 600 всадников в самый короткий срок было готово встретить грудью общего зарвавшегося врага».

«На мою долю,— скажет он,— выпало счастье стать во главе Кабардинского конного полка...

На скалах Карпатских гор, на берегах Прута и Днестра и у быстрых вод Стрыпи честно сражались с врагом Кабардинцы, памятуя свой долг, честно проливали кровь в горячих схватках.

Боевые награды, полученные полком, свидетельствуют о выдающейся боевой работе Кабардинцев...

Я с болью в сердце покидаю ставших мне родными Кабардинцев.

Мой завет Вам: служите не за страх, а за совесть, как Вы служили до сих пор. Любите родной полк всей душою и храните славные традиции. Я бесконечно счастлив, что в мое командование полку пожалован за боевые отличия Государем Императором Штандарт...»

24 марта командиром Кабардинского конного полка был назначен подполковник Татарского полка Всеволод Дмитриевич Старосельский.

Он родился 7 марта 1875 года в городе Баку, происходил из дворян. Окончил Пажеский корпус в Петербурге. До войны в чине ротмистра служил адъютантом родственника царской семьи принца Александра Петровича Ольденбургского. Согласно послужному списку, был «женат на дочери полковника барона фон-дер Остен Дризен, девице Варваре Николаевне». Имел сына Дмитрия, родившегося 3 февраля 1900 года.

В конце августа 1914-го ротмистр Всеволод Дмитриевич Старосельский добровольно вступил в Кавказскую конную дивизию, получив назначение в Татарский полк. 30 сентября произведен в подполковники. В боях проявил себя храбрым и умелым офицером, заслужив четы-

ре ордена, в их числе — св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом. За февральские бои 1915 года представлялся к Георгиевскому оружию.

Получив новое назначение, подполковник Старосельский 31 марта принял Кабардинский полк и приступил к своим командирским обязанностям. А 4 мая Высочайшим приказом состоится его производство в чин полковника...

31 марта 1916 года командир 5-й кавалерийской дивизии, действовавшей на Западном фронте, издаст приказ о «прикомандировании к Ингушскому конному полку» штабс-ротмистра 5-го уланского полка Султан-Бека Заурбековича Борова, известного по документам как Бек-Боров. В начале апреля он прибыл в полк, где служили его отец — вахмистр Заурбек Боров, человек с удивительной биографией, и младший брат, прапорщик Исмаил Бек-Боров.

Штабс-ротмистр Султан Бек-Боров был человеком исключительной храбрости. За полтора года участия в боевых действиях «против Германии и Австрии» он получил в награду Георгиевское оружие и шесть орденов. Вот как свидетельствует об этом запись в послужном списке Бек-Борова за май 1916 года:

«Имеет ордена:

св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом — 1914 ноября 9,

св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом — 1914 декабря 14,

Георгиевское оружие — 1915 марта 11,

св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом — 1915 апреля 1,

св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» — 1915 марта 8,

св. Анны 2-й ст. с мечами — 1915 ноября 12,

св. Станислава 2-й ст. с мечами — 1916 января 30».

Султан-Бек Заурбекович Боров родился 7 февраля 1889 года, «уроженец Терской области, откуда и происходит (из чиновников Терской области)». Окончил гимназию в городе Ашхабаде, где в то время находился на службе его отец. 6 августа 1910 года завершил по 1-му разряду учебу в Елизаветградском кавалерийском училище и в чине корнета назначен в 5-й уланский Литовский полк в Казанский военный округ.

Служил младшим офицером в эскадроне, помощником и затем исполняющим должность начальника учебной команды. С целью усовершенствования военных

знаний корнет Бек-Боров был «командирован в поездку разведчиков», а затем в саперный батальон «для изучения войскового инженерного дела».

10 сентября 1913 года произведен в поручики. В «Алфавитном списке г.г. офицеров 5-го уланского Литовского полка» будет тогда записано: «№ 18. Поручик Бек-Боров». В том же году он исполнял должность начальника команды связи, временно командовал эскадронам.

Начало войны застало поручика Султана Бек-Борова уже опытным, разносторонне подготовленным офицером. «Выступил в военный поход — 1914-го июля 20», — записано в послужном списке. «За отличия в боях против неприятеля» летом 1914 года он получает ордена св. Станислава и св. Анны 3-й степени с мечами и бантом. За осенние бои поручик Бек-Боров награждается Георгиевским оружием «за то, что, будучи начальником постоянного разъезда штаба 5-й кавалерийской дивизии, неоднократно блестяще исполнял поставленные ему задачи по разведке, своевременно представлял правильные и весьма важные сведения о противнике. Кроме того, при разведке 20 октября 1914 года со своим взводом атаковал вечером, в темноте, эскадрон Саксонских конно-егерей, врубился в его ряды и обратил его в бегство».

В декабре поручик Бек-Боров временно командовал 6-м эскадронам, а 6 января 1915 года был назначен начальником полковой команды связи и в этой должности за геройство в боях заслужил четыре ордена.

Высочайшим приказом от 25 февраля 1916 года Бек-Боров произведен в штабс-ротмистры, а 31 марта, согласно своему ходатайству, он переводится в Ингушский конный полк. Сначала — на правах прикомандированного. Но уже 24 мая, на основании Высочайшего приказа, состоялся его окончательный перевод в состав Ингушского конного полка. В то время, как видно из послужного списка, Султан Заурбекович был холост.

Вскоре же, по прибытии в Ингушский полк, штабс-ротмистр Бек-Боров получит под свое командование 3-ю сотню...

* * *

18 марта 1916 года командир Кабардинского полка полковник Воронцов-Дашков представил урядников Кургоко Темтирова, Ибрагима Биева и Султана Инарокова к чину юнкера. Новый командующий полком — Всеволод Дмитриевич Старосельский решит, что все

трое за их боевые отличия достойны присвоения им офицерского чина прапорщика. И в конце апреля направит командованию дивизии наградные листы на урядников Темтирова, Биева и Инарокова.

В архивах удалось разыскать два из тех наградных представлений, подписанных подполковником Старосельским.

«Наградной лист младшего урядника Кабардинского конного полка Ибрагима Биева.

Представляется к производству в прапорщики за то, что в боях: 25 января 1915 года у дер. Журавине, 15 февраля 1915 года у дер. Дзвиняч, 19 февраля у гор. Станиславова и 15 декабря 1915 года у дер. Латач, командуя взводом и замещая младшего офицера, являя пример высокого мужества и распорядительности, отлично выполнял возложенные на него задачи и выделялся умением разбираться в боевой обстановке. Выдающаяся храбрость младшего урядника Биева, его полное соответствие должности младшего офицера и влияние, которым он пользуется среди нижних чинов, дают мне право ходатайствовать о производстве его в прапорщики».

«Наградной лист младшего урядника Кабардинского конного полка Султана Инарокова.

Младший урядник из вольноопределяющихся Султан Инароков, находясь во всех боях и не раз командуя взводом, заменял офицера в боях и разъездах (18 декабря 1914 г. под дер. Ветлино, 5 января 1915 г. у дер. Береги-Горне, 19 февраля 1915 г. под гор. Станиславов, 15 декабря 1915 г. у дер. Шутроминце), своим спокойствием, распорядительностью и знанием службы показал, что он вполне подготовлен нести службу младшего офицера. И, находя его в нравственном отношении достойным быть офицером, прошу ходатайства о производстве его в прапорщики».

* * *

В апреле — начале июня генерал Багратион объявил в своих приказах о награждениях командующим 9-й армией Лечицким офицеров Кавказской конной дивизии орденами за отличия в боях с неприятелем «в период с 1 июня по 31 декабря 1915 года». И среди награжденных будут:

Орденом св. Анны 2-й степени с мечами

Кабардинского конного полка — «подполковник Гавриил Бертен».

2-го Дагестанского полка — «поручик Абдурагим Хаджимирзаев (для нехр. установл.)».

Черкесского полка — «корнет Константин Лакербай».

Орденом св. Анны 3-й степени с мечами и бантом Чеченского полка — «подпоручик Умат-Гирей Куриев (для нехр. установл.)».

Черкесского полка — «ротмистр Генрих Бьерквист»; «прапорщик Аслан-Бек Шарданов и прапорщик милиции Давлет-Мурза Бжегаков (для нехр. установл.)».

Ингушского полка — «корнет Сосырко Мальсагов (для нехр. установл.)».

Орденом св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость»

Кабардинского полка — «прапорщики Албаксит Кодзоков, Кургоко Азапшев и Хабиж Абдурахманов (для нехр. установл.)».

Черкесского полка — «прапорщик Магомет-Гирей Крымшамхалов (для нехр. установл.)».

Ингушского полка — «прапорщик Анатолий Марков»*.

Орденом св. Станислава 2-й степени с мечами

Кабардинского полка — «старший врач Бек-Мурза Шогенов (для нехр. установл.)»; «штабс-ротмистр Асланбек Туганов (для нехр. установл.)».

Черкесского полка — «прапорщик милиции Аслан-Мурза Егибоков (для нехр. установл.)».

Ингушского полка — «ротмистр Валериан Ивченко»; «поручик Крым-Султан Базоркин (для нехр. установл.)»; «прапорщик светлейший князь Михаил Грузинский».

Орденом св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом

Кабардинского полка — «прапорщик Чепелло Урусбиев, прапорщики милиции Мисост Коголкин, князь Науруз Наурузов, Хабиж Абдурахманов, Кургоко Азапшев (для нехр. установл.)».

Чеченского полка — «корнет князь Мавлет Екович-Черкасский (для нехр. установл.)».

Черкесского полка — «прапорщик Сеит-Бий Крымшамхалов (для нехр. установл.)».

Ингушского полка — «прапорщик милиции Дорисман Мерчуле».

---

* Офицер Анатолий Марков — автор воспоминаний «В Ингушском конном полку».

В БРУСИЛОВСКОМ ПРОРЫВЕ И НА РУМЫНСКОМ ФРОНТЕ

В майские дни 1916 года войсками Юго-Западного фронта, возглавляемыми с марта генералом от кавалерии Алексеем Алексеевичем Брусиловым, готовилось ширококомасштабное наступление на участке от границы с Румынией на Пруте до района города Луцка. В ходе его подготовки проводилась усиленная разведка неприятельских позиций. Велась разведывательная деятельность и на участке обороны, занимаемом полками Кавказской конной дивизии по Днестру.

Это в те дни заслужил Георгиевский крест юнкер Чеченского полка Муцур Иноркаев:

«Юнкер милиции Муцур Иноркаев — 2 ст. № 48046.

9 мая 1916 г., будучи послан в разведку на остров реки Днестр, против дер. Михальче, с явной личной опасностью, был ранен, но добыл и доставил важные сведения о противнике».

Наступило 22 мая — день знаменитого наступления войск Юго-Западного фронта, вошедшего в историю под названием Брусиловского прорыва, в котором участвовала и Кавказская конная дивизия.

«С 22 мая служба дивизии в окопах на участке Днестра от Латача до Усечка сменилась интенсивным преследованием выбитых из укрепленной позиции австрийцев», — говорилось в приказе по Кавказской конной дивизии.

Первой вступила в боевые действия 1-я бригада, наступавшая в составе 41-го армейского корпуса 9-й армии в междуречье Днестра и Прута, на самом южном участке Юго-Западного фронта, где российские войска удерживали свои позиции еще с лета 1915 года. Кабардинский и 2-й Дагестанский полки вели наступление на правом берегу Днестра в направлении центра Буковины — города Черновицы.

Утром 24 мая полковник Всеволод Дмитриевич Старосельский получил приказание: в составе 1-й бригады выступить из деревни Филитковцы, чтобы подержать передовые пехотные части. Выполняя задачу, Кабардинский конный полк, следуя по шоссе, около девяти часов утра вышел к высоте 208. И здесь полковник Ста-

росельский получил сведения, что австрийцы значительными силами проникли в деревню Окно, только накануне освобожденную русской пехотой, и, понимая, как будет сказано в наградном представлении, что «передовые части пехоты не могут удержать деревни, выдвинул карьером Кабардинский полк вперед, занял дер. Окно, чем заставил противника отойти...».

Успешные действия Кабардинского полка дали возможность Заамурскому пехотному полку продвинуться влево от деревни Окно и занять позицию на возвышенности, а с правой стороны — «на высоту за замком» — вышли другие части. По деревне Окно противник открыл «сильный артиллерийский, пулеметный и ружейный огонь, но полковник Старосельский удержал за собой деревню». А потом австрийцы стали теснить слева русскую пехоту. «Пехотные части, потеряв выбывшими из строя на этом участке офицеров, не выдержали чрезвычайного действительного огня и стали отходить».

Противник продолжал вести сильный огонь по деревне Окно, где стояли в конном строю сотни Кабардинского полка, ожидая момента для атаки. Но в связи с отходом пехоты и быстрым продвижением австрийцев к деревне полковник Старосельский увидел, что над полком нависла реальная угроза оказаться обойденным неприятелем, выходявшим на его левый фланг. Уже был тяжело ранен «шрапнельной пулей» находившийся рядом с ним его помощник — подполковник Гавриил Алексеевич Бертрэн — и убит офицер пулеметного взвода.

И тогда, как пишет в наградном листе временно командовавший в те дни 1-й бригадой полковник Гиви Иванович Амилахвари *, «полковник Старосельский, спешив полк, рассыпал его в цепь и лично повел под убийственным артиллерийским и ружейным огнем для поддержки пехоты.

Цепь пехоты, видя подошедших Кабардинцев, — писал далее Амилахвари, — пришла в порядок и заняла прежнее положение, заставив противника отступить... Прибывшие пехотные резервы вышли в цепь, и я приказал полковнику Старосельскому вечером отвести полк в деревню. За этот бой в Кабардинском полку убит 1 офицер, ранено 5, всадников убито 8, ранен 31, контужено 3. Лошадей убито 16, ранено 61».

* Высочайшим приказом от 3 февраля 1916 года Амилахвари произведен в полковники, а приказом от 2 июня награжден орденом св. Владимира 3-й степени с мечами.

Полковник Всеволод Дмитриевич Старосельский «за проявленное им выдающееся мужество, храбрость и проявленное им вполне умелое руководство полком в чрезвычайно опасные и тяжелые моменты боя» у деревни Окно Высочайшим приказом от 14 декабря 1916 года будет награжден орденом св. Владимира 3-й степени с мечами.

Отойдя вечером 24 мая от деревни Окно в деревню Филитковцы, полковник Старосельский издал приказ по полку, первый пункт которого гласил: «В бою сего числа у дер. Окно полковой мулла Алихан Шогенов ранен шрапнелью в нижнюю треть предплечья. Означенный мулла остался в строю. Ранение это занести в послужной список названного муллы».

Из приказов о награждении всадников Кабардинского полка.

Георгиевскими крестами:

«Юнкер милиции Барасби Лиев — 3 ст. № 71106.

24 мая 1916 г. во время боя у дер. Окно, будучи старшим в секрете, открыл наступление противника, своевременно донес и продолжал наблюдать, несмотря на ураганный огонь противника, чем содействовал успеху боя».

«Мл. урядник Осман Назаров — 4 ст. № 809596.

В бою 24 мая 1916 г. у дер. Окно под сильным ружейным огнем противника вызвался охотником и доставил на место боя патроны, когда в них была крайняя нужда».

Медалью «За храбрость»:

«Мл. урядник Хажумар Айдебулов — 3 ст. № 177695.

В бою 24 мая 1916 г. у дер. Окно под действительным артиллерийским и ружейным огнем противника отличился блистательным выполнением долга».

В стране в те дни с большим вниманием следили за сводками из штаба Верховного Главнокомандующего, передаваемыми Петроградским телеграфным агентством, где говорилось о развернувшемся наступлении войск Юго-Западного фронта. Их печатали все газеты страны. Публиковались сводки с фронта и во Владикавказе, в «Терских ведомостях». Вот что говорилось в телеграмме от 25 мая о ходе боевых действий на Юго-Западном

фронте: «Успехи наших войск в Волыни, Галиции и Буковине развиваются... С начала последних боев и до полудня 24 мая армиями генерала Брусилова взято в плен 900 офицеров и около 40 000 нижних чинов и захвачено 77 орудий, 134 пулемета и 49 бомбометов... Последние бои на деле доказали неприятелю рост наших боевых средств... Мужество же и порыв войск свидетельствуется самими же результатами, достигнутыми всего лишь за три дня боев».

К 29 мая Кабардинский конный полк в составе 600 всадников и офицеров с боями вышел на левый берег Прута к рядом расположенным деревням Лужаны, Шепенице и Альтмаешти. Австро-венгерские части, закрепившись в этих населенных пунктах, прикрывали подступы к переправам на правобережье Прута и к городу Черновицы.

В тот день, 29 мая, на земле Буковины Кабардинский полк, возглавляемый полковником Старосельским, произвел «лихую конную атаку у деревень Лужаны, Шепенице и Альтмаешти», которую командующий Кавказской конной дивизией генерал Багратион назовет «блестящей страницей истории Кабардинского полка».

Воздавая должное мужеству всадников и офицеров полка, полковой командир в рапорте командующему дивизией о боях за деревню Окно, а также Лужаны, Шепенице, Альтмаешти скажет, что «благодаря поддержке Кабардинского полка позиция за деревню Окно была сохранена, но конная атака полком указанных деревень дала в результате 1320 пленных и полный тактический успех. Много всадников показали себя истинными героями...».

Командованием дивизии Всеволод Дмитриевич Старосельский «за отличие в конной атаке 29 мая 1916 года на дер. Лужаны, Шепенице, Альтмаешти» был представлен к ордену св. Георгия 4-й степени...

Из приказов о награждении всадников Кабардинского полка Георгиевскими крестами:

«Юнкер милиции Камбулат Аджиев — 2 ст. № 31167.

29 мая 1916 г. у дер. Шепенице во время боя первым врубился в цепи противника, увлекая за собой товарищей и проявляя выдающуюся храбрость и мужество».

«Ст. урядник Хазеша Диков — 2 ст. № ... .

В бою у дер. Лужаны 29 мая 1916 г. вызвался охот-

ником и, несмотря на сильнейший артиллерийский, ружейный и пулеметный огонь противника, доставил важные сведения о противнике».

«Мл. урядник (Ахмед Лафишев) — 4 ст. № 809686.

29 мая во время конной атаки на дер. Лужаны подал пример храбрости, увлекая за собой товарищей, и привел с ними 14 пленных австрийцев».

В те же дни командир Кабардинского полка полковник Старосельский представил старшего урядника Аслан-Али Эфендиева к Георгиевскому кресту 2-й степени за то, что он «29 мая 1916 года у деревни Лужаны, будучи в разведке, захватил неприятельскую заставу...».

30 мая в сводке штаба Верховного Главнокомандующего сообщалось: «В ночь на сегодня, вследствие гроз на юге России, произошел временный перерыв телефонного сообщения. Ввиду этого доставка донесений задерживается, и сведения о действиях наших частей несколько ограничены.

Полученные донесения свидетельствуют, что наступление генерал-адъютанта Брусилова вчера продолжалось. На многих участках ведется преследование разбитого неприятеля. Местами идут жаркие бои с противником, переходящим в отчаянные контратаки.

Общее число взятых нами пленных возросло до цифры 1700 офицеров и 113 000 нижних чинов...

Число пленных, взятых войсками генерала Лечицкого, возросло до 21 000 человек. Эти пленные принадлежат к венгерским пехотным и кавалерийским частям».

В состав войск 9-й армии генерала Платона Алексеевича Лечицкого входил и Кабардинский конный полк, всадники и офицеры которого внесли свой достойный боевой вклад в общий успех наступления войск Юго-Западного фронта.

* * *

В приказе по Кавказской конной дивизии № 187 от 8 июня 1916 года генерал Дмитрий Петрович Багратион, подводя первоначальные итоги участия полков в Брусиловском наступлении, в первой его части отметит «ряд удачных боев полков дивизии: (Чеченцев на переправе у Иванье, атаки Татар у дер. Тышковцы, (Черкесов у дер. Окно с занятием этих деревень и захватом 2-х пулеметов и более 800 пленных)».

Здесь речь шла о действиях 2-й и 3-й бригад, входивших в те дни в состав 33-го армейского корпуса 9-й армии и 30 мая осуществивших переправу через Днестр на его южный берег, где их полкам предстояло вести наступление в направлении городов Тлумача и Станиславова.

Во второй части того же приказа от 8 июня генерал Багратион более подробно говорил о проведенных полками боевых операциях, в их числе и Кабардинским. При этом надо отметить, что два полка дивизии в те дни действовали у деревень с одним и тем же названием — Окно. Но Кабардинский полк вел бой 24 мая у деревни Окно на Черновицком направлении, а Черкесский — 31 мая у одноименного населенного пункта на Станиславовском направлении.

«С 22 мая могучим натиском русских войск австрийцы сдвинуты были с укрепленных позиций, — говорится далее в приказе генерал-майора Багратиона, — и с этого дня полки Туземной конной дивизии вновь подтвердили заслуженную ею боевую славу:

1) Кабардинцы под командой полковника Старосельского в лихой конной атаке у с. Лужан и Альтмаешти (на р. Прут), несмотря на в 5 раз превосходящие силы австрийской пехоты, обороняющей эти деревни, разбили австрийцев, захватили 1320 пленных с 13 офицерами и богатую военную добычу.

2) Чеченского полка есаул светлейший князь Дадиани в ночь на 30-е мая с полусотней своей 4-й сотни переправился вплавь через р. Днестр у сел. Ивание под горячим ружейным и пулеметным огнем противника, захватил 2 пулемета и затем около 250 пленных. За ним переправились части Заамурцев 1-й дивизии, Чеченцы, Черкесы и Ингуши. 1-я бригада в это время находилась в 41-м корпусе, а Татары на левом фланге 1-й Заамурской дивизии, переправившись у сел. Добровляны.

3) 31 мая, упоенные боевым успехом, Черкесы под командой полковника князя Чавчавадзе в конной атаке, имея впереди сотню штабс-ротмистра Марданова, изрубили упорных защитников сел. Окно, захватив 90 пленных австрийской пехоты и богатые интендантские склады. Штабс-ротмистр Марданов и вахмистр 3-й сотни Карпов смертельно ранены и скончались, за неся свои имена в историю.

4) В тот же день Татары, воодушевленные своим лихим командиром полковником князем Бековичем-Черкас-

ским, с беззаветной удалью бросились на австрийскую пехоту, занимавшую окопы у сел. Тышковцы. Многих перекололи пиками и зарубили. 4-я сотня штабс-ротмистра Колюбакина захватила целиком роту австрийцев с 5-ю офицерами. Полковник князь Бекович-Черкасский, проведя под артиллерийским и ружейным огнем сотню резерва во фланг и тыл батальону австрийцев, заставил их очистить сел. Тышковцы и спешно уйти...»

В то время, когда 1-я бригада, и прежде всего Кабардинский полк, уже вступила в боевые действия на самом южном фланге 9-й армии, 2-я и 3-я бригады все еще находились на своих позициях на левом берегу Днестра, южнее впадения в него реки Стрыпи. Со дня на день в полках всадники и офицеры ожидали приказа о наступлении, зная, что впереди их ждет форсирование Днестра. Поэтому полковые командиры стремились как можно полнее получить данные о противнике, стоявшем на том берегу реки.

29 мая в бригадах уже знали, что форсирование Днестра начнется в ночь на 30-е на участке, занимаемом Чеченским полком. И первыми в наступление пойдут Чеченцы.

Проводится последняя разведка перед началом сложной операции. По приказанию полковника Фазула-Мирзы Каджара командир 4-й сотни есаул князь Давид Дадияни, прикомандированный к полку из 2-го Екатеринодарского полка Кубанского казачьего войска, направляет на задание урядника Осканова, ингуша, служившего в Чеченском полку. Наградное представление, согласно которому он был награжден Георгиевским крестом, донесло до нас свидетельство о той, такой важной перед форсированием Днестра разведке, проведенной днем 29 мая:

«Мл. урядник Батыр-Бек Осканов — 4 ст. № 809624.

29 мая 1916 г., вызвавшись охотником для разведки правого берега Днестра, что против дер. Усечко, вплавь перебрался на неприятельский берег, точно определил силу и расположение неприятельских постов, а также местонахождение пулеметов; переправляясь обратно, был замечен неприятелем и подвергнут убийственному пулеметному и ружейному огню, причем был тяжело ранен бывший с ним взводный урядник Магомед Берсанов. Осканов не растерялся, не оставил раненого товарища и доставил его в окоп».

Итак, в ночь на 30 мая, перед рассветом, полусотня 4-й сотни Чеченского полка, насчитывавшая 62 всадника, во главе с сотенным командиром есаулом Давидом Дадиани у деревни Ивание вошла с лошадьми в полноводный в это время Днестр и вплавь направилась в сторону противника. Близ правого берега, при свете ракет, австрийцы и немцы обнаружили переправлявшихся Чеченцев и обрушили на них «горячий ружейный и пулеметный огонь». Но полусотня уже форсировала Днестр, и всадники, ворвавшись на правый берег, в едином порыве устремились на врага, занимая его позиции. Неприятель, во много раз превосходивший по численности Чеченскую полусотню, не выдержал ее поразительного по смелости удара и стал отступать.

Буквально в течение получаса Чеченцы заняли небольшой плацдарм на правом берегу Днестра, захватив около 250 австрийцев и два пулемета. Многие солдаты неприятеля были уничтожены.

Благодаря Чеченской полусотне, закрепившейся на плацдарме, уже на рассвете по наведенному понтонному мосту началась переправа на правый берег Днестра всего Чеченского полка, а за ним Черкесского, Ингушского и частей пехотной дивизии, что сразу же позволило войскам 33-го армейского корпуса начать успешное продвижение в глубь занятой противником территории.

В те же дни о героизме Чеченской полусотни, первой из состава российских войск с боем переправившейся на правобережье Днестра, было доложено в Ставке Верховному Главнокомандующему Николаю II. И царь, восхищенный мужеством ее всадников, заявил, что всех их награждает Георгиевскими крестами. Факт этот, безусловно, редчайший, чтобы весь личный состав воинского подразделения за один бой был удостоен боевых наград, и единственный как на всю Кавказскую конную дивизию, так и на 2-й кавалерийский корпус.

И вот приказ по дивизии генерала Багратиона: «Объявляю при сем список всадникам Чеченского конного полка, Высочайше награжденным за переправу 30 мая 1916 г. через Днестр». Здесь же сказано: «Государем Императором, по докладу Его Императорского Высочества великого князя Георгия Михайловича, поименованные всадники Чеченского конного полка за совершенный ими в целом составе на реке Днестре 30 мая 1916 года подвиг Всемилоостивейше награждены Георгиевскими крестами».

В том списке «Высочайше награжденных» всадников

значатся 60 человек, двое из них получают Георгиевские кресты 2-й степени, девять — 3-й, остальные — 4-й. Вот имена некоторых из них:

- «Мл. урядник *Джанхотов Гата* — 2 ст. № 29529.
Мл. урядник *Багалаев Магомет* — 2 ст. № 19448...
Всадник *Элажбаев Абдул-Керим* — 3 ст. № 80696.
Всадник *Генардукаев Альви* — 3 ст. № 80699...
Всадник *Баталов Махмуд* — 4 ст. № 726537...
Всадник *Дубаев Мада* — 4 ст. № 726459».

Еще двоим всадникам Чеченской полусотни — героям форсирования Днестра — «от имени Государя Императора» лично вручит Георгиевские кресты великий князь Георгий Михайлович: чеченцу Масхуду Демишеву и ингушу Заурбеку Ахушкову, об удивительной судьбе которого уже рассказывалось.

«Ст. урядник *Демишев Масхуд* — 3 ст. № 181524.

Будучи выслан в разведку за старшего 30 мая 1916 г. на реке Днестр, заметил неприятельскую заставу, открывшую по нас огонь, бросился в атаку и захватил 8 человек в плен, лошадь под ним была убита».

«Ст. урядник *Ахушков Заур-Бек* — 2 ст. № 47910.

Переправился через реку Днестр 30 мая 1916 г. и, когда полусотня рассыпалась цепью, первый бросился с криком «ура» на австрийцев, которые были ошеломлены и частью сдались в плен, частью бежали».

За отвагу, проявленную при форсировании Днестра, Георгиевским оружием будет награжден прапорщик князь Иван Дадиани «за то, что 30 мая 1916 года, участвуя в составе полусотни Чеченского конного полка в бою у деревни Ивание (на реке Днестр), обнаружил и атаковал с 14 всадниками неприятельскую заставу, значительно превосходящую численностью его команду, часть ее изрубил, а 28 австрийцев взял в плен».

Командир 4-й сотни Чеченского полка есаул Давид Дадиани, возглавлявший полусотню при форсировании Днестра, будет награжден орденом св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом. Он уже имел Георгиевское оружие, получив его еще в казачьем полку.

После переправы через Днестр авангард Кавказской конной дивизии в составе девяти сотен Чеченского, Татарского, Черкесского полков и двух орудий конно-горного дивизиона к вечеру 30 мая сосредоточился в городе Городенка. Отсюда выслали разведку в направлении села Чертовец, куда, согласно приказу командующего

33-м корпусом, должны были выдвинуться кавказские полки. Разведывательные разъезды выяснили, что «окрашение» неприятеля занимает линию восточнее населенных пунктов Чертовец — Чернятин.

Уточнив обстановку, командир авангарда генерал-майор Александр Васильевич Гагарин решил сбить «охраняющую часть противника», для чего приказал Татарскому полку с утра 31 мая наступать в направлении Тышковцы — Чертовец, а Черкесскому полку — в направлении села Окно.

Утром 31 мая всадники и офицеры Черкесского полка, «упоенные боевым успехом» прошедшего дня, когда частям Кавказской конной дивизии удалось пройти, отбрасывая противника, почти на 20 километров вперед, вступили в бой за село и железнодорожную станцию Окно, находившуюся западнее города Городенка.

После ожесточенной схватки с австрийцами и венграми, в которой участвовали 1-я, 3-я и 4-я сотни, село и станция были захвачены Черкесским полком. При этом противник понес большие потери убитыми и пленными, а на железнодорожной станции, на которую первым ворвался со всадниками 3-й сотни штабс-ротмистр маркиз Делли Альбицци, в руки победителей попали большие трофеи — эшелон, груженный каменным углем, походная хлебопекарня, интендантские склады с продовольствием и фуражом для лошадей, несколько автомашин. Общее число пленных составило 157 человек.

В бою понес потери и Черкесский полк — был смертельно ранен командир 3-й сотни штабс-ротмистр Леон Владимирович Марданов, «из армянских дворян», служивший в полку с сентября 1914 года, убито 11 всадников, ранено — 29. Получили ранения и несколько офицеров.

Сведения из наградных приказов донесли до нас имена героев Черкесского полка, отличившихся в бою за село Окно...

Высочайшим приказом от 28 августа 1916 года, по достоинству Петроградской Думы Георгиевского оружия, награжден Георгиевским оружием «армейской кавалерии состоящий в Черкесском конном полку прапорщик Магомет-Гирей Крымшамхалов за то, что 31-го мая 1916 года при занятии дер. Окна, когда командир сотни Черкесского конного полка штабс-ротмистр Марданов во время конной атаки сотни, смявшей и заставившей противника отойти в дер. Окна, был смертельно ранен, принял на себя командование сотнею и, учтя создавшееся поло-

жение, примером личного мужества воодушевлял нижних чинов, довел их до деревни, упорным ударом в шашки под сильным, почти в упор, огнем врага выбил его из халуп и, достигнув полного успеха, занял деревню».

Награждены Георгиевскими крестами:

«Мл. урядник Алджерий Бжегаков — 3 ст. № 76204.

Ст. урядник Исхак Ачмиз — 4 ст. № 809612.

Всадник Юсуп Асакаев — 4 ст. № 809615.

Всадник Магомет-Гирей Лоов — 4 ст. № 809616.

Мл. урядник Мустафа Мардов — 4 ст. № 809618.

31 мая 1916 г. во время конной атаки на сел. Окно в рукопашной схватке увидели взводного офицера и двух всадников, окруженных неприятелем, бросились на него и всех изрубили, чем спасли жизнь своего офицера».

«Всадник Хамит Семенов — 4 ст. № 968562.

31 мая 1916 г. во время конной атаки на сел. Окно первым ворвался в названную деревню (находясь дозорным) и, получивши три огнестрельные раны и одну штыковую, уже 20 августа явился в строй».

Согласно представлению командира 4-й сотни ротмистра Генриха Федоровича Бьерквиста, Георгиевскими крестами были награждены и всадники-абхазы из 4-й сотни:

«Ст. урядник Дмитрий Анчабадзе — 1 ст. № 10420.

Мл. урядник Николай Анчабадзе — 4 ст. № 968522.

31 мая 1916 г. при взятии сел. Окно, будучи посланы для наблюдения за противником и для связи с Татарским конным полком, взяли неприятельский пост из 5-ти человек и трех уничтожили».

«Всадник Баж Инапшибая — 4 ст. № 968417.

31 мая 1916 г., будучи старшим в разъезде, уничтожил неприятельский пост у высоты 259 к северу от сел. Окно, 2-х зарубил и 3-х взял в плен».

* * *

О событиях, происходивших 31 мая у деревни Тышковцы, рассказано в «Описании подвига командира Татарского конного полка полковника князя Бековича-Черкасского, представленного к награждению орденом св. Великомученика и Победоносца Георгия 3-й степени», подписанном командующим Кавказской конной дивизией генералом Багратионом. А в наградном листе на полковника Бековича-Черкасского будет указано:

Прибыл на театр военных действий — 12 октября 1914 года.

Был контужен (в правую половину головы) близ Днестра, около фольварка Глушка, подлежал эвакуации, но остался в строю — лето 1915 года.

Командирован для оперативного лечения. По возвращении вступил в командование Татарским конным полком с 12 марта 1916 года, коим командует и ныне».

При перечислении в наградном листе всех имеющих-ся у **Бековича-Черкасского** наград отмечена и последняя из них: «Представлен взамен Георгиевского оружия к Высочайшему благоволению. Представление направлено командиру 2-го кавалерийского корпуса 14 ноября 1915 года за № 4594.

Высочайшее благоволение — Высочайший приказ 4 февраля 1916 года...»

Итак, утром того дня, 31 мая, полковник Федор Николаевич Бекович-Черкасский с тремя сотнями Татар пошел в атаку на деревню Тышковцы, находясь «с атакующими сотнями под сильнейшим огнем» неприятеля. Стремительным ударом сопротивление врага было сломлено, и в «9 часов 40 минут дер. Тышковцы была занята конной атакой Татарским полком. Причем взяты в плен 171 австрийский нижний чин и 6 офицеров, которые были отправлены в штаб дивизии в г. Горденка».

Но ровно через полчаса, в 10 часов 20 минут, австрийцы двумя батальонами пехоты повели наступление «из Чертовец на Тышковцы». Полковник Бекович-Черкасский немедленно организовал оборону сотен, и всадники с пулеметчиками из отряда Балтийского флота встретили атакующего неприятеля огнем. Но, пользуясь значительным превосходством в силах, он все ближе подходил к позиции Татар у деревни Тышковцы. «Несмотря на критическое положение полка ввиду контратаки противника свежими двумя батальонами при поддержке артиллерии против трех спешенных сотен и взвода пулеметной команды, полковник князь Бекович-Черкасский решил во что бы то ни стало удержать за собою дер. Тышковцы, т. к. вполне ясно сознавал всю важность владения этим селением» как для положения Кавказской конной дивизии, так и в целом для всего 33-го армейского корпуса.

В результате мер, предпринятых полковником Бековичем-Черкасским, контратака противника была отбита. Вскоре всадники Татарского полка и пулеметчики отра-

зили его «вторичную попытку перейти в атаку». И затем до двух часов дня враг «пробовал еще несколько раз продвинуться к сел. Тышковцы, но всякий раз был остановлен нашим огнем».

В 14 часов 30 минут на подкрепление к Татарскому полку подошли две сотни Чеченского полка и два конно-горных орудия, а также на его позиции прибыл командир 2-й бригады генерал-майор Дробязгин, вступивший в командование находившимся в Тышковцах отрядом. Потом к сотням Татар и Чеченцев присоединился и пехотный батальон Заамурского полка.

Благодаря полковнику Бековичу-Черкасскому, проявившему мужество и умение командовать полком в сложнейшей боевой обстановке, деревня Тышковцы была удержана. При этом ее защитники отбили пять атак противника. Помимо взятых в плен 177 австрийцев, всадники-кавказцы и поддерживавшие их пехотинцы вывели из строя значительное число вражеских солдат и офицеров, и, как говорится в «Описании подвига...» полковника Бековича-Черкасского, с поля боя было «убрано на следующий день после сражения 256 австрийских трупов».

20 июля 1916 года командир Кавказской конной дивизии генерал Багратион направит рапорт командующему 33-м армейским корпусом, в котором говорилось: «Представляя при сем наградной лист, описание подвига и свидетельские показания на командира Татарского конного полка полковника князя Бековича-Черкасского, ходатайствую о награждении его за боевые отличия, оказанные им во время боя 31-го мая сего года у дер. Тышковцы,— орденом св. Георгия 3-й степени».

Необходимо отметить, что во всей Кавказской конной дивизии за весь период войны полковник Бекович-Черкасский оказался единственным офицером из уроженцев Кавказа, представленным к Георгиевскому кресту 3-й степени...

* * *

Почти всю первую декаду июня полки 2-й и 3-й бригад дивизии, занимая села Чертовец, Тышковцы, Окно, находились в боевом соприкосновении с неприятелем, отбивая его частые контратаки и проводя разведку.

2 июня у деревни Чертовец тяжелый бой пришлось вести Чеченскому полку. В тот день полковые сотни от-

били три яростные атаки противника, а затем и сами пошли в контратаку, отбросив австрийцев...

Из приказов о награждении всадников Чеченского полка за бой у деревни Чертовец:

«Ст. урядник Махмуд Берсанов — Георгиевский крест 2 ст. № 48114.

В бою 2 июня 1916 г. под сел. Чертовец вызвался охотником произвести разведку о силах и расположении противника; пробравшись сквозь цепь неприятеля в сферу его расположения, разведку выполнил успешно, доставил под сильным ружейным и пулеметным огнем противника ценные сведения».

«Всадник Хату Саадулаев — Георгиевский крест 4 ст. № 968394.

В бою 2 июня 1916 г. у дер. Чертовец, когда в сотне совершенно вышли патроны, а подход с тыла позиции был связан с ежеминутной угрозой для жизни, вызвался охотником доставить патроны, что исполнил вполне благополучно, своевременно доставил патроны, что дало возможность удержать позицию».

Награждены медалями «За храбрость»:

«Мл. урядник Магомет Алиев — 4 ст. № 913720.

Мл. урядник Абдул-Рашид Ахтаев — 4 ст. № 913721.

2 июня при активной защите дер. Чертовец геройски отбили три повторные атаки неприятеля, а при переходе в контратаку подавали собой пример мужества и героизма».

В бою у деревни Чертовец 2 июня проявил отвагу и адъютант Чеченского полка Абдул-Меджид Арцуевич Чермоев, к тому времени уже награжденный орденами св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом, св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость». К сожалению, наградного представления на него в архивах разыскать не удалось, но то, что командование дивизии представляло его к награждению орденом св. Георгия 4-й степени, говорит о высокой значимости совершенного им подвига.

Командир 2-й бригады генерал-майор Сергей Аркадьевич Дробязгин вручит командующему дивизией генералу Багратиону рапорт — «надпись» — «от 22 июля с. г. за № 102 о награждении штабс-ротмистра Чеченского конного полка Чермоева за бой 2 июня орденом св. Георгия 4-й степени».

Генерал Дмитрий Петрович Багратион, направляя 8 августа представление на Абдул-Меджида Чермоева командующему 33-м армейским корпусом, делает свою «надпись на надписи командира 2-й бригады»: «Ходатайствую».

О героизме и воинской доблести Абдул-Меджида (Тапы) Чермоева, о его уме, широте мышления писал с восхищением познакомившийся с ним на фронте Николай Николаевич Брешко-Брешковский в книге «Дикая Дивизия»: «Штабс-ротмистр Тапа Чермоев, бывший офицер Собственного Его Величества конвоя, а теперь адъютант Чеченского полка. Тапа сам чеченец и пользуется большим влиянием среди чеченцев. И по себе, и по своему отцу. Недавно Чермоев... средь бела дня, увлекшись разведкой, не заметил, как очутился буквально в пятидесяти шагах от окопов противника. Эта дерзость так ошеломила австрийцев, они даже не стреляли, а уж чего выгоднее мишень: всадник в полусотне шагов. Чермоев не был бы горцем, если бы, заметив свою оплошность, бросился наутек. И он сделал так же лихо, как делали его предки чеченцы в борьбе с русскими. Он задержал коня и, молодецки заломив папаху, посмотрел на ошеломленных австрийцев, а потом с гиком, стегнув коня плетью, взвил его на дыбы и, повернув, как на оси, с места понесся карьером назад, к своим. И это было так ошеломляюще — ни одного выстрела вдогонку...

Он знает и любит свой Северный Кавказ и своих чеченцев, Тапа — живая история всех кавказских войн. Память у него изумительная! Пытливый ум и знание предмета в мельчайших подробностях делает его увлекательным собеседником».

* * *

В сводке штаба Верховного Главнокомандующего за 6 июня 1916 года сообщалось: «Вчера в четыре часа дня войска генерала Лечицкого взяли штурмом предместное укрепление города Черновицы, на левом берегу Прута. После упорного боя на переправах через реку Прут, мосты через который взорваны неприятелем, город Черновицы занят нами. Войска преследуют неприятеля, отходящего к Карпатским перевалам».

Во взятии Черновицы участвовали также Кабардинский и 2-й Дагестанский полки, которые после 10 июня будут вновь переброшены к основному составу Кавказской конной дивизии в район Чертовца, Окно для дейст-

вий в направлении Станиславова. В то же время 2-я бригада в составе Чеченского и Татарского полков придавалась 11-му армейскому корпусу 9-й армии, ведущему бои к западу от города Черновицы — в направлении Карпат.

Направившись форсированным маршем из района Городенки на правобережье Днестра в район Черновицы на Пруте, бригада генерал-майора Дробязгина, преодолевая на своем пути сопротивление противника, к середине июня вышла по гористо-лесистой местности к реке Черемош, противоположный, левый берег которого занимали австрийцы. С этого времени Чеченскому и Татарскому конным полкам предстояло вести боевые действия в предгорьях и горах Буковинских Карпат, вблизи истоков Прута.

15 июня Чеченцы и Татары под ураганным вражеским огнем форсировали реку Черемош, захватили деревню Росток и стали с боем продвигаться на северо-запад, имея справа и слева от себя русские пехотные части.

Из приказов о награждении всадников Чеченского полка Георгиевскими крестами:

«Мл. урядник Карасе Маргоев — 2 ст. № 31169.»

В бою на реке Черемош был выслан с разъездом в разведку и, невзирая на сосредоточенный по разъезду артиллерийский огонь, шел вперед и, собрав важные сведения, возвратился».

«Мл. урядник Анди Мирзаев — 4 ст. № 968495.»

15 июня при занятии укрепления противника на реке Черемош, будучи ранен, продолжал командовать отделением (до потери сознания), благодаря чему был достигнут частичный успех боя».

«Всадник Рашед Бакиев — 4 ст. № 968450.»

Во время форсирования реки Черемош 15 июня 1916 г. вызвался охотником произвести разведку неприятельского берега, что выполнил успешно, доставив ценные сведения о противнике и местонахождении его пулеметов».

«Мл. урядник Юсуп Дубаев — 3 ст. № 181471.»

За то, что после форсирования реки Черемош 16 июня вызвался охотником за старшего с двумя всадниками разведать о силах отступающего противника и, войдя в соприкосновение с ним, будучи замечен и обстрелян, не растерялся, а, послав одного всадника с важными сведениями к командиру, сам с другим продолжал на-

блюдать за действиями противника до подхода своих сил».

От реки Черемош Чеченский и Татарский полки, сбивая с позиций сопротивлявшегося неприятеля, продвинулись в направлении города Ворохты, находившегося в Буковинских Карпатах, в верховьях Прута. На их пути лежали деревни Шешора и Ричка, названия которых остались запечатленными в приказах о награждении всадников Чеченцев:

«Всадник Кадыр Абдулаев — Георгиевский крест 4 ст. № 968099.

17 июня 1916 г. в бою у дер. Шешора, будучи при 2-й сотне, когда был ранен прапорщик Михаил Соломко, первым бросился на помощь, невзирая на ежеминутную опасность, и далее, с помощью других всадников, вынес офицера, чем спас ему жизнь».

«Всадник Джабраил Мамиев — Георгиевский крест 4 ст. № 968519.

18 июня 1916 г., находясь в команде разведчиков корнета Беридзе, вызвался взорвать неприятельский мост у дер. Ричка, находящийся в тылу противника. Во время исполнения задачи был тяжело ранен в грудь, пробился сквозь цепи противника и присоединился к своей команде».

В дальнейшем до начала августа Чеченский и Татарский полки вели боевые действия и разведку в горах севернее Ворохты и в районе сел Микуличин и Делятин, тем самым вместе с пехотными частями сдерживая противника, пытавшегося с австро-венгерской территории наступать по долине Прута, где проходил важный железнодорожный путь, идущий от Львова и Станиславова в австрийский город Карлбург.

И вновь обратимся к документам о награждении всадников Чеченского полка Георгиевскими крестами.

«Ст. урядник Альбури Магома — 2 ст. № ... .

23 июля 1916 г. на высоте 1034 во время ночной атаки противника этой высоты, когда ротмистр Мамышев, желая для удержания позиции вызвать поддержку от соседней сотни, заметил, что телефон порван австрийцами, был послан пробиться сквозь цепь прорвавшегося неприятеля с донесением во 2-ю сотню (соседнюю) о присылке поддержки, выполнил задачу под огнем противника своевременно, чем дал возможность удержать позицию».

«Всадник Юнус Эдаев — 4 ст. № ... .

Всадник Нака Эдаев — 4 ст. № ... .

Вызвавшись охотниками 24 июля 1916 г. у дер. Микуличин, прошли по горам в тыл неприятеля и определили местонахождение неприятельской артиллерии. Справедливость добытых сведений подтвердилась; по указанному ими участку был открыт огонь нашей артиллерии».

3-й сотней Чеченского полка, в которой служили урядник Альбури Магома и всадники Юнус и Нака Эдаевы, командовал ротмистр Барасби Саляхович Мамышев, бывший помощник начальника Нальчикского округа. Еще в марте 1915 года, будучи командиром запасной Чеченской сотни, привезенной им из Грозного на фронт, он пытался перевестись в основной состав полка, участвовавший в боях. Но тогда командование дивизии вновь направило Мамышева в Грозненский округ для формирования из чеченцев 2-й запасной сотни. И только поздней осенью в том же пятнадцатом году он будет зачислен в действующий полк. В «Краткой записке» о службе ротмистра Мамышева, составленной 1 декабря 1915 года, «на предмет его перевода в Чеченский конный полк» сказано:

«Прибыл в полк с запасной сотней 2-й очереди — 1915-го ноября 10.

Назначен командующим 3-й сотни 1915-го ноября 24».

Так ротмистр Барасби Саляхович Мамышев стал командиром 3-й сотни Чеченского конного полка и участником боевых действий. И вот запись в полковой книге приказов: «Приказом войскам IX армии от 25 апреля 1916 г. за № 174 командующим армией за отличноусердную службу и труды, понесенные во время военных действий за период с 1 июня по 31 декабря 1915 г., награжден: орденом св. Анны 3-й степени ротмистр Мамышев».

Из документа Военного ведомства становится известно весьма важное обстоятельство из боевой биографии ротмистра Барасби Мамышева — за особое мужество, проявленное в боях в период Брусиловского наступления, он был «27 сентября 1916 года представлен к Георгиевскому оружию...».

Отважно воевали в Буковинских Карпатах и всадники Татарского полка под командованием полковника Вековича-Черкасского. Вот два эпизода из полковой

жизни тех дней, что донесли до нас приказы о награждении.

«Всадник Кулу оглы Керим — Георгиевский крест 4 ст. № ...»

Из вольноопределяющихся принц Идрис Каджар — 4 ст. № ...»

Посланы в составе полусотни в ночь на 24 июня 1916 г. занять сел. Делятин и, несмотря на убийственный ружейный и пулеметный огонь противника, первыми смело бросились вперед, подбодря своим примером беззаветной храбрости всадников сотни, первыми ворвались в укрепление противника на занятых позициях и, когда противник перешел в контратаку, примером личной храбрости способствовали отбитию таковой».

Принц Идрис Каджар — младший брат командира Чеченского полка Фазула-Мирзы Каджара. За отличия в боях приказом командующего Юго-Западным фронтом от 25 декабря 1916 года будет произведен в прапорщики.

«Мл. урядник Александр Кайтуков — Георгиевский крест 2 ст. № 60758.»

В ночь на 23 июля 1916 г., занимая с постом ответственный участок впереди станции Арджелюзы, отбил атаку противника силою более полуроты и удержал пост до подхода подкрепления».

Урядник Александр Кайтуков, уроженец Осетии, служил в Татарском полку добровольцем с 1914 года.

* * *

В начале августа Чеченский и Татарский полки перебрасываются на новый участок линии фронта — на правобережье реки Быстрицы-Надворнянской. Там, в районе города и железнодорожной станции Надворная, в 30 с небольшим километрах южнее Станиславова, и стояли теперь на позициях сотни 2-й бригады Кавказской конной дивизии, противостоя австро-венгерским и германским частям. О том, как для всадников и офицеров Чеченского конного полка проходили боевые будни, свидетельствуют документальные материалы...

Из приказов о награждении Георгиевскими крестами:

«Всадник Муса Арсемиков — 4 ст. № 968338.»

Всадник Магомет Саламов — 3 ст. № 181370.»

Днем 12 августа 1916 г. переправились через реку Быстрицу и, преодолев три ряда проволочных загражде-

ний, вместе с 12 другими охотниками попали на передовой германский окоп, убили одного и взяли в плен 9 германцев, причем Арсемиков был тяжело ранен».

«Мл. урядник Осман Нучаев — 2 ст. № 31175.

19 августа 1916 г. в разведке по реке Быстрице, вызвавшись охотником идти с поручиком Чуликовым, также вызвался идти головным дозором; отделившись от команды и зайдя за полотно железной дороги, был окружен вместе с другим дозорным Закариевым партией неприятельских разведчиков силою в 8 человек. Открыл огонь по немцам, тем предупредил выславшего его офицера и совместно с Закариевым продолжал отстреливаться и держаться до тех пор, пока не подошла команда, несмотря на то, что с первых выстрелов немцев был ранен в левую ногу с раздроблением кости».

Возглавлявший разведчиков поручик Махмуд Чуликов в январе 1916 года был переведен в Чеченский полк из 14-го пехотного Олонецкого полка. За боевые отличия в период Брусиловского прорыва удостоен ордена св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом. 9 мая 1917 года произведен в чин штабс-ротмистра.

Боевой товарищ урядника Османа Нучаева по разведке всадник Халид Закариев получил в награду медаль «За храбрость» 4-й степени.

«Всадник Солтахан Шамилев — Георгиевский крест 3 ст. № 70917.

Во время атаки 19 августа 1916 г. на реке Быстрице находился в разведывательной команде поручика Чуликова. В бою первый добежал до линии неприятельских окопов, увлекая за собой своим примером товарищей, но, будучи тяжело ранен внезапно открывшимся по разведчикам огнем неприятеля, не давшим впоследствии его вынести, остался на поле сражения».

Из приказа 2-му кавалерийскому корпусу о награждении всадников Чеченского полка медалями «За храбрость»:

«Ст. урядник Юсуп Чермоев — 2 ст. № 30457.

За мужество и храбрость, оказанные в боях против неприятеля в период с 15 июня по 26 августа 1916 года».

* * *

К середине июня с берегов Прута на правобережье Днестра были переброшены Кабардинский и 2-й Дагес-

танский полки, с того времени действовавшие совместно с Черкесским и Ингушским полками на Станиславовском направлении.

В тот период кавказские полки занимали позиции юго-восточнее города Тлумача, проводя усиленную разведку, выбивая неприятеля из близлежащих деревень и фольварков и отражая его контратаки.

И сразу же по выходе на новый участок фронта части 1-й бригады приступили к выполнению боевых задач.

Уже 17 июня был направлен в разведку *всадник Кабардинского полка Хабиж Хажинагоев*, возглавивший дозор из пяти человек. Действовал он храбро и решительно, чем заслужил Георгиевский крест 4-й степени. Командир 2-й сотни штабс-ротмистр Дохчику Кубатиев напишет в наградном представлении: «17 июня 1916 г., будучи старшим дозорным, во время разведки на дер. Жауков, первый ворвался в полевой караул противника, изрубил 2-х австрийцев и 3-х здоровых австрийцев с винтовками взял в плен».

«На основании Георгиевского статута награждаю *всадника 2-го Дагестанского конного полка Курбан Узул Магома Георгиевским крестом 4-й степени № 358389*, — говорилось в приказе командира 2-го кавалерийского корпуса великого князя Михаила Александровича, — за то, что 19 июня 1916 г. в районе деревень Завачев — Олеша, увидя раненного в ногу командира 4-й сотни 53-го Донского казачьего полка есаула Маньковского, почти окруженного неприятелем, бросился на выручку названному офицеру, в рукопашной схватке одолел неприятеля и совместно с вахмистром и урядником сотни спас жизнь есаулу Маньковскому».

По приказанию командира 3-й бригады генерал-майора Гагарина усиленную разведку расположения неприятеля проводил Черкесский полк. Одним из конных полковых разъездов командовал прапорщик Магомет-Гери Крымшамхалов, герой недавнего боя за деревню Окно. Свои донесения о боевой обстановке в те дни, как видно из Полевой книжки прапорщика Черкесского конного полка Магомета Крым-Шамхалова», он направлял непосредственно генералу Гагарину.

13 июня 1916 года. 6 часов 20 минут утра. Из деревни Изераны: «Доношу, что я дошел до самых окопов противника и там меня обстреляли ружейным и артиллерийским огнем. Силы противника в окопах около батальона».

15 июня. 13 часов 30 минут. Из деревни Грушка: «Доношу, что перебежками наступает австрийская кавалерия по направлению ко мне. Пришлите помощь».

19 июня. 4 часа 20 минут утра. Из деревни Изераны: «Доношу, что мною обнаружен противник около 40 человек правее шоссе, 100 шагов к корчме. Я рассыпал людей и пошел в лаву, но, начав огонь, противник отошел в свои окопы».

В те дни разведывательным разъездом Черкесского полка командовал и офицер 4-й сотни корнет Константин Иосифович (Шаханович) Лакербай, кавалер ордена св. Георгия 4-й степени. Военный корреспондент Брешко-Брешковский в одном из своих очерков сказал о нем: «Удивительно, что все эти легендарные герои выделяются замечательной скромностью, присущей истинным героям. Он получил белый офицерский крест прямо за безумный по отваге подвиг, но почти ничего не говорит об этом».

При проведении разведки где-то восточнее Тлумача корнет Константин Лакербай принял свой последний бой и был смертельно ранен. В списке офицеров и нижних чинов Кавказской конной дивизии, убитых, раненных, контуженных, пропавших без вести и умерших от ран, за май и июнь 1916 года, хранящемся в Российском государственном военно-историческом архиве, значится и «умерший от ран корнет Лакербай».

Судя по книге Езута Кичовича Габелиа «Абхазские всадники» (Сухуми, 1990), это печальное событие произошло 15 июня. В то время Константину Лакербаю шел двадцать шестой год.

В той же книге — «историческом очерке» — Габелиа, рассказывая об абхазах, служивших в Черкесском конном полку в годы Первой мировой войны, говорит и о том, что 10 февраля 1917 года в городе Батуми отдельным изданием вышел «очерк К. Д. Мачавариани «Светлой памяти павшего на войне героя, корнета К. Ш. Лакербая», в котором были использованы очерки Брешко-Брешковского и письма Константина Лакербая.

Нельзя без волнения читать строки письма, написанного Константином Иосифовичем на фронте и отправленного им в Абхазию одному из своих родственников: «...работая с абхазцами, я ни одной минуты не думаю о себе, — писал корнет Лакербай, — а только о молодых всадниках, как бы кто из них не был ранен, оставлен и т. д. Я благодарен судьбе, что вместе с родными людьми защищаю интересы общей нашей родины —

России и что со славой героев мы, абхазцы, честно по-мрем в грозном бою или в сознании исполненного долга, абхазцы войдут в свою родину смело, с открытыми глазами, глядя на своих отцов и дедов, ожидая от них благодарности, что не осрамили абхазцев и со славой вернулись в дорогую Абхазию...»

Но не суждено было Константину Лакербаю вернуться в дорогую для него Абхазию... Как пишет Езут Габелиа в книге «Абхазские всадники», в штабе Черкесского полка «решено было тело покойного отправить на далекую родину воина в Абхазию», чтобы похоронить в родном селении Лыхны. «Когда поступило известие о смерти К. И. Лакербая, то заволновалась вся Абхазия. На расстоянии четырех верст от местечка Гудаута до с. Лыхны растянулась похоронная процессия, все оплакивали смерть героя...»

Боевые действия полков Кавказской конной дивизии в направлении Тлумача и Станиславова, ведущиеся совместно с пехотными и казачьими частями, сковали на этом участке фронта значительные силы неприятеля. А это в определенной мере способствовало тому, что войскам 9-й армии удалось 18 июня занять город Коломью на Пруте, «важный узел железных дорог Буковины», в 65 километрах юго-восточнее Станиславова...

2-й Дагестанский конный полк поддерживал наступление пехоты в направлении города Тлумача. В один из тех дней проявила особое отличие в бою 1-я сотня под командованием ротмистра князя Ираклия Андроникова, которому Высочайшим приказом от 25 сентября 1916 года было пожаловано Георгиевское оружие за то, что он «22-го июня 1916 года, в районе Исакув, командуя 1-ю сотнею наименованного полка под сильным артиллерийским, пулеметным и ружейным огнем, во главе сотни в конном строю атаковал противника, доведя сотню до удара холодным оружием, выбил австрийцев из двух окопов и затем, развивая свой успех и продолжая лихую атаку, перешел в преследование отступающего врага, приведя его в полное расстройство, чем помешал неприятельским резервам своевременно придти к своим частям на помощь и дал возможность пехоте значительно продвинуться вперед и укрепиться».

5 июля командующий 9-й армией генерал Лечицкий издаст приказ № 289 о награждении отличившихся в боях офицеров. И среди них будет прапорщик Кабардинского полка *полный Георгиевский кавалер Али Инароков*. Вернувшись весной в полк после учебы в Тифлис-

ской школе прапорщиков, он во время Брусиловского наступления заслужил свою первую офицерскую награду — «орден св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом (для нехр. устанол.)».

С Кабардинским полком связан и приказ по 33-му армейскому корпусу от 11 июля 1916 года, согласно которому «нижние чины Кабардинского конного полка» награждались Георгиевскими крестами «за мужество и храбрость, оказанные в делах против неприятеля в течение майских и июньских боев 1916 года». И в числе шестнадцати награжденных названы всадники:

Приказный Ветрозов Алибек — 4 ст. № 679198.

Приказный Эбзеев Азрет — 4 ст. № 679199.

Ст. урядник Диков Хазеша — 3 ст. № 64430.

Всадник Дзамихов Ахмед — 3 ст. № 64431...

Черкесский конный полк, продвигаясь с боями в направлении Тлумаца, 11 июля находился в деревне Дноурвов. Там сотенный командир ротмистр Генрих Бьерквист на бланке с типографски отпечатанным титулом — «Командир 4-й сотни (Абхазской) Черкесского конного полка» — составил рапорт командующему полком полковнику Чавчавадзе, в котором ходатайствовал о производстве подпрапорщика его сотни Василия Маги в чин прапорщика. «Подпрапорщик Маги — дворянин с образованием и имеет все четыре степени Георгиевского креста, — писал ротмистр Бьерквист. — Порученные ему офицерские работы выполняет толково и добросовестно, в бою храбрый, распорядительный и отличного поведения и нравственности».

К своему рапорту ротмистр Бьерквист приложил и «Описание подвигов» Василия Маги. Первым подвигом стало его участие в бою у деревни Петликовце-Нове 27 сентября 1915 года, когда в составе взвода корнета Лакербая, будучи его старшим помощником, он штурмовал неприятельское укрепление; тогда были захвачены в плен офицер и 24 солдата.

«28 сентября 1915 г. у дер. Петликовце-Нове вызвался опять охотником и, подвергая свою жизнь явной гибели, под ураганным огнем перешел по пояс вброд болото, и уничтожил неприятельский пост, и зажег неприятельскую вышку».

3 июня 1916 г. во время разведки дер. Чертовец корнетом князем Шервашидзе подпрапорщик Василий Маги был выслан с пятью всадниками для осмотра северной части деревни, где, по словам жителей, еще был

неприятель. Не доезжая до последних халуп, дозор был встречен ружейным огнем в упор. Василий Маги со своими всадниками бросился в атаку, сбил пост, зарубил двух австрийцев и одного взял в плен, дав этим возможность продолжить разведку корнету князю Шервашидзе».

Полковник Александр Захарьевич Чавчавадзе поддержал ходатайство командира 4-й сотни ротмистра Бьерквиста о представлении подпрапорщика Василия Маги в офицерский чин.

Известно, что в декабрьских боях 1916 года в Румынии прапорщик Маги за храбрость будет награжден орденом св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом.

Называемый в рапорте ротмистра Бьерквиста «корнет князь Шервашидзе» — это князь Алексей Шервашидзе, абхазский дворянин. Согласно послужному списку, он родился 2 декабря 1883 года. «Воспитывался в Симбирском кадетском корпусе». После получения чина «прапорщика армейской кавалерии» находился в запасе. В июле 1914 года призван по мобилизации в армию. Служил в 5-м отдельном эскадроне. С 10 сентября участвовал в боях. Был награжден орденами св. Станислава и св. Анны 3-й степени с мечами и бантом. 16 февраля 1916 года корнет Алексей Шервашидзе переводится в Черкесский конный полк и назначается командиром взвода в 4-й сотне. Во время Брусиловского наступления он получит в награду орден св. Анны 2-й степени с мечами.

* * *

В середине июля уже шло решительное наступление войск 41-го армейского корпуса, переброшенного из Буковины в Галицию, — на Тлумач и Станиславов. Им противостояли австрийцы вместе с отборными частями германской армии, спешно переброшенными сюда с французского фронта.

15 июля полки 74-й пехотной дивизии в ходе боя потеснили противника на его флангах под деревней Езераны, но, как отмечено в «Описании боевых действий» Кавказской конной дивизии, он «ожесточенно сопротивлялся наступлению наших войск и упорно удерживал центр своей позиции у дер. Езераны». Тем самым враг контролировал важную для российских войск шоссейную дорогу, ведущую в направлении Тлумача и Станиславова.

И тогда начальник штаба дивизии полковник Петр Александрович Половцев, «изучив местность и учтя обстановку», приказал выдвинуть 3-ю бригаду «в лощину северо-западнее дер. Хоцимеж и оттуда внезапно атаковать в конном строю дер. Езераны».

К трем часам дня бригада лесами вышла к деревне Хоцимеж, откуда были выдвинуты два дивизиона Черкесского полка — один в деревню Пузники, в район действий 74-й пехотной дивизии, «для преследования противника», другой — в направлении деревни Грушка — Тлумач, для ведения разведки. Ингушский полк оставался на месте, ожидая приказа на атаку. В то же время русские пехотные части продолжали вести наступательный бой в районе Езераны, но неприятель отражал их атаки.

Около семи часов вечера «полковник Половцев решил, что теперь настало время действовать коннице, — сказано в «Описании боевых действий», — и нанести последний удар разбитому в течение дня пехотой противнику».

Этот «последний удар» по неприятелю, оборонявшемуся в деревне Езераны, и предстояло нанести Ингушскому конному полку полковника Георгия Алексеевича Мерчуле. По приказу Половцева сотни Ингушей устремились в атаку.

Всадники 1-й сотни штабс-ротмистра Александра Николаевича Баранова «под убийственным ружейным и пулеметным огнем противника» ворвались в Езераны, перескочив через вражеские окопы, «которыми была окружена деревня и в которой засели германцы, продолжавшие стрелять по атакующей сотне. Ввиду их сопротивления и отказа к сдаче около 80-ти германцев были переколоты и зарублены шашками».

Оказавшись на деревенских улицах, Ингуши попали под сильный ружейный огонь немцев, засевших в домах и за глиняными заборами. Командир сотни штабс-ротмистр Баранов, «ясно и быстро оценив обстановку, немедленно разбил сотню повзводно для уничтожения отдельных групп противника». Сам же во главе 1-го взвода бросился в конном строю «на отдельную группу халуп», из-за глиняных заборов которых немцами велся сильный ружейный огонь «в тыл нашей сотне». В результате скоротечной схватки «взвод зарубил 6 человек, 13 сдались в плен».

В то время как сотня разделилась по взводам для ведения уличного боя в деревне Езераны, штабс-ротми-

стром Барановым был брошен взвод под командованием прапорщика Камбулата Добриева «для захвата артиллерии, стрелявшей с окраины деревни около шоссе, где взводом было захвачено одно орудие (4-х дюймовая германская мортира) и зарядный ящик, а сопротивляющееся прикрытие изрублено».

«В 7 часов 35 минут вечера,— свидетельствует «Описание боевых действий»,— укрепленная германцами деревня Езераны с боя была занята лихой конной атакой 1-й сотни».

2-я сотня ротмистра Александра Михайловича Апарина, идя в атаку под огнем неприятеля, охватила деревню Езераны с северо-восточной стороны, где и «врубилась в цепь противника». Всадники начали колоть пиками и рубить шашкам германцев, которые, скрываясь в высокой ржи, стреляли из винтовок не только во фронт атакующей сотне, но и в ее тыл. Противник оказал яростное сопротивление, и в результате боя 2-я сотня Ингушей уничтожила более 100 «человек германской пехоты» и 66 солдат взяла в плен.

В то же самое время 3-я сотня штабс-ротмистра Султана Заурбековича Бек-Борова «развернулась в лаву» и пошла в атаку, охватывая деревню с западной стороны, в направлении «шоссе между высотой 338 и кладбищем деревни Езераны», как окажется, занятым ротой германской пехоты. «При указанном расположении германская пехота держала под перекрестным огнем дер. Езераны, атакующие сотни и все выходы из дер. Езераны».

Штабс-ротмистр Бек-Боров, в июне тяжело контуженный, но оставшийся в строю и еще ощущавший последствия контузии, первым бросился на неприятеля. За ним, «как один, сотня ринулась в конную атаку, несмотря на ураганный артиллерийский, ружейный и пулеметный огонь (последний с кладбища)»,— читаем в «Описании боевых действий». Ингуши ворвались на позиции немцев и «изрубили» их у высоты 338 и на езеранском кладбище, а затем, выйдя на Тлумачское шоссе, отрезали путь отступления противнику из деревни Езераны.

При этом всадниками сотни штабс-ротмистра Бек-Борова было «изрублено» прикрытие германцев и артиллерийская прислуга и взято «шестидюймовое орудие полной исправности» с девятью ящиками снарядов. «Кроме того, остатки от изрубленной сотней роты — прикрытие германцев, в количестве 39 человек, взято

командиром сотни штабс-ротмистром Бек-Боровым в плен и сдано в штаб Ингушского полка».

После боя за деревню Езераны командир 3-й сотни штабс-ротмистр Султан Бек-Боров представит корнета Султана Долтмурзиева к Георгиевскому оружию. В то время ему было всего восемнадцать лет. Как сказано в «Краткой записке о службе» Долтмурзиева, он родился 1 января 1898 года. «Сын учителя селения Кескоша 1-го участка Назрановского округа Терской области». После окончания шести классов Владикавказского реального училища Султана Долтмурзиева, по его просьбе, направляют на учебу в военное училище. Так с 10 августа 1914 года он оказался в Ташкенте «юнкером Ташкентского военного училища», в котором и окончил «ускоренный 4-х месячный курс по 1-му разряду». 1 декабря 1914 года Долтмурзиев был произведен в чин прапорщика и направлен в Омский военный округ, а уже оттуда в январе 1915-го получил перевод в Ингушский конный полк.

К июлю 1916 года за отвагу в боях корнет Султан Долтмурзиев уже имел орден св. Анны 3-й степени с мечами и бантом и св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость». Теперь же сотенный командир Бек-Боров представлял его к награждению Георгиевским оружием «за то, что в бою 15 июля 1916 г. у дер. Езераны, командуя в чине корнета взводом 3-й сотни полка, под действительным огнем в конном строю врубился со взводом в ряды германцев, занимавших шоссе, уничтожил их и затем, воодушевляя своих людей личным примером храбрости, атаковал кладбище дер. Езераны и прорвал фронт германского расположения, чем оказал большое влияние на общий успех атаки всей сотни».

Высочайшим приказом от 17 февраля 1917 года Султан Долтмурзиев награждается Георгиевским оружием, о чем 17 марта, уже при Временном правительстве, объявлялось в приказе по Армии и Флоту. Весной того же семнадцатого он будет произведен в чин штабс-ротмистра...

Вслед за тремя сотнями в тот день, 15 июля, вступила в бой за Езераны и 4-я сотня Ингушского полка под командованием тридцатилетнего поручика Крым-Султана Банухоевича Базоркина. Удивительным образом порой судьба распоряжается людьми. Ведь Крым-Султан Базоркин еще 22 февраля 1915 года провел со своим взводом успешный бой по занятию деревни Езераны (Езержаны), и тогда командир полка полковник Мерчуле пред-

ставил его к Георгиевскому оружию, вместо которого он получил орден св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом.

И теперь, по прошествии почти полутора лет, 15 июля 1916 года, поручик Базоркин вновь шел со своими всадниками в атаку у той же галицийской деревни, находящейся юго-восточнее города Тлумача. «Развернув сотню, поручик Базоркин понесся далеко впереди своей сотни, личным примером воодушевлив всю сотню,— говорится в «Описании боевых действий»,— и лихо повел ее в атаку, минуя деревню Езераны... правее кладбища, в направлении на рощу, что южнее высоты 393 (урочище Бралув)», где находилась немецкая пехота. По сотне велся шквальный огонь неприятеля, но свое боевое задание ее всадники и офицеры с честью выполнили.

Во время атаки был смертельно ранен разрывной пулей поручик Крым-Султан Базоркин. Полковой командир полковник Мерчуле посмертно представит его к Георгиевскому оружию, второй раз за ту же деревню Езераны.

Пройдет четыре месяца, и Высочайшим приказом от 29 ноября 1916 года император Николай II «по удостоянию Петроградской Думы Георгиевского оружия» *награждает Георгиевским оружием поручика Крым-Султана Базоркина* «за то, что в бою 15 июля 1916 года у дер. Езераны, командуя 4-й сотней Ингушского конного полка, личным примером воодушевляя свою сотню, лихо повел ее в атаку в конном строю на рощу, что южнее высоты 393, и, будучи встречен сильным артиллерийским и пулеметным огнем противника, врубился в густую цепь германцев силою около полуроты и уничтожил ее почти целиком холодным оружием, но он сам при этом был смертельно ранен, запечатлев смертью своей им содеянный подвиг».

В тот самый момент, когда смертельно раненный поручик Базоркин упал с коня, а правее и сзади сотни совершенно неожиданно из густой и высокой ржи показалась цепь немцев, открывших по всадникам огонь из винтовок и пулемета, командование над сотней принимает корнет Варлаам Шенгелай. В 1913 году он окончил Николаевское кавалерийское училище. В Ингушский полк перешел из Запасного гвардейского полка. Анатолий Марков в воспоминаниях «В Ингушском конном полку», говоря о своем товарище по 4-й сотне, корнете Шенгелаете, называет его «абхазец Шенгелай».

За мужество, проявленное в бою у деревни Езераны,

корнет Варлаам Андреевич Шенгелай, кавалер трех орденов, приказом командующего 9-й армией от 4 марта 1917 года был награжден Георгиевским оружием за то, что «в районе Тлумач у дер. Езераны во время конной атаки вечером 15 июля 1916 года принял на себя командование сотней после убывшего за тяжелым ранением командира сотни, повел ее на цепи противника до удара в шашки и сам зарубил прислугу пулемета. Такая блестящая атака дала сотне 16 уцелевших живыми пленных и действующий пулемет».

Бой за Езераны завершился блестящей победой всадников и офицеров Ингушского полка. В тот день «было забрано ими» в плен 134 немца «при 1 офицере, заколото свыше 230 и взято 5 тяжелых германских орудий» (два исправных взяты с боем и три оставлены в Езераках взорванными бежавшим противником). Пленные принадлежали к «ротам 48-го и 56-го германских пехотных полков».

«В то же время разведывательный дивизион Черкесов,— сказано в «Описании боевых действий»,— захватил у дер. Грушки 6-е орудие».

Потери Ингушского полка в бою 15 июля были следующие: «смертельно ранен командир 4-й сотни поручик Базоркин», ранены два офицера, всадники убито 18, ранено 36, «лошадей выбыло 60».

«Это славное конное дело Ингушей завершило успех, достигнутый 41-м корпусом в течение дня,— подытожено в «Описании»,— и разрушило последние надежды противника на возврат потерянных позиций, заставив его спешно отойти на его укрепленную позицию к востоку от Тлумача».

В официальной сводке штаба Верховного Главнокомандующего о событиях, происшедших на фронте 15 июля 1916 года, говорилось: «Войска генерала Лечицкого лихим ударом сбили противника на Станиславовском направлении к югу от реки Днестра, захватив при этом пленных и трофеи, число коих выясняется».

Храбрая Кавказская туземная дивизия атакой в конном строю взяла Езераны (по дороге на Тлумач)».

Трое офицеров Ингушского конного полка, героев боя за Езераны, были удостоены Георгиевского оружия — посмертно поручик Крым-Султан Базоркин, корнеты Султан Долтмурзиев и Варлаам Шенгелай.

За общее руководство операцией у деревни Езераны награжден Георгиевским оружием и начальник штаба дивизии полковник Половцев.

Командир Ингушского полка полковник Мерчуле «за бой 15 июля» представил к ордену св. Георгия 4-й степени командиров сотен штабс-ротмистров Султана Бек-Борова и Александра Баранова, к Георгиевскому оружию — ротмистра Александра Апарина.

Командир дивизии генерал-лейтенант Багратион поддержал его представление и направил свое ходатайство об их награждении командующему 41-м армейским корпусом.

По документам Российского государственного военно-исторического архива удалось установить только то, что орден св. Георгия 4-й степени получил штабс-ротмистр Александр Николаевич Баранов, о награждении которого приказ по Армии и Флоту был объявлен 29 октября 1917 года, то есть на четвертый день после того, как в Петрограде произошла Октябрьская революция. Многие же наградные приказы тех послереволюционных дней до нас не дошли...

Сразу же после боя за Езераны полковник Георгий Алексеевич Мерчуле направил телеграмму начальнику Терской области генерал-лейтенанту Флейшеру, опубликованную 21 июля 1916 года в газете «Терские ведомости» под заголовком «Подвиг Ингушей».

«Я и офицеры Ингушского конного полка, — сообщал Мерчуле, — горды и счастливы довести до сведения Вашего Превосходительства и просят передать доблестному Ингушскому народу о лихой конной атаке 15 сего июля. Как горный обвал, обрушились Ингуши на германцев и смяли их в грозной битве, усеяв поле сражения телами убитых врагов, уводя с собой много пленных и взяв два тяжелых орудия и массу военной добычи.

Славные всадники Ингуши встретят ныне праздник Байрам, радостно вспоминая день своего геройского подвига, который навсегда останется в летописях народа, выславшего своих лучших сынов на защиту общей Родины».

А в Ингушском полку после победного боя за деревню Езераны родилась песня. В ее создание несомненно внес вклад и ротмистр Валериан Яковлевич Ивченко (Светлов), бывший редактором журнала «Нива». Эту песню, ставшую полковой, до сих пор помнят в Ингушетии, и ее слова записал для меня на своей родине мой добрый знакомый Курейш Абдурахманович Беков, родственники которого служили в Ингушском полку и были награждены Георгиевскими крестами и медалями «За храбрость».

Вот первый куплет песни в том виде, как его исполнили ингушские всадники и как помнят его в народе:

Ми не знаю страха,
Не боится пули,
Нас ведут атака
Харабрий Мерчули!
Пушки ми отбили,
Ради от души.
Вся Россия знают
Джигити ингуши!

Последующие куплеты песни звучат так:

Слово власти нас сзывало
С гор, наездников лихих.
Тесной дружбою сковало
Нас, кавказцев, удалых.

Белоснежные вершины
Гор Кавказа, вам привет!
Я не знаю, исполины,
Вас увижу или нет...

Завтра рано на рассвете
Полк в атаку поведут,
И быть может, после боя
Нас на бурках понесут *...

Завершалась песня повтором ее первого куплета...

Из приказа о награждениях всадников Ингушского полка Георгиевскими крестами:

«Мл. урядник *Мурцал Элезов Нагадиев* — 3 ст. № 76209.

Всадник Инарко Инарков Мальсагов — 3 ст. № 76210.

Мл. урядник Мухтар Банухоев Базоркин — 3 ст. № 76211.

15 июля 1916 г. в конной атаке отличились храбростью в рукопашной схватке с неприятельской пехотой, чем содействовали общему успеху».

Всадник *Мухтар Банухоевич Базоркин* — старший брат смертельно раненного в бою за деревню Езераны поручика Крым-Султана Базоркина.

«Ст. урядник *Павел Смолкин* — 4 ст. № 968431.

Ст. урядник *Иса Цуров* — 4 ст. № 968536.

Мл. урядник *Ибрагим Аушев* — 4 ст. № 968351.

15 июля 1916 г. во время конной атаки под сильным и действительным огнем противника одними из первых бросились на германское орудие, чем оказали содействие в захвате такового».

* Погибшего горца с поля боя выносили на бурке.

«Всадник Сулейман Беков — 4 ст. № 968488.

Всадник Сосланбек Полонхоев — 4 ст. № 968500.

Во время той же атаки, вызвавшись охотниками, под сильным огнем противника выяснили его расположение и местонахождение его постов и пулеметов».

«Всадник Магомед Полонхоев — 4 ст. № 809640.

Мл. урядник Ибрагим Гойгов — 4 ст. № 809641.

15 июля 1916 г. во время конной атаки примером личной храбрости и мужества увлекли товарищей и захватили германское 6-ти дюймовое орудие, вполне исправное...»

15 июля в районе деревни Езераны действовали и сотни Черкесского полка, проводя разведку и «преследование противника». Среди отличившихся «в деле против неприятеля» и награжденных Георгиевскими крестами значатся:

«Подхорунжий Константин Когония — 1 ст. № 22898.

15 июля 1916 г., будучи в разведке на дер. Королевка, вызвался охотником и уничтожил неприятельский пост, изрубив 3 человека немцев, оставшихся в живых 5 немцев забрал в плен».

По данным, приведенным в книге Езута Кичовича Габелия «Абхазские всадники», Константин (Кача) Когония являлся уроженцем абхазского села Кутол, Кудорского уезда. Родился в 1888 году.

«Ст. урядник Блях Яхтых — 3 ст. № 181487.

15 июля 1916 г. в конной атаке у Езераны увлекал других всадников своим примером и порывом и участвовал в захвате у противника тяжелого орудия».

* * *

После взятия Ингушским полком деревни Езераны и прорыва пехотными частями позиций неприятеля на этом участке российские войска развернули широкое наступление в направлении Станиславова.

С раннего утра 25 июля на ближних подступах к городу Тлумачу пехотные дивизии 41-го армейского корпуса вступили в бой с германскими частями, оборонявшимися на высотах с заранее подготовленной оборонительной системой, усиленной орудиями и пулеметами, простреливавшими все подходы к их позициям. Предпринятые попытки прорыва вражеской обороны оказались безуспешными. И тогда в дело вступила русская артиллерия. В течение шести часов ее батареи били по

укреплениям неприятеля. Затем пошли в наступление полки трех пехотных дивизий.

Русские батальоны и полки прорвали оборону немцев, оказывавших яростное сопротивление. Пехотинцы врываются в их окопы и укрепления, и во многих местах завязывалась «рукопашная битва». И наконец, противник начал поспешное отступление, превратившееся в бегство.

«Наша славная Кавказская туземная конная дивизия, получив приказание о преследовании, тотчас же, после занятия Березинцами высоты 320,—говорилось в приказе командира 41-го армейского корпуса генерал-лейтенанта Бельковича,—быстро и без всяких промедлений ринулась вперед и погналась за бегущим противником, но большого вреда она не могла ему нанести, так как противник успел так быстро очистить поле сражения и уйти далеко за его пределы, что конница наша могла захватить только около 100 человек пленных».

Со второй половины дня 25 июля началось безостановочное продвижение войск 41-го корпуса к Тлумачу и Станиславу. Шли с боями вперед и полки 1-й и 3-й бригад Кавказской конной дивизии.

«К югу от Днестра войска генерала Лечицкого продолжали преследование противника, последовательно выбивая его из ряда деревень и с высот, им занимаемых, и достигли реки Тлумач (приток Днестра),—говорилось в сводке штаба Верховного Главнокомандующего.—К 6 часам вечера 26 июля наши войска овладели городом Тысменицей, гребнем высот к северо-востоку до правого берега Днестра...»

Вчитаемся в наградные представления, составленные в те дни командирами сотен и полков, вспомним всадников-героев, чья воинская доблесть отмечена была Георгиевскими крестами...

По 2-му Дагестанскому полку:

«Всадник Меджид Магомед — 4 ст. № 809635.»

25 июля 1916 г. у мест. Тлумач вызвался охотником идти в фольварк Брезиня, захватил 2 пленных и обстоятельно доложил, что противник быстро идет занять фольварк».

«Мл. урядник Магомад-Хан Мехтулинский — 4 ст. № 968435.»

27 июля 1916 г. под г. Станиславоном, когда неприятельским огнем была прервана связь между разведывательным взводом и сотней, он восстановил эту связь

и поддерживал ее, доставляя во все время с большой для себя опасностью сведения командиру 4-й сотни».

По Черкесскому полку:

«Ст. урядник Рамазан Алиев Шхалахов — 1 ст. № 10419.

25 июля 1916 г., будучи выслан за старшего с тремя всадниками для наблюдения за неприятелем к высоте 305 и дер. Острын, был окружен 8 австрийцами, с шашкой наголо кинулся в рукопашную, 2 зарубил, 3 забрал в плен, а остальных обратил в бегство; и вывел своего тяжело раненного товарища с его оружием, амуницией и лошадью».

«Урядник Аскербий Коджаков — 3 ст. № 181303.

В бою 27 июля 1916 г. у дер. Подпечары под губительным артиллерийским огнем передавал приказания командира сотни».

«Всадник Сулейман Готлоков — 4 ст. № 809609.

Всадник Махмуд Абреч — 4 ст. № 809610.

Всадник Зачерий Зекох — 4 ст. № 809611.

26 июля 1916 г. во время движения 1-й сотни Черкесского конного полка, ведущего разведку в направлении сел. Таборжинска на Тысменица, будучи в разведке впереди сотни, достигнув около 7 часов вечера северной окраины мест. Тысменица, наскочили на партию отступавших мадьяр, имевших при себе действующий пулемет системы «Шварцлезе», бросились на них и зарубив 2 человек и несколько ранив, захватили указанный пулемет, а также вьючную лошадь со вьюками и с запасными частями к пулемету...»

По Ингушскому полку:

«Ст. урядник Казбек Местоев — 3 ст. № 181416.

27 июля 1916 г. в бою у г. Станиславова доставил, несмотря на сильный и действительный огонь противника, важное донесение».

После победоносного боя 25 июля войск 41-го армейского корпуса на южных подступах к Тлумачу и развернувшегося наступления шел вперед и Кабардинский конный полк под командованием полковника Всеволода Дмитриевича Старосельского.

Уже 25 июля в 2 часа 10 минут пополудни, когда противник начал поспешное отступление и в дело была введена Кавказская конная дивизия, Кабардинский полк, как говорится в полковом «Журнале военных действий», «по полученному приказанию на рысях был двинут на дер. Хриниовцы. Подойдя к Хриниовцам

через Королевку в 3 часа дня, полк в составе 2-й, 3-й и 4-й сотен, развернувшись 2-мя сотнями в лаву влево от шоссе и имея 4-ю сотню в резерве, ворвался в деревню и, с боем заняв, принудил противника к поспешному отступлению по дороге на Пшеничники».

Полк следовал дальше, преследуя отступавшего неприятеля. 2-я сотня, «идя во главе полка и имея от себя в авангарде взвод всадников прапорщика князя Науруза Наурузова, увлеченная успехом, ринулась и на плечах отступавшего противника прорвалась за проводочные заграждения и окопы» и, поддержанная взводом 3-й сотни и полусотней 4-й, «врубилась в отступавшего противника, захватив пленных...

Противник в панике отступил, бросив по дороге часть обоза, зарядные ящики и много другого имущества. Успех, достигнутый полком, заставил противника отойти с этой чрезвычайно сильной позиции и отступить к дер. Пшеничники, чем дал возможность 10-му пехотному Заамурскому полку занять почти без потерь высоты, прикрывающие путь на Тысменицу и Stanisлавов. Взят был в плен 51 нижний чин.

Потери полка: всадников убитых — 1, раненых — 4, контужен — 1. Лошадей убито 6».

Утром 26 июля полковник Старосельский получил приказание выступить в направлении Тысменицы, через деревню Пшеничники. Вперед был послан разъезд «в 12 коней» во главе с прапорщиком Магометом Абаевым, который в десять часов направил донесение Старосельскому, сообщая, что «он дошел до церкви в этой деревне и вошел в соприкосновение с противником, окопавшимся севернее церкви».

Из второго донесения прапорщика Абаева полковник Старосельский узнал, что в Пшеничники вошли сотни Ингушского полка и «пехотные разведчики». Совместно с разъездом Кабардинского полка Ингуши и пехотинцы выбили неприятеля из деревни Пшеничники.

Уже поздно ночью Кабардинский полк вошел в город Тысменицу, освобожденный в тот день 2-м Дагестанским полком и пехотными частями, и стал на ночлег, выставя караулы. Отсюда до Stanisлавова оставалось всего десять километров пути.

С утра 27 июля Кабардинский полк в составе 1-й бригады Кавказской конной дивизии вместе с другими частями 9-й армии участвовал в боях по овладению городом Stanisлавоном. «Молодецкие части генерала Лечицкого, продолжая упорные бои в районе Stanisла-

вова, — говорилось в сводке штаба Верховного Главкомандующего, — в 7 часов 45 минут вечера 28 июля овладели городом Станиславовом...» И весьма важная роль в этом принадлежала всадникам и офицерам Кабардинского и 2-го Дагестанского полков...

Во второй половине июля 1-й бригадой временно командовал командир 2-го Дагестанского полка полковник Гиви Иванович Амилахвари. В боях на Станиславовском направлении он заслужит Георгиевское оружие «за то, что, командуя 1-й бригадой Кавказской туземной конной дивизии с придаваемыми ей пехотными частями, решительно под огнем неприятеля руководя ее действиями, 26—29 июля 1916 года стремительным ударом захватил мест. Тысменицу, преследовал противника, овладел его позицией перед рекой Быстрицей и занял г. Станиславов; вслед за этим... выбил австрийцев из дер. Пасечна и отразил многократные неприятельские атаки, чем окончательно обеспечил войска, занявшие Станиславов».

Уроженец Осетии Борис Дзахоев по окончании учебы в Тверском кавалерийском училище Высочайшим приказом от 1 октября 1915 года в чине прапорщика был направлен на службу во 2-й Дагестанский конный полк. К июлю 1916 года за боевые отличия он имел ордена св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» и св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом.

28 июля в бою на ближайших подступах к городу Станиславову *корнет 2-го Дагестанского полка Борис Дзахоев проявит геройство и будет награжден Георгиевским оружием.* «В бою 28 июля 1916 г. около высоты 311, на восток от дер. Подпечары, — говорится о нем в наградном листе, — командуя в чине корнета 1-й сотней полка и получив сведения, что наша пехота под натиском превосходящего в силах противника находится в тяжелом положении и просит поддержки, по собственной инициативе бросился в конном строю со своей сотней под сильнейшим огнем австро-германцев в атаку на их окопы, довел сотню, невзирая на большие потери в людях, до удара холодным оружием и, изрубив часть защитников окопов, прочих рассеял, благодаря чему опасность, грозившая нашей пехоте, была устранена».

Говоря о большом значении боев в июле 1916 года на Станиславовском направлении, в которых участвовали и полки Кавказской конной дивизии, командующий Юго-Западным фронтом генерал Алексей Алексеевич Брусилов в книге «Мои воспоминания» напишет: «9-я армия

в упорном бою 15 июля успела сбить противника на Станиславском направлении и продвинулась... Неприятель отошел на заблаговременно подготовленную позицию — 25 июля Лечицкий ее атаковал и нанес врагу жестокое поражение... Закончилась операция армий Юго-Западного фронта по овладению районом Тысменица, Станиславов и Надворная... Вновь завоевана часть Галиции и вся Буковина».

К началу августа наступление войск 9-й армии генерала Платона Алексеевича Лечицкого завершилось. С того времени входившие в ее состав полки и дивизии занимали оборонительные позиции от города Галича на юг, через Станиславов, на Надворную, Делятин и по реке Быстрице-Солотвинской в Лесистых Карпатах.

Полки 1-й и 3-й бригад Кавказской конной дивизии с начала августа и до конца сентября находились на охране правого берега реки Быстрицы, севернее города Станиславова.

* * *

15 сентября 1916 года командующий 41-м армейским корпусом генерал-лейтенант Белькович подписал приказ № 334 о награждении всадников Кавказской конной дивизии Георгиевскими крестами и медалями: «За мужество и храбрость, оказанные в боях с 15 по 30 июля 1916 года при деревнях Эзержаны (Езераны), Грушка, Хриниовцы, Пшеничники, Ольшаница, мест. Тысменица, гор. Тлумач и Станиславов». Этим приказом 108 всадников были удостоены Георгиевских крестов, 128 — медалей «За храбрость».

Назовем имена тех из них, кто награждался Георгиевскими крестами 1-й и 2-й степени (по 2-му Дагестанскому полку награждения шли с 3-й степени).

Кабардинского конного полка:

«Ст. урядник Аслан-Али Эфендиев — 2 ст. № 31178.

В бою 25 июля у дер. Хриниовцы при взятии неприятельской укрепленной позиции примером личной храбрости ободрял товарищей и увлекал за собой».

«Ст. урядник Ахмед Дзамихов — 2 ст. № 31179.

В бою 25 июля у дер. Хриниовцы, будучи тяжело раненным, оставался в строю до конца боя».

Ингушского конного полка:

«Ст. урядник Мурат Мальсагов — 1 ст. № 10396.

Ст. урядник Муса Мальсагов — 1 ст. № 11732.

Мл. урядник Магомет Боголов — 2 ст. № 31186.

Ст. урядник Мурзабек Мальсагов — 2 ст. № 31187.
Ст. урядник Джабраил Холухоев — 2 ст. № 31189...»
Черкесского конного полка:
«Мл. урядник Байзет Султан-Гирей — 1 ст. № 11734.
Мл. урядник Джамальбий Каблахов — 2 ст. № 31192.
Ст. урядник Крым Айсанов — 2 ст. № 31193.
Мл. урядник Джатий Байрамуков — 2 ст. № 31194.
Ст. урядник Виктор Чукбар — 2 ст. № 31197...»

Урядник Черкесского конного полка Джамальбий Каблахов уже был награжден Георгиевским крестом 2-й степени за бой в сентябре 1915 года. Теперь же, в 1916-м, им получен второй Георгиевский крест 2-й степени, который, согласно наградному статуту, подлежал обмену на 1-ю степень. А это значит, что урядник Джамальбий Каблахов является полным Георгиевским кавалером.

В период Брусиловского наступления вместе со своими всадниками геройски сражались с неприятелем и офицеры кавказских полков. Многие из них за свою доблесть в боях были удостоены наград, что видно на примере Кабардинского конного полка.

«Приказом войскам IX армии 30 июля 1916 года за № 352 за отличия в делах против неприятеля награждены орденами» (для нехристиан установленные):

св. Анны 2-й степени с мечами

Подпоручик Хакяша Докшоков.

св. Анны 3-й степени с мечами и бантом

Подпоручик князь Науруз Наурузов.

Подпоручик Мисост Коголкин.

Прапорщик Кургоко Азапшев.

св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость»

Корнет Чепелле Урусбиев.

«Приказом войскам IX армии от 16 августа 1916 года за № 386 командующим армией, по Высочайше предоставленной власти, за отлично-усердную службу и исполнение своих обязанностей под огнем неприятеля награжден Кабардинского конного полка старший лекарь Бек-Мурза Шогенов орденом св. Анны 2-й степени с мечами (для нехр. установл.)».

И еще сведения из приказа командующего 9-й армией генерала Лечицкого от 21 августа 1916 года о награждении орденами офицеров Кабардинского конного полка (для нехристиан установленные):

св. Анны 3-й степени с мечами и бантом

Корнет Альбаксит Кодзоков.

Подпоручик Докшуко Астемиров.

Прапорщик Абдул Шипшев.

св. Станислава 2-й степени с мечами

Подпоручик Магомет Абаев.

Подпоручик Мисост Коголкин.

Когда в конце августа исполнялась «вторая годовщина» со времени сформирования Кабардинского конного полка, полковник Всеволод Дмитриевич Старосельский направил телеграмму великому князю Михаилу Александровичу, бывшему командующему Кавказской конной дивизией, теперь же возглавлявшему 2-й кавалерийский корпус. Памятуя о его всегдашнем добром отношении к полку, Старосельский от имени всадников и офицеров выражал великому князю «самые горячие пожелания дальнейшей боевой славы» и сообщал о том, что «в этот день Кабардинцы возносят горячие молитвы о долголети и даровании славных побед мечу Вашего Императорского Высочества на радость обожаемого Монарха и во славу Великой Родины».

2 сентября в деревне Добровляны, под Станиславо-вом, на правом берегу реки Быстрицы, полковник Старосельский в приказе по полку объявил для всадников и офицеров ответную телеграмму великого князя Михаила Александровича: «Искренне благодарю Вас и славный Кабардинский полк за молитвы и выражение чувств. Со своей стороны, моему сердцу навсегда дорога память о совместной боевой службе с доблестными кавказскими полками. Шлю Кабардинскому полку горячий привет и пожелания дальнейшей боевой славы».

* * *

Весь высший командный и офицерский состав Кавказской конной дивизии хорошо знал двадцатисемилетнего ротмистра Ингушского полка Султана Бек-Борова, кавалера Георгиевского оружия и шести орденов, представленного за бой у деревни Езераны к ордену св. Георгия 4-й степени. В августе и сентябре, возглавляя 3-ю сотню, он находился на позициях на реке Быстрице, севернее города Станиславова. И где-то там 10 сентября оборвалась жизнь этого замечательного человека, одного из храбрейших офицеров дивизии.

И вот печальное сообщение в газете «Терские ведомости» за 18 сентября 1916 года: «Похороны героя. 16 сентября в час дня на станцию «Владикавказ» прибыло тело ротмистра Султана Заурбековича Бек-Борова. Тело ротмистра было предано земле со всеми воинскими почестями».

* * *

В конце сентября полки 1-й и 3-й бригад перебрасывались из района Станиславова на новый участок боевых действий в Лесистые Карпаты, юго-западные городов Надворной и Ворохты. Горы, покрытые буковыми, пихтовыми и еловыми лесами, там достигают высоты почти двух тысяч метров (наивысшая из них Сивуля — 1818 метров).

Вечером 27 сентября, во время следования Кабардинского полка вместе с другими частями дивизии от Станиславова на юг, в Карпаты, в полковом «Журнале военных действий» Старосельским будет записано: «Дневка. Чины мусульмане отпраздновали праздник Курбан-Байрам».

В начале октября 1-я и 3-я бригады вышли на новый рубеж боевых действий, где соединились с Чеченским и Татарским полками 2-й бригады, еще с июня действовавшими в отрыве от дивизии в Буковинских Карпатах.

Полтора месяца находился Кабардинский полк в Карпатских горах, где Кавказская конная дивизия вместе с пехотными частями прикрывала южный фланг 9-й армии со стороны Венгрии. «В Лесистых Карпатах, к западу от Ворохты, попытки противника переходить в наступление были остановлены нашим огнем», — сообщалось в сводке штаба Верховного Главнокомандующего в один из дней середины октября. А это говорит о том, что и на новом участке боевых действий обстановка была нелегкой и требовалось вести постоянное наблюдение за противником, чтобы предвидеть его намерения.

Вот каким, судя по описанию полковника Старосельского в «Журнале военных действий», был один из октябрьских дней для Кабардинского полка и его 4-й сотни. «18 октября... в 8 часов мною были высланы 2 разведывательные партии от 4-й сотни под начальством прапорщика Инарокова и подпоручика Абаева с высоты 1409».

Конный разъезд прапорщика Али Инарокова в районе высоты 1443 поднялся к верховьям реки Лопушны,

впадающей в Быстрицу-Солотвинскую, «откуда им был замечен неприятельский отдельный пост у хаты лесника». Проследовав «еще выше по притоку реки Лопушной к самому ее истоку, прапорщик Инароков ясно видел в бинокль колонну неприятельской кавалерии силою в 2 эскадрона, которая двигалась по дороге от Хута и, дойдя до Журавлева Ключа, свернула с дороги в лес... Это было около 10—10^{1/2} часов около высоты 1059».

В то же время разведывательная конная партия подпоручика Магомета Абаева, «отделившись от 1-й партии на высоте 1443», направилась по ее седловине к высоте Сивуля «для демонстрации и исследования подступов к ней». Около часу дня по ней «был открыт огонь из неприятельской артиллерии, причем, по утверждению подпоручика Абаева, наблюдение за ними велось с высоты Сивуля — 1818, где он лично в бинокль видел наблюдателя с картой, смотревшего в рогатый бинокль на подставке.

Наблюдатель был настолько виден, что всадники сделали по нему даже несколько выстрелов».

И еще два октябрьских дня в Лесистых Карпатах, оставшихся памятными для всадников Чеченского полка, заслуживших тогда за свою храбрость Георгиевские кресты.

«Ст. урядник Дауд Аздиев — 2 ст. № 29065.

Всадник Амирхан Амиров — 4 ст. № 273755.

14 октября 1916 года на реке Салатрук у высот 1221—950, вызвавшись охотниками в разведку с прапорщиком Эльдаровым, когда разведчики были окружены и желали прорваться, бросились на австрийцев и, видя, что в офицера направлены в упор штыки неприятельских винтовок, лихо выскочили вперед и, совместно рискуя жизнью, сразили двух, направивших штыки австрийцев, чем спасли жизнь своему офицеру».

Урядник князь Ахмат-Хан Эльдаров с весны 1915 года служил в Кабардинском конном полку. В его составе приказом командующего Юго-Западным фронтом произведен в чин прапорщика. Позже переведен в Чеченский полк. За боевые отличия будет награжден орденами св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом и св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом. В марте 1917-го произведен в подпоручики.

«Всадник Шаид Митаев — 4 ст. № 161623.

14 октября 1916 г. на реке Салатрук, вызвавшись охотником в разведку, когда разведчики были окружены, заметив, что один из австрийцев хочет бросить бомбу,

рискуя жизнью, бросился на него и кинжалом сразил врага, чем содействовал общему успеху».

* * *

27 августа 1916 года Румыния объявила войну Германии и Австро-Венгрии, став, таким образом, союзницей России в Первой мировой войне. Румынская армия начала боевые действия, но вскоре противник нанес ей поражение и занял Бухарест. Выполняя свой союзнический долг, на помощь Румынии придет Россия. И в результате этого на исходе 1916 года будет образован Румынский фронт, где русским войскам, совместно с румынскими, предстоит вести борьбу с общим врагом.

На новый театр военных действий спешно перебрались российские войска. В состав 4-й армии тогда была включена Кавказская конная дивизия, и с середины ноября ее полки стали выходить из Карпатских гор, сосредоточиваясь в районе Надворной. Отсюда 17 ноября форсированным маршем всадники и офицеры двинулись в Румынию и, пройдя 600 верст, вышли к реке Рымник.

С начала декабря дивизия вступила в бои, ведя их с немцами в гористой местности Восточных Карпат, близ городов Роман и Бакеу, юго-западнее Ясс. И там, на румынской земле, героически сражаясь, всадники и офицеры вписали новые яркие страницы в боевую летопись Кавказской конной дивизии.

В «Журнале военных действий» Кабардинского полка за 6 декабря записано: «4-й сотне приказано с рассветом перейти в дер. Вала-Кошаре, откуда выслать в Менешти полусотню. Задача, поставленная 4-й сотне, — захватить шоссе, перекрывая его, не давая противнику возможности пользоваться им на случай желания поддержать его части в Винтиле-Вода, против которых ведет бой 2-я бригада на фронте Никулешти — Кура — Паниц. Во исполнение этого 4-я сотня выступила в указанное время. 2-я сотня в 12 часов, смененная Дагестанцами, выступила в Вала-Кошара...

Ночью сожжен мост через реку Бисока на шоссе».

Итак, полки Кавказской конной дивизии начали боевые действия на Румынском фронте. О мужестве их всадников и офицеров свидетельствуют документы, позволяющие воссоздать хронику тех напряженных дней...

6 декабря 1916 года.

К а б а р д и н с к о г о   п о л к а .   Ю н к е р   Б е р д   Х а л -

цев — награжден Георгиевским крестом 1-й степени № 23083.

«6 декабря 1916 г., вызвавшись охотником, вместе с другими нижними чинами проник в дер. Мензелешти, занимаемую противником, где сжег мост».

Полный Георгиевский кавалер Берд Жамбулатович Хапцев, «из кабардинских узденей», родился в 1896 году в селении Хапцево (Хамидие).

2-го Дагестанского полка. «Всадник Магад-Закарья. 6 декабря 1916 г. ночью у дер. Никулешти, вызвавшись охотником, пробрался через горы в деревню и, выяснив, что она занята противником, и его силы, своевременно сообщил об этом».

Награжден Георгиевским крестом 4-й степени.

Чеченского полка. «Всадник Абдул-Монат Амагов. В бою 6 декабря 1916 г. под сел. Никулешти вызвался охотником вынести тело убитого товарища из района, обстреливаемого неприятелем, что выполнил, ежеминутно рискуя жизнью».

Награжден медалью «За храбрость» 4-й степени.

7 декабря 1916 года.

Кабардинского полка. «Мл. урядник Лаурсен Кажаров. В бою (в Румынии), будучи ранен в грудь навывлет, продолжал некоторое время держать огонь по цепям противника, пока не потерял сознание».

Награжден медалью «За храбрость» 3-й степени.

Чеченского полка. Старший урядник Мамад Исламгиреев — награжден Георгиевским крестом 1-й степени № 16744.

«7 декабря 1916 г. в бою у дер. Никулешти, когда согна была окружена противником, первым бросился в атаку, увлекая товарищей, при этом был тяжело ранен и остался на поле сражения в тылу у противника, а затем, придя в себя, пробился обратно и присоединился к согне».

Чеченского полка. «Всадник Деши Салтыма-тов. В бою 7 декабря 1916 г., будучи с сотней окружен неприятелем, на предложение сдаться, бросился в атаку, пытаясь прорваться, и был ранен. Защищался, пока не потерял сознание и не упал с обрыва».

Награжден Георгиевским крестом 4-й степени.

В тот день, 7 декабря, в бою у деревни Никулешти Чеченский полк потерял и троих офицеров. В приказе по дивизии в «Списке штаб- и обер-офицеров полков Кавказской туземной конной дивизии, отсутствовавших по разным причинам» на начало 1917 года, будет указано:

«Чеченского конного полка.

Корнет Омаров. С 7 декабря 1916 г. В бою пропал без вести.

Прапорщик милиции Чапанов. С 7 декабря 1916 г. В бою пропал без вести.

Корнет Соломко. С 7 декабря. В бою пропал без вести».

О корнете Омарове никаких сведений разыскать не удалось. Али Чапанов, полный Георгиевский кавалер, 20 сентября 1915 года приказом командующего Юго-Западным фронтом произведен в прапорщики. Корнет Михаил Соломко служил при штабе полка, был награжден орденом св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость».

8 декабря 1916 года.

Утром 8 декабря Кабардинский полк занял деревню Мензелешти. Час спустя, оставив в ней часть сил, перешел на другой боевой участок. А после полудня в Мензелешти вошла 1-я сотня Ингушского полка штабс-ротмистра Александра Николаевича Баранова.

Вечером штабс-ротмистр Баранов в донесении полковому командиру полковнику Мерчуле сообщал: «Доношу, что 8 декабря вверенная мне сотня прибыла в дер. Мензелешти. Около 4-х часов дня я сменил посты и заставы Кабардинского полка. В это время из 2-й сотни был прислан всадник, он доложил, что неприятель наступает на 2-ю сотню, поэтому 2-я сотня отступает. Для выяснения этого положения мною был послан разъезд под командой корнета Мусы Аушева. Как только разъезд вступил в дер. Баулуй, сейчас же был обстрелян неприятелем. В этой перестрелке убит был один всадник 1-го взвода Соси Албогачиев, убиты и две лошади.

Корнет Аушев, вернувшись с разъездом, доложил, что деревня Баулуй занята германской пехотой, которая продолжает наступать на дер. Мензелешти. Тогда я приказал снять посты и заставы и, собрав всю сотню, поднялся с сотней на горный хребет сейчас же за деревней, спешил сотню, отвел коноводов в укрытие, а всадников рассыпал в цепь — по хребту и открыл огонь по наступающему неприятелю, благодаря чему наступление неприятеля было остановлено...»

Корнет Муса Аушев, названный в донесении сотенного командира, ветеран войны с Японией, сражаясь в рядах Ингушского конного полка, к декабрю 1916 года уже был удостоен пяти орденов. В их числе—св. Анны

и св. Станислава 2-й степени с мечами, св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость».

Ингушского полка. Награждены медалями «За храбрость»:

«Мл. урядник Парагульгов Хадис — 4 ст. № 1118387.

Всадник Зоматов Магомет — 4 ст. № 1118389.

Всадник Аушев Хамзат — 4 ст. № 1118390.

В бою 8 декабря 1916 г. у дер. Баулуй, будучи выделены на фланг как лучшие стрелки, своим метким огнем много способствовали успеху боя, задерживая таким образом наступавшего значительными силами противника».

9 декабря 1916 года.

Чеченского полка. Награждены Георгиевскими крестами:

«Ст. урядник Альбури Магома — 1 ст. № 22648.

Трубоч Абдулла Ниментула — 3 ст. № 132849.

Рядовой Иван Кухарчин — 4 ст. №... .

За то, что 9 декабря 1916 года во время боя у дер. Вали-Сальчи вынесли из-под сильнейшего огня противника раненого командира полка полковника принца Фазула-Мирзу Каджара, чем спасли ему жизнь».

Тяжело раненного полковника Каджара отправят в дивизионный санитарный отряд, а оттуда вывезут в Россию. 10 декабря во временное командование Чеченским конным полком вступит полковник Джамалутдин Мусалаев, «прикомандированный» из состава 1-го Дагестанского полка ко 2-му Дагестанскому. Участник русско-японской войны и Первой мировой с самого ее начала, кавалер семи орденов, он был опытным боевым офицером.

Полковник Джамалутдин Мусалаев менее месяца возглавлял Чеченский полк, но за это недолгое время, в период тяжелых боев в Румынии, он завоевал высокий авторитет у всадников и офицеров Чеченцев, оценивших его мужество и доблесть. А потом, спустя полгода, полковник Мусалаев вновь вернется в Чеченский полк, назначенный его командиром...

10 декабря 1916 года.

Кабардинского полка. «Всадник Кубати Хакунов. Ночью 10 декабря 1916 г. на высоте Спиделе под действительным ружейным и пулеметным огнем противника восстановил утраченную связь между соседними частями и поддерживал такую в течение суток, несмотря на явную опасность».

Награжден медалью «За храбрость» 3-й степени.

2-го Дагестанского полка. «*Всадник Джирджис Чупалов*. 10 декабря 1916 г. у дер. Сальчей в обстановке исключительной трудности, под действительным ружейным и пулеметным огнем, вытащил пулемет, попавший под убитую лошадь, имевшую на себе таковой».

Награжден медалью «За храбрость» 4-й степени.

Чеченского полка. «*Всадник Ибрагим Кодумов*. 10 декабря 1916 г. у дер. Сальчей в качестве санитаря в бою взвода пулеметов под командой прапорщика князя Эльдарова проявил выдающуюся самоотверженность, оказывая помощь раненым».

Награжден медалью «За храбрость» 4-й степени.

Черкесского полка. Награждены медалями «За храбрость»:

«*Всадник Кушу Белезб* — 4 ст. № 1118346.

«*Всадник Перенук Махмуд* — 4 ст. № 1118348.

«*Всадник Машаев Ахмет* — 4 ст. № 1118349.

10 декабря 1916 г. при занятии 1-й сотней позиции на высотах против сел. Сальчей, будучи высланы влеводля восстановления связи с Ингушским конным полком, под действительным ружейным, пулеметным и артиллерийским огнем противника восстановили утраченную в начале боя связь, чем много способствовали общему успеху».

Ингушского полка. Награждены медалями «За храбрость»:

«*Всадник Хадис Аушев* — 3 ст. № 177302.

«*Всадник Ахмет Евлоев* — 4 ст. № 1118402.

В бою у сел. Сальчей — Буда 10, 11 и 12 декабря 1916 г. своей храбростью и мужеством ободряли товарищей, способствовали отбитию наступления, предпринятого германской пехотой, и удержанию позиции за нами».

11 декабря 1916 года.

Чеченского полка. Награждены медалями «За храбрость»:

«*Урядник Лукьян Баранов* — 4 ст. №... .

«*Урядник Давли Мичаев* — 4 ст. №... .

«*Всадник Даут Закариев* — 4 ст. №... .

11 декабря урядник Баранов, будучи старшим, имел в подчинении Мичаева и Закариева. Находясь в секрете у высоты 625, они своевременно обнаружили неприятельское наступление, но донести своевременно об этом не могли ввиду тяжелого ранения Баранова, которого едва удалось остальным двум вынести с поля битвы».

12 декабря 1916 года.

Из «Журнала военных действий» Кабардинского конного полка: «Полк на позиции. В 9 часов 30 минут 1-й дивизион в окопах сменен 2-м... В 12 часов расположение полка подверглось ураганному огню тяжелой артиллерии противника, продолжавшемуся до 17 часов вечера».

Кабардинского полка. «*Всадник Цу Шурдумов*. В бою 12 декабря 1916 г. у дер. Спиделе (в Румынии) под действительным ружейным и артиллерийским огнем противника подал лошадь и увез тяжело раненного штабс-ротмистра Степанова из-под обстрела, чем спас жизнь названного офицера».

Награжден Георгиевским крестом 4-й степени.

Штабс-ротмистр Николай Степанов, «из потомственных дворян», окончил Пажеский корпус и Николаевское кавалерийское училище. В войне участвовал с августа 1914 года в составе лейб-гвардии Конно-Гренадерского полка. С марта шестнадцатого служил в Татарском полку Кавказской конной дивизии. «Прибыл на службу в Кабардинский конный полк 1916-го 6 ноября» и назначен командиром 1-й сотни. В бою 12 декабря у румынской деревни Спиделе тяжело ранен осколком снаряда в голову.

Кабардинского полка. «*Всадник Магомет Хаупшев*. Во время боя у дер. Спиделе 12 декабря 1916 г., несмотря на ураганный огонь противника, поддерживал связь между Кабардинским и 2-м Дагестанским полками, проявляя выдающуюся самоотверженность».

Награжден медалью «За храбрость» 4-й степени.

Черкесского полка. Награждены медалями «За храбрость»:

«*Всадник Тарба Гуда* — 4 ст. №... .

«*Всадник Арнаут Яков* — 4 ст. №... .

В бою под дер. Сальчей 12 декабря 1916 г. установили связь с Дагестанцами под сильным огнем противника, чем дали возможность Черкесскому конному полку, уже обойденному противником с фланга, удержать за собой позицию».

13 декабря 1916 года.

Кабардинского полка.

Награждены Георгиевскими крестами:

«*Всадник Жунус Жабоев* — 4 ст. № 968636.

«*Ст. урядник Исмаил Нагоев* — 4 ст. № 968443.

13 декабря 1916 г. у дер. Сальчей, будучи в секрете, первыми обнаружили наступление противника, своевре-

менно донесли и, несмотря на явную опасность, продолжали наблюдать».

Награждены медалями «За храбрость»:

«Мл. урядник Кокоз Мисаков — 3 ст. № 177309.»

Во время боя 13 декабря 1916 г. у дер. Спиделе подерживал связь между Кабардинским и 2-м Дагестанским конными полками, несмотря на ураганный артиллерийский и пулеметный огонь противника, проявляя при этом выдающуюся храбрость и мужество».

«Всадник Асланбий Кайгермазов — 4 ст. № 938870.»

13 декабря 1916 г. у дер. Спиделе находился в секрете. На рассвете заметил выдвижение неприятельской пехоты и послал для доклада подчаска, который тотчас же был убит. Затем отправился доложить сам, по дороге получил тяжелую рану, но, памятуя о долге, преодолев сильнейшую боль, дополз до окопов и доложил о наступлении противника, после чего потерял сознание».

15 декабря 1916 года.

2-го Дагестанского полка. Награждены Георгиевскими крестами:

«Всадник Забир Молла Магома — 4 ст. № 137903.»

«Всадник Исхак Давудилау — 4 ст. № 137911.»

«Всадник Магомад Гасан-Хан — 4 ст. № 138022.»

15 декабря 1916 г. у дер. Буда, находясь в разведке для точного выяснения сил наступающего противника, также прикрывая отход наших и румынских частей, были окружены германской пехотой. Несмотря на явную опасность и значительный перевес в силах со стороны неприятеля, означенные нижние чины с боем прорвались через неприятельскую цепь и присоединились к полку».

Чеченского полка. *«Всадник Абдурахман Гусанов. 15 декабря 1916 г. у дер. Спиделе вызвался охотником и, подобравшись к секрету противника, снял его и привел в свою часть, с помощью расспросов которого было выяснено много интересного».*

Награжден Георгиевским крестом 4-й степени.

16 декабря 1916 года.

В «Журнале военных действий» Кабардинского конного полка записано: «В 8 часов полк выступил в дер. Поланки. Эта деревня оказалась занятой 2-й Румынской дивизией, и полк в 14 часов двинулся дальше, в сел. Фараонель, куда прибыл в 20 часов. 3-я сотня, как дежурная, не расседывалась».

Из Поланки выслан разъезд от 1-й сотни. Прапорщик Али Инароков направлен в распоряжение 6-й Румынской

дивизии для связи левого фланга этой дивизии с правым флангом 7-го Русского корпуса в районе Тымбаеши».

Черкесского полка. Награждены медалями «За храбрость»:

«Всадник Шухаиб Байкулов — 4 ст. № 938761.

Всадник Мирза Хочуков — 4 ст. № 938762.

Во время боя у дер. Буда 16 декабря 1916 г., когда сотне было приказано отойти на другую позицию, под сильнейшим ружейным, пулеметным и артиллерийским огнем противника вышеназванные всадники, при особо трудных условиях, на глазах у наступающего противника, вынесли своего тяжело раненного взводного урядника».

20 декабря 1916 года.

«Согласно полученному из штаба дивизии приказанию, — читаем в «Журнале военных действий» Кабардинского полка, — полк в 8 часов выступил из сел. Пискул-Радулай для смены позиции 1-й сотни Чеченского конного полка и 3-й сотни Татарского полка. Смена закончилась к 14 часам... Противник занимает склоны высот 710, 674, 663».

Черкесского полка. *«Всадник Азамат Максидов.* 20 декабря 1916 г., когда 1-я сотня вела усиленную разведку боем у сел. Нуракешты, занятого германской пехотой, в решительную минуту боя, когда обнаружился недостаток патронов, вызвался охотником и под сильнейшим ружейным и пулеметным огнем противника и в особо тяжелых условиях горной местности своевременно поднес патроны в цепь».

Награжден медалью «За храбрость» 4-й степени.

21 декабря 1916 года.

Кабардинский полк. Из «Журнала военных действий»: «Около 1 часу получено известие, что высота севернее правого фланга расположения полка занята противником.

Около 15 часов получено донесение от командира 1-й сотни, что в ложине, западнее высоты 795, противник накапливается. Фронт полка остается тот же. На фронте ружейная перестрелка».

Кабардинского полка. *«Всадник Бий Дышеков.* 21 декабря 1916 г. у высоты 625, будучи старшим в разведке, уничтожил неприятельский пост».

Награжден медалью «За храбрость» 4-й степени.

Черкесского полка. Награждены медалями «За храбрость»:

«Ст. урядник Хаджи-Мурат Чомаев — 3 ст. № 177277.

Урядник Муталиб Могожоков — 3 ст. № 177278.

Урядник Атажук Абуков — 3 ст. № 177279.

21 декабря 1916 г. на позиции у сел. Византия-Монастырска в соприкосновении с неприятельскими разведчиками проявили выдающееся мужество, хладнокровие и сообразительность, соединенные с воинской доблестью».

22 декабря 1916 года.

Из «Журнала военных действий» Кабардинского конного полка: «Около 8 часов 4-я сотня под натиском превосходящих сил противника принуждена отойти с высот 728—689, которые заняты противником. Против расположения полка замечается сильное накапливание противника.

В 13 часов 10 минут полку приказано отойти на высоты 795, 820, 827.

Около 16 часов полк занял новую позицию».

Кабардинского полка. «*Всадник Харун Султанов*. В бою 22 декабря 1916 г. у дер. Византия-Розаска находился в секрете, заметил наступление неприятеля, о чем сообщил попавшимся разведчикам, которые донесли командиру сотни, а сам продолжал наблюдать за противником, несмотря на явную личную опасность».

Награжден Георгиевским крестом 4-й степени.

2-го Дагестанского полка. *Старший урядник Хадис Газиов — награжден Георгиевским крестом 1-й степени № 22786.*

«22 декабря 1916 г. у высоты 760, западнее дер. Скетурели (Румыния), команду взводом и находясь на передовом пункте, удержал этот пункт и отбил противника силою около роты».

Ингушского полка. Награждены медалями «За храбрость»:

«Ст. урядник Онуфрий Фурсенко — 4 ст. № ... .

Приказный Терсбот Долгиев — 4 ст. № ... .

Всадник Казбек Абиев — 4 ст. № ... .

22 декабря 1916 г. у высот 747, 887 вызвались охотниками задержать противника, чтобы наши части могли беспрепятственно отойти на другие позиции. Выбили из ущелья противника, залегли цепью и, будучи обстреляны сильным артиллерийским, пулеметным и ружейным огнем, все же оставались на своей крайне важной позиции, нанося своим метким огнем большие потери противнику, задерживая его упорное наступление, и тем дали возможность отходящим частям выполнить свою задачу».

23 декабря 1916 года.

Кабардинского полка. Награждены Георгиевскими крестами:

«Ст. урядник Хазеша Диков — 1 ст. № 23184.

Ст. урядник Алексей Цижба — 1 ст. № 23062.

В бою 23 декабря 1916 г. у дер. Пискул-Радулай, вызвавшись охотниками в разведку, проникли в расположение противника и с явной личной опасностью добыли и доставили важные сведения о его силах и расположении».

Урядник Хазеша Увжукович Диков происходил «из кабардинцев селения Астемирово» (Верхний Акбаш). Родился в 1881 году.

Урядник Алексей Мурзаканович Цижба, 1892 года рождения, уроженец Абхазии.

Чеченского полка. *«Всадник Али Дубаев.* В бою 23 декабря 1916 г., будучи ранен, после перевязки возвратился в строй и продолжал принимать участие в бою до его конца».

Награжден Георгиевским крестом 4-й степени.

Татарского полка. Награждены Георгиевскими крестами:

«Ст. урядник Мехти Ибрагимов — 1 ст. № 16703.

Ст. урядник Саяд Зейналов — 1 ст. № 16704.

В бою 23 декабря 1916 г. у дер. Византия, при атаке высоты 601, командуя взводами, примером личной храбрости увлекали своих подчиненных вперед и, подведя взводы до удара в шашки, с криком «ура» бросились на противника, опрокинули его и выбили с занимаемой позиции, укрепив таковую за собой».

Черкесского полка. Награждены медалями «За храбрость»:

Всадник Пилия Жважва — 4 ст. № 1118370.

Всадник Шамбая Кичин — 4 ст. № 1118371.

Всадник Топурия Михаил — 4 ст. № 1118373.

23 декабря 1916 г. у сел. Скетурели, окруженные со всех сторон разведчиками противника, подвергаясь личной опасности для жизни, поддерживали непрерывную связь в туманную ночь в горах между 12-й кавалерийской и Кавказской туземной дивизиями».

24 декабря 1916 года.

Кабардинского полка. *Старший урядник Исмаил Тхазеплов — награжден Георгиевским крестом 1-й степени № 23076.*

«24 декабря 1916 г. у дер. Византия-Розаска, будучи старшим в разведке, уничтожил неприятельский пост».

Полный Георгиевский кавалер Исмаил Умарович Тхазеплов, «из кабардинцев селения Нижнее Кожокowo» (Нижний Черек), родился в 1890 году.

Кабардинского полка. «Юнкер Берд Ханцев. 24 декабря 1916 г. у дер. Византия-Розаска, будучи старшим в секрете, уничтожил неприятельский пост».

Награжден Георгиевским крестом 2-й степени.

27 декабря 1916 года.

Кабардинский полк. Из «Журнала военных действий»: «В 11 часов 25 минут получена телеграмма с требованием о немедленном выступлении двух оставшихся сотен с полковым пулеметным взводом. Дивизион выступил через 20 минут и был в дер. Варница в 12 часов 5 минут... чтобы занять окопы у высоты 625, покинутые румынской пехотой вследствие нажима германцев и возвращенные атакой Татар и Дагестанцев. До вечера и за ночь изменений не произошло».

В ночь с 26-го на 27 декабря и с утра наступившего дня основные события на участке боевых действий Кавказской конной дивизии произойдут вокруг высоты 625, где вели бой сотни 2-го Дагестанского и Татарского полков.

Приказом командующего 4-й армией генерала Рагозы от 4 марта 1917 года, «по удостоению» фронтовой Георгиевской Думы, штабс-ротмистр 2-го Дагестанского полка Абдурагим Хаджимирзаев награжден орденом св. Георгия 4-й степени «за то, что в ночь с 26 на 27 декабря 1916 года, командуя 4-й сотней и получив задачу выбить противника с высоты 625, пользуясь пересеченной местностью, занял в 80-ти шагах от противника исходное положение, лично обследовал местность и, выяснив местонахождение пулемета, не давая противнику разобратся, во главе сотни бросился на «ура» на высоту 625.

Стремительная атака была встречена ураганным огнем, но сотня, увлекаемая своим командиром, ворвалась в окопы, изрубила всех защитников и заняла высоту 625, причем штабс-ротмистр Хаджимирзаев лично захватил действующий пулемет».

Двадцатидевятилетний штабс-ротмистр Абдурагим Сулейманович Хаджимирзаев, происходивший «из узденей» Дагестанской области, «сын сельского учителя», после окончания в 1910 году Елизаветградского кавалерийского училища служил в 7-м драгунском Кинбурнском полку. В его составе поручик Хаджимирзаев всту-

пил в войну и «участвовал в боях с 25 июля по 18 декабря 1914 года», заслужив за этот период ордена св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», св. Станислава 3-й степени и св. Анны 3-й степени с мечами и бантом.

19 декабря того же четырнадцатого года состоялся перевод Абдурагима Хаджимирзаева во 2-й Дагестанский конный полк, в рядах которого он будет награжден орденами св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом, св. Станислава 2-й степени и св. Анны 2-й степени с мечами, удостоен Высочайшего благоволения...

2-го Дагестанского полка. *«Всадник Омар 2-й Магома.* 27 декабря 1916 г. ночью, находясь в секрете на позиции у высоты 625, когда противник, подкравшись, окружил секрет, на предложение сдаться, с кинжалом в руках бросился на противника и, пробившись, присоединился к своим».

Награжден Георгиевским крестом 4-й степени.

Прапорщик Петр Берголец, служивший в Татарском конном полку, проявил отвагу при взятии одного из участков высоты 625, важной для положения всей позиции Кавказской конной дивизии. «Прапорщик Петр Берголец награжден Георгиевским оружием,— говорится в наградном приказе командующего 4-й армией,— за то, что в бою 27 декабря 1916 года при овладении высотой 625 у дер. Рыкоаза лично повел в атаку в пешем строю 3-ю сотню, которой временно командовал, и, несмотря на упорное сопротивление противника, занял указанный ему участок высоты, когда же немцы произвели контратаку, ударом в шашки отбил противника и удержал позицию за собой».

Татарского полка. Награждены Георгиевскими крестами:

«Ст. урядник Кайтуков Александр — 2 ст. № 48106.

Ст. урядник Алиев Керим — 2 ст. № 48113.

Посланные в разведку на рассвете 27 декабря 1916 г. на высоту 625, близ дер. Варница, несмотря на сильный ружейный и пулеметный огонь противника, блестяще выполнили возложенную на них задачу, точно указав расположение частей противника, захватив на обратном пути одного пленного».

Уроженец Осетии Александр Кайтуков за бой 23 июня 1916 года в Буковинских Карпатах уже был награжден Георгиевским крестом 2-й степени. В связи с новым награждением последует приказ командования: «Вторично пожалованный Георгиевский крест 2-й степени

Татарского конного полка уряднику Александру Кайтукову *заменяется на Георгиевский крест 1-й степени за № 34396*».

Подпрапорщик (Дауров Дацо — 1 ст. № 23039.

Подпрапорщик Коротков Ипполит — 1 ст. № 23132.

«27 декабря 1916 г., видя, что спешенная сотня идет в атаку на высоту 625 при дер. Варница, и будучи сами при коноводах, вызвались присоединиться к цепи, опередили свою цепь, под сильным огнем неприятеля кинулись на него и своим примером беззаветной храбрости увлекли остальных, в результате чего неприятель был опрокинут и бежал».

Подпрапорщик Дацо Дауров, / уроженец Осетии. С 1914 года служил в Татарском полку.

Черкесского полка. Награждены медалями «За храбрость»:

«Всадник Каракетов Хизир — 4 ст. № 1118380.

Всадник Огурли Бекир — 4 ст. № 1118365.

27 декабря 1916 г. у сел. Варница названные всадники восстановили связь между 3-й сотней Черкесского полка и румынским полком, чем способствовали отступлению без всяких потерь».

29 декабря 1916 года.

«Полк находится в дер. Строани-де Сус, — сказано в «Журнале военных действий» Кабардинского конного полка. — Погода ясная, немного тает. Вечером у командира полка была устроена елка для офицеров».

И там, в румынской деревне Строани-де Сус, 29 декабря штабс-ротмистр Керим Хан Эриванский, командовавший 4-й сотней с осени 1916-го, обратится к полковнику Старосельскому с рапортом:

«Ходатайствую о награждении за выдающиеся боевые отличия нижеследующих всадников:

...*Урядник Коккоз Гелястанов — имеет медаль 4-й ст., Георгиевские кресты 4-й и 3-й ст. Представляется — Георгиевский крест 2-й ст.*

Урядник Келлет Ульбашев — имеет Георгиевские кресты 4-й и 3-й ст. Представляется — Георгиевский крест 2-й ст.

Урядник Султан Инароков — имеет Георгиевские кресты 4-й и 3-й ст. Представляется — Георгиевский крест 2-й ст.

За разведку в тылу противника — пробрались в занятую противником деревню Педаль, выяснили его силы».

31 декабря 1916 года.

В «Журнале военных действий» Кабардинского полка полковой командир полковник Всеволод Дмитриевич Старосельский делает последнюю запись в уходящем 1916 году: «На позиции в окопах 1-я, 2-я и 3-я сотни. Справа фланг Кабардинцев соприкасается с участком Дагестанцев, слева — с Ингушами. Линия окопов тянется от отметки 625 на юго-запад. Погода с утра до вечера ясная».

ТРЕВОЖНЫЙ СЕМНАДЦАТЫЙ ГОД

В горах Восточных Карпат, на Румынском фронте, встречали всадники и офицеры Кавказской конной дивизии новый, 1917 год. И никому из них не суждено было знать, какими потрясениями обрушится пришедший год на страну и как отразится на судьбе каждого из них, никто из них не мог предвидеть, что скоро в России, как и на Кавказе, грянет братоубийственная Гражданская война, которая кровавой межой разделит многих однополчан, превратив их в непримиримых противников...

Итак, наступил 1917 год. С начала января полкам дивизии, закрепившимся на своих позициях, активных боевых действий в Румынии вести больше не придется.

2 января командир 2-й бригады генерал-майор Сергей Аркадьевич Дробязгин, который временно замещал комдива Багратиона, спешно выехавшего в декабре по вызову в Ставку, в Могилев, а теперь вновь приступившего к исполнению своих обязанностей, объявил свой приказ по Кавказской конной дивизии:

«С 10 декабря 1916 года по сегодняшний день я имел счастье командовать нашей славной, храброй Туземной дивизией. За это время дивизия находилась в непрерывных боях и выполняла свои боевые задачи при крайне тяжелых условиях военной обстановки. При этом дивизия выполнила с честью 3 ответственные и крайне важные операции — у Буда, Геуриле и Варница.

Работа дивизии была неоднократно оценена благодарностями начальства, и особенно генерала барона Маннергейма, который, с грустью расставаясь, просил меня передать всем чинам его глубокую благодарность за отличное выполнение дивизией возложенных на нее боевых задач.

За время моего командования я неизменно встречал со стороны всех чинов дивизии постоянную готовность отдать все свои силы для доблестного отпора сильнейшего врага...»

«За столь самоотверженную боевую работу» генерал Дробязгин объявлял всем офицерам «от лица службы» свою «глубокую, сердечную благодарность», а «героям-всадникам» — «сердечное спасибо».

Упомянутый в приказе Дробязгина генерал-лейтенант Карл Густав Маннергейм — командир 12-й кавалерийской дивизии, входившей вместе с Кавказской конной дивизией во 2-й кавалерийский корпус. Эти дивизии во многих боях действовали совместно. В январе 1917 года, назначенный командиром конного корпуса, он был переведен на другой участок Румынского фронта. Именно тогда Маннергейм, расставаясь с боевыми соратниками, просил генерала Дробязгина передать «всем чинам» Кавказской конной дивизии, которых высоко ценил и хорошо знал по двухлетней совместной боевой деятельности, «его глубокую благодарность».

А 9 января из приказа комдива генерал-лейтенанта Багратиона в дивизии узнали, что 13 декабря он был принят в Ставке Николаем II, который передал всадникам и офицерам — «всем чинам дивизии свою монаршую благодарность за отличную боевую службу».

В том же приказе объявлялось: в связи с тем, что командир Черкесского полка полковник Чавчавадзе заболел, его «полагать эвакуированным» для лечения, и с 3 января вступить «во временное командование Черкесским конным полком полковнику Султан Крым-Гирею».

В чин полковника Султан Крым-Гирей (Крым Селетович Султан-Гирей) был произведен летом 1916 года. Тогда же, во время Брусиловского прорыва, он проявил в боях мужество и «приказом Армии и Флоту 28 апреля 1917 года за боевые отличия в делах против неприятеля награжден орденом св. равноапостольного князя Владимира 3-й степени с мечами».

Пункт третий того же приказа командира дивизии генерала Багратиона от 9 января гласил: «1-го Дагестанского конного полка полковник Мусалаев и Чеченского полка полковник Келер рапортами от 3 сего января донесли, что первый сдал, а второй вступил во временное командование Чеченским конным полком».

Полковник Джамалутдин Мусалаев с 10 декабря временно командовал Чеченским полком, приняв его после ранения в бою командира Чеченцев принца Каджара. Теперь его сменил полковник Григорий Эдуардович Келер, бывший офицер-воспитатель Владикавказского кадетского корпуса. Призванный с началом войны в армию, он в ноябре 1914 года был направлен в город Елизаветполь и назначен командиром запасной сотни Татарского конного полка. Григорий Эдуардович сформировал ее, обучил и весной пятнадцатого года привез из

Закавказья в Действующую армию. Тогда же Келер, по своему ходатайству, переводится на службу в Чеченский полк. За боевые отличия он будет произведен в чин полковника и награжден несколькими орденами, среди которых на первом месте стоял орден св. Владимира 3-й степени с мечами, заслуженный им в период Брусиловского наступления.

Еще в конце декабря отбыл из Румынии в Петроград бывший командир Кавказской конной дивизии, а затем командующий 2-м кавалерийским корпусом генерал-адъютант великий князь Михаил Александрович, с начала января 1917 года назначенный генерал-инспектором российской кавалерии. Туда, в столицу России, и пошла из штаба Кавказской конной дивизии телеграмма великому князю с новогодним поздравлением. А потом из Петрограда от Михаила Александровича на имя командира дивизии придет ответная телеграмма: «Сердечно благодарю Вас за поздравление и добрые пожелания и, в свою очередь, приветствую Вас с Новым годом. Всею душой скорблю о потерях, понесенных Моей славной и доблестной дивизией; буду ходатайствовать об отдыхе. Прошу Мне сообщить подробнее о потерях и делах дивизии».

* * *

В Кабардинском конном полку, в связи с отъездом полковника Старосельского «по делам службы» в Ставку, с 12 января «во временное командование полком» вступил его помощник подполковник князь Алексей Николаевич Амилахвари. И 28 января в полковом приказе он объявит: «Сего числа полк перешел обратно румынскую границу».

В приказе среди перечисленных восемнадцати офицеров полка, перешедших «обратно румынскую границу», назван и «подпоручик Абдурахманов». В августе 1914 года тридцатишестилетний Хабиж Хажибекирович Абдурахманов, кабардинский уздень, уроженец селения Кармово (Каменноостское), добровольно вступил в Кабардинский конный полк. За проявленное мужество в феврале пятнадцатого получил в награду Георгиевский крест 4-й степени, а через полгода был произведен в чин прапорщика. И, уже будучи офицером, заслужит в боях ордена св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость»,

св. Анны и св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом.

О Хабиже Абдурахманове, кроме сохранившихся скупых свидетельств в полковых и дивизионных документах, до нас дошли яркие и эмоциональные воспоминания его однополчанина, корнета князя Константина Чхеидзе.

«...Сейчас, когда я беру перо и бумагу, чтобы занести в эту тетрадь воспоминания о Хабыже,— глаза мои увлажнятся и горят... Хабыж, Хабыж! Как я могу приблизиться к тебе, как можешь ты — из царства теней сказать мне и поддержать в моем труде?...» Это было написано в 1930 году, когда Чхеидзе, находясь в эмиграции в Праге, писал свою книгу «Страна Прометей», которая вышла в свет два года спустя в русском издательстве в китайском городе Шанхае. И там, в далеком зарубежье, за тысячи верст от Кавказа, он вспоминал своего, к тому времени уже умершего, кабардинского друга Хабижа Абдурахманова.

«Он был самый широкоплечий и грузный во всей Большой и Малой Кабарде и в Пяти Горских обществах,— читаем в книге Чхеидзе.— Иные считали, что он же самый суровый. А иные называли его, громopodobного Хабыжа, ласково и интимно Хабыж-цук, что значит маленький Хабыж. Так принято называть детей, и это правда — Хабыж, этот гигант, этот буян, был ребенком. Громадным ребенком... Никто не умел так смеяться, как Хабыж, никому не удавался такой удар шашкой, как Хабыжу...

Когда он сидел за столом и его... лицо улыбалось — это сидел добряк и шутник. Но когда на высоченном [коне] «Урагане», с налитыми кровью глазами, с лицом, перекошенным гневом, он мчался в атаку и приближался к удару — вид Хабыжа был непереносим и ужасен...»

В 1917 году корнет Константин Чхеидзе был переведен на службу в Кабардинский конный полк и познакомился с Хабижем Абдурахмановым. И тогда от однополчан услышал о нем множество рассказов, связанных с его удалью и мужеством. Вот один из них, относящийся к 1915 году и описанный Чхеидзе в книге «Страна Прометей»:

«С началом войны Хабыж добровольно вступил в славный Кабардинский полк. За отличную храбрость и неоднократные боевые заслуги его произвели в офицеры. Случился отдых. Знаменитую Дикую дивизию, пер-

вым полком которой был Кабардинский, отвели в глубокий тыл.

Великий князь Михаил Александрович, родной брат царя, бывший в то время начальником дивизии, приказал устроить офицерские скачки и призовую рубку. Не мог Хабыж участвовать в состязании на скорость коня, слишком велик его вес, даже «Ураган» не унес бы семипудовую тяжесть. Но призовую рубку Хабыж пропустить не мог. Он выехал, держа поводья в левой руке, а правой опираясь в бок...

И вот укрепили пирамиду из глины на высокой подставке. Один за другим промчались всадники, и после каждого взмаха неподвижной оставалась глина, ловкий удар просекает глину и оставляет ее на месте. Убрали глину, расставили четыре лозы: две справа, две слева, хорошо рубит тот, кто рубит и правой и левой рукой. На этот раз несколько состязавшихся отъехали в сторону: не удалось срубить лозу. И опять расставили лозы, опять справа и слева, но уже не четыре, а восемь и через каждую пару — барьер. Двое джигитов прошли эти препятствия, пятеро оставили поле.

Великий князь подъехал к этим двоим. То были: Хабыж, приближавшийся в это время к сорока годам, и только что выпущенный из училища корнет. Великий князь сказал: «Оба достойны первого приза!» — «Как?! — рассердился Хабыж. — Я и этот молокосос? Ваше Высочество позволит мне сделать еще один заезд?»

Когда по указанию Хабыжа поставили двенадцать лоз, шесть справа и шесть слева, а промежутки заставили барьерами, собранными со всех полков, Хабыж выехал на «Урагане» весь грозный и стремительный, как удар меча...

«Иа-Алла!» — вскрикнул Хабыж, и вот — понеслась буря. «Ураган» развил ураганный карьер. Глазу невозможно было уследить мелькание подков, взмахи клинка, блистательного дамасского клинка, учащались тем больше, чем дальше уходил конь.

Победительно и гордо возвращался Хабыж. С коня падали клочья белесоватой пены. В глазах всадника горели костры. Он подкидывал шашку к небу, и она падала прямо в руки, как будто в руке был зажат магнит...»

В конце января, когда все полки дивизии уже вышли из Румынии в Бессарабию, в район Кишинева, начальник дивизионного штаба полковник Половцев разослал командирам бригад предписание. Он ставил их в известность о том, что 3 февраля в городе Кишиневе великий князь Георгий Михайлович «от имени Его Императорского Величества государя императора» будет награждать Георгиевскими крестами «нижних чинов дивизии» и, кроме того, «произведет смотр того же числа там же». В связи с этим Петр Александрович Половцев приказывал командирам бригад от каждого полка направить в Кишинев в составе Сводного полка от дивизии по одной «сводной сотне», в которые должны входить и «нижние чины, удостоенные награждения».

В тот день, 3 февраля, на центральной площади Кишинева великий князь Георгий Михайлович вручил всадникам всех шести полков дивизии 242 Георгиевских креста разных степеней, которыми они награждались за мужество, проявленное в период Брусиловского наступления в Галиции и Буковине, в боях на Румынском фронте...

Дивизия, все еще входившая в 4-ю армию, была «расположена на отдых» в населенных пунктах Бессарабской губернии, являвшейся тыловым районом Румынского фронта. «После непрерывной работы в течение года дивизия стала на отдых, — говорилось в приказе генерал-лейтенанта Дмитрия Петровича Багратиона. — Славные боевые действия на Днестре, лихие конные атаки при преследовании врага от Залещиков до самого Станиславова, вторичное взятие этого города частями дивизии, тяжелая сторожовка в Карпатах у Надворной, беспримерный 600-верстный переход к Рымнику и, наконец, исключительная по своей трудности отступательная операция в горах Румынского фронта — все это дало возможность кавказским полкам вписать новые незабываемые страницы в историю русской конницы...»

Многое мы сделали, говорилось в приказе командующего дивизией, «но главная наша работа впереди», и полки дивизии должны готовиться «к будущей боевой работе», когда «упорство» врага будет сломлено.

Во время предоставленного дивизии отдыха, указывал генерал Багратион, в полках должны «неослабно» проводиться «строевые учения», с учетом боевого опыта

успешных конных атак в 1915—1916 годах: «1-я бригада у Доброполе», «Ингуши у Езеран», «Дивизион Черкесского полка у Езеран», «Татары у Тышковце». При этом конкретно указывались и офицеры, чей блестящий боевой опыт при командовании дивизионами мог служить образцом в предстоящих сражениях: «полковник князь Бекович-Черкасский у Доброполе, ротмистр князь Тарковский у Гайворонки».

Еще летом 1915 года прибыл на службу в Кабардинский конный полк штабс-ротмистр Дохчику Кубатиев. Служа до этого в пехотном полку, а затем в артиллерийской бригаде, он заслужил в боях четыре ордена. В рядах Кабардинского полка командир 2-й сотни штабс-ротмистр Кубатиев будет награжден орденами св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» и св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом, которым его удостоят «за отличия в бою 29 мая 1916 года у деревни Лужаны», во время Брусиловского наступления.

Приказ о его награждении орденом св. Владимира командующий Юго-Западным фронтом генерал Брусилов объявит 23 октября 1916 года, а 26-го, как свидетельствует запись в списке офицеров Кавказской конной дивизии, «Кабардинского конного полка штабс-ротмистр Кубатиев командирован для прохождения курса в Императорскую Николаевскую военную академию» в Петроград.

Пройдя ускоренный курс обучения, Кубатиев в начале февраля 1917-го уже вернулся в дивизию. «Назначенный распоряжением генерал-квартирмейстера штаба Румынского фронта исполняющим должность старшего адъютанта штаба вверенной мне дивизии Кабардинского конного полка штабс-ротмистр Кубатиев 6-го сего февраля прибыл и вступил в исполнение должности». — говорилось в приказе генерала Багратиона по дивизии.

* * *

Громадные нагрузки выпали на долю Кавказской конной дивизии в период наступления 1916 года, затем тяжелых боев в Румынии. С целью выяснения общей картины положения в полках, а также в приданных дивизии пулеметном отряде Балтийского флота и 8-м Донском казачьем артиллерийском дивизионе с середины февраля проходил «инспекторский смотр всем частям дивизии». Его проводили командиры бригад и прикоман-

дированный к Кабардинскому конному полку полковник Владимир Гатовский, который с 15 февраля, в связи с командированием Половцева в Ставку и Петроград, временно исполнял должность начальника дивизионного штаба.

По итогам инспекторского смотра генерал-лейтенант Багратион 19 февраля 1917 года издал приказ по дивизии, который дает нам возможность увидеть состояние ее частей, только недавно вышедших из многомесячных боев.

Командир 1-й бригады генерал-майор Михаил Андреевич Кобиев «произвел инспекторский смотр Кабардинцам и отряду Балтийского флота».

Кабардинский полк представил временно командующий подполковник Алексей Николаевич Амилахвари. В результате «инспекторского смотра выявлено»: «Обмундирование обносилось. В каждой сотне не более 30 полушубков и теплых черкесок, остальные заменены шинелями.

Пища — хорошая, горячая два раза в день.

Конский состав — большинство приходит в порядок.

В лучшем виде 2-я сотня штабс-ротмистра Асланбека Туганова * и 4-я штабс-ротмистра Керима Хана Эриванского.

Оружие — огнестрельное и холодное в порядке...»

2-й Дагестанский полк представил полковой командир полковник Гиви Иванович Амилахвари.

«Люди — вид здоровый и бодрый.

Пища — хорошая.

Конский состав — особенно хороший вид 2-й сотни подполковника (Аркадия) Микашивидзе и 3-й сотни подполковника (Александра) Гольдгаара.

Оружие — огнестрельное в трех сотнях уже прошло через оружейную мастерскую и в полном порядке, остальное еще в мастерской. Шашки в отличном состоянии, кинжалы требуют исправления...»

Командир 2-й бригады генерал-майор Сергей Аркадьевич Дробязгин «произвел инспекторский смотр Татарам и Чеченцам и 16-й Донской казачьей батарее».

Чеченцев представил временно командующий полком полковник Григорий Эдуардович Келер.

«Пища — хорошая.

---

* В конце октября 1916 года он вновь возглавил 2-ю сотню.

Конский состав — содержание лошадей хорошее.

Оружие — в порядке...

Журнал военных действий пропал без вести в бою 7 декабря 1916 года вместе с поручиком Соломко».

«Татары — командир полка полковник князь Бекевич-Черкасский.

Конский состав — лошади в порядке...

Оружие — холодное и огнестрельное налицо и в порядке...

Журнал военных действий утерян 28 июня 1916 года при отступлении от Ворохты».

Генерал-майор Александр Васильевич Гагарин «произвел инспекторский смотр Черкесам, Ингушам и 20-й Донской казачьей батарее.

Черкесы — представил полк временно командующий полком полковник Султан Крым-Гирей.

Оружие — частью винтовки приводятся в порядок в своей оружейной мастерской, но нет запасных частей. Шашки и кинжалы в порядке...

Конский состав — выделяется 3-я сотня штабс-ротмистра маркиза Делли Альбици...

Пища — за неимением жиров и крупы найдена инспектирующим неудовлетворительной, на что указано внимание сотенных командиров».

Ингушей представил помощник полкового командира полковник Владимир Александрович Сухин.

«Людей, без вести пропавших в боях и на походе, — 63, из них 32 абрека 5-й сотни (ротмистр Кибиров)...

Пища — только в 4-й сотне штабс-ротмистра Баранова удовлетворительная, в остальных частях неудовлетворительная за отсутствием жиров.

Оружие — огнестрельное еще не приведено в порядок. Холодное — в порядке.

Конский состав — приходит в удовлетворительный вид...»

5-я сверхштатная сотня Ингушского полка, называемая «абрековской», была сформирована осенью 1916 года из «прощенных государем» за различные проступки абреков. При этом высшим командованием имелось в виду, что в будущем станут пятисотенными и все другие кавказские полки. Но, как видно из приказа генерала Багратиона по дивизии от 16 марта 1917 года, им из Ставки была получена телеграмма о том, что «увеличе-

ние штатов полков дивизии не представляется возможным произвести в настоящее время, вследствие чего полки останутся в четырехсотенном составе». На основании этого распоряжения он приказывал: «5-ю сверхштатную сотню Ингушского конного полка расформировать», а состоявших в ее составе офицеров и всадников распределить по полковым сотням.

5-й абрексской сотней Ингушского полка командовал ротмистр Георгий Алексеевич Кибиров, уроженец Осетии. Военную службу он начал весной 1904 года, вступив добровольцем в Осетинскую сотню Терско-Кубанского конного полка, сформированного для участия в боевых действиях на Дальнем Востоке против японцев. Урядник Кибиров за боевые отличия в Японской кампании был награжден Георгиевскими крестами 4-й и 3-й степени. Тогда же, произведенный в прапорщики, он получил и орден св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость».

После русско-японской войны Георгий Кибиров служил в Осетинском конном дивизионе, расквартированном в городе Ставрополе. В октябре 1913 года переводится в Дагестанский конный полк, в город Темир-Хан-Шуру. А затем в четырнадцатом штабс-ротмистр Кибиров окажется в составе 2-го Дагестанского конного полка Кавказской конной дивизии. За отличия в боях будет произведен в ротмистры и награжден четырьмя орденами, в том числе мечами и бантом к имевшемуся у него с 1913 года ордену св. Владимира 4-й степени.

О боевых делах офицера Георгия Кибирова можно судить по сохранившемуся в документах штаба Кавказской конной дивизии наградному представлению на него, составленному еще в январе 1915 года командиром 2-го Дагестанского полка подполковником Амилахвари и поддержанному командиром 1-й бригады генерал-майором Багратионом: «26 декабря 1914 г. в деле при деревне Береги-Горне под сильным ружейным и пулеметным огнем противника неоднократно посылаемый мною с приказаниями в штаб, исполнял все бесстрашно, выказывая удивительную стойкость и спокойствие. В то же время делал наблюдение за расположением неприятеля и дал весьма важные указания о его силах.

Считаю, названный офицер вполне достоин награждения «мечами и бантом» к имеющемуся у него ордену св. Владимира 4-й ст., о чем особенно ходатайствую».

В 1916 году ротмистр Георгий Кибиров был прикомандирован к Ингушскому конному полку, где и возглавил 5-ю сотню, сформированную из бывших абреков. Под его командованием эта сотня храбро сражалась в декабрьских боях на Румынском фронте, понеся там значительные потери — 32 всадника-абрека погибли и пропали без вести.

Офицер Ингушского полка Анатолий Львович Марков в своих воспоминаниях, опубликованных в Париже, напишет, что при первой встрече с офицерами дивизии, во время праздничного обеда, его внимание привлек к себе «осетин ротмистр Кибиров», громадного роста человек: «...он пользовался громкой славой убийцы знаменитого разбойника Зелим-Хана, слава которого гремела по всему Кавказу за несколько лет до войны. Будучи офицером Осетинского конного полка, Кибиров получил задание во что бы то ни стало поймать или уничтожить неуловимого разбойника, в чем и преуспел после долгой и часто эпической борьбы. На войну Кибиров вышел командиром особой сотни прощенных государем абреков, возвращенных с каторги, для того чтобы на полях сражений заслужить свое прощение... В полку у нас, при котором он числился со своей сотней, говорили, что, несмотря на свой пост предводителя бывших разбойников, Кибиров избегает показываться в Чеченский полк, где служили бывшие сподвижники Зелим-хана, мести которых он должен был опасаться...»

Интересные сведения о ротмистре Кибирове и поистине рыцарском отношении к нему сподвижников знаменитого абрека Зелимхана Гушмазакаева привел в статье «Всадники» на фронте чиновник Главного управления почт и телеграфов России М. М. Спиридонов, побывавший с подарками в Кавказской конной дивизии. Его «очерк боевой жизни чинов Кавказской дивизии» поместила одна из центральных российских газет, а в феврале 1916 года этот материал был напечатан в «Терских ведомостях».

«Любопытно отношение находящихся в дивизии родных — «кровников» — знаменитого разбойника Зелим-хана к сотнику Кибирову... теперь являющемуся командиром «кровников», которым, как известно, Зелим-Хан завещал против Кибирова кровную мечь», — пишет Спиридонов. И далее продолжает: «Не говоря уже о том, что «кровники» сами заявили Кибирову о питаемых к нему чувствах и о том, что на время войны они

считают нужным забыть личные счеты, — они в одном из недавних боев блестяще доказали правдивость своих слов.

Когда сотник Кибиров, в пылу горячей схватки с немецкими кавалеристами, вдруг очутился один против нескольких немцев, то первыми бросились к нему на выручку «кровники» Зелим-хана...»

В мае 1917 года, вскоре после расформирования 5-й абресской сотни Ингушского полка, подполковник Георгий Кибиров, согласно приказу командира Кавказской конной дивизии, прикомандировывается к Осетинской пешей бригаде...

* * *

В февральские дни в штаб Кавказской конной дивизии придет сообщение из Петрограда о том, что ее командир генерал-лейтенант Багратион за боевые отличия в период Брусиловского наступления Высочайшим приказом от 16 октября 1916 года награжден орденом св. Владимира 2-й степени с мечами.

В конце февраля в Кавказской конной дивизии станут известны и приказы командования о награждении орденами офицеров, проявивших отвагу во время Брусиловского прорыва, в осенних боях в Карпатах и декабрьских в Румынии. Среди удостоенных наград были и всего лишь несколько месяцев назад произведенные в прапорщики — черкесы Байзет Султан-Гирей и Махмуд Беданоков, абхаз Василий Маги, ингуши Бексултан Бекмурзиев, Бахауддин Мальсагов и Хаджи-Мурат Местоев...

Вот сведения из тех приказов о награждении офицеров орденами*:

«Приказом армиям Юго-Западного фронта от 7 ноября 1916 года за № 1828 Главнокомандующим армиями по Высочайше предоставленной власти за отличия в делах против неприятеля награждены:

Орденом св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом Кабардинского конного полка — *подпоручики Хакяша Докшоков и князь Науруз Наурузов*».

---

* Офицерам мусульманам как по этому приазу, так и по другим, приведенным в книге, вручались ордена, «для нехристиан установленные».

«Приказом войскам IV армии от 13 января 1917 года командующим армией, по Высочайше предоставленной власти, за отличия в делах против неприятеля награждены:

...Татарского конного полка — *корнет князь Хаитбей Шервашидзе* — орденом св. Станислава 2-й степени с мечами».

Приказом командующего 4-й армией от 23 января 1917 года награждены:

«Ингушского конного полка — *прапорщик Камбулат Добриев* — орденом св. Анны 3-й степени с мечами и бантом».

«Черкесского конного полка — *прапорщик Султан Байзет-Гирей* — орденом св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом».

Приказом командующего 4-й армией от 7 февраля 1917 года награждены:

«Орденом св. Станислава 2-й степени с мечами

Кабардинского конного полка — подпоручик Докишко Астемиров и корнет Альбаксит Кодзоков.

Орденом св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом

Черкесского конного полка — прапорщик Василий Маги».

Приказом командующего 4-й армией от 10 февраля 1917 года награждены:

«Орденом св. Анны 2-й степени с мечами

Командир 2-го Дагестанского конного полка полковник князь Гиви Амилахвари.

Кабардинского конного полка — поручик Магомет Абаев.

Ингушского конного полка — корнет светлейший князь Михаил Грузинский.

Орденом св. Анны 3-й степени с мечами и бантом

2-го Дагестанского конного полка — корнет Борис Дзахоев.

Черкесского конного полка — прапорщик Махмуд Беданоков.

Ингушского конного полка — прапорщик Бексултан Бек-Мурзиев и прикомандированный к полку 13-го Кавказского стрелкового полка поручик Магомет Бек-Бузаров.

Орденом св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость»
2-го Дагестанского конного полка —
корнет *Исмаил Акчурин*.

Орденом св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом
Ингушского конного полка — прапор-
щики *Бахауддин Мальсагов и Хаджи-Мурат Местоев*».

* * *

Полки дивизии, расквартированные по селам Бессарабской губернии, после затяжных боев получили возможность отдохнуть, привести в порядок конский состав и оружие. А из госпиталей после излечения возвращались в свои части всадники и офицеры. Так, 25 февраля вернулся в строй полковник Фазула-Мирза Каджар, тяжело раненный 9 декабря в Румынии и теперь вновь принявший под свое командование Чеченский полк.

Как в боевой обстановке, так и в дни отдыха выполняли свою важную миссию полковые муллы — кади, духовные наставники всадников и офицеров мусульман. И весьма показателен в этом отношении приказ командира Кабардинского полка полковника Всеволода Дмитриевича Старосельского, связанный с муллой Алиханом Шогеновым. 26 февраля полковой адъютант корнет Дмитрий Николайчик известил командиров двух сотен: «Командующий полком приказал завтра в 10 часов собраться всадникам 1-й и 3-й сотен при холодном оружии для собеседования с полковым кадием».

А на завтра, т. е. 27 февраля, в тот день, когда мулла Алихан Шогенов проводил «собеседование» с всадниками Кабардинского полка, свершилось событие, изменившее весь ход истории России и всех населявших ее народов: в Петрограде произошла Февральская революция.

2 марта император Николай II отрекся от престола, передав «наследие» своему брату Михаилу Александровичу, бывшему командиру Кавказской конной дивизии, но и он 3 марта отказался от престола, обратившись к народам России с Манифестом. Власть в Петрограде и стране взяло на себя Временное правительство.

Манифест великого князя Михаила Александровича Романова был распространен Петроградским телеграфным агентством по всей стране. 6 марта его опубликовал в приказе по Кавказской конной дивизии генерал-лейтенант Багратион.

«...Одушевленный одною со всем народом мыслью, что выше всего благо Родины нашей,—заявлял в Манифесте Михаил Александрович,— принял Я твердое решение в том лишь случае воспринять Верховную Власть, если такова будет воля Великого Народа нашего, которому подлежит всенародным голосованием, через представителей своих в Учредительном Собрании установить образ правления и новые основные законы Государства Российского». Ввиду этого великий князь обращался ко всем гражданам «Державы Российской» с призывом подчиниться Временному правительству, «облеченному всей полнотою власти, впредь до того, как созванное в возможно кратчайший срок на основе всеобщего, прямого, равного голосования Учредительное Собрание своим решением об образе правления выразит волю народа».

Корнет Кабардинского полка Алексей Арсеньев в своих воспоминаниях о тех днях напишет: «Отречение Государя от престола потрясло всех; того «энтузиазма», с которым все население, по утверждению творцов революции, «встретило ее», не было; была общая растерянность, вскоре сменившаяся каким-то опьянением от сознания, что теперь — «все позволено». Всюду развеялись красные флаги, пестрели красные банты. В Дикой Дивизии их не надели — кроме обозников и матросов-пулеметчиков...»

Революционные события в Петрограде существенных перемен в жизнь Кавказской конной дивизии не внесли. Весь ее командный состав оставался на своих местах. Стабильной была обстановка как в целом по дивизии, так и в ее полках, состоявших из всадников-добровольцев, объединенных крепкими узами землячества и родственными отношениями. Здесь, как и прежде, сохранялись твердая воинская дисциплина и верность воинскому долгу, уважение всадников к своим командирам, многие из которых, начав войну рядовыми «охотниками», за боевые заслуги получили офицерские чины.

В то же время в целом по российской армии, все более подвергавшейся массивированной пораженческой пропаганде «революционных сил», катастрофически падала дисциплина, росло неповиновение командирам. А это несло с собой то, что ломался стержень, на котором всегда держалась и держится любая армия,— воинская дисциплина и служебная субординация.

Свою роль сыграл в этом и известный «Приказ № 1 Петроградского Совета», принятый 1 марта 1917 года,

предназначенный для Петроградского гарнизона, а затем распространившийся по всей армии. Им отменялся принцип единоначалия офицерского состава, и фактически вся власть в воинских частях переходила к солдатским комитетам, которые имели право снимать неугодных, на их взгляд, командиров и избирать на командные должности «сторонников революции», зачастую не имевших ни военного, ни боевого опыта.

И совсем скоро в подавляющей разложению армии, в ее полках и дивизиях массовый характер примут дезертирство, самовольное оставление боевых позиций, дикие расправы «революционных» солдат над своими командирами...

* * *

В Кавказской конной дивизии продолжалась четкая и размеренная воинская жизнь. Все так же проводилась боевая учеба, заступали на дежурства полковые караулы, круглосуточно шла жизнь в дивизионном и полковых штабах, ежедневно издавались приказы по личному составу.

Вот, к примеру, сведения из приказов командира дивизии, связанные с полными Георгиевскими кавалерами:

6 марта. «Кабардинского конного полка старший урядник Исмаил Тхазеплов, награжденный Георгиевскими крестами всех четырех степеней, производится в подпрапорщики».

10 марта. «Старший урядник Чеченского конного полка Мамад Исламгиреев, награжденный Георгиевскими крестами всех четырех степеней, производится в подпрапорщики».

20 марта. «Старший урядник Ингушского конного полка Ахмет Оздоев, награжденный Георгиевскими крестами всех четырех степеней, производится в подпрапорщики».

6 мая. «Состоящий в прикомандировании к Чеченскому конному полку 70-го пехотного Ряжского полка фельдфебель Яг Самбиев, награжденный Георгиевскими крестами всех четырех степеней, производится в подпрапорщики».

16 мая. «Старший урядник Кабардинского конного

полка Хазеша Диков, награжденный Георгиевскими крестами всех четырех степеней, производится в подпрапорщики».

Тем временем в войсках проходило принятие новой присяги, взамен «императорской». Наступил этот день и для всадников и офицеров Кавказской конной дивизии. 18 марта 1917 года в приказе № 49 комдив генерал-лейтенант Багратион объявил: «19 сего марта приказываю всем частям вверенной мне дивизии: полкам, батареям, командам, штабу дивизии, отряду Балтийского флота, Осетинской пулеметной команде*, передовому перевязочному отряду, 752-му и 754-му транспортам принять присягу на верность служения Российскому государству и повиновения Временному Правительству...

Муллам привести к присяге магометан...

Командирам бригад принести присягу при одном из полков бригады. Я, с чинами штаба, принесу присягу... в 10 часов того же числа в помещении станции Скиносы...

22-му перевязочному отряду принять присягу по прибытии в расположение дивизии. Командиру кадра запаса привести (запасной) полк к присяге в месте его расположения».

В последующие дни командир дивизии объявит в своих приказах имена офицеров, награжденных орденами за храбрость в боях на Румынском фронте.

«Приказом войскам IV армии от 11 марта с. г. за № 4292 командующим армией за отличия в делах против неприятеля награждены:

Конных полков:

орденом св. Анны 3-й степени с мечами и бантом

Корнеты

Кабардинского — *Чепелло Урусбиев*;

Татарского — *Шарль Тестенуар*;

Чеченского — князь *Магомет Бекович-Черкасский*;

орденом св. Станислава 2-й степени с мечами

Татарского — *корнет Джамшид Хан Нахичеванский*;

орденом св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом

Чеченского — *корнет Абдул-Ваган Дубаев*».

---

* Осетинская пулеметная команда прибыла в состав дивизии в начале марта 1917 года.

Приказом командующего 4-й армией от 17 марта 1917 года «за отличия в делах против неприятеля награждены»:

орденом св. Станислава 2-й степени с мечами

«Конных полков:

2-го Дагестанского — *подпоручик милиции Петр Хоранов;*

Черкесского — *корнет Магомет-Гирей Крым-шамхалов;*

Ингушского — *поручик Варлаам Шенгелай и корнет Дудар Добриев».*

«Приказом войскам IV армии от 25 марта 1917 года за отличия в делах против неприятеля награждены:

Кабардинского конного полка

орденом св. Анны 2-й степени с мечами

Штабс-ротмистр Керим Хан Эриванский;

орденом св. Анны 3-й степени с мечами и бантом

Корнет Али Инароков;

орденом св. Станислава 2-й степени с мечами

Подпоручик князь Науруз Наурузов».

В середине марта в Черкесский полк вернулся его командир полковник Александр Захарьевич Чавчавадзе, отсутствовавший с 3 января по болезни, а затем бывший в служебной командировке. «Полковника князя Чавчавадзе полагать налицо с 15 сего марта, — гласил приказ командующего дивизией. — Полковнику Султан Крым-Гирею обратиться к исполнению прямых своих обязанностей». И здесь же генерал Багратион объявил: «За отличное командование Черкесским конным полком от лица службы сердечно благодарю полковника Султан Крым-Гирея».

В конце марта Кавказская конная дивизия была перебазирована из Бессарабии в Подольскую губернию, на Украину. Генерал Багратион со своим штабом разместился в городе Проскурове (Хмельницкий), а по селам — полки и все дивизионные части.

В то время начальник штаба дивизии полковник Петр Александрович Половцев находился в командировке в Петрограде, куда отбыл еще 12 февраля. Приказом Временного правительства по Армии и Флоту от 7 апреля, «согласно Георгиевскому статуту», ему, как награжденному орденом св. Георгия и Георгиевским оружием, присваивался чин генерал-майора. А 11 апреля Половцев вернулся в штаб дивизии. Как видно из приказа

генерала Багратиона от 13 апреля, «начальник штаба вверенной мне дивизии генерал-майор Половцев с 28 февраля по 3 апреля состоял при Военном министре для выполнения служебных поручений, каковые сведения занести в послужной список названного генерала».

Эта поездка Половцева в Петроград и его вхождение в правительственные круги в скором времени дадут ему возможность получить новое высокое назначение...

«Приказом Русским войскам Румынского фронта от 11 апреля с. г. за № 352,—объявлялось в приказе по дивизии,—нижепоименованные юнкера милиции Кабардинского конного полка за оказанные ими отличия в делах против неприятеля произведены в прапорщики милиции:

Темиркан Хурзанов,

Кургоко Темтиров,

Ибрагим Биев,

Султан Инароков».

Все четверо новопроизведенных офицеров вступили добровольцами в полк в 1914 году, храбро сражались с неприятелем, заслужили в боях Георгиевские кресты и чины юнкеров.

* * *

В те весенние дни семнадцатого года командиры полков Кавказской конной дивизии в преддверии новых боевых действий готовили документы на своих всадников, отличившихся «в делах против неприятеля», представляя их к производству в юнкера и прапорщики.

Оформлялась наградная документация и в Кабардинском конном полку. В марте—апреле полковником Всеволодом Дмитриевичем Старосельским к чину юнкера милиции были представлены:

«Старший урядник Измаил Хагундоков, из кабардинцев селения Ашабово» (Малка). 1880 года рождения. Женат. Имеет награды: «Знак отличия Военного ордена 4-й степени за № 1803 получил в русско-японскую войну. Георгиевская медаль 4-й степени № 235207, награжден в 1915 году. Зачислен на службу в Кабардинский конный полк 31 августа 1914 года. Звание старшего урядника получил в русско-японскую войну...»

«Наградной лист.

Старший урядник Измаил Кайтукович Хагундоков представляется в юнкера милиции за то, что:

1) 29 мая 1916 года в конной атаке у деревни Шепенице (Галиция), будучи начальником боевого разъезда, выдвинутого перед правым флангом 1-й сотни, несмотря на сильный ружейный и артиллерийский огонь неприятеля, выполнил возложенную на него задачу, найдя выгодный для удара проход между усадьбами деревни, первый начал рубить австрийских стрелков, являя редкий пример боевого порыва, и прорвал их цепь.

2) В ночь на 25 декабря того же года у села Византия-Розаска (Румыния), будучи послан со взводом на рекогносцировку села Византия-Монастрынке, пользуясь темнотой, произвел неожиданное нападение на противника, чем сбил его передовую заставу и произвел панику, благодаря которой удалось точно определить расположение и силы занявшего с вечера позицию противника.

Вообще, старший урядник Хагундоков, участник второй кампании, неоднократно проявлял выдающееся понимание боевой обстановки, проявляя инициативу, решительность».

Старший урядник 4-й сотни Аслан-Али Эфендиев. Происходил из Хуламского общества Балкарии. В Кабардинский полк вступил 31 августа 1914 года, как житель «селения Кашкатао, Нальчикского округа». Родился в 1895 году. Холост. Грамотен. Награжден Георгиевскими крестами 2-й, 3-й и 4-й степени и медалью «За храбрость». «Был в походах и делах против австро-германцев в 1914—1917 годах». В боях дважды ранен: «18 августа 1916 года у реки Быстрица и 13 декабря 1916 года у высоты Спиделе в Румынии...»

«Наградной лист.

Старший урядник Кабардинского конного полка Аслан-Али Абдурахманович Эфендиев представляется в юнкера милиции за то, что во всех боях, в которых участвовал полк, командуя взводом, проявлял выдающуюся храбрость, мужество и самоотвержение, ободряя и увлекая в бой товарищей и подчиненных. 18 августа 1916 года на реке Быстрице, несмотря на полученное ранение, оставался в строю, продолжая командовать взводом.

В бою 13 декабря 1916 года у высоты Спиделе, будучи ранен, также оставался в строю до конца боя, проявляя выдающуюся храбрость и пренебрежение к опасности.

Порученные ему разведки выполнял с выдающимся пониманием возложенной на него задачи, неоднократно

пробирался в занятые противником деревни и добывал важные сведения о силах и расположении неприятеля».

«Младший урядник Кургоко Жамборов, из кабардинцев селения Кучмазокино» (Старая Крепость). 1883 года рождения. Женат, грамотен. С августа 1914 года служит во 2-й сотне. Награжден Георгиевским крестом 4-й степени и медалью «За храбрость». «Участвовал в делах и походах против австро-германцев в 1914—1917 годах...»

«Наградной лист.

Младший урядник Кургоко Бекирович Жамборов представляется к производству в юнкера милиции за то, что в боях против неприятеля оказал следующие отличия:

1) В конной атаке у деревни Доброполе 10 сентября 1915 года, несмотря на полученное ранение, продолжал оставаться в строю, руководя взводом, проявляя выдающееся мужество и увлекая за собой в бой товарищей, чем способствовал общему успеху атаки.

2) В конной атаке у деревни Лужаны 29 мая 1916 года, командуя взводом, смело бросился в атаку, держась все время впереди взвода. В этом бою проявил выдающуюся храбрость, увлекая за собой подчиненных. Взводом взято около 40 пленных.

В остальных боях, пользуясь высоким авторитетом среди своих единоверцев, служит им образцом мужества».

«Младший урядник Крым Абаев, из горцев селения Балкарского, Нальчикского округа, Терской области». 1898 года рождения. Холост. Зачислен на службу в Кабардинский конный полк, в 4-ю сотню, 31 августа 1914 года. Награжден Георгиевским крестом 4-й степени. «Участвовал в походах и делах против австро-германцев в 1914—1917 годах... В бою у деревни Ветлино 17 декабря 1914 года ранен».

«Наградной лист.

Младший урядник Крым Омарович Абаев представляется к производству в юнкера милиции за то, что в боях против неприятеля оказал следующие отличия:

1) В бою 17 декабря 1914 года у деревни Ветлино, несмотря на полученное ранение, оставался в строю и принимал деятельное участие в бою, ободряя товарищей и подавая пример стойкости в выполнении долга.

2) В бою у деревни Майдан 17 февраля 1915 года, будучи со взводом в заставе, отбил наступление развед-

чиков противника, превышающих численностью, захватив при этом двух пленных, давших важные сведения.

В последующих боях в Румынии также проявил выдающуюся храбрость и мужество, служа для всех образцом мужества и высокого сознания долга».

Приказами командующего Юго-Западным фронтом все представленные урядники будут произведены в чин юнкера.

* * *

В начале мая командир Кабардинского конного полка полковник Старосельский направил в штаб 1-й бригады документы на производство в прапорщики юнкера Кушби Ахохова.

Послужной список Кушби Гиреевича Ахохова свидетельствует, что он происходил «из кабардинцев Терской области, Нальчикского округа, селения Куденетово II» (Чегем 2). Родился 12 апреля 1891 года. Холост. Грамотен. Имеет «свидетельство Нальчикской окружной горской школы от 3 июня 1909 года № 410». Зачислен в Кабардинский полк 31 августа 1914 года.

За боевые отличия награжден Георгиевскими крестами 1-й, 2-й, 3-й, 4-й степени. «В бою 23 декабря 1914 года у деревни Береги-Горне ранен пулей в ногу».

Наградной лист юнкера Кушби Ахохова.

«Представляется к производству в чин прапорщика за то, что 13 декабря 1916 года, исполняя обязанности командира взвода, после отхода румынских частей против деревни Спиделе под нажимом германцев, будучи послан с правого фланга расположения Кабардинского конного полка восстановить связь с 4-м румынским пехотным полком, успешно выполнил возложенное на него поручение под действительным пулеметным и ружейным огнем противника; и за то, что 23 того же декабря при отходе полка с позиций по линии выс. 795, 855, 827, у селения Буриле, оставался со взводом 1-й сотни, прикрывая с ней отступление полка на выс. 855, несмотря на яростный нажим противника, под сильным огнем орудий Гочкиса, поставленных противником на прямое попадание, а также нескольких пулеметов, держался на занимаемой позиции до приказа отойти, хотя фланг был уже глубоко обойден неприятелем».

17 августа 1917 года приказом командующего Юго-Западным фронтом Кушби Гиреевич Ахохов будет произведен в чин прапорщика.

В конце мая состоялось представление к офицерскому чину и подпрапорщика Кабардинского полка Исмаила Умаровича Тхазеплова, «из кабардинцев селения Нижне-Кожоково» (Нижний Черек), имевшего от роду 26 лет, холостого, грамотного. Зачислен в полк, в 3-ю сотню, 31 августа 1914 года.

Имеет награды: «Георгиевские кресты 4-й, 3-й, 2-й и 1-й степени и Английскую медаль». «В бою 10 января 1915 года у деревни Бережки ранен».

«Наградной лист.

Подпрапорщик Исмаил Умарович Тхазеплов представляется к производству в прапорщики за то, что, участвуя в боях, всегда проявлял выдающуюся храбрость, самоотвержение и способность разбираться в боевой обстановке, например: ...в конной атаке у деревни Доброполе 10 сентября 1915 года, командуя взводом, проявил особенную храбрость, несясь впереди взвода в атаку; после того как противник был сбит и бросился убегать, он смело бросился его преследовать, выбивая из сараев и домов, причем своим взводом захватил 43 пленных.

В конной атаке 29 мая 1916 года у Лужаны проявил также не меньше храбрости, захватив своим взводом 37 пленных.

В остальных боях — в Румынии также отличался храбростью и самоотвержением, неоднократно вызывался охотником на опасные предприятия, проникая в расположение противника и добывая важные сведения о его расположении».

Приказом командующего Юго-Западным фронтом от 5 августа 1917 года подпрапорщик Кабардинского конного полка Исмаил Тхазеплов будет произведен в чин прапорщика...

* * *

Войска Юго-Западного фронта готовились к новому наступлению. Шло пополнение частей личным составом и вооружением. И в связи с этим уже 6 марта генерал-лейтенант Багратион в приказе по Кавказской конной дивизии объявил: «Пулеметную команду Осетинской пешей бригады в составе 4-х обер-офицеров, 144 нижних чинов и 85 лошадей при 12 пулеметах полагать прибывшей в состав вверенной мне дивизии». А 15 апреля в распоряжение командира дивизии прибыла и вся «Осетинская пешая бригада в составе 3-х батальонов

и 3-х пеших сотен» под временным командованием подполковника Такоева. В конце мая он «сдаст» бригаду полковнику Алексею Баеву, до этого бывшему командиром 12-го Финляндского стрелкового полка...

С середины апреля начали прибывать в полк «кадра запаса» Кавказской конной дивизии, в город Проскуров, запасные сотни, сформированные на Кавказе для пополнения ее частей.

«Запасную сотню 4-й очереди» Кабардинского полка эшелонам из Нальчика привез поручик Александр Серебряков, кавалер четырех орденов, заслуженных им в боях на Кавказском фронте. Он, как и все офицеры запасных сотен, числился по дивизионному «кадру запаса». И поэтому «по кадру запаса» 8 мая 1917 года в городе Проскурове будет отдан приказ, один из пунктов которого относился к поручику Серебрякову: «Временно командующий Кабардинской запасной сотней поручик Александр Никифорович Серебряков с 5 сего мая перешел в религию предков — мусульман, получив имя Заурбек, отчество Асланбек с прибавлением фамилии деда Даутоков-Серебряков, что и внести в послужной список названного офицера». В то время Заурбеку Даутокову-Серебрякову было тридцать два года...

* * *

Устойчивая и стабильная обстановка, сохранившаяся после Февральской революции в Кавказской конной дивизии, не поддававшейся пораженческой пропаганде и псевдореволюционной демагогии, далеко не всем была по душе. И нашлись лица, развернувшие через ряд российских газет кампанию нападок на ее офицеров и всадников. В связи с этим и выступил на страницах газеты «Кубанский курьер» живший в то время в Екатеринодаре уроженец Кабарды, юрист Пшемахо Тамашевич Коцев, в ближайшем будущем один из организаторов Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана.

Вот о чем писал в «письме в редакцию» газеты «Кубанский курьер», вышедшей 24 марта 1917 года, член временного Кубанского областного Гражданского Комитета присяжный поверенный Пшемахо Коцев: «В первые дни великой русской революции вместе с известиями о падении старого режима и о событиях на улицах Петрограда в обществе стали циркулировать слухи, а затем в некоторых газетах появились заметки о том, что будто некоторые части Кавказской туземной

кавалерийской дивизии (так называемой «Дикой») были истребованы с фронта для подавления революционного выступления и они стреляли в народ, причем будто и сами были расстреляны другими войсковыми частями, перешедшими на сторону Исполнительного Комитета Государственной Думы.

Подобные слухи, естественно, взволновали горское население, и представители последнего приняли все меры к тому, чтобы получить самые достоверные известия об участии и роли их единоплеменников — частей так называемой «Дикой Дивизии» — в событиях на улицах Петрограда.

По полученным самым точным и достоверным сведениям оказалось, что ни одна из частей Кавказской тузем. кавал. дивизии в Петрограде в революционные дни не была и ни один воин названной дивизии в революционный народ не стрелял. Вся эта дивизия с первых дней войны и по настоящее время находится на своем боевом посту на позициях Западного фронта и наравне с другими сынами Великой России защищает общую родину от внешнего врага.

Прошу другия газеты перепечатать».

А в штабе Кавказской конной дивизии, в городе Проскурове, ситуация складывалась все более тревожная. И 15 апреля распоряжением военного министра, переданным из Петрограда по телеграфу командующему Юго-Западным фронтом, генерал-лейтенант Багратион был отстранен от ее командования. 17 апреля в связи с этим он издает приказ по дивизии.

«За время с 5 марта периодически поступали ко мне сведения в виде слухов, телеграмм и газетных статей о якобы враждебном настроении командного состава вверенной мне дивизии, не исключая и лично меня, против Временного Правительства», — говорилось в приказе генерала Багратиона. Но все это, продолжал он, не соответствовало действительному положению дел, и подтверждением тому служат «распоряжения, объявленные приказом по дивизии и личные мои указания начальникам частей, а равно беседы мои с представителями от частей». «Наконец, принесенная 19 марта во главе со мною всею дивизиею присяга» на верность Временному правительству свидетельствует о поддержке всадниками и офицерами дивизии новой российской власти. Но это не успокоило «тех из немногих темных и безрассудных лиц, — с горечью сообщал Багратион, — которые пола-

гали, что к клятве перед Богом и своей совестью на 54-м году жизни и 37-м году службы мне можно относиться легкомысленно, играя своей честью старого служаки».

В заключение приказа Дмитрий Петрович Багратион, обращаясь к офицерам, военным врачам, полковым муллам и всадникам дивизии, сказал: «Расставаясь с глубокой скорбью о потерянной чести командования Вами... храбрые орлы Кавказа, неустрашимые Кабардинцы, Дагестанцы, Татары, Чеченцы, Черкесы, Абхазцы и Ингуши... прошу принять мою задушевную благодарность за честную службу, дружбу и радости. Не поминайте лихом искренне любившего Вас кунака».

Генерал-лейтенант Багратион отчислялся в резерв чинов Киевского военного округа. К командованию дивизией с 18 апреля был «допущен» командир 3-й бригады генерал-майор Александр Васильевич Гагарин. И, согласно его приказу, предписывалось «командиру Ингушского конного полка полковнику Мерчуле вступить во временное командование 3-й бригадой с совмещением обязанностей по командованию полком».

На фоне событий, связанных с жизнью дивизии и обстановкой в ее рядах после Февральской революции, весьма интересным и во многом показательным является письмо, напечатанное 9 апреля 1917 года в газете «Бессарабская жизнь», за подписью секретаря «N-ского комитета общественной безопасности» молдавского священника Петра Хохора. В приказе по дивизии от 25 апреля генерал-майор Гагарин, сообщив об этой газетной публикации, связанной со 2-м Дагестанским полком, привел и ее текст:

«Привет «Дикой дивизии»... В связи с появившимися заметками о «Дикой дивизии», считаем своим долгом сообщить, что большая часть этой дивизии и передовой перевязочный отряд долгое время простояли и находились в нашем районе. Во все время их пребывания у нас порядок царил образцовый.

Благодаря неусыпным заботам командира князя Амилахвари и коменданта корнета Акчурина, население не терпело обид и стеснений со стороны войска, которое по уходе своем оставило лучшую о себе память.

Шлем вдогонку сердечное спасибо и привет нашего населения «Дикой дивизии»...

И вновь в штабе дивизии, как об этом объявлено генералом Гагариным, был получен приказ командующего

4-й армией, на этот раз от 27 марта 1917 года, о награждении орденами офицеров, отличившихся в декабрьских боях против неприятеля на земле Румынии. В их числе были названы:

«...орденом св. Анны 2-й степени с мечами
Конных полков:
Черкесского — *подполковник Генрих Бьерквист,
корнет Сеит-Бий Крымшамхалов...*
Чеченского — *подпоручик милиции Умат-Гирей
Куриев...*
орденом св. Станислава 2-й степени с мечами
Татарского — *корнет граф Николай Бобрин-
ский...»*

* * *

1 мая далеко от украинской Подолии, в центре Терской области — городе Владикавказе, состоялось открытие первого съезда «горских племен Кавказа», на который, по сообщению газеты «Терский вестник» за 3 мая 1917 года, «приехали представители: от чеченцев, ингушей, кумыков, дагестанцев, ногайцев, туркмен, кабардинцев, балкарцев, черкесов, осетин и пр. Представителей прибыло более 300 человек».

Одним из главных инициаторов созыва «собрания горцев Кавказа» стал ротмистр Чеченского конного полка Абдул-Меджид (Тапа) Арцуевич Чермоев, которого в то время командование Юго-Западным фронтом откомандировало из Действующей армии в Терскую область. На том съезде горских народов был создан Союз горцев Северного Кавказа и Дагестана, избран его Центральный Комитет, в состав которого, наряду с другими видными политическими и общественными деятелями горских народов, вошли присяжные поверенные кабардинец Пшемахо Тамашевич Коцев и балкарец Басият Абаевич Шаханов.

Председателем ЦК Союза горцев избирается Абдул-Меджид (Тапа) Чермоев.

Гайдар Баммат, сподвижник Чермоева по ЦК Союза горцев, в своей статье «Абдул-Меджид Чермоев», напечатанной в 1937 году в эмигрантском парижском журнале «Кавказ», так напишет об этом периоде в жизни своего друга и соратника: «Как только началась революция и над необъятной империей пронеслось дуновение духа свободы, и в сердцах подъяремных народов России

забилась надежда на возможное освобождение, — Тапа оказался в первом ряду патриотов, поставивших своей задачей политическое объединение и эмансипацию народов Северного Кавказа.

Состоявшийся 1 мая 1917 года съезд объединенных горцев Кавказа почти всецело обязан своим созывом Тапе. Он не только был одним из его инициаторов и членом Комитета по организации, но и взял на себя все расходы как по устройству съезда, так и по содержанию выделенного им Исполнительного органа — Центрального Комитета Союза Объединенных Горцев».

И вот тогда, 3 мая, на первом съезде горцев Северного Кавказа и Дагестана, по предложению Абдул-Меджида Чермоева, «председатель съезда» Басият Абаевич Шаханов направляет телеграмму, одобренную всеми делегатами, в Проскуров командиру Кавказской конной дивизии: «Представители всех горских племен Северного Кавказа и Дагестана, собравшиеся во Владикавказе на свой первый съезд для организации постоянного Союза объединенных горцев, написав на своем красном знамени борьбу всеми силами против реакции и за торжество федеративной демократической республики, шлют свой сердечный привет своим родным полкам Кавказской мусульманской конной дивизии, мужественно, как истинные сыны гордого любовью к свободе Кавказа, отстаивающим грудью неприкосновенность, честь, свободу отныне дорогого нам всем Отечества — России».

Эта телеграмма, полученная генерал-майором Гагариным из Владикавказ, по его приказу зачитывалась во всех полках дивизии.

* * *

И вновь обратимся к приказам по дивизии...

4 мая. «Приказом Русским войскам Румынского фронта от 14 апреля 1917 года Черкесского конного полка подпоручик милиции Аслан-Мурза Егибоков за отличия в делах против неприятеля награжден орденом св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом».

6 мая. «Приказом Русским войскам Румынского фронта от 5 апреля 1917 года Ингушского конного полка поручик Дунда Добриев награжден орденом св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом», а приказом Армии и Флоту 4 апреля 1917 года он произведен в штабс-ротмистры.

11 мая. «Приказом Русским войскам Румынского

фронта от 30 апреля с. г. за № 426 Чеченского конного полка юнкер милиции Муцур Иноркаев за оказанные им в делах против неприятеля отличия произведен в прапорщики милиции».

Муцур Иноркаев с 1914 года служил в Чеченском полку. Награжден тремя Георгиевскими крестами.

11 мая. Приданного Кавказской конной дивизии «командир 752-го транспорта полковник Супруненко, вернувшийся из командировки,— объявлял в приказе по дивизии генерал-майор Гагарин,— донес, что во время шестидневного железнодорожного путешествия в Полтаву и обратно всюду в вагонах 1-го класса толпились солдаты, сидевшие в расстегнутой одежде, курившие и не обращавшие никакого внимания на офицеров. Только один солдат попросил у полковника Супруненко разрешения закурить, и это оказался приказный Чеченского конного полка Умар-Хаджи Даймасханов.

Считаю отрядным для всей дивизии явлением, что среди всеобщей распущенности наши кавказские всадники не поддались вредному искушению и, как природные воины, поняли, что без чинопочитания и уважения к старшим не может существовать армия.

От лица службы благодарю приказного Даймасханова...».

12 мая. «§ 1. Сего числа начальник штаба дивизии генерал-майор Половцев отбыл в распоряжение Военного министра. Во временное исполнение обязанности начальника штаба вступить ротмистру Кабардинского конного полка (Дохчико) Кубатиеву».

«§ 6. Приказом Армии и Флоту 1 апреля с. г. 2-го Дагестанского конного полка подполковник Хаджи Мурат на основании приказа по Военному ведомству... произведен в полковники».

«§ 23. Прибывший 5 сего мая в Чеченский конный полк прапорщик 223-го пехотного запасного полка Чермоев временно прикомандировывается, впредь до перевода, к Чеченскому конному полку».

Юсуп Чермоев, родственник Абдул-Меджида Чермоева, с 1914 года служил в Чеченском полку. За отвагу в боях награжден медалями «За храбрость» 2-й, 3-й, 4-й степени. В чине урядника направлен на учебу в школу прапорщиков. По завершении «курса обучения» попал в 223-й запасной пехотный полк, а оттуда переведен в Чеченский конный полк.

13 мая. «Приказом Армии и Флоту 7 сего мая командир Чеченского конного полка полковник принц

Фазула-Мирза Каджар за боевые отличия произведен в генерал-майоры».

18 мая. Через месяц после своего отстранения от командования в дивизию вновь вернулся генерал-лейтенант Дмитрий Петрович Багратион, с которого сняты все несправедливые обвинения в приверженности к «старому режиму» и нелояльности к Временному правительству. В связи с этим он предписал генералу Гагарину вновь вступить в командование 3-й бригадой, а полковнику Мерчуле — Ингушским полком.

* * *

В майские дни произойдут значительные изменения в командном составе бригад и полков дивизии.

Еще 7 мая, в связи с отъездом в «кратковременный» отпуск командира 2-го Дагестанского полка полковника Гиви Амилахвари, в командование Дагестанцами вступил полковник Джамалутдин Мусалаев. Полмесяца спустя, 21 мая, когда командующий 1-й бригадой генерал-майор Михаил Андреевич Кобиев, «на основании свидетельства врачей, отбыл на группы Пятигорья» для лечения, комдив Багратион в приказе от 27 мая укажет: «Во временное командование бригадой вступить временно командующему 2-м Дагестанским конным полком полковнику Мусалаеву, с исполнением обязанностей по командованию полком».

14 мая приказом Временного правительства Армии и Флоту объявлялось о новом назначении командиров двух полков Кавказской конной дивизии:

«Кабардинского — полковник Старосельский назначен командиром гвардейского Конного полка.

Татарского — полковник князь Векович-Черкасский назначен командиром гвардии 1-го Кирасирского полка».

До Февральской революции эти части, являвшиеся элитными в российской армии, именовались — лейб-гвардии Конный полк и лейб-гвардии Его Величества Кирасирский полк. Их командиров назначал лично царь...

С 24 марта 1916 года командовал Кабардинским полком полковник Всеволод Дмитриевич Старосельский. И теперь, в семнадцатом, он уходил на новое место службы. 23 мая в местечке Копайгород, где стоял Кабардинский полк, полковник Старосельский обратился к всадникам и офицерам со своим последним приказом:

«...14 месяцев войны я имел счастье стоять во главе Вас. Много тяжелых дней и положений пережили мы

вместе, много голода, холода и горя видели мы, но и счастье улыбалось славному Кабардинскому полку за это время. Я душою сроднился с Вами.

Расставаясь с Вами, я могу лишь горячо поблагодарить Вас за добрые чувства, которые Вы мне не раз доказывали, и особенно за ту чересчур лестную оценку моей личности, которую огласили свободные представители полка от Вашего имени. Это отношение я считаю высочайшей наградой за мои посильные труды и заботы, посвященные Вам.

Желаю, чтобы Кабардинский полк возвратился домой стройный и мощный своим единением, с сознанием честно выполненного долга перед Богом, совестью и Родиной. Чтобы было ясно всем, что дело, взятое Вами на себя, доведено до конца.

Опасайтесь розни в Вашей среде, которая только ослабит Вас. Да благословит Вас Бог на дальнейший бранный путь, и да покроется славой наш родной полк...»

21 июня генерал-лейтенант Багратион издаст приказ № 150 по Кавказской конной дивизии, специально посвященный полковникам Старосельскому и Бековичу-Черкасскому — отважным офицерам, боевые дела которых составляют славу и гордость легендарной «дивизии кавказских орлов».

«Служба полковника Старосельского в боях — сплошной путь побед непосредственно подчиненных ему частей, — сказано в приказе, — геройские дела в Карпатах в 1914 и 1915 годах в рядах Татар справедливо приковали сердца всадников и офицеров к личности Всеволода Дмитриевича; победный бой Татар 15 февраля 1915 года в один голос всеми участниками признан делом его рук; лихая конная атака Кабардинцев 29 мая 1916 года у Лужан, когда взято было одних пленных 1300 австрийцев, — блестящая страница истории Кабардинского конного полка в период командования им полковником Старосельским.

Обе эти победы должны были украсить грудь этого храбреца Георгиевскими крестами, к которым он представлен, но, к сожалению, еще не получил...

Кабардинский полк за время командования полковником Старосельским всегда был в блестящем состоянии... дисциплина же и высокорыцарские устои в этом доблестном полку всегда твердо держатся...

От лица службы сердечно благодарю полковника Старосельского за командование Кабардинским полком».

По случаю назначения полковника князя Бековича-

Черкасского «на должность командира гвардии 1-го Кирасирского полка» командующий дивизией утвердил, как это требовалось, специальную комиссию. «...Председателем комиссии по сдаче и приему Татарского полка назначен полковник Черкесского конного полка Султан Келеч-Гирей и членом — Татарского конного полка штабс-ротмистр Хан Нахичеванский».

И уже позже, в другом приказе, генерал-лейтенант Багратион укажет: «Председатель комиссии по приему Татарского конного полка полковник Султан Келеч-Гирей рапортом от 28 мая за № 36 донес, что конский состав этого полка, несмотря на отрицательные стороны 3-х летней походной жизни, производит весьма отличное впечатление. От лица службы приношу искреннюю благодарность бывшему командиру полка полковнику князю Бековичу-Черкасскому, сотенным командирам и всадникам за любовь к лошадям».

Полковник Федор Николаевич Бекович-Черкасский покидал Татарский полк, уже имея свое кабардинское имя и отчество. Незадолго до нового назначения он принял религию своих предков — ислам и стал теперь официально именоваться князем Темботом Жанхотовичем Бековичем-Черкасским.

И вот пункт второй приказа № 150, отданного по Кавказской конной дивизии генералом Багратионом:

«Командир Татарского конного полка полковник князь Бекович-Черкасский приказом Армии и Флота 14 мая сего года назначен командиром 1-го гвардейского Кирасирского полка и сдал Татарский полк, которым он командовал с 25 февраля 1916 года, а с основания дивизии служил в рядах родных ему Кабардинцев.

При его непосредственном участии как помощника командира полка по строевой части сформирован Кабардинский полк, в который он вложил свою благородную душу и боевой опыт Маньчжурской кампании. Во всех отраслях службы и в частной жизни князь Бекович-Черкасский пользуется высоким авторитетом.

Конные атаки дивизиона Кабардинцев 10 сентября 1915 года (у деревни Доброполе) и взятие деревни Тышковцы конной атакой Татар 31 мая 1916 года под его командованием отмечены: первая орденом св. Георгия 4-й степени, а за вторую — представлен к Георгию 3-й степени.

Этого достаточно, чтобы отметить заслуги полковника князя Бековича-Черкасского, блестящего сына Кав-

казских боевых орлов общей нашей Родины — России и дивизии кавказцев.

От лица службы сердечно благодарю полковника князя Бековича-Черкасского за отличное командование полком».

11 июня новым командиром Кабардинского конного полка будет назначен полковник Владимир Давидович Абелов, родившийся 20 января 1876 года, «потомственный дворянин Тифлисской губернии». В 1895-м он окончил Николаевское кавалерийское училище. До войны служба Абелова проходила в Петербурге, в знаменитой Офицерской кавалерийской школе, где он являлся «помощником заведующего курсом обучения офицеров». С сентября 1914 года Владимир Давидович был зачислен в Ингушский конный полк на должность старшего офицера, затем станет помощником полкового командира. К маю 1917 года за боевые отличия Абелов получил в награду четыре ордена, среди которых св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом, и чин полковника.

Офицер Анатолий Марков в воспоминаниях «В Ингушском конном полку» скажет и о Владимире Давидовиче Абелове, с которым впервые встретился в 1915 году, будучи зачисленным в Ингушский полк: «...подполковник Абелов, высокий, стройный грузин с резкими чертами лица и густыми бровями... Это был тип прекрасного, выдержанного кавалерийского офицера, причем он, как и большинство грузин, выделялся своей прирожденной вежливостью и тактом».

Командиром Татарского полка был назначен полковник князь Леван Лаурсабович Магалов, «из дворян города Тифлиса», окончивший военный класс в Пажеском корпусе, участвовавший «в походах против китайцев в 1900 г. и в кампании против японцев в 1904—1905 гг.» и тогда награжденный четырьмя орденами. За боевые отличия на Румынском фронте полковник Магалов заслужил орден св. Владимира 3-й степени с мечами.

В мае 1917 года произошла и смена командира Ингушского конного полка. 22 мая полковник Георгий Алексеевич Мерчуле направил рапорт командующему дивизией о том, что он «того же числа заболел», и вскоре, согласно заключению врачебной комиссии, отбыл на лечение.

Во главе Ингушского полка с 25 мая стал полковник Асланбек Байтиевич Котиев, «сын ингушского почетного старшины Байти Парагуловича Котиева, села Кантышевского». Согласно документам о службе, он родился

2 апреля 1867 года, происходил «из узденей Терской области». Общее образование получил «в доме родителей», военное — в Елизаветградском кавалерийском училище, которое окончил в 1895-м в чине корнета. Почти вся служба Котиева в довоенное время, да в значительной степени и в военное, прошла в 1-м Дагестанском конном полку. В его рядах в 1908 году он в чине ротмистра уже командовал 3-й полковой сотней.

За отличия по службе Асланбек Байтиевич Котиев имел награды «мирного времени» — ордена св. Анны 3-й степени, св. Станислава 2-й степени и св. Станислава 3-й степени.

Из списка офицеров Дагестанского полка на 1912 год следует, что Котиев был женат и «имел 4-х сыновей: 16, 12, 10 и 5 лет».

С августа 1914-го в составе 1-го Дагестанского конного полка подполковник Асланбек Котиев участвовал в боях на Юго-Западном фронте. Сражался отважно. И уже в январе 1915 года получил в награду ордена св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом и св. Анны 2-й степени с мечами. В декабре производится в чин полковника. Потом Высочайшим приказом 9 мая 1916 года «Дагестанского конного полка полковнику Котиеву» будет пожалован орден св. Владимира 3-й степени с мечами.

На май 1917 года полковник Асланбек Байтиевич Котиев состоял командиром стрелкового дивизиона 3-й Кавказской казачьей дивизии. С этой должности он и был назначен временно командующим Ингушским полком, который принял 25 мая, а 7 июня, на основании телеграммы из штаба Юго-Западного фронта, «полковник Котиев Главкомандующим армиями допущен к командованию Ингушским конным полком на законном основании».

В той же телеграмме из штаба фронта указывалось, что полковник Мерчуле, по возвращении в дивизию после выздоровления, должен будет состоять в распоряжении ее командующего — генерал-лейтенанта Багратиона.

Последуют в те дни и другие изменения в командном составе дивизии. 22 мая начальник дивизионного штаба генерал-майор Петр Александрович Половцев назначается «Главкомандующим войсками Петроградского военного округа». Во временное исполнение должности начальника штаба вступил ротмистр Кабардинского конного полка Дохчику Кубатиев. Он нес эту службу до 21 июня, потом передал дела новому начальнику штаба Кавказ-

ской конной дивизии полковнику Владимиру Гатовскому. Комдив генерал Багратион объявит ротмистру Дохчику Кубатиеву «сердечную благодарность» за «выдающееся знание и ревностное исполнение» обязанности «начальника штаба дивизии».

«Приказом Армии и Флоту 30 мая сего года,— объявлял по дивизии Багратион,— командир 2-й бригады вверенной мне дивизии генерал-майор Дробязгин переведен в резерв чинов Киевского военного округа. Вместо него назначен командир Чеченского полка генерал-майор принц Фазула-Мирза Каджар, а командиром названного полка назначен 1-го Дагестанского конного полка полковник Мусалаев».

Так полковник Джамалутдин Мусалаев вновь вернулся в Чеченский конный полк, став на этот раз «на законном основании» его командиром. Впервые он временно, менее месяца, с 10 декабря 1916 года командовал Чеченцами, вступив в эту должность после ранения в Румынии полковника Каджара.

Согласно послужному списку, Джамалутдин Мусалаев родился 10 февраля 1880 года в Темир-Хан-Шурином округе, Дагестанской области, «из дворян». Общее образование получил в Темир-Хан-Шурином реальном училище, военное — в Московском пехотном училище «по 1-му разряду». Служба его проходила в Дагестанском конном полку в городе Темир-Хан-Шуре.

В составе сформированного во время русско-японской войны 2-го Дагестанского конного полка поручик Джамалутдин Мусалаев участвовал в боевых действиях в Маньчжурии «с 11 июля 1904 г. по 14 августа 1905 г.». «Контужен в ногу осколком шрапнели — 14 января 1905 г.». За храбрость в боях с японцами, как свидетельствует послужной список, составленный 28 января 1913 года, он был награжден шестью орденами:

«Имеет ордена:

«Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом — 20 ноября 1904 г.

Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» — 9 января 1905 г.

Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом — 1 апреля 1905 г.

Св. Станислава 2-й ст. с мечами — 27 апреля 1905 г.

Св. Анны 2-й ст. с мечами — 27 апреля 1905 г.

Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом — 8 апреля 1906 г.».

После Японской войны Джамалутдин Мусалаев вновь

продолжил службу в Дагестанском конном полку. На 1913 год в чине ротмистра он командовал одной из полковых сотен.

Из послужного списка известно и то, что Джамалутдин Мусалаев был женат на чеченке — «дочери жителя г. Грозного Геха Мациева — Зейнаб Геха Мациевой». Имел «сына Зияутдина, родившегося 21 июня 1911 года».

С начала Первой мировой войны в рядах Дагестанского конного полка (переименованного в 1-й Дагестанский) Джамалутдин Мусалаев принимал участие в боях на Львовском направлении Юго-Западного фронта. За проявленное мужество произведен в чин подполковника и удостоен Высочайшего благоволения. Служа с 26 апреля 1915 года, будучи «прикомандированным», во 2-м Дагестанском полку, он также неоднократно отличался в боевых действиях и удостоен наград — Высочайшим приказом от 1 апреля 1916 года «Дагестанского конного полка подполковник Мусалаев произведен в полковники», а 21 августа ему был пожалован орден св. Владимира 3-й степени с мечами.

* * *

И вновь обратимся к приказам генерал-лейтенанта Багратиона по дивизии за 1917 год...

28 мая. «Приказом Русским войскам Румынского фронта от 14 мая сего года за № 472 Чеченского конного полка поручик князь Магомет Бекович-Черкасский за отличия в делах против неприятеля награжден орденом св. Равноапостольного князя Владимира 4-й степени с мечами и бантом, для нехристиан установленным».

8 июня. «Дагестанского конного полка поручик Мальсагов временно прикомандировывается, впредь до перевода, к Ингушскому конному полку».

Пройдет полтора месяца, и в приказе Армии и Флота от 23 июля будет объявлено: «1-го Дагестанского конного полка поручик Мальсагов переведен в Ингушский конный полк».

В данных приказах речь идет о двадцатидвухлетнем поручике Созерко Артагановиче Мальсагове. С августа 1914 года в составе 29-го Сибирского стрелкового полка он участвовал в войне, за боевые заслуги награжден орденом св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом. «Был ранен в бою с германцами». В декабре того же года переведен на службу в Ингушский конный полк, вначале в запасную сотню, а весной пятнадцатого в его

основной состав в Действующей армии. В боях заслужил ордена св. Анны 3-й степени с мечами и бантом и 4-й степени с надписью «За храбрость». Затем 10 февраля 1916 года Высочайшим приказом переведен из Ингушского полка на службу в 1-й Дагестанский полк, входивший в 3-ю Кавказскую казачью дивизию.

Офицер Созерко Мальсагов и в рядах 1-го Дагестанского конного полка был отмечен боевыми орденами. Об этом, в частности, свидетельствует приказ по войскам 8-й армии от 27 октября 1916 года, согласно которому «за отличия в делах против неприятеля» в период Брусиловского наступления «1-го Дагестанского конного полка поручик Сосырко Мальсагов» награжден «орденом св. Станислава 2-й степени с мечами, для нехристиан установленным».

Разыскать сведения о других наградах Мальсагова за время его службы в Дагестанском полку, к сожалению, не удалось. По данным Российского государственного военно-исторического архива, «фонда 1-го Дагестанского конного полка в архиве нет, а документы 3-й Кавказской казачьей дивизии, куда входил указанный полк, сохранились только до 1915 года».

О Созерко Мальсагове в период его службы в 1-м Дагестанском полку известны и данные, связанные с производством в чин поручика, а затем — штабс-ротмистра.

Высочайшим приказом от 21 апреля 1916 года «за отличия в делах против неприятеля» производился «из корнетов в поручики 1-го Дагестанского конного полка Мальсагов, со старшинством с 17 декабря 1915 года». Это значит, что свой подвиг Созерко Артаганович совершил именно в тот декабрьский день, когда еще служил в Ингушском полку.

Из архивного «Списка по старшинству генералов, штаб- и обер-офицеров конных полков» российской армии видно, что на осень 1917 года Мальсагов уже состоял в чине штабс-ротмистра — «штабс-ротмистр Ингушского конного полка Мальсагов Сосырко, имеет старшинство в чине с 14 февраля 1917 г.».

* * *

В приказе по дивизии от 8 июня № 136 объявлено: «Команда всадников Черкесского конного полка, оставленная в сел. Хреновка, Могилевского уезда, Подольской губернии, для поимки разбойников и охраны жителей, с полным сознанием своего долга по исполнению возложенного на всадников поручения, неоднократно отра-

жала нападения шайки разбойников, и всякий раз предупреждались насилья, чинимые там грабителями.

За воспитание таких молодцов-всадников объявляю сердечную благодарность командиру Черкесского конного полка полковнику князю Чавчавадзе и всему Черкесскому полку».

* * *

Приказом командующего Юго-Западным фронтом от 13 июня 1917 года «нижепоименованные нижние чины, за оказанные ими в делах против неприятеля отличия, произведены в прапорщики милиции:

Ингушского конного полка — *подпрапорщики Абдул-Азис Холухоев, Мурат Мальсагов и Хаджи-Бекир Мальсагов.*

Чеченского конного полка — *подпрапорщик Изнаур Дубаев и юнкер милиции Абдул-Муслим Мударов.*

Черкесского конного полка — *юнкер милиции Пшимаф Ажигоев.*

Кабардинского конного полка — *юнкер милиции Пшемахо Абуков».*

Все названные в приказе юнкера и подпрапорщики были награждены Георгиевскими крестами и медалями «За храбрость». Двое из них — Мурат Мальсагов и Изнаур Дубаев — являлись полными Георгиевскими кавалерами, а юнкер Пшимаф Ажигоев имел три Георгиевских креста.

* * *

Весной 1917 года положение в стране ухудшалось буквально с каждым днем. Все более усиливавшаяся анархия, рост преступности, неповиновение властям самым непосредственным образом отражались на армии, все более подвергавшейся под воздействием пораженческой пропаганды разложению. В результате этого из повиновения командиров выходили многие полки, дивизии и даже корпуса. И все более усиливалось в армии дезертирство.

Генерал от кавалерии Алексей Алексеевич Брусилов, ставший с 22 мая 1917 года Верховным Главнокомандующим российской армией, вспоминая о том времени, писал в книге «Мои воспоминания»: «К маю войска всех фронтов совершенно вышли из повиновения, и ни-

каких мер воздействия предпринимать было невозможно. Да и назначенных комиссаров слушались лишь постольку, поскольку они потворствовали солдатам, а когда они шли им наперекор, солдаты отказывались исполнять их распоряжения. Например, 7-й Сибирский корпус, отодвинутый с позиций в тыл на отдых, наотрез отказался по окончании отдыха вернуться на фронт... Таких случаев на фронтах было много».

Но и в той сложной для России обстановке, в обществе, как и в рядах армии, были люди и силы, считавшие своим священным долгом защитить Отечество от противника, оставшиеся верными воинскому долгу. Ярким примером этого могут служить всадники и офицеры Кавказской конной дивизии, сохранявшие в своих рядах высокую дисциплину, выдержку и способность противостоять пораженческим настроениям.

В конце мая в газетах России, да и Северного Кавказа, в листовках, распространяемых на позициях Юго-Западного фронта, было напечатано «Воззвание Кавказской туземной конной дивизии». 31 мая его опубликовала и газета «Терский вестник»:

«Кавказская туземная конная дивизия обратилась к солдатам и офицерам с воззванием, в котором говорится:

«Наш долг теперь же дать немцу почувствовать наши народные силы, чтобы он видел, что мы не допустим разгрома наших союзников французов и англичан, за которым неизбежен разгром нас.

Наши братья по оружию, наши боевые товарищи! Кавказская туземная конная дивизия шлет вам свой клич: сплотимся нерушимой стеной в одну могучую силу, установим у себя порядок и справедливую дисциплину и будем готовы во всякую минуту по зову наших начальников идти в наступление на врага, попирающего нашу свободу».

Пройдет неделя, и в полках дивизии будут зачитывать текст телеграммы, полученной из Владикавказа, за подписью председателя ЦК Союза горцев Абдул-Меджида (Тапы) Чермоева:

«Центральный комитет Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана горд сознанием, что наша славная дивизия, состоящая из свободных сынов Кавказа, обратилась с воззванием, приглашающим своих боевых товарищей — солдат Западного фронта — к наступлению, — благословляет Вас, гордых и смелых орлов, на это смелое и красивое ратное дело... Мы, Ваши братья, заявляем

Вам, что родина всегда готова Вас поддержать всей боевой мощью горских народов.

Смело вперед и не дайте погибнуть той свободе, которая дорогой ценой гражданам России дана, а нам возвращена Русской революцией».

Тогда же ЦК Союза горцев направил телеграмму военному и морскому министру Александру Федоровичу Керенскому:

«Центральный Комитет Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана горд сознанием, что на Ваш мужественный призыв наступлением защитить свободу одними из первых откликнулись и пошли вперед наши братья — сыны свободы, воины Кавказской туземной конной дивизии, едва залечившие раны от тяжелых потерь, понесенных на Румынском фронте. Центральный Комитет выражает уверенность, что и впредь в деле защиты свободы Вы встретите твердый оплот в лице горских народов Кавказа.

Председатель Комитета ротмистр Чеченского полка
Тапа Чермоев».

До начала нового наступления войск Юго-Западного фронта оставались считанные дни. Кавказская конная дивизия, вошедшая в состав 8-й армии под командованием генерал-лейтенанта Лавра Георгиевича Корнилова, спешно перебрасывалась воинскими эшелонами из района Проскурова в Галицию, в район города Станиславова. 11 июня кавказские полки высадились на станции Заблотов, на левом берегу Прута, юго-восточнее города Коломыя. Отсюда дивизии предстояло своим ходом выйти к Станиславову, до которого оставалось 90 километров пути.

Здесь, на станции Заблотов, 12 июня и состоялся смотр Кавказской конной дивизии командующим 8-й армией генералом Корниловым, известным в войсках своей храбростью и решительностью.

Перед нами два свидетельства о том памятном в истории дивизии событии. Одно из них — статья «Смотр Кавказской туземной (дикой) дивизии», опубликованная 11 июля 1917 года газетой «Терский вестник», другое — публикация «Корнилов и горцы» в журнале «Донская волна», вышедшем в конце 1917 года в Ростове-на-Дону. На их основе и дается картина того смотра...

«Косыми послеполуденными лучами жаркое июньское солнце освещает огромную площадь, отделяющую

железнодорожную станцию Заблутув (Галиция) от самого города...»

В те «послеполуденные» часы 12 июня бывший до этого безлюдным пустырь ожил и огласился говором на многих «горских наречиях». И расцвел яркими нарядами горцев — «здесь собралась Туземная Кавказская дивизия», чтобы «показаться» командующему армией — «легендарному генералу Корнилову».

Но не могут горцы спокойно стоять и ждать. И вот появились полковые зурначи, и начались танцы — «причем в каждом из полков свой мотив и своя лезгинка. Танцуют, подоткнув полы черкесок, поблескивая глазами и холодной сталью обнаженных кинжалов, и всадники и офицеры».

Но вот прискакавший дозорный сообщил командиру дивизии Багратиону, что генерал Корнилов с офицерами своего штаба на лошадях приближается к пустырю. По сигналу комдива командиры полков командуют своим сотням: «По коням! Смирно!»

Дивизия выстроилась на пустыре около железнодорожной станции «четыреугольником»: с трех сторон — Чеченский, Ингушский, Кабардинский, 2-й Дагестанский, Черкесский и Татарский полки. С четвертой стороны стали входившие в состав дивизии артиллеристы 8-го Донского казачьего дивизиона и пулеметчики отряда Балтийского флота. «Выстроенные части представляли из себя красивую картину; особенно выделялись Чеченцы и Ингуши с желтыми и синими башлыками, а также и 4-я сотня Черкесского конного полка, состоящая из абхазцев и бывшая в своих национальных головных уборах (головы обвязаны белыми башлыками)».

При приближении генерала Корнилова к выстроившейся для встречи с ним дивизии трубачи всех полков играют встречный марш. Ровно в четыре часа пополудни командарм на коне «въехал в четыреугольник» и стал объезжать выстроившиеся части, «здоровается с ними и заговаривает с двумя-тремя всадниками каждого полка». Затем, остановившись посредине дивизионного «четыреугольника», Лавр Георгиевич Корнилов произнес «следующую речь»:

«Орлы Кавказа! Я не ожидал, но я счастлив видеть вас в таком изумительном порядке. В вас сохранился еще тот дух, который начинают терять наши войска.

Когда вернетесь к себе на Кавказ, передайте от меня поклон и большое спасибо вашим отцам, что сумели воспитать и вдохнуть в вас ту внутреннюю дисциплину,

что предохраняет вас от развала. Сейчас я зову вас на ратный подвиг и убежден, что славная история вашей дивизии обогатится еще многими страницами. Еще раз спасибо вам, славные горцы, за службу!»

Площадь оглашается ответными одобрительными и приветственными криками нескольких тысяч человек на многих языках народов Кавказа и русском, затем раздается мощное «ура!». При этом шесть полковых «хоров» заиграли революционную «Марсельезу».

И вот началось прохождение частей Кавказской конной дивизии церемониальным маршем перед командующим армией генералом Корниловым. «Стройно, полк за полком, под звуки музыки прошли кавказцы, за ними загрохотали пушки, а за этими последними прошли пулеметчики...»

«Первыми проходили Кабардинцы в черных черкесах с синими башлыками и синими же верхами черных папах, на сухих, выносливых кабардинских конях, стремя в стремя, голова в голову, за ними — Дагестанцы в красных чангирах, с красными башлыками и верхами папах.

Генерал Корнилов пропускает их мимо себя разными аллюрами, и лицо его горит восторгом при виде порядка и стройности движений, свойственной регулярной коннице.

Затем проходит вторая бригада: желтые Чеченцы и красные Татары, и наконец третья — красные Черкесы и синие Ингуши...»

Смотр закончился традиционной «кавказской лезгинкой под звуки зурны», после чего генерал Корнилов покинул дивизию.

О том памятном для всех всадников и офицеров смотре вспоминает и бывший корнет Кабардинского полка Алексей Алексеевич Арсеньев: «Высшей оценкой царившего в Дивизии духа являются слова самого генерала Корнилова, произведшего нам смотр перед общим наступлением в г. Заблотове 12. VI. 1917 года и сказавшего нашему начдиву генералу князю Багратиону: «Я наконец дышал военным воздухом!»

ЧЕРЕЗ ВОЕННЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ БУРИ

Боевые действия на Юго-Западном фронте начались утром 18 июня. С рубежей на реке Стрыпи, юго-западнее Тернополя, в направлении Львова развернули наступление корпуса 7-й и 11-й армий, но уже вскоре германские и австро-венгерские войска остановили их продвижение и заставили перейти к обороне.

23 июня начали активные боевые действия части 8-й армии генерала Корнилова. В тот день южнее Станиславова перешел в наступление 16-й армейский корпус. А 25 июня на направлении главного удара 8-й армии — от Станиславова к городам Калушу и Долине — устремился 12-й армейский корпус генерал-лейтенанта Владимира Андреевича Черемисова, в составе которого сражалась и Кавказская конная дивизия.

Главная тяжесть боев в последнем наступлении российской армии выпадет на долю 8-й армии, оказавшейся в той ситуации разложения и нестабильности самой крепкой и боеспособной из войск Юго-Западного фронта. В двухдневных ожесточенных боях дивизии генерала Корнилова прорвали оборону неприятеля и продвинулись вперед.

«В Долинском направлении 25 июня около полудня после артиллерийской подготовки войска генерала Корнилова атаковали укрепленные позиции противника западнее Станиславова на фронте Ямницы — Загвоздь, — говорилось в сообщении из Ставки. — Прорвав передовую главную позицию противника, наши войска, двигаясь с боем, овладели местечком Юзеполь и деревнями Циенжув, Павельче и Рыбно и ст. Лысец. Брошенная в преследование отступающего противника конница достигла реки Луквы.

Трофеи дня — 131 офицер, 7000 солдат, 48 орудий, из них 12 тяжелых, и много пулеметов».

В успехе наступления «войск генерала Корнилова» был значительный вклад и Кавказской конной дивизии, в сообщении из Ставки названной «конницей».

В течение дня 26 июня, говорилось в очередном сообщении из Ставки, войска армии генерала Корнилова продолжали наступление в Галиции, к западу от города Станиславова. «Австро-германцы оказывали энергичное

сопротивление, переходя в ожесточенные контратаки... Противник отходит к реке Ломнице.

...Поведение и дух в войсках выше всякой похвалы, офицеры везде впереди.

Таким образом, в результате двухдневного наступления западнее Станиславова нами прорваны позиции противника на протяжении 20 верст по фронту и 10 верст в глубину».

Документы донесли до нас свидетельства о боевых делах кавказских полков и подвигах всадников и офицеров в тот день — 26 июня.

Кабардинский конный полк, как сообщал перед наступлением в штаб дивизии полковой командир Владимир Давидович Абелов, имел в своем составе: «офицеров 27, шашек (всадников) 470, сотен 4».

В рядах 1-й сотни служил двадцатидвухлетний юнкер Измаил Абезыванов, происходивший «из кабардинских узденей селения Коново». В 1915-м он получил в награду Георгиевский крест 4-й степени, позже произведен в юнкера.

«Юнкер Измаил Абезыванов 26 июня 1917 года был послан с разездом в 12 рядовых в направлении Павельче — Рыбно — Калуш, — напишет в наградном листе полковник Абелов, представляя его к чину прапорщика. — У высоты 362, что около Рыбно, он нагнал прикрывавшую отступление противника часть, встретившую его пулеметным и ружейным огнем. Юнкер Абезыванов, желая продолжить преследование и пройти в расположении главных сил противника, спешил взвод, вступил в бой, заставил эту часть отойти.

Этим достиг возможности неотступно преследовать противника и давать точные важные сведения о нем в указанном для разъезда направлении...»

В период июньского наступления право награждения Георгиевскими медалями «За храбрость» было дано командирам дивизий. И поэтому генерал Багратион, не ожидая довольно долгого прохождения наградных представлений по Георгиевским крестам, своей властью награждает героев боев медалями.

В направлении города Калуша 26 июня наступал и 2-й Дагестанский полк, ведя бой за деревню Майдан, о чем сказано в приказе о награждении медалями «За храбрость» 4-й степени всадников Дагестанцев:

«Всадник Молла Гусейн Исак. В бою 26 июня 1917 г. у дер. Майдан доставлял патроны в цепь под

сильным артиллерийским и ружейным огнем, чем способствовал успеху».

«Всадник Магома Раджаб. 26 июня 1917 г. у дер. Майдан примером отличной храбрости ободрял своих товарищей и увлекал их за собой при взятии деревни».

26 июня станет памятным днем для Черкесского полка тем, что трое офицеров 2-й сотни—Байзет Султан-Гирей, Пшимаф Ажигоев и Магомет-Рауф Агиров, проявившие в тот день мужество в бою под Калушем, заслужат Георгиевское оружие. Приказ об их награждении будет объявлен командующим 8-й армией 2 сентября 1917 года.

Черкесского конного полка прапорщик Байзет Султан-Гирей, состоявший по армейской кавалерии, награждался Георгиевским оружием «за то, что в бою 26 июня 1917 г. у ст. Циенжув, командуя левофланговым взводом 2-й сотни, в атаке на передовые цепи врага, посланный со взводом в 17 человек вперед для обозначения левого фланга сотни, по собственной инициативе, пока неприятель не открыл наши намерения, бросился на него, прорвал цепь противника и вышел ему в тыл, где развил успех и освободил полуроту 7-й роты 76-го пехотного Кубанского полка и своими действиями способствовал блестящему завершению атаки сотни. Во время этого дела понес потери: 2 убитых и 7 раненых».

Прапорщик Пшимаф Ажигоев награжден Георгиевским оружием «за то, что в бою 26 июня 1917 г. у ст. Циенжув, командуя взводом 2-й сотни, он, совместно с сотней, под ураганным ружейным огнем в конном строю в лесу атаковал противника, чем сотня выручила из критического положения части 19-й пехотной дивизии и способствовала переносу боя в нашу пользу. Будучи послан с разведчиками установить связь сотни с соседней пехотой, под ураганным огнем выполнил данную ему задачу и заполнил образовавшийся прорыв, потеряв при этом 1 всадника убитым и 4 всадников и 5 лошадей ранеными».

Прикомандированный к Черкесскому конному полку прапорщик Магомет-Рауф Агиров награжден Георгиевским оружием «за то, что в бою 26 июня 1917 г. у ст. Циенжув, будучи послан командиром сотни в разведку со взводом в 15 человек, под действительным артиллерийским, пулеметным и ружейным огнем противника вошел с ним в непосредственное соприкосновение, произвел рекогносцировку местности, установил силы врага и его намерения, потеряв 1 убитым и 3 раненых,

и обо всем этом, вернувшись, доложил командиру сотни, чем содействовал общему успеху сотни атаковать противника в лесу, выйти в тыл ему и тем самым выручить 19-ю пехотную дивизию из критического положения».

В тот же день, 26 июня, в приказе по Кавказской конной дивизии извещалось: «Гвардии Гродненского гусарского полка штабс-ротмистр Султан-Гирей прикомандировывается, впредь до перевода, к Черкесскому конному полку».

Так в составе Черкесского полка оказался на службе и участвовал в боях тех дней еще один представитель известного черкесского рода штабс-ротмистр Мурат Султан-Гирей. Из «Краткой записки о службе», составленной в феврале 1916 года, известно, что он родился 20 февраля 1892 года, «сын поручика, уроженец Кубанской области».

С началом войны, 28 июля 1914-го, вступил добровольцем-«охотником» в 3-й Запорожский полк Кубанского казачьего войска. В летне-осенних боях заслужил Георгиевский крест 4-й степени, медаль «За храбрость» 4-й степени и в октябре — производство в чин прапорщика. Будучи в офицерском чине, Мурат Султан-Гирей в рядах 3-го Запорожского полка за боевые отличия в 1915 году был награжден орденами св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» и св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом.

В 1916-м Мурат Султан-Гирей переводится в Гродненский гусарский полк 3-й гвардейской кавалерийской дивизии...

Геройство проявила в бою у деревни и станции Циенжув 26 июня 4-я сотня Ингушского полка под командованием поручика Магомета Бек-Бузарова, о чем командив генерал-лейтенант Багратион объявит в приказе по дивизии: «26 июня сего года доблестная 4-я сотня Ингушского конного полка во главе с лихим командиром поручиком Бек-Бузаровым, ведя боевые действия с превосходящим по силам противником, атаковала по инициативе командира сотни неприятеля у сел. Циенжув, обратив его в беспорядочное бегство и захватив при этом 8-ми дюймовое орудие.

От лица службы приношу мою искреннюю благодарность поручику Бек-Бузарову, молодцам-всадникам славной сотни — сердечное спасибо».

В рядах 4-й сотни Ингушского конного полка служил полный Георгиевский кавалер подпрапорщик Муса Хад-

жукович Мальсагов, сын участника войны с Турцией в 1877—1878 годах. Согласно его послужному списку, он родился 13 августа 1888 года в селении Альтиево, Назрановского округа. Женат. Грамотен. По занятию — «земледелец».

Подпрапорщик Муса Мальсагов в бою 26 июня у села Циенжув проявил мужество, и уже 4 июля командир Ингушского полка полковник Асланбек Байтиевич Котиев представил его за боевые отличия к награждению чином прапорщика. В наградном листе он писал:

«...В бою 26 июня 1917 г. у с. Циенжув 4-я сотня полка с 3-х с половиной часов занимала позицию в пешем строю на северо-западной окраине селения (вправо от шоссе, ведущего на мест. Галич), имея задачей отбить наступавшего значительно превосходящими силами противника и во что бы то ни стало удержать за собой позицию. Несмотря на ураганный артиллерийский, пулеметный и ружейный огонь противника, изрешетившего всю площадь, занимаемую сотней, подпрапорщик Мальсагов все время боя, появляясь в самых опасных местах, то в одном, то в другом взводе, личной отвагой и полным презрением к смерти ободрял и воодушевлял всадников. Когда вследствие ураганного артиллерийского огня противника загорелась деревня и у коноводов произошло смятение, подпрапорщик Мальсагов бросился туда и, в течение нескольких минут ликвидировав смятение и восстановив порядок, возвратился снова на линию огня. В 16 часов энергичным огнем 3-й и 4-й сотен противник, занимавший укрепленную позицию и угрожавший прорывом у высот 292 и 353 и обходом в тыл правого фланга наступавшей 19-й пехотной дивизии, был сбит. Одним из первых подпрапорщик Мальсагов бросился вслед за убежавшим противником, причем 4-й сотней было захвачено одно 8-дм. орудие.

Выдающиеся боевые качества подпрапорщика Мусы Мальсагова свидетельствуют о полной его подготовке к занятию офицерской должности, почему ходатайствую о производстве его в чин прапорщика милиции...»

4 июля 1917 года полковник Котиев представил к чину прапорщика и подпрапорщиков Ингушского полка — полного Георгиевского кавалера Ахмета Оздоева и награжденного тремя Георгиевскими крестами Исмаила Мальсагова, также проявивших героизм в бою у села Циенжув в Галиции.

Приказом по Армии и Флоту от 14 ноября 1917 года, когда уже почти три недели прошли после свершения

Октябрьской революции, но пока еще функционировал Главный штаб, объявлялось, что производятся за отличия в делах против неприятеля «в прапорщики милиции подпрапорщики Ингушского конного полка: Оздоев (Ахмет), Мальсагов (Муса) и Мальсагов (Исмаил)».

А в приказе командира Кавказской конной дивизии генерал-лейтенанта Багратиона среди награжденных медалями «За храбрость» всадников Ингушского полка, отличившихся в бою у села Циенжув, значатся:

«Вахмистр Исмаил Кодзоев — 3 ст. № 177323.

Всадник Ахмед Плиев — 3 ст. № 177338.

Всадник Магомет Кортоев — 3 ст. № 177327.

26 июня 1917 г. во время боя за село Циенжув, находясь в цепи, все время поддерживали связь между частями и выказали при исполнении таковой полную выдающуюся самоотверженность».

* * *

На 27 июня части 8-й армии продолжали преследовать отступавшего на северо-запад противника. «На фронте Юзеполь — Станиславов — Богородчаны в 12 часов дня наши доблестные войска, руководимые генералом Черемисовым, взяли город Галич... к вечеру наши войска достигли реки Ломницы, — сообщалось из Ставки. — На фронте устья реки Ломницы — Дубровлян переброшенные после короткого боя передовые части на ее левый берег заняли деревни Блудники и Бабина».

В тот же день частями 8-й армии был занят и город Калуш.

Особо значительных успехов достиг тогда 12-й армейский корпус генерала Черемисова, в составе которого наступали кавказские полки. Это и к их всадникам и офицерам относилась телеграмма командующего Юго-Западным фронтом генерала Гутора: «Душевно благодарю славные революционные войска 12 корпуса за их высокий подвиг и доблесть в выполнении своей боевой задачи».

Во второй половине дня 27 июня Кабардинский полк вместе с другими частями, преодолевая сопротивление противника, вышел к реке Ломнице. Это тогда всадники 2-й сотни, под сильным огнем немцев отыскав брод, способствовали переправе на западный береге реки пехотного полка. В связи с этим командир взвода поручик Науруз Наурузов подаст рапорт командующему сотней поручику Павлу Захарову, который и вручит его полковнику Абелову со своим донесением: «Представ-

ляя при сем рапорт поручика князя Наурузова, согласно которому способствовали переправе через реку Ломницу 466-го пехотного полка всадники под командою подпрапорщика Измаила Тамбиева, имеющего всех четырех степеней Георгиевские кресты, ходатайствую о представлении его в прапорщики, старшего урядника Михаила Логинова — к 3-й степени Георгиевского креста, младшего урядника Алихана Тлупова и приказного Нану Зеушева — к 4-й степени Георгиевского креста...»

За месяц до наступления прибыл на службу в Кабардинский полк корнет Григорий Мосолов, племянник генерал-лейтенанта Александра Александровича Мосолова, бывшего до осени 1916 года начальником Канцелярии Императорского Двора, а затем — послом в Румынии.

Как видно из послужного списка корнета Мосолова, он родился 26 января 1892 года. Происходил из потомственных дворян. Окончил Московский университет. Холост. 1 февраля 1916 года поступил в Пажеский корпус и 1 октября в чине прапорщика окончил курс обучения. Военную службу начал в рядах лейб-гвардии Конного полка на Юго-Западном фронте. Был награжден орденом св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» и произведен в корнеты. В мае 1917 года Мосолов, будучи в это время адъютантом командира Гвардейского кавалерийского корпуса, подает рапорт с просьбой перевести его на службу в Кабардинский конный полк.

По прибытии 17 мая в полк, корнет Григорий Мосолов был определен в 4-ю сотню. В ее составе он и участвовал в наступлении.

Утром 27 июня по приказу сотенного командира ротмистра Керима Хана Эриванского корнет Мосолов с разведом в 26 человек «при старшем уряднике Аслан-Али Эфендиеве» направляется для отыскания брода на реке Ломнице и проведения разведки в районе деревни Бабино.

Вся долина Ломницы, где продвигался с всадниками корнет Мосолов, находилась под ружейным, пулеметным и артиллерийским огнем неприятеля. На той стороне реки, занимаемой австрийцами и немцами, находилась деревня Бабино, и туда необходимо было выйти разъезду 4-й сотни Кабардинского полка.

«...Корнет Мосолов, рассмотрев подступы к реке и рассыпав карьером разъезд в лаву, бросился с Эфендиевым к реке, — говорилось в приказе командира Кавказской конной дивизии генерала Багратиона от 3 июля

1917 года.— Противник открыл частый огонь по лихим джигитам, которые, перебравшись кто вброд, кто вплавь, доскакали до деревни Бабино и, укрывшись за первыми ее домами, спешились. Корнет Мосолов со старшим урядником Эфендиевым, всадниками Шуановым и Хаджи-Муратом*, вызвавшимися охотниками, направился через деревню для разведки расположения неприятеля, разведчики которого убежали из деревни в окопы.

Противник усилил ружейный и артиллерийский огонь. При этом герой-храбрец Эфендиев был разорван на части попавшим в него снарядом, корнет Мосолов ранен двумя пулями и контужен, всадник Шуанов ранен. Единственный уцелевший всадник Хаджи-Мурат довел с подоспевшими всадниками раненых до коноводов. Через некоторое время спешенная сотня Кабардинцев заняла Бабино, куда затем были направлены Дагестанцы и пехота.

Объявляю сердечную благодарность лихому корнету Мосолову и молодцам-разведчикам Кабардинского полка. Вечная память Георгиевскому кавалеру 3-х степеней Эфендиеву».

Спустя два дня в штабе полка станет известно о том, что старший урядник Аслан-Али Эфендиев еще 13 июня приказом командующего Юго-Западным фронтом произведен в чин юнкера.

После того драматического события в деревне Бабино командир полка полковник Абелов направит в штаб дивизии представление на двадцатидвухлетнего юнкера Аслан-Али Эфендиева, жителя балкарского селения Кашкатау, ходатайствуя о его посмертном награждении Георгиевским крестом 1-й степени:

«Юнкер Аслан-Али Абдурахманович Эфендиев.

Представлен к 1-й степени Георгиевского креста.

Имеет награды:

Георгиевский крест 4-й ст. за № 161824—16 октября 1915 г.

Георгиевский крест 3-й ст. за № 74962 — 18 октября 1915 г.

Георгиевский крест 2-й ст. за № 31178 — 15 сентября 1916 г.

Георгиевскую медаль 4-й ст. за № 235270 — 23 февраля 1915 г.

---

* Урядник Хаджи-Мурат Асанов.

27 июня 1917 года, будучи в разъезде, первый во-
рвался в деревню Бабино и под ураганным ружейным
и артиллерийским огнем противника выяснил силы про-
тивника и сообщил разъезду, который занял деревню,
при этом был убит».

Наградной лист подписан командиром полка полков-
ником Владимиром Давидовичем Абеловым и исполняв-
шим должность полкового адъютанта корнетом Чепеллеу
Биаслановичем Урусбиевым.

Георгиевский крест 1-й степени под номером 37850
стал посмертной наградой юнкера Аслан-Али Эфендиева,
героя Кавказской конной дивизии, павшего в Галиции
во время последнего наступления российской армии...

После гибели Аслан-Али Эфендиева и тяжелого ра-
нения корнета Григория Мосолова разъезду 4-й сотни
пришлось отойти из деревни Бабино. А спустя три часа
туда ушел на разведку младший урядник Кеккез Миса-
ков, награжденный за боевые отличия Георгиевским
крестом 4-й степени и двумя медалями «За храбрость».
Представляя его к «Георгиевской медали 2-й степени»,
командир сотни ротмистр Керим Хан Эриванский в ра-
порте напишет:

*«Мл. урядник Коккоз Мисаков. 27 июня 1917 г.
у дер. Бабино, вызвавшись охотником на разведку, про-
ник в расположение противника и добыл сведения, что
названная деревня занята небольшими силами против-
ника, после чего противник легко был выбит из дерев-
ни. Участвуя в бою, проявил выдающуюся храбрость
и самоотвержение».*

Урядник Кеккез Мисаков будет награжден медалью
«За храбрость» 2-й степени, а в августе получит чин юн-
кера милиции.

За боевые отличия у деревни Бабино заслужат Георг-
гиевские кресты 4-й степени всадники Кабардинского
полка:

«Всадник Худ Кушбоков.

Всадник Хизир Нагоев.

27 июня 1917 г. у дер. Бабино, находясь в разведке,
будучи окружены неприятелем, несмотря на явную
личную опасность, пробились и присоединились к своим».

Юнкер Кабардинского полка Барасби Лиев, награж-
денный двумя Георгиевскими крестами и медалью «За
храбрость», тоже провел удачную разведку западнее
села Бабино. Представляя его к чину офицера, командир
полка полковник Абелов в наградном листе укажет:

«Представляется к производству в прапорщики милиции за то, что в ночь с 27 на 28 июня сего года перед дер. Бабина, будучи послан со спешным взводом для проведения разведки неприятельского расположения в направлении Кутлуновка — Юльяновка, был встречен конной разведкой противника, силой в один пехотный взвод. Заставил с боем отойти эту часть. Блестяще выполнил свою задачу, дав ценные сведения о числе и расположении противника».

Героями боя, происшедшего 27 июня за деревню Блудники, стали офицеры 3-й сотни Черкесского полка кавалер Георгиевского оружия корнет Магомет-Гери (Магомет-Гирей) Крымшамхалов и корнет Сеит-Бий Крымшамхалов. В приказах командующего 8-й армией от 9-го и 14 октября об их подвигах говорилось:

«По предоставленной мне власти награждаю за отличия в делах против неприятеля по удостоению местной Георгиевской Кавалерской Думы *орденом св. Победоносца Георгия 4-й степени*:

Черкесского конного полка корнета Магомет-Гирея Крымшамхалова за то, что в бою 27-го июня 1917 года у дер. Блудники, под сильным артиллерийским, ружейным и пулеметным огнем противника, кинулся во главе сотни в конном строю через реку Ломницу, развернул свою сотню под огнем и, примером личной храбрости увлекая людей, повел сотню в атаку, достиг удара холодным оружием, сбив две цепи противника, обратив последнего в паническое бегство, занял дер. Блудники».

Корнет Магомет-Гери Крымшамхалов, как ранее и полковник 2-го Дагестанского полка Арацхан Хаджи Мурат, стал кавалером ордена св. Георгия 4-й степени и Георгиевского оружия — двух самых почетных военных наград России.

«По предоставленной мне власти, — объявлял далее командующий 8-й армией, — награждаю за отличия в делах против неприятеля по удостоению Георгиевской Кавалерской Думы *Георгиевским оружием*:

Черкесского конного полка корнета Сеит-Бия Крымшамхалова за то, что 27-го июня 1917 года, будучи со взводом в разъезде, исследовал броды через реку Ломницу, ориентировал в обстановке развернутый в лесу полк. Когда было получено приказание атаковать полком в конном строю австрийцев, оборонявших дер. Блудники, корнет Крымшамхалов со взводом первым вру-

бился в цепи противника, привлекая на себя огонь его, облегчил атаку и занятие полком дер. Блудники».

О мужестве сынов Кавказа в бою 27 июня говорилось в приказе командира 56-й пехотной дивизии, совместно с которой в тот день сражались кавказские полки:

«27-го июня дивизия с 3-й бригадой Туземной дивизии (Черкесским и Ингушским полками) из корпусного резерва была выдвинута для вступления в боевой фронт корпуса и после перехода закончила день выполнением поставленной ей задачи, заняв с боем переправу у дер. Блудники...

Героями дня справедливо признать Черкесов. 4-я сотня лихо ударила в шашки у дер. Медыне на целый батальон австрийцев и обратила его в бегство, будучи остановлена только пулеметным огнем с левого берега реки Ломницы, а 3-я сотня с отменной отвагой атаковала перед темнотой через реку Ломницу противника у дер. Блудники...

От лица службы на славу армии благодарю доблестных всадников 3-й и 4-й сотен Черкесского полка и всей 3-й бригады Туземной дивизии...»

О событиях дня 27 июня в Черкесском конном полку дают нам представление и сведения из приказа генерал-лейтенанта Багратиона о награждении отличившихся в боях всадников медалями «За храбрость» 4-й степени:

«Приказный Амин Мезужок.

Приказный Сагид Ханатов.

Ст. урядник Ибрагим Тлехас.

За то, что в разведке 27 июня 1917 года у дер. Св. Станислав вызвались охотниками и под сильным ружейным и пулеметным огнем проникли в деревню, занятую противником. Открыв ружейный огонь, произвели замешательство у противника, что способствовало занятию вышеназванной деревни нашими разведчиками».

«Всадник Измаил Неуч.

Ст. урядник Хаджимуса Хатхо.

Будучи в передовом дозоре разведывательной сотни 27 июня 1917 г. у гор. Галича, были окружены засадой противника. Однако, проявив спокойствие и выдающееся самоотвержение, пробились и предупредили сотню».

«Всадник Мамурай Узденов.

Всадник Сеитбий Докшуков.

Мл. урядник Казихан Абдурахманов.

Всадник Узеир Хочуков.

27 июня 1917 г. во время конной атаки на сел. Блудники 3-й сотни своим примером и мужеством воодушев-

ляли своих товарищей под действительным огнем противника, чем способствовали общему делу».

«Всадник Нестор Арджения.

Всадник Шаман Сабекия.

Всадник Михаил Арлан.

Всадник Сликко Бебия.

Всадник Отар Званбая.

За разведку 27 июня 1917 г. деревень Медыня и Темировца под действительным огнем противника и за взятие 15 пленных и 3 лошадей».

Днем 27 июня генерал Багратион получил телеграмму от начальника штаба 8-й армии: «Командарм приказал благодарить от своего имени доблестные полки «за славную боевую работу».

Вечером Багратиону пришла из штаба 8-й армии в Коломые еще одна телеграмма, лично подписанная Лавром Георгиевичем Корниловым: «По последним донесениям вижу, что славные полки доблестной дивизии несут свою боевую службу перед Родиной с их обычным мужеством и геройским порывом. От всего сердца благодарю вас, генералов, офицеров и лихих всадников всех полков. За прорыв укрепленных позиций у Бабина и Калуша назначаю из участвующих в деле сотен Чеченцев, Кабардинцев и Татар по пяти Георгиевских крестов и медалей. Представьте к награде особо отличившихся офицеров».

* * *

В ожесточенных боях наступало 28 июня. И тогда, как отметит в приказе по дивизии генерал-лейтенант Багратион, «генерал князь Гагарин со своей 3-й бригадой с боем захватил 28 июня переправу у дер. Блудники, куда переправились вброд Черкесы полковника князя Чавчавадзе, закрепив за собой левый берег реки Ломницы».

Когда об этом поздно ночью было доложено генералу Корнилову, он в 23 часа 50 минут 28 июня распорядился от его имени направить телеграмму Багратиону: «За это лихое дело сердечно благодарю 1-ю и 3-ю сотни Черкесского конного полка. Твердо убежден, что все полки славной и доблестной дивизии исполняют свой долг перед Родиной. Нужно напрячь всю энергию, всю силу всадника и коня, чтобы довершить славное дело нашей

доблестной пехоты и артиллерии и окончательно разгромить врага».

Той же ночью, с 28-го на 29 июня, в штаб 8-й армии в город Коломыя на имя командарма Корнилова пришла телеграмма от главы Временного правительства Керенского: «Поздравляю Вас чином генерала от инфантерии за успехи войск Вашей революционной армии. Командира 12 корпуса генерала Черемисова — орденом Георгия 4 степени за доблестное руководство корпусом и достигнутые результаты в боях».

Наступление войск 8-й армии к западу от Станиславова продолжалось. Но все более яростное сопротивление оказывал противник, получая свежие силы, все настойчивее становились его контратаки на российские дивизии и полки, на занятые ими населенные пункты. Подвергался натиску германских частей и город Калуш. Но успех пока еще благоприятствовал 8-й армии генерала Корнилова, о чем и говорилось в сводке из Ставки Верховного Главнокомандующего генерала от кавалерии Брусилова:

«В течение 29 июня бои на реке Ломнице продолжали развиваться. В устье реки Ломницы наши войска переправились на левый берег и овладели высотами линий между Днестром — Лукашевец — Блудники.

После упорного боя противник сбит с высот северо-восточнее Калуша...

В районе Калуша Чеченский полк лихой атакой в конном строю захватил четыре тяжелых орудия».

С утра того дня австро-германские войска усилили свой натиск на части пехоты и Кавказской конной дивизии, находившиеся в городе Калуш и его районе. В те утренние часы генерал-майор принц Фазула-Мирза Каджар, накануне переправившийся со своей 2-й бригадой через реку Ломницу у деревни Подхорники, следовал на Калуш, у которого шел ожесточенный бой. И тогда на пути Чеченского и Татарского полков оказался отступавший «в беспорядке под напором контратаки противника 466-й пехотный полк». Решительными мерами и «силой убеждения» генерал Каджар сумел привести «части растерявшегося полка в порядок, ободрил их и вновь направил в окопы», а затем продолжал выполнять свою задачу. «Вскоре его Чеченцы во главе с полковником Мусалаевым,— сказано в приказе по дивизии,— взяли у австрийцев 4 тяжелые пушки».

Главная заслуга в захвате батареи неприятельских орудий, которых, согласно документам, было пять, принадлежала прапорщику Чеченского полка полному Георгиевскому кавалеру Шахиду Борщикову. Георгиевским крестом 1-й степени его наградили в конце 1915 года за то, что он «4 июля 1915 года на высоте 226 (левобережье Днестра), будучи старшим в секрете во время наступления наших войск, открыл обход противника и с явной опасностью для жизни продолжал наблюдать».

Теперь же, в конце июня 1917 года, прапорщик Шахид Борщиков во главе разъезда из 30 всадников, выполняя приказание командира дивизиона штабс-ротмистра Кадиева, проводил разведку северо-восточнее города Калуща. «Несмотря на сильный огонь противника», — писал в наградном документе командир Чеченского конного полка полковник Джамалутдин Мусалаев, — он «пролетел в тыл противнику. Получив донесение от дозора, что у опушки Новый Калущ стоят пять орудий противника на позиции с пехотным прикрытием, послал донесение своему командиру дивизиона штабс-ротмистру Кадиеву. Сам быстро спустился к хатам, спешил разъезд и открыл огонь, заставивший замолчать батарею. До подхода дивизиона прапорщик Борщиков не дал возможности сняться батарее, и, когда подоспел дивизион, то первый бросился в конном строю на батарею, увлекая людей, изрубил часть прислуги, часть которой разбежалась, и завладел пятью тяжелыми орудиями. Причем, несмотря на то, что сильно был контужен, оставался все время в строю, руководя действиями своих людей.

Исключительно благодаря прапорщику Борщикову, орудия эти были обнаружены, взяты им же и сданы в 20-ю Донскую батарею. Причем контужен сам прапорщик Борщиков, убито всадников 2, ранено — 4...»

Полковник Мусалаев представил прапорщика Шахида Борщикова к ордену св. Георгия 4-й степени...

С 11 июня возглавлял Кабардинский конный полк полковник Владимир Давидович Абе́лов, с 20 июня на него было возложено и временное командование 1-й бригадой дивизии. Он умело руководил в боях совместными действиями Кабардинского и 2-го Дагестанского полков. А 29 июня в тяжелом бою под Калущем 1-я бригада оказала помощь 3-й Кавказской казачьей дивизии, в составе которой находились 1-й Дагестанский и Осетинский, 1-й Екатеринодарский и 1-й Кизляро-Гребенской казачьи полки. «Полковник Абе́лов со своей 1-й бригадой своевременно поддержал Кабардинцами атаку частей

3-й Кавказской дивизии у Калуша 29 июня и там же спешенными сотнями отбил контратаку немцев», — говорилось в приказе командира дивизии генерала Багратиона.

«Считаю особенно приятным для себя долгом, — продолжал Багратион, — объявить благодарность всем чинам дивизии за высоко честное отношение к долгу службы в ночном бою 29 июня под гор. Калушем, в центре которого части других войск под воздействием добытого вина пришли в расстройство и, вместо боя с врагом, постыдно занимались грабежом, насилием женщин и пьянством.

Высокоразвитое чувство долга службы перед Отечеством в частях Туземной конной дивизии и воинская дисциплина, присущая сынам Кавказа и их боевым соратникам — русским кадровым и пулеметчикам и Донским казакам 8-го дивизиона, нашли справедливую оценку в благодарности, выраженной комкором XII *, который сказал мне: «Я был спокоен за оборону Калуша, когда получил донесение, что кавказцы его защищают».

С 29 июня кавказским полкам, как и другим частям 8-й армии, уже приходилось вести ожесточенные бои с переходившим в контрнаступление неприятелем. И это притом, что уже и в частях армии генерала Корнилова начали сказываться пораженческая пропаганда и неповиновение командованию.

Вспоминая об обстановке тех дней на фронте, офицер Кабардинского конного полка Алексей Алексеевич Арсенев в своем очерке «Кавказская Туземная Конная Дивизия» приводит «вкратце лишь один эпизод — бой нашей 1-й бригады под г. Калушем 29. VI 1917 г.». «Предыдущий день и ночь, — пишет он, — наш полк провел под дневным и ночным артиллерийским обстрелом в ожидании приказа атаковать противника, потеряв при этом несколько лошадей убитыми, людских потерь не было». Днем 29 июня Кабардинский и 2-й Дагестанский полки 1-й бригады получили приказ — спешно занять новые позиции под Калушем, «где замитинговавшая пехотная бригада покинула фронт, — читаем в очерке Арсеньева. — Наступала германская пехота, т. е. противник более серьезный, чем австрийцы. Придя в Калуш, наша бригада под командованием командира нашего полка полковника Абелова, рассыпавшись жидкими цепями, без поддержки артиллерии и подвергаясь фронтальному

---

* Командир 12-го корпуса генерал Черемисов.

и фланговому артиллерийскому обстрелу германцев, остановила их наступление».

Об упорных боях 29-го и 30 июня за город Калуш, на который противник вел контрнаступление, свидетельствуют дошедшие до нас сведения о награждениях:

Кабардинского конного полка. «Младший урядник Хамид Нахушев — Георгиевским крестом 3-й степени № 326151.

В бою у гор. Калуша 29 июня 1917 г. неоднократно посылался с приказанием под губительным ружейным и артиллерийским огнем в Татарский и Чеченский конные полки, с успехом выполнил возложенную на него задачу по связи».

Чеченского конного полка. «Старший урядник Магомет Ациев — Георгиевским крестом 3-й степени № 132850.

За то, что 29 июня 1917 г. под убийственным огнем противника доставил весьма важное и срочное донесение о приготовлении неприятельских цепей перейти реку Сивку и ударить во фланг нашей пехоте, которая вела бой в лесу и вдоль реки Сивки (под Калушем), чем дал возможность предпринять соответствующие меры».

Чеченского конного полка. «Всадник Музак Айдемиров — Георгиевской медалью 4-й степени № 1118580.

29 июня 1917 г. под гор. Калушем, вызвавшись охотником, с явной для жизни опасностью под сильнейшим огнем противника доставил очень важные сведения о противнике, что способствовало зайти противнику во фланг, выбить и преследовать его».

Кабардинского конного полка. «Сотенный фельдшер Григорий Опрышко — Георгиевской медалью 3-й степени № 270791.

29 июня 1917 г. в бою у гор. Калуша, несмотря на губительный огонь противника, находился в передовой цепи и оказывал помощь раненым, проявляя выдающееся самоотвержение».

2-го Дагестанского конного полка. «Приказный Магомад Сулейман — Георгиевской медалью 4-й степени № 1118581.

30 июня 1917 г. в гор. Калуше, будучи старшим в секрете, открыл наступление противника и своевременно об этом донес».

Обстановка в Галиции, где вели упорные бои войска 8-й армии, резко менялась. Немцы, перебросив сюда из Западной Европы крупные силы, со 2 июля начали вместе с австрийцами предпринимать на всем фронте боевых действий мощные контратаки против российских частей, вынужденных теперь сдерживать натиск неприятеля. И для полков Кавказской конной дивизии завершился этап боев, когда они «с 25 июня по 2 июля», как сказано в приказе генерала Багратиона, принимали «энергичное участие в прорыве неприятельской укрепленной позиции и в победоносном наступлении войск XII корпуса на фронте Галич и Калуш. При этом все части дивизии еще раз доказали свои высокие боевые качества, за что я удостоился получить от командующего VIII армией генерала Корнилова сердечную благодарность».

На положении дел сказывалась и общая обстановка, сложившаяся на Юго-Западном фронте, ведь фактически боевые действия вели только дивизии и корпуса 8-й армии, в то время как 7-я и 11-я армии, не сумев в первые дни развить успеха, приостановили наступление.

Войска генерала Корнилова, сохраняя боеспособность и верность воинскому долгу, продолжали сражаться с неприятелем, как делали это и полки Кавказской конной дивизии.

О сложной обстановке тех дней говорится в сообщении Ставки за 2 июля 1917 года, в котором отмечалась и доблесть Кабардинского и 2-го Дагестанского полков:

«Северо-восточнее Калуша германцы с утра 2 июля вели интенсивные атаки, отбитые нашими войсками.

По тактическим соображениям наши войска, занявшие левый берег нижнего течения реки Ломницы, отведены на правый берег, оставив Калуш и обеспечив за собой важные переправы через реку Ломницу.

В районе Новица — Добровляны — Красна наши войска продолжали вести атаки, имея целью отбросить противника за реку Ломницу. Противник оказал упорное сопротивление... Его густые цепи пошли в контрнаступление со стороны деревни Берлохинка, первоначально оттеснили наши войска и заняли деревню Новица, но подошедшими резервами противник был выбит из упомянутой деревни.

В отражении атак противника приняли энергичное участие Дагестанский и Кабардинский конные полки

в пешем строю. Во время атак противник понес большие потери...»

3 июля в результате предпринятого наступления немцы вновь заняли деревню Новицу, находящуюся южнее Калуша, на правом берегу реки Ломницы. В тот день и в последующие здесь вели бои полки Кавказской конной дивизии.

Наградные представления на всадников за 3 июля позволяют нам судить о напряженности боевых действий у Новицы.

Кабардинского конного полка:

Младший урядник Адельгери Кожаев. «В бою 3 июля 1917 г. в районе дер. Новица проявил выдающуюся храбрость и самоотвержение, ободряя и увлекая в бой товарищей».

Награжден медалью «За храбрость» 2-й степени.

«Заурядпрапорщик Иван Рябов.

Юнкер Крым Абаев.

В бою 3 июля 1917 г. при наступлении на дер. Новица, командуя взводами, проявили выдающуюся храбрость и самоотвержение, ободряя и увлекая в бой товарищей и подчиненных, чем способствовали успеху наступления».

Награждены Георгиевскими крестами 3-й степени.

«Всадник Хажбекир Хашимахов.

Всадник Хату Аксоров.

В бою 3 июля 1917 г. в районе дер. Новица под ураганным огнем противника восстановили утраченную связь между Кабардинским конным полком и 2-м и 3-м батальонами Богородского пехотного полка и подерживали таковую до конца боя».

Награждены медалями «За храбрость» 3-й степени.

2-го Дагестанского полка. *Всадник Касум Исмаил.*

«3 июля 1917 г. в бою под дер. Новица в темную ночь под сильным пулеметным огнем выяснил расположение соседней части с правого фланга».

Награжден медалью «За храбрость» 3-й степени.

Прикомандированные к штабу дивизии Черкесского полка — награждены медалями «За храбрость»:

«Подпрапорщик Едвек Тиков — 4 ст. № 1118480.

Мл. урядник Кербеч Гуншоков — 3 ст. № 177316.

3 июля 1917 г. в бою у сел. Новица посылались под губительным ружейным и артиллерийским огнем к ко-

мандиру 3-й бригады с приказаниями, а также на наблюдательный пункт с приказанием открыть огонь по наступающим цепям противника».

Тяжелый бой пришлось выдержать полкам дивизии под Новицей и 4 июля, когда противник крупными силами вновь перешел в наступление. Вспоминая тот день, полковник Черкесского полка Крым Султан-Гирей (Султан Крым-Гирей) позже в газетной публикации напишет: «...4 июля Дагестанский, Черкесский и Кабардинский полки совместно с батальоном Юхновского полка блестяще атаковали наступающего неприятеля и спасли положение».

Оказали этим полкам содействие и всадники Ингушского полка, ведущие в тот день бой в районе Новицы. В числе их были и удостоенные медалей «За храбрость»:

«Мл. урядник Муса Гарданов — 2 ст. № 10890.

Мл. урядник Тешил Актемиров — 2 ст. № 10891.

4 июля 1917 г. во время боя у сел. Уставо-Урюм, несмотря на сильный артиллерийский огонь противника, самоотверженно поддерживали связь с соседней пехотной частью до самого конца боя, чем способствовали общему успеху».

На следующий день, 5 июля, командир дивизии генерал-лейтенант Багратион получит телеграмму от начальника штаба Юго-Западного фронта генерала Николая Николаевича Духонина: «За оказанную чинами Туземной дивизии выдающуюся храбрость во время атаки 4 июля в районе Новица Главнокомандующий жалует на каждую сотню, принимавшую участие в атаке, по десяти Георгиевских крестов».

В тот день благодаря мужеству и доблести всадников и офицеров кавказских полков, как сообщил Багратиону генерал-квартирмейстер (начальник оперативного отдела) штаба 8-й армии генерал-майор Стогов, было «спасено положение правого фланга 47-й дивизии». А в его телеграмме командующему Кавказской конной дивизией говорилось: «Приношу доблестной дивизии сердечную благодарность от лица службы за блестящие действия по вырубке боевых товарищей 4 июля».

Геройски проявил себя в бою у деревни Новица ротмистр Кабардинского конного полка Дохчику Кубатиев, прикомандированный к штабу дивизии. О его доблести рассказал командир Кабардинского полка полковник Абелов в записке, направленной им начальнику дивизионного штаба Владимиру Николаевичу Гатовскому:

«Вверенного Вам штаба дивизии старший адъютант ротмистр Кубатиев 4-го июля во время боя у Новицы и Угринова-Старый в роли начальника штаба отряда генерала князя Гагарина выказал исключительное хладнокровие и распорядительность под непрерывным и продолжительным артиллерийским и ружейным огнем. Абсолютно игнорируя личную опасность, ротмистр Кубатиев неоднократно являлся к цепям Кабардинского полка, ориентировал и осведомлял о создавшейся обстановке.

Он же, ротмистр Кубатиев, проявил высокую доблесть, когда роты Асландузского полка в беспорядке отходили со своих позиций. Ротмистр Кубатиев под сильным артиллерийским огнем противника приводил в порядок расстроенные части пехоты и, организовав несколько взводов пехоты, повел их обратно на брошенные свои позиции.

Будучи свидетелем этой исключительно самоотверженной работы ротмистра Кубатиева, считаю своим долгом поставить Вас об этом в известность».

После трудного боевого дня чрезвычайно тяжелой для всадников и офицеров дивизии оказалась и ночь с 4-го на 5 июля. Пехотный батальон одного из полков под натиском неприятеля отступил, оставив свои позиции. Воспользовавшись этим, немцы и австрийцы большими силами перешли в наступление на участке Угринов-Старый, в районе Новицы, и, как будет затем сказано в приказе генерала Багратиона, «положение сделалось весьма критическим». Но, «вследствие искусно организованной обороны участка», яростная атака неприятеля оказалась безуспешной, — она была отражена Кабардинским и 2-м Дагестанским полками, с «большими потерями для неприятеля».

В том бою умело действовал начальник оборонительного участка командир 3-й бригады генерал-майор Александр Васильевич Гагарин — «верно и быстро оценив обстановку, он по собственной инициативе бросил в контратаку спешенные сотни Кабардинцев и Дагестанцев, бешеными порывами коих, — по свидетельству комдива Багратиона, — противник был опрокинут и прогнан в свои окопы».

Успех в бою 1-й бригады помогли закрепить подошедшие к ним на помощь Черкесский и Ингушский полки.

«Выдающуюся храбрость и самоотвержение в этой операции, — говорится в приказе генерала Багратиона, — проявили также по руководству 1-й бригадой» и Кабар-

динским полком полковник Владимир Давидович Абелов и по командованию 2-м Дагестанским полком подполковник Александр Августович Гольдгаар.

«От лица службы сердечно благодарю генерал-майора князя Гагарина за блестящее руководство отрядом и успешную контратаку, — читаем далее в приказе Багратиона по Кавказской конной дивизии. — Сердечно благодарю временно командующего 1-й бригадой полковника Абелова, временно командующего 2-м Дагестанским конным полком подполковника Гольдгаара, командиров Черкесского конного полка полковника князя Чавчавадзе и Ингушского конного полка полковника Котиева, а также всех г. г. офицеров и лихих всадников».

Несколько дней спустя после боев у Новицы к генерал-лейтенанту князю Дмитрию Петровичу Багратиону обратится с благодарственным письмом и командир 47-й пехотной дивизии генерал-майор граф Каменской: «Приношу Вашему Сиятельству, штабу и всем чинам доблестной дивизии, Вам вверенной, от себя лично и от 47-й пехотной дивизии низкий поклон и душевную благодарность за ту отличную боевую работу сего 4 и 5 июля, которой я восхищен и от души завидовал.

Могу высказать только сожаление — зачем так скоро прекратилась наша совместная боевая работа.

Да хранит Вас и Вашу дивизию Бог и да покроет всех Вас неувядаемой славой в предстоящих боях...

Бои у Новицы и близлежащих к ней деревень по сдерживанию противника продолжались и 6 июля. В тот день у села Угринов-Старый, как сказано в «перевязочном свидетельстве», выданном старшим врачом Черкесского конного полка, командир 3-й бригады генерал-майор Гагарин «сотрясением воздуха от разорвавшегося артиллерийского снаряда и осколками» был контужен в голову и спину. Несмотря на болезненное состояние с «тошнотой, рвотой и глухотой на левое ухо», он оставался в боевом строю и продолжал командовать полками.

В разгар боев у галицийской деревни Новица, 5 июля, в городе Владикавказе газета «Терский вестник» опубликовала информацию, связанную с Чеченским конным полком и его новым командиром полковником Джамалутдином Мусалаевым.

«Грозный. Чеченским комитетом послана телеграмма: «Действующая армия. Кавказская Туземная дивизия. Командиру Чеченского полка.

От лица чеченского народа выражаю тебе благодар-

ность за приветствие и добрые пожелания. От души поздравляю с вступлением в командование полком и желаю полку счастья и успехов.

Председатель Чеченского комитета Мутушев».

Ахмет-Хан Мутушев, член Центрального комитета Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана, как и его земляк, председатель ЦК Тапа Чермоев, прошел через Первую мировую войну. Как сообщалось еще в апреле 1915 года в газете «Терские ведомости», за отличия в делах против неприятеля пожалован «орден св. Анны 3-й степени с мечами и бантом подпоручику 21-й артиллерийской бригады Ахмет-Хану Мутушеву...».

8 июля в дивизию «из разрешенного ему отпуска» вернулся полковник Гиви Иванович Амилахвари и вновь вступил в командование 2-м Дагестанским полком. И в тот же день генерал Багратион приказал ему временно возглавить 1-ю бригаду, а сдавшему ее полковнику Абелову «обратиться к исполнению прямых обязанностей по командованию Кабардинским полком». На должность командира 2-го Дагестанского полка заступил полковник Арацхан Хаджимуратович Хаджи Мурат.

* * *

6 июля противник начал мощное наступление на войска Юго-Западного фронта, нанеся главный удар в стык 7-й и 11-й армий, так и не сумевших поддержать 8-ю армию в ее успешном наступлении в Галиции. Теперь же, в результате быстрого продвижения крупных сил немцев и австрийцев в направлении Тернополя и Черновца, создавалась реальная угроза ее окружения. Тем более что правый фланг 8-й армии генерала Корнилова оказался совершенно открытым в связи с тем, что державшие там оборону деморализованные «войска 11-й армии, не желая воевать,— сказано в «Советской Военной Энциклопедии»,— почти не оказывали противнику сопротивления, массами снимались с позиций и уходили в тыл». Совершалось явное предательство по отношению к тем полкам и дивизиям, которые еще продолжали мужественно сражаться с превосходящими силами врага. В сложившейся ситуации вынуждена была отступать и 8-я армия, как и входившая в ее состав Кавказская конная дивизия.

В той чрезвычайно сложной обстановке Временное правительство в ночь на 8 июля назначает генерала от

инфантерии Лавра Георгиевича Корнилова командующим Юго-Западным фронтом. Требовалось принятие самых спешных и жестких мер, чтобы спасти положение в подчиненных ему армиях, остановить разложение войск, их паническое отступление и с помощью сохранивших боеспособность частей не допустить их полной деморализации и разгрома.

Тогда командующий Юго-Западным фронтом генерал Корнилов и обратился за помощью к «Кавказской туземной конной дивизии», к ее горским полкам, их всадникам и офицерам, несмотря ни на что сохранившим в своей среде твердый воинский порядок, дисциплину, верность воинскому долгу.

«9 июля, когда всадники дивизии, расположенные в окрестностях города Станиславова, возносили общую молитву по случаю священного праздника Курбан Байрама,— объявлялось в приказе генерала Багратиона № 177 за 25 июля 1917 года,— от генерала Корнилова я получил следующую телеграмму: «Передайте от меня офицерам и всадникам Вашей доблестной дивизии, покрывшей себя новой славой в боях у Калуша и Новицы. Положение на фронте 11-й армии таково, что мне нужна там беззаветная доблесть, твердость духа в исполнении долга и несокрушимая мощь доблестных полков дивизии. Я твердо верю, что, забыв усталость, она двинется, не ожидая конца праздников, в указанный ей район сосредоточения, чтобы помочь мне восстановить положение на фронте 11-й армии».

Получив днем телеграмму командующего Юго-Западным фронтом генерала Корнилова, комдив Багратион разослал спешные депеши командирам полков с приказом: на рассвете 10 июля дивизия выступает от Станиславова через Нижнев, с переправой через Днестр на левый берег реки. Оттуда ее путь пройдет в направлении Чорткова, а затем к реке Збруч, по которой до 1914 года проходила государственная граница России с Австро-Венгрией.

Дивизия находилась в пути девять дней, совершая его среди панически отступавших, дезорганизованных пехотных передовых и тыловых частей. «В этом хаотическом отходе... ярко вылилось значение дисциплины в полках Туземной конной дивизии, стройное движение которой вносило успокоение в панические элементы нестроевых и обозов, к которым примыкали дезертиры пехоты XII корпуса с позиций»,— напишет потом в приказе по дивизии генерал Багратион.

В те дни кавказские полки обеспечивали порядок среди отступавших войск, прикрывали их от ударов со стороны противника, а когда тому удавалось осуществлять атаки и прорываться в тылы русских полков и дивизий, всадники-горцы совместно с еще сохранившимися боеспособность воинскими частями вступали в бои с немцами и австрийцами и отбрасывали их.

«Весь командный состав дивизии, равно и всадники, сознавая важность момента, в особенности генерал князь Гагарин, приложили все усилия, чтобы успокоить безначальную лавину обозов разных частей», — читаем в приказе № 177 генерала Багратиона.

На ночлеге дивизии, в городке Нижневе, где находился штаб 33-го армейского корпуса, к Багратиону спешно обратился комендант штаба с просьбой дать ему три сотни горцев «для охраны штаба от возможного на него покушения со стороны дезертировавшего с позиции пехотного полка». «Я ответил ему, — скажет в приказе Дмитрий Петрович Багратион, — что одно присутствие здесь кавказцев обуздывает преступное намерение дезертиров, а если понадобится, то сотни явятся по тревоге.

Моя уверенность в чисто военной репутации доблестных полков дивизии оправдалась, и дезертировавший пехотный полк преступной воли не проявил».

11 июля дивизия переправилась через Днестр и двинулась на северо-восток в направлении города Бучача, с боем проводя «разведывательную работу» Чеченским и Татарским полками «на фронте 22-го корпуса от Будзано до Пилавы». 12 июля ее части вышли к Чорткову. Отсюда «по тревоге выдвинут был Ингушский конный полк и за ним 1-я бригада к деревне Мшанец» для содействия 6-му армейскому корпусу в ликвидации прорыва противника у города Трёмбовля (Теребовля), южнее Тернополя, занятого в тот день неприятелем.

Кавказские полки вновь оказались на берегах Стрыпи и Серета, в районе Трёмбовля, в тех местах, где осенью 1915 года им уже довелось вести успешные боевые действия, принесшие громкую славу дивизии. И теперь, летом 1917-го, оказывая помощь 6-му армейскому корпусу, части дивизии в ночь на 13 июля сосредоточились в местечках Хоросткове и Котюжаны, находившихся юго-восточнее Трёмбовля, близ шоссе, идущего от Гусятина на Тернополь. Оказавшись здесь, «среди отступавших частей 6-го, 45-го и 34-го корпусов», продолжал описание тех событий генерал Багратион, всадники и офицеры кавказских полков вновь «доказали, сколь крепка дис-

циплина в частях дивизии и как высок воинский дух горцев Кавказа».

В ту ночь на 13 июля командующий 34-м армейским корпусом лично обратился к командиру Татарского полка полковнику Левану Магалову за содействием в наведении порядка на Гусятинском шоссе и в местечке Котюжаны, где начались грабежи и пожары, «произведенные нахлынувшей волной дезертиров и скопившимися обозами. Татарские ногайки навели быстро порядок».

В ночь на 14 июля на дивизию была возложена задача — прикрыть отход 6-го и 41-го корпусов с позиции у Хоросткова и Сухостава за реки Гнила и Збруч.

При выполнении этой трудной задачи, отметит в приказе генерал Багратион, особенно отличилась «разведывательная сотня Черкесов» под командованием поручика Александра Шестакова, «за что объявляю ему, офицерам и молодцам Черкесам 2-й сотни сердечную благодарность». В то же время «4-я сотня Ингушей полдня отбивала нападавших на нее немцев, не допуская их приблизиться к нашей позиции».

С утра 14 июля Черкесский и Ингушский конные полки, возглавляемые комбригом генерал-майором Гагариным, с двумя орудиями 16-й Донской казачьей батареи, а после полудня и «с Татарами» сдерживали у селения Перемыловки «наседавших австро-германцев». После восемнадцати часов и до наступления полной темноты Кабардинский, 2-й Дагестанский, Чеченский и Татарский полки оставались в прикрытии, заняв позиции у села Ключвинцы, на правом берегу реки Гнилы. Их сотни, поддержанные огнем 8-го Донского казачьего артиллерийского дивизиона и пулеметов, «решительно остановили натиск противника на фронт отошедших 6-го и 41-го корпусов».

Боевые действия полков Кавказской конной дивизии по прикрытию отходивших частей Юго-Западного фронта продолжались и в последующие дни. А 16 июля генерал-лейтенант Багратион в своем приказе объявил, что «с 16-го сего же июля» командир 2-й бригады генерал-майор принц Фазула-Мирза Каджар срочно «командируется» для лечения на Кавказские минеральные воды (сказалось тяжелое ранение на Румынском фронте). Во временное же «командование бригадой вступить командиру Чеченского полка полковнику Мусалаеву», а временное командование над Чеченским полком принять полковнику О' Рем.

В ночь на 17 июля Ингушский конный полк «был выделен» в распоряжение командира 41-го армейского корпуса «для несения разведывательной службы перед фронтом корпуса» и несколько дней действовал на правом берегу Збруча, в отрыве от других частей дивизии...

И только после полудня 18 июля, когда основной состав Кавказской конной дивизии, после переправы через реку Збруч, вышел на территорию Подольской губернии, для нее окончился трудный девятидневный переход, протяженностью около 300 километров.

«Весь этот тяжкий переход печального отхода наших армий с 10 июля от Станиславова к Государственной границе на реке Збруч,— отметит в приказе генерал Багратион,— совершен дивизией без обоза и подвоза продовольствия людям и лошадям, причем за это время дивизия работала в районе шести корпусов...

За отличную боевую работу частей дивизии объявляю сердечную благодарность командиру 3-й бригады генерал-майору князю Гагарину, командующему 1-й бригадой полковнику князю Амилахвари, временно командующему 2-й бригадой полковнику Мусалаеву, командирам полков — Кабардинского полковнику Абелову, 2-го Дагестанского полковнику Хаджи Мурату, Татарского полковнику Магалову, временно командующему Чеченским полком полковнику О'Рем, Черкесского полковнику князю Чавчавадзе и Ингушского полковнику Котиеву, командиру 8-го Донского казачьего артиллерийского дивизиона полковнику Седову, начальнику штаба дивизии Генерального штаба полковнику Гатозскому... а также всем молодцам всадникам, казакам и солдатам частей дивизии».

В том же приказе по дивизии № 177 за 25 июля 1917 года пункт второй посвящался специально полковнику Владимиру Давидовичу Абелову, в оценке боевой деятельности которого командующий дивизией генерал-лейтенант Багратион, по сути дела, сказал о заслугах Кабардинского полка, входившего в 1-ю бригаду:

«Полковник Абелов, вступив 11 минувшего июня в командование Кабардинским конным полком, с 20 июня по 8 июля временно командовал 1-й бригадой, участвуя с нею во всех боях с 25 июня — в наступательной операции от гор. Станиславова на реку Ломницу перед фронтом 12-го корпуса. Бой у дер. Бабино с захватом переправ на реке Ломнице, отбитие атаки немцев под Калушем, затем наступательные бои на правом фланге 16-го корпуса у сел. Новица и Угринов-Старый украсят

послужной список этого выдающегося боевого штаб-офицера, спасшего положение 47-й пехотной дивизии.

От лица службы приношу полковнику Абелову сердечную благодарность за отличное командование 1-й бригадой».

По представлению полковника Абелова офицеры Кабардинского полка, проявившие воинскую доблесть в июньских и июльских боях, будут награждены орденами. В связи с тем, что Кавказская конная дивизия после перехода через Збруч входила теперь в состав 7-й армии, как ее резерв, командарм генерал Селивачев, как того требовали правила, и производил награждения. Офицеры Кабардинского полка проходили по его приказам за 6, 12 августа и 10 сентября, о чем соответственно объявлял полковник Абелов, говоря, что «приказом VII армии нижепоименованные офицеры вверенного мне полка за отличия в делах против неприятеля награждены орденами»:

Св. Анны 2-й степени с мечами

Поручик князь Науруз Наурузов.

Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом

Прапорщик Кургоко Темтиров.

Корнет Алексей Арсеньев*.

Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость»

Корнет Али Инароков.

Прапорщик Ибрагим Биев.

Прапорщик Пшемахо Абуков.

Св. Станислава 2-й степени с мечами

Корнет Чепеллеу Урусбиев.

Корнет Али Инароков.

Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом

Прапорщик Темиркан Хурзанов.

Прапорщик Кургоко Темтиров.

* * *

Пункт третий приказа генерала Багратиона № 177 от 25 июля 1917 года посвящался временно командовавшему 2-м Дагестанским конным полком подполковнику Александру Августовичу Гольдгаару, участнику войны

---

* Автор очерка «Кавказская Туземная Конная Дивизия», опубликованного в 1958 году в парижском журнале «Военно-исторический вестник».

с Японией, в 1915 году в рядах Дагестанцев заслужившего Георгиевское оружие:

«С 20 июня по 8 июля подполковник Гольдгаар временно командовал 2-м Дагестанским конным полком и при чрезвычайно трудной обстановке наступления к реке Ломнице, и в особенности в кровопролитных боях у села Новице с 2 по 5 июля, когда Дагестанцы, обильно полив поле боя кровью своих павших героев: штабс-ротмистра Карла Задейка, поручика Петра Хоранова, прапорщика Батырхана Арацханова и 20 раненых и убитых всадников и до 30 лошадей, не только удержали высоту 364, но и все положение в стыке 16-го и 21-го корпусов. Подполковник Гольдгаар, как и в должности командира сотни в прошлых боях, выказал энергию и отвагу, за что приношу ему сердечную благодарность».

После тяжелых боев на реке Ломнице, под Калушем и Новицей и трудного перехода от Станиславова за реку Збруч полки Кавказской конной дивизии вновь, как и весной, разместятся в Подольской губернии. Дивизионный штаб обоснуется в селе Остапковцы, под Проскуровом. Сюда 24 июля полковник Асланбек Байтиевич Котиев и приведет Ингушский конный полк, задержавшийся с передовыми армейскими частями на правобережье реки Збруч.

«В ночь на 17 июля с. г. Ингушский конный полк поступил в распоряжение командира 41-го армейского корпуса, — сказано в приказе генерала Багратиона по дивизии от 31 июля 1917 года. — Командир полка полковник Котиев, переводя полк из района Козино в Садзавку, выслал сильную разведку на фронт Элеоноровка, Сорски. Благодаря действию разведывательных частей и сотен полка, наступление противника было приостановлено на три дня, и пехота получила возможность закрепиться на восточном берегу реки Гнилы».

И далее в своем приказе командир дивизии Багратион объявлял, что начальник штаба 41-го корпуса генерал-майор Михайлов выразил горячую благодарность командиру Ингушского полка полковнику Котиеву «за трехдневную боевую неутомимую работу» и своим «отношением» от 21 июля сообщил ему: «Считаю долгом засвидетельствовать, что Ингушский полк с 16 по 21 июля сего года, состоя в 41-м корпусе, нес разведывательную службу перед фронтом корпуса и выполнял с успехом все возложенные на него задачи по разведке в районе дер. Элеоноровка — Сорски, за что от лица службы при-

ношу благодарность всем г.г. офицерам и солдатам названного полка».

В заключение приказа по дивизии генерал-лейтенант Багратион скажет: «Со своей стороны приношу сердечную благодарность командиру Ингушского конного полка полковнику Котиеву, г. г. офицерам, всадникам и пулеметчикам полка».

* * *

22 июля на укомплектование полков дивизии прибыли запасные сотни «4-й очереди», прошедшие трехмесячную боевую подготовку в дивизионном запасном полку, вкодившем в состав Действующей армии. По сохранившимся документам известно, что во 2-й Дагестанский полк влилось 116 всадников, уроженцев Дагестана, в Чеченский — 70 чеченцев, в Татарский — 116 татар и азербайджанцев, в Черкесский — 136 черкесов, карачаевцев, абхазов.

4-ю запасную сотню, в составе 115 всадников кабардинцев и балкарцев, привел в Кабардинский полк, в деревню Воровцы, под Винницей, поручик Заурбек Даутоков-Серебряков. Согласно донесению полковника Абелова в штаб дивизии, в его рядах на 27 июля вместе с прибывшей запасной сотней, вернувшимися после болезней и ранений из лазаретов всадниками и офицерами насчитывалось: «офицеров 30, пашек 593 и сотен 4».

23 июля последует откомандирование поручика Заурбека Даутокова-Серебрякова из «кадра запаса» в основной состав Кабардинского полка. А 29 июля полковник Абелов предписал ротмистру Николаю Степанову сдать, а «поручику Даутокову-Серебрякову принять на законном основании 3-ю сотню». Позже, в конце октября, уже в Нальчике он же объявит по полку о том, что 29 августа 1917 года приказом Временного правительства по Армии и Флоту «вверенного мне полка поручик Даутоков-Серебряков произведен в штабс-ротмистры».

В конце июля в Кавказской конной дивизии, согласно приказу командующего Юго-Западным фронтом, началась подготовка «кадрового состава» из офицеров и урядников, предназначенных для набора новых запасных сотен «5-й очереди» для всех шести полков. В ближайшее время им предстояло выехать на Кавказ во главе с «командиром кадра» — командиром запасного полка полковником Татарского полка князем Захарием

Арчиловичем Чавчавадзе — и назначенным к нему помощником по строевой части подполковником 2-го Дагестанского полка князем Нух-беком Тарковским, который уже в сентябре будет произведен в чин полковника.

В связи с предстоящим отъездом на Кавказ офицеров для набора «5-го пополнения» приказом по дивизии генерал Вагратион укажет:

«Чеченского конного полка ротмистр Мамышев (Барасби) прикомандировывается к Кабардинскому конному полку с назначением командиром Кабардинской запасной сотни».

«Прикомандировывается к кадру запаса дивизии Ингушского конного полка поручик Мальсагов (Сосырко) — на должность командира запасной сотни».

«2-го Дагестанского конного полка поручик граф Толстой (Михаил) прикомандировывается к кадру запаса дивизии».

«С кадром запаса» надлежало следовать в Грозненский округ и поручику Чеченского полка князю Магомеду Бековичу-Черкасскому, назначенному командиром запасной Чеченской сотни.

В середине августа чины «кадрового состава» дивизии придут в Терскую, Кубанскую, Дагестанскую области и в Елизаветпольскую губернию — на места формирования кавказских полков — и начнут новый набор в запасные сотни, но выступить на фронт им уже не придется...

* * *

Еще 24 июня 1917 года Временное правительство по представлению военного и морского министра Александра Федоровича Керенского принимает постановление о награждении офицеров «солдатскими» Георгиевскими крестами, а рядовых чинов — офицерским орденом св. Георгия 4-й степени, что делалось в целях сближения «нижних чинов» и офицерского состава армии и флота, антагонизм между которыми в большинстве частей все более возрастал по мере разложения и развала армии. Мера эта, конечно, в то время являлась весьма демократической и значительно ускоряла само награждение отличившихся в боях.

Солдатскими Георгиевскими крестами, как говорилось в постановлении, награждаются офицеры «за подвиги личной храбрости и доблести», в порядке «посте-

пенности, начиная с 4-й степени», — по удостоению общего собрания роты, эскадрона, сотни, батареи. Затем решение о награждении должно было поступить «на обсуждение и заключение полковой наградной Думы», которую и надлежало избрать в каждом полку. Окончательное постановление наградной Думы о награждении офицеров Георгиевскими крестами направлялось через командиров частей на утверждение командующих дивизиями.

Пункт десятый постановления Временного правительства «О награждении офицеров солдатскими Георгиевскими крестами» гласил: «Солдатский Георгиевский крест, присуждаемый офицерам, согласно настоящего положения, ввиду особого почетного назначения этой награды и в отличие от солдатских Георгиевских крестов, полученных офицерами до производства в офицерский чин, имеет на ленте металлическую лавровую ветку по цвету креста и носится выше всех орденов, кроме ордена св. Георгия».

О награждении всадников Кавказской конной дивизии офицерским орденом св. Георгия 4-й степени сведений не имеется. Солдатскими же Георгиевскими крестами, как свидетельствуют немногие дошедшие до нас документы, к сожалению, не по всем полкам (неизвестны данные по Чеченскому и Черкесскому полкам), был награжден ряд офицеров, проявивших мужество в июньских и июльских боях...

В Кабардинском конном полку, расквартированном в украинской деревне Воровцы, 27 июля состоялись выборы полковой наградной Думы. Согласно новому положению Временного правительства, в Думах отныне решались вопросы о награждении как офицеров солдатскими Георгиевскими крестами, так и нижних чинов.

На следующий день, 28 июля, полковник Абелов своим приказом утвердил состав наградной Георгиевской Думы Кабардинского конного полка: «Членами в полковую наградную Думу избранными оказались: от 1-й сотни корнет Али Инароков и юнкер милиции Исмаил Абезыванов, от 2-й сотни вольноопределяющийся Ахмед Лафишев и младший урядник Гид Каншаов, от 3-й сотни подпрапорщик Исмаил Тхазеплов и юнкер Туган Кудашев и от 4-й сотни младшие урядники Хажимуса Кулатов и Хаджи-Мурат Асанов».

Члены наградной Георгиевской Думы корнет Али Инароков и подпрапорщик Исмаил Тхазеплов имели все четыре степени Георгиевского креста, остальные явля-

лись кавалерами Георгиевских крестов, заслужив их на полях сражений в Галиции и Румынии. А ветеран русско-японской войны Хаджи-Мурат Асанов получил Георгиевский крест еще в 1905 году.

Подобные наградные Думы в те дни были избраны и в других полках дивизии, но сведений об их составе разыскать в архивах не удалось. С начала августа начались заседания полковых Дум, на которых принимались постановления о награждении офицеров Георгиевскими крестами.

С ноября 1916 года в Кабардинском конном полку служил штабс-ротмистр Георгий Федорович Волошинов, до этого воевавший в составе Татарского полка и заслуживший в его рядах Георгиевское оружие. В период июньских и июльских боев в Галиции он командовал 1-й сотней. Собравшись на свое первое заседание, Георгиевская Дума Кабардинского полка единогласно принимает решение наградить этого отважного офицера солдатским Георгиевским крестом. И 11 августа командир «Кавказской туземной конной дивизии» генерал-лейтенант Багратион в своем приказе объявит:

«Утверждаю постановление Георгиевской Думы Кабардинского конного полка от 2-го сего августа об удостоении штабс-ротмистра Георгия Волошинова солдатским Георгиевским крестом 4-й степени за то, что 4-го июля 1917 года под дер. Новица, когда отошли наши пехотные части, не обращая внимания на паническое бегство их, поскакал с 1-ю сотнею по направлению к неприятелю, и, личною разведкою выяснив тяжелую обстановку нашего участка, присоединил к своей сотне 2-ю сотню полка, и, подведя обе сотни ближе к неприятелю, развернув их в боевой порядок, по личной инициативе лихо повел всадников в конную атаку, и загнал неприятельскую пехоту за проволочные заграждения, в их окопы.

Затем штабс-ротмистр Волошинов с несколькими всадниками пробился через заграждения, где освободил наших и забрал пленных германцев, давших потом очень ценные сведения...»

Постановлением Георгиевской Думы Кабардинского конного полка от 24 августа награжден солдатским Георгиевским крестом 4-й степени:

Прапорщик Ибрагим Лафишев — «за то, что он 2-го июля перед конной атакой, будучи выслан с дозорными для определения укрепления противника, подошел

к проволочным заграждениям и, несмотря на сильный ружейный и пулеметный огонь неприятеля, перерезал проволочные заграждения последнего и тем дал возможность сотне пойти в атаку».

Ибрагим Абубекирович Лафишев — «из кабардинцев селения Лафишево» (Псыхурей). Родился 12 июля 1895 года. Получил «Свидетельство Пятигорской гимназии от 10 сентября 1915 года о выдержании испытаний на поступление вольноопределяющимся 2-го разряда». В Кабардинский конный полк вступил добровольцем 1 октября 1915 года. За мужество в боях награжден чином юнкера и двумя Георгиевскими крестами — 4-й степени за то, что на реке Днестре в районе деревни Шутроминце в ночь «с 14 на 15 декабря 1915 г. вызвался охотником в разведку, что и выполнил с успехом»; «3-й степени № 181435» за то, что в Румынии «24 декабря 1916 г. у дер. Византия-Розаска, находясь в секрете и будучи окружен противником, с явной личной опасностью, пробился и присоединился к своей части».

Приказом командующего Юго-Западным фронтом от 13 июня 1917 года юнкер Ибрагим Абубекирович Лафишев произведен в прапорщики.

В начале 1918-го, находясь с Кабардинским полком в Нальчике, кабардинский дворянин Ибрагим Лафишев женится на Жаннет — младшей дочери балкарского историка и просветителя таубия Мисоста Кучуковича Абаева. В девятнадцатом у них родится сын Измаил.

В период Гражданской войны офицер Лафишев служил в белой армии в рядах Кабардинской конной дивизии. В 1920 году эмигрировал за границу — жил в Турции, Франции, затем переехал в США, где в пятидесятые годы и скончался. Взять с собой во время отступления белой армии жену и малолетнего сына он, конечно же, не мог. Они остались в Советской России.

Сын «белого эмигранта» Ибрагима Лафишева — Измаил Лафишев стал участником Великой Отечественной войны и погиб, защищая Родину от гитлеровских захватчиков...

Постановлением Георгиевской Думы 2-го Дагестанского конного полка от 8 августа награждаются солдатскими Георгиевскими крестами 4-й степени:

Подпоручик Ага Джафаров — «за то, что в бою за гор. Калущ 29 июня, будучи послан в боевой разъезд со взводом для охраны нашего левого фланга и увидевши наступающие от полустанка цепи противника, спешился

и, несмотря на губительный огонь, самоотверженно жертвуя собой, удерживал наступление противника, подвергаясь опасности быть окруженным, чем дал возможность удержаться всем сотням на своих позициях».

Подпоручик Батырхан Арацханов, посмертно, — «за то, что в бою 4 июля с. г., будучи в цепи наших спешенных сотен, попавших в критическое положение, собственным примером самообладания и храбрости воодушевил всадников, упорно отбивающихся от превосходящих сил наседающего противника. Был везде впереди, жизнью своей запечатлев свой подвиг».

Батырхан Арацханов в августе 1914 года вступил всадником во 2-й Дагестанский полк. За боевые заслуги получил в награду Георгиевские кресты 4-й и 3-й степени и офицерский чин. В 1916-м был награжден орденом св. Анны 4-й степени с подписью «За храбрость».

Прапорщик Абумуслим Атаев — «за то, что в бою у дер. Новица 3 июля, вызвавшись охотником с несколькими всадниками на опасную разведку, под губительным огнем, проявив находчивость, распорядительность и выдающуюся храбрость, собрал ценные сведения, помогшие нашим спешенным цепям разобратся в положении, что дало возможность отразить атаки противника».

Абумуслим Атаев с 1914 года служил всадником во 2-м Дагестанском полку. Был награжден Георгиевскими крестами 4-й, 3-й степени и за боевые отличия произведен в прапорщики. Осенью 1915 года заслужил орден св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость».

Корнет Исмаил Акчурин — «за то, что в бою у дер. Ключинце 17 июля с. г. при наступлении противника, самоотверженно забывая об опасности, ободрял всадников; руководил своей сотней настолько умело, что остановил наступление противника».

Корнет Исмаил Акчурин в боях на Румынском фронте заслужил орден св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость».

Постановлениями Георгиевской Думы Ингушского конного полка от 19-го и 24 августа награждены солдатскими Георгиевскими крестами 4-й степени:

Поручик Магомет Бек-Бузаров — «за то, что 26-го июня 1917 года, когда была отрезана дорога высланному от Ингушского конного полка в расположение неприятеля разъезду, поручик Бек-Бузаров с полусотней всадников, видя безвыходное положение разъезда, увлекая всех всадников собственным примером, бросился к нему на

выручку и, несмотря на сильный действительный как артиллерийский, так и ружейный огонь противника, принудил противника остановить преследование разбега и отступить назад, чем был предотвращен обход неприятелем наших наступающих войск и восстановлена прерванная во время боя связь».

Поручик Магомет Иналович Бек-Бузаров за боевые отличия в период Брусиловского прорыва награжден орденом св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», на Румынском фронте — орденом св. Анны 3-й степени с мечами и бантом.

Поручик Дудар Добриев — «за то, что в бою 4-го июля 1917 года самыми решительными мерами остановил часть бежавшей нашей пехоты и влил ее в цепь спешенных всадников. Этими решительными действиями было остановлено наступление противника и спасено наше положение».

Поручик Дудар Арсанакевич Добриев в период Брусиловского наступления летом 1916 года заслужил орден св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом; за боевые отличия в декабрьских боях в Румынии награжден орденом св. Станислава 2-й степени с мечами.

«Ингушского конного полка штабс-ротмистр Баранов — за то, что в ночь с 13 на 14 июля во главе 4-й сотни, идя на разведку и наткнувшись в деревне Хавилов-Малый на германские посты, выбил их из деревни, потом двинул сотню, насчитывающую 50 всадников на Мшанец, где сотня была окружена германской пехотой, открывшей по ней сильный ружейный огонь. Благодаря распорядительности и смелости штабс-ротмистра Баранова сотне удалось прорвать цепь германцев (силою приблизительно до трех рот) и отойти под артиллерийским огнем на деревню Хавилов-Великий, и потом до 3-х часов 14 июля, смело распоряжаясь во главе сотни, выдержал 10-часовой арьергардный бой, сдерживая во много раз сильнеего противника, и отвел сотню, только расстреляв все патроны».

Александр Николаевич Баранов имел солдатский Георгиевский крест 4-й степени, получив его в 1900 году в период Китайской кампании. На русско-японской войне уже в чине офицера заслужил два ордена. В Ингушском конном полку — с сентября 1914 года. За время службы в рядах Ингушей удостоен Высочайшего благоволения и пяти орденов, среди которых — св. Георгия 4-й степени за мужество при взятии деревни Езераны в период Брусиловского наступления.

Постановлениями Георгиевской Думы Татарского конного полка от 18-го и 22 августа 1917 года награждаются солдатскими Георгиевскими крестами 4-й степени:

Офицер штаба Кавказской конной дивизии «Кабардинского конного полка ротмистр Кубатиев — за то, что 28-го июня с. г. во время боя под гор. Калушем находился на наблюдательном пункте на колокольне костела в самом городе, который обстреливался ураганным огнем тяжелой артиллерии противника. Огонь был настолько сильным, что сам костел был им разрушен до основания и весь город пылал. Но ротмистр Кубатиев, презирая личную опасность и сознавая важность наблюдения за противником, все время не покидал наблюдательный пункт и, сообщая о всех передвижениях противника, тем самым способствовал нашему успеху в деле отстаивания города Калуша».

Старший адъютант штаба «Кавказской туземной конной дивизии» по строевой части ротмистр Дохчику Кубатиев состоял в списках офицеров Кабардинского конного полка. За боевые отличия награжден пятью орденами.

Командир Татарского полка полковник князь Леван Магалов — за то, что 29-го июня 1917 года у гор. Калуша лично руководил действиями полка под действительным пулеметным и орудийным огнем противника, ободряя всадников примером личной храбрости, в результате чего противнику не удалось завладеть гор. Калушем».

Татарского конного полка корнет князь Хаитбей Шервашидзе — за то, что 26-го июня 1917 года у дер. Беднарув, командуя сотней, был окружен сильнейшим противником, но, бросившись на него, пробился и присоединился к полку, захватив при этом 8 пленных».

Корнет Хаитбей Шервашидзе происходил из владетельных князей Абхазии. За храбрость в боях награжден орденами св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом и св. Станислава 2-й степени с мечами.

Поручик Джамшид Хан Нахичеванский — за то, что 29-го июня 1917 года у гор. Калуша, будучи впереди своей сотни, первый бросился на противника в атаку и обратил его в паническое бегство».

Поручик Джамшид Хан Нахичеванский — потомок владетеля Нахичеванского ханства. Награжден четырьмя орденами.

Татарского конного полка корнет граф Николай Бобринский — за то, что 28-го июня 1917 года у гор. Калуша отбил противника, зашедшего во фланг нашим

частям, предотвратив неминуемый прорыв нашего фронта».

В августе 1917-го в войсках станет известно и о том, что «постановлением отдельных частей» 12-го армейского корпуса солдатский Георгиевский крест 4-й степени был присужден его командиру генерал-лейтенанту Владимиру Андреевичу Черемисову «за блестящую подготовку и управление славными боями корпуса 23—26 июня». Под его командованием сражалась в те июньские дни и Кавказская конная дивизия.

* * *

Утверждая постановления полковых Георгиевских Дум о награждении офицеров солдатскими Георгиевскими крестами, командир дивизии генерал-лейтенант Багратион в своих приказах объявит и о следующем:

«Приказом Армии и Флоту 31 мая с. г. утверждено пожалование командующим 9-й армией за отличия в делах против неприятеля:

2-го Дагестанского конного полка *поручикам графу Михаилу Толстому и Нуретдину Акаеву* — ордена св. Станислава 2-й степени с мечами...

За отлично-усердную службу и труды, понесенные во время военных действий, Чеченского конного полка *прапорщику Чингис-Хану Эльмурзаеву* — ордена св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом».

«Приказом VIII армии от 30 июля с. г. за № 1056 за отличия в делах против неприятеля награждены орденами:

Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом
Ингушского конного полка.

Подпоручик милиции Алисхан Плиев.

Прапорщик милиции Хаджи-Мурат Местоев.

Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость»

Чеченского конного полка.

Подпоручик Абдул-Муслим Борщиков.

Ингушского конного полка.

Корнет Камбулат Добриев.

Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом

Состоящие в прикомандировании:

к Ингушскому конному полку *прапорщик 3-го Осетинского пешего батальона Сафар-Бек Тамасханов и*

к Чеченскому конному полку 2-го въючного транспорта 10-го Кавказского обозного батальона прапорщик Ахия Джабоев».

Указанный в приказе прапорщик Ахия Кургокович Джабоев, прикомандированный к Чеченскому полку, награжденный за боевые отличия в летних боях орденом св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом, был известным в Нальчикском округе учителем. Он родился в 1874 году в Хуламском обществе Балкарии. После окончания Закавказской учительской семинарии в Гори работал в селениях Кабарды, затем в Нальчикской горской школе, преобразованной в реальное училище.

Осенью 1915 года Ахия Кургокович добровольно уходит на службу в армию и вскоре его направят в Телавскую школу прапорщиков. Весной 1916-го, по завершении ускоренного курса обучения, прапорщик Джабоев, как свидетельствует документ, «был откомандирован на Кавказский фронт и назначен командиром 1-го конного въючного транспорта», доставлявшего военные грузы и продовольствие на передовые позиции русских частей под Трапезундом, в Турции. С марта 1917 года Ахия Джабоев служил в Чеченском конном полку, куда переводится по его ходатайству. Так он оказался в одной части вместе с ротмистром Барасби Саляховичем Мамышевым, на родной сестре которого был женат.

После возвращения осенью 1917 года Кавказской конной дивизии на Северный Кавказ прапорщик Джабоев продолжал нести службу в Чеченском полку. Потом, в середине декабря, его переведут из Грозного в Нальчик, в Кабардинский конный полк. И 19 декабря полковник Абелов в своем приказе укажет: «Прапорщика Джабоева назначить младшим офицером в 3-ю сотню». Он служил в полку до марта 1918 года, вплоть до последних дней его существования.

В апреле восемнадцатого Ахие Кургоковичу, как человеку известному и авторитетному в Кабарде и Балкарии, будет предложено занять должность комиссара 2-го участка Нальчикского округа, в ведение которого входили все Балкарские общества. На этом посту он оставался до конца ноября 1918 года.

В 1919-м прапорщик Ахия Джабоев был мобилизован белыми властями и служил в транспортной команде. С приходом Советской власти дважды арестовывался и подвергался заключению, но затем освобождался. С 1923 года заведовал школой в селении Вольный Аул.

В декабре двадцать шестого арестован в третий раз. По сфабрикованному в ОГПУ делу учитель Ахия Кургокович Джабоев обвинялся в «антисоветской деятельности», «связях с бандитами» и распространении «ложных слухов в контрреволюционных целях».

30 марта 1927 года дело «по обвинению гражданина Джабоева Ахии Кургоковича в бандитизме» рассматривалось «крайтройкой» в Ростове-на-Дону: «Считая его элементом неисправимым и вредным Союзу ССР, тройка постановила: применить к нему, Джабоеву Ахией Кургоковичу, высшую меру социальной защиты — расстрел».

Ветеран Чеченского и Кабардинского полков, учитель Ахия Кургокович Джабоев будет расстрелян в Нальчике в ночь с 6-го на 7 апреля 1927 года...

* * *

Летнее 1917 года наступление российской армии окончилось неудачей. В стране же все более обострялась политическая обстановка, усиливался хаос, продолжался развал армии, нагнеталась «классовая ненависть» — все то, что совсем уже скоро бросит Россию и все ее народы в кровавое горнило братоубийственной Гражданской войны...

В полдень 7 августа начальник штаба Кавказской конной дивизии полковник Гатовский из села Остапковцы направил приказание командирам всех полков и частей, предписывая им, «ввиду ожидаемой на днях перевозки дивизии на Северный фронт», срочно, к 24 часам того же дня, представить ему сведения о требуемом количестве вагонов для перевозки людей, лошадей, имущества и вооружения.

Приказание Гатовского еще более усилило давно идущие в дивизии разговоры и предположения о том, что кавказским полкам предстоит оказать Временному правительству помощь в наведении в Петрограде порядка и подавлении антиправительственных «большевистских сил»...

9 августа командующий дивизией генерал-лейтенант Багратион объявил в своем приказе о новых назначениях в командном составе, в связи с переводом на новое место службы командира 3-й бригады генерал-майора Александра Васильевича Гагарина:

«Командир Черкесского конного полка полковник князь Чавчавадзе допускается к командованию 3-й бри-

гадой и Черкесского конного полка полковник Султан Крым-Гирей — командиром этого полка».

Так полковник Крым Селетович Султан-Гирей, известный как Султан Крым-Гирей, стал во главе Черкесского полка, являясь в то же время председателем полкового и дивизионного комитетов, созданных в армии по распоряжению Временного правительства.

Незадолго до этого, когда в Галиции еще шли боевые действия, ему срочно пришлось покинуть полк и выехать в родной аул под Екатеринодаром, что в тех условиях могло быть связано со смертью кого-то из его близких. И там, в Кубанской области, Султан Крым-Гирей, прошедший через сражения Японской и Первой мировой войн, храбрый и умный человек, с большим кругозором, прекрасно разбиравшийся в сложившейся в тот период в стране и в армии обстановке, выступил в печати со статьей «Кавказская туземная конная дивизия (Письмо полковника «Дикой дивизии)», подписав ее: «Находящийся в кратковременном отпуску полковник Султан Крым-Гирей».

15 июля 1917 года статья была опубликована в Екатеринодаре «органом республиканской мысли» — газетой «Новая жизнь». Ее также перепечатали екатеринодарские газеты «Вольная Кубань» и «Листок войны»*.

В том «письме» полковника Султана Крым-Гирея сохранилась удивительно верная оценка ситуации, связанной с Кавказской конной дивизией, ее местом в идущей войне и сложных политических событиях в России, а мысли, им высказанные, актуальны и по сей день.

«С самого начала этой великой войны на западном фронте непрерывно работает целая дивизия кавказских добровольцев, — писал Султан Крым-Гирей. — Не мне напоминать читателю о славных делах этой дивизии. Они достаточно ярко обрисованы почти во всех сообщениях Верховного Главнокомандующего и в бесчисленных корреспонденциях с театра войны.

Достаточно, если вспомнить о действиях так называемой «Дикой дивизии» в прошлогоднем наступлении генерала Брусилова, когда наша дивизия за лето 1916 года сделала шестнадцать конных атак, причем в каждой из

---

* Полностью статью полковника Султана Крым-Гирея «Кавказская туземная конная дивизия», с прибавлением лишь небольшой концовки, 13 сентября 1917 года напечатала и владикавказская газета «Терский вестник», но под публикацией стояла подпись: «А. Мурынкин». Скорее всего это произошло по вине редакции, допустившей здесь ошибку.

этих атак принимали участие не менее сотни, зачастую дивизионы, целые полки, и даже бригады. Атаки эти производились неоднократно против нерасстроенной австро-германской пехоты, тяжелых и легких батарей и пулеметов. В числе прошлогодних трофеев дивизии были: 6 германских тяжелых гаубиц, много пулеметов и несколько тысяч пленных германцев и венгров.

За это же время наша дивизия ходила в атаку и в пешем строю, совершая изумительные подвиги, чем приводила в восхищение как боевых соседей, так и высший командный состав...

Все это перечисляется для того, чтобы все знали, почему туземцы, пославшие своих сыновей и братьев на фронт, с чувством полного удовлетворения могут следить за подвигами близких им людей.

Я могу заверить своих земляков и читателей, что все чины нашей дивизии преисполнены желанием наилучшим способом исполнить свой долг перед Россией и кому суждено — вернуться, не замарав честь тех народов, которые послали нас и теперь вправе этого ожидать от нас».

Далее полковник Султан Крым-Гирей в своей статье обратился к событиям, связанным с Февральской революцией, рассказав о положении дел и настроении в дивизии на общем фоне ситуации, складывавшейся в армии и по стране:

«К сожалению, со дня великой русской революции вокруг нашей дивизии ходили и ходят всевозможные небывлицы и слухи. Один из этих слухов последнего времени заставляет написать эти строки.

Предупреждаю, что я не занимаюсь и не буду заниматься политикой, пока я солдат и ношу военный мундир, потому что солдат-политик не сумеет в нужную минуту быть просто солдатом...

Перед самым переворотом ходили упорные слухи, что нашу дивизию возьмут в Петроград для поддержания ускользавшей власти старого правительства... К величайшему счастью, старая власть нас для этих целей не беспокоила, и мы продолжали нести нашу почетную боевую службу на поле чести.

Когда переворот совершился и новое правительство стало нуждаться в опоре верных долгу войск — стали поговаривать, что нас могут для наведения порядка в России взять в тыл.

На эти слухи я, как председатель комитета Кавказской конной дивизии и полкового комитета Черкесского

конного полка, неизменно отвечал, что ни при каких обстоятельствах для подавления каких-либо беспорядков в России мы, туземцы, не должны быть привлечены, и свое отрицательное отношение к этому вопросу объяснял так: «Несмотря на то, что наши мусульманские полки в настоящее время самые надежные и самые дисциплинированные и они всецело (как подобает истинным солдатам) повинуются своим начальникам и Временному Правительству, но все же они не чисто русские люди.

Если они, действуя против мятежников, губящих Россию, и против самых закоренелых уголовных преступников, арестуют кого-нибудь — непременно будут кричать, что «Дикая дивизия» совершает насилие против светлых личностей русской свободы».

И потому, писал в статье Султан Крым-Гирей, он «неоднократно в беседах с всадниками и офицерами, командирами и начальствующими лицами дивизии высказывал мысль», что посылать их, кавказцев, «в карательную экспедицию не надо, и если это сделают, то совершат величайшую несправедливость против туземных полков и их населения. Великая Россия сумеет найти среди многомиллионной армии верных долгу людей. Русская болезнь должна быть вылечена русскими же средствами, т. е. если необходимо, то русские полки должны сами навести порядок внутри страны.

Если бы я был среди русских солдат, то звал бы их всех исполнить свой долг перед Родиной как на фронте, так и в тылу. Но туземные полки в других условиях, вероятно, и не будут посланы внутрь России.

Зато я ручаюсь, — продолжает в статье полковник Султан Крым-Гирей, — если бы среди нашего туземного населения появились бы политические или иные группы людей, готовых погубить Россию и русскую свободу, то все наши конные полки, и я первый, пошли бы против них и своими усилиями уничтожили бы подобные явления.

А против русских людей, какие бы преступления они ни совершали, не следует нас посылать. Я убежден, что таково господствующее мнение наших полков и всего туземного населения».

В завершение своей статьи в екатеринодарской газете «Новая жизнь» полковник Султан Крым-Гирей говорит, что «все вышеизложенное» им вызвано тем, что в «Русском Слове» была помещена заметка, в которой писалось, что «части Чеченского конного полка участво-

вали при водворении порядка в Петропавловской крепости» в Петрограде.

Но это совершенно не соответствовало действительности. «Ведь непрерывно Ставка сообщает, что Туземная конная дивизия все время действует западнее Станиславова у р. Ломницы», — с гордостью за свою дивизию и кавказские полки заявляет Султан Крым-Гирей. И в подтверждение их геройских дел на фронте привел примеры, указав, что 29 июня «Чеченский конный полк сделал смелую атаку перед г. Калушем и взял 4 тяжелых орудия», а 4 июля — 2-й Дагестанский, Черкесский и Кабардинский полки совместно с пехотным батальоном «блестяще атаковали наступающего неприятеля и спасли положение».

«Все это дает право надеяться, что нашей дивизии нет и не будет в Петрограде, — писал полковник Султан Крым-Гирей. — Она с беззаветным мужеством будет прикрывать Родину от грозного наступающего внешнего врага».

Но случится так, что совсем скоро кавказские полки окажутся на гребне сложных политических событий, произошедших в стране в конце августа 1917 года. И сыны Кавказа, прославившие себя на полях сражений, сумеют с честью выйти из создавшегося положения и не окажутся в тот переломный период истории вовлеченными в «междоусобную войну» в России, против чего так настойчиво выступал полковник Султан Крым-Гирей...

* * *

В августовские дни сотрясаемого политическими бурями семнадцатого года началась переброска Кавказской конной дивизии из Подольской губернии в направлении Петрограда. Уже 10 августа полковник Абелов в приказе по Кабардинскому полку объявит: «Согласно приказанию начальника Кавказской туземной конной дивизии, полк сего числа погрузился на станции Гречаны и отправился в район станции Новосокольники».

В те же дни от станции Гречаны, у Проскурова, отходили эшелоны с другими полками и всеми частями дивизии, направляясь в Псковскую губернию, к Новосокольникам, а оттуда на станцию Дно.

Верховный Главнокомандующий Вооруженными Силами России генерал от инфантерии Лавр Георгиевич Корнилов, назначенный на этот пост 19 июля, в тот период готовил поход верных ему войск на Петроград.

с целью разгона Советов, наведения твердой рукой порядка в стране, охваченной безвластием, анархией и хаосом. И он считал, что кавказские полки, наряду с другими боеспособными частями, окажутся надежной силой и опорой в осуществлении его планов.

Именно с этой целью приказом Верховного Главнокомандующего генерала Корнилова № 654 от 21 августа 1917 года сосредоточенная в Псковской губернии Кавказская конная дивизия развертывалась в «Кавказский туземный конный корпус». В связи с этим в его состав вливались три новых полка. «Выделить 1-й Дагестанский и Осетинский конные полки из состава 3-й Кавказской казачьей дивизии и переформировать их в 4-х сотенные,— приказывал Корнилов,— остающихся затем людей... обратить на формирование 2-го Осетинского конного полка».

Новый корпус, согласно его приказу, должен был состоять из двух дивизий, по которым и распределялись все полки «следующим образом:

а) В 1-ю Кавказскую туземную конную дивизию:

1-я бригада — Кабардинский и Черкесский конные полки;

2-я бригада — Чеченский и Татарский конные полки.

б) Во 2-ю Кавказскую туземную конную дивизию:

1-я бригада — 1-й и 2-й Дагестанские конные полки;

2-я бригада — Ингушский и 1-й и 2-й Осетинские конные полки».

Вслед за этим последовали и новые назначения командного состава по корпусу. Корпусным командиром был назначен генерал князь Дмитрий Петрович Багратион. 1-ю дивизию возглавил генерал-майор Александр Васильевич Гагарин, вновь вернувшийся в строй ставших для него близкими кавказских полков. Возглавит одну из бригад полковник Гиви Иванович Амилахвари, а в командование 2-м Дагестанским полком вступил «на законном основании» полковник Арацхан Хаджимуратович Хаджи Мурат. Чеченского конного полка полковник Григорий Эдуардович Келер, бывший офицер-воспитатель Владикавказского кадетского корпуса, получил назначение на должность командира 2-го Осетинского полка.

21 августа, в тот же день, когда Корнилов приказал преобразовать дивизию в корпус, командир Кавказской конной дивизии генерал-лейтенант Багратион, в предвидении скорых испытаний, что выпадут на долю его всадников и офицеров, обратился к ним с приказом, звучав-

шим как предостережение на пороге грядущих политических потрясений: «Блестящая боевая слава Туземной дивизии, которой она пользуется в рядах Русской Армии, дисциплина, чинопочитание, высокий воинский дух ее, о котором в таких лестных словах отзывались наш Верховный Главнокомандующий народный герой генерал Корнилов на смотре дивизии 12-го июня в мест. Заблотов и командарм VII генерал Селивачев 1-го августа, властно повелевают всем чинам дивизии оградить ныне легендарное в грядущей истории имя всадников Туземной дивизии от всяких попустительств и предлогов к порицанию этого героического названия...»

«Льщу себя надеждой,— обращался далее к всадникам и офицерам дивизии генерал Багратион,— что приказ мой будет точно исполнен не за страх перед ответственностью, а во имя ограждения чести доблестного имени Кавказской Туземной конной дивизии и всего светлого и героического, что связано с ним...»

* * *

На исходе августа 1917 года во Владикавказе вышел очередной номер «Терского вестника» с публикацией статьи под названием «О дикой дивизии».

«Граф А. Палецкий,— сообщала газета,— по случаю мусульманского вечера в пользу увечных и семей погибших воинов дикой дивизии в газете «Кавказский край» пишет следующие строки о дивизии». И далее шла сама статья, из которой здесь приводятся некоторые выдержки:

«Дикая дивизия... Дивизия побывала на всех фронтах—на германском, галицийском и румынском—и везде проявляла чудеса храбрости.

Боевые успехи дивизии огромны. В мае [1916 года] у Черновиц один только Кабардинский полк взял 1483 пленных, в том числе 23 офицера, а в общем на всю дивизию приходится количество пленных, в четыре раза превышающее ее состав.

Цифра, как раз обратная недавним успехам «культурной» 11-й армии, из которой четыре солдата бежали от одного германца, позорно обнажая русский фронт...

Дивизия понесла за время своей боевой деятельности много потерь... Но кавказские горцы держались и держатся до сих пор с огромным мужеством и непоколебимой твердостью.

Это одна из самых надежных наших войсковых частей — гордость русской армии...

Кавказцы имели полные моральные основания никакого участия в русской войне не принимать. Мы отняли у кавказцев все: их прекрасные горы, их дикую природу, неисчерпаемые богатства этой благодатной страны...

И вот, когда вспыхнула война, кавказцы добровольно пошли на защиту России и защищали ее беззаветно, не как злую мачеху, а как родную мать... Все кавказцы таковы, в них живет еще истинный дух рыцарства — и на предательство, на удары сзади, из-за угла они не способны.

Не против России и русской свободы идут войны дикой дивизии. Они сражаются вместе с русской армией и впереди всех, и смелее всех умирают за нашу свободу...

Посетив мусульманский вечер, мы отдадим только крошечную частицу того громадного неоплаченного долга, который лежит на всей России, на всех нас, перед Кавказом и перед льющей свою кровь уже три года за Россию — благородной дикой дивизией».

Написанная в далеком 1917 году статья графа Александра Палецкого и сегодня непосредственно обращена к нам своим призывом воздать должное всадникам и офицерам «благородной» Кавказской конной дивизии за их мужество на полях сражений по защите нашего общего Отечества, ведь все мы до сих пор перед ними в «громадном неоплаченном долгу».

* * *

26 августа Верховный Главнокомандующий генерал Корнилов, находясь в Ставке в Могилеве, приказал войскам выступить на Петроград. Главной ударной силой являлись 3-й конный корпус, состоявший в основном из казаков, которым командовал генерал Петр Николаевич Краснов (бывший в 1915-м командиром 3-й бригады Кавказской конной дивизии), и полки «Кавказского туземного конного корпуса», вошедшие в состав отдельной (Петроградской) армии, командующим которой 24 августа Корнилов назначил генерала Крымова.

В то же время выступление Корнилова готовы были поддержать ударные части, сформированные при штабах ряда фронтов, а также в Петрограде, Москве и других городах.

Генерал Корнилов потребовал отставки Временного правительства и передачи всей военной и гражданской власти в его руки, впредь до образования им ответственного кабинета. В ответ на это 27 августа премьер

Керенский послал в Ставку Корнилову телеграмму с отстранением его от должности Верховного Главнокомандующего, с возложением этих обязанностей на себя и с приказанием немедленно прибыть в Петроград.

Корнилов не подчинился требованиям Керенского, надеясь, что направленные им войска дойдут до столицы. А утром 28 августа он выступил с обращением к армии и гражданам России, спешно переданным телеграфом «по линиям железных дорог — всем начальствующим лицам и дорожным комитетам».

В своем обращении Корнилов заявил: «...Великая Родина наша умирает, близок час кончины. Вынужден выступить открыто — я, генерал Корнилов, заявляю, что Временное Правительство под давлением большевистского большинства Советов действует в полном согласии с планом Германского генерального штаба и... убивает армию и потрясает страну внутри...»

Я, генерал Корнилов, сын казака-крестьянина, заявляю всем и каждому, что мне лично ничего не надо, кроме сохранения Великой России, и клянусь довести народ путем победы над врагом до Учредительного собрания, на котором он сам решит свои судьбы и выберет уклад своей новой Государственной жизни».

Из Петрограда за подписью Александра Федоровича Керенского шли спешные телеграммы всем военным и гражданским властям, объявлявшие генерала Корнилова «заговорщиком», «контрреволюционером» «врагом русской свободы», с приказанием не пропускать по железной дороге двигавшиеся от его имени на Петроград войска.

Как известно, так называемый «корниловский мятеж» потерпел неудачу. К началу сентября Корнилов и его сподвижники, в их числе и командующий Юго-Западным фронтом генерал Деникин, были арестованы как «враги революции» для предания их «военно-революционному суду»...

Но вернемся к концу августа, чтобы проследить участие в «корниловской истории» частей Кавказской конной дивизии. В связи с тем, что в те дни «Кавказский туземный конный корпус» находился еще на стадии формирования, в событиях, связанных с мятежом генерала Корнилова, фактически участвовали лишь несколько полков Кавказской конной дивизии.

В те дни генерал Багратион со своим штабом находился восточнее Пскова на станции Дно, от которой шел прямой железнодорожный путь на Петроград. Здесь же,

у станции, в окрестных деревнях, стояли кавказские полки. Еще до начала выступления Корнилова Багратион и полковые командиры получили телеграмму из Владикавказа от Центрального Комитета Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана, в которой говорилось о том, что, по дошедшим до ЦК слухам, «дивизия примет участие в назревающих событиях» — по водворению порядка в Петрограде. В телеграмме категорически запрещалось кавказским полкам «что-либо предпринимать в политике» и заявлялось, что в случае выступления офицеров и всадников горцев «в этом отношении — отцы, матери, братья и сестры проклянут их».

26 августа, когда началось продвижение к Петрограду 3-го конного корпуса, получил приказ быть в готовности к выступлению и генерал Багратион. Но ни он, ни командиры кавказских бригад и полков определенно не знали, какая роль им уготована и куда конкретно должна следовать дивизия. Были только догадки и предположения...

Менее месяца спустя после «корниловского мятежа» председатель комитета «Кавказского туземного конного корпуса», командир Черкесского полка полковник Султан Крым-Гирей, выступая 22 сентября во Владикавказе на 2-м «общегорском съезде», созванном ЦК Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана, поведал горским делегатам о днях, связанных с выступлением генерала Корнилова.

«Я не политик, я только воин, — говорил полковник Султан Крым-Гирей. — Я не в силах передать вам всех чувств, которые мы имеем к вам. Три года мы были далеко от вас, на полях сражений. Мы верили в вас и спокойно работали там. А теперь, явившись сюда, я от имени Туземного корпуса приветствую вас. Мы были далеко от вас, но оставались близкими вам. Политики мы не творили, мы долгом своим считали выполнение боевых предначертаний своего начальства. Мы много пережили в последнее время. Большое участие принял Центральный Комитет в деле нашем, связанном с историей Корнилова».

«...Еще в июле месяце мы определенно заявили о желании участвовать во внутренней политической борьбе, — продолжал свое выступление полковник Султан Крым-Гирей, как о том сообщалось в газете «Терский вестник». — Мы хотели быть только воинами... Вскоре затем наша дивизия развернулась в корпус.

Части дивизии после долгих и тяжелых боев сильно

устали. Тут стало известно, что нас переводят в Проскуров на отдых. Затем получили приказ о переводе нашего корпуса на Северный фронт, к станции Дно. Нам казалось, что мы идем в качестве подкрепления к Риге, где было весьма тяжелое, известное вам, положение. Предполагалось, что наш корпус идет для охраны Балтийского побережья от возможных германских десантов или в Финляндию, где также говорили о возможности наступления немцев.

Был и такой слух, что наш корпус будет направлен в Петроград против большевиков...»

В ночь на 27 августа по приказу свыше началось сосредоточение на станции Дно кавказских полков. Первыми сюда подошли в полной боевой готовности Черкесский и Ингушский конные полки 3-й бригады во главе со своим старым боевым командиром генерал-майором Гагариным. В их составе насчитывалось около 1350 всадников и офицеров.

Днем 27 августа начнется погрузка кавказских сотен в эшелоны. Первым «погрузился» Ингушский конный полк полковника Асланбека Байтиевича Котиева. «Во время посадки, — вспоминал полковник Султан Крым-Гирей, — начались пререкания между железнодорожной администрацией и солдатами, распространялись разносчивые слухи, получались с разных сторон телеграммы». Завершит «посадку» в эшелоны и Черкесский конный полк.

Но команда на отправление эшелонов в путь последовала только после полуночи. Было уже три часа 28 августа...

«Когда мы были на станции Дно, — продолжал рассказ на съезде горцев во Владикавказе полковник Султан Крым-Гирей, — в 3 часа ночи 27 августа получили приказ о нашем выступлении в Гатчину. Но и отсюда дороги разные и нельзя было предвидеть истинную роль нашего передвижения».

В тревожной, полной неизвестности обстановке оказались в те ночные часы всадники и офицеры кавказских полков на станции Дно. Но, выполняя приказ, в направлении Петрограда и Гатчины пошли эшелоны с Ингушским полком, за ним — с Черкесским. Потом от станции Дно отойдут эшелоны с Кабардинским и Осетинским полками.

«Эшелоны двинулись, — вспоминал о тех событиях полковник Султан Крым-Гирей. — 28-го августа днем стало известно об ультиматуме генерала Корнилова и об

объявлении его изменником. Но наше движение продолжалось».

Об обстановке тех часов и дней можно судить и по статье военного чиновника Ингушского полка, уроженца Терской области, Александра Мурынкина, «Участвовала ли Кавказская туземная дивизия в заговоре Корнилова?», опубликованной в «Терском вестнике» 12 сентября 1917 года. «В первых числах августа, когда дивизия стояла в Подольской губернии,— читаем в статье,— стали распространяться слухи, что дивизию перебрасывают на Северный фронт, и через некоторое время дивизия была погружена в вагоны и отправлена действительно по направлению Северного фронта... Высадили дивизию на станции Дно и расположили в окрестных деревнях. Здесь же все время говорилось о Северном фронте».

Ночью 26 августа, продолжает рассказ военный чиновник Мурынкин, получили приказ «грузиться 27-го на станции Дно. Первым начал грузиться Ингушский конный полк... Скоро погрузка была закончена, но эшелоны почему-то стояли на станции, и только поздно ночью, по прибытии на станцию генерала Багратиона, эшелоны один за другим тронулись дальше в путь... Здесь стали носиться многочисленные слухи о конфликте между Корниловым и министром-председателем Керенским. Слухи эти расстраивали людей, наводили на разные мысли, это чувствовалось, но определенного ничего ни от кого добиться было нельзя, ибо никто ничего знать не мог. Наконец появились слухи, что большевики в Петрограде взяли всю власть в свои руки, что дивизия будто бы идет для подавления мятежа. Затем от одного офицера узнали, что едем в район Гатчины, и от него узнали, что Корнилов предъявил Керенскому известные всем требования.

Наконец добрались до станции Сусанино. Здесь слухи и «достоверные» сведения выросли до невероятности, нервируя всех нас до последней степени. К ним прибавилось известие, что впереди большевики разобрали путь, что они выслали навстречу нам свои разъезды, что в Петрограде подожгли заводы, что Керенский ими был принужден освободить из тюрьмы «товарищей».

«Под таким впечатлением», по словам Мурынкина, к вечеру 28 августа «сотни Ингушского полка и пулеметчики пошли в разведку» в направлении Гатчины и Петрограда, «причем вторая сотня, прослышав что-то недоброе, сначала отказалась идти, но потом двинулась».

От станции Сусанино до Петрограда оставалось всего 50 километров, а совсем близко, на боковой железнодорожной ветке, находилась Гатчина.

Ту ночь на 29 августа люди, остававшиеся в эшелонах Ингушского полка, провели «в весьма подавленном состоянии, в полной неизвестности». Только когда полковые писари сумели достать на станции Сусанино газету «День», из нее узнали о «заговоре Корнилова». И тогда у всех «оставшихся» в эшелонах возросло беспокойство за ушедшие в разведку Ингушские сотни и за пулеметчиков, которые «ничего не знали» и могли быть при встрече с частями, поддерживавшими Временное правительство, вовлечены «в кровопролитие по недоразумению».

Газета читалась «в нашем вагоне», писал Мурынкин, и «вагон этот был заполнен полным-полно русскими солдатами полка, слушавшими с ингушами сообщение газеты». Во время чтения снаружи слышались какие-то возбужденные голоса. Оказалось, вспоминал Мурынкин, что в соседний вагон «посадили арестованных матросов и одного юнкера, посланных к нам в качестве делегатов. Действительно, скоро мы услышали из того вагона: «Разрешите нам переговорить с солдатами, мы присланы к русским».

Ожидание тревожной неизвестности все больше овладевало людьми, находившимися в эшелонах Ингушского полка, стоявших на станции Сусанино.

«Облегченно вздохнули, когда в 1-м часу ночи освободили арестованных матросов,— читаем в статье Мурынкина,— и один из писарей переговорил с ними, встретившись по дороге к стоявшему вдали от станции паровозу. Один из ингушей, как оказалось, тоже говорил с делегацией после их освобождения и заявил им, что ингуши во всяком случае будут стоять в стороне от политики и что их назначение только на фронт».

В то время когда эшелоны Ингушского полка стояли на станции Сусанино, в ночь на 29 августа на станции Вырица, в 60 километрах от Петрограда, остановились и эшелоны Черкесского полка, так как «стало известно, что железнодорожный путь был разобран», скажет в своем выступлении на «горском» съезде полковник Султан Крым-Гирей. «Здесь я должен сделать отступление,— продолжит он,— что будто бы, в частности, я и другие из командного состава играли какую-то странную роль под Петроградом. Заявляю, что я, как командир Черкесского полка, делал все к тому, чтобы не сделать

черкесов ответственными за большие неприятности, которые могли произойти».

Утром 29 августа «с передовых линий» полковнику Султану Крым-Гирею «сообщили, что подошла делегация от мусульман», прибывшая из Петрограда в составе — председателя исполкома Всероссийского мусульманского Совета (Милли Шуро) Ахмеда Цаликова, Айтека Намитокова, Шамиля, Кушбека, «представителя от грузин Мачабели и других».

Эта делегация мусульман — уроженцев Кавказа — приехала в кавказские полки с главной целью — не дать своим землякам оказаться вовлеченными «во внутренние раздоры России», что могло привести к кровопролитию. Весьма показательно в связи с этим и то, что 30 августа, на следующий день после посещения Кавказской конной дивизии, возвратившись в Петроград, Ахмед Цаликов от имени Всероссийского мусульманского Совета — Милли Шуро — подписал обращение «К воинам мусульманам армии и флота» с призывом не подчиняться приказам генерала Корнилова.

Делегаты «от мусульман», продолжал полковник Султан Крым-Гирей свой рассказ на съезде горцев во Владикавказе, «обратились к нам от имени своих народностей, обрисовали нам положение дела вообще и никак не рекомендовали идти вперед. Я им сказал, что «будьте спокойны. Наш полк так думает. Такого же мнения была и вся дивизия... Мы неоднократно заявляли, что ни в коем случае не будем вмешиваться во внутренние раздоры России». Это их удовлетворило.

Мне было сказано командиром, что Керенский приказал отправить корпус на Кавказ, на отдых... 30 августа утром я сообщил начальнику, что наши войска ни в коем случае не пойдут в Петроград. Мы стоим в стороне. Я отказываюсь вести свой полк, и начальник дивизии согласился со мной.

Во всех частях конного корпуса происходили волнения, расспрашивали, зачем и куда мы идем. В это время к нам подошли эшелоны Кабардинский и Осетинский. Командиру корпуса князю Багратиону мы заявили, что создавшееся положение необходимо обсудить. Это было 29—30 августа; вся дивизия была остановлена, и комитетам предложили собраться в штабе дивизии».

В то же время прояснилась обстановка и в Ингушском полку, эшелоны которого оставались стоять на станции Сусанино. «Утром 30-го было радостнее, — писал военный чиновник Александр Мурынкин в статье «Участ-

вовала ли Кавказская туземная дивизия в заговоре Корнилова?», — вернулись сотни и пулеметчики, от которых узнали, что Ингуши, встретившись с Петроградскими войсками и узнав о том, что их обманным путем хотели вовлечь в междоусобную войну... вернулись обратно. А затем весь полк отошел за станцию Вырица и ожидает дальнейших распоряжений Временного Правительства».

Участником событий, связанных с «историей генерала Корнилова», стал и корнет 4-й сотни Кабардинского конного полка Алексей Алексеевич Арсеньев. Через много лет в своих воспоминаниях, вышедших в Париже, он напишет и о тех тревожных днях:

«После недолгой остановки в районе ст. Дно дивизия эшелонами двинулась по железной дороге дальше. К этому времени она была уже развернута в корпус. командовал им наш прежний начдив — кн. Багратион. Атмосфера была напряженная... Эшелон сотни, в которой находился я, следовал, имея на паровозе пулеметную команду с офицером (при «собственной» пулеметной команде, из пулеметов, взятых сотней у австрийцев: пулеметчиками были балкарцы). На станциях уже всюду виднелись обращения Керенского ко — «всем, всем, всем...». Остановил движение корпуса приказ кн. Багратиона. Перевернулась страничка Истории...

Движение дивизии на Петроград привлекло к ней особое внимание большевистской организации, и на разложение ее были направлены все силы; однако, несмотря на напряжение агитации, ни одного выступления всадников против офицеров как таковых — не было». «Нужно отметить... — подчеркнет Алексей Арсеньев, — что против офицеров русского происхождения ни в одном полку выступлений не было...»

* * *

Утром 31 августа на станции Вырица собрались командир корпуса генерал-лейтенант Багратион, представители «от мусульман» и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, члены полковых и дивизионного комитетов, командиры полков, многие офицеры. Заседание открыл и вел председатель дивизионного комитета полковник Султан Крым-Гирей. В результате было принято решение, суть которого сводилась к тому, что в Кавказском конном корпусе должны быть «только воины» и «они ни в коем случае не против русских».

На заседании избрали делегацию к Верховному Главнокомандующему Александру Федоровичу Керенскому, которая в ночь на 1 сентября специальным поездом выехала со станции Вырица в Петроград. В ту же ночь Петроградское телеграфное агентство распространило на всю страну телеграмму:

«Петроград. 31.VIII. Сегодня Верховным Главнокомандующим, министром-председателем Керенским была принята делегация Туземной дивизии в составе 68 человек во главе с председателем дивизионного комитета полковником Крым-Гиреем. Командир дивизии князь Багратион передал Керенскому резолюцию, принятую на заседании всех полков, указывающую, что Туземная дивизия вполне подчиняется Временному Правительству и никакой власти, кроме Временного Правительства, не признает. Керенский благодарил делегацию за сознательное отношение к событиям и прибавил, что ничего другого от дивизии не ожидал».

По свидетельству полковника Султана Крым-Гирея, Керенский, после того как зачитали резолюцию, спросил генерала Багратиона: «Вы знали, князь Багратион, что идете на Петроград?» — «Нет», — ответил Багратион. «Я знал, что полки корпуса не могли поступить иначе», — заметил Керенский.

На следующий день, 1 сентября, делегация кавказских полков направилась в «мусульманский Совет», чтобы, как скажет Султан Крым-Гирей, «отблагодарить наших братьев». Затем делегаты посетили Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов — там их торжественно встретили «члены президиума Совета Церетели. Чернов, Скобелев и Архангельский».

Днем 2 сентября делегация возвратилась «к своим частям». А полковник Султан Крым-Гирей, как председатель дивизионного и корпусного комитетов, задержался еще в Петрограде в связи с тем, что командование, по его словам, «распорядилось, чтобы наш корпус на Кавказ не шел, а остался в тылу Северного фронта».

В тот же день, 2 сентября, в связи с «делом Корнилова», приказом Временного правительства по Армии и Флоту «командир Кавказского туземного конного корпуса генерал-лейтенант князь Багратион и командующий 1-й Кавказской туземной конной дивизией генерал-майор князь Гагарин» освобождались от своих должностей и переводились «в резерв чинов при штабе Петроградского военного округа».

Тогда же отбыл в город Петроград исполнявший обязанности начальника корпусного штаба полковник Владимир Гатовский — «для дачи следственной комиссии показаний по делу генерала Корнилова». В дальнейшем он будет направлен в распоряжение начальника штаба Северного фронта.

Приказом Временного правительства от 2 сентября 1917 года командиром «Кавказского туземного конного корпуса» назначался генерал Петр Александрович Половцев, которого хорошо знали в кавказских частях. В рядах Кавказской конной дивизии он заслужил орден св. Георгия 4-й степени и Георгиевское оружие, начав службу в ее составе командиром Татарского полка, затем стал начальником дивизионного штаба. С весны 1917-го Половцев возглавил войска Петроградского военного округа.

«...Командир корпуса Половцев принял все меры к тому, чтобы прежний приказ об отправлении нас на Кавказ был приведен в исполнение, — подчеркнет в своем выступлении на съезде горцев полковник Султан Крым-Гирей. — Половцев отправил через мое посредство Керенскому рапорт. Он был в Ставке, куда выехал и я. Керенский вновь согласился послать корпус на Кавказ, прося сохранить целостность корпуса».

Заканчивая свое выступление на «горском» съезде, состоявшемся 22 сентября 1917 года, председатель корпусного комитета, командир Черкесского полка полковник Султан Крым-Гирей, в связи с событиями «Корниловского дела» обращаясь к делегатам, скажет: «Я думаю, что мы сделали все. [И] вы, наши отцы и братья, сделали все, чтобы сохранить наш боевой облик».

А вслед за ним слово взял председатель ЦК Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана ротмистр Чеченского полка Абдул-Меджид (Тапа) Чермоев, прошедший в рядах Кавказской конной дивизии, теперь развернутой в корпус, через многие бои и заслуживший за храбрость боевые награды. «Отцы и братья нашего славного Кавказского корпуса, — говорил Чермоев, — если бы [мы] хотели высказать все наши чувства, которые мы питаем к нашему корпусу, то понадобилось бы для этого много выражений. Поэтому я ограничусь кратким выражением: «Да здравствует наш доблестный Кавказский корпус!»

В поддержку слов, сказанных Абдул-Меджидом Чермоевым, зал разразился долгими аплодисментами...

2 сентября Петроградское телеграфное агентство пе-

редало на всю Россию еще одно сообщение, связанное с кавказскими конными полками. «За подписью» председателя корпусного комитета полковника Султана Крым-Гирея, Кабардинского конного полка врача Бекмурзы Шогенова, Осетинского конного полка подполковника Дзугкаева, Ингушского конного полка урядника Асланбека Манкиева, 2-го Дагестанского конного полка урядника Ролыванова, Осетинской пешей бригады Хутинаева, представителей отрядов и команд, приданных корпусу, извещало телеграфное агентство, «опубликовано следующее воззвание ко всем гражданам России:

«Ввиду фантастических слухов и лживых обвинений, появившихся в некоторых органах печати, мы, нижеподписавшиеся представители частей, входящих в состав Кавказского туземного конного корпуса, считаем долгом заявить, что Туземная дивизия, развернутая в корпус, с самого начала революции примкнула к ней решительно и бесповоротно. Ее лозунги: 1) защита Родины от внешнего врага и 2) признание подчиненности Временному Правительству, как органу верховной революционной власти...

Этими лозунгами Туземная дивизия руководствовалась в прошлом, ими Туземный корпус намерен руководствоваться и в будущем.

Всякие выпады по адресу Туземного корпуса будем считать носящими характер инсинуации и провокации».

* * *

Итак, на основе документальных материалов за 1917 год, связанных с «делом генерала Корнилова», ясно вырисовывается картина участия в тех событиях полков Кавказской конной дивизии, а также та важная роль, которую сыграла в те дни делегация «от мусульман», прибывшая из Петрограда от исполкома Всероссийского мусульманского Совета.

Теперь же обратимся к энциклопедическим изданиям, вышедшим в нашей стране в советское время, и увидим, как с идеологических позиций интерпретировалась и искажалась историческая правда, и прежде всего обстоятельства, связанные с мусульманской делегацией.

Достоверно об этом было сказано лишь в «Большой Советской Энциклопедии» (том XXII) за 1931 год, где отмечено, что «после совещания в дивизии 30 августа * при участии мусульманской делегации, прибывшей из

* Совещание проводилось 31 августа.

Петрограда, «Дикая дивизия» отказалась от участия в походе на Петроград».

Пройдет двадцать лет, и в 1952 году в новом издании «Большой Советской Энциклопедии» советские историки свяжут с событиями «Корниловского мятежа» имя видного большевистского деятеля Сергея Мироновича Кирова, жившего и работавшего в то время во Владикавказе, далеко от Петрограда. «Мусульманская делегация,— читаем в 14-м томе «БСЭ»,— направленная в «Дикую дивизию» по инициативе С. М. Кирова, и солдаты революционных частей, защищавших Петроград, разъяснили горцам-солдатам смысл контрреволюционного наступления. В результате «Дикая дивизия» отказалась наступать на Петроград и была возвращена на фронт».

Еще четверть века спустя, в «Советской Военной Энциклопедии» (1977, том 3) об этом будет сказано так: «30 августа (12 сентября) 1917-го «Дикая дивизия» была сосредоточена у ст. Вырица. Ее дальнейшее движение было остановлено революционными войсками. Мусульманская делегация, направленная в «Дикую дивизию» из г. Владикавказа (Орджоникидзе) по инициативе С. М. Кирова, и солдаты революционных частей, защищавших Петроград, разъяснили горцам-солдатам смысл корниловщины. В результате «Дикая дивизия» отказалась наступать на Петроград и была возвращена на фронт».

А в энциклопедии «Великая Октябрьская социалистическая революция», изданной в 1987 году, этот факт уже дан в такой интерпретации: «По инициативе С. М. Кирова в «Дикую дивизию» большевики направили делегацию представителей горских народов, которая разъяснила всадникам цель корниловщины. Полки отказались участвовать в мятеже...»

Не подтверждается источниками и сведение энциклопедии о том, что в те дни из состава дивизии «350 человек... перешли на сторону революционных войск».

* * *

После бурных событий конца августа всадники и офицеры Кавказского корпуса находились в Псковской губернии в ожидании предстоявшего отправления на Кавказ. Вчитаемся в приказы и иные документы тех дней, чтобы в какой-то степени представить себе течение жизни в полках и дивизиях корпуса...

6 сентября. Кабардинского конного полка «поручику Николайчику сдать, а корнету Урусбиеву принять дол-

жность полкового адъютанта на законном основании».

Корнет Чепеллеу Урусбиев в сентябре 1915 года окончил Чугуевское военное училище. В Кабардинском полку служил офицером в сотне, начальником полкового оружия, а с начала июня 1917-го, в связи с болезнью поручика Дмитрия Николайчика, исполнял обязанности полкового адъютанта. Выполняя всю необходимую по должности работу, он принимал непосредственное участие в боях летнего наступления в Галиции и за отвагу был награжден орденом св. Станислава 2-й степени с мечами, который стал его четвертой наградой за время службы в Кабардинском полку.

12 сентября. Приказом по Армии и Флоту «за отличия в делах с неприятелем» подпоручик Кабардинского конного полка Хабиж Абдурахманов произведен в поручики. Еще будучи урядником, он в 1915 году заслужил Георгиевский крест 4-й степени и чин прапорщика. Позже за храбрость в боях получит три ордена.

16 сентября. За боевые отличия, проявленные в летних боях урядниками Жанхотом Виновым и Аубекиром Созаевым, командир Кабардинского полка полковник Абелов представил их к производству в чин юнкера. В наградных документах о них сказано:

«Младший урядник Жанхот Умарович Винов, из кабардинцев селения Атажукино 3, Нальчикского округа, Терской области». 29 лет. Холост. Грамотен. В Кабардинском конном полку в 1-й сотне с 31 августа 1914 года. «Участвовал в походах и делах против австро-германцев в 1914—1917 годах».

Имеет награды: «Георгиевский крест 4-й степени № 272944, Георгиевская медаль 4-й степени № 235225».

«Младший урядник Аубекир Шаваевич Созаев, из горцев селения Хулам, Нальчикского округа, Терской области». 42 года. Женат. Грамотен. Во 2-й сотне Кабардинского конного полка служит с 31 августа 1914 года. «Участвовал в походах и делах против австро-германцев в 1914—1917 годах».

Награжден: «Георгиевским крестом 4-й степени № 146176».

«В бою у дер. Окно 24 мая 1916 года ранен шrapнельной пулей в руку».

Из приказов по Кавказскому конному корпусу:

№ 5. 9 сентября 1917 года. § 12. «Командующий 1-й бригадой полковник князь Амилахвари рапортом от

28-го августа сего года за № 253 донес, что он с того числа заболел и службу нести не может. Во временное командование бригадой вступить командующему 2-м Дагестанским конным полком полковнику Хаджи Мурату, 2-м Дагестанским конным полком — полковнику Якимиди».

№ 7. 12 сентября. § 2. «Командир 2-й бригады бывшей Кавказской туземной конной дивизии генерал-майор принц Фазула-Мирза Каджар допускается к исполнению должности начальника 1-й Кавказской туземной конной дивизии».

§ 3. Командир 3-й бригады «бывшей» Кавказской конной дивизии полковник князь Александр Захарьевич Чавчавадзе «допускается к командованию 1-й бригадой 1-й дивизии».

§ 4. Командир 1-й бригады «бывшей» Кавказской конной дивизии полковник князь Гиви Иванович Амилахвари «допускается к командованию 1-й бригадой 2-й дивизии».

§ 6. «Во временное командование 2-й Кавказской туземной конной дивизией, впредь до прибытия начальника дивизии, вступить начальнику Осетинской пешей бригады полковнику Баеву, с исполнением обязанностей по командованию Осетинской пешей бригадой».

* * *

13 сентября командир корпуса генерал-лейтенант Петр Александрович Половцев отдал приказ № 8, зачитанный во всех полках:

«Через несколько дней мы все уйдем на Кавказ. К Вам обращаюсь, горцы!

По Кавказу и по геройской службе Вашей на войне знаю Ваш характер: рыцарски благородный, заступник обиженного, гордый своей честью — таков облик славных представителей Кавказа, в командование которыми я с гордостью вступил...

По прибытии в родные земли Вы должны помнить, что на Вас будут смотреть, как на образец истинных воинов. Слава о Ваших боевых подвигах отметила Вас среди народа. По Вас будут учиться дисциплине и порядку. Зная Ваш нрав и самолюбие, уверен, что Вы явите пример этой дисциплины, покажете себя достойными Вашего боевого прошлого».

Уже 16 сентября во Владикавказ отбыл со штабом корпуса генерал Половцев. С ним выехал туда и предсе-

датель корпусного комитета, командир Черкесского полка полковник Крым Селетович Султан-Гирей (Султан Крым-Гирей), приглашенный на 2-й съезд Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана. Через несколько дней из района Пскова начнется отправление на Кавказ всех полков и приданного корпусу 8-го Донского казачьего артиллерийского дивизиона.

26 сентября владикавказская газета «Терский вестник» опубликовала сообщение: «Центральный Комитет Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана получил от военного министра следующую телеграмму:

«Военный министр приказал сообщить: Туземный корпус возвращается на Кавказ. Временное Правительство счастливо засвидетельствовать, что рожденные в свободе горцы остались верны делу свободы в тяжелые дни минувших испытаний, когда темные силы пытались их обманно использовать для того, чтобы задушить свободу».

Три года находились в Действующей армии всадники и офицеры кавказских полков. И вот теперь, в конце сентября — начале октября 1917 года, эшелоны привозили их в родные края. Героев войны торжественно встречали представители местных властей, родственники и земляки — в Нальчике и Владикавказе, Назрани и Грозном, Темир-Хан-Шуре и Екатеринодаре, в Сухуми и на юге Закавказья, в Елизаветполе.

Прибывшие эшелонами на станцию Нальчик сотни Кабардинского полка с почетом принимали комиссар Нальчинского округа Хамид Исмаилович Чижилов, его «товарищ» — заместитель, полковник Ибрагим Хамзатович Урусбиев, почетные представители Кабарды и Балкарии. Среди встречавших находился и бывший начальник округа полковник Султанбек Касаевич Клишбиев, столь много сделавший в деле формирования полка и пополнения его запасными сотнями. После Февральской революции он находился в отставке.

Для всадников и офицеров кавказских полков началась новая жизнь в мирных условиях, в родных местах. Но все они, оставаясь в своих частях, сохранявших в целостности военную структуру, продолжали жить по военным законам.

Согласно донесению командира Кабардинского полка полковника Владимира Давидовича Абелова, направленному из слободы Нальчик командующему 1-й Кавказской конной дивизией генерал-майору Фазула-Мирзе Каджа-

ру, находившемуся со штабом в Пятигорске, в полковом составе на 23 октября состояло: «Сотни — 4, пулеметов — 4, офицеров — 42, шапек — 498».

А в приказах по полку полковник Абе́лов отметит: «Приказом Армии и Флоту от 29-го сентября 1917 года вверенного мне полка корнет Урусбиев (Чепелло) и подпоручик милиции Азапшев (Кургоко) произведены в поручики...»

Приказ от 21 октября 1917 года: «§ 1. Старший врач Кабардинского конного полка коллежский асессор Бекмурза Шогенов допускается к исполнению должности дивизионного врача 1-й Кавказской туземной конной дивизии».

«§ 4. Вместо откомандированного в распоряжение Кабардинского народа полкового муллы кадия Алихана Шогенова на эту должность назначается младший урядник вверенного мне полка Казгери Максидов, которого считать в этой должности с 12-го сентября сего года».

Приказом Временного правительства по Армии и Флоту от 24 октября 1917 года ротмистр Кабардинского конного полка Барасби Саляхович Мамышев «произведен в чин подполковника».

В полковых приказах отражалась и личная жизнь офицеров. Вот о чем объявлялось в трех из них:

9 января 1918 года. «Внести в послужной список корнета Али Инарокова его жену Фардоус Ильясовну, урожденную Сарову, вероисповедания магометанского.

Справка: рапорт корнета Инарокова от 6 января 1918 года за № 9».

15 января. «Занести в послужной список ротмистра Хана Эриванского его жену Шамсиду, урожденную Айдебулову.

Справка: рапорт полкового кадия от 11 января 1918 года за № 18».

26 января. «Внести в послужной список прапорщика вверенного мне полка Султана Инарокова его жену Сафият Асланбековну, урожденную Мисостову.

Справка: рапорт полкового кадия от 24 января с. г. за № 19».

* * *

Интересную информацию донес до нас приказ корпусного командира генерала Половцева от 11 октября 1917 года, в котором сказано: «2-го Дагестанского кон-

ного полка поручик граф Толстой, состоящий в прикомандировании к кадру запаса, прикомандировывается к штабу 1-й Кавказской туземной конной дивизии».

Это говорит о том, что поручик Михаил Львович Толстой, сын великого писателя, награжденный за храбрость в боях пятью орденами, той осенью вместе с корпусом приехал на Северный Кавказ и по-прежнему служил вместе со своими горскими боевыми побратимами. И теперь, будучи прикомандированным к штабу 1-й Кавказской конной дивизии, находившемуся в Пятигорске, поручик Толстой несомненно по делам службы бывал в Нальчике и Грозном, где встречался с командирами Кабардинского и Чеченского полков (входивших в 1-ю дивизию) полковниками Владимиром Абеловым, Джамадудином Мусалаевым и полковыми офицерами.

* * *

Из срочной «по военным обстоятельствам» телеграммы командующего корпусом генерал-лейтенанта Половцева в штабах дивизий и полков станет известно о том, что 25 октября в Петрограде произошел переворот и власть перешла в руки большевистского Совета Народных Комиссаров. Отныне, в связи с падением центральной власти в лице Временного правительства, Кавказский конный корпус и его полки, как национальные части, теперь фактически подчинялись Центральному Комитету Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана, возглавляемому Абдул-Меджидом Чермоевым, формально еще оставаясь под началом командующего Кавказской армией на турецком фронте.

Несмотря на произошедшую в Петрограде Октябрьскую революцию, обстановка в частях «Кавказского туземного конного корпуса» первое время оставалась спокойной.

Еще в начале октября корпусной командир Петр Александрович Половцев посетил центр Кубанской области — город Екатеринодар. Здесь он произвел смотр части Черкесского конного полка, только что прибывшей эшелонам из Псковской губернии. Ранее отправленные из России на Кавказ две сотни в то время уже находились в местах их первоначального формирования: 3-я сотня, состоявшая в основном из карачаевцев, в Баталпащинском отделе и 4-я Абхазская — в Сухуми.

«9 октября в Екатеринодаре я видел 1-ю и 2-ю сотни

Черкесского конного полка с пулеметной командой и хором трубачей,— объявлял 28 октября 1917 года в приказе № 22 по корпусу генерал-лейтенант Половцев.— Несмотря на то, что сотни высадились накануне, представились они в конном строю прекрасно, лошади в хорошем виде, у всадников выправка не пострадала, одежда тоже однообразная и щеголеватая, которой Черкесы неизменно отличались. В строю полный порядок... Скажу одно, что Черкесы остались той же блестящей, чисто кавалерийской частью, которую всегда были и несомненно будут, в особенности под командою такого доблестного кавалериста, как полковник Султан Крым-Гирей».

В том же приказе № 22 Половцев укажет, что 26 октября в колонии Еленендорф, около города Елизаветполя, в Закавказье, он «смотрел Татарский полк».

До нас дошли документы, связанные со смотром генералом Половцевым и Кабардинского конного полка.

14 ноября полковник Владимир Давидович Абелов получил из Владикавказа телеграмму, из которой узнал, что на следующий день командующий Кавказским конным корпусом будет «смотреть» его полк. И уже с утра 15 ноября полковой адъютант поручик Чепеллеу Урусбиев направил командирам 1-й, 2-й и 3-й сотен ротмистру Георгию Сулханову, поручику Павлу Захарову и штабс-ротмистру Заурбеку Даутокову-Серебрякову распоряжение: «Командир полка приказал полку быть построеным сегодня к 12^{1/2} часам на поле около вокзала для смотра командиром корпуса».

4-я сотня, возглавляемая ротмистром Керимом Ханом Эриванским, в то время находилась в Малой Кабарде, в селении Ахлово, с целью охраны местного населения от разбойных нападений.

Петр Александрович Половцев по службе в Кавказской конной дивизии и по участию в боях хорошо знал Кабардинский полк, его командира полковника Абелова, многих офицеров да и всадников, которым он, будучи дивизионным начальником штаба, вручал награды. И теперь, 15 ноября, уже в Нальчике вновь произошла его встреча с прославившим себя в боях полком, с его воинами — сынами Кабарды и Балкарии. И та встреча генерал-лейтенанта Половцева с личным составом Кабардинского полка, проходившая в смутное и нестабильное время, когда российская армия уже была фактически разрушена, произвела на него прекрасное впе-

чатление. Об этом и скажет он в приказе по корпусу, отданном 21 ноября 1917 года:

«15-го ноября в Нальчике я смотрел Кабардинский конный полк. Всегда знал, что Кабардинский полк — одна из образцовых частей корпуса, но то, что я видел, превзошло все мои ожидания. В строю было три сотни (4-я в Ахлово), две в 12-ти рядном составе, она в 9-ть рядов. Лошади в сравнительно хороших телах, вид всадников отличный. Принимая во внимание все трудности для строевой подготовки, я должен признать, что показанное мне полковое учение было блестяще...

Прекрасное впечатление произвел на меня Кабардинский полк. От лица службы приношу самую горячую благодарность командиру полка полковнику Абелову, всему офицерскому составу и всадникам. Полк доказал, что знание кавалерийского дела и любовь к нему преодолывают все трудности...»

27 октября в штаб корпуса во Владикавказе прибыл из Действующей армии, «согласно предписания начальника 1-й гвардейской кавалерийской дивизии от 19 сего октября, командир гвардии Кирасирского полка полковник князь Бекович-Черкасский», бывший помощник командира Кабардинского конного полка по строевой части, затем командир Татарского полка. В рядах Кавказской конной дивизии Тембот Жанхотович (Федор Николаевич) Бекович-Черкасский за свою храбрость заслужил ордена св. Владимира 3-й степени с мечами и св. Георгия 4-й степени, был представлен к ордену св. Георгия 3-й степени.

Уже на следующий день после прибытия полковника Бековича-Черкасского в корпусной штаб генерал-лейтенант Половцев, прекрасно знавший этого отважного боевого офицера, своим приказом «допустил его» к командованию 2-й бригадой «1-й Кавказской туземной конной дивизии», в составе Чеченского и Татарского полков.

Как уже говорилось, Тембот Жанхотович Бекович-Черкасский в мае 1917 года был назначен командиром 1-го гвардии Кирасирского полка. Под его командованием кирасиры, входя в состав 1-й гвардейской кавалерийской дивизии, отважно сражались на Юго-Западном фронте во время летних боев в Галиции. По свидетельству Николая Николаевича Брешко-Брешковского, приведенному в книге «Дикая Дивизия», генерал Корнилов (командующий 8-й армией, а затем Юго-Западным фронтом) в дни, когда шло отступление российских войск, сказал комис-

сару Временного правительства на Юго-Западном фронте, известному деятелю партии эсеров Борису Викторовичу Савинкову: «...к моему глубокому изумлению гвардейская конница так разложилась, как и ожидать нельзя было... Изо всей гвардейской конницы дисциплинированы еще кирасиры... и только благодаря доблестному командиру своему князю Бековичу-Черкасскому».

И еще имя одного офицера — кавалера Георгиевского оружия полковника Нух-бека Тарковского — в связи с его новым назначением будет в те октябрьские дни названо в приказе по корпусу. 30 октября генерал Половцев объявит: «2-го Дагестанского конного полка полковник князь Тарковский допускается к командованию 1-м Дагестанским конным полком».

30 октября датирован и приказ «командующего 1-й Кавказской туземной конной дивизией» генерал-майора принца Фазула-Мирзы Каджара, о чем сообщил 17 ноября в слободе Нальчик командир Кабардинского полка полковник Абелов: «Объявляю список офицеров вверенного мне полка, награжденных королем Румынии орденами:

Подполковник Аслан-Бек Туганов — орден Короны Румынии с мечами степени офицера № 1518.

Ротмистр Георгий Махатадзе — тоже, № 1519.

Корнет Али Инароков — орден Короны Румынии с мечами степени кавалера № 1525.

Подпоручик Абдул Шипшев — тоже, № 1526».

Названные в приказе офицеры, состоявшие по кавалерии, были награждены королем Румынии Фердинандом за мужество в боях в декабре 1916 года на Румынском фронте.

В осенние дни 1917 года в Нальчике полковник Абелов получит и награды Румынии для всадников Кабардинского полка, которым румынским королем жаловалась медаль за военные заслуги «Барбатия си Кредица» II класса с мечами.

Среди 18 награжденных всадников-горцев значились:

«...Урядник Хазеша Диков,

урядник Измаил Тхазеплов,

урядник Темиркан Кипов,

урядник Кокоз Мисаков».

* * *

Весьма сложной складывалась обстановка на Северном Кавказе, и в частности в Терской области, поздней

осенью 1917 года. Здесь нередко уже в открытую происходили столкновения между сторонниками большевиков и их противниками, все чаще возникали межнациональные конфликты, зачастую спровоцированные определенными политическими силами и лицами с целью дестабилизации обстановки. Так, в ноябре началось вооруженное столкновение между ингушами и казаками. В связи с этим 21 ноября во Владикавказе «с целью умиротворения» конфликтующих сторон собрались представители ингушских селений и казачьих станиц на Сунже. В совещании участвовали войсковой атаман Терского казачьего войска Михаил Александрович Караулов и председатель Ингушского Национального Совета Висан-Гирей Ижиевич Джабагиев.

В дело примирения ингушей и казаков внес тогда свой вклад и командир Черкесского полка полковник Султан Крым-Гирей, в то время находившийся в командировке в штабе корпуса во Владикавказе. 24 ноября газета «Терский вестник», рассказывая о совещании, проводимом для улаживания межнационального «волнения», сообщила и о том, что в том «собрании» принял участие и выступил Султан Крым-Гирей:

«Полковник Султан-Гирей (представитель кубанских черкесов) призывает собрание забыть распри и невзгоды и помнить, что братоубийственная война у нас привела к тому, что почти не стало русского государства и армии».

«Мы просим вас навсегда покончить проливать кровь», — обратился полковник Султан Крым-Гирей к ингушам и казакам, призвав их сообща сделать все, чтобы покончить с «явлениями братоубийственной войны».

Прилагал свои усилия для мирного разрешения возникшего противостояния и командир Чеченского конного полка полковник Джамалутдин Мусалаев. 21 ноября газета «Терский вестник» в информации «К событиям в Терской области. Возник конфликт между ингушами и казаками» поместила сообщение из Грозного полковника Мусалаева о том, что «чеченцы протестуют» против начавшегося конфликта и что «посланы ингушам телеграммы и делегаты от Чеченского полка и народа» с целью способствовать немедленному прекращению «междоусобия с казаками».

Общими усилиями пожар межнационального конфликта тогда удалось загасить...

Из «Терского вестника» становится известно и о том,

что той осенью «начальником отряда» для поддержания порядка «в Назрановском округе избран полковник Котиев». В данном сообщении газеты речь шла о командире Ингушского конного полка Асланбеке Байтиевице Котиеве, боевом офицере, прекрасно знавшем цену миру и войне...

Во второй половине ноября 1917 года на основе договоренности между Войсковым правительством Терского казачьего войска и ЦК Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана было выработано соглашение о том, «что в Терской и Дагестанской областях должна быть федеративная республика», а Терская «область разбивается на две территории — казачью и горскую — по их границам». В результате этого состоялось провозглашение Горской Республики. Главой ее Временного правительства стал председатель ЦК Союза горцев ротмистр Чеченского конного полка Абдул-Меджид (Тапа) Арцуевич Чермоев. Начальником «Военного отдела Временного правительства Союза горцев Кавказа» он назначит своего боевого соратника и товарища по Кавказской конной дивизии полковника Тембота Жанхотовича Бековича-Черкасского, осуществлявшего функции военного министра.

В целях пополнения офицерским составом Кавказского конного корпуса, укрепления и сохранения среди многонационального состава офицеров мира и согласия Бекович-Черкасский предпринимает ряд мер. И одной из них стало совещание офицеров-горцев, о чем 9 декабря 1917 года было объявлено в газете «Терский вестник»: «Созыв офицеров-горцев. Начальником Военного отдела Временного правительства Союза горцев Кавказа полковником Бековичем-Черкасским приглашаются на совещание 10 декабря в 12 часов дня в помещении Временного правительства Союза горцев Кавказа (помещение коммерческого клуба) все офицеры-горцы, проживающие в городе Владикавказе, как из числа офицеров Осетинской пешей бригады и ее запасных частей, оставшихся при расформировании за штатом и не поступившие в другие части, так и вообще офицеры-горцы, не служившие в туземных частях...»

Подходил к концу 1917 год, потрясший страну двумя революциями. Из Петрограда до Северного Кавказа доходили вести, становившиеся известными и в полках Кавказского конного корпуса. Узнавали здесь и о приказах новой «рабоче-крестьянской власти». В их числе был и декрет Совета Народных Комиссаров от 16 декабря 1917 года «Об уравниении всех военнослужащих в пра-

вах», согласно которому в армии отменялись офицерские и унтер-офицерские звания, так же как и «все ордена и прочие знаки отличия».

Это известие из советского Петрограда многие из всадников и основная масса офицеров кавказских полков восприняли особенно обостренно и болезненно, с чувством глубокой обиды и горечи. Ведь тем самым перечеркивались все их заслуги в боях за Отечество в годы войны, ни во что превращались их боевые награды, офицерские и иные чины. И тем самым, наряду с другими причинами, этот декрет сыграет свою роль в том, что большинство офицеров кавказских полков и многие всадники станут на путь борьбы против Советской власти, которая утверждалась в России.

Обстановка в Терской области становилась все более нестабильной. Горское правительство, как и Войсковое казачье правительство, всеми силами пыталось удержать и спасти положение. И с этой целью 1 декабря было сформировано коалиционное Терско-Дагестанское правительство. В его подчинении пребывал теперь и Кавказский конный корпус со всеми полками, находившимися в Кубанской и Терской областях, в Дагестане и Елизаветпольской губернии (на юго-востоке нынешнего Азербайджана).

В результате этой разбросанности по обширной территории всадники и офицеры полков, бригад и дивизий оказались разобщенными, оторванными друг от друга и уже не ощущали себя членами единой боевой и воинской семьи, как то было на фронте, в Действующей армии. Командиры дивизий и бригад все больше теряли контроль над своими полками, в которых среди всадников все более возрастало число сторонников Советской власти, отказывавшихся подчиняться приказам своих начальников, что вело к противостоянию и конфронтации между однополчанами.

Последней попыткой удержать кавказские части в едином подчинении и сохранить корпус стал приказ генерал-лейтенанта Половцева, подготовленный им в конце декабря:

«Объявляю для исполнения приказ Кавказскому туземному конному корпусу. 1917 года № 52:

Ввиду трудности управления разбросанными частями дивизий, приказываю изменить состав дивизий.

В 1-ю дивизию назначаются:

1-я бригада: 1-й и 2-й Дагестанские и Татарский

конные полки. Командир бригады полковник князь Амилахвари (Гиви).

2-я бригада: Чеченский и Ингушский конные полки. Командир бригады полковник князь Бекович-Черкасский (Тембот).

8-й Донской казачий конно-артиллерийский дивизион.

Во 2-ю дивизию назначают:

1-я бригада: Кабардинский и Черкесский конные полки. Командир бригады полковник князь Чавчавадзе (Александр).

2-я бригада: 1-й и 2-й Осетинские конные полки. Командир бригады полковник Хабаев (Бета).

Кавказский туземный конно-артиллерийский дивизион.

Штабы дивизий остаются без изменения.

Перевод частей из одной дивизии в другую произвести немедленно».

В наступившем 1918 году начался распад частей Кавказского конного корпуса. Многие всадники покидали полки и расходились по своим селениям и аулам, часть их вступала в краснопартизанские отряды. На Северном Кавказе, как и по всей России, все больше разгоралось пламя братоубийственной Гражданской войны.

Генерал-лейтенант Половцев, реально оценивая обстановку и понимая, что в сложившихся условиях корпус и его части спасти от разрушения уже невозможно, 19 января направляет рапорт командующему Кавказской армией генералу Михаилу Алексеевичу Пржевальскому, как высшему воинскому начальнику «старой армии», еще формально осуществлявшему руководство армейскими частями на Кавказе: «Все образовывавшиеся до сих пор в Терско-Дагестанском крае правительства не смогли установить прочную власть, и дальнейшие попытки организовать объединенное управление безусловно обречены на неудачу... Кроме того, целые части, а также и отдельные чины корпуса втянулись в кровопролитную гражданскую войну... При таких условиях считаю для себя невозможным дальнейшее командование корпусом... и ввиду отсутствия какой бы то ни было общепризнанной краевой власти обращаюсь с ходатайством об увольнении меня от должности командира Туземного корпуса».

В те же дни Петр Александрович Половцев получил увольнение от должности командира корпуса, а 24 января «в командование Кавказским туземным конным корпусом» вступил генерал-лейтенант Созырко Джанхотович Хоранов, уроженец Осетии, участник войн с Турцией, Японией и Первой мировой войны. Но это назначение уже было чисто формальным, ведь к тому времени Кавказского конного корпуса, как целостного воинского соединения, фактически больше не существовало.

В марте 1918 года, в связи с установлением Советской власти в Терской и Кубанской областях, а в мае и в Дагестане, кавказские полки «старой армии» будут распущены...

Как известно, формирование Кабардинского конного полка в четырнадцатом году привело к рождению Кавказской конной дивизии. В марте 1918-го в его составе под командованием полковника Абелова еще оставалось около двадцати офицеров и до 150 всадников.

Первый съезд народов Нальчикского округа, проходивший в Нальчике с 19-го по 23 марта, провозгласил в Кабарде и Балкарии Советскую власть и избрал окружной народный Совет. Как видно из стенограммы съезда, во время его работы «представитель полка спрашивает съезд, как быть с оставшимися офицерами и всадниками Кабардинского полка... Постановлено передать вопрос о Кабардинском полке в окружной народный Совет».

Тогда, в конце марта, и закончил свое существование Кабардинский конный полк.

Потом по «классово-идеологическим» принципам окажется преданной полному забвению и будет вычеркнута из истории народов Северного Кавказа легендарная боевая деятельность «Кавказской туземной конной дивизии» и ее полков — Кабардинского, 2-го Дагестанского, Чеченского, Черкесского, Ингушского, а также и их всадников и офицеров, прославивших себя на полях сражений за наше Отечество и вписавших яркие страницы в историю Первой мировой войны.

* * *

Подводя итоги повествованию о боевом пути Кавказской конной дивизии и ее героях, приведем обобщенный список офицеров и всадников горцев — уроженцев Абхазии и Северного Кавказа (как и Татарского полка), удостоенных высших военных наград России — ордена св. Георгия, Георгиевского оружия и четырех степеней

Георгиевского креста (полных Георгиевских кавалеров). Приводится и список офицеров, награжденных «солдатскими» Георгиевскими крестами*.

Кавалеры ордена св. Георгия 4-й степени

Кабардинского конного полка

Полковник князь Федор Николаевич (Тембот Жанхотович) Бекович-Черкасский.

2-го Дагестанского конного полка

*Полковник Арацхан Хаджимуратович Хаджи Мурат.
Штабс-ротмистр Абдурагим Сулейманович Хаджимирзаев.*

Ингушского конного полка

Штабс-ротмистр князь Михаил Георгиевич Химшиев.

Черкесского конного полка

Корнет Магомет-Гери (Магомет-Гирей) Крымшамхалов.

Корнет Константин Иосифович Лакербай.

Согласно данным, приведенным сотрудником Государственного Исторического музея Валерием Александровичем Дуровым в книге «Русские награды XVIII — начала XX века» (издана: Москва, 1997), в период Первой мировой войны «не менее 3963» офицеров и генералов российской армии получили орден св. Георгия 4-й степени. В числе награжденных и Верховный Главнокомандующий император Николай II.

Кавалеры Георгиевского оружия

2-го Дагестанского конного полка

*Полковник Арацхан Хаджимуратович Хаджи Мурат.
Полковник князь Нух-бек Тарковский.
Корнет Борис Дзахоев.*

Чеченского конного полка

Штабс-ротмистр Абдул-Меджид Кужуев.

Татарского конного полка

Штабс-ротмистр Михаил Иосифович Хоранов.

Черкесского конного полка

*Прапорщик Магомет-Рауф Агиров.
Прапорщик Пшимаф Ажигоев.*

---

* Данные о всех указанных награждениях установлены к настоящему времени. Вполне возможно, что дальнейшие поиски в архивах и сведения читателей книги откроют нам имена новых героев Кавказской конной дивизии.

Корнет Магомет-Гери (Магомет-Гирей) Крымшамхалов.

Корнет Сеит-Бий Крымшамхалов.

Прапорщик Байзет Султан-Гирей.

Ингушского конного полка

Полковник Георгий Алексеевич Мерчуле.

Поручик Крым-Султан Банухоевич Базоркин (посмертно).

Подпоручик Эльмурза Дударович Гулиев.

Корнет Султан Даниевич Долтмурзиев.

Поручик Варлаам Андреевич Шенгелай.

Ротмистр Султан-Бек Заурбекович Боров — Бек-Боров. Награжден в 1915 году в рядах 5-го Уланского полка 5-й кавалерийской дивизии.

В годы Первой мировой войны за боевые отличия 5702 офицера и генерала были награждены Георгиевским оружием, в их числе командующий Юго-Западным фронтом Алексей Алексеевич Брусилов, получивший шашку с бриллиантами.

Полные Георгиевские кавалеры

Кабардинского конного полка

Юнкер милиции Докшукко Астемиров.

Урядник Кушби Ахохов.

Урядник Тита Баждугов.

Юнкер милиции Оли Гетаов.

Урядник Хазеша Диков.

Урядник Али Инароков.

Юнкер милиции Мисост Коголкин.

Юнкер милиции Исмаил Тамбиев.

Урядник Исмаил Тхазеплов.

Юнкер милиции Берд Хапцев.

Урядник Алексей Цижба.

Юнкер милиции Аслан-Али Эфендиев (посмертно).

2-го Дагестанского конного полка

Урядник Бийглыч Бамматов.

Урядник Хадис Газиев.

Юнкер милиции Гайдарбек Магома.

Юнкер милиции Абдул-Манап Магомаев.

Урядник Шамсудин Маргимов.

Юнкер милиции Шах-Булат Молла.

Урядник Батал Устаев.

Чеченского конного полка

Юнкер милиции Абдул-Муслим Борщикова.
Урядник Шахид Борщикова.
Урядник Изнаура Дубаева.
Урядник Мамада Исламгиреева.
Урядник Альбури Магома.
Подпрапорщик Ягья Самбиев.
Урядник Али Чапанова.

Татарского конного полка

Урядник Саяд Зейналова.
Урядник Мехти Ибрагимова.
Подпрапорщик Дацо Даурова.
Урядник Александр Кайтукова.
Урядник Алекпер Хаджиева.

Ингушского конного полка

Вахмистр Бексултан Бекмурзиев.
Юнкер милиции Эсаки Дзагиев.
Вахмистр Гусейн Костоев.
Урядник Мурат Мальсагов.
Урядник Муса Мальсагов.
Урядник Асмибек Маматиев.
Урядник Хаджи-Мурат Местоев.
Урядник Ахмет Оздоев.

Черкесского конного полка

Урядник Дмитрий Анчабадзе (Ачба).
Юнкер милиции Муса Джарим.
Урядник Джамальбий Каблахов.
Урядник Константин Когониа.
Урядник Василий Маги.
Подхорунжий Учужук Почешхов.
Урядник Байзет Султан-Гирей.
Урядник Рамазан Шхалахов.

В Первую мировую войну в период с 1914-го по 1917 год через армию России прошли более 15 миллионов кадровых и мобилизованных рядовых и унтер-офицеров, служивших в боевых и тыловых частях. Из многомиллионной Действующей армии, воевавшей на суше и на море, 42 480 человек стали полными Георгиевскими кавалерами, будучи удостоенными четырех Георгиевских крестов.

В числе героев российской армии и родной дед по ма-

теринской линии автора этой книги — подхорунжий Николай (Калин) Степанович Баранов (Георгиевский крест 1-й степени № 7478), уроженец станицы Калиновской на Тереке, служивший в рядах 2-го Кизляро-Гребенского полка 1-й Терской казачьей дивизии, части которой неоднократно участвовали в боях на тех же участках Юго-Западного фронта, где действовала и Кавказская конная дивизия.

Офицеры, награжденные солдатскими Георгиевскими крестами 4-й степени на основании постановления Временного правительства от 24 июня 1917 года *.

Штаба Кавказской конной дивизии

Ротмистр Дохчику Кубатиев.

Кабардинского конного полка

Прапорщик Ибрагим Лафишев.

2-го Дагестанского конного полка

Подпоручик Батырхан Арацханов (посмертно).

Корнет Исмаил Акчурин.

Подпоручик Ага Джафаров.

Прапорщик Абумуслим Атаев.

Ингушского конного полка

Поручик Магомет Бек-Бузаров.

Поручик Дудар Добриев.

Татарского конного полка

Поручик Джамшид Хан Нахичеванский.

Корнет князь Хаитбей Шервашидзе.

---

* Сведений о награждении офицеров солдатскими Георгиевскими крестами по Чеченскому и Черкесскому конным полкам в архивах разыскать не удалось.

ИХ ЖДАЛО ВПЕРЕДИ...

Завершая повествование о Кавказской конной дивизии, расскажем о дальнейших судьбах ряда ее генералов, офицеров и полных Георгиевских кавалеров...

Командир дивизии великий князь Михаил Александрович в феврале 1918 года по распоряжению Совнаркома РСФСР был задержан в Гатчине, где жил, и отправлен в ссылку в Пермь. Спустя четыре месяца, в ночь на 12 июня, расстрелян.

Первый начальник штаба дивизии, затем начальник штаба 2-го кавалерийского корпуса генерал-майор Яков Давидович Юзефович после Февральской революции командовал кавалерийской дивизией, позже занимал должность генерал-квартирмейстера — начальника оперативного отдела штаба Верховного Главнокомандующего. В сентябре 1917 года в чине генерал-лейтенанта назначен командующим 12-й армией на Северном фронте. В период Гражданской войны Юзефович служил в Добровольческой армии под командованием Деникина и в Русской армии генерала Врангеля в Крыму. В ноябре 1920-го, после поражения белого движения, эмигрировал в Турцию, оттуда — в Югославию. Позже жил в своем имении под городом Тарту, в Эстонии, где и умер в 1929 году.

Генерал-лейтенант Дмитрий Петрович Багратион, с 20 февраля 1916 года командовавший «Кавказской туземной конной дивизией», затем «Кавказским туземным конным корпусом», как говорилось, 2 сентября 1917 года, в связи с выступлением Корнилова, был освобожден от своей должности и отчислен «в резерв чинов Петроградского военного округа». О его дальнейшей судьбе стало известно из издания «Дворянские роды Российской Империи», выпускаемого в наши дни в Москве Российским Дворянским Собранием.

После Октябрьской революции Багратион оставался в Петрограде. Осенью того же года он похоронил свою жену, Веру Михайловну, умершую в возрасте тридцати четырех лет. Оставшись вдвоем с юной дочерью Ниной, Дмитрий Петрович посвятил себя ее воспитанию. Жилось им в Петрограде очень трудно и бедно, ведь бывший генерал-лейтенант никакой пенсии (как и все воен-

ные) от Советской власти не получал, а никакого другого дохода у него не было.

В декабре 1918 года Багратион вступил в Красную Армию, и ему, как опытному кавалеристу, поручили возглавить «Особую комиссию по снабжению Красной Армии конским составом». В 1919-м, когда в Петрограде на базе бывшей Офицерской кавалерийской школы будет организована Высшая кавалерийская школа Рабоче-Крестьянской Красной Армии, Дмитрий Петрович станет ее начальником. Вспомним, что в августе четырнадцатого он являлся помощником начальника Офицерской кавалерийской школы и с этой должности получил назначение в Кавказскую конную дивизию.

Дмитрий Петрович Багратион умер в Петрограде 21 октября 1919 года.

Бывший командир Татарского конного полка, затем начальник штаба Кавказской конной дивизии, командующий Кавказским конным корпусом генерал-лейтенант Петр Александрович Половцев после сложения в январе 1918 года обязанностей по командованию корпусом эмигрировал через Грузию в Турцию, оттуда во Францию. Скончался в начале пятидесятых годов.

Командир 2-й бригады дивизии, а затем начальник штаба 2-го кавалерийского корпуса генерал-майор Константин Николаевич Хагондоков до Февральской революции 1917 года занимал посты губернатора Амурской области и наказного атамана Амурского казачьего войска. В связи с проходившей по стране после революции заменой управленческого аппарата, назначенного царем, на представителей «демократии», был отстранен от должностей. Но уже в июне приказом Временного правительства по Армии и Флоту генерал-майор Хагондоков назначается командующим Приамурским военным округом, включавшим в себя весь российский Дальний Восток, Камчатку и Сахалин. Командовал округом до ноября семнадцатого года. Октябрьская революция оборвала военную и служебную деятельность генерала Хагондокова.

В начале 1918 года Константин Николаевич приехал в Кабарду, жил с семьей в селении Кармово и Нальчике. На V съезде народов Нальчикского округа, состоявшемся в сентябре восемнадцатого года, генерал Хагондоков избирается окружным военным комиссаром. Но вскоре, в ноябре, после разгрома войсками Красной Армии антисоветского казачье-горского восстания на Тереке и в Кабарде, он навсегда покинет родной край.

Первоначально Константин Николаевич окажется с семьей в Баку, в Азербайджане, ставшем суверенным государством. По сведениям председателя Фонда культуры Кабардино-Балкарии, кинорежиссера Владимира Халидовича Ворокова, приведенным в его книге «Цветные сны» (Нальчик, 1998), сыновья генерала Хагондокова рассказывали ему при их встрече во Франции, что «азербайджанцы предлагали ему пост военного министра. Он отказался».

Затем семья Хагондокова, а позже и сам он, проделает трудный путь, выпавший тогда на долю многих российских эмигрантов, — из Баку они доберутся до Батуми, а оттуда на пароходе до турецкого города Стамбула (Константинополя). Конечным этапом эмигрантского странствования Константина Николаевича Хагондокова и его близких с 1920 года станет Франция...

В 1925 году председатель исполкома селения Каменномостского (бывшее Кармово) направит в Нальчик начальнику Административного отдела ЦИК Кабардино-Балкарской автономной области с пометкой «Секретно» «Список скрывающихся и находящихся в бегах лиц селения Каменномостского, Нагорного округа, КБАО». Среди пятнадцати указанных в нем человек назван и «Хагондоков Константин Николаевич. 52 года. Социальное положение — Генерал-майор старой армии. Скрывается — С 1918 года. Причины, побудившие к бегству — Из-за боязни, как имевший чин генерала. В какой банде и где находится — Находится во Франции».

Приметы скрывающегося и общий облик — Рост выше среднего, лицо чистое, волосы седые.

Кто ближайшие родственники — Дяди Заракуш, Каспот и Камбот Хагондоковы».

Сотрудники французской службы безопасности «Сюрте Женераль», осуществлявшие надзор за российскими эмигрантскими организациями во Франции, в августе 1933 года составили список, включавший в себя около четырехсот выходцев из России. В числе указанных в нем лиц названы и:

«Хагондоков (Эдик) Константин, генерал.

Хагондоков Георгий, сын генерала».

Здесь Константин Николаевич Хагондоков назван его кабардинским именем Эдык.

В этом же списке «Сюрте Женераль» значатся и боевые соратники Константина Николаевича по Кавказской конной дивизии: «Половцев Петр, генерал», «Чермоев Абдул-Меджид (Тапа), офицер», «Хоранов Михаил, офи-

цер» — уроженец Осетии, служил в Татарском полку. Указаны в списке и два эмигранта из Кабардино-Балкарии — «Шакманов Таосултан, юрист» и «Шаков Исмаил, доктор».

В мае 1940 года Германия напала на Францию. «Во время войны генерал Хагондоков отдал все свои ордена в казну на оборону, — читаем в книге Владимира Ворокова. — Оставил лишь Георгиевский крест, Георгиевское оружие, «Владимира» и кавалерийский значок. Эти регалии генерала хранятся ныне в семьях сыновей».

Документы свидетельствуют: когда немцы захватили Париж, они намеревались арестовать Константина Николаевича «за его связь с Англией, но благодаря вмешательству Берлинского Северо-Кавказского комитета ему удалось избежать ареста».

И еще сведения из документов, проливающие свет на жизнь Хагондокова в эмиграции...

В 1931 году в числе других кавказских эмигрантов участвовал в совещании в Париже с целью ведения анти-советской борьбы.

В 1940 году, до нападения Германии, стал членом Терского национального комитета, находившегося в Париже.

После 1945 года «выезжал в Лондон в связи с устройством жизни северокавказских выходцев в Англии».

В 1948 году избран почетным членом Северо-Кавказского комитета, действовавшего в Западной Германии.

В том же 1948 году выезжал в Южную Америку «для организации кабардинской колонии и переселения из Западного Берлина выходцев с Северного Кавказа».

С момента приезда во Францию Константин Николаевич жил с семьей в Париже, затем поселился в городке Версале. Там, по свидетельству Владимира Ворокова, в 1960 году, в возрасте 89 лет, он скончался. «У генерала была черкеска. В черкеске и при погонах его похоронили» на эмигрантском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа, недалеко от Парижа...

До настоящего времени во Франции живут два младших сына Константина Николаевича — Георгий (Жорж) и Исмаил, родившиеся в 1908-м и 1910 году, о встрече с которыми и рассказал в своей книге «Цветные сны» Владимир Вороков.

В книге подробно описана удивительная жизнь и судьба дочери генерала Хагондокова — Гали, по-кабардински Эльмесхан, которая была вторым ребенком

в многодетной семье (трое сыновей и пять дочерей). В послужном списке Константина Николаевича о ней сказано: «имеет дочерей: ... Галю, родившуюся 1898 года февраля 6».

Первым ее мужем был офицер Николай Баженов. Он умер от последствий тяжелого ранения, полученного в Первую мировую войну. В то время Галя находилась с ним в эмиграции в Китае. Переехав во Францию, она выйдет замуж за графа дю Луара, став графиней Ирен дю Луар. В годы Второй мировой войны служила во французской армии, сражавшейся с фашистскими войсками, возглавляя передвижной госпиталь в Северной Африке, а затем в Западной Европе. За выдающиеся воинские заслуги Ирен дю Луар была удостоена многих наград Франции и стран антигитлеровской коалиции. Достаточно сказать, что среди ее наград высший французский орден — Почетного Легиона степени командора.

Графиня Ирен дю Луар, урожденная Галя Хагондокова, умерла в Париже 21 января 1985 года. «С ней прощался весь Париж,— писалось во французском журнале.— С ней прощалась Франция. С ней прощались многочисленные русские эмигранты, давно ставшие французами... С ней прощался Первый полк кавалерии Иностранного легиона в полном составе», почетным шефом которого была графиня Ирен дю Луар.

Ее похоронили на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

* * *

Полковник князь Тембот Жанхотович (Федор Николаевич) Бекович-Черкасский, бывший в Кавказской конной дивизии помощником командира Кабардинского конного полка, а с февраля 1916 года командиром Татарского полка, в Гражданской войне участвовал на стороне белой армии. В январе 1919-го он назначается правителем Кабарды «с правами военного губернатора» и командиром Кабардинской конной дивизии в составе Добровольческой армии генерала Деникина. В феврале произведен в чин генерал-майора. Участвовал в боях с красными войсками под Царицыном.

В связи с поражением белых войск, в ночь на 10 марта 1920 года генерал Бекович-Черкасский во главе отряда отступил из Нальчика во Владикавказ, а затем по Военно-Грузинской дороге вышел в Грузию. Оттуда оставшиеся с ним всадники и офицеры морем переправились

в Крым, войдя в Русскую армию под командованием генерал-лейтенанта Петра Николаевича Врангеля.

В ноябре 1920 года, после падения белого Крыма, вместе с немногими вышедшими из боев всадниками и офицерами Кабардинского конного отряда уходил из Севастополя на одном из судов в Турцию и пятидесятилетний генерал-майор Тембот Жанхотович Бекович-Черкасский, прошедший за свою жизнь через три войны, Георгиевский кавалер, удостоенный восьми боевых наград России.

Оказавшись в Турции, он вскоре войдет в «Кавказский комитет». «В Константинополе образовался «Кавказский комитет», в который вошли представители: Дагестана — генерал Халилов *, Кабарды — князь Бекович-Черкасский, Осетии — Хабаев *, Ингушетии (неизвестно), — говорится в разведсводке штаба советских войск на Северном Кавказе. — Цели Комитета — объединение всех мусульман против большевиков на почве признания генерала Врангеля. Комитет будет стремиться к объединению с другими антибольшевистскими организациями, особенно с казаками...»

Но позже Бекович-Черкасский отойдет от деятельности Комитета в результате какого-то конфликта с врангелевским окружением. Из документов известно, что он, находясь в Константинополе, очень бедствовал и даже вынужден был заниматься «поденной, случайной работой», так как никаких средств к существованию не имел. Потом, узнав об этом, к нему на помощь пришел его старый товарищ по Кавказской конной дивизии ротмистр Чеченского полка Абдул-Меджид Чермоев, бывший председатель ЦК Союза объединенных горцев и глава Горского правительства, находившийся в эмиграции во Франции.

С 1927 года генерал Бекович-Черкасский жил в Париже. В то время он примыкал к «группе горцев-монархистов» и вел среди них работу по их объединению с «русской монархической организацией Николаевского толка». Бекович-Черкасский являлся сторонником бывшего Верховного Главнокомандующего российской армией великого князя Николая Николаевича, который, став эмигрантом, обосновался во Франции. Значительная

---

* Микаэль Халилов и Бета Хабаев — в 1919—1920 годах правители Дагестана и Осетии.

часть белой эмиграции именно его считала законным претендентом на русский престол.

Тембот Жанхотович (Федор Николаевич) Бекович-Черкасский умер в начале тридцатых годов...

Командир 3-й сотни Кабардинского конного полка штабс-ротмистр Заурбек Асланбекович Даутоков-Серебряков, награжденный за храбрость в боях на Кавказском — турецком фронте орденом св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом и тремя другими орденами, в августе 1918 года, пользуясь поддержкой восставших на Тереке казаков, поднял восстание «против большевиков» в Кабарде и занял Нальчик. В ноябре под ударами войск Красной Армии отступил на Кубань, где соединился с частями Добровольческой армии генерала Деникина.

В декабре штабс-ротмистр Заурбек Даутоков-Серебряков выехал в штаб армии в Екатеринодар «для доклада» Антону Ивановичу Деникину. После встречи с ним он получил приглашение на ужин — «бал», даваемый главнокомандующим Добровольческой армией.

Бывший корнет Кабардинского конного полка князь Константин Чхеидзе, уроженец Моздока, ставший с августа 1918 года адъютантом своего земляка-моздокца Даутокова-Серебрякова, вместе с ним присутствовал на том «балу». Десять лет спустя после Гражданской войны, будучи эмигрантом, он в своей книге «Страна Прометея», написанной в 1930 году и выпущенной русским издательством «Слово» в Китае, вспомнит о том вечере в столице Кубани Екатеринодаре и о том, в какой роли предстал тогда на нем штабс-ротмистр Заурбек Даутоков-Серебряков...

Итак, банкетный зал, где присутствуют высшие чины Добровольческой армии, многие представители российской аристократии, бежавшие от большевиков на Кубань, члены Кубанского краевого правительства, иностранные офицеры и дипломаты. И вот в двенадцатом часу ночи, когда в зале появился после совещания Деникин, читаем в книге Константина Чхеидзе «Страна Прометея», «к столику Заурбека подошла группа иностранцев. Это были французы... Французы просили Заурбека станцевать «данс де Кавказ». Они так много слышали «о герое Кабарды», они надеются, что их просьба не затруднит и не обидит Заурбека.

Когда составили круг и с эстрады, где находился оркестр, полились волнующие звуки лезгинки, Заурбек,

засучив широкие рукава черкески, вышел на середину. Его папаха, украшенная зеленой лентой, с вышитыми на ней полумесяцем и звездой, была надвинута чуть-чуть набок. Темно-алая черкеска плотно облегла плечи и талию, обрисовывая линии его высушенного и закаленного походами гибкого тела. На поясе висел кинжал, справа — наган, слева — маузер с вызолоченной ручкой...

Мягкие ноговицы позволяли Заур-беку ступать легко и неслышно. Он шел той особо хищной и изящной в то же время походкой. Его глаза горели, выдавая волнение... Незаметно от простого прохаживания он перешел к танцу. Он вскинул руки, и каждый, кто имел глаза, увидел, что за плечами его выросли крылья: черные крылья зловещей, жестокой птицы. Он сделал скачок — вздрогнули брови, положенные, как две стрелы, омоченные кровью. И потом застыли, разделенные продольной морщиной, о которой говорят, что эта морщина — знак немилосердной судьбы.

Ноги Заур-бека превратились в вихрь — казалось, от них исходит дыхание бури. Стремительный, как коршун, плавный, как лебедь; то рыскающий волком, то замирающий, словно статуя, изображающая невыносимый восторг, — он танцевал, и танец его повествовал о жизни, в которой пламенная, как только что пролитая кровь, страсть перемежается со взлетами гнева и печалью падения с высоты...».

12 января 1919 года в ходе общего наступления Добровольческой армии на Северном Кавказе Кабардинская конная бригада в составе двух полков под командованием ротмистра Заурбека Даутокова-Серебрякова с боем занимает Нальчик, выбив из слободы красные части. В те же дни правителем Кабарды назначается князь Бекевич-Черкасский. Ротмистр Заурбек Даутоков-Серебряков стал помощником правителя Кабарды по военной части с правами командира отдельной конной бригады. С февраля, назначенный начальником «экспедиционного отряда», он ведет борьбу со «сторонниками большевизма» — красно-повстанческим движением в Кабарде и Балкарии. И как сказано в белогвардейском документе, его «знали как беспощадного начальника», что являлось трагическим проявлением братоубийственной Гражданской войны.

Летом 1919 года полковник Даутоков-Серебряков, командуя бригадой, участвовал в боях с красными войсками под Царицыном. И там 27 августа в районе Кот-

лубани погиб. Тело его было привезено в Нальчик и похоронено на Вольноаульском кладбище...

О Заурбеке Даутокове-Серебрякове рассказал в «Записках белого партизана» казачий генерал Андрей Григорьевич Шкуро, воспоминания которого опубликованы в 1994 году в Москве в книге «Трагедия казачества»:

«Консервативные слои кабардинцев [летом 1918 года] сгруппировались вокруг ротмистра Серебрякова-Даутокова, офицера русской службы, служившего во время германской войны в Кабардинском полку Туземной дивизии.

Во время революции энергичный, образованный и неглупый Даутоков, обладавший к тому же красноречием, пользовался большим доверием среди всадников... По своим взглядам он был сторонником тесного единения с Россией, с предоставлением Кабарде неширокой автономии... Когда восстала против большевиков Терская область, Даутоков решил поднять восстание в Кабарде...

У него не хватало лишь денег для приобретения оружия на ведение войны. Даутоков вступил в конспиративную связь с проживавшим в Кисловодске бывшим командиром Кабардинского полка графом Илларионом Илларионовичем Воронцовым-Дашковым. Граф выехал к генералу Лазарю Бичерахову, занимавшему в то время Петровск, и просил его прислать Даутокову денег. Бичерахов послал с Воронцовым-Дашковым несколько миллионов. Даутоков сформировал два полка добровольцев: 1-й состоял сплошь из узденей, князей и помещиков, 2-й — из крестьян и добровольцев...

Когда Терский фронт рухнул, Серебряков-Даутоков покинул Кабарду и горными перевалами пошел на соединение со мною в Баталпашинский отдел. После очищения Кабарды от большевиков все полагали, что именно Серебряков-Даутоков, а никто иной, будет назначен ее правителем. Однако у Даутокова было много врагов в штабе Главнокомандующего, доказывавших там, что он будто бы авантюрист и демагог.

Правителем Кабарды был назначен князь Бекович-Черкасский... Произведенный в полковники и утвержденный в должности командира Кабардинской бригады, посланной на Царицынский фронт, Серебряков-Даутоков был убит».

Мулла Кабардинского конного полка прапорщик Алихан Шогенов за храбрость в боях получил награды — Георгиевский крест 4-й степени и орден св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом. В октябре 1918 года,

в период занятия Нальчика отрядом Даутокова-Серебрякова, он, согласно решению Нальчикского окружного Народного Совета, вошел в Комиссию по восстановлению судопроизводства в округе, а 2 ноября стал членом Кассационного суда при «Шариатских судах окружного суда».

После отступления Даутокова-Серебрякова из Кабарды хаджи Алихан Шогенов с ним не ушел, а остался в родном селении Атажукино 3 (Куба), считая, что перед кабардинским народом, в «распоряжение» которого в сентябре 1917-го он был отозван из Действующей армии, вины у него никакой нет. Но его не пощадили... «Белый офицер Алихан Шогенов убит большевиками в конце 1918 года», — бесстрастно констатирует документ Кабардино-Балкарского ОГПУ.

Доктор Бекмурза Муссович Шогенов прошел с Кабардинским конным полком всю войну и за оказание помощи раненым в боевой обстановке заслужил четыре ордена. В период Гражданской войны возглавлял лазарет Кабардинской конной дивизии. После отступления белых, в марте 1920 года, арестован советскими властями и несколько месяцев провел в Нальчикской тюрьме. Получив освобождение, уехал в Чечню, жил в Серноводске, где заведовал лечебным пунктом. В 1928-м Бекмурзу Муссовича вновь арестовали. Уполномоченный ОГПУ доставил его в город Нальчик. Будучи обвиненным «в соучастии в вооруженной банде», врач Шогенов 3 августа 1928 года Коллегией ОГПУ приговаривается к расстрелу...

Поручик Кабардинского полка Магомет Таусултанович Абаев за боевые отличия на австрийском и Румынском фронтах был награжден двумя Георгиевскими крестами и шестью орденами, среди которых св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом. Летом 1918-го он вступил в отряд своего однополчанина штабс-ротмистра Заурбека Даутокова-Серебрякова, участвовал в боях с красными частями. Затем служил в белогвардейских Кабардинской конной бригаде и Кабардинской конной дивизии, полки которой участвовали в боевых действиях на Царицынском фронте. В марте 1920 года ротмистр Магомет Абаев отступил из Нальчика с отрядом Бековича-Черкасского. Прошел через бои в Крыму. Потом эмиграция...

Из Турции Магомет Таусултанович переберется в Болгарию. Там женится на русской эмигрантке. Умер он в 1962-м в Софии. В наши дни в столице Болгарии живут сын, дочь и внуки офицера Абаева.

В рядах белогвардейской армии служили известный общественный деятель Кабарды и коннозаводчик, прапорщик Кабардинского конного полка князь Таусултан Магометович Наурузов, заслуживший в боях два ордена, и его сын — поручик Науруз.

Еще будучи всадником-добровольцем, Науруз Наурузов получил за храбрость Георгиевский крест 4-й степени, а произведенный в офицерский чин, он за боевые отличия будет награжден шестью орденами, в их числе — св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом.

Офицеры Наурузовы—Таусултан и его сын, Науруз, — в марте 1920 года отступили из Кабарды в составе отряда генерала Бековича-Черкасского. В «Деле о бежавших и находящихся в бегах лицах из граждан Кабардинской автономной области» на 30 декабря 1921 года в числе 261 человека указаны и по «селению Кызбурун 2*»: Таусултан Наурузов — 51 год, Науруз Наурузов — 30 лет». Дальнейшая их судьба неизвестна...

Подполковник Барасби Саляхович Мамышев осенью 1918 года поддержал Даутокова-Серебрякова, но в его отряд не вступил. В период правления белых властей, в ноябре 1919-го, назначен начальником Государственной стражи Нальчикского округа и произведен в чин полковника. Оказывал помощь людям, преследуемым белыми. После разгрома Добровольческой армии, не зная за собой вины, остался в Нальчике, затем с семьей переехал в Кисловодск, где работал в должности судьи Мало-Карачаевского округа. По обвинению «в контрреволюции» и «службе у белых» неоднократно подвергался арестам. В начале 1926 года ссылается в Сибирь, в Нарымский край, но осенью в связи с пересмотром дела был освобожден и вернулся к семье в Кисловодск.

В 1927-м Барасби Саляховича Мамышева арестовывают в пятый и последний раз. Как видно из следственного дела его сына Измаила, арестованного и расстрелянного в Нальчике в декабре 1937 года, ему, наряду с другими сфабрикованными обвинениями, вменяли в вину и то, что он был сыном «расстрелянного органами ОГПУ бывшего полковника Мамышева Барасби, бывшего дворянина и помещика»...

О командире Кабардинского конного полка полковнике Всеволоде Дмитриевиче Старосельском известно только то, что позднее осенью 1917 года он служил в «Персидской казачьей бригаде» на Кавказском фронте.

---

* Ныне селение Исламей.

Полковник Владимир Давидович Абелов командовал Кабардинским полком вплоть до последних дней его существования и роспуска в конце марта 1918 года. Во время Гражданской войны служил в белой армии. В начале февраля 1919-го направлен в Нальчик, где занял должность помощника правителя Кабарды по военной части.

При отступлении отряда генерала Бековича-Черкасского Абелов остался в Нальчике, так как не знал за собой никакой вины «перед народом». Арестован 4 июня 1920 года как «белогвардеец и контрреволюционер». Содержался в тюрьмах Нальчика и Владикавказа. 8 сентября Терская областная Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией, «рассмотрев дело № 956 по обвинению Абелова Владимира» и выяснив, что его «служба в добрармии доказана», постановила: «Абелова отправить в концентрационный лагерь до конца гражданской войны».

В деле № 956 подшита и выписка из отношения Псковского губернского концлагеря № 943 от 26 марта 1921 года о том, что «Абелов Владимир Давидович выбыл из Псковского концентрационного лагеря в распоряжение Главного Управления общественных работ и повинностей Наркомвнудел».

О дальнейшей судьбе командира Кабардинского конного полка Владимира Давидовича Абелова ничего выяснить не удалось...

В рядах белой армии служил и поручик Чепеллеу Биасланович Урусбиев, бывший адъютант Кабардинского конного полка, награжденный за доблесть в боях на фронтах Первой мировой войны четырьмя орденами. Он тоже находился среди тех, кто в ночь на 10 марта 1920 года в составе отряда генерала Бековича-Черкасского отступил из Нальчика. По выходе в Грузию, откуда для большинства его земляков — кабардинцев и балкарцев, служивших в белой армии, путь лежал по морю в Крым, к Врангелю, Чепеллеу Урусбиев, к тому времени тяжело заболевший туберкулезом, вынужден был расстаться со своими боевыми товарищами по Кабардинскому конному полку.

Из Грузии Урусбиев перейдет в Турцию и поселится в городе Самсуне. Подлечившись, станет работать администратором на табачной фабрике «Регия», которой владел карачаевец Баразби (Борис) Крымшамхалов, еще до революции выехавший из России.

4 марта 1924 года будет составлен «Список граждан селений Балкарского округа, эмигрировавших из пределов КБАО». Под № 20 в нем значится: «Верхний Баксан. Урусбиев Чепе Биасланович, 33 года». Где находится — «Турция». Семейное положение — «Осталось 5 душ семьи».

В то время в Верхнем Баксане, бывшем ауле Урусбиево, оставались отец и мать Чепеллеу, его жена Алтынчач Исламовна, урожденная Балкарокова, с их четырехлетней дочерью Гюльджан.

Видимо, в том же двадцать четвертом году супруге Чепеллеу Урусбиева удалось каким-то образом выехать с дочерью из СССР в Турцию, к мужу. Там, в городе Самсуне, у них родится и вторая дочь — Фатима. В 1932 году Чепеллеу Биасланович Урусбиев умер.

В наши дни в Турции живут его дочери со своими детьми и внуками. Старшая, Гюльджан, — в Анкаре. Ее мужем был турецкий сенатор, в живых его уже нет. Младшая, Фатима, — в Стамбуле. Муж ее до ухода на пенсию работал главным инженером Стамбульского морского порта...

Поручиком вернулся с фронта в Нальчик осенью 1917 года Кургоко Алиевич Азапшев. Всадником он заслужил Георгиевский крест 4-й степени и медаль «За храбрость». Произведенный за боевые отличия в офицерский чин, получит в награду три ордена. Во время Гражданской войны Кургоко Азапшев служил в рядах белогвардейской Кабардинской конной дивизии. В марте 1920-го, при отступлении разбитой Добровольческой армии, он остался в Кабарде, скрывался в лесах и горах. Но потом пришло время, и Азапшев решил явиться в Нальчик к властям с повинной.

В архивном деле, озаглавленном с позиций того времени, как «Дело о белобандитах» за 1922 год, находится и «Список явившимся из леса гражданам селения Хамидие по воззванию Кабардинского облисполкома». В числе «явившихся» назван и «Азапшев Кургоко Алиевич. Лет — 28». Здесь же отмечено, что он явился 10 сентября 1921 года, скрывался — «один год четыре месяца».

После соответствующей проверки в ГПУ Азапшеву, как бывшему белому офицеру, было выдано свидетельство на жительство. А 9 февраля 1922 года общее собрание селения Хамидие постановило «о принятии обществом явившегося из леса гражданина нашего селения Кургоко Азапшева» в связи с тем, что он «поведения

и образа жизни хорошего, никаких активных выступлений против Советской власти не производил, не причинял вреда гражданам селения во время владычества белых». И сельское общество решило «принять в свою среду» Кургоко Азапшева «с правом пользования всеми угодьями наравне с гражданами селения».

А в 1923 году жители селения Хамидие приняли «в свою среду» и бывшего юнкера Кабардинского конного полка Берда Жамбулатовича Хапцева, человека исключительной храбрости, награжденного в боях на Юго-Западном и Румынском фронтах четырьмя степенями Георгиевского креста, двумя медалями «За храбрость» и французской боевой медалью. В период Гражданской войны он служил в белой армии. «При отступлении белых,— как будет позже сказано в документе ОГПУ,— совместно с таковыми эмигрировал за границу во Францию, откуда в 1923 году вернулся в СССР».

Потом наступит 27 июня 1928 года, когда «бывший уздень, офицер белой армии в чине поручика» Кургоко Азапшев и «бывший уздень, юнкер белой армии» Берд Хапцев будут арестованы органами Кабардино-Балкарского ОГПУ. Им предъявят стандартные для того времени сфабрикованные обвинения, в перечень которых входили — служба в белой армии, «контрреволюционная пропаганда с целью подрыва и свержения Соввласти», «проведение среди населения злостной антисоветской агитации» с целью срыва хлебозаготовительной кампании, «противодействие открытию детских яслей путем распространения ложных слухов среди населения об отправке детей в Китай». Виновными Кургоко Азапшев и Берд Хапцев по предъявленным им обвинениям себя не признали, за исключением службы в белой армии.

5 ноября 1928 года Особое совещание при Коллегии ОГПУ СССР по их делу выносит постановление: «Азапшев Кургоко Алиевич — 35 лет... женат, кабардинец, бывший уздень, окончивший 5 классов реального училища, середняк, офицер белой армии», и «Хапцев Берд Жамбулатович, 32 лет, холост, кабардинец, бывший уздень, юнкер белых, репатриант, середняк, образование низшее», приговариваются к заключению «в концлагерь, сроком на пять лет».

На постановлении помечено: «Таковых надлежит направить в Соловки».

В конце 1928 года ветераны Кабардинского конного полка, заслужившие в боях за Отечество высокие боевые награды России, Кургоко Азапшев и Берд Хапцев, став-

шие в результате репрессий бесправными «политическими преступниками», были направлены отбывать срок заключения на Соловецкие острова, в печально знаменитый в то время СЛОН — Соловецкий лагерь особого назначения.

Известно, что позже Берд Хапцев с Соловков будет переведен в Свирлаг, в Ленинградскую область, где с тысячами других заключенных ему довелось строить Беломорско-Балтийский канал. Когда же в 1933 году заканчивался пятилетний срок его пребывания в концлагере, Коллегия ОГПУ СССР постановила: «Хапцева Берда Жамбулатовича по отбытии срока наказания выслать в Севкрай сроком на три года».

В том же тридцать третьем он будет отправлен «в распоряжение Вологодского оперсектора ОГПУ» в Северном крае. Дальнейшая судьба полного Георгиевского кавалера, героя российской армии Берда Хапцева неизвестна...

Кургоко Азапшев после отбытия всех сроков наказания поселится в Дагестане. Там в начале семидесятых годов он и скончается.

В рядах белой армии служили ветераны Кабардинского полка полные Георгиевские кавалеры офицеры Докшуко Астемиров, Исмаил Тхазеплов, Кушби Ахохов, подпрапорщик Хазеша Диков. В марте 1920 года они отступили из Кабарды во Владикавказ. Оттуда через Кавказский хребет добирались до Грузии, а потом — в Крым. Дальше тех, кто вышел живым из последних боев на крымской земле, ждали тяжкий путь в эмиграцию, жизнь на чужбине.

Полный Георгиевский кавалер, награжденный четырьмя российскими орденами и румынским орденом Короны, корнет Кабардинского полка Али Жанхотович Инароков и его брат прапорщик Султан Инароков еще в августе 1918 года вступили в отряд своего однополчанина Заурбека Даутокова-Серебрякова, связав свою судьбу с белой армией. Оба они погибли в боях.

Урядник Кабардинского полка Ибрагим Азаматович Биев за отличия в боях был награжден Георгиевским крестом 4-й степени, медалью «За храбрость», чином юнкера, а затем прапорщика. Проявив доблесть в последнем летнем наступлении 1917 года в Галиции, он получил орден св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость».

Во время Гражданской войны корнет Ибрагим Биев находился в белой армии. В марте 1920 года остался

в Нальчике, решив не покидать Родину. 10 апреля его арестовали, но спустя три дня освободили. Вторичный арест последовал 23 апреля. В июне Биева из Нальчика перевели во Владикавказскую тюрьму.

25 августа 1920 года на заседании Коллегии Терской областной Чека рассматривалось дело по обвинению «в контрреволюции» бывшего корнета белой армии Ибрагима Биева, который «по своему имущественному положению принадлежит к классу врагов Соввласти» — он имел «собственный дом в Нальчике, корову, лошадь и домашнюю обстановку». Постановление гласило: ввиду того, что «обвинение доказано — арестованного отправить в Особый отдел Кавфронта» в Ростов.

Из Ростова Ибрагима Биева, как «бывшего белого офицера и контрреволюционера», отправят в Северный край, в один из лагерей, где он и пробудет до конца Гражданской войны. Вернувшись, жил в родном Черекском ущелье, затем вновь поселился в Нальчике, что видно из «Списка бывших помещиков и землевладельцев Балкарского округа», составленного в декабре 1926 года.

О дальнейшей судьбе Ибрагима Азаматовича Биева ничего не известно...

* * *

Кавалер трех боевых орденов и Георгиевского креста 4-й степени, поручик Хабиж Хажибекирович Абдурахманов в августе 1918 года поддержал Даутокова-Серебрякова, вступив в его отряд. Поздней осенью вместе с ним отступил в Прикубанье, а в январе 1919-го в составе белой армии отбивал у красных Нальчик. Потом служил в рядах Кабардинской конной дивизии и в других белогвардейских частях, сражался под Царицыном. В марте 1920-го Абдурахманов вместе с генералом Бекевичем-Черкасским отступил из Кабарды. Потом в ноябре, когда на крымской земле пали последние рубежи, удерживаемые белой армией, он вместе с тысячами других солдат и офицеров окажется в Стамбуле (Константинополе).

Впереди у него были трудные годы эмиграции, позади — навсегда и безвозвратно потерянные Родина, семья, близкие...

Как белого офицера, Абдурахманова разыскивали для ареста в родном краю. Еще 15 августа 1920 года, в то время, когда он находился далеко от Кабарды,

в Крыму, уполномоченный Политбюро — Чека в Нальчике посылает начальнику милиции Нагорного округа предписание: «Прошу арестовать и препроводить в Политбюро — из селения Кармово князя Абдурахманова, штабс-ротмистра».

Позже в Кабардино-Балкарии станет известно, что Хабиж Абдурахманов находится в Болгарии. И когда в 1925 году в Каменномостском сельском исполкоме составили и отправили в Нальчик «Список скрывающихся и находящихся в бегах лиц селения Каменномостского, Нагорного округа, КБАО», то в числе пятнадцати человек будет также указан: «Абдурахманов Хабиж Хажобекирович, 40 лет. Дворянин. Середняк. Скрывается с 1920 года. Причины, побудившие к бегству, — как бывший офицер старой армии и служивший поручиком в белой армии. Находится в Болгарии. Ближайшие родственники — имеет жену, дочь и сына».

Здесь же, в графе «Приметы скрывающегося и общий облик», об Абдурахманове сказано: «Рост вышесредний, лицо чистое, плотного сложения, волосы темно-русые».

Два года спустя, в 1927-м, был составлен «Список лиц, проживающих за границей из Нагорного округа, опасных в политическом отношении». Под № 18 в нем указан: «Абдурахманов Хабиж. Сел. Каменномостское. Особые отметки — организатор крупного масштаба».

А в селении Каменномостском оставалась жена Хабижа Абдурахманова — Софиат, жившая с тремя детьми — сыном и двумя дочерьми, одна из них приемная. На долю Софиат Тежуроховны, как жены белого офицера, «дворянина и помещика», выпадут тяжелые испытания, ведь, по сути дела, она с семьей оказалась в селении вне закона. На основании постановления ВЦИК и Совета Народных Комиссаров от 20 марта 1925 года лица, подобные ей, подлежали выселению, а имущество их конфисковывалось.

И потом, в 1926-м, пришел день, когда члены Каменномостского сельисполкома пришли к Софиат Абдурахмановой в дом и конфисковали все то немногое, что еще сохранилось у нее после трудных шести лет жизни, когда после отступления с белой армией Хабижа она осталась одна кормилицей троих детей. Теперь же ее семью выбросили на улицу. И тогда, не дожидаясь ссылки в отдаленные места, Софиат Абдурахманова навсегда уезжает из Каменномостского.

Обо всех этих испытаниях и унижениях, выпавших на долю его семьи, оставшейся в родном селении, Хабижу

Абдурахманову узнать не придется, как никогда больше не доведется и встретиться со своими родными...

Наверное, и мы бы никогда не узнали о его дальнейшей судьбе после 1920 года, как не знаем о судьбах большинства эмигрантов периода Гражданской войны, если бы жизнь случайно не свела Абдурахманова с однопольчанином, бывшим корнетом Кабардинского конного полка Константином Чхеидзе,— их связывала не только совместная служба, но и искренние дружеские отношения. Позже, в составе белой армии, им довелось участвовать в боях на Северном Кавказе и под Царицыном. А в марте двадцатого в отряде Бековича-Черкасского они вместе покидали Нальчик, уходя в неизвестность. Затем был Крым, где они прошли через последние в их жизни бои Гражданской войны. Потом эвакуация с крымской земли через море в Турцию, где они и потеряли друг друга — каждый из них в эмиграции пошел своей дорогой.

Однако судьба распорядится так, что в середине двадцатых годов и Хабиж Абдурахманов, и Константин Чхеидзе, уже сполна испившие горькую эмигрантскую чашу, окажутся в Болгарии. И там вновь сойдутся их пути...

«...Прошли времена и сроки,— вспоминал в книге «Страна Прометея» Константин Чхеидзе.— В одно туманное утро, когда вершина далекой Шипки, обливаясь слезами, прячется от людского взора за облака, когда содрогается под порывами холодного ветра листва на Балканах,— я проходил в одном из городков Розовой Долины мимо мечети. Зябнувшие руки искали тепла, но их нельзя было спрятать в карманы, потому что они держали топор. Я возвращался с работы и думал, что, придя домой, мне удастся сварить картошку.

Какой-то неясный силуэт отделился от двери мечети и, медленно перебирая ступени, сошел вниз. Странный балахон... бывший растерзанной солдатской шинелью, едва прикрывал могучее тело. Небольшая облезлая шапчонка не умещалась на великанской круглой голове... Я присмотрелся к давно небритому лицу понуро шагающей фигуры... Боже мой!.. Да ведь это Хабыж!..

— Хабыж-цук!— крикнул я, и в горле моем остановился режущий ком.

Я бросил топор и кинулся в раскрытые объятия плачущего Хабыжа.

— Хабыж, Хабыж...— только и мог повторять я.

А он молчал и всхлипывал, как всхлипывает ребенок, утративший и снова нашедший мать. Невдалеке уже находился дом, в котором я жил. Усадив Хабыжа за верхний — почетный конец стола, я побежал в лавки, чтобы в один раз истратить деньги, рассчитанные на неделю. Конечно, я купил араки. Правда, не нашу, не кабардинскую и не балкарскую араку, а ту, что варят болгары из слив...

Впоследствии Хабыж нашел хорошее место. Его наняли конюхом в Болгарские Государственные конюшни. И там, около коней, вдыхая аромат конюшни... бесконечно милый и родной для тех, кто считает коня единокровным братом, — окончились дни Хабыжа».

Иногда Константин Чхеидзе получал от своего кабардинского друга Хабижа Абдурахманова письма. Вспоминная об этом, он писал в книге: «...Невозможно было без внутреннего волнения читать его письма. О чем писал он? Конечно, о Кабарде, о конях, о смертельной тоске изгнания...»

В одном из писем Хабиж Хажобекирович рассказал Чхеидзе о вещем сновидении, пришедшем к нему еще в далеком восемнадцатом году перед тем, как утром отряд Заурбека Даутокова-Серебрякова должен был вступить в бой с красными «у пятигорских высот». Находясь в ожидании того жестокого боя, поручик Хабиж Абдурахманов забылся в тревожном сне. Тогда и пришло к нему осознание грядущей беды, о которой он еще и не помышлял: «...я не понимал, почему я увидел себя в чужой земле, на грязи, оборванным и несчастным. Теперь, после Константинополя и болгарских конюшен, — я понимаю... Да будет воля Аллаха! Но неужели мои кости будут лежать вдали от кладбища, лежащего на краю нашего аула?.. Да будет воля Его».

Где-то на чужбине, в приютившей Хабижа Хажобекировича Болгарии, далеко от любимой, отрекшейся от него Родины затерялась могила Абдурахманова, отважного офицера российской армии, умершего в эмиграции в конце двадцатых годов.

«О, Хабыж, мой маленький Хабыж, мой дорогой Хабыж-цук! — писал с сердечной болью его друг и однополчанин Константин Чхеидзе. — Вот настало время — и я, в печальном волнении, одинокий, вдали от гор, подобный птице, несущейся среди туч по черному небу, обращаю свой взор в минувшее... и память о тебе — да не истребится вовеки...»

От истории Кабардинского конного полка неотделимо имя начальника Нальчикского округа Султанбека Касаевича Клишбиева. После Февральской революции, 11 марта 1917 года, по распоряжению Терского областного гражданского исполнительного комитета он был «смещен» со своего поста. Но так как новая власть вины за ним никакой не нашла, то он уходил из армии в отставку с повышением в чине и главным образом в связи с тем, что в то время у него открылся туберкулез легких. Приказ по Армии и Флоту от 26 июля 1917 года гласил: «Числящийся по армейской кавалерии Нальчикского округа Терской области подполковник Клишбиев увольняется от службы за болезнью — полковником с мундиром и пенсией».

После занятия Нальчика белыми войсками 17 января 1919 года последует приказ Главнокомандующего Терско-Дагестанской области генерал-лейтенанта Ляхова, согласно которому назначались: правителем Кабарды полковник князь Бекович-Черкасский, его помощником по военной части ротмистр Даутоков-Серебряков, а помощником по гражданскому управлению «на правах начальника округа назначается полковник Клишбиев».

Но Клишбиев недолго пробыл на этом посту и вскоре переводится на такую же должность «по гражданскому управлению» к правителю Чечни генералу Эрисхану Алиеву. Но и там по состоянию здоровья он оставался непродолжительное время и вновь вернулся в Нальчик. Здесь ему поручат возглавить комиссию по исчислению убытков, понесенных населением округа «при большевиках».

Клишбиев оставался вне политики и с белым движением себя не связал. Именно поэтому он смело остался в марте 1920 года в Нальчике. Но уже 21 апреля Султанбек Касаевич был арестован и оказался в тюрьме. В его защиту в Нальчике и окрестных населенных пунктах тогда поднялось много людей, направивших свои заявления и «приговоры» в окружной ревком, где заявлялось о «порядочности гражданина Султанбека Клишбиева» как при царском строе, так и «при Добровольческой армии».

По решению Терского ревтрибунала Клишбиева освободили из тюрьмы «под поручительство». Но через три дня его вновь арестовали по настоянию властей Кабарды. 29 июня Султанбека Касаевича перевезут во Влади-

Кавказ, где первое время будут содержать в концлагере вместе с «буржуазно-контрреволюционными элементами», а 7 июля переведут во Владикавказскую тюрьму.

Следователь Терской Чека, найдя обвинение Клишбиева «в контрреволюции» не доказанным, посчитал возможным, что «Клишбиева можно использовать как военного специалиста (полковник старой армии)». И 4 августа 1920 года Терская областная Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией выносит свое окончательное решение: «...заслушав и рассмотрев дело № 933 по обвинению Клишбиева в службе у белых и выяснив, что обвинение не доказано, постановила: Клишбиева направить в Кавфронт для отправки на Польский фронт».

Туда, на Польский фронт, где части Красной Армии вели боевые действия против польских войск, и был через штаб Кавказского фронта в Ростове направлен полковник «старой армии» Султанбек Касаевич Клишбиев. О его дальнейшей судьбе, как и о его семье, выяснить ничего не удалось.

* * *

Офицеры Кавказской конной дивизии — кавалер Георгиевского оружия командир 1-го Дагестанского полка полковник князь Нух-бек Тарковский, кавалер ордена св. Георгия и Георгиевского оружия командир 2-го Дагестанского полка полковник Арацхан Хаджи Мурат и командир Чеченского полка полковник Джамалутдин Мусалаев, вернувшийся из Грозного в Темир-Хан-Шуру в марте 1918 года, — играли активную роль в период Гражданской войны на Северном Кавказе.

О высоком авторитете и значимости в Дагестане Арацхана Хаджимуратовича Хаджи Мурата мы можем судить по рапорту от 12 декабря 1917 года командира 42-й бригады государственного ополчения полковника Ахвердова командующему Кавказским военным округом о положении дел в Дагестанской области.

Будучи начальником войск в Дагестане и возглавляя Темир-Хан-Шурирский гарнизон, Ахвердов, видя все углублявшееся разложение русских воинских частей, где «исключительным успехом пользуется большевистская пропаганда», и полагая необходимым выехать в Тифлис для доклада, сообщал начальнику Кавказского

военного округа: «В случае моего отъезда исполнение обязанностей начальника войск и начальника гарнизона возложу на командира 2-го Дагестанского конного полка полковника Хаджи Мурата (Арацханова)».

Из этого документа становится известно, что в Дагестане полковник Арацхан Хаджи Мурат был известен и как Арацханов.

С конца 1917 года полковники Хаджи Мурат и Тарковский, затем и полковник Мусалаев поддерживали правительство имама Нажмутдина Гоцинского. Весной восемнадцатого года, в связи с установлением в Дагестане Советской власти, они со своими сторонниками отошли в горы. И там, в Гунибе, в двадцатых числах мая ими, как говорится в «Истории Дагестана», был созван «так называемый народный съезд, на котором провозгласили «возрождение» своего «правительства» во главе с имамом Гоцинским».

В числе активных инициаторов созыва съезда в Гунибе были полковники Нух-бек Тарковский, Арацхан Хаджи Мурат (Арацханов), Джамалутдин Мусалаев.

«От имени съезда», сказано далее в «Истории Дагестана», объявлялась мобилизация «в шариатскую армию всех горцев от 17 до 55 лет... Командующим был назначен полковник Х.-М. Арацханов».

Позже полковник Арацхан Хаджи Мурат решил избрать другой путь в своей жизни и службе — он уедет из Дагестана и, пробравшись на Кубань, вступит в Добровольческую армию Деникина, в рядах которой его произведут в чин генерал-майора.

Полковник Джамалутдин Мусалаев в конце 1918 года, с переездом из Тифлиса в Темир-Хан-Шуру правительства Республики горцев Северного Кавказа (Горского правительства) во главе с Абдул-Меджидом Чермоевым, будет назначен губернатором Дагестана. Так, в протоколе совещания начальников дагестанских округов от 1 февраля 1919 года, созванного для выработки мер «борьбы с усиливающимся влиянием большевиков среди населения области», указано: «Председательствовал губернатор полковник Мусалаев».

Полковник Нух-бек Тарковский с лета 1918 года, взаимодействуя с казачьим полковником Лазарем Бичераховым и турецкими отрядами, вышедшими из Азербайджана, вел в Дагестане борьбу с Советской властью. В сентябре объявлен «диктатором Дагестана». В конце октября, когда город Темир-Хан-Шура стал местом пребывания Горского правительства и его власть распрост-

ранилась на Дагестан, Нух-бек Тарковский сложил с себя полномочия диктатора.

15 декабря 1918 года «Союзный совет (парламент) Республики горцев Северного Кавказа», приняв отставку кабинета Абдул-Меджида Чермоева, сформировал новый состав правительства во главе с уроженцем Кабарды Пшемахо Коцевым. В списке членов «нового коалиционного кабинета» в должности военного министра значился полковник князь Нух-бек Тарковский.

В одной из советских военных разведывательных сводок того времени говорилось: «В настоящее время в Дагестанском крае существует Горское правительство, стремящееся к полному отделению Дагестана от России. Форма правления будущего федеративного государства не установлена...

Председателем Совета министров является Пшемахо Коцев, юрист по образованию... министром военным — князь Тарковский, офицер русской службы».

Горское правительство находилось в конфронтации как с Деникиным, не признававшим его, так и с большевистскими Советами, ведя борьбу с их сторонниками.

Власть Горского правительства осуществлялась главным образом на территории Дагестана, и в мае 1919 года, в связи с выходом на его территорию войск Добровольческой армии, «деникинское командование, — сказано в «Истории Дагестана», — потребовало ускорить полную ликвидацию «независимой» республики Союза горцев. Большую роль в этом сыграли дагестанское белогвардейское офицерство и буржуазно-помещичьи верхи области». Как в те дни заявило деникинское командование, оно «не признает Горского правительства, но готово признать самостоятельное правительство Дагестана».

И власть в Дагестане «для охраны порядка и общественного спокойствия в области» берет в свои руки «Временное дагестанское правительство из трех лиц», сразу же поддержанное деникинским командованием, чьи войска уже занимали Дербент и Петровск-Порт (ныне Махачкала). С того времени Горское правительство фактически прекращает свое существование.

24 мая последовало объявление об образовании «Временного правительства Дагестана» во главе с полковником Михаэлем Халиловым, вскоре произведенным Деникиным в генерал-майоры и назначенным правителем Дагестана. Его заместителем утверждается полковник Джамалутдин Мусалаев. Важная роль при этом отводи-

лась и Арацхану Хаджи Мурату — «главноначальствующим Темир-Хан-Шуры и его окрестностей» стал «деникинский генерал Х. -М. Арацханов».

«Временное правительство Дагестана» свою основную задачу видело в «борьбе с большевиками» и главным союзником в этой борьбе считало белогвардейскую Добровольческую армию. Именно поэтому оно и издало 1 июля 1919 года приказ о том, что «все дагестанские войска входят в состав Добровольческой армии».

После распада Горского правительства полковник Нух-бек Тарковский поддержит генерала Халилова и своих боевых товарищей по 2-му Дагестанскому конному полку Кавказской конной дивизии — Арацхана Хаджи Мурата и Джамалутдина Мусалаева. Но все они с весны 1920 года будут вынуждены оставить Дагестан и окажутся в эмиграции, где и окончат свои дни.

* * *

Ротмистр Чеченского конного полка Абдул-Меджид (Тапа) Чермоев, как известно, с мая 1917 года стоял во главе Центрального комитета Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана, с местопребыванием во Владикавказе. В ноябре он стал и председателем правительства Горской Республики, провозглашение которого было вызвано, прежде всего, резко изменившейся после Октябрьской революции политической ситуацией в России и на Северном Кавказе.

Говоря о том сложном времени, близкий соратник Чермоева, уроженец Дагестана Гайдар Баммат в статье «Абдул-Меджид Чермоев» напишет: «В качестве председателя Комитета, в атмосфере взбаламученных страстей, «когда начальство ушло» и острые разногласия между терским казачеством и горцами каждый день рисковали вылиться в форму кровавых эксцессов, — Тапа, благодаря исключительному обаянию своего характера, выдержанности и такту, а также личным добрым отношением с первым выборным Терским атаманом Карауловым сумел не раз предотвратить весьма опасные столкновения...»

В марте 1918 года на II съезде народов Терека, проходившем во Владикавказе, состоялось провозглашение Советской власти с образованием Терской Советской Республики. Сложившееся положение заставило членов ЦК Союза горцев и Горского правительства спешно уйти в Грузию.

11 мая 1918 года в гостинице «Орнант» в Тифлисе ЦК Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана провозгласил Республику горцев Северного Кавказа, заключившую вскоре договоры «о мире и дружбе» с турками и немцами. Председателем правительства «выдвигается» Абдул-Меджид Чермоев.

«Под декларацией независимости Северного Кавказа, 11 мая 1918 года, красуется имя Тапы, — читаем в статье Гайдара Баммата, министра иностранных дел в его правительстве. — Этот акт в нашей истории останется неразрывно связанным с его деятельностью.

Затем Тапа принял участие в Батумской конференции, и его подпись значит под договором дружбы с Турцией, первым международным актом, подписанным от имени суверенного Северного Кавказа с иностранной державой».

В конце октября возглавляемое Чермоевым правительство переехало из Тифлиса в город Темир-Хан-Шуру. Здесь, в Дагестане, пишет Баммат, «он при помощи предоставленного, на основании договора дружбы, Оттоманским правительством отряда из старых северокавказских мухаджиров и национальных дагестанских формирований очищает от бичераховских и большевистских частей весь Дагестан и созвал в Темир-Хан-Шуре Союзный Парламент, который подтвердил полномочия Правительства и положил основание нормальной организации власти в центре и на местах».

В середине декабря 1918 года, как видно, посчитав свою миссию выполненной, Абдул-Меджид Чермоев уходит в отставку с поста премьера правительства Республики горцев Северного Кавказа, власть которого в тот период в основном распространялась лишь на территории Дагестана. В тех условиях, когда Германия признала свое поражение от стран Антанты — «держав согласия» — и Турция занялась собственными политическими проблемами, договоры «о мире и дружбе», заключенные Абдул-Меджидом Чермоевым с этими странами, более не действовали. Свою же волю в Европе да и в Закавказье диктовали теперь страны-победительницы — Англия и Франция.

Начало 1919 года принесло с собой стремительное продвижение из Прикубанья по всему Северному Кавказу Добровольческой армии генерала Деникина, в состав которой в то время входили Кабардинская конная бригада, тогда же развернутая в Кабардинскую дивизию, Черкесская конная дивизия, как и другие национальные

части, в рядах которых служили многие офицеры бывшей «Кавказской туземной конной дивизии».

Деникину активную помощь оказывали страны Антанты — Англия и Франция.

Совершенно изменившаяся в начале 1919 года политическая ситуация поставила перед правительством Республики горцев Северного Кавказа новые сложнейшие проблемы. «Победа держав согласия, приход английского экспедиционного корпуса в Баку,— пишет Гайдар Баммат,— активная помощь, оказанная Добровольческой армии генерала Деникина,— создали массу сложных вопросов, требовавших признания западными державами независимости Северо-Кавказской Республики. Была снаряжена делегация на Парижскую Конференцию. Во главе ее был поставлен Тапа.

Делегация прибыла в Париж в марте 1919 года,— час возвращения ее на Родину, увы, еще не настал...»

В мае 1919 года, в связи с выходом Добровольческой армии в Дагестан, распавшееся Горское правительство частью вновь уйдет в Грузию и на Северный Кавказ уже больше никогда вернуться не сможет. А посланная с его полномочиями в Париж делегация во главе с Чермоевым, так и не добившаяся международного признания своей республики, осталась в Западной Европе, продолжая свою деятельность. «...Она продолжается,— писал в 1937 году Баммат, бывший сам членом той делегации.— В этой работе Тапа принимал деятельное участие. Лишь в последние годы осложнившиеся личные дела и расстроенное здоровье держали его вдали от политической работы, но духовная связь с делом, которое стало делом его жизни, конечно не прерывалась...»

И в заключение рассказа об Абдул-Меджиде (Тапе) Арцуевиче Чермоеве обратимся к самому началу статьи Гайдара Баммата, опубликованной им в сентябре 1937 года в Париже в эмигрантском журнале «Кавказ»: «28 августа в Лозанне от припадка грудной жабы скончался бывший председатель первого национального правительства Республики Северного Кавказа и председатель Заграничной Делегации Абдул-Меджид (Тапа) Чермоев...

Сошла с жизненной сцены одна из наиболее колоритных фигур Кавказа. Для всесторонней оценки его политической роли еще не настало время. Но роль эта несомненно была весьма значительной, и будущий историк национального возрождения наших народов, конечно, отведет покойному почетное место в галерее борцов за свободу и независимость родной страны».

И, завершая свою статью, посвященную памяти Абдул-Меджида Чермоева, Гайдар Баммат скажет: «Родина в час освобождения вспомнит своего верного сына. Дружья и сотрудники сохранят о нем воспоминания, как о человеке исключительной обаятельности.

Да будет тебе легка земля чужбины».

* * *

Трагически оборвалась в 1918 году жизнь замечательного человека — полковника Крыма Селетовича Султан-Гирея — Султана Крым-Гирея, командира Черкесского конного полка в составе «Кавказской туземной конной дивизии», а затем и Кавказского корпуса. Он, пройдя через сражения Японской и Первой мировой войн, погибнет в родных для него местах, на Кубани, в уже разгоравшейся Гражданской войне.

По свидетельству Кубанского атамана генерала Александра Петровича Филимонова, приведенному в книге «Белое дело», вышедшей в Москве в 1993 году, «командир Черкесского полка Султан Крым-Гирей, блестящий боевой полковник, пользующийся любовью и уважением горцев», в начале марта 1918 года с тремя своими спутниками будет «арестован большевиками» на одном из хуторов под Екатеринодаром, и все четверо «по дороге в станицу Бакинскую зверски замучены. Родным погибших не удалось даже отыскать их тел для погребения».

С гибелью Султана Крым-Гирея, продолжает Филимонов, хорошо его знавший, — этого «полного здоровья и сил, редкого стрелка, спортсмена», — Кубанская армия лишилась одного из «столь необходимых ей руководителей»...

В белой армии в годы Гражданской войны служил офицер Черкесского конного полка Магомет-Гери (Магомет-Гирей) Крымшамхалов — кавалер двух самых почетных военных наград России — ордена св. Георгия 4-й степени и Георгиевского оружия, трех других орденов и двух Георгиевских крестов. В 1917 году он вернулся с фронта в чине поручика. Сражаясь же в рядах Добровольческой армии, в которой не награждали орденами, а за боевые отличия повышали в чинах, Магомет-Гери Крымшамхалов дослужился до полковника.

Профессор Кази Танаевич Лайпанов в своей публикации о роде Крымшамхаловых в газете «Карачаево-Балкарский мир» за июль 1997 года пишет, что по оконча-

нии Гражданской войны полковник «Магомет-Гирей (Гиназ) Крымшамхалов... в 1920 году эмигрировал во Францию, имел детей от жены француженки».

Белым офицером стал и Сеит-Бий Крымшамхалов, удостоенный в рядах Черкесского полка Кавказской конной дивизии Георгиевского оружия, пяти орденов и двух Георгиевских крестов. После поражения Добровольческой армии он остался в родном краю, на Северном Кавказе. В двадцатых — начале тридцатых годов жил в Кисловодске. Там был арестован сотрудниками ГПУ и, по имеющимся сведениям, расстрелян...

Кавалер Георгиевского оружия и четырех Георгиевских крестов офицер Черкесского полка Байзет Султан-Гирей тоже сражался в составе белой армии. После окончания Гражданской войны он эмигрировал в Турцию, где и жил до своей кончины...

О судьбе полного Георгиевского кавалера прапорщика Абхазской сотни Черкесского полка Василия Аслановича Маги стало известно из книги Езута Габелиа «Абхазские всадники». Уроженец села Ачандара, Гудаутского участка, он с 1918 года принимал активное участие в революционном движении в Абхазии, боролся за установление Советской власти. Затем служил в Абхазском кавалерийском полку, командуя взводом. В период коллективизации одним из первых вступил в колхоз. «В родном селе Василий Маги пользовался большим авторитетом. В 1937 году стал жертвой сталинских репрессий...»

Полковник Черкесского полка Клыч (Келеч) Султан-Гирей в 1918 году вступил в Добровольческую армию. Произведенный Деникиным в чин генерал-майора, стал командиром Черкесской конной дивизии. Вел бои с красными войсками на Северном Кавказе. После разгрома белой армии находился в эмиграции. Во время Второй мировой войны станет на сторону гитлеровской Германии, считая, что тем самым продолжает «борьбу с большевиками».

Так Клыч Султан-Гирей оказался в одном лагере с врагами нашей страны, как и генерал Петр Краснов, бывший донской атаман, в 1915 году командовавший 3-й бригадой Кавказской конной дивизии.

17 января 1947 года, по приговору Военной Коллегии Верховного Суда СССР «за контрреволюционную деятельность» в период Гражданской войны и сотрудничество с гитлеровской Германией, белогвардейские генералы Краснов, Султан-Гирей и трое других были казнены.

Еще в начале июня 1917 года командующий Кавказской конной дивизией генерал-лейтенант Багратион, в связи с назначением полковника Асланбека Байтиевича Котиева командиром Ингушского полка вместо заболевшего Мерчуле, в своем приказе укажет, что в дальнейшем «полковник Мерчуле назначается в мое распоряжение».

Осенью 1917 года, уже состоя в распоряжении командира «Кавказского туземного конного корпуса» генерала Половцева, Георгий Алексеевич Мерчуле вместе с корпусным штабом приедет во Владикавказ. В конце того же года, когда обстановка в Терской области сложилась крайне сложная — с одной стороны, из-за межнациональных столкновений казаков и ингушей, с другой — на почве политических разногласий противников и сторонников Советской власти, — и погиб бывший командир Ингушского конного полка полковник Мерчуле, мужественный офицер, один из тех, кто создал славу Кавказской конной дивизии.

По сведениям, приведенным Николаем Николаевичем Брешко-Брешковским в книге «Дикая Дивизия», Георгия Алексеевича и его младшего брата — поручика Дорисмана Мерчуле — убили казаки при их возвращении из ингушского селения Базоркино во Владикавказ. А бывший офицер Ингушского полка Анатолий Марков в своих записках «В Ингушском конном полку» укажет, что полковник Мерчуле «был убит большевиками во Владикавказе».

Сменивший Мерчуле на посту командира Ингушского конного полка полковник Асланбек Байтиевич Котиев в период Гражданской войны воевал на стороне белогвардейцев. Как стало известно, после разгрома красными войсками Добровольческой армии, он эмигрировал за границу. Но, когда в 1922—1923 годах ВЦИК РСФСР объявил об амнистии белогвардейским солдатам и офицерам, Котиев вернулся на Родину. Дальнейшая судьба этого отважного офицера неизвестна. Но скорее всего полковник Асланбек Котиев погиб, став жертвой репрессий в двадцатые годы...

Трудная судьба и жизнь, полные трагических изломов, выпали после Первой мировой войны на долю

штабс-ротмистра Ингушского конного полка Созерко Артагановича Мальсагова, яркого и мужественного человека.

В начавшейся Гражданской войне он станет в ряды белогвардейской Добровольческой армии и затем до конца марта 1920 года будет сражаться с красными. Позже, в своей книге «Адские острова», изданной в Лондоне, Созерко Мальсагов напишет: «Во время последнего отступления сил генерала Деникина я находился в рядах Кавказской армии * на Царицынском фронте. Катастрофа Добровольческой Армии вынудила всех нас искать убежище в горах. Постоянно сталкиваясь с нападающим врагом, наша кавалерийская бригада достигла реки Терек, где и была расформирована. Наиболее стойкие и надежные части ее пересекли границу Грузии, в то время еще независимого государства. В Грузии члены бригады, которые еще были пригодны к службе, соединились под руководством Клыч Султан-Гирея в кавалерийский полк.

В его обязанности входило совершать нападения на советские тылы и вносить в них сумятицу, разрушать дороги и организовывать восстания против большевиков. Рейд на Кубань, планировавшийся на лето 1920 года штабом генерала Врангеля, который находился со своей армией в Крыму, увлек Султан-Гирея послать и нас на Кубань в надежде склонить казаков к восстанию. На Кубани мы приняли участие в наступлении вторгшихся из Крыма войск, и рейд значительно превзошел первоначальные масштабы; но дерзкий план восстания не удался. Мы были опять разбросаны».

Часть их отряда ушла на судах вместе с отступившими полками белого десанта в Крым, другие же всадники и офицеры, среди которых находился и Созерко Мальсагов, сумели вырваться из окружения войск Красной Армии и вновь уйти в горы, чтобы продолжить «партизанскую войну против советской власти на Кавказе».

В апреле 1923 года, поверив в амнистию, объявленную Советом Народных Комиссаров РСФСР в честь пятой годовщины Октябрьской революции, «для всех противников Советской власти... белогвардейцев всех рангов и категорий», Мальсагов, скрывавшийся в то время на юге Грузии, в Аджарии, решил прекратить

---

* Кавказская армия (вместе с Добровольческой армией) вошла в вооруженные силы под командованием генерала Деникина.

борьбу и добровольно явился в Батумское ГПУ. Но никакой амнистии он, как и очень многие другие офицеры, не получил, а впереди у него были долгие и мучительные месяцы, когда Созерко Артагановичу пришлось вынести «моральные и физические муки, избиения, оскорбления», пройдя через тюрьмы Батуми, Тифлиса, Дагестана, Грозного и Владикавказа. «И везде было одно и то же, — скажет он затем в книге «Адские острова», — абсолютное подавление человеческой личности, пытки на ночных допросах, голод и избиения, те же беззакония и беспорядочные расстрелы».

30 ноября 1923 года Мальсагов, как «офицер белой армии и контрреволюционер», обвиненный в «шпионаже в пользу международной буржуазии», Особой комиссией НКВД приговаривается к трем годам лишения свободы с содержанием в концентрационном лагере. Так в начале 1924 года он окажется на Соловецких «адских островах» в Белом море, среди заключенных Соловецкого лагеря особого назначения, недобрая слава о котором шла по всей стране.

А на родине Созерко Артагановича, в Ингушетии, остались его жена Леби и их две малолетние дочери — Рая и Мадина. Встретиться им уже никогда больше не доведется. И только в начале шестидесятых годов Мальсагов сможет подать о себе весть своим близким...

Находясь в концлагере на Соловках, Созерко Артаганович стал свидетелем кошмаров, которые творили там охранники над заключенными. И все это время его не оставляла мысль о побеге.

В один из февральских дней 1925 года прибыл «новый этап с контрреволюционерами». Среди арестантов находился и бывший ротмистр лейб-гвардии Драгунского полка белый офицер Юрий Дмитриевич Бессонов. Мальсагов сблизился с ним. А 18 мая того же двадцать пятого года группа из пяти человек во главе с Бессоновым, среди них был и Созерко Мальсагов, совершит побег с Соловков.

В записках офицера Ингушского конного полка Анатолия Маркова сказано: «...Сосырко Мальсагов, ингуш по происхождению, при большевиках герой побега из Соловков совместно с ротмистром Бессоновым. Их страшная эпопея описана Бессоновым в книге «26 тюрем и побег с Соловков».

Преследуемые лагерной охраной из частей ГПУ, пятеро беглецов уходили от погони, держа путь в сторону Финляндии. Испытывая голод, под угрозой быть схваченными, теряя силы, Созерко Мальсагов и его товарищи

по побегу почти месяц пробирались глухими лесами и болотами на запад. И им удастся выйти в Финляндию.

Год спустя, в 1926-м, в Лондоне выйдет на английском языке книга Мальсагова «Адские острова. Советская тюрьма на Дальнем Севере», из которой Европа впервые узнала правду о Соловецком концлагере. «Тайна, которой окутаны Соловки, понятна,— писал Созерко Артаганович.— Советские газеты, утаивающие жестокую правду от русских читателей, обходят Соловки полным молчанием. Корреспондентам иностранных газет не разрешено ездить туда. Никогда не было до нас ни одного случая, когда бы узнику сопутствовала удача в побеге через границу, а европейское общественное мнение узнало бы правду о Соловках.

Провидение чудом избавило меня от этого ада. И я считаю своим священным долгом поведать миру о том, что я видел, слышал и через что прошел».

В 1928 году издает в Париже свою книгу «26 тюрем и побег с Соловков» и Юрий Дмитриевич Бессонов, который в ней подчеркнет, что «Мальсагов — это... ясно выраженная храбрость».

Книга Созерко Мальсагова «Адские острова», бывшая долгое время вне закона в нашей стране, станет известна в Ингушетии, да и российскому читателю, благодаря его внуку Шахбулату Яндиеву. Во время учебы в аспирантуре МГУ в Москве, в конце восьмидесятых, он узнал о ней. А потом и получил эту книгу в дар от знакомого японского ученого, разыскавшего ее в Лондоне.

Шахбулат Яндиев перевел на русский язык книгу своего деда, а его родственник, Магомед Сафарбекович Мальсагов, издает «Адские острова» с приложением собранных им документов и фотографий, связанных как с самим Созерко Артагановичем, так и с другими представителями известного ингушского рода Мальсаговых.

Магомед Сафарбекович, будучи весьма близким по родству к Созерко Мальсагову, издавая его книгу «Адские острова» (в частности, в Нальчике в 1996 году), предварит ее такими проникновенными словами: «Ингушетия вырастила Созерко Мальсагова настоящим мужчиной, царская Россия воспитала в нем честь, достоинство и благородство офицера».

Из Финляндии Созерко Мальсагов переедет в Польшу, где в то время находилось много российских эмигрантов, среди них и ингуши. Там в офицерском чине он начнет службу в кавалерийских частях польской армии. В сентябре 1939 года ротмистр Мальсагов, командуя эскадро-

ном, сражался с гитлеровцами, напавшими на Польшу. Был взят в плен и вывезен в офицерский лагерь в Германию. Участница движения Сопротивления в Польше лейтенант Дженнет Скибневска в декабре 1988 года свидетельствовала, что «гражданина Созырко Мальсага, сына Артагана Мальсага», родившегося «на Северном Кавказе в ауле Альтиево (около Назрани)», она знает «как участника Движения Сопротивления». И далее писала: «Во время войны, после нескольких лет плена с 1939 г., [он] бежал из лагеря в Польшу, а позже был переброшен Движением Сопротивления во Францию — работал в диверсионной группе. В Польшу более не возвращался, встречала его в Англии, там он и остался как польский ветеран, умер в 1976 г. Запомнился как порядочный человек, прекрасный офицер, верный своей семье, детям и внукам, родине».

Ветеран Ингушского конного полка Кавказской конной дивизии Созерко Артаганович Мальсагов так и не дождался того времени, когда смог бы свободно вернуться в родную Ингушетию, встретиться с женой Леби, дочерьми Раей и Мадиной, своими внуками. В ночь на 25 февраля 1976 года, будучи в США, он скончался. Друзья и соратники перевезли его тело в английский город Портленд, в котором Мальсагов жил, и там похоронили...

* * *

В эмиграции во Франции окажутся бывший командир 2-го Дагестанского конного полка полковник Гиви Иванович Амилахвари и его двоюродный брат — помощник командира Кабардинского конного полка подполковник Алексей Николаевич Амилахвари, офицеры Ингушского конного полка ротмистры Александр Николаевич Баранов и редактор журнала «Нива» Валериан Яковлевич Ивченко (Светлов), поручик 2-го Дагестанского полка граф Михаил Толстой и его родственник по матери — поручик Татарского, затем Ингушского полков Андрей Берс, офицер штаба Кавказской конной дивизии Сергей Багрецов.

После Октября 1917 года вернется во Францию полковник Ингушского конного полка французский принц Наполеон Мюрат, служивший многие годы в России.

В то время жил в Париже и писатель Николай Николаевич Врешко-Врешковский. В книге «Дикая Дивизия», говоря о времени, прошедшем с 1920 года, после окончания Гражданской войны на Юге России, он писал:

«Прошло десять лет. В чудовищном вихре метались и кружились события. Давным-давно успели отгореть и

последние огни белого освободительного движения...

В Париже очутились наши старые знакомые, связанные и прямо и косвенно с Дикой дивизией...

Жил, и широко жил, бывший адъютант Чеченского полка Тапа Чермоев... Он раздавал деньги всем, кто к нему обращался за помощью...

Адъютант Ингушского полка Баранов, Георгиевский кавалер, в нескольких войнах получивший несколько ран и контузий, служил ночным сторожем в большом доме на Елисейских Полях, где помещается контора газеты «Пти Паризьен».

Принц Наполеон Мюрат, в Карпатах отмороживший себе ноги, потерял их окончательно и передвигался в тележке. И Мюрата, и его тележку знала вся Ницца. Он жил переводом книг с русского на французский. Так угомонила судьба этого силача, наездника, бретера и доблестного боевого офицера.

Забросило в Париж еще целую фалангу офицеров славной Дикой дивизии: князя Бековича-Черкасского, двух князей Амилахвари, Алика и Гиви.

Насаждали цыганское пение на берегах Сены ротмистр Багрецов и поручик Миша Толстой, сын великого писателя земли русской.

А племянник этого писателя, Андрей Берс, служивший в Чеченском полку*, держал ночной ресторан «Кунак». Весь Монмартр знал и рослую фигуру Берса, и его лицо Чингис-Хана, и его неизменную черкеску, и рыжую папаху...

Романист-балетоман Светлов, весь седой, но крепкий и бодрый, несмотря на жестокую контузию, уже несколько лет был администратором балетной школы...»

* * *

Давно отгремели сражения, в которых участвовала «Кавказская туземная конная дивизия», прославившаяся в период Первой мировой войны. Но всадники и офицеры дивизии — представители разных национальностей, героически сражавшиеся за наше Отечество, должны остаться в Истории и нашей памяти такими, какими они были в то время, когда всех их, скрепленных фронтовым братством, объединяла служба в рядах легендарной дивизии, которая через многие десятилетия на страницах этой книги вновь возвращается к нам из забвения...

---

* Андрей Берс служил в Ингушском полку.

**ИМЕННОЙ ПЕРЕЧЕНЬ ВСАДНИКОВ, ОФИЦЕРОВ И ГЕНЕРАЛОВ
КАВКАЗСКОЙ КОННОЙ ДИВИЗИИ И КАВКАЗСКОГО КОННОГО
КОРПУСА, О КОТОРЫХ РАССКАЗЫВАЕТСЯ В КНИГЕ**

А

Абаев Асланбек Кургокович	Алчагиров Байрам
Абаев Крым Омарович	Альбици Делли
Абаев Магомет Таусултанович	Альбрехт Александр
Абдулаев Кадыр	Амагов Абдул-Монат
Абдурахманов Казихан	Амилахвари Алексей Николаевич
Абдурахманов Хажиб	Амилахвари Гиви Иванович
Хажибекирович	Амиров Амирхан
Абезыванов Измаил	Андемиров Магомет
Абелов Владимир Давидович	Андроников Ираклий
Абиев Казбек	Анзоров Хату
Абреч Махмуд	Ансоков Жамалдин
Абуков Атажук	Анчабадзе (Ачба) Дмитрий
Абуков Пшемахо	Анчабадзе (Ачба) Николай
Аваров Хачеф	Апарин Александр Михайлович
Агиров Магомет-Рауф	Аппаев Макар
Аджиев Камбулат	Арацханов Батырхан
Ажигоев Пшимаф	Арджения Нестор
Азапшев Кургоко Алиевич	Арлан Михаил
Аздиев Дауд	Арнаут Яков
Айдебулов Хажииумар	Арсемиков Муса
Айдемиров Музак	Арсеньев Алексей Алексеевич
Айсанов Крым <i>58-202-286</i>	Асакаев Юсуп
Акаев Нуретдин	Асанов Хаджи-Мурат
Акиртава Ардашин	Астемиров Докшуко
Аксоров Хату	Исламгиреевич
Актемиров Тешил	Атабиев Каракиши
Акчурин Исмаил	Атаев Абумуслим
Албогачиев Муртазали	Аушев Ибрагим
Албогачиев Соси	Аушев Идрис
Алдиев Ахмет	Аушев Муса
Алексееенко Федор	Аушев Осман Магометович
Алиев Керим	Аушев Хадис
Алиев Магомет	Аушев Хамзат
Алиев Мансур	Ахохов Кушби Гиреевич
Алискеров Хамид	Ахохов Томаша
	Ахтаев Абдул-Рашид
	Ахушков Заурбек Хаудиевич

Ациев Магомет
Ачмиз Исхак
Ашехманов

Б

Бабитов Ибрагим
Багалаев Магомет
Багратион Дмитрий Петрович
Багрецов Сергей
Баев Алексей
Баждугов Тита Кягович
Базоркин Крым-Султан
Банухоевич
Базоркин Мухтар Банухоевич
Байкулов Шухайб
Байрамуков Джатий
Байрамуков Узеир
Байрамуков Хамит
Байсултанов Аубекир
Бакзев Рашед
Бамматов Бийглыч
Бапхоев Омар
Баранов Александр Николаевич
Баранов Лукьян
Баталов Махмуд
Бебиа Слик
Беданоков Махмуд
Бек-Боров (Боров) Заурбек
Темиркоевич
Бек-Боров Исмаил Заурбекович
Бек-Боров (Боров) Султан-Бек
Заурбекович
Бек-Бузаров Магомет
Бекмурзиев Арцо
Бекмурзиев Бексултан
Беков Боч
Беков Паша
Беков Сулейман
Бекович-Черкасский Мавлет
Эдильханович
Бекович-Черкасский Магомет
Эдильханович
Бекович-Черкасский Федор Нико-
лаевич (Тембот Жанхотович)

Бергольц Петр
Беридзе Владимир
Берс Андрей Александрович
Берсанов Магомет
Берсанов Махмуд
Берсанов Мухарбий
Бертрен Гавриил Алексеевич
Бетрозов Азамат
Бетрозов Алибек
Бетрозов Иналуко
Бжегаков Алджерий
Бжегаков Давлет-Мурза
Биев Ибрагим Азаматович
Бинашаров Маша
Бицуев Ахмед Турович
Блаев Хагуцира
Блях Яхтых
Бобринский Николай
Боголов Магомет
Боджоков Али
Боджоков Битлюстан
Боджоков Туркбий
Борщиков Абдул-Муслим
Борщиков Шахид
Боттаев Шохай
Броев Бороко
Бучкиев Михаил
Бьерквист Генрих Федорович

В

Вагапов Магомет
Вагапов Таша
Вадбольский Николай Петрович
Векилов Гамидула-бек Мирза
Верига Иван
Веттер-Розенталь Генрих
Генрихович
Винов Жанхот Умарович
Волошинов Георгий
Воронцов-Дашков Илларион
Илларионович
Вырубов Николай

Г

Гавдаханов Хумид
 Гагарин Александр Васильевич
 Гаджиев Хадис
 Газалиев Абдул-Важд Имам
 Газиов Хадис
 Газимагомедов Магомет
 Гаппар Саид
 Гарданов Муса
 Гарцкиа Джото
 Гарцкиа Михаил
 Гасан-Хан Магомад
 Гатовский Владимир
   Николаевич
 Гвахария Алексей Матвеевич
 Геды Сагид
 Гелястанов Кеккез
 Гемуев Исмаил
 Генардукаев Альви
 Гергоков Суфиян
 Гетаов Оли Белимготович
 Гимбат Хаджи Магома
 Гогичашвили Илья
 Гойгов Ибрагим
 Гольдгаар Александр
   Августович
 Горбаков Таубот
 Готлохов Сулеман
 Грузинский Михаил Николаевич
 Гудиев Гуда Алиевич
 Гулиев Эльмурза Дударович
 Гуншоков Кербеч
 Гусанов Абдурахман

Д

Давудилау Исхак
 Дадиани Давид
 Дадиани Иван
 Дадаев Гусейн
 Даймасханов Умар-Хаджи
 Дарзаев Даулетмурза
 Дауров Айдамир

Дауров Дацо
 Дзамихов Ахмед
 Даутоков-Серебряков Заурбек
   Асланбекович (он же
   Серебряков Александр
   Никифорович)
 Дегешев Хаджиумар
 Демишев Масхуд
 Джабоев Ахия Кургокович
 Джамалдинов Сайпуддин
 Джанхотов Гата
 Джанчатов Тох
 Джарим Муса
 Дзагиев Эсаки
 Дзахоев Борис
 Дзугкаев
 Дива Александр
 Диков Хазеша Увжукевич
 Добриев Арсанак
 Добриев Дудар Арсанакович
 Добриев Дунда Арсанакович
 Добриев Камбулат
 Докшоков Хакаяша Кучукович
 Докшуков Сеитбий
 Долгиев Терсбот
 Долтмурзиев Султан
 Дробязгин Сергей Аркадьевич
 Дубаев Абдул-Вагап
 Дубаев Али
 Дубаев Изнауэр
 Дубаев Мада
 Дубаев Юсуп
 Дудаев Кагерман
 Дудов Леон
 Дышеков Бий

Е

Евлоев Ахмет
 Екимов Михаил
 Ефремов Дмитрий
 Егибоков Аслан-Мурза
   Биясланович

Ж

Жабоев Жунус
Жамборов Кургоко Бекирович
Журтов Кубатий

З

Завьялов Георгий
Задейк Карл
Закариев Даут
Закариев Халид
Захаров Павел
Званбая Отар
Зейналов Саяд
Зеушев Нану
Зехох Зачерий
Зоматов Магомет
Зубайраев Амал
Зуев Василий

И

Ибрагимов Мехти
Иванов Николай Алексеевич
Ивченко (Светлов) Валериан
Яковлевич
Инапшибая Баж
Инароков Али Жанхотович
Инароков Султан Жанхотович
Инароков Аслан-Гери
Иноркаев Муцур
Исак Молла Гусейн
Исламгиреев Мамад

К

Каблахов Джамальбий
Каданцев Захарий
Кадиев
Каджар Идрис
Каджар Фазула-Мирза
Кажаров Лаурсен
Каабек (Казбег) Николай
Кайгермазов Асланбий
Кайтуков Александр

Каншаов Гид
Каракетов Хизир
Каригов Магомет
Каригов Сосланбек
Карпов
Касум Исмаил
Катханов Мажд
Келеметов Измаил Хангериевич
Келер Григорий Эдуардович
Керменов Балкарук
Кетхудов Георгий
Киков Борен
Кибилов Георгий Алексеевич
Кипов Темиркан
Кобиев Михаил Андреевич
Коголкин Мисост Тасултанович
Коголкин Хатокшукко
Когониа Константин
Коджаков Аскербий
Кодзаев Константин
Кодзаев Корнелий
Кодзоев Исмаил
Кодзоков Альбаксит
Кодзоков Хажисмел Шолохович
Кодумов Ибрагим
Кожаяев Адельгери
Козырев Хакяша
Колюбакин Михаил
Копейшвили Владимир
Петрович
Коротков Ипполит
Кортюев Магомет
Кортюев Хаспот
Костюев Гусейн
Котиев Асланбек Байтиеич
Кочкаров Хаджи-Мирза
Кошев Хизыр
Краснов Петр Николаевич
Краснопольский Владимир
Критский Михаил
Крымшамхалов Бекир-Бий
Крымшамхалов Магомет-Гери
Крымшамхалов Сеит-Бий
Крымшамхалов Хаджи-Мирза
Куантов Назрун

Кубатиев Дохчико
Кудашев Туган
Кужуев Абдул-Меджид
Кулатов Хажимуса
Кулу оглы Керим
Кунаев Муса
Куриев Мартазан
Куриев Умат-Гирей
Куруа Бесса
Кухарчин Иван
Кушбоков Худ
Кушу Белезб

Л

Лакербай Иосиф (Шахан)
Хасанович
Лакербай Константин
Иосифович
Лакоба Василий
Лакоба Теймираз
Лафишев Ахмед Абубекирович
Лафишев Ибрагим
Абубекирович
Лачуев Магомед Ширвани
Леус Михаил Филаретович
Лиев Барасби
Логинов Михаил
Лоов Магомет-Гирей
Лоов Мурза-Бек Идрисович

М

Магад Закарья
Магалов Леван Лаурсабович
Маги Василий Асланович
Маги Чанта
Магиляев Ибрагим
Магома Абдулатип Исмаил
Магома Али-Нур
Магома Альбури
Магома Гайдарбек
Магома Забир Молла
Магомад Сулейман
Магомадов Эльмурза
Магомаев Абдул-Манап

Магома Курбан Узул
Магомед Меджид
Максидов Азамат
Максидов Ибрагим
Максидов Казгери
Малихов Нарт
Мальсагов Ахмед Артаганович
Мальсагов Бахауддин
Хаджукоевич
Мальсагов Инарко Инаркоевич
Мальсагов Исмаил Гаирбекович
Мальсагов Мурат Эльбузович
Мальсагов Мурзабек
Мальсагов Муса (юнкер)
Мальсагов Муса Хаджукоевич
Мальсагов Созерко Артаганович
Мальсагов Хаджибекир
Мальсагов Хамзат
Мальсагов Юнус Хутиевич
Маматиев Асмибек
Мамышев Барасби Саяхович
Манкиев Асланбек
Маргимов Шамсуддин
Маргоев Карасе
Марданов Леон
Мардов Мустафа
Маремкулов Бекмурза Салиевич
Маремов Тлостанби
Марков Анатолий Львович
Мартынов Георгий
Махатадзе Георгий
Александрович
Махотлов Мурат
Машаев Ахмет
Мезужок Амин
Мерчуле Георгий Алексеевич
Мерчуле Дорисман Алексеевич
Местоев Казбек
Местоев Муса
Местоев Хаджи-Мурат
Заурбекович
Мехтулинский Магомад-Хан
Мидов Маша
Микашивидзе Аркадий
Николаевич
Мирзаев Анди

Миронович Николай Карпович
Мисаков Кеккез Карачаевич
Мистулов Хаджи-Омар
Асланбекович
Митаев Шаид
Михаил Александрович,
великий князь
Мичаев Давли
Могожоков Муталиб
Молла Шах-Булат
Мосолов Григорий
Мударов Абдул-Муслим
Муженков
Муравьев-Амурский Михаил
Мурынкин Александр
Мусаев Дзубаир
Мусалаев Джамалутдин
Мюрат Наполеон
Мухин Дмитрий

Н

Набитов Лукман
Набоков Мишаост Джамботович
Нагадиев Мурцал Элезович
Нагоев Исмаил
Нагоев Хизир
Назаров Осман
Науржанов Пейтал
• Наурузов Науруз
Таусултанович
• Наурузов Таусултан
Магометович
Нахибашев Татжутдин
Нахушев Хамид
Неуч Исмаил
Нефедьев Андрей Савельевич
Николайчик Дмитрий
Ниментула Абдулла
Новосельцев Антон
Нучаев Осман

О

Огурли Бекир
Оздоев Ахмет Идигович

Омар 2-й Магома
Омаров
Опрышко Григорий
Алексеевич
О'Рем
Орков Исмаил
Осепянец Рубен
Осканов Батыр-Бек
Осканов Була
Османов Будун

П

Павловский Илья
Парагульгов Хадис
Паталиев Абдул-Вагап
Пацуриа Полиоктор
Перенук Махмуд
Пиля Жважба
Плиев Алисхан
Плиев Ахмат
Плиев Ахмед
Половцев Петр Александрович
Полонхоев Магомед
Полонхоев Сосланбек
Почешхов Учжук
Пошев Абдул-Азис

Р

Радзивилл Станислав
Раджаб Магома
Рольванов
Рудас Калинин
Руднев Платон
Рыжев Семен
Рябов Иван

С

Саадулаев Хату
Сабекиа Нестор
Сабекиа Шамаи
Саделиани Давид
Саламов Магомет
• Салпагаров Мусса

- Салпагаров Султан
- Салтыматов Деши
- Самбиев Ягья
- Сафронов Максим
- Светлов (он же Ивченко)
- Валериан Яковлевич
- Свиргунов
- Святополк-Мирский Александр
- Сергеевич
- Седов
- Семенов Хамит
- Сеоев Даниил
- Серебряков Александр
- Никифорович (он же
- Заурбек Даутоков-Серебряков)
- Серебряков (Даутоков) Георгий
- Никифорович
- Сидаков Жамбулат
- Смолкан Павел
- Созаев Аубекир Шаваевич
- Соколовский Вольдемар
- Константинович
- Соломко Михаил
- Соттаев Хаджимуса
- Старосельский Всеволод
- Дмитриевич
- Степанов Николай
- Султан-Гирей Байзет
- Султан-Гирей Келеч (Клыч)
- Шаханович (он же Султан
- Келеч-Гирей)
- Султан-Гирей Крым Селетович
- (он же Султан Крым-Гирей)
- Султан-Гирей Мурат
- Султанов Харун
- Сулханов Георгий
- Супруненко
- Сухин Владимир

Т

- Табухов Нашхо
- Такоев
- Тамасханов Сафар-Бек
- Тамбиев Бекмурза
- Тамбиев Исмаил Магометович

- Тепсуркаев Канта
- Тарба Гуда
- Тарковский Нух-бек
- Татаркулов Сохта
- Татаров Каирбек
- Теймир Али оглы
- Темтиров Кургоко Батокович
- Тестенуар Шарль
- Тиков Едвек
- Тищенко Гавриил
- Тлехас Ибрагим
- Тлупов Алихан
- Толстой Михаил Львович
- Топорков Сергей Михайлович
- Топуриа Михаил
- Туганов Асланбек Кубатиевич
- Тукаев Магомет-Батыр
- Тумов Люта
- Турлов Алсултан
- Тхагалегов Кайсын
- Тхазеплов Исмаил Умарович
- Тхазеплов Хабаб

У

- Узденов Мамурай
- Ульбашев Келлет
- Умалатов Гамбулат
- Урусбиев Чепеллеу Биасланович
- Устаев Батал

Ф

- Флерин Николай
- Фон-Кубе Александр
- Франц Иван Георгиевич
- Фурсенко Онуфрий

Х

- Хагба Тычар
- Хабаев Бета
- Хагондоков Константин
- Николаевич
- Хагундоков Исмаил Кайтунович

Хаджимирзаев Абдурагим
Сулейманович
Хаджи Мурат Арацхан
Хаджимуратович
Хаджи Мурат Мурат-Бек
Хаджиев Алекпер
Хаджиов Али
Хажинагоев Хабиж
Хакба Пачер
Хакунов Кубати
Хамутай Магомед
Хан Нахичеванский
Хан Нахичеванский Джамшид
Хан Эриванский Керим
Ханалов Сагид
Хапачев Зачерий
Хапцев Берд Жамбулатович
Хасая Давид
Хатхо Хаджимуса
Хаулшев Магомет
Хашимахов Хажбекир
Химшиев Михаил Георгиевич
Ходов Диго
Холухоев Абдул-Азис
Холухоев Джабраил
Хоранов Созырко Джанхотович
Хоранов Михаил Иосифович
Хоранов Петр
Хоранов Сергей
Хочуков Мирза
Хочуков Узеир
Хурзанов Темиркан
Хутинаев

Ц

Цижба Алексей Мурзаканович
Ципинов Хату
Цогоев Камбулат
Цороев Заули
Цуров Иса

Ч

Чавчавадзе Александр
Захарьевич
Чавчавадзе Захарий Арчилович
Чапанов Али
Чараев Багда
Черемушкин Анатолий
Черкасов
Черкесов Атту
Чермоев Абдул-Меджид (Тапа)
Арцуевич
Чермоев Юсуп Дасаевич
Чинчеладзе Николай
Чиркбая Михаил
Чомаев Хаджи-Мурат
Чукбар Виктор
Чуликов Махмуд
Чупалов Джирджис
Чуреев Георгий

Ш

Шабат Марсель
Шагириов Хагуро
Шамбая Кичин
Шакманов Али-Султан
Шакманов Амуш
Шаманов Атли
Шамилев Солтахан
Шаов Гиса
Шарданов Асланбек
Швайковский Стефан
Шенгелай Варлаам Андреевич
Шервашидзе Алексей
Шервашидзе Хаитбей
Шестаков Александр
Шипшев Абдул-Азис
Измаилович
Шипшев Актол Измаилович
Шогенов Алихан
Шогенов Бекмурза Муссович
Шукаев Магул-Али
Шуков Жамалдин
Шурдумов Цу
Шхалахов Рамазан Алиевич

Э

Эбгутл Махмуд

Эбзеев Азрет

Эдаев Нака

Эдаев Юнус

Эламбаев Абдул-Керим

Эльдаров Ахмат-Хан

Эльдаров Индерби

Эльдирханов Абубакар

Эльмурзаев Чингис-Хан

Эмухвари Николай

Этлешев Ахмет

Эфендиев Аслан-Али

Абдурахманович

Ю

Юзефович Яков Давидович

Я

Якимиди Ираклий

Ассалому алайкум 58-208-286 с.р.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	3
Рождение дивизии	5
В Карпатах	57
На Днестре и Пруте	112
С осени 1915 года...	188
В Брусиловском прорыве и на Румынском фронте	248
Тревожный семнадцатый год	304
Через военные и политические бури	346
Их ждало впереди...	420
Именной перечень	454

Опрышко О. Л.

О **Кавказская конная дивизия. 1914—1917: Возвращение из забвения...— Нальчик: Эльбрус, 1999.— 464 с.**

ISBN 5-7680-1441-1

В книге рассказывается о Кавказской конной дивизии, действовавшей на фронтах Первой мировой войны. В состав этого прославленного в боях воинского соединения входили представители многих народов Северного Кавказа и Закавказья.

О **4702010204-037**
М125(03)-99 56-99

Художественно-публицистическое издание

Опрышко Олег Леонидович

**КАВКАЗСКАЯ КОННАЯ ДИВИЗИЯ
1914—1917
ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ ЗАБВЕНИЯ...**

Редактор *А. М. Башиев*
Художник *Ю. Н. Попов*
Художественный редактор *В. Л. Захохов*
Технический редактор *Л. И. Прокопенко*
Корректоры: *Л. И. Ким, Е. Е. Терушкина*

ЛКБ № 6 от 01.10.96

Сдано в набор 21.06.99. Подписано к печати 03.11.99
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага офсетная № 1
Гарнитура школьная. Печать высокая
Усл. п. л. 24,36. Уч.-изд. л. 26,67
Тираж 1000 экз. Заказ № 251

Издательство «Эльбрус»
Нальчик, ул. Адмирала Головки, 6

Полиграфкомбинат им. Революции 1905 года
Мининформпечати КБР
Нальчик, пр. Ленина, 33